

user
Олег Мороз

Олег Мороз

**ЕЛЬЦИН ПРОТИВ ГОРБАЧЕВА,
ГОРБАЧЕВ ПРОТИВ ЕЛЬЦИНА**

ОЛЕГ МОРОЗ

**ЕЛЬЦИН
ПРОТИВ
ГОРБАЧЁВА**

•

**ГОРБАЧЁВ
ПРОТИВ
ЕЛЬЦИНА**

**Москва
2013**

Горбачев и Ельцин – два самых выдающихся российских политика конца XX века. Два человека, сыгравших ключевую роль в Великой антикоммунистической (по-другому можно сказать – либерально-демократической) революции, произошедшей в России в конце восьмидесятых – девяностые годы прошлого столетия. Без этих двоих никакой революции, скорее всего, не было бы. Либо она была бы, но, наверное, – в другие сроки и прошла бы как-то по-другому.

В этой книге хронологически достаточно подробно и, по возможности, точно прослежено, как развивались отношения между этими двумя выдающимися политиками, государственными деятелями и как они отражались на судьбе страны. Те или иные повороты в этих отношениях обычно совпадали с наиболее важными политическими событиями, происходившими в СССР в конце восьмидесятых – начале девяностых годов.

В повествовании использованы некоторые фрагменты более ранней работы автора – «Так кто же развалил Союз?» (М.2011).

Дизайн обложки – Елизавета Ильина-Адаева

Описывай НЕ МУДРСТВУЯ ЛУКАВО все то, чему свидетель в жизни будешь.
Пушкин

Моя история состоит ИЗ ФАКТОВ, которые простыми словами разрушить невозможно.
Наполеон

ИЗ ПРОВИНЦИИ – В СТОЛИЦУ

Двое непримиримых великих

Горбачев и Ельцин – два самых выдающихся российских политика конца XX века. Два человека, сыгравших ключевую роль в Великой антикоммунистической (по-другому можно сказать – либерально-демократической) революции, произошедшей в России в конце восьмидесятых – девяностые годы прошлого столетия. Без этих двоих никакой революции, скорее всего, не было бы. Либо она была бы, но, наверное, – в другие сроки и прошла бы как-то по-другому.

Парадокс, однако, заключается, в том, что, делая, по сути, одно великое дело, эти двое постоянно находились в жестком противоборстве друг с другом. Это противоборство,

конечно, отнимало и у того, и у другого много сил, но в то же время, возможно, заряжало и того, и другого дополнительной энергией. Так ведь бывает в любой борьбе – военной, спортивной... Политической. Страстное желание одолеть противника нередко включает какие-то прежде неизвестные самому человеку источники силы.

В случае Горбачева и Ельцина временами казалось, что борьба между ними ведется – на уничтожение, но в итоге выяснилось, что она вела к созиданию. Да, уничтожен был старый, гнилой, нежизнеспособный коммунистический режим, но открылась дорога к построению спасительного для России демократического уклада, опирающегося на рыночную экономику.

То, что этот уклад в окончательном виде так до сих пор и не создан, что в 2000-м начался откат, путинский термидор, не отрицает значения Великой горбачевско-ельцинской революции. Так бывает в истории. Великая французская революция не перестает быть великой из-за того, что после нее произошла реставрация, на какое-то время возродилась монархия.

Нельзя, конечно, определенно сказать, как было бы лучше – если бы Михаил Сергеевич и Борис Николаевич не враждовали, не соперничали, а все время поддерживали друг друга, действовали в одном направлении, рука об руку. В какие-то моменты, может, было бы и лучше. В другие – вряд ли. Но – как случилось, так случилось. Ничего тут уже не изменить. Можно только оглянуться назад, присмотреться внимательней, как в реальности было дело, восстановить для истории то, что можно восстановить, что не кануло безвозвратно в Лету.

«Когда я заходил в его кабинет, мы тепло обнимались»

Горбачев и Ельцин не всегда относились друг к другу враждебно. Два коммунистических босса, два партийных секретаря: один – Ставропольского крайкома, другой – Свердловского обкома, – чего бы им враждовать? Один, Горбачев, раньше двинулся в гору – секретарь ЦК, член Политбюро и, наконец, генсек. Другой, Ельцин, припозднился, и был вытаснен в Москву ушедшим вперед Горбачевым, который, став во главе партии (и, соответственно государства), задумав перестройку, принялся перетряхивать партийно-государственную верхушку, набирать собственную команду. Попал в нее и Ельцин. Попал, – с подачи второго человека в партии, секретаря ЦК Егора Лигачева. Так что этим двоим Ельцин и был обязан своим резким карьерным подъёмом, и, соответственно, вроде бы должен был испытывать к обоим безмерную и неизбывную благодарность.

Но не таков был Ельцин. В какой-то момент он взбунтовался...

Но об этом чуть позже.

Познакомились Горбачев и Ельцин друг с другом еще в ту пору, когда работали первыми секретарями: как уже сказано, Горбачев – Ставропольского крайкома, Ельцин – Свердловского обкома КПСС. Познакомились сначала по телефону, перезванивались. Причин для какого-то противостояния не было. Наоборот, как вспоминает Ельцин, старались помогать друг другу: с Урала на Ставрополье шли металл, лес, со Ставрополя на Урал – продукты питания.

Потом Горбачев уехал в Москву, стал секретарем ЦК по сельскому хозяйству.

Ельцин (в книге «Исповедь на заданную тему»):

«Когда его избрали секретарем Центрального Комитета партии, я подошел и от души пожал [ему] руку, поздравил. Не один раз затем был у него, потому что сельское хозяйство в Свердловской области, в зоне неустойчивого земледелия, шло непросто.

Когда я заходил в его кабинет, мы тепло обнимались. Хорошие были отношения. И мне кажется, он был другим, как только приехал работать в ЦК, – более открытым, искренним, откровенным. Ему очень хотелось поправить дела в сельском хозяйстве, он много работал и держал связь с республиками, областями».

Начало охлаждения

Вскоре, однако, произошел случай, который, как считает Ельцин, возможно, стал началом «некоторого похолодания» его отношений с Горбачевым. В Свердловск приехала очередная комиссия из ЦК – проверять положение дел на селе. Отметили и плюсы, и минусы. Однако, как считает Ельцин, в подготовленной справке были допущены и «явные искажения». Секретариат ЦК, в отсутствие Ельцина (что его особенно возмутило), принял соответствующее постановление. В нарушение всякой «партийной дисциплины» Ельцин оспорил некоторые утверждения, содержащиеся там.

В ЦК было доложено:

«Товарищ Ельцин необъективно оценил недостатки в области, не согласился с некоторыми выводами комиссии и после постановления Секретариата ЦК КПСС (какой ужас! – **О.М.**) высказался против отдельных его положений, тем самым нарушив дисциплину...»

Иными словами, дело не в том, прав Ельцин или неправ, а в том, как это он вообще осмелился возражать «товарищам из ЦК» вместо того, чтобы встать по стойке «смирно» и покорно принять к сведению сделанные замечания.

Пришлось ехать в Москву. Побывал он, естественно, и у Горбачева как главного по сельскому хозяйству. Ельцин дает весьма любопытное описание этой их встречи:

«Он встретил, как будто бы ничего и не произошло, мы поговорили, и уже когда я уходил, он мне говорит: «Познакомился с запиской?» – с каким-то внутренним чувством неодобрения моих действий. Я говорю: «Да, познакомился». И Горбачев сказал сухо, твердо: «Надо делать выводы!» Я говорю: «Из постановления надо делать выводы, и они делаются, а из тех необъективных фактов, изложенных в записке, мне выводы делать нечего». – «Нет, все-таки ты посмотри»...»

Великолепно разыгранная сцена, не правда ли? Я имею в виду – Горбачевым разыгранная. Он не желает вникать в детали, с чем там Ельцин не согласен в выводах комиссии, но напоминает ему: эти выводы – закон, и он, Ельцин, следуя все той же «партийной дисциплине», обязан устранить отмеченные недостатки, тут не может быть никаких разговоров: «Нет, все-таки ты посмотри»...»

Ельцин, кстати, отмечает, что Горбачев со всеми на «ты», абсолютно со всеми:

«Я не встречал человека, к которому он бы обратился на «вы». Старше его в составе Политбюро – и Громыко, и Щербицкий, и Воротников, – он всех на «ты». Или это недостаток культуры, или привычка, трудно сказать, но, когда он тыкал, сразу возникал какой-то дискомфорт, внутренне я сопротивлялся такому обращению, хотя не говорил ему об этом».

Забавно, что в бескультурье Горбачев как раз всегда обвинял Ельцина.

Впрочем, я не уверен, что горбачевское «ты» – это проявление бескультурья, невоспитанности. Такое обращение было распространено в партийных кругах. Оно как бы означало особую доверительность в отношениях между «товарищами по борьбе». Вот с другими, вне нашего тесного круга, мы – «на вы», а в своем тесном кругу – «на ты»: ты, Иван Иванович, ты, Петр Петрович...

Правда, по инерции, по привычке Горбачев нередко употреблял «ты» и по отношению к «посторонним», но опять-таки, если и не в знак партийной близости, то – без всякого пренебрежения, напротив – с самыми добрыми чувствами. Привык их так выражать.

Что касается «истории с запиской», упрямство и непочитание «партийной дисциплины», проявленное здесь Ельциным, уже тогда должны были бы насторожить Горбачева, заставить его призадуматься в тот момент, когда Ельцина решили пригласить на работу в ЦК. Тем паче, что против Ельцина было и кое-что другое. Решительно возражал,

например, против перевода Ельцина в Москву член Политбюро Николай Рыжков...

Ельцин едет в Москву

Как бы то ни было, 3 апреля 1985 года, менее чем через месяц после того, как Горбачев стал генсеком, Ельцина пригласили на работу в столицу – заведующим отделом строительства ЦК. Приглашение передал секретарь ЦК, кандидат в члены Политбюро Владимир Долгих (тот самый, который сравнительно недавно, уже в наше время, всплыл как глава какой-то ветеранской организации, возмущившейся тем, что в Москве на Ленинградском проспекте напротив гостиницы «Советская» появилась шашлычная с вызывающим названием «Антисоветская»).

Поначалу Ельцин отказался. Геннадий Бурбулис (в разговоре со мной в ноябре 2010 года):

– Борис Николаевич не рвался в Москву. Он очень хорошо понимал законы, по которым работает Система, осознавал, что здесь (в Свердловске. – **О.М.**) он хозяин, имеющий свободу для проявления любой инициативы, а там он будет этого лишен, по крайней мере, ограничен в этом.

Да и сама предлагаемая ему должность не очень-то устраивала Ельцина – всего-навсего завотделом. Как-никак, Свердловская область – не из последних в стране, занимает третье место по уровню производства. Его предшественник на посту первого секретаря свердловского обкома Рябов сразу получил должность секретаря ЦК. Секретарями становились и другие руководители обкомов, переезжавшие в столицу, такая уж сложилась традиция.

Однако от таких предложений, опять-таки следуя партийной дисциплине, не принято было отказываться. Ельцин прекрасно это знал, ему было ясно: ехать все же придется. И если выражал нежелание менять Свердловск на Москву, то скорее из тактических соображений, видимо, намекая, что не очень доволен предложенной должностью, да и вообще, показывая, что не очень ему все это и надо.

На Ельцина надавили, надавил тот самый Егор Лигачев, член Политбюро, секретарь ЦК, как уже сказано, – второй человек в высшем партийном руководстве. Напомнил об этой самой партийной дисциплине: дескать, так решило Политбюро, какие тут могут быть разговоры. Возможно, намекнул свердловскому секретарю обкома, что на посту завотделом он долго не задержится. По словам его дочери Татьяны Юмашевой, Борис Николаевич действительно знал, что через несколько месяцев его сделают секретарем ЦК.

Так или иначе, в столицу он поехал.

Генсек не встретился с новым завотделом

Забавно, что именно Лигачев был инициатором перевода Ельцина в Москву. Тот самый Лигачев, с которым в дальнейшем они станут лютыми врагами.

Что стояло за этой инициативой? Бурбулис:

– Думаю, Лигачев отстаивал перевод Ельцина в Москву, поскольку видел его масштаб, видел его энергию. И он это ценил. Это во-первых. Во-вторых, Ельцин был человеком из той самой провинции, из которой происходил и сам Лигачев, которая была ему близка (до ЦК Лигачев работал первым секретарем Томского обкома. – **О.М.**) В общем-то, это была разумная стратегия – со стороны провинции вести наступление на заскорузлую Систему, сосредоточенную в Центре. (Все верно, кроме, пожалуй, утверждения, будто Лигачев был таким уж лютым ненавистником «заскорузлой» системы; дело, наверное, в другом: будучи

выходцем из провинции, Лигачев просто желал увеличить и укрепить ряды «провинциалов» в ЦК; обычные бюрократические игры. – **О.М.**)

Я ссылаюсь на воспоминания бывшего члена Политбюро Вадима Медведева, который пишет: Лигачев рассчитывал, что Ельцин станет его человеком, «человеком Лигачева».

– Ну, естественно, рассчитывал, – соглашается Бурбулис.

Каково же, надо полагать, было разочарование Егора Кузьмича, когда Ельцин, тот самый Ельцин, которого он, Лигачев, вытащил из уральской глубинки, пошел на него войной! Этакая черная неблагодарность! Этакое предательство!

Спрашиваю Бурбулиса: а как Горбачев отнесся к предложению Лигачева перевести Ельцина в Москву? В принципе понятно: согласился с ним, без него бы это дело не сделалось. Но все же, если точнее, – с охотой согласился или с неохотой, сразу или после немалых колебаний?

– Ну, вообще-то я специально это не выяснял, – признается Бурбулис, – но, как я понимаю, Горбачев не был большим сторонником приезда Ельцина в Москву.

Это подтверждают и воспоминания самого Ельцина («Исповедь на заданную тему»):

«[Во время работы заведомом строительства] приходилось общаться и с Генеральным – но только по телефону. Честно признаюсь, меня удивило, что он не захотел со мной встретиться, поговорить. Во-первых, все же у нас были нормальные отношения, а во-вторых, Горбачев отлично понимал, что он, как и я, тоже перешел в ЦК с должности секретаря крайкома. Причем края, который по экономическому потенциалу значительно ниже, чем Свердловская область, но он пришел секретарем ЦК. Я думаю, Горбачев знал, конечно, что у меня на душе, но мы оба вида не подавали».

В общем, зафиксируем тут одно: Горбачев не был ни инициатором, ни горячим сторонником приглашения Ельцина. Да согласился, но, по-видимому, без большой охоты. Возможно, догадывался, что с Ельциным у него будут проблемы.

Соответственно, некоторое напряжение между Горбачевым и Ельциным, хотя и скрываемое до поры, до времени, по-видимому, возникло уже с самых первых дней работы Бориса Николаевича на Старой площади.

Что касается ельцинского нежелания поменять Свердловск на Москву, тут возникает еще одно соображение. Учитывая это нежелание, логично предположить, что в тот момент у него еще и в помине не было мыслей о том, что ему предстоит великая историческая миссия, и в помине не было никаких таких грандиозных планов. Иначе он, не колеблясь, согласился бы на предложенный ему переезд. (Кстати, по его признанию, он и до этого не раз отказывался от предлагавшихся ему московских должностей, в том числе от должности министра).

Спрашиваю Татьяну Юмашеву, были ли у Бориса Николаевича какие-то «наполеоновские» планы, когда он отправлялся в столицу. Ответ – отрицательный:

– То, что папа, переехав в Москву, был полон энергии, готов был работать сутками, как он это привык делать в Свердловске, я это видела. Можно ли назвать это «наполеоновскими планами», – точно нет. Жажда работать, переделывать что-то, что ему не нравилось, – это да.

По-видимому, «масштабные» мысли и планы стали возникать в его голове позднее.

Как и ожидалось, Ельцин ненадолго задержался на второстепенном посту заведомом строительства. Уже в июне 1985 года на пленуме его избрали секретарем ЦК по вопросам строительства.

Первая стычка с Горбачевым

Во время его пребывания в этой должности произошла, кажется, его первая серьезная стычка с Горбачевым. Случилась она после поездки Ельцина в Узбекистан (он тогда много

ездил по стране).

По его словам, он приехал в Ташкент на несколько дней на Пленум ЦК партии Узбекистана. Его поселили в гостиницу. В городе многим стало известно о его приезде, и потому очень скоро вокруг гостиницы собрались люди, требовавшие, чтобы их пустили к высокому московскому гостю для разговора. Их, конечно же, стали прогонять, но Ельцин, – что было совершенно неожиданно для партийной бюрократии, – заявил: в течение двух дней он будет принимать всех, кто к нему просится, велел своему охраннику проследить, чтобы пускали действительно всех.

Первым к нему пришел сотрудник местного КГБ, рассказал о «страшном взяточничестве», которое по-прежнему процветает в республике. После снятия первого секретаря ЦК республиканской компартии Рашидова, по сути, ничего не изменилось, сменивший Рашидова Усманходжаев берет взятки с тем же успехом, что и его предшественник. Посетитель принес несколько «серьезных документов», подтверждающих его слова, и попросил помощи. Только Москва может что-то сделать, говорил он, здесь, на месте, любые попытки добиться правды наталкиваются на сопротивление коррумпированного аппарата.

Ельцин пообещал внимательно ознакомиться с документами и, если они действительно окажутся серьезными, доложить о них «на самом верху».

Тут надо хотя бы кратко пояснить, кем был Рашидов, предшественник Усманходжаева на посту первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана. Это был один из самых могущественных среднеазиатских коммунистических правителей-феодалов. Любимец Брежнева. Царь и бог в своей республике. Естественно, один из главных тамошних беспредельщиков-коррупционеров. После того, как Брежнев сменил Андропов, провозгласивший борьбу с коррупцией (как он это понимал), Рашидов впал в немилость у московских правителей, оказался в центре так называемого «хлопкового дела» и в октябре 1983 года, когда стало ясно, что ему грозит «небо в клеточку», подозрительно скоропостижно скончался (говорили, что покончил с собой). «Хлопковое дело», в ходе которого вскрылись не только аферы и приписки с хлопком, но и вообще тотальное разворовывание республики, в основном развернулось уже после его кончины, при том самом Усманходжаеве.

Вернемся, однако, к Ельцину. За первым посетителем, пришедшим к московскому гостю, был второй, третий, четвертый... Два дня Ельцин выслушивал похожие друг на друга истории о взяточничестве в высшем партийном эшелоне республики...

Вообще-то, как уже сказано, сам по себе тот факт, что высокопоставленный московский руководитель, прибывший в одну из республик, принимает поток «жалобщиков», внимательно выслушивает их, обещает разобраться, был достаточно необычен. Обычно местные начальники тщательно следили за тем, чтобы никто не «беспокоил» гостя. Да и сам гость не горел желанием вникать во всякого рода безобразия, которые творили местные партийные бонзы. Но Ельцин вник...

«Сейчас об этих «делах» достаточно хорошо известно, – пишет он, – ну а тогда картина, которая открылась, произвела на меня шокирующее впечатление. Я решил по приезде в Москву рассказать обо всем Горбачеву».

Какова же была реакция генсека? Она оказалась неожиданной:

«...Горбачев рассердился, сказал, что я совершенно ни в чем не разобрался, Усманходжаев – честный коммунист, просто он вынужден бороться с рашидовщиной, и старая мафия компрометирует его ложными доносами и оговорами. Я говорю: Михаил Сергеевич, я только что оттуда, Усманходжаев прекрасно вписался в рашидовскую систему и отлично наживается с помощью даже и не им созданной структуры. Горбачев ответил, что я введен в заблуждение и, вообще, за Усманходжаева ручается Егор Кузьмич Лигачев. Мне на это ответить было нечего, ручательство второго человека в партии, а тогда это было именно так, дело серьезное...»

В дальнейшем «честный коммунист» Усманходжаев был с треском смещен со своего поста и привлечен к уголовной ответственности опять-таки за коррупционные дела, получил

двенадцать лет.

Впрочем, отсидел недолго...

«Что касается ручательства Лигачева, – завершает этот свой рассказ Ельцин, – то сейчас многое становится явным».

По-видимому, Борис Николаевич имел в виду довольно мутную историю, связанную с избранием Усманходжаева на пост, освободившийся после кончины Рашидова. Будучи арестованным, Усманходжаев рассказал, что в момент, предшествующий его избранию и позже, он дважды давал в «дипломате» Егору Кузьмичу крупные суммы, – надо полагать, за благорасположение к нему. Правда, потом отказался от этих показаний, – он, мол, оговорил Лигачева под нажимом следователей.

Но отказывайся – не отказывайся, какой-то след в таких делах остается. Сам по себе факт, что Лигачев «ручался» за таких людей, как Усманходжаев, кое о чем говорит...

Мы сейчас стонем от коррупции, поразившей Россию, но, как видим, эта зараза была широко распространена и при коммунистах. Если сравнивать мздоимство в абсолютных цифрах, тогда, при «социализме», размеры взяток были, конечно, поменьше, формы проявления коррупции не отличались таким разнообразием, как сейчас (у чиновников не было вилл на Лазурном берегу, собственных самолетов, яхт и т.д.), но это объяснялось вовсе не тем, что тогда чиновники были честнее, порядочнее, – просто денег в обороте сейчас гораздо больше, больше и свободы для передвижения людей, вложения капиталов (эта свобода, разумеется, завоевывалась не ради благополучия прохвостов-чинодралов, но чиновдралы, благодаря своему положению, своей власти, своим связям воспользовались ею гораздо ловчее, чем остальные прочие).

Обращает на себя внимание и реакция генсека на сообщение одного из высокопоставленных сотрудников ЦК. Он, генсек, только что с большим трудом отстранил от работы одного из проворовавшихся местных партийных князей (Рашидова), но не желает слушать, что новый князь, оказывается, такой же вор, как и прежний, что шило всего лишь заменили на мыло. Коррупция, конечно, есть повсюду, но в прогнившем авторитарном государстве она правит бал. Признавать это, будучи главой государства, даже и затевая великую его перестройку, ох как не хочется!

Горбачев, начинающий большие перемены в стране, лишь наполовину устремлен своими мыслями в будущее. Другая его половина – в том старом, замшелом номенклатурном мироустройстве.

ЕЛЬЦИН – ГЛАВА МОСКВЫ

Задача – убрать Гришина

Менее чем за год, с апреля по декабрь 1985 года, Ельцин сменил три высоких партийных поста. 22 декабря Политбюро решило выдвинуть его на должность первого секретаря Московского горкома партии. Надо было сместить Гришина, который никаким боком не вписывался в начатую Горбачевым перестройку. К тому же это был конкурент Горбачева в тот момент, когда после смерти Черненко решался вопрос о лидере партии. Если бы так случилось, что именно он сделался бы генсеком КПСС, ни о какой перестройке, ни о какой демократизации, разумеется, не было бы и речи. Скорее всего, страну ожидал бы еще более смрадный застой, чем тот, который был при Брежнев.

Ельцин опять упирался, ссылаясь на то, что полезнее использовать его как профессионала в делах строительства, что он только что начал разворачиваться в этой сфере, и отрывать его от работы в самом начале неразумно... Но его опять сломали все теми же ссылками на партийную дисциплину: Политбюро вот так решило.

Естественно, главным «решателем» выступал Горбачев. Это не было свидетельством, что генсек, вопреки прежним колебаниям относительно Ельцина, теперь проникся к нему большой симпатией. Скорее, выдвижение «строительного» секретаря на один из самых значительных партийных постов – на пост руководителя столичной парторганизации – диктовалось трезвой оценкой его деловых, а главное «бойцовских» качеств: надо полагать, по мнению Горбачева, они соответствовали стоявшей тогда «кадровой» задаче, касающейся Москвы.

«Потом я нередко размышлял над тем, – пишет Ельцин, – почему Горбачев пришел к моей кандидатуре. Он, видимо, учел и мой почти десятилетний опыт руководства одной из крупнейших партийных организаций страны, и плюс производственный стаж... К тому же знал мой характер, был уверен, что я смогу разгрести старые нагромождения, бороться с мафией, имея определенный характер и мужество, смогу капитально поменять кадры, – все это было предугадано. В тот момент действительно я оказался наиболее, ну, что ли, удачной кандидатурой для тех целей, которые он ставил... Я отлично понимал, что меня используют, чтобы свалить команду Гришина».

Будет ли Горбачев в дальнейшем раскаиваться, что выбрал именно Ельцина в качестве антигришинского тарана? Наверное, будет: работа в Москве стала для Ельцина трамплином в его политической карьере, причем трамплином для прыжка в совершенно нежелательном для Горбачева направлении. Геннадий Бурбулис: – Борис Николаевич получил город, получил карт-бланш, и все думали, что вот он там проведет чистку, а по ее результатам мы и посмотрим, что делать дальше. Но, оказалось, что, расчищая Москву, он сделал большой подкоп под фундамент всей системы.

В общем, в какой-то момент Горбачев действительно спохватится, действительно, наверное, пожалеет, что сделал Ельцина московским градоначальником, однако до этого еще далеко. Пока что он уверен, что в лице Ельцина сделал достаточно точный, «функционально» точный выбор, хотя особо восторженных «человеческих» чувств, по-видимому, уже и тогда в связи с этим выбором не испытывает.

Спустя два дня, 24 декабря 1985 года пленум Московского горкома послушно освободил Гришина с его поста (как водится, – «по собственному желанию, в связи с уходом на

пенсию»). Горбачев предложил на освободившийся пост кандидатуру Ельцина, что ни у кого не вызвало «ни удивления, ни вопросов».

Формально избрание Ельцина состоялось в феврале 1986-го на отчетно-выборной партконференции столицы. Ельцин здесь выступил с двухчасовым программным докладом, в котором наметил пути выхода столицы из кризисной ситуации.

(Разумеется, просто смещением Гришина задача не ограничивалась. Надо было приводить в порядок запущенное городское хозяйство).

Как пишет Ельцин, после доклада Горбачев сказал ему: «Подул сильный свежий ветер». Но сказал это «без ободряющей улыбки, с бесстрастным выражением лица».

Москва оживает

Наследство Ельцину от его предшественника досталось, мало сказать, неважное. Как вспоминает Борис Николаевич, было запущено абсолютно все – кадры, социальная сфера... Поскольку со всей страны в столицу по лимиту привлекались рабочие, оказалось, что в 1986 году население Москвы превысило запланированное число на миллион сто тысяч. А если к этому прибавить приезжих, – летом их число составляло три, а зимой два миллиона человек, – на них ведь тоже не была рассчитана социальная сфера города, то обычным делом были повсеместные очереди, грязь, переполненное метро и наземный транспорт...

Ясно было; требуются немыслимые усилия, чтобы вытащить столицу из этой ямы. И усилий одного человека, хоть и наделенного высокими полномочиями, тут явно недостаточно. По словам Ельцина, первое время секретари ЦК, члены Политбюро старались ему помогать, тем более что и сам Горбачев постоянно, особенно в первый год, их настраивал на это. Именно тогда у Ельцина возникла идея организовать повсюду в Москве ярмарки, причем не «разовые», а постоянно действующие. В каждом районе на пустующих площадках были построены избушки, лотки. С городами и республиками заключили прямые договоры на поставку овощей и фруктов. Ельцин: «С тех пор ярмарки живут, москвичи к ним привыкли, по-моему, считают их своим родным детищем и без них сегодня жизни города уже не представляют».

Ельцин написал это весной 1990 года. Придуманные им ярмарки действительно существовали довольно долго, помогая жить людям не очень имущим. Но сейчас, по-моему, от них нигде следа уже не осталось. Во всяком случае, в Сокольниках, где я живу, возникшая рядом с метро ельцинская ярмарка давно снесена. А на ее месте возник нелепый небоскреб с какой-то шляпой набекрень вместо крыши. «Элитное» жилье.

Бывший столичный мэр Лужков энергично разорял мелкую уличную торговлю, освобождая место для «точечной застройки» такими вот «элитными» уродливыми громадинами. А ведь эта торговля позволяла бедным людям сводить концы с концами, предоставляла рабочие места для тысяч «челноков». По-хорошему, надо было бы сначала обеспечить нормальную жизнь продавцам и покупателям, роившимся на этих ярмарках и поблизости от них, а после уж все это поджимать и ликвидировать. Но нет, у нас всегда все не как у людей, всегда все наоборот.

Помимо прочего, мелкие лотки и палатки благодаря низким ценам составляли конкуренцию супер- и гипермаркетам, бутикам, принадлежавшим лужковской жене и лужковским друзьям. С конкурентами же у нас, как известно, не церемонятся.

А преемник Лужкова Собянин так тот вообще начал свою деятельность с массового сноса торговых палаток и павильонов: неэстетично, дескать, да и движению автомобильному мешают. Можно еще понять, что движению мешали торговые палатки, стоявшие рядом с оживленными улицами: машины возле них останавливаются, создают заторы, – но услужливые ж...лизы-чиновники принялись сносить и торговые ларьки, стоящие в глубине дворов. Чего изволите-с? Мигом все исполним!

Но это все уже было после Ельцина.

«Мы никогда не будем так жить»

Работая в Москве, да еще и до того, в Свердловске, стараясь как-то улучшить жизнь

людей, Ельцин, среди прочего, держал в голове стандарты западных стран, то, что он видел, бывая за границей. Увы, достичь или хотя бы приблизиться к этим стандартам не получалось...

В мае 1986 года, ещё будучи кандидатом в члены Политбюро, он побывал на съезде немецких коммунистов, по их приглашению. По окончании съезда его повезли на экскурсию на какое-то предприятие в Руре. Показали цеха, потом – зал отдыха для рабочих.

«Я был буквально потрясён, – пишет Ельцин. – Сколько я бился в Свердловске, чтобы создать рабочим приличные условия. Чтобы построили сауну, чтобы в комнатах отдыха стояли нормальные кресла, чтобы можно было в перерыве попить чаю, послушать музыку. Но здесь... Меня пронзила простая мысль: мы никогда не будем так жить. Это не просто богатство. Это – привычка все делать с умом. Привычка, которая присуща именно немцам – нашим, так сказать, антиподам в смысле скрупулёзности, внимательности к мелочам, к быту, к практической стороне жизни».

Дело, конечно, не в одном только российском менталитете, российской расхлябанности, трагической неспособности устроить свою жизнь. В Москве Ельцин, естественно, столкнулся с той самой крепко спаянной мафией, действующей во всех сферах и выходящей своими корнями на партийную и советскую номенклатуру. Ельцин:

«Фактов все больше... Один за одним случаи на мясокомбинате – «забой» уже умерших животных, взятки, воровство. А покрывает первый секретарь райкома...»

О некоторых возмутительных случаях Ельцин подробно рассказывает в своей книге «Исповедь на заданную тему».

До него дошла информация, что в некий магазин завезли телятину (тогда в открытую продажу ее «выбрасывали» в редчайших случаях). Поехал, встал в очередь, как обычный покупатель: тогда, в первые месяцы его работы московским «градоначальником», в лицо его еще не знали. Подходит очередь: «Мне килограмм телятины». Продавец, не моргнув глазом: «Говядина есть, телятины – нет». – «Неправда, пригласите директора». Поднимается шум. Настырный покупатель настаивает, чтобы его провели по подсобным помещениям. Обнаруживает эту самую телятину в отдельной комнате, ее уже куда-то выгружают через окно... Настоял, чтобы руководство сняли.

В одной из заводских столовых поинтересовался: «Почему нет морковки?» – «Не завезли». Опять проверяет вместе с заводским начальством. Грузчики рассказывают: морковь привезли и куда-то в этот же день увезли. Никаких документов нет. Все шито-крыто.

Ну ладно телятина, но неужели морковь город трудно снабдить? Нет, все тогда было в дефиците. А вот «особо ценные кадры» никогда никакого дефицита не испытывали. Теперь они и их наследники уверяют, что в СССР всегда всего было в достатке

Но Ельцин пока на этот тотальный дефицит во всей стране внимания как бы не обращает, ставит перед собой более скромную задачу – устранить несправедливость, мафиозность в московской торговле.

Еще один случай. Продовольственный магазин. В кабинете директора несколько свертков с деликатесами. Вопрос к хозяину кабинета: «Кому?» – «По заказам». – «Может заказать каждый?» – Молчание. В конце концов, директор вынужден признаться, что заказы распределяются «по иерархии» – райисполкому, МИДу, райкому партии, городским ведомствам... Причем все заказы разные – по весу, по ассортименту, по качеству...

Ну да, руководящие партийные чиновники заслуживают лучшего питания, чем остальные прочие. Кто же этого не понимает?

В городской торговле создана целая система воровства. Но – никто ее не желает раскрывать.

Систему раскрыла Ельцину некая молодая женщина, которую пытались втянуть в эту систему, но она не выдержала, – видимо, врожденная порядочность не позволила.

Все продумано четко. Продавец обязан обсчитать покупателя и передать

определенную «суточную» сумму «материально-ответственному лицу». Тот – часть себе, часть руководству магазина. Дальше происходит, как сейчас бы сказали, общий «распил», распределение «выручки» между руководителями торговли снизу доверху.

Если сотрудники магазина отправляются на базу, – там своя такса. Каждый знает двух-трех человек, с кем связан. Полная конспирация.

Есть еще и оптовая, крупная система взяток...

Ельцин:

«Обсудили это узким кругом лиц и решили менять не по одному провинившемуся, а целыми секторами, блоками, магазинами, секциями, цехами на базах. Ставить «незараженную» молодежь. Суды привлекли к уголовной ответственности за год с небольшим около 800 человек.

Но ведь это только часть мафии. До теневой экономики, а она доходит до 15 процентов, до мафии, связанной с политикой, не дошли. Не дали...»

Не дали... Кто не дал? Почему?

Естественно, такая ельцинская дотошность и принципиальность никак не вписывались в «партийный стиль» руководства. «Партийный стиль» – это покрякивать на нижестоящих, не выходя из кабинета, на словах «повышать требовательность к кадрам». Ельцин своими действиями как бы оттенял фактическое бездействие остальных начальников, равных или даже превосходящих его по рангу. Что, конечно, не могло им нравиться. Напряжение между ним и остальными высокопоставленными, прежде всего Лигачевым, нарастало.

Что позволено Юпитеру...

Главной «виной» Ельцина все же стала не чистка среди директоров магазинов и продуктовых баз, а чистка среди столичных партийных кадров. Хотя его вроде бы и ставили для того, чтобы он убрал гришинскую команду, но в какой-то момент, видимо, решили, что он это делает чересчур рьяно, «перегибает палку».

Из тридцати трех первых секретарей райкомов партии Ельцин заменил двадцать три! Естественно, начались вопли: какая же это работа с кадрами, это же полный разгром, это форменный 37-й год.

А что делать? Где искать выход из положения?

После Ельцин, отвечая на обвинения в «жесткости», подсчитал, сколько он сменил «руководящих кадров» в Москве и сколько Горбачев – в стране. Цифры оказались интересные.

«При мне, – пишет Ельцин, – сменилось 60 процентов первых секретарей районных комитетов партии, а при Михаиле Сергеевиче Горбачеве – 66 процентов первых секретарей обкомов партии. Так что мы с товарищем Горбачевым могли бы в этом отношении поспорить, кто из нас перегнул палку в вопросе кадров».

По-другому было нельзя:

«Все дело в том, что и для него, и для меня иного выхода не было, кроме как менять тех, кто стал тормозом процесса перестройки. Эти люди были пропитаны застоєм, они воспринимали власть только лишь как средство достижения собственного благосостояния и величия...»

В общем, Ельцин перегибал «кадровую палку» не в большей мере, чем Горбачев. Но... Что позволено Юпитеру, не позволено быку...

БУНТ «НА ВЕРХНЕЙ ПАЛУБЕ»

Дело не только в Москве

Постепенно от чисто московских проблем Ельцин в своих размышлениях стал переходить к общим проблемам страны. Все более становилось ясно: навести порядок в одном, отдельно взятом городе, хотя бы и столице, – невозможно. Его, порядок, надо наводить повсюду. Горбачев вроде бы начал его наводить, но... Что-то дело не больно продвигается.

«Несмотря на, казалось бы, явные перемены к лучшему, на эмоциональный всплеск, подхлестнувший всю страну, – пишет Ельцин в «Исповеди на заданную тему», – я чувствовал, что мы начали упираться в стенку. Что просто новыми красивыми словами про перестройку и обновление на этот раз отговориться не удастся. Нужны конкретные дела и нужны новые шаги вперед. А Горбачев эти шаги делать не хочет. И больше всего он боится прикасаться к партийно-бюрократической машине, к этой святой святых нашей системы. Я в своих выступлениях на встречах с москвичами явно ушел дальше. Естественно, ему обо всем докладывали, и отношения стали ухудшаться».

«Начали упираться в стенку... Горбачев больше всего боится прикасаться к партийно-бюрократической машине, к этой святой святых нашей системы...» Вот тот момент, когда Ельцин начал чувствовать: с перестройкой происходит «что-то не то». От Горбачева исходит поток слов. Слова, слова, слова... А дело стоит на месте. Дело буксует. Правда, Ельцин еще не вполне осознает, в чем главная проблема. Проблема не только в том, что генсек боится трогать партийно-бюрократическую машину. Скоро всем станет достаточно ясно: главная проблема в том, что Горбачев нацелен на сохранение и «улучшение» социализма, а потому не желает идти на радикальные экономические реформы. Между тем реформы необходимы: ситуация в экономике становится все хуже и хуже.

Так или иначе, публичная ельцинская критика генсека, как уже сказано, не могла не достигнуть ушей Горбачева. При этом, естественно, у Ельцина ухудшились отношения не только с Горбачевым, но и с другими членами Политбюро.

«Постепенно я стал ощущать напряженность на Политбюро по отношению не только ко мне, но и к тем вопросам, которые я поднимал. Чувствовалась какая-то отчужденность. Особенно ситуация обострилась после нескольких серьезных стычек на Политбюро с Лигачевым по вопросам льгот и привилегий. Так же остро поспорил с ним по поводу постановления по борьбе с пьянством и алкоголизмом, когда он потребовал закрыть в Москве пивзавод, свернуть торговлю всей группы спиртных напитков, даже сухих вин и пива».

Отмена льгот и привилегий для чиновников – это было одно из главных требований, которые тогда, еще робко, но потом все уверенней, начали выдвигать демократы и которое подхватил Ельцин. Всем памятна его поездка в городском транспорте в качестве обычного пассажира (вот ведь, можно, оказывается, обойтись и без «членовоза!»), его посещение районной поликлиники в качестве обычного пациента... У его коллег из Политбюро, прежде всего у Лигачева, это вызывало страшное негодование: популизмом занимается товарищ Ельцин!

Еще одна конфликтная точка – та самая антиалкогольная кампания, одним из главных инициаторов которой опять-таки был Лигачев.

В общем, как бы сама судьба подталкивала их, Ельцина и Лигачева, к решительной схватке. Кто бы мог подумать в апреле 1985-го, когда Лигачев перетаскивал Ельцина в Москву, что такое будет возможно.

Пьянству – бой!

Кампания восьмидесятых годов против алкоголизма – это отдельная тема. Конечно, пьянство – трагедия нашей страны, нашего народа. Не побоюсь сказать – это, возможно, одна из причин, прямым образом ведущая его к гибели. Но, увы, никто еще не придумал, как разумно и с надлежащим результатом поставить преграду этому. Не придумали и тогда, в середине восьмидесятых. Как это часто у нас бывает, все принялись делать через ж... Через одно место. Одним из главных затейников этого антиалкогольного действия, как уже сказано, был Егор Лигачев. Ельцин:

«Вся его (Лигачева. – **О.М.**) кампания против алкоголизма была просто поразительна и нелепа. Ничто не было учтено, ни экономическая сторона дела (как известно, доходы от продажи вина и водки издавна составляют в нашем отечестве одну из главных доходных статей бюджета. – **О.М.**), ни социальная, он бессмысленно лез напролом, а ситуация с каждым днем и каждым месяцем ухудшалась».

Ну, а что же главный тогдашний российский начальник? Он-то почему не прислушивался к разумным аргументам? Ельцин об этом не однажды разговаривал с Горбачевым, но тот «почему-то» занял выжидательную позицию, хотя, по словам Ельцина, «было совершенно ясно, что кавалерийским наскоком с пьянством, этим многовековым злом, не справиться».

Между тем, нападки на Ельцина ужесточались. Лигачева тут особенно усердно поддерживал Соломенцев (в ту пору – не только член Политбюро, но и председатель Комитета партийного контроля) Ельцину приводили в пример республики: на Украине на сорок шесть процентов сократилась продажа винно-водочных изделий... Ельцин:

«Я говорю: подождите, посмотрим, что там через несколько месяцев будет. И действительно, скоро повсюду начали пить всё, что было жидким. Стали нюхать всякую гадость, резко возросло число самогонщиков, наркоманов».

«Надо действовать более энергично и решительно»

Хотя Горбачев и занимал в ряде случаев, как вот в спорах об антиалкогольной кампании, осторожную, выжидательную позицию, Ельцин все же не терял надежды, что рано или поздно удастся убедить его действовать более энергично и решительно:

«Я все-таки надеялся на Горбачева. На то, что он поймет всю абсурдность политики полумер и топтания на месте. Мне казалось, что его прагматизма и природной интуиции хватит на то, чтобы понять – пора давать бой аппарату; угодить и тем, и этим,

номенклатурщикам и народу – не удастся:

Ельцин «напросился» на прием к Горбачеву «для серьезного разговора». Беседа эта длилась – Ельцин засекал время – два часа двадцать минут, он высказал генсеку все, что думал...

В дальнейшем, разбирая бумаги, он нашел тезисную записку той встречи: вернулся от Горбачева возбужденный, в памяти все было свежо, так что, как он считает, довольно точно все записал.

В своей книге «Исповедь на заданную тему» Ельцин не поясняет, о чем все же конкретно был у него более чем двухчасовой разговор с Горбачевым, о чем они договорились и что именно он записал (кстати, я просил близких Бориса Николаевича поискать эту записку, но поиски не увенчались успехом). Однако дальнейший ход событий показывает, что какого-то серьезного согласия по каким-то принципиальным вопросам они не достигли и что недалеко уже было то время, когда им предстояло окончательно разойтись, «как в море кораблям».

Ельцин все больше проявляет бунтарство

Рано или поздно бунтарские настроения Ельцина, пока еще не очень заметные, «кабинетные», должны были вырваться наружу.

Все началось, пожалуй, в январе 1987 года. 19 января на Политбюро обсуждался доклад, с которым Горбачеву предстояло выступить на пленуме ЦК КПСС по кадровой политике.

В основном доклад, естественно, хвалили. Однако Ельцин выступил с довольно резкими замечаниями, «откровенно», по его словам, изложил ряд необычных предложений. Уже первое предложение должно было вызвать немалое раздражение Горбачева: как сказал Ельцин, в докладе «несколько завышены оценки состояния перестройки»; «состояние кадров таково, что опасно поддаваться оптимизму» – «некоторые не готовы к революционным переменам».

«Некоторые» не готовы... Да вообще мало кто из партийных кадров был тогда готов к таким переменам, чего уж тут.

Так что, по мнению Ельцина, вообще «лучше нынешний период оценить как период новых форм работы, ведущих к перестройке».

Это уже был удар поддых Горбачеву: по всей стране идет трезвон про перестройку, это слово звучит на всех перекрестках, а, оказывается, никакой перестройки-то пока еще вовсе и нет – есть только некая работа, «ведущая к перестройке».

Критику перестройки Ельцин продолжает и дальше:

– Очень большой контраст в оценках доапрельского (до апреля 1985 года) и послеапрельского периодов. А в послеапрельском отсутствует самокритика в адрес руководства партии и страны. Стоит сказать, что кадры очень глубоко поражены... И не произошло во многих эшелонах ни обновления, ни перестройки. Критика в докладе направлена только вниз.

Вообще, как полагает Ельцин, не следует чересчур завышать историческое значение перестройки, чуть ли не сравнивать ее с Октябрьской революцией 1917 года:

– Не стоит сравнивать 1917 год с 1985-м – 1986-м. Ибо не происходит смены общественной формации. Лучше говорить, что перестройка носит революционный характер.

Ельцин, – впрочем, как и сам Горбачев, – еще не догадывается, что начатая Горбачевым перестройка и дальнейшие ельцинские реформы как раз и приведут к смене общественной формации в стране, поставят крест на так называемой Великой октябрьской социалистической революции.

Ельцин упрекает Горбачева: мол, в качестве гарантий успеха перестройки тот

традиционно перечисляет такие очевидные вещи, как социалистический строй, советский народ, партию. Но что это за гарантии! Все это ведь было и в предыдущие семьдесят лет...

– Поэтому никакие это не гарантии невозврата к прошлому. Это – скорее база для гарантий. А гарантии вытекают из тех тем доклада, которые в его конце. И главная среди них – демократизация всех сфер жизни.

При этом, чтобы не подумали, что он стал каким-то вольнодумцем, диссидентом, антикоммунистом, Ельцин постоянно подчеркивает, что он верный сын партии, твердый приверженец ленинских идей, социалистического строя:

– Я бы хотел большей твердости в деле восстановления веры в партию – и внутри, и на международной арене. Многие оказались перерожденцами. Кое-где именно из-за этого пошатнулась вера в партию.

И это говорит человек, который спустя некоторое время демонстративно покинет ряды КПСС, – так сказать, внесет свою весомую лепту в подрыв этой самой веры, впрочем, к тому времени почти уже окончательно подорванной, а несколько позже вообще станет ее могильщиком, своим указом прекратит ее деятельность на территории России.

Лично – против генсека

Были среди «предложений» Ельцина и такие, которые вполне можно было рассматривать как личные выпады против Горбачева:

– Длительное пребывание в должности одного лица девальвирует и его отношение к делу, и отношение с другими. Возникает самоуспокоенность. Возникают и другие негативы. Потом спохватываемся, говорим о них, но поздно... и не при жизни.

Впрочем, это было, скорее, предупреждение Горбачеву на будущее: к тому моменту он еще и двух лет не просидел в своем генсековском кресле.

Реакция Горбачева... Не думаю, что выступление Ельцина ему очень понравилось. В один из моментов, когда Ельцин призывал расширить список «особенно пораженных территорий» (в числе которых значилась и возглавляемая Ельциным Москва), Горбачев вставил насмешливо:

– Это задание твое будет выполнено.

А в дальнейшем вообще бесцеремонно прервал Ельцина:

– Заканчивай, хотя ты критически выступаешь...

Дескать, прерываю тебя не потому, что ты критически выступаешь (это даже хорошо), а потому что – время.

После перерыва восторги по поводу доклада продолжались. Выступление Ельцина как бы пропустили мимо ушей. Но Горбачев – не пропустил, достаточно подробно остановился на нем. Как оценивать перестройку:

– Борис Николаевич расходится с НАШЕЙ ОБЩЕЙ (выделено мной. – **О.М.**) оценкой. Говорил о завышенной в докладе оценке хода перестройки, о недостаточной самокритичности. Можно бы и усилить самокритику. Но очень важно, чтобы народ увидел, что дело идет. И нельзя сказать, что у нас тут завышенные оценки сделанного (*цитирует ряд страниц проекта доклада*). То есть дух самокритичности присутствует во всем докладе. А специально нагнетать, с левой фразой, звонкой и пустой, – я против этого... «Поражены все эшелоны», говоришь ты нам. Что? Курс на перетряску кадров? Если ты так в Москве хочешь делать, мы тебя не поддержим, хотя одобряем твою деятельность, понимаем, что у тебя трудный участок.

«Перетряска кадров» в Москве – это как раз главное обвинение, которое вскоре предъявят Ельцину в ответ на его критическое выступление на октябрьском пленуме ЦК. Это обвинение – вот оно уже готово и в январе. Осталось его провести через соответствующие пленумы, вставить в соответствующие постановления.

Ответ Ельцину по поводу октября 1917 года:

– Мы должны придать динамизм завоеваниям Октября, двинуть их дальше. В этом наша ответственность перед будущими поколениями. Но не надо друг перед другом играть в революционность... Через колено партию и общество ломать нельзя. И надо с уважением говорить о партиях, которые тянули и тянут воз, несут потери. Есть у них и слабости, но и сильные стороны.

Конец этого разговора как бы уже выливается в «персональное дело» Ельцина, в наметки его будущего «персонального дела». По стенограмме:

«Горбачев ...» А практические замечания Бориса Николаевича учтем, как и замечания других товарищей. Словом, не будем драматизировать, но такой разговор нужен и для практической работы Бориса Николаевича. Он тоже не может быть вне критики, к чему нас призывает.

Ельцин (попросил слова, смущенный, подавленный). Я молодой в Политбюро. Для меня это урок. Думаю, что он не запоздал.

Горбачев. Мы с тобой уже говорили на этот счет. Такой разговор нужен был. Но ты человек эмоциональный. Не думаю, что твое выступление меняет наше отношение к тебе. Мы высоко оцениваем твою работу. Но и помни, что надо работать вместе, а не противопоставлять себя, не красоваться перед товарищами. Все очень ответственно. Речь ведь – о политике, о судьбе народа. Все надо продумывать. Понимаем, что тебе трудно. Надо привыкать к критике в свой адрес... Надо избавиться от ощущения: раз покриковали, то все, конец!.. И так, чтоб без обид. Работать вместе. Мы будем тебе помогать и впредь.

Лигачев (с удовольствием подхватывает. – **О.М.**) Это самое трудное – привыкать, что и тебя могут огреть. А то критикуем-то всех, кто внизу...»

«Ельцин забегает вперед»

Речи Ельцина присутствующие воспринимали по-разному. Я уж не говорю о консервативной части Политбюро, но и достаточно «продвинутым» людям не все в них нравилось.

«Должен сказать, что критический настрой Ельцина, его динамизм на фоне инертности многих руководителей мне импонировали, – вспоминает Вадим Медведев. – Случайно сохранился листок бумаги, на котором мы с Яковлевым обменялись репликами по поводу выступления Ельцина на этом заседании Политбюро:

– Я – А. Н. (то есть Медведев – Александру Николаевичу Яковлеву. – **О.М.**): «Оказывается, есть и левее нас, это хорошо (в нынешней терминологии – правее, либеральнее. – **О. М.**)»

– А. Н. – мне: «Хорошо, но я почувствовал какое-то позерство, чего не люблю».

– Я – А. Н.: «Может быть, но такова роль».

– А. Н. – мне: «Отставать – ужасно, забегать – разрушительно».

«Ельцин забегает вперед» – таково, как видим, было мнение даже самых либерально настроенных людей в партийном руководстве, к которым, без сомнения принадлежал и Александр Николаевич Яковлев, один из авторов перестройки.

Отрицательно, как видим, отнесся к выступлению Ельцина и Горбачев. На этом заседании Политбюро, 19 января 1987 года, по существу, состоялось первое, пока не очень явное, «пристрелочное», столкновение между ними – уже на новом, «принципиальном», этапе (их прежние, мелкие стычки я не беру в расчет).

В общем-то, Ельцин получил не Бог весть какой строгий, с постоянными оговорками о поддержке, «втык» от начальника, но он буквально потряс Ельцина.

В своих воспоминаниях, давая общую оценку работе Ельцина в Москве, Медведев

разъясняет, какие, собственно говоря, были претензии к московскому градоначальнику; при этом как бы старается быть объективным:

«Приход Ельцина к руководству в столице кардинально изменил обстановку в ней. Москва превратилась из зоны, свободной от критики в зону насыщенной, концентрированной критики, и тон в ней задавал первый секретарь. НАЧАЛАСЬ ЯРОСТНАЯ БОРЬБА С ЗАСТОЕМ, ПРИВИЛЕГИЯМИ, С НАРУШЕНИЯМИ ДИСЦИПЛИНЫ, МАССОВАЯ ЗАМЕНА КАДРОВ (выделено мной. – **О.М.**) Но положение дел в городе в жилищно-коммунальном хозяйстве, на транспорте, в торговле, в поддержании порядка менялось очень медленно. Начали сказываться и перехлесты в кадровой политике (вот оно – «перехлесты», «перетряска»! – **О.М.**) Такая информация доходила до руководства ЦК, вызывая определенную озабоченность – ведь столица есть столица. Какое-то внутреннее беспокойство и настороженность проявилась у московского руководителя».

Из этого пассажа прекрасно видно, в чем была суть нараставшего конфликта между Ельциным и горбачевским Политбюро. Ельцин бился, как рыба об лед, стараясь решительным образом улучшить положение дел в Москве, упоывая на борьбу «с застоем, привилегиями, с нарушениями дисциплины, массовую замену кадров». Но решительно все изменить в одном городе, хотя бы и в столице, было невозможно, не меняя всё в стране в целом. Ельцин пока этого как бы не понимал, обвинял высшее партийное начальство, Политбюро, косвенно – и самого Горбачева в том, что они недостаточно его поддерживают – в этом, дескать, все дело; вот если бы поддерживали по-настоящему... Высших же партийных начальников раздражало, что Ельцин «бежит впереди паровоза», навязывает слишком быстрый темп движения, прибегает к «перетряске кадров» – к этому они вообще не привыкли.

Тем не менее, Медведев уверяет, что скрытая перепалка, возникшая между Ельциным и Горбачевым, «не выходила за пределы нормальных дискуссий в Политбюро».

Однако Ельцин, как уже сказано, воспринял реакцию Горбачева крайне болезненно. Возможно, рассчитывал совсем на другую. Когда все разошлись, он остался сидеть в своем кресле, не скрывая своих переживаний. По свидетельству Медведева, пришлось даже вызывать врача, но его помощь, вроде бы не потребовалась...

Неожиданная ранимость вроде бы прирожденного бойца

Перемены в Ельцине заметили и в семье. Татьяна Юмашева (в ответ на мои вопросы, декабрь 2012 года):

– Было видно, что его энтузиазм и его позитивный настрой убывают. Он приходил домой расстроенный, раньше – просто усталый, а теперь, нередко, как будто разбитый. Особенно по четвергам, когда заседало Политбюро. Наверное, это я могу предполагать, в этот момент начались его конфликты с Лигачевым. И он не видел уже поддержки Горбачева.

Если вернуться к вызову врача после заседания Политбюро, это, конечно, удивительное качество Ельцина – его «тонкокожесть», ранимость, вроде бы неожиданная при его «брутальной» внешности, манере поведения. Это его качество будет не однажды проявляться, особенно в тот, начальный период нелегкой политической борьбы, которую он затеял. Наверное, у многих наблюдавших тогда за ним возникал вопрос: выдержит ли? Возможно, он и сам себя спрашивал: выдержу ли? Чем объяснить этот парадокс, такой контраст между внешним вроде бы вполне бойцовским обликом и неожиданно обнаруживающейся как бы малой способностью «держать удар»? Спрашиваю об этом Татьяну Юмашеву.

– Вы знаете, – говорит она, – вы правильно заметили, что папа был удивительно для своей «бунтарской» позиции, для своей работы – «тонкокожим». Мне

кажется, происходило это оттого, что он немного «расслабился», что ли, в результате своей прошлой жизни в Свердловске. Там все поддерживали его, помогали, искренне переживали за него. А здесь он попал в совсем другой мир, к которому он не был готов. В мир, где все вокруг жестко, чаще всего – несправедливо, где важно оказаться в одной или другой группировке, а если не окажешься, тебя заклюют. (Это мое предположение, могу ошибаться.) Я знаю, что к нормальной, конструктивной критике со стороны коллег он относился вполне адекватно. Но он не привык, что его можно отчитывать, как мальчишку. Свердловск и Свердловская область всегда были среди лучших, поэтому он привык к тому, что его награждают, хвалят, дают переходящие красные знамена и т.д. и т.п. А здесь конфликт с гораздо более сильным (политически), чем он, Лигачевым, и отсутствие поддержки, на которую он рассчитывал, со стороны Горбачева. В общем, он оказался в новых, тяжелых условиях, в которых работать не привык. И больше всего его убивало предательство его же товарищей, коллег.

Такого же мнения Владимир Шевченко, работавший шефом протокола сначала у Горбачева, потом у Ельцина (с ним также беседую в декабре 2012 года):

– Он был человек очень ранимый, я с вами согласен. Особенно это проявилось в 1987-м при работе в Московском горкоме. Я это объясняю очень просто. Почти десять лет он – первый секретарь обкома одного из самых крупных и самых мощных промышленных регионов. С довольно успешными показателями. Человек, если можно так сказать, – не битый, всеми уважаемый. Пробивной. «Вхожий» в самые высокие кабинеты. У него всегда была поддержка «сверху», – поддержка Косыгина, например, об этом он неоднократно рассказывал. И вот он переходит в Москву. С энтузиазмом начинает работать. Что-то получается. А потом – какие-то проблемы, одна, вторая, третья... И он видит, что у него нет поддержки ни от окружения Горбачева, ни от него самого. Он не привык к такому. Он никогда не был в такой ситуации. И вот отсюда – такая острая, болезненная реакция на происходящее.

...Позже, когда Ельцин ощутил мощную народную поддержку, когда ступенька за ступенькой стал продвигаться вверх, его «тонкокожесть» и ранимость как-то сами собой исчезли, отодвинулись на задний план. Хотя время от времени проявлялись вновь, – как, например, на XIX партконференции.

Ельцин подает в отставку

Обычно в отсутствие Горбачева заседания Политбюро вел Лигачев. Для Ельцина это были самые тяжелые испытания. На заседании 10 сентября 1987 года, когда Горбачев находился в отпуске в Пицунде, между Ельциным и председательствовавшим Лигачевым вновь возникла перепалка по вопросам социальной справедливости, отмены привилегий и льгот...

Градус полемики, видимо, «зашкалил». Вернувшись после заседания к себе в кабинет, Борис Николаевич сел за стол и написал Горбачеву отчаянное письмо:

«Уважаемый Михаил Сергеевич!

Долго и непросто приходило это решение написать это письмо. Прошел год и 9 месяцев после того, как Вы и Политбюро предложили, а я согласился возглавить Московскую партийную организацию. Мотивы согласия или отказа не имели, конечно, значения. Понимал, что будет невероятно трудно, что к имеющемуся опыту надо добавить многое, в том числе время в работе.

Все это меня не смущало. Я чувствовал Вашу поддержку, как-то для себя даже неожиданно уверенно вошел в работу. Самоотверженно, принципиально, коллегиально и товарищески стал работать с новым составом бюро.

Прошли первые вехи. Сделано, конечно, очень мало. Но, думаю, главное (не перечисляя

другое) – изменился дух, настроение большинства москвичей. Конечно, это влияние и в целом обстановки в стране. Но, как ни странно, неудовлетворенности у меня лично все больше и больше.

Стал замечать в действиях, словах некоторых руководителей высокого уровня то, что не замечал раньше. От человеческого отношения, поддержки, особенно некоторых из числа состава Политбюро и секретарей ЦК, наметился переход к равнодушию к московским делам и холодному – ко мне.

В общем, я всегда старался высказывать свою точку зрения, если даже она не совпадала с мнением других. В результате возникало все больше нежелательных ситуаций. А если сказать точнее – я оказался неподготовленным со своим стилем, прямоотой, своей биографией работать в составе Политбюро (довольно неожиданный переход к самообличению. – **О.М.**)

Не могу не сказать и о некоторых достаточно принципиальных вопросах. О части из них, в том числе о кадрах, я говорил или писал Вам. В дополнение.

О стиле работы Е.К. Лигачева. Моё мнение (да и других): он (стиль), особенно сейчас, негоден (не хочу умалить его положительные качества). А стиль его работы переходит на стиль работы Секретариата ЦК. Не разобравшись, копируют его и некоторые секретари «периферийных» комитетов...

Обилие бумаг... совещаний по мелким вопросам, придинок, выискивание негатива... Вопросы для своего «авторитета».

Я уже не говорю о каких-либо попытках критики снизу. Очень беспокоит, что так думают, но боятся сказать. Для партии, мне кажется, это самое опасное. В целом у Егора Кузьмича, по-моему, нет системы и культуры в работе. Постоянные его ссылки на «томский опыт» уже неудобно слушать.

В отношении меня после июньского Пленума ЦК и с учетом Политбюро, состоявшегося 10 сентября, нападки с его стороны я не могу назвать иначе как скоординированная травля... Мне непонятна роль созданной комиссии, и прошу Вас поправить создавшуюся ситуацию (в примечании Ельцин поясняет, что Лигачев создал комиссию Секретариата ЦК по проверке состояния дел в Москве, хотя «ни конкретного повода, ни причины для этого не было». – **О.М.**)... Поражает: как можно за два года просто не поинтересоваться, как идут дела у более чем миллионной парторганизации...

Угнетает меня лично позиция некоторых товарищей из состава Политбюро ЦК. Они умные, поэтому быстро и «перестроились»... Они удобны, и, прошу извинить, Михаил Сергеевич, но мне кажется, они становятся удобны и Вам...

Я неудобен и понимаю это. Понимаю, что непросто и решить со мной вопрос. Но лучше сейчас признаться в ошибке. Дальше, при сегодняшней кадровой ситуации, число вопросов, связанных со мной, будет возрастать и мешать Вам в работе. Этого я от души не хотел бы.

Не хотел бы и потому, что, несмотря на Ваши невероятные усилия, борьба за стабильность приведет к застою, к той обстановке (скорее подобной), которая уже была. А это недопустимо. Вот некоторые причины и мотивы, побудившие меня обратиться к Вам с просьбой. Это не слабость и не трусость.

Прошу освободить меня от должности первого секретаря МГК КПСС и обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС. Прошу считать это официальным заявлением.

Думаю, у меня не будет необходимости обращаться непосредственно к Пленуму ЦК КПСС.

С уважением Б.Ельцин
12 сентября 1987 г.»

Письмо, как видим, эмоциональное и довольно сумбурное. Но, в общем-то, смысл его понятен.

Текст помечен двенадцатым сентября, тогда как заседание Политбюро, побудившее Ельцина взяться за перо, состоялось – это тоже видно из текста – 10-го. Стало быть, на написание и раздумья все же прошло два дня... Или же тут просто какая-то неточность в

датах.

Письмо – без ответа

Письмо, еще раз скажу, не то чтобы очень ясное и убедительное. Ельцин считает «негодным» стиль работы Лигачева, но доказательств его «негодности» приводится не слишком много (возможно, он рассчитывает привести их в личном разговоре с Горбачевым). Как-то ребячески звучит обвинение в адрес «некоторых товарищей из состава Политбюро ЦК»: «они умные» и «быстро «перестроились», стали «удобны»... Так ведь это обычное дело для чиновничьих корпораций, особенно в тоталитарном, авторитарном государстве. Об этом уместно писать публицисту, беллетристу, обличающему существующие порядки, но стоит ли высокопоставленному партийному функционеру упоминать о таком в разговоре с самым главным партийным чиновником?

Пока что не видно и особого повода для Ельцина уходить в отставку. Возможно, просьба об отставке нужна лишь для того, чтобы Горбачев осознал, что ситуация в высшем партийном руководстве сложилась критическая и надо что-то немедленно предпринимать, чтобы ее оздоровить. Во всяком случае, Ельцин, надо полагать, питает такую надежду.

С другой стороны, по свидетельству его домашних, и перспективу своей отставки он воспринимает как более чем вероятную. Во всяком случае, отправив Горбачеву это письмо, он ВПЕРВЫЕ решает посвятить родных в свои партийные, рабочие дела. Татьяна Юмашева:

– Папа сам принимал решения, так было в Свердловске, так продолжилось и в Москве. О том, что происходит в Москве, что первый секретарь МГК партии делает, с кем встречается, какие стройки, детские сады, предприятия посещает, мы узнавали из газет или теленовостей. Все, самые тяжелые и сложные решения он принимал всегда сам, и с мамой, тем более с нами, он своими планами не делился. Это случилось лишь один раз, и то, когда само решение он уже принял, – поставил нас лишь в известность, что он написал письмо Горбачеву, и, возможно, будет уволен со всех постов, и больше никакой работы найти не сможет. Папа говорил со мной и с Леной отдельно у себя в кабинете. Мы, конечно, его поддерживали. Маме сказал, что, наверное, придется вернуться в Свердловск, а там простым прорабом на стройку его возьмут...

Близкие Бориса Николаевича были шокированы услышанным предупреждением. Поразило не только его содержание, но и сам факт, что глава семьи заговорил о своей работе. Такое случилось, повторяю, впервые. Обычно он все держал в себе, не распространялся в домашнем кругу. Уезжал на работу в семь утра, в одиннадцать – двенадцать возвращался... И то, что сейчас он нарушил «обет молчания», свидетельствовало: терпение его иссякло.

Как бы то ни было, каким бы ни оказался в конечном счете исход этого дела, ясно было, что снова требуется личная встреча с Горбачевым, личный разговор, чтобы объяснить генсеку все четко и ясно, услышать от него четкий и ясный ответ.

Но ответа не было. Валентин Юмашев (в разговоре со мной в ноябре 2012 года):

– Горбачев вообще не ответил на письмо. Борис Николаевич мне говорил, что его это абсолютно потрясло. Это был первый случай в истории КПСС, когда человек добровольно заявляет о своем желании уйти с поста кандидата в члены Политбюро. Обычно «с треском» выгоняли. Бывало, что и расстреливали. А тут человек сам пишет: «Ухожу в отставку...», и – полная тишина. Впрочем, нет, от Горбачева был какой-то звонок, но говорили совсем на другую тему. Под конец Борис Николаевич все же его спросил: «Михаил Сергеевич, вы письмо-то мое прочитали?» В ответ услышал: «Я вернусь, и мы с тобой поговорим».

Эта неопределенность продолжалась и после того, как Горбачев вернулся из отпуска в конце сентября. Он позвонил Ельцину, сказал: «Давай встретимся позже».

Кто кого опередит

Вокруг этого неопределенного «позже» все в дальнейшем и завертелось. Ельцин:

«Я еще подумал, что такое «позже», непонятно... Стал ждать. Неделя, две недели. Приглашения для разговора не последовало. Я решил, что свободен от своих обязательств, что он, видимо, передумал встретиться со мной и решил довести дело до Пленума ЦК и меня из кандидатов в члены Политбюро именно там вывести.

Потом по этому поводу было много разных толков. Горбачев говорил, что я нарушил нашу договоренность, мы условились встретиться совершенно определенно после Октябрьского пленума, а я специально решил раньше времени выступить...»

Еще одну версию, ссылаясь, надо полагать, на слова Горбачева, приводит Вадим Медведев. Будто бы Горбачев предложил Ельцину встретиться «после праздника», подразумевая под этим 7 ноября, а Ельцин понял – после тогдашнего Дня Конституции – 7 октября (хотя в таком контексте праздником его никто не считал), и, не дождавшись встречи, решил взять инициативу на себя.

В общем, вроде бы полная путаница, кто что понимал под словом «позже». И все же, думается, прав Ельцин: в своем письме Горбачеву от 12 сентября он четко говорит, что надеется – решение касательно его, Ельцина, судьбы Горбачев примет ДО ПЛЕНУМА. Пленум приближается, а Горбачев молчит: у Ельцина есть все основания полагать, что генсек действительно хочет вынести вопрос о Ельцине на высокий партийный форум и «распотрошить» его в пух и прах, обвинив во всех мыслимых и немыслимых грехах, устроить ему своего рода гражданскую казнь, именно «с треском» выгнать со всех постов.

Правда, Медведев пишет, что Ельцин, мог бы не мучиться предположениями и сомнениями насчет значения слова «позже», а просто поднять трубку и спросить у Горбачева, когда же все-таки у них состоится разговор. Не знаю... Возможно, Ельцин просто посчитал ниже своего достоинства становиться в позу просителя, напоминать: Михаил Сергеевич, вы, если помните, обещали меня принять, поговорить со мной... Зачем? Горбачев наверняка прекрасно помнит о своем обещании, а если тянет с разговором, стало быть, имеет на этот счет какие-то особые планы.

В общем, Ельцин, не дожидаясь, когда ему устроят «головомойку» на Пленуме, решает опередить события, взять инициативу на себя.

Начало финала

Все началось еще до пленума. За несколько дней до него, 15 октября, на Политбюро обсуждали доклад Горбачева, посвященный 70-летию Октября, с которым генсеку предстояло выступить на предстоящем пленуме ЦК. Выступал и Ельцин. Вадим Медведев так пишет об этом выступлении:

«Мне, конечно, трудно, не располагая стенограммой, текстуально воспроизвести это выступление. Но я хорошо помню, что никакой обостренной и тем более конфликтной ситуации в связи с ним на заседании не возникало. Сохранившиеся у меня пометки говорят о том, что основные замечания Ельцина не несли в себе негативного отношения к докладу, шли в общем русле, носили традиционный характер. Ельцин, как и некоторые другие ораторы, возражал против смещения акцентов с октябрьской революции на февральскую, говорил о необходимости иметь в докладе «целый блок» о роли Ленина, предлагал назвать его соратников. Он критиковал доклад за то, что выпал целый период гражданской войны, предложил уменьшить объем оценочных суждений относительно оппозиции в партии до получения выводов комиссии Политбюро».

Совершенно иначе излагает дело сам Ельцин. В своей книге «Исповедь на заданную тему» он пишет:

«Обсуждение (доклада Горбачева. – **О.М.**) шло по кругу, довольно коротко. Почти каждый считал, что надо сказать несколько слов. В основном оценки были положительные с некоторыми непринципиальными замечаниями. Но когда дошла очередь до меня, я достаточно напористо высказал ОКОЛО ДВАДЦАТИ (выделено мной. – **О.М.**) замечаний, каждое из которых было очень серьезно. Вопросы касались и партии, и аппарата, и оценки прошлого, и концепции будущего развития страны, и многого другого.

Тут случилось неожиданное: Горбачев не выдержал, прервал заседание и выскочил из зала. Весь состав Политбюро и секретари молча сидели, не зная, что делать, как реагировать. Это продолжалось минут тридцать. Когда он появился, то начал высказываться не по существу моих замечаний по докладу, а лично в мой адрес. Здесь было все, что, видимо, у него накопилось в последнее время. Причем форма была крайне критическая, почти истеричная. Мне все время хотелось выйти из зала, чтобы не выслушивать близкие к оскорблению замечания.

Он говорил и то, что в Москве все плохо, и что все носятся вокруг меня, и что черты моего характера такие-сякие, и что я все время критикую и на Политбюро выступаю с такими замечаниями, и что он трудился над этим проектом, а я, зная об этом, тем не менее позволил себе высказать такие оценки докладу. Говорил он довольно долго, время я, конечно, не замечал, но, думаю, что минут сорок.

Безусловно, в этот момент Горбачев просто ненавидел меня. Честно скажу, я не ожидал этого. Знал, что он как-тоотреагирует на мои слова, но чтобы в такой форме, почти как на базаре, не признав практически ничего, что было сказано!.. Кстати, многое потом в докладе было изменено, были учтены и некоторые мои замечания, но, конечно, не все.

Остальные тихо сидели, помалкивали и мечтали, чтобы их просто не замечали. Никто не защитил меня, но никто и не выступил с осуждением. Тяжелое было состояние. Когда он закончил, я все-таки встал и сказал, что, конечно, некоторые замечания продумаю, соответствуют ли они действительности, то, что справедливо, – учту в своей работе, но большинство упреков не принимаю. Не принимаю! Поскольку они тенденциозны, да еще и высказаны в недопустимой форме».

Надо полагать, никто еще так не разговаривал с генсеком. Аксиомой для партийной иерархии было: если Горбачев высказывает какие-то замечания, – встать по стойке «смирно» и заверить, что все будет выполнено. «Бу-сделано!»

«Собственно, на этом и закончилось обсуждение, – пишет далее Ельцин, – все разошлись довольно понуро. Ну, а я тем более. И это было началом. Началом финала. После этого заседания Политбюро Горбачев как бы не замечал меня, хотя мы встречались минимум два раза в неделю: в четверг – на Политбюро и еще на каком-нибудь мероприятии или совещании. Он старался даже руки мне не подавать, молча здоровался, разговоров тоже не было.

Я чувствовал, что он уже в это время решил, что надо со мной всю эту канитель заканчивать. Я оказался явным чужаком в его послушной команде».

Как видим, описание одного и того же события у Медведева и у Ельцина совершенно различные. Странно, как это Медведев мог не заметить столь драматичные события. Впрочем, память человеческая избирательна. Если человеку не хочется что-то помнить, он и не помнит. Или – «не помнит» в кавычках: не зря же мемуарист оговаривается, что он не располагает стенограммой и ему нелегко «текстуально» воспроизвести выступление Ельцина.

Медведев – человек близкий к Горбачеву. А близкие соратники бывшего генсека и президента, как и сам он, в своих воспоминаниях представляют Ельцина в довольно специфическом свете.

Впрочем, тенденциозность – в разной степени – присуща любым воспоминаниям.

Как уже говорилось, упомянутое драматичное заседание Политбюро состоялось 15

октября 1987 года, за несколько дней до того самого знаменитого пленума ЦК КПСС, на котором Ельцин пошел ва-банк.

Ельцин идет ва-банк

Собственно политическая карьера Ельцина, как он сам это признает, и началась в том самом 1987 году, с того самого пленума ЦК, состоявшегося 21 октября. Тогда на этом пленуме он совершил шаг, который мог быть для него либо самоубийством, либо выдвинуть его в ряды ведущих политиков страны...

Дочь Ельцина Татьяна вспоминает, как Ельцин собирался на этот пленум:

«Конечно, он не думал, что его за это выступление посадят или подвергнут еще каким-либо серьезным репрессиям, время все-таки было другое, но что он лишится всего – он считал это вполне реальным».

Эти слова показывают степень волнения, которое испытывал в тот момент Ельцин, и объясняют некоторые моменты его последующего поведения: в ту пору, на этом пленуме и после него, он не всегда действовал как герой без страха и упрека, скорее – как человек колеблющийся, время от времени вспоминающий, что он берет ответственность не только за себя, но и за своих близких. Как писал Евтушенко, «он знал, что вертится Земля, но у него была семья...»

Итак, пленум ЦК 21 октября 1987 года. Выступает Горбачев. Говорит почти два часа. О предстоящем великом празднике – семидесятилетию Октябрьской революции. Ельцин:

«Пока он (Горбачев. – **О.М.**) говорил, во мне шла борьба – выступить или не выступить?.. Было ясно, что откладывать уже бессмысленно, надо идти к трибуне, но я прекрасно понимал, что на меня обрушится через несколько минут, какой поток грязи выльется на мою голову, сколько несправедливых обвинений мне придется выслушать, с каким предательством и подлостью придется столкнуться совсем скоро».

Выступление Горбачева подходит к концу. Обычно прения по таким докладам не открываются. Всем все ясно, чего тут обсуждать. Из стенограммы пленума:

«Председательствующий т. Лигачев : Товарищи! Таким образом, доклад окончен. Возможно, у кого-нибудь будут вопросы? Пожалуйста. Нет вопросов? Если нет, то нам надо посоветоваться.

Горбачев (неожиданно. – **О.М.**): У товарища Ельцина есть вопрос.

Председательствующий т. Лигачев : Тогда давайте посоветуемся. Есть ли необходимость открывать прения?

Голоса : Нет.

Председательствующий т. Лигачев : Нет».

Ну нет, так нет. Можно закрывать заседание. Но Горбачев, опять-таки неожиданно, настаивает:

– У товарища Ельцина есть какое-то заявление.

И Лигачев вынужден подчиниться:

– Слово предоставляется товарищу Ельцину Борису Николаевичу – кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС, первому секретарю Московского горкома КПСС. Пожалуйста, Борис Николаевич.

Забавная мизансцена, не правда ли? Лигачев мог и «не заметить» поднятой ельцинской руки, но Горбачев заметил. Лигачев мог и не давать Ельцину слова, поскольку зал как бы высказался против прений. Егор Кузьмич и не дал бы Ельцину слова, поскольку знал, что ничего хорошего лично о себе он не услышит. Да и вообще... Наверняка будет скандал... Зачем он, особенно на торжественном заседании? Но Горбачев своим повторным указанием на Ельцина как бы приказал дать ему слово.

Для чего он это сделал? Никакой атаки на Ельцина, никакого «разноса» в его адрес на пленуме Горбачев не планировал, это всем было ясно: пленум заканчивается, можно давать занавес. Видимо, планы у генсека были другие: все-таки поговорить с Ельциным тет-а-тет, выслушать, постараться в чем-то переубедить, ну а уж если не получится, тогда... Но если Ельцин сам рвется в бой... Что ж, может быть, действительно лучше решить все на пленуме и уж окончательно покончить с этим. Такое решение, надо полагать, возникло у Горбачева спонтанно, как импровизация.

Без текста, с одними тезисами

Ельцин:

«Когда я шел на трибуну, конечно же, не думал, что мое выступление станет каким-то шагом вперед, поднимет планку гласности, сузит зону вне критики и так далее... Нет, об этих вещах не думал. Важно было собрать волю в кулак и сказать то, что не сказать не могу».

Наверное, все же стоило бы хорошо подготовиться к выступлению, тщательно продумать текст, может быть, привлечь в редакторы кого-либо из помощников: шаг-то предстоял отчаянный, сверхсерьезный. Однако Ельцин сам не был до конца уверен, что выйдет на трибуну. Если же не выйдет, если у него не хватит духу, – покинуть зал после завершения пленума с неиспользованным текстом в кармане... Более позорной ситуации не придумать. К тому же информация об этом может просочиться наружу, распространиться, сделать его посмешищем.

В общем, он двинулся к трибуне, имея лишь тезисы, написанные на клочке бумаги, и позднее в книге «Исповедь на заданную тему» цитировал свое выступление по публикации в журнале «Известия ЦК КПСС» (эта публикация появилась лишь в 1989 году, во втором номере журнала; кто там знает, какой редактуре подвергся текст, сейчас этого уже не определишь).

Ельцин начал «за здравие» – сказал, что по докладу у него замечаний нет, и он его полностью поддерживает. Вместе с тем за время работы в Политбюро у него накопился ряд вопросов. Он согласен с тем, что «сейчас очень большие трудности в перестройке». Но, по его мнению, прежде всего перестраивать нужно бы работу партийных комитетов, партии в целом, начиная с секретариата ЦК. Об этом уже говорилось на июньском пленуме ЦК, но за прошедшие месяцы в стиле работы секретариата, в стиле работы товарища Лигачева ничего не изменилось. (Не зря все же Лигачев не хотел замечать поднятой руки Ельцина, давать ему слово). По-прежнему на всех уровнях преобладают разносы, «накачки»... Товарищеского отношения к партийным комитетам на местах не чувствуется.

По словам Ельцина, время идет, а больших положительных изменений в стране не видно. Отсюда и отношение к перестройке: «сначала был сильнейший энтузиазм – подъем», а теперь, при отсутствии видимых улучшений жизни, вера в нее стала «как-то падать», людей беспокоит, что реально они «ничего за это время и не получили».

В заключение Ельцин сказал, что его тревожит возрождение некоторых опасных тенденций в высших эшелонах партии. За прошедшие семьдесят лет у нас были победы («о чем было сказано Михаилом Сергеевичем»), но были и «уроки тяжелых, тяжелых поражений». Поражения эти происходили из-за того, что в руководстве партией, страной не было коллегиальности, что вся партийная власть была передана в одни единственные руки (ясно, – чьи), благодаря тому, что этот единственный человек, стоявший на вершине власти (ясно, – кто), «был огражден от всякой критики». Нечто похожее начинает складываться и сегодня:

«В последнее время обозначился определенный рост, я бы сказал, славословия от некоторых членов Политбюро... в адрес Генерального секретаря. Считаю, что как раз вот сейчас это просто недопустимо. Именно сейчас, когда закладываются самые

демократические формы, отношения принципиальности друг к другу, товарищеского отношения и товарищества друг к другу. Это недопустимо. Высказать критику в лицо, глаза в глаза – это да, это нужно. А не увлекаться славословием, что постепенно, постепенно опять может стать «нормой», культом личности. Мы этого допустить не можем. Нельзя этого допустить».

В самом конце, после некоторой паузы, Ельцин опять вернулся к теме своей отставки:

«Видимо, у меня не получается в работе в составе Политбюро. По разным причинам. Видимо, и опыт, и другое, может быть, просто и отсутствие некоторой поддержки со стороны, особенно товарища Лигачева, я бы подчеркнул, привели меня к мысли, что я перед вами должен поставить вопрос об освобождении меня от должности, от обязанностей кандидата в члены Политбюро. Соответствующее заявление я передал (видимо, имеется в виду – в том самом письме Горбачеву от 12 сентября. – **О.М.**), а как будет в отношении первого секретаря городского комитета партии, это будет решать уже, видимо, пленум городского комитета партии».

Каким-то странным было это сочетание: критика секретариата ЦК, Политбюро, Горбачева и затем, как в том письме Горбачеву, – признание, что у него «не получается в работе в составе Политбюро». Стало быть, не Политбюро и не Горбачев виноваты, а он сам, Ельцин: «не вписался» в дружный партийный коллектив, отсюда и недовольство этим коллективом. В общем, можно сказать, хорошо «подставился» Борис Николаевич для дальнейшего коллективного «избиения», которому он подвергся.

Текст «обкорнали»?

В принципе ничего такого особо крамольного Ельцин вроде бы и не сказал. Он сам признается, что когда прочитал свое выступление в «Известиях ЦК КПСС», «слегка удивился»: «Мне казалось, что выступил я тогда острее и резче». Были какие-то редакторские купюры? Возможно, были.

Вообще-то, у Ельцина к тому моменту много всего накопилось, и в отношении того, как ведется перестройка, и в отношении Политбюро, и в отношении самого Горбачева. Достаточно полистать его книгу «Исповедь на заданную тему»:

«Думаю, перестройка не застопорилась бы даже при всех тех ошибках в тактике, которые были совершены, если бы Горбачев лично смог переломить себя в вопросах спецблаг. Если бы сам отказался от совершенно ненужных, но привычных и приятных привилегий. Если бы не стал строить для себя дом на Ленинских горах, новую дачу под Москвой, перестраивать еще одну дачу в Пицунде, а затем возводить новую суперсовременную под Форосом (ту самую, где он и окажется заперт в августе 1991-го. – **О.М.**)...

(Как тут не вспомнить двадцать шесть резиденций нынешнего правящего «тандема», о которых немало писали в прессе, в Интернете. Времена меняются, но привычки российских властителей остаются прежними. – **О.М.**)

Он любит жить красиво, роскошно, комфортно. Ему помогает в этом отношении его супруга. Она, к сожалению, не замечает, как внимательно и придирчиво следят за ней миллионы советских людей, особенно женщины. Ей хочется быть на виду, играть заметную роль в жизни страны. Наверняка в сытом, богатом, довольном обществе это было бы воспринято нормально и естественно, но только не у нас, по крайней мере, не сейчас. Это тоже ошибка Горбачева, он не чувствует реакции людей.

Да, впрочем, откуда он может ее чувствовать, если прямой и обратной связи с народом у него нет. Его встречи с трудящимися – маскарад, да и только: несколько человек стоят, разговаривают с Горбачевым, а вокруг целая цепь охраны. А людей этих, проверенных, изображающих народ, на специальных автобусах подвозили...

(Опять – один к одному, все так же, как происходит и сейчас: на телевизионные встречи с Путиным «народ» тщательно отбирают, на митинги в его поддержку так же подвозят на специально зафрахтованных автобусах. – **О.М.**)

А «Зил» для жены? А инициатива Горбачева поднять заработную плату составу Политбюро? Люди все это как-то узнают, скрыть ничего невозможно...

Заявил недавно Рыжков, что прекращается выдача продовольственных пайков, специальный магазин на улице Грановского закрыт. Действительно закрыт, но пайки как выдавались, так и выдаются, только теперь их рассредоточили по столам заказов...

(Сам Ельцин отказался тогда от дач, пайков, спецполиклиники... На лето, чтобы написать книгу, снял маленький домик в двухстах километрах от Москвы, с «удобствами во дворе». Потом, правда, вернулся к некоторым «спецблагам», совсем без них обойтись оказалось невозможным: дочери на работе выдавали по куску мыла в месяц, супруга по два – по три часа в день вынуждена была ходить по магазинам и не могла купить самого элементарного, чтобы накормить семью... – **О.М.**)»

В общем, к пленуму много чего у него накопело, и в реальности, видимо, его выступление действительно было резче, чем оказалось отражено в официальной стенограмме.

Как бы то ни было, резче – не резче, но, по словам Ельцина, «это была первая критика Генерального секретаря, первая попытка не на кухне, а на партийном форуме, гласно разобраться, почему перестройка начала пробуксовывать, это была первая, так сказать реализация провозглашенного плюрализма».

Агу его!

Тут уж, после выступления Ельцина, без «прений» было не обойтись. Председательство решительно взял на себя Горбачев. Как же, дело серьезное. Тут надо, как Чапаеву, – «впереди, на лихом коне»... Лигачев безропотно уступил генсеку председательскую роль.

Горбачев коротко перечислил основные тезисы выступления Ельцина. При этом, не смущаясь, «передернул» его слова об отставке: дескать, по мнению Ельцина, от должности кандидата в члены Политбюро его должен отстранить пленум ЦК КПСС, а от должности первого секретаря горкома – пленум горкома:

– Товарищ Ельцин считает, что дальше он не может работать в составе Политбюро, хотя, по его мнению, вопрос о работе первым секретарем горкома партии решит уже не ЦК, а городской комитет. Что-то тут у нас новое получается. Может, речь идет об отделении Московской городской партийной организации? Или товарищ Ельцин решил на Пленуме поставить вопрос о своем выходе из состава Политбюро, а первым секретарем МГК КПСС решил остаться? Получается вроде желание побороться с ЦК...

Между тем, как мы помним, в своем письме от 12 сентября, обращаясь непосредственно к Горбачеву, Ельцин написал четко и ясно: «Прошу освободить меня от должности первого секретаря МГК КПСС и обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС. Прошу считать это официальным заявлением».

Тут, при этом беспардонном передергивании, предпринятом Горбачевым, – «Получается вроде желание побороться с ЦК», – вспоминаются грозные слова Сталина, брошенные им Бухарину, который попытался защититься от предъявленных ему нелепых обвинений: «Кому ты выдвигаешь ультиматум? ЦК?»

К тому же ФОРМАЛЬНО вопрос об отставке первого секретаря горкома решает действительно не Политбюро и не ЦК, а именно пленум горкома и городская партконференция. Этого Горбачев не мог не знать.

После вступительного слова генсека началось... Выступили двадцать семь ораторов,

единодушно осудивших смутьяна. Ельцин:

«Дальше все пошло, как и ожидалось. Но одно дело, когда я теоретически все это прокручивал в голове, размышляя о том, какие доводы будут приводиться в ответ на мои тезисы, кто выступит. Казалось, что выйдут не самого крупного калибра и не близкие люди. А вот когда все началось на самом деле, когда на трибуну с блеском в глазах взбежали те, с кем вроде бы долго рядом работал, кто был мне близок, с кем у меня были хорошие отношения, – это предательство вынести оказалось страшно тяжело...

Одно выступление за другим, во многом демагогичные, не по существу, бьющие примерно в одну и ту же точку: такой-сякой Ельцин. Слова повторялись, эпитеты повторялись, ярлыки повторялись. Как я выдержал, трудно сказать».

Если вспомнить, как тяжело Ельцин переносил и предыдущие, гораздо менее значительные, стычки с Горбачевым, с Лигачевым, можно себе представить, что он чувствовал теперь, на этом аутодафе.

Из членов Политбюро для Ельцина неожиданными были выступления Рыжкова и Яковлева – он не думал, что они могут произнести такие слова. Как пишет Ельцин, Горбачеву, кажется, хотелось, чтобы именно они выступили: к ним Ельцин всегда относился с уважением – значит, слушать их ему будет особенно тяжело. Этакий садистский расчет (если он действительно был у Горбачева).

Тут я должен сказать, что для меня лично удивительным было выступление в антиельцинском хоре лишь Яковлева. Что касается Рыжкова... Странно, что оно оказалось неожиданным для Ельцина: правоверный, последовательный партноменклатурщик, на дух не приемлющий ни малейшего отступления от «генеральной линии», как бы она ни «колебалась».

Кстати, мы ведь знаем, что Рыжков с самого начала противился, чтобы Ельцина перевели в Москву. Правда, Ельцин в тот момент мог этого и не знать, но все равно... Удивительно, если ему было неизвестно, кто такой Рыжков.

Ельцин кое-что уточняет и признает свою ошибку

Более всего удивительным, однако, было, что и сам Ельцин после прений признал свое выступление ошибкой. Вот некоторые фрагменты из этого его второго выступления на пленуме (помимо клятв в верности партии, Центральному Комитету, перестройке и т.д.)

«Суровая школа сегодня, конечно, для меня за всю жизнь, с рождения, и членом партии, и в том числе работая на тех постах, где доверяли Центральный Комитет партии, партийные комитеты».

«Суровая школа» – это, надо полагать, головомойка, которую ему устроили на пленуме его правоверные товарищи.

«В отношении единства (партийных рядов. – **О.М.**) Нет, это было бы кощунственно, и я это не принимаю в свой адрес, что я... хотел вбить клин в единство Центрального Комитета, Политбюро. Ни в коем случае я это не имел в виду...»

«В отношении славословия. Здесь опять же я не обобщал и не говорил о членах Политбюро, я говорил о некоторых, речь идет о двух-трех товарищах, которые, конечно, злоупотребляют, по моему мнению, иногда, говоря много положительного (в адрес Горбачева. – **О.М.**) Я верю, что это от души, но, тем не менее, наверное, это все-таки не на пользу общую».

Так и слышишь этот извиняющийся голос поверженного бунтаря. Нет, в тот момент он, видимо, еще не был готов идти вперед, как танк.

Горбачеву надоедает это словесное вихляние. Он начинает бесцеремонно учить ослушника политграмоте. Из стенограммы:

«Горбачев. Борис Николаевич...

Ельцин. Да.

Горбачев. Ведь известно, что такое культ личности. Это система определенных политических взглядов, положение, характеризующее режим осуществления политической власти, демократии, состояние законности, отношение к кадрам, к людям. Ты что, настолько политически безграмотен, что мы ликбез этот должны тебе организовать здесь?

Ельцин. Нет, сейчас уже не надо.

Горбачев. Сейчас вся страна втягивается в русло демократизации... И после этого обвинить Политбюро, что оно не делает уроков из прошлого? А разве не об этом говорилось в сегодняшнем докладе?

Ельцин. А между прочим, о докладе, как я...

Горбачев (бесцеремонно прерывает его. – **О.М.**) Да не между прочим. У нас даже обсуждение доклада отодвинулось из-за твоей выходки (как мы помним, никакого обсуждения доклада и не предполагалось, Лигачев завершал заседание; и потом назвать выступление товарища, кандидата в члены Политбюро «выходкой»... – **О.М.**)

Ельцин. Нет, я о докладе первым сказал...

Голоса. О себе ты заботился. О своих неудовлетворенных амбициях (вот уже и какие-то анонимные «верные ленинцы», сидящие в зале, вслед за Горбачевым обращаются к Ельцину «на ты», нынче им все дозволено – таскать мятежника за волосы и бить «мордой об стол». – **О.М.**)

Горбачев. Я тоже так думаю. И члены ЦК так тебя поняли. Тебе мало, что вокруг твоей персоны вращается только Москва. Надо, чтобы еще и Центральный Комитет занимался тобой? Уговаривал тебя? Правильно товарищ Затворницкий сделал замечание. Я лично поддерживаю то, что он вынужден был сказать тебе в глаза...»

Совсем уж какой-то непристойный базарный разговор начинается. Не пленум ЦК, а Тишинский рынок.

Тут надо пояснить, что «товарищ Затворницкий», («знатный строитель», как тогда говорили), когда избиение Ельцина уже фактически закончилось, все же вылез на трибуну и обратился с вопросом к Ельцину: «Как это вы, такой большой руководитель, думаете не о стране, не о партии, а заболели карьеризмом, сводите счеты, забыв о трудных делах, на которые мы поднялись. Разве это позволительно? Непозволительно!» Товарищ Затворницкий обвинил Ельцина в желании «прорваться в члены Политбюро» – дескать, это главный побудительный мотив его выступления. Обратился оратор и к пленуму: мол, чего вы так долго с этим Ельциным возитесь! Вон в октябре 1964-го участники пленума «в полтора раза быстрее справились» – сняли Хрущева со всех постов.

Вот ведь и сравнения с Хрущевым удостоился Ельцин. Тот вроде бы повыше на партийных и государственных постах стоял...

Уже вроде бы все «отоспались» на Ельцине «по полной программе» – нет, знатному строителю надо совсем уж «выпрыгнуть из штанов», «врезать» побиваемому «с оттяжкой», отличиться. «Дайте мне, а то помру!»

Как тут не вспомнить схожие фигуры, внезапно возникавшие из небытия уже в более позднее, путинское, время. Например, «знатного танкостроителя» из Нижнего Тагила г-на Холманских, который тоже вот так, со сладострастием, лупил московских «бездельников», протестовавших против фальсификаций на выборах, и за это получил неслыханное повышение: с малозначительной должности начальника цеха скакнул аж в полномочные представители президента по всему Уральскому федеральному округу. Случилось это ни много, ни мало спустя почти четверть века после того пленума ЦК, на котором избивали Ельцина.

Да, мало что меняется в России...

«Гражданская казнь» Ельцина

Но избивание Ельцина продолжается:

«Горбачев. Надо же дойти до такого гипертрофированного самолюбия, самомнения, чтобы поставить свои амбиции выше интересов партии, нашего дела! И это тогда, когда мы находимся на таком ответственном этапе перестройки. Надо же было навязать Центральному Комитету партии эту дискуссию! Считаю это безответственным поступком. Правильно товарищи дали характеристику твоей выходке (вот опять – «выходка». – **О.М.**)

Скажи по существу, как ты относишься к критике?

Ельцин. Я сказал, политически как я отношусь к этому».

Но Горбачев не выпускает его из своих «когтей»:

«Горбачев. Скажи, как ты относишься к замечаниям товарищей по ЦК. Они о тебе многое сказали и должны знать, что ты думаешь. Они же будут принимать решение (как будто решение «товарищей» уже фактически не принято, как будто оно зависит от того, что скажет Ельцин. – **О.М.**)

Ельцин. Кроме некоторых выражений, в целом я с оценкой согласен. То, что я подвел Центральный Комитет и Московскую городскую организацию, выступив сегодня, – это ошибка».

Это центральный момент. Ельцин признал свое выступление ошибочным. После он будет говорить, что ошибка заключалась лишь в том, что он выступил с критикой на «юбилейном» пленуме, на пленуме, где обсуждался доклад, посвященный 70-летию «Великого Октября», так сказать, испортил товарищам приближающийся праздник, однако здесь, в последней ельцинской реплике, нет ни слова о «Великом Октябре». Просто: мое выступление ошибка, – и все.

«Горбачев. У тебя хватит сил дальше вести дело?

Голоса. Не сможет он. Нельзя оставлять на таком посту.

Горбачев. Подождите, подождите, я же ему задаю вопрос. Давайте уж демократически подходить к делу. Это же для всех нас нужен ответ перед принятием решения.

Ельцин. Я сказал, что подвел Центральный Комитет, Политбюро, Московскую городскую партийную организацию и, судя по оценкам членов Центрального Комитета партии, членов Политбюро, достаточно единодушным, я повторяю то, что сказал: прошу освободить и от кандидата в члены Политбюро, соответственно и от руководства Московской городской партийной организацией».

Горбачев добивает поверженного Ельцина

Однако Горбачеву все еще не хочется «просто так» отпустить ослушника. Ему кажется, что ослушник еще недостаточно наказан. В своем пространном заключительном слове (коротко он говорить не умеет) он продолжает его истязать:

«Я, конечно, считаю, что каждый может ставить перед Пленумом ЦК любые вопросы. Но есть же определенная этика...»

Ну что уж такого неэтичного совершил, ей-Богу, Ельцин? Ну, выступил. Ну слегка покритиковал. Вы же сами провозгласили гласность. Объявили, что не существует зон, закрытых для критики.

«Такое поведение... всех нас поражает. На таком Пленуме предъявить свои амбиции и увести Пленум от обсуждения серьезных проблем...»

И причем здесь амбиции?

Что касается обсуждения серьезных проблем, – как уже говорилось, никакого обсуждения на Пленуме проводить не предполагалось, Лигачев закрывал заседание. Так что никуда Ельцин почтенное собрание не уводил.

«Товарищ Ельцин выдвигает свои эгоистические вопросы. Ему, понимаете, не терпится,

не хватает чего-то! Суется все время... Насколько же надо быть безответственным, потерявшим чувство уважения к товарищам, чтобы вытащить все эти вопросы перед ЦК!»

Ну злодей, ну злодей Ельцин! Вытащил перед ЦК «свои эгоистические вопросы»! Где же здесь эгоизм, Михаил Сергеевич? Где вы его нашли?

«Сейчас, товарищ Ельцин, ты получил то, что должен был получить. Участниками Пленума политически верно и правильно оценена твоя позиция».

Ох, знаем мы, чего стоит это партийное единство! Особенно когда требуется «дать отлуп» смутьяну и ослушнику, хотя бы чуть-чуть отклонившемуся от «генеральной линии».

Горбачев принимается защищать от «нападок» Ельцина Политбюро и Секретариат. И, что особенно важно, – горячо защищать товарища Лигачева:

«Надо отвергнуть как очень серьезный промах то, что товарищ Ельцин бросил тень на деятельность Политбюро и Секретариата, на обстановку в них.

Теперь что касается товарища Лигачева. Он весь на виду. Такая особенность этого человека – весь на виду. Открытый, с боевым характером, эмоциональный человек, но человек, который имеет огромный политический опыт, предан делу перестройки. Костями, так сказать, ложится за нее.

Это пустые разговоры, болтовня зарубежного радио, что у нас нет единства. Нас хотят посорить, столкнуть то Горбачева с Лигачевым, то Яковлева с Лигачевым и так далее».

На самом деле никакого единства не было. И чем дальше, тем более очевидно это становилось. А уж о несовместимости Лигачева и Яковлева и говорить нечего...

Под конец, однако, Горбачев, несколько смиростивился по отношению к Ельцину:

«Видимо, и теоретически, и политически товарищ Ельцин оказался неподготовленным к такому посту, и ему сейчас трудно. Но я вот не сказал бы, что эта должность непосильна ему в перспективе, если он сможет сделать выводы. Ведь в партии у нас и более острые бывали ситуации, вспомните ленинские времена, товарищи. (Да уж, есть что вспомнить: где в конце концов оказывались те, кто осмеливался выступать против этой самой «генеральной линии»? У расстрельной стенки оказывались, в лучшем случае – в концлагере. – **О.М.**) Мы должны и восстанавливаем дух того периода во всем. Поэтому я не драматизирую сегодняшнюю дискуссию».

В заключение, подводя итог своей речи, Горбачев произнес до некоторой степени загадочный пассаж:

«Это то, что, думается, положено было сказать на Пленуме в связи с выступлением товарища Ельцина. Но я не услышал в его заключительном слове ответа на прямой вопрос: способен ли он взять себя в руки и уверенно повести дело. Сейчас я в трудном положении, но заключил бы так: все-таки, товарищи, не надо сгоряча решать этот вопрос. Я вношу предложение. Первое. Пленум ЦК КПСС признает выступление товарища Ельцина политически ошибочным. Не расшифровывать, по каким вопросам и что. Оно по всем пунктам политически ошибочно. И второе. Поручить Политбюро ЦК КПСС, Московскому горкому партии рассмотреть вопрос о заявлении товарища Ельцина об освобождении его от обязанностей первого секретаря МГК КПСС...»

Что имел в виду Горбачев, говоря, что не услышал от Ельцина ответа на «прямой вопрос», сможет ли тот «взять себя в руки и уверенно повести дело» и тем поставил генсека «в трудное положение»? Если бы Ельцин сказал, что сможет, тогда, хорошенько отплясавшись на нём, поверженном, его бы все-таки оставили на прежних постах? По-видимому, так оно и было бы. Но Ельцин этого не сказал и не отозвал своего заявления об отставке. Горбачеву не оставалось ничего другого, как предложить то, что он предложил.

И еще один момент, как бы смягчающий наказание: Горбачев не предложил рассмотреть вопрос об отстранении Ельцина от обязанностей кандидата в члены Политбюро – видимо, опять в расчете, что через какой-то короткий срок Ельцин «возьмет себя в руки», вернется в монолитные партийные ряды.

Пленум принял то постановление, которое предложил Горбачев: «первое», «второе»...

Татьяна Юмашева:

«Папа вернулся с того пленума убитым. Он считал, что найдутся те, кто его поддержит. Но таких не нашлось. И он остался один».

Для чего Горбачеву понадобилась эта расправа?

Обращает на себя внимание очевидное несоответствие, «непропорциональность» между... не скажу довольно робким, – но весьма умеренным выступлением Ельцина и той буквально разнузданной словесной, а потом и организационной расправой, которой он после этого подвергся. Вроде бы времена-то уже были другие. Гласность... И в прессе, и на улице уже такое можно было услышать! Но тут иное дело, тут «бунт» случился в главном партийном штабе – в ЦК, на его пленуме.

После такая же, или еще большая, антиельцинская вакханалия продолжалась на пленуме Московского горкома, на XIX партконференции... Для чего Горбачеву понадобилась такой «форсаж»?

Объяснения могут быть разные... Возможно, все дело в том, что генсеку, осуществлявшему перестройку, приходилось непрерывно вести бои с «правыми», с консервативной бюрократией, с ярыми антиперестройщиками, обвинявшими его во всех смертных грехах – в отступлении от того, от сего, от социализма, от марксизма-ленинизма, от священных коммунистических идеалов... Не исключено, что на примере Ельцина он захотел отчетливо показать: он не только противник «правых» консерваторов, но и «левых» радикалов – тех, кто суетится, проявляет нетерпение, стремится любыми способами ускорить события, перепрыгнуть через ступеньки... Дескать, он, генсек, и возглавляемое им Политбюро ведут страну прямым, выверенным курсом, не отклоняясь ни вправо, ни влево.

Собственно, Горбачев сам говорил об этом – что ему приходится отбивать атаки и справа, и слева. Вот его слова, сказанные на совещании в ЦК КПСС 20 ноября 1987 года:

– Мы знаем сегодня...: консерватизм и искусственный авангардизм, сколь бы различной ни была их риторика, на деле в конце концов смыкаются друг с другом. Такова диалектика политики. Смыкаются на почве насилия над действительностью, ибо стремятся загнать ее в тупики: одни – старых, изживших себя форм и догм, другие – абстрактных схем, опасных своей демагогической агрессивностью и пустотой иллюзий.

Вот так Ельцин (а здесь прежде всего, конечно, имелся в виду именно он) стал еще и «авангардистом». А вообще ярлыков для него Горбачев в ту пору придумал великое множество.

И еще – из выступления Горбачева на встрече с руководителями СМИ, идеологических учреждений и творческих союзов 8 января 1988 года:

– Нередко критикуют и нашу линию: одни – справа, другие – слева. Последние говорят, что перестройка будто бы остановилась, призывают к более решительным мерам, к перетряске кадров (! – **О.М.**) и тому подобному. Это, в частности, проявилось на октябрьском Пленуме ЦК партии. Что показала дискуссия на Пленуме? То, что сейчас, когда мы приступили к серьезной работе, к практическому осуществлению политики перестройки, воплощению ее в жизнь, «ультраперестроечная» фразеология оказалась беспомощной. У представителей «революционной» фразы нет ни выдержки, ни готовности взять на себя ответственность, тяжесть упорной и длительной работы, чтобы вывести наше общество на новые рубежи.

Вот и еще ярлыки для Ельцина: приверженец «ультраперестроечной» фразеологии, представитель «революционной» фразы...

В общем, скажу еще раз, на мой взгляд, публичная «гражданская казнь» Ельцина понадобилась Горбачеву, чтобы показать партийным ретроградам: вот, мол, я не только вам даю «отлуп», но и вашим антиподам – «авангардистам», «ультраперестройщикам», «революционным» радикалам.

Возможно, для партийной бюрократии это и было достаточно убедительным уроком. Но для народа... Хотя материалы пленума и не были опубликованы, держались в секрете, но как удержать в секрете то, чему стали свидетелями многочисленные члены пленума ЦК? Слухи о том, что на заседании партийной коммунистической верхушки Ельцин восстал против этой самой верхушки, за что подвергся репрессиям, распространились довольно быстро. А то, что происходило на состоявшемся вскоре пленуме Московского горкома, и вовсе не скрывалось, было представлено широкой публике. И хотя Ельцин на этом пленуме был явлен в не очень приглядном виде (не исключено, что это было сделано сознательно), симпатии к нему все возрастали. Наш народ вообще быстро проникается сочувствием к обиженным. К тому же надо учесть, что в данном случае в качестве обидчика выступала опостылевшая всем коммунистическая бюрократия. Правда, народное мнение еще ставило Горбачева отдельно от наиболее оголтелых «коммуняк», но и он уже начинал всем надоедать своими бесконечными обтекаемыми речами и медленным продвижением дела.

Кстати, Горбачев сам, в своем выступлении 8 января признал:

– Не будем скрывать, что партийный отпор этой фразеологии (то есть ельцинской «фразеологии». – **О.М.**) был воспринят какой-то частью интеллигенции, особенно частью молодежи, как удар по перестройке...

Да не только частью интеллигенции и частью молодежи он был так воспринят. Многие в народе отнеслись к этому «партийному отпору» с подозрением и настороженностью: опять возвращается «закручивание гаек»?

В общем, эффект от этой многоступенчатой расправы над Ельциным получился обратный. Его авторитет, вместо того, чтобы оказаться похороненным, все возрастал. И в этом заключалась тактическая ошибка Горбачева, затеявшего «гражданскую казнь» Ельцина.

Ельцин кается, но заявление об отставке не отзывает

И еще одна неясность, касающаяся октябрьского пленума, теперь уже относящаяся к самому Ельцину: чем все-таки объяснить, что он покался – дескать, ошибся, подвел товарищей, Политбюро, Московский горком? Не выдержал напора осуждающих? Сам, поразмыслив, решил, что неправ? После, как уже говорилось, он объяснял, что ошибкой признал не содержание своего выступления, а то, что неудачно выбрал время для него: как-никак, это ведь был «юбилейный» пленум, семидесятилетие «Великой Октябрьской»; получается – испортил людям праздник... Однако это позднейшее объяснение. На самом пленуме ничего такого, – что его ошибка связана с неподходящей датой выступления, – он не говорил.

Но даже если и в самом деле под ошибкой он подразумевал лишь неудачно выбранный момент для критики партийного руководства, стоило ли извиняться, признавать «ошибку»? Как-никак, Ельцин вступал в смертельную борьбу с партийной верхушкой, с Горбачевым, и публичный конфликт был тут вполне подходящим оружием.

Впрочем, он, по-видимому, и сам еще не вполне осознавал значение этого своего шага. Мы ведь читали его признание: «Когда я шел на трибуну, конечно же, не думал, что мое выступление станет каким-то шагом вперед, поднимет планку гласности, сузит зону вне критики и так далее... Нет, об этих вещах не думал. Важно было собрать волю в кулак и сказать то, что не сказать не могу».

Почему все-таки он стал каяться? Валентин Юмашев считает: все дело в длительном «партийном стаже»:

– Лично я это объясняю долгими годами его пребывания в партийных рядах. К тому же не рядовым ее членом, на последнем этапе – первым секретарем обкома, секретарем ЦК, кандидатом в члены Политбюро. Там ведь были вполне определенные, строгие правила игры. Если тебе «указывают на ошибки», ты должен их признать, без вариантов. Это было

доведено почти до автоматизма. И вырваться из него после стольких лет было не так-то легко.

31 октября на заседании Политбюро Горбачев сообщил, что получил от Ельцина новое письмо (странный способ общения между кандидатом в члены Политбюро и генсеком), в котором тот еще раз признает допущенную ошибку, сообщает, что бюро Московского горкома обсудило сложившуюся ситуацию, одобрило решение пленума ЦК (еще бы оно не одобрило его!), призвало Ельцина взять назад заявление об отставке. Однако Ельцин вновь отказался это сделать.

Экзекуция на пленуме горкома

Как пишет Ельцин, он тяжело переживал происходящее. Переживания перехлестывали через край. 9 ноября с сильным приступом головной боли, боли в сердце его отвезли в больницу. По его словам, врачи «сразу накачали лекарствами, в основном успокаивающими, расслабляющими нервную систему». Запретили вставать с постели, постоянно ставили капельницы, делали новые уколы. Головные боли были «сумасшедшие». Его хотела навестить жена – не пустили: нельзя беспокоить.

А ему ведь тогда было всего-навсего пятьдесят шесть...

И вот в таком состоянии генсек, по рассказу Ельцина, потребовал его «на ковер»:

«Вдруг утром 11 ноября раздался телефонный звонок. АТС-1, «кремлевка», обслуживающая высших руководителей. Это был Горбачев. Как будто он звонил не в больницу, а ко мне на дачу. Он спокойным тоном произнес: «Надо бы, Борис Николаевич, ко мне подъехать ненадолго. Ну, а потом, может быть, заодно и Московский пленум горкома проведем». Говорю, я не могу приехать, я в постели, мне врачи даже вставать не разрешают. «Ничего, – сказал он бодро, – врачи помогут».

Если все действительно было так, как пишет Ельцин... Гм... Тут трудно подобрать слова. Самые мягкие: не слишком это гуманно, скажем так.

«Этого я никогда не смогу понять, – продолжает Ельцин. – Не помню в своей трудовой деятельности, чтобы кого бы то ни было – рабочего, руководителя – увезли бы больного из больницы, чтобы снять с работы. Это невозможно. Я уж не говорю, что это элементарно противоречит КЗоТу, хотя у нас вроде к руководителям КЗоТ отношения не имеет (да, для высшей партноменклатуры существовали свои законы, не те, что для остальных прочих. – **О.М.**) Как бы плохо Горбачев ни относился ко мне, но поступать так – бесчеловечно, безнравственно... Я от него просто этого не ожидал. Чего он боялся, почему торопился? Думал, что я передумаю? Или считал, что в таком виде со мной как раз лучше всего на пленуме Московского горкома партии расправиться? Может быть, добить физически? Понять такую жестокость невозможно...»

Пришлось собираться. Врачи вынуждены были подчиниться, снова принялись «накачивать» больного всевозможными затормаживающими средствами.

«Голова кружилась, ноги подкашивались, я почти не мог говорить, язык не слушался, жена, увидев меня, стала умолять, чтобы я не ехал, просила, уговаривала, требовала. Я, почти как робот, еле передвигая ногами, практически ничего не понимая, что происходит вокруг, сел в машину и поехал в ЦК КПСС».

В таком «малоадекватном» состоянии Ельцин оказался на Политбюро, потом – на пленуме горкома.

Сам он так описывает происшедшее на пленуме:

«Как назвать то, когда человека убивают словами, потому что, действительно, это было похоже на настоящее убийство?.. Ведь можно было просто меня освободить на пленуме. Но нет, надо было понаслаждаться процессом предательства, когда товарищи, работавшие со мной бок о бок без всяких признаков каких-то шероховатостей, вдруг начинали говорить

такое, что не укладывается у меня в голове до сих пор...»

После он часто возвращался в мыслях к тому пленуму, пытаясь понять, что же толкало людей на трибуну, почему они шли на сделку со своей совестью и бросались по указке «главного егеря: «Ату его! Ату!...» Да, по словам Ельцина, «это была стая. Стая, готовая растерзать его на части».

Аргументов было мало, – в основном демагогия, домыслы, фантазия, прямая ложь...

Читая стенограмму...

Вновь скажу: сегодня трудно понять, как могло довольно сдержанное выступление Ельцина на октябрьском пленуме ЦК вызвать такую неистовую истерию, в том числе и на пленуме горкома.

Тон задал Горбачев. Сказав, что вообще-то «в партии не должно быть ни зон, закрытых для критики, ни работников, огражденных от нее» (про эти «зоны» тогда на каждом шагу говорилось), он, тем не менее, направил весь ход разговора в сторону «четвертования» смутьяна, осмелившегося нарушить границы этой самой зоны, которая в действительности существовала вокруг него самого, генсека, и Политбюро: эти границы никому не было дозволено переступить. «Товарищ Ельцин поставил личные амбиции выше интересов партии...», «Безответственный и безнравственный поступок товарища Ельцина наносит ущерб самому необходимому для нас сейчас – объединению всех сил, мобилизации всех возможностей для решения задач перестройки...»

Атака на Ельцина пошла по известному принципу «Сам дурак!»: «Ах, ты нас критикуешь? – Да ты лучше на себя посмотри, ты ведь всю работу в городе развалил!» И главное обвинение – неуважение к кадрам, неумеренная перетряска кадров. Горбачев:

«Втянувшись на начальном этапе в широковещательные заявления и обещания, что в значительной мере питалось его непомерным тщеславием, стремлением быть всегда на виду, товарищ Ельцин упустил, ослабил руководство городской партийной организацией, работу с кадрами...», «Видя, что дело начало стопориться, обстановка в столице не улучшается, а в чем-то даже ухудшилась, товарищ Ельцин попытался переложить ответственность за собственные крупные недостатки в работе на других и прежде всего на руководящие кадры. Горком партии по инициативе товарища Ельцина, при его самом активном участии, по сути дела, начал по второму кругу перетряску кадров...»

Потом Горбачев будет говорить, что в перетряске кадров Ельцин пошел не только по второму, но и по третьему кругу.

Горбачев будто забыл, что когда Ельцина назначили, одной из главных задач, прямо озвученной или подразумеваемой, было – очистить Москву от гришинских руководящих кадров, то есть, в первую очередь, от поставленных Гришиным секретарей райкомов; без этого ни о каком улучшении дел в столице нечего было и думать. И вот теперь это ставится ему в главную вину. Горбачев: «В общем, товарищи, стиль и методы товарища Ельцина, для которых характерны псевдореволюционная фраза, псевдорешительность, оказались несостоятельными...»

А в чем, собственно, проявилась эта несостоятельность? Никаких доказательств тому не приводится. Слова, слова, слова...

Слова генсека, разумеется, охотно были подхвачены всеми участниками заседания. И пошло-поехало, на голову Ельцина обрушился бурный поток обвинений и поношений: «Не могу считать случайностью или ошибкой поведение товарища Ельцина на пленуме ЦК. Это была далеко не ошибка, а рассчитанный, в том числе и по времени, удар в спину Центрального Комитета партии и его Политбюро... Поступок товарища Ельцина – это откровенный авантюризм...», «Такая выходка, иначе не назовешь, не случайна, она вытекает из стиля работы товарища Ельцина...», «Действия Бориса Николаевича следует

рассматривать как подножку делу перестройки, подножку всем москвичам...», «Даже бросить тень сомнения, что у москвичей может быть какая-то иная позиция, чем позиция ЦК, – это кощунство (во как! – **О.М.**) Это огромное, если угодно, партийное преступление, иначе нельзя квалифицировать...», «Заявление, которое было сделано товарищем Ельциным, фактически сыграло на руку противникам. Цитируют и берут в качестве знамени...», «Кадровая чехарда, которая происходила в нашей организации, нелепа, она не на пользу перестройке... Михаил Сергеевич, члены Политбюро, мы всегда были, есть и будем помощниками партии...», «Самовозвышение, авторитарный стиль работы, нежелание считаться с товарищами по партии, на мой взгляд, и привели к вызывающему поведению товарища Ельцина на Пленуме Центрального Комитета партии...»

Такое вот групповое... избиение человека, осмелившегося выйти с критикой на высокую партийную трибуну. При этом, надо сказать, почти никто из выступающих, за исключением нескольких человек, на пленуме ЦК не был, но... Как говорится, Пастернака не читал, но – не нравится!

Раз или два, правда, прорвались все же голоса, что не такой уж и плохой Ельцин. «Он работал много, самоотверженно, творчески, его работа оказывала заметное влияние на работу городской партийной организации...», «Есть у товарища Ельцина положительные качества. Это и явилось основанием того, что он стал первым секретарем обкома партии в Свердловске...»

Но эти немногие добрые слова тонули в океане помоев, которыми обливали Ельцина. Да и сам человек, который их произносил, тут же как бы спохватывался – что это я! – и тут же вливался в общую струю поношения отступника.

Очередное покаяние Ельцина

Самым удивительным опять-таки было, что Ельцин и тут даже не предпринял попытки отстоять свою критическую позицию. Правда, как он пишет, состояние его было таково, что он вообще плохо воспринимал происходящее. Однако его выступление, как оно было опубликовано в газетах («Правде», «Московской правде») – вполне логичное, гладкое, «причесанное». Не несущее в себе никаких следов плохого самочувствия оратора. Вот как оно выглядело в «Московской правде»:

«Я думаю, нет необходимости давать здесь себе оценку, поскольку мой поступок просто непредсказуем. Я и сегодня, и на Пленуме Центрального Комитета, и на Политбюро, и на бюро горкома, и на нынешнем пленуме много выслушал того, что я не выслушал за всю свою жизнь. Может быть, это и явилось в какой-то степени причиной того, что произошло.

Я только хочу здесь твердо заверить и сказать, Михаил Сергеевич, вам и членам Политбюро и секретарям ЦК, здесь присутствующим, и членам горкома партии, всем тем, кто сегодня на пленуме горкома, первое: я честное партийное слово даю, конечно, никаких умыслов я не имел, и политической направленности в моем выступлении не было.

Второе: я согласен с той критикой, которая была высказана. Наверное, товарищ Елисеев сказал правильно – если бы это было раньше, то было бы на пользу (Елисеев – летчик-космонавт, в то время ректор МВТУ имени Баумана. – **О.М.**)

Я должен сказать, что я верю, убежден по-партийному абсолютно твердо в генеральную линию партии и в решения XXVII съезда. Я абсолютно убежден в перестройке и в том, что как бы она трудно ни шла, она все равно победит. Другое дело, что она, и в этом иногда у нас действительно бывают разные нюансы оценок, и по разным регионам, и даже по разным организациям идет по-разному. Но, конечно, я в перестройку верю, и здесь не может быть никаких сомнений. Я перед вами, коммунистами, проработавшими два года вместе в партийной организации, заявляю абсолютно честно. И любой мой поступок, который будет противоречить этому моему заявлению, конечно, должен будет привести к исключению из

партии.

В начале прошлого года я был рекомендован Политбюро и избран здесь на пленуме первым секретарем горкома партии, сформировалось бюро (на самом деле, если говорить точно, первым секретарем МГК КПСС Ельцин был избран 24 декабря 1985 года. – **О.М.**) И надо сказать, бюро работало очень плодотворно. Сформировался исполком Моссовета, в основном я имею в виду председателя, его заместителей, которые, конечно, и это отмечали многие, стали заниматься конкретной работой. Но, начиная примерно с этого года, я стал замечать, что у меня получается плохо. Вы помните, мы на пленуме московского городского комитета партии говорили о том, что надо каждому руководителю, если у него не получается, всегда честно сказать, прийти и честно сказать в свой вышестоящий партийный орган, что у меня не получается. Но здесь, конечно, была тоже тактическая ошибка. Видимо, это было связано с перегрузкой и прочим. Но оно действительно стало получаться у меня, я не могу сказать про все бюро, стало получаться в работе хуже. Сегодня, пожалуй, наиболее четко это выразилось в том, что легче было давать обещания и разрабатывать комплексные программы, чем затем их реализовывать. Это во-первых. И во-вторых, именно в этот период, то есть в последнее время, сработало одно из главных моих качеств – это амбиция, о чем сегодня говорили. Я пытался с ней бороться, но, к сожалению, безуспешно.

Главное сейчас для меня как для коммуниста Московской организации – это, конечно, что же все-таки сделать, какое решение принять, чтобы меньше было ущерба для Московской организации. Конечно, ущерб он есть, и ущерб нанесен, и трудно будет новому первому секретарю городского комитета партии, бюро и городскому комитету партии сделать так, чтобы вот эту рану, которая нанесена, этот ущерб, который нанесен, и не только Московской организации, чтобы залечить ее делом как можно быстрее.

Я не могу согласиться с тем, что я не люблю Москву. Сработали другие обстоятельства, но нет, я успел полюбить Москву и старался сделать все, чтобы те недостатки, которые были раньше, как-то устранить.

Мне было особенно тяжело слушать тех товарищей по партии, с которыми я работал два года, очень конкретную критику, и я бы сказал, что ничего опровергнуть из этого не могу.

И не потому, что надо бить себя в грудь, поскольку вы понимаете, что я потерял как коммунист политическое лицо руководителя. Я очень виновен перед Московской партийной организацией, очень виновен перед горкомом партии, перед вами, конечно, перед бюро и, конечно, перед Михаилом Сергеевичем Горбачевым, авторитет которого так высок в нашей организации, в нашей стране и во всем мире.

И я, как коммунист, уверен, что Московская организация едина с Центральным Комитетом партии, и она очень уверенно шла и пойдет за Центральным Комитетом партии».

Ельцина заменяют Зайковым

Такое вот самобичевание, самоистязание. Совсем не похоже, что плохо себя чувствующего, плохо соображающего человека выдернули из больничной койки, привезли на заседание, заставили выслушать потоки ругани в свой адрес и затем вытолкнули на трибуну.

Сам-то я помню, что выступление Ельцина не было таким гладким. Он действительно говорил с трудом, спотыкался чуть ли не на каждом слове, временами его вообще трудно было понять. Многие тогда подумали, что он не вполне трезв.

По-видимому, его выступление перед публикацией в газетах действительно было кем-то отредактировано, «причесано», приведено в пристойный вид.

Как бы то ни было, мы имеем, что имеем, – документ, от которого и надо отталкиваться. Магнитофонную запись сейчас вряд ли где разыщешь... Человек признается во всех своих грехах, мыслимых и немыслимых, поет осанну партии, центральному комитету, Горбачеву, клянется быть им верным до гроба. Что случилось? Вроде бы Ельцин

решился на мужественный поступок, на протест, и вдруг – такой позорный откат.

Я думаю, осенью 1997 года Ельцин еще не был тем Ельциным, которым он стал позднее, каким его узнали в лучший период его жизни. Да, он решился на протест, но при этом не очень взвесил свои силы, не очень рассчитал, выдержит ли борьбу. Не выдержал. В этот момент он все еще оставался «верным солдатом партии», человеком номенклатуры, который прекрасно знал, как надо себя вести, что говорить, что делать, если на тебя обрушивается огонь из орудий всех калибров, если тебя начинают бичевать за твои ошибки, неважно, совершил ты их или не совершил. Программа тут простая: стать по стойке «смирно», все ошибки беспрекословно признать, еще и от себя добавить, заверить, что больше никогда ничего подобного не повторится, заверить, что ты до конца будешь верно служить делу партии, строго следовать курсу ЦК, Политбюро, генсека.

Эту программу Ельцин знал наизусть, тут и придумывать нечего было, просто выйти на трибуну и отрапортовать. А если сразу, на самом заседании, отрапортовать не получится (плохо себя чувствуешь), можно потом поручить помощникам написать для опубликования все четко и внятно. Против такой корректировки никто возражать, естественно, не будет, главное, чтобы там уже не было никаких признаков вольнодумства.

В общем, на пленуме МГК, как и на пленуме ЦК, разгром был полный.

11 ноября пленум Московского горкома освободил, наконец, Ельцина от должности первого секретаря столичного горкома.

На освободившееся место был избран член Политбюро Лев Зайков.

Еще раз про амбиции

В заключительном слове Горбачев отечески (хотя они почти ровесники) пожурил Ельцина, снова сделав упор на слове, которое беспрерывно звучало на этом заседании (и сам Ельцин его упомянул), – на слове «амбиции»:

– Должен сказать, Борис Николаевич, помешали тебе амбиции твои, очень помешали.

Ну, вроде все уже ясно с «амбициями», так нет, надо снова и снова это слово мусолить.

Еще Горбачев рассказал о некоем эпизоде на недавнем, октябрьском, пленуме, где Ельцин позволил себе выступить с критикой Политбюро, Лигачева, Горбачева, об эпизоде, который, по словам генсека, сильно растрогал его, – о том самом «товарище Затворницком»:

– Когда все товарищи высказались и дали оценку выступлению товарища Ельцина как политически ошибочному, я спросил, есть ли другие предложения. Товарищ Затворницкий, известный наш строитель, поднял руку и подошел к трибуне. Я не против, сказал он, решения ЦК. У меня вопрос к товарищу Ельцину. Как это вы, такой большой руководитель, думаете не о стране, не о партии, а заболели карьеризмом, сводите счеты, забыв о трудных делах, на которые мы поднялись. Разве это позволительно? Непозволительно!

– Меня эти слова Владимира Андреевича Затворницкого прямо по сердцу полоснули.

Действительно, есть чем по сердцу полоснуть. Уже вроде бы все «отоспались» на Ельцине «по полной программе» – нет, знатному строителю надо еще и «сверх программы» «вмазать» лежачему, поверженному, последний удар нанести, чтобы уж не поднялся, «контрольный выстрел» сделать. А генсека это примитивное вранье – «заболел карьеризмом», «сводит счеты» – ну прямо до сердца трогает, пронимает.

Позже Горбачев будет не раз обижаться на Ельцина, и по делу, и не по делу, но при этом, наверное, не все вот такие случаи, когда он сам поступал по отношению к Ельцину не очень-то и пристойно, вспомнятся ему.

Кстати, после этой ссылки генсека на рабочего можно было вообще пропеть гимн передовому классу:

– Мы – партия рабочего класса, всего народа... – сказал Горбачев. – Рабочий класс выстрадал перестройку, он горой стоит за перемены, за обновление, за нравственное

обновление общества.

Да, некоторая часть рабочего класса, конечно, сыграла свою роль в перестройке. Те же шахтеры, объявлявшие забастовки, стучавшие касками на Горбатом мосту. Но в целом в первых рядах тогдашних преобразований, разумеется, шла интеллигенция. Больше всего именно ее «достал» марксизм-ленинизм. Догмы «единственно верного» учения не позволяли генсеку это признать, они требовали, как всегда, петь аллилуйя рабочему классу.

Но это так, к слову...

«До политики я тебя больше не допущу»

Итак, Ельцин стал безработным. Что делать дальше? Ельцин:

«Горбачев осторожно говорил о пенсии. Врачебный консилиум сразу предложил мне подумать об этом. Сначала я, поговорив с женой, сказал: подождите, к этому разговору вернемся после выхода из больницы. Потом подумал, поразмышлял серьезно. Нет, решил, пенсия для меня – это верная гибель. Я не смогу перебраться на дачу и выращивать укроп, редиску. Мне нужны люди, работа, без нее я пропаду. Сказал врачам, что не согласен».

Как видим, был и такой вариант – Ельцин уходит на пенсию. Начало 1988-го. Ельцину, напомним, еще пятидесяти семи нет – какая пенсия! Если бы это произошло, история России сложилась бы, наверное, как-то иначе. В российской истории часто так случается, что многое зависит от одного человека.

В тот момент, когда Ельцин еще находился в больнице, ему опять позвонил Горбачев и предложил работу первого заместителя председателя Госстроя СССР в ранге министра. Ельцину в тот момент, по его словам, «было абсолютно все равно», и он согласился, не раздумывая.

Однако при этом Горбачев его предупредил: «До политики я тебя больше не допущу».

Возможно, эта бесцеремонная горбачевская фраза – «До политики я тебя больше не допущу» – и определила во многом дальнейшее ЛИЧНОЕ отношение Ельцина к Горбачеву. Смотрите, он меня не допустит! А я его буду спрашивать...

Как уже говорилось, Горбачев всегда обращался к Ельцину «на ты» (тот к нему – «на вы»). Впрочем, не к нему одному – ко всем партийным товарищам, стоявшим на ступеньку ниже его. Не думаю, что к Брежневу или к Суслову, будучи рядовым членом Политбюро, он обращался так же. Помнится, когда он приехал к нам в «Литгазету», где я тогда работал, меня во время общей беседы в редакции, как и других журналистов, заглядывая в лежащий перед ним список, он величал по имени-отчеству: «На ваш вопрос, Олег Павлович, я отвечу так...» Это, разумеется, не означало, что к нам, литгазетовцам, он относится с большим уважением, чем к членам Политбюро. Там, напротив, генсековское «ты» означало особое товарищеское, дружеское расположение, особую доверительность. Такая манера общения, я уже упоминал об этом, вообще была распространена в партийной среде. Да и Ельцину, надо полагать, в душу запало не горбачевское «ты» (к нему он давно привык), а «До политики я тебя больше не допущу». Посмотрим, как ты не допустишь! Надо думать, этот «волчий билет», выданный Горбачевым Ельцину, послужил для последнего дополнительным стимулом, чтобы устремиться в политику, устремиться напролом, благо наступило время, когда на политическую деятельность генсекова разрешения уже не требовалось.

И еще. В дальнейшем, занимая совсем другие, более высокие посты, уже повыше даже, чем Горбачев, Ельцин не всегда поступал с бывшим генсеком и президентом справедливо или хотя бы вежливо. Нередко у меня как у журналиста появлялось желание резко написать об этом. И писал. Но как вспомнишь хотя бы садистскую экзекуцию, которой Горбачев подверг Ельцина после не очень-то уж и дерзкого его выступления на октябрьском пленуме 1987 года, как-то сразу снижается охота упрекать Ельцина в грубости, непочтительности, несправедливости. Возможно, и сам Ельцин вспоминал ту историю и

испытывал до некоторой степени мстительные чувства по отношению к Горбачеву. Что делать, человек он и есть человек.

Может быть, Ельцин – душевнобольной?

Хотя Ельцин попал в опалу, кандидатом в члены Политбюро он оставался еще почти четыре месяца, до очередного пленума ЦК, состоявшегося 17 – 18 февраля 1988 года, уже будучи первым заместителем председателя Госстроя СССР. Лишь на этом пленуме его освободили и от статуса кандидата в члены... Такого высокого звания – кандидат в члены ПБ – думаю, ни один работник Госстроя, включая его председателя, никогда не удостоивался.

Кстати, сам Горбачев позднее утверждал, что он поддерживал Ельцина и не хотел, чтобы тот уходил с партийных постов. По его словам, в дальнейшем он понял, с чем и с кем Ельцин столкнулся в Москве – с такими же политическими реакционерами, с какими ему самому, Горбачеву, пришлось столкнуться позже.

Реально, однако, никакой горбачевской поддержки не было. Если бы она была, вряд ли Ельцина, вопреки генсеку, сняли бы. И потом как тогда объяснить обращенное к Ельцину горбачевское предупреждение: «До политики я тебя больше не допущу»? Думаю, «прозрение» Горбачева если и наступило, то позже – когда он действительно столкнулся с таким же оголтелым сопротивлением партноменклатуры, с каким в Москве столкнулся Ельцин.

Кстати, есть свидетельства, – может быть, и не стопроцентно надежные, – опровергающие уверения Горбачева, будто он поддерживал «бунтаря» Ельцина. Один из гэкачепистов, бывший секретарь ЦК КПСС Олег Шенин рассказывал позднее следователям российской прокуратуры:

«Горбачёв много внимания уделял выступлениям Ельцина, событиям на митингах, на съездах народных депутатов России. Каждый шаг Ельцина он отслеживал, неоднократно при мне давал задание найти документы о здоровье Ельцина. Этот вопрос рассматривался на Политбюро то ли в 1987-м, то ли в 1988 году».

Как предполагает Ельцин, видимо, его выступление на октябрьском (1987 года) пленуме ЦК КПСС хотели объяснить следствием большой психики.

Почему он не направил его послом?

Все же почему Горбачев отнесся к Ельцину сравнительно мягко? Он ведь мог, без разговоров, отправить послом в какую-нибудь африканскую Тмутаракань (это была обычная советская партийная практика наказания – отправлять послом куда подальше). Кстати, сам Горбачев позже неоднократно публично сожалел об этом: мог бы отослать Ельцина куда подальше, но вот, не отослал, проявил мягкость, гуманность. Причина такой «мягкости» интересовала и Ельцина. У него было несколько вариантов ответа, почему его, по существу, главного, открытого своего политического противника Горбачев оставил у себя под боком:

«Мне кажется, если бы у Горбачева не было Ельцина, ему пришлось бы его выдумать. Несмотря на его в последнее время негативное отношение ко мне, он понимал, что такой человек, острый, колючий, не дающий спокойно работать забюрокраченному партийному аппарату, необходим, надо его держать рядышком, поблизости. В этом живом спектакле все роли распределены, как в хорошей пьесе. Лигачев – консерватор, отрицательный персонаж; Ельцин – забияка, с левыми заскоками, и мудрый, всепонимающий главный герой, сам Горбачев. Видимо, так ему все это виделось.

А кроме того, я думаю, он решил не отправлять меня на пенсию и не усылать послом

куда-нибудь подальше, боясь мощного общественного мнения. В тот момент и в ЦК, и в редакцию «Правды», да и в редакции всех центральных газет и журналов шел вал писем с протестом против решений пленумов (касающихся Ельцина. – **О.М.**) Считаться с этим все-таки приходилось».

Вот уже когда началась народная поддержка Ельцина. Позже, все возрастая, она будет придавать ему все больше силы. Но пока что эта поддержка, кажется, не очень его вдохновляет. Да и сама она все-таки еще не очень мощная: материалы пленума ЦК не публиковались, тексты выступлений на пленуме МГК были представлены публике в таком виде, чтобы не вызывать слишком большую симпатию к поверженному первому секретарю... Впрочем, по рукам стали ходить тексты весьма резких его «выступлений», которых на самом деле он никогда не произносил. Как кто-то сказал, – по своей резкости тексты «а ля Сахаров». Это еще больше подстегивало волну народного возмущения.

В общем, в воздухе уже носилось: Ельцин поднял бунт против правящей партократии, и за это его «гнобят».

Что касается того, поехал бы бунтарь послом куда-нибудь в Африку или Южную Америку, если бы Горбачев вздумал его туда послать... Сослать... Валентин Юмашев отвергает такую возможность категорически:

– Нет. Сто процентов – нет. Максимум, на что он согласился бы, – возвратиться в Свердловск. Но потом, на мой взгляд, он все равно точно так же оказался бы в центре политических событий, выдвинувшись уже из Свердловска.

Все же вопрос, – решился бы Ельцин проигнорировать волю генсека? Ведь внутри партноменклатуры была почти такая же жесткая дисциплина, как в армии: ослушался, – вылетаешь с госслужбы, да еще и с «волчьим билетом». Юмашев:

– Ну, сослался бы на здоровье, на плохое самочувствие... Или еще что-нибудь придумал. Да и время все-таки уже было другое: правило «приказ начальника – закон для подчиненных» уже теряло свою актуальность и неизбежность. Они все это чувствовали, в том числе и Горбачев. Кстати, я думаю, решая судьбу Ельцина после его отставки, Горбачев руководствовался вполне трезвым политическим расчетом: видите, я не топчу его, не пляшу на его костях, даю ему хорошую должность; это означает, что он мне не страшен, я его не боюсь, я просто отодвинул его немного в сторону, – и он заглох, заглох навсегда, его больше нет.

Знал бы тогда Михаил Сергеевич, чем обернется этот его маневр, касающийся Ельцина.

Сидя в кабинете Госстроя...

Как все-таки сам Ельцин воспринимал окончательный результат его «гражданской казни» – ссылку в Госстрой? Валентин Юмашев:

– Я уверен на сто процентов, что когда он пришел в Госстрой, никакой трагедии он не ощущал. Более того, он вообще был счастлив, что ему дали должность министра (первый зам Госстроя по статусу приравнялся к министру. – **О.М.**) Он ожидал другого, – что его, скорее всего, отправят в Свердловск руководить каким-нибудь мелким трестом... А тут он – министр, он на виду, «Чайка» у него, дача получше, чем у простых замов... То есть практически у него осталось все, что и было. Это все стало для него неожиданностью, могу сказать точно. В тот момент, когда Горбачев звонил ему и говорил: «До политики я тебя больше не допущу», – Ельцин считал, что это вполне нормальная мера наказания (это потом он будет возмущаться по поводу горбачевской угрозы), но то, что его оставят в Москве, на высокой должности, повторяю, было для него неожиданно. И очень важно было сознавать: его хоть и «казнили», но «не совсем», оставили на виду, на высоком посту. Это после всего, что он «откаблучил». Хорошо зная нравы и порядки, царившие в сферах высшей партийной власти, он ожидал более жестких мер.

И все же, несмотря на то, что Горбачев не «додавил» его до конца, Ельцин тяжело переживал свое отстранение от политической деятельности. Ясно было, что Госстрою он совершенно не нужен. Как и ему – Госстрой. В «Записках президента» он весьма выразительно пишет об этом своем бессмысленном сидении в госстроевском кабинете, в созерцании молчащей «вертушки» (телефона спецсвязи):

«Я сижу в министерском кабинете Госстроя, на столе у меня этот телефон – белый с красно-золотым гербом – и у меня ощущение мёртвой тишины и пустоты вокруг... Порой этот телефон хотелось вырвать с мясом. Он казался соглядатаем из того мира, который так грубо вышвырнул меня... Никогда не забуду этих минут ожидания... Шёл 1988 год. Расцвет перестройки».

И все-таки это бездеятельное сидение, по словам самого Ельцина, не прошло для него даром. Он получил возможность осмыслить свое положение, свои отношения с высшим партийным иерархом:

«Именно тогда я разобрался в наших отношениях с Горбачёвым до конца. Я понял и его силу, и слабость, понял исходящие от него флюиды беды, угрозы. Никогда не ставил себе цели бороться именно с ним, больше того – во многом шёл по его следам, демонтируя коммунизм. Но что таить – многие мои поступки замешаны на нашем противостоянии, которое зародилось по-настоящему именно в те времена».

Это признание дорогого стоит. Ельцин НЕ СТАВИЛ СЕБЕ ЦЕЛИ бороться с Горбачевым, в чем его многие обвиняли и обвиняют, но совсем отречься о неприязни к нему, которое зародилось осенью и зимой 1997-го – 1998 года, он так и не смог. В политическом противостоянии с Горбачевым были и неизбежные элементы противостояния личного.

То же самое, почти слово в слово, говорил и Горбачев, объясняя, как он относится к Ельцину: как к человеку он относится к Ельцину весьма скверно, как к политику, государственному деятелю – в зависимости от ситуации: либо сотрудничает, либо, чаще, сражается, стараясь при этом подавлять в себе личную неприязнь к нему (что, однако, не всегда удается).

Какие мотивы двигали Ельциным

Что подвигло Ельцина на бунт? Здесь даются разные объяснения. Пожалуй, наиболее распространенное, которого придерживается большинство обывателей, – в основе всех ельцинских действий лежали карьерные устремления, желание как можно выше подняться по властной лестнице, да проще говоря – обычная жажда власти. Кстати, не только обыватели, но даже и Горбачев разделял такую точку зрения. По крайней мере, не раз излагал ее вслух.

Противоположное, самое благоприятное для Ельцина объяснение, возвышающее его, – им двигал гражданский порыв, осознание того, что горбачевская перестройка зашла в тупик, и выход из него Горбачев найти не в состоянии, стремление сделать все от него, Ельцина, зависящее, чтобы страна, граждане стали лучше жить и в конце концов обрели свободу. Дочь Татьяна вспоминает, как однажды дома – примерно в то время, когда он решил на бунт, – он бросил фразу: «Эта банда погубит страну». Под «бандой», естественно, подразумевалась партийная верхушка.

– Поскольку он никогда дома таких вещей не говорил, – рассказывает Татьяна Борисовна, – поэтому и я, и мама так запомнили эту его фразу. Мне кажется, в этой фразе он не имел в виду Горбачева. Скорее всего Лигачева и тех, кто в тот момент был против папы и его начинаний в Москве. Это было до отправки письма Горбачеву (письма об отставке 12

сентября 1987 года. – **О.М.**) Мне кажется, у него до последнего оставалась надежда на Горбачева, который поддержит его в конфликте с Лигачевым и консервативной частью Политбюро. Именно поэтому он и обострил ситуацию осенью 1987-го года, когда написал письмо Горбачеву с просьбой об отставке.

Вадим Медведев дает иное, более «приземленное» объяснение «восстанию» Бориса Николаевича:

«Анализируя «октябрьский бунт Ельцина» с учетом личных наблюдений и в свете последующего развития событий, я склоняюсь к выводу, что тогда в его действиях преобладали личностные факторы и мотивы, хотя уже просматривались контуры нарождавшейся левой (по сегодняшнему – правой, либерально-демократической. – **О.М.**) оппозиции, с ее лозунгами радикальных реформ. Ельцин был выдвиженцем Лигачева. Именно Егор настаивал на том, чтобы взять Бориса из Свердловска заведующим отделом строительства ЦК КПСС, он его двигал в секретари ЦК, а затем и на роль московского руководителя.

Отношение Горбачева к Ельцину с самого начала было сдержанным – слишком велика разница в стиле работы и поведения. Напротив, Лигачев и Ельцин очень похожи друг на друга, принадлежат к одной школе. Их сближает безапелляционность суждений, отсутствие комплексов, рефлексий и сомнений, авторитарность в методах руководства, жесткость в практических действиях.

Я думаю, что Лигачев рассчитывал, что Ельцин будет «его человеком» в Москве, но просчитался: «нашла коса на камень». Ельцин знал себе цену и не захотел быть послушным орудием в чьих-то руках, тем более, что не так давно все трое – Горбачев, Лигачев, Ельцин были на равном положении – первыми секретарями обкомов... Оказавшись в Москве лишь в роли заведующего отделом, Ельцин чувствовал себя ущемленным, о чем он сам пишет в своей книге. И естественно, как руководитель Москвы (в дальнейшем. – **О.М.**), который всегда в партии был на особом положении и имел дело напрямую с Генсеком, он не захотел «ходить под Лигачевым». Не случайно основной огонь своей критики Ельцин в то время направлял против Лигачева. Общеполитические мотивы проходили вскользь и сводились к недостаточной, с его точки зрения, радикальности принимаемых мер, недостаточной поддержке его действий. Прошло немало времени, прежде чем позиция Ельцина обрела более или менее ясные политические контуры, сомкнулась в чем-то с настроениями зарождающейся радикально-демократической оппозиции. Она нашла в лице Ельцина своего лидера, а Ельцин – в ней политическую опору».

Итак, одна точка зрения – Ельциным двигала жажда власти, другая – осознанный гражданский демократический порыв. Третья версия – двигателем были некие не вполне осознаваемые протестные мотивы, лишенные определенного политического содержания. Действительно, изначально Ельцин вряд ли был демократом. Если следовать Медведеву, на ум приходит сравнение с Фиделем Кастро: поначалу кубинским революционером двигал протест против режима Батисты; свергнув его, он не очень-то понимал, а в какую, собственно, сторону теперь плыть; и лишь затем, получив поддержку СССР, поддавшись на уговоры коммунистических эмиссаров, решил сам стать коммунистом и грести в эту сторону – коммунистическую.

Четвертое объяснение дает Геннадий Бурбулис (наш разговор с ним был в ноябре 2010 года):

– Почему Ельцин выступил на пленуме с острой критикой, невзирая на законы самосохранения? Дело в том, что Борис Николаевич – это натура, совершенно не допускающая неопределенности. Он человек, нуждающийся в совершенно ясных позициях. Любая неопределенность, когда не было ясного ответа, что происходит и что делать, его мучила, его угнетала. Ему нужна была ясность, нужна была ясная цель, он готов был добиваться ее всеми силами, но в неопределенной ситуации, когда непонятно, кто союзник, кто противник, что делать, он себя никогда комфортно не чувствовал. Вот, мне кажется, в

1987-м и возник конфликт между его желанием многое изменить в Москве и тем ограничениями, в которых он оказался. Он же рассчитывал на системную поддержку со стороны Политбюро. Но он увидел, что фактически он в изоляции, серьезной поддержки нет. Его попросту бросили. Поэтому он и выходит на пленум, поэтому и получает то, что полагалось в те времена в таких обстоятельствах... Так что не было у него никакой антисоветской позиции, не был он каким-то разрушителем КПСС, который действовал бы исходя из каких-то собственных безупречных идеологических ценностей.

Наконец, еще одна точка зрения. Валентин Юмашев (этот наш разговор – в октябре 2012 года):

– В принципе, мне кажется, с Ельциным произошло то же самое, что и с Горбачевым. Обоих не устраивала система. Было очевидно, что она неповоротлива, необходимые решения принимает с жутким опозданием... Все уже «озверели» от Брежнева... От Черненко... Оба понимали, что, в принципе, есть возможность поменять правила игры, чтобы в самом деле построить «социализм» с человеческим лицом. Горбачев начал эти перемены, и Ельцин совершенно искренне поверил в них. При этом, повторяю, он, как и Горбачев, считал, что нужно усовершенствовать социализм и что лидирующую роль тут, безусловно, должна играть коммунистическая партия. Считал, что вместе с Горбачевым они тут горы могут свернуть. Перелом в его сознании начал происходить после того, как он стал первым секретарем Московского горкома. С каждым месяцем у него росло разочарование: что бы он ни делал, что бы ни говорил – все, как в вату, проваливается. Он ведь был человеком безумно энергичным и работоспособным. И вот он видит: усилия прилагаются огромные, а результата фактически нет никакого, ничто не улучшается...

Вряд ли он сам мог точно сказать, что им двигало

Такие вот разные объяснения ельцинского бунта. Какое ближе к истине? Думаю, было и то, и другое, и третье, и четвертое, и пятое...

В начальный момент, в 1987 году, Ельцин, полагаю, действительно не очень ощущал политический вектор, которому он должен следовать, хотя прямо сказать, что им двигали карьерные соображения, вряд ли было бы верно. Карьеристы действуют иначе – не восстают против власти, а, наоборот, пристраиваются ей в хвост.

Мне кажется, наиболее точно охарактеризовал мотивы, двигавшие Ельциным, причем не только в начальный период, но и после, Егор Гайдар (мы с ним беседовали в апреле 2009 года):

– Борис Николаевич был прирожденный политик. Что им двигало как политиком? Стремление к власти, свойственное всякому амбициозному политику, желание изменить страну и решить комплекс очевидных тяжелейших проблем, дать ей новую траекторию развития, сделать ее свободной, сделать ее похожей на наиболее развитые страны. Наверняка это была такая вот сложная смесь мотивов. Я даже не думаю, что он сам смог бы ответить на этот вопрос, что им двигало в первую очередь. Уж не говоря о том, чтобы это сделали люди, которые с ним много работали и считают, что они его неплохо знают (в их числе, естественно, был и сам Егор Тимурович. – **О.М.**) Но, на мой взгляд, в его мотивах роль чистой идеи о том, что Россия должна быть такой, как развитые, преуспевающие страны, где люди живут намного лучше, чем у нас, была велика. И еще он отвергал прошлые коммунистические порядки, альтернативой которым как раз и была демократия.

Вот такая, на мой взгляд, предельно точная, характеристика. Хотя, я думаю, в самый первоначальный момент своего восстания против Горбачева Ельцин думал не столько о демократии, сколько о том, что Горбачев зашел в тупик, выкарабкаться из него не в состоянии, поэтому надо пойти вперекор ему и в конечном итоге, возможно, во благо страны

вовсе отстранить его от власти.

После недоброжелатели Ельцина будут ставить этот мотив – желание отстранить Горбачева от власти – на первое место: дескать, и страну-то Ельцин развалил единственно ради того, чтобы выкинуть Горбачева из президентского кресла. Не слишком ли трудоемкий способ избавления от политического конкурента? И не слишком ли великая цена?

Что касается того, когда именно протестные настроения стали обретать у Ельцина более или менее четкую политическую, демократическую окраску, это началось во время его московского секретарства. Юмашев:

– Да, именно тогда начался его дрейф в демократическую сторону. Возле него сразу же сложилось такое активное интеллигентское окружение, – Шмелев, Попов, Афанасьев... – все, кто писал на экономические, социологические темы в рыночном, демократическом ключе. Каким-то образом они до него добирались. Правда, добирались до него и другие – от националистов из общества «Память» до членов каких-то рок-клубов: первый секретарь МГК встречался практически со всеми. Однако из посетителей больше всего времени он, проводил, конечно, с упомянутыми экономистами. А поскольку интеллектуально они, бесспорно, были людьми более сильными, чем привычный круг ельцинских контактов – члены Политбюро, сотрудники ЦК, – они быстро перетянули его на свою сторону. После его перехода в Госстрой его эволюция, дрейф в демократическую сторону пошли еще быстрее. Я сам все это наблюдал, я как раз тогда, в конце его пребывания в этом ведомстве, с ним познакомился, где-то весной 1989 года. В ту пору открылись многие документы, разоблачающие большевиков, и «Огонек», где я тогда работал, эти документы печатал. Обсуждали как-то всё с Борисом Николаевичем. Он, в общем-то, соглашался с разоблачениями, но когда дошли до Ленина – Ленин, мол, фактически ничем не отличается от Сталина, такой же преступник, – Ельцин стал категорически возражать: «Что вы, что вы, Валентин! Ленин – это святое! Да, он, конечно, совершал ошибки, но не более того...» Такова была его позиция. Но вот, представьте, прошло несколько месяцев, в Доме кино проходила встреча с членами Межрегиональной депутатской группы (Ельцин, как известно, был одним из ее сопредседателей), и кто-то задал вопрос про Ленина. И Борис Николаевич охарактеризовал его примерно так же, как «Огонек». Или как мог бы ответить на вопрос о Ленине Сахаров. Демократизация его взглядов шла очень быстро.

ХІХ ПАРТКОНФЕРЕНЦИЯ. «БОРИС, ТЫ НЕПРАВ!»

Да как он смел давать интервью иностранцам!

Несмотря на кары, которым подвергся Ельцин, его бунтарские настроения уже не могли заглохнуть. Эти настроения прорывались то там, то здесь, хотя возможностей для этого ему оставили не так уж много. Прежде всего – в различных интервью. «Спрос» на него у журналистов, не только у наших, но и у зарубежных был уже весьма высок. Естественно, на партийном «верху» было решено снова наказать бунтаря, «поставить его на место».

28 июня 1988 года в Москве открылась XIX Всесоюзная партконференция, которую в окружении Горбачева считали «ключевым событием 1988 года, да и всей перестройки». Она рассматривалась как промежуточное мероприятие между двумя съездами КПСС – XXVII-м и XXVIII-м. На этом промежуточном форуме, как пишет Вадим Медведев, предполагалось «в общепартийном порядке» обсудить ход перестройки, способы ее углубления.

Параллельно с этим обсуждением важных «общепартийных» вопросов на партконференции и была осуществлена хорошо спланированная «показательная порка» Ельцина. Схема ее была такова: сначала один из выступающих произносит какое-то провоцирующее замечание в адрес Ельцина, Ельцин «заглатывает наживку», отвечает на замечание, после этого Егор Кузьмич Лигачев дает «смутьяну» настоящий «отлуп», а в заключение на Ельцина наваливаются уже всем миром, как на октябрьском пленуме 1987 года.

Впрочем, Ельцину слова, по-видимому, и не планировали давать. Вообще не собирались пускать его на конференцию. Во всяком случае, и на форум, и на трибуну он прорывался с невероятным трудом. Скорее всего, намечали просто подвергнуть его экзекуции, не выслушивая, ни ответов, ни оправданий, – так сказать, заочно.

Главной линией атаки решили сделать несколько интервью, которые Ельцин дал иностранным телекомпаниям и в которых содержались критические замечания по поводу ситуации в Союзе, по поводу того, как идет перестройка. Как так, коммунист, член ЦК позволяет себе такую неслыханную наглость – в зарубежной, буржуазной прессе критикует свою партию, свою страну! Если уж так хочется покритиковать, – выступи в советской газете, советском журнале...

Эту тему сочли тем более подходящей, что незадолго перед этим и сам Горбачев коснулся ее, хотя и вскользь, но достаточно язвительно по отношению к Ельцину, в интервью иностранным журналистам: он, дескать, не знает, что там Ельцин наговорил западным телекомпаниям, – интересно бы узнать...

В качестве «застрельщика» «охоты на зайца» был выбран начальник отделения ЦАГИ (Центрального аэрогидродинамического института) Загайнов. В общем-то в его речи, если читать ее целиком, не было ничего такого, что имело бы какое-то отношение к Ельцину: оратор, как все, говорил о перестройке, о проблемах собственного института... Но вот ближе к концу его, видимо, попросили, вставить кое-что и о Ельцине.

– В интервью иностранным журналистам по поводу визита Рейгана, – заявил оратор, – вы, Михаил Сергеевич, сказали, что вам интересно, что сказал товарищ Ельцин иностранным журналистам. Нам, рядовым членам партии, это тоже интересно. Мы никоим образом не ставим под сомнение правильность решения ЦК по Ельцину, но он известный человек в партии своим решительным настроем на перестройку. Его невразумительное покаяние на пленуме Московского горкома не прояснило его позиции. (Ну почему же не прояснило? Если судить по тексту, опубликованному в «Правде» и «Московской правде», прояснило все до конца. – **О.М.**) Почему он не выступил с интервью в наших газетах? Нам хотелось бы услышать его объяснения на конференции. (*Аплодисменты*). Если это левацкие заскоки, они получают соответствующую оценку, если что-то в его позиции здоровое, возьмем на проработку. (*Аплодисменты*).

Ельцин прорывается на партконференцию

Как уже сказано, Ельцина на партконференцию звать не собирались. Прорываться ему туда – сначала в Кремль, а потом и на трибуну, – пришлось с великим трудом.

«Я тогда находился как бы в изгнании, работал в Госстрое, – вспоминает Ельцин в «Исповеди на заданную тему», – и руководству партии, властям, конечно, не хотелось, чтобы

я вернулся к политической жизни. (Еще бы, вспомним обещание Горбачева: «До политики я тебя больше не допущу». – **О.М.**) А я в себе чувствовал и силы, и желание начать работать, по сути, заново...»

«Таинственный» ореол, ореол бунтаря, повторяю, уже веял над Ельциным, и различные партийные организации стали его выдвигать в депутаты на конференцию. Однако партаппарат был настороже – чуть ли не главной своей задачей в тот момент он посчитал не допустить этого избрания. Вскоре выяснилось, что Ельцин – единственный министр, не избранный на конференцию (министры оказывались в числе делегатов, так сказать, автоматически, по своему статусу). Однако Ельцин и в мыслях не допускал, что может остаться за ее бортом, он считал, что должен во что бы то ни стало попасть на нее, выступить, объяснить людям, что с ним произошло. И люди стали приходить ему на помощь. Ельцин:

«...Активно проявили себя москвичи, выдвинув меня на предприятиях, но где-то, еще не доходя до горкома, а в других случаях и в самом горкоме, моя кандидатура исчезала. Многие партийные организации Свердловска выдвинули меня... И Свердловский горком под этим мощным нажимом принял решение рекомендовать меня. Но это еще не все, следующий этап – пленум обкома партии. Там разгорелись настоящие страсти по этому поводу.

Когда рабочие пригрозили забастовкой, а пленум все не мог принять решение, и чувствуя, что напряжение все больше и больше нарастает, ситуация может выйти из-под контроля, в ЦК решили отступить. И практически уже на последнем региональном пленуме, проходящем в стране, он состоялся в Карелии, меня избрали на конференцию».

Вот так. Противники Ельцина во главе с Горбачевым, хоть и отступили, но не могли допустить, чтобы он стал делегатом от какой-то крупной парторганизации – от Москвы или Свердловска... Если уж нельзя его «притормозить», – ладно, пусть будет избранным от провинциальной Карелии.

Ельцин прорывается на трибуну

Теперь надо было прорваться на трибуну.

Как вспоминает Ельцин, карельская делегация была «задвинута» куда-то далеко на балкон, между головой и потолком – метра два, президиум еле виден. Начались выступления, по большей части заранее заготовленные, штампованные, «пропущенные через аппарат». Ельцин понимал: будет сделано все, чтобы на трибуну его не пустить, ибо мало кто из организаторов конференции сомневался, что выступление его будет резко критическим.

«День, два, три, четыре идет, – пишет Ельцин, – уже последний день конференции... Посылаю одну записку – без ответа, посылаю вторую записку – то же самое. Ну, что ж, тогда я решил брать трибуну штурмом... Обратился к нашей карельской делегации. Говорю: «Товарищи, у меня выход один – надо штурмом брать трибуну». Согласились. И я пошел по длинной лестнице вниз, к дверям, которые ведут прямо в проход к трибуне, и попросил ребят-чекистов открыть дверь. А сотрудники КГБ относились ко мне в основном, надо сказать, неплохо, – они распахнули обе створки дверей, я вытащил свой красный мандат, поднял его над головой и твердым шагом пошел по этому длинному проходу прямо к президиуму».

Можете себе представить картину: на трибуне очередной выступающий, а рослый Ельцин, не слушая его, шагает по проходу с поднятым кверху мандатом. Что это, если действительно не штурм? И шаг его, я полагаю, гораздо более уверенный, чем тот, каким он шел на трибуну октябрьского пленума. Тогда все же были какие-то сомнения: надо ли? Сейчас никаких сомнений нет.

«Когда я дошел до середины огромного Дворца, – продолжает Ельцин, – зал все понял. Президиум – тоже. Выступающий, по-моему, из Таджикистана, перестал говорить. В общем,

установилась мертвая, жуткая тишина. И в этой тишине, с вытянутой вверх рукой с красным мандатом, я шел прямо вперед, глядя в глаза Горбачеву. Каждый шаг отдавался в душе. Я чувствовал дыхание пяти с лишним тысяч человек, устремленные на меня со всех сторон взгляды. Дошел до президиума, поднялся на три ступеньки, подошел к Горбачеву и прямо с мандатом, смотря ему в глаза, твердым голосом сказал: «Я требую дать слово для выступления. Или ставьте вопрос на голосование всей конференции».

Последовало некоторое замешательство. Ельцин продолжал стоять. Ждал. Можно себе представить растерянность Горбачева: не удалось-таки обойтись без скандала; что делать? Наконец он проговорил: «Сядьте в первый ряд». Ельцин сел в первый ряд, возле трибуны. Члены Политбюро, расположившиеся в президиуме, принялись шептаться между собой, советоваться. Потом Горбачев позвал к себе одного из цеховских аппаратчиков, заведующего общим отделом, они тоже пошептались, тот удалился, после этого к Ельцину подошел работник этого отдела: «Борис Николаевич, вас просят в комнату президиума, с вами там хотят поговорить». Ельцин: «Кто хочет со мной поговорить?» – «Не знаю». Ельцин: «Нет, меня этот вариант не устраивает. Я буду сидеть здесь». Посланец ушел. Снова заведующий общим отделом перешептывается с президиумом, снова какое-то нервное движение. Снова к Ельцину подходит тот же «парламентер» и сообщает, что сейчас к нему выйдет «кто-нибудь из руководителей».

Кто именно «из руководителей» снизойдет до разговора с Ельциным? Если это будет человек, у которого нет полномочий предоставлять ему, Ельцину, слово, – это будет означать, что, покинув зал, Ельцин попал в ловушку...

«Я понимал, что из зала мне входить нельзя, – продолжает свой рассказ Ельцин. – Если я выйду, то двери мне еще раз не откроют. Говорю: «Что ж, я пойду, но буду смотреть, кто выйдет из президиума». Тихонько иду по проходу, а мне с первых рядов шепотом говорят, что нет, не выходите из зала. Не дойдя метров трех-четыре до выхода, остановился, смотрю в президиум. Рядом со мной расположилась группа журналистов, они тоже говорят: «Борис Николаевич, из зала не выходите!» Да я и сам понимал, что из зала выходить действительно нельзя.

Из президиума так никто и не поднялся. Выступающий продолжал свою речь, партконференция покатила дальше по проложенным рельсам.

К Ельцину в очередной раз подошел все тот же «переговорщик» и сказал, что Михаил Сергеевич даст ему слово, но он должен вернуться к своей, карельской делегации. Простой расчет показывал: пока Ельцин поднимется на свой балкон, пока вернется обратно, прения свернут, и слова он так и не получит. Поэтому он сказал «переговорщику», что у своей делегации он «отпросился» и никуда с места в первом ряду не сдвинется. Пошел и снова сел на это место прямо напротив Горбачева.

Вот так, буквально зубами, пришлось ему вырывать право на выступление. Ельцин:

«Собирался ли он (Горбачев. – **О.М.**) действительно пустить меня на трибуну или уже потом пришел к выводу, что для него будет проигрышем, если он поставит вопрос на голосование и зал выступит за то, чтобы дать мне слово? Трудно сказать. В итоге он объявил мое выступление и добавил, что после перерыва перейдем к принятию резолюций...

Я вышел на трибуну...»

Ельцин оправдывается

Поначалу Ельцин стал оправдываться. По поводу этих самых злосчастных выступлений в зарубежной прессе. Он объяснил залу, что задолго до его интервью западным телекомпаниям, он дал интервью Агентству печати новости, по его, агентства, просьбе. Интервью должны были напечатать в «Московских новостях», но... не напечатали. Надо полагать, не получили разрешения «сверху». Потом АПН вновь обратилось к нему с той же

просьбой, но опять-таки без гарантии, что интервью будет опубликовано... Попросил об интервью «Огонёк», в ту пору один из самых «продвинутых», популярных, перестроечных органов печати. Ельцин, по его словам, беседовал с корреспондентом в течение двух часов. Результат – тот же: редактор журнала Коротич сообщил ему, что публикация «не разрешена».

Объяснил Ельцин и то, каким образом на него вышли иностранные телекомпании. Он и здесь не проявлял никакой инициативы. Накануне партконференции Гостелерадио СССР прислало ему письмо с просьбой дать интервью ряду этих компаний. Всего желающих задать вопросы «нашим руководителям» и получить ответы на них к этому времени накопилось пятнадцать. Ельцин ответил, что по времени может дать интервью только двум-трем, не больше. Гостелерадио выбрало три – Би-Би-Си, Си-Би-Эс и Эй-Би-Си. Беседы состоялись.

– Вопросы и ответы шли сразу, – сказал Ельцин (тут надо пояснить, что нередко в таких случаях вопросы подаются в письменном виде; соответственно, и ответы представляются написанными на бумаге. – **О.М.**) На некорректные вопросы, которые наносили бы какой-то ущерб нашему государству, партии, их престижу, я давал решительный отпор (как видим, Борис Николаевич тут в полной мере проявил «бдительность» и «патриотизм». – **О.М.**)

Были вопросы и «в отношении товарища Лигачева»: их обостренные отношения с данным товарищем были уже хорошо известны и на Западе. Ельцин ответил, что у них «единые точки зрения в стратегическом плане, по решениям съезда, по задачам перестройки и т.д., но есть «некоторые разные точки зрения в тактике перестройки, в вопросах социальной справедливости, стиля его работы». Детали Ельцин не расшифровывал.

Был и такой вопрос: «Считаете ли вы, что, будь на месте товарища Лигачева какой-то другой человек, перестройка пошла бы быстрее?» Тут Ельцин прямо ответил: «Да».

Впрочем, по словам Ельцина, в интервью американской телекомпании Си-Би-Эс была допущена какая-то ошибка, после чего телекомпания дала опровержение и письменно извинилась перед Ельциным. В чем именно заключалась ошибка, Ельцин не пояснил. Если судить по западным газетам, которые, видимо, отглаткивались от упомянутого интервью (например, по английской «Гардиан»), на процитированный выше вопрос о Лигачеве Ельцин ответил не «Да», а прямо призвал Егора Кузьмича уйти в отставку, чего на самом деле не было.

Ельцин рассказал также, что после этих интервью его вызывал председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Соломенцев и потребовал объяснений. Ельцин, по его словам, «высказал свое возмущение фактом вызова по такому вопросу и ответил устно на каждый заданный вопрос по интервью». Попытка Соломенцева найти в партийном уставе что-то такое, что нарушил бы Ельцин, поговорив с иностранными журналистами, не удалась. Своей вины Ельцин не признал. Ельцинский переводчик передал Соломенцеву пленку с записью интервью Ельцина.

– Что дальше со мной будете делать, не знаю, но это очень напоминает тень недавнего, недалекого прошлого, – довольно простодушно сказал Ельцин в заключение этой, вступительной части своего выступления на партконференции.

Как видим, после ельцинских интервью у кого-то была, по-видимому, мысль исключить Ельцина не только из ЦК (он еще там оставался), но и вообще из партии. Исключение, однако, не состоялось. Я полагаю, не без вмешательства Горбачева, который, надо думать, посчитал нецелесообразным совсем уж «добивать» Ельцина по партийной линии. Такое добивание лишь принесло бы Ельцину дополнительные политические очки.

Через некоторое время Ельцин сам покинет ряды КПСС, покинет демонстративно, без всякого ущерба для своей репутации, – напротив, укрепляя ее. Но в тот момент, когда проходила XIX партконференция, исключение из партии еще считалось весьма серьезным наказанием, опять-таки чуть ли не гражданской казнью.

Что касается ельцинского объяснения, как обстояло дело с интервью западным телекомпаниям, вроде бы оно было исчерпывающим, однако его «друзья», будто не слыша его, будут продолжать и дальше пинать его в связи с этими злополучными интервью.

Ельцин переходит в наступление...

Покончив с объяснениями, Ельцин перешел к основной части своего выступления. Не разминиваясь на мелочи, он повел наступление на Политбюро, не только прежнее, но и нынешнее:

– Сейчас получается: в застое виноват один только Брежнев. А где же были те, кто по десять, пятнадцать, двадцать лет и тогда, и сейчас в Политбюро? Каждый раз голосовали за разные программы. Почему они молчали, когда решал один с подачи аппарата ЦК судьба партии, страны, социализма? Доголосовались до пятой звезды у одного и кризиса общества в целом. Почему выдвинули больного Черненко?

Досталось от Ельцина и Комитету партийного контроля, его председателю Соломенцеву, только что попытавшемуся «прижать» его за интервью западным телекомпаниям, возможно, с треском выгнать из партии:

– Почему Комитет партийного контроля, наказывая за относительно небольшие отклонения от норм партийной жизни, побоялся и сейчас боится привлечь крупных руководителей республик, областей за взятки, за миллионный ущерб государству и прочее? Причем наверняка зная о некоторых из них.

И снова – к высшему партийному органу, Политбюро:

– Считаю, что некоторые члены Политбюро, виновные как члены коллективного органа, облеченные доверием ЦК и партии, должны ответить: почему страна и партия доведены до такого состояния? И после этого сделать выводы – вывести их из состава Политбюро. (*Аплодисменты*). Это более гуманный шаг, чем, критикуя посмертно, затем перезахоронять!

Со времен Брежнева, Андропова, Черненко в Политбюро еще оставались лишь пятеро членов. Если по алфавиту: Воротников, Горбачев, Громыко, Соломенцев, Щербицкий. Двое из них – Горбачев и Воротников – были еще относительно «молодыми», могли, в числе других, нести ответственность разве что за грех избрания на пост генсека полуживого Черненко. Трое других – Громыко, Соломенцев и Щербицкий, – напротив, были уже «на излете», им уже ничего не было страшно. Громыко, кроме всего прочего, и вовсе был «неприкасаемым»: именно он на заседании Политбюро выдвинул Горбачева на пост генерального секретаря (в благодарность за это Михаил Сергеевич сделал его председателем Президиума Верховного Совета СССР).

Диагноз болезни

Пожалуй, центральная, наиболее значительная часть выступления Ельцина – это оценка минувших лет перестройки, диагноз, почему она буксует. Здесь как раз было объяснение, что подвигло Ельцина поднять «бунт на верхней палубе», чего же он в конце концов хочет:

– Да, мы гордимся социализмом и гордимся тем, что сделано (как видим, «бунтарь» еще не забыл «правильные» слова. – **О.М.**), но нельзя кичиться этим. Ведь за семьдесят лет мы не решили главных вопросов – накормить и одеть народ, обеспечить сферу услуг, решить социальные вопросы. На это и направлена перестройка общества, но идет она с большим торможением... Одной из главных причин трудностей перестройки является ее декларативный характер. Объявили о ней без достаточного анализа причин возникшего застоя, анализа современной обстановки в обществе, без глубоко анализа в разрезе истории допущенных партией ошибок и упущений. И как результат перестройки – за три года не решили каких-то ощутимых реальных проблем для людей, а тем более не добились

революционных преобразований... Пока все находились под гипнозом слов, – это спасало...

«Партия погрязла в коррупции, взятках, приписках»

Из «внутрипартийных» тем Ельцин коснулся темы партийного бюджета. Он обратил внимание на то, что бюджет абсолютно непрозрачен. Всем заправляют аппаратные чиновники. Даже членам ЦК неизвестно, как расходуются сотни миллионов рублей партийных денег, не говоря уже о рядовых коммунистах. Между тем, все видят, что строятся роскошные особняки, дачи, санатории «такого размаха, что стыдно становится, когда туда приезжают представители других партий».

– А потом мы удивляемся, – сказал Ельцин, – что некоторые крупные партийные руководители погрязли в коррупции, взятках, приписках, потеряли порядочность, нравственную чистоту, скромность, партийное товарищество.

Каково это было слышать «крупным партийным руководителям», сидящим в президиуме и в зале! Видимо, исподтишка поглядывали друг на друга: кого именно этот смутьян имеет в виду. Раздражение против «смутьяна» нарастало.

По словам Ельцина, «разложение верхних слоев в брежневский период охватило многие регионы». Загнивание глубже, чем некоторые думают. Как сказал Ельцин, он по Москве знает, что мафия определенно существует.

Тогда еще это слово – «мафия» – по отношению к Стране Советов употреблялось крайне редко. Какая мафия! Мафия существует только на Сицилии, вообще там у них на растленном Западе.

Коснулся Ельцин и проблемы льгот и привилегий, которая с некоторых пор сделалась его «коньком»:

– Если чего-то не хватает у нас, в социалистическом обществе (а не хватало почти всего. – **О.М.**), то нехватку должен ощущать в равной степени каждый без исключения. (*Аплодисменты*). А разный вклад труда в общество регулировать разной зарплатой. Надо наконец ликвидировать продовольственные «пайки» для, так сказать, «голодающей номенклатуры», исключить элитарность в обществе, исключить и по существу, и по форме слово «спец» из нашего лексикона, так как у нас нет спецкоммунистов.

Не знаю, многие ли тут аплодировали Ельцину. Большинство номенклатуры, сидевшей в зале, уверен, было в высшей степени возмущено этим беспрецедентным ельцинским требованием: как это они, высокопоставленные «слуги народа», должны терпеть те же лишения, как и остальные прочие, их, «слуг», «хозяева»! Да как же это можно! И до чего мы этак дойдем!

Ослушник требует реабилитации

В завершение своего выступления Ельцин неожиданно потребовал, или, может быть, точнее сказать, попросил реабилитировать его.

– Товарищи делегаты! – сказал он. – Щепетильный вопрос. Я хотел обратиться только по вопросу политической реабилитации меня лично после октябрьского пленума ЦК. (*Шум в зале*). Если вы считаете, что время уже не позволяет, тогда всё.

Шум в зале, видимо, связан с тем, что не все понимают, о чем идет речь, не все здесь члены ЦК, а материалы того пленума не публиковались. Точнее, как уже говорилось, были опубликованы в журнале «Известия ЦК КПСС» лишь в 1989 году, в №2.

Горбачев властным жестом останавливает шум:

– Борис Николаевич, говори, просят. (*Аплодисменты*) . Я думаю, давайте мы с дела

Ельцина снимем тайну. Пусть всё, что считает Борис Николаевич нужным сказать, скажет... Пожалуйста, Борис Николаевич.

Несколько вроде бы засмуцавшийся, но вот приободренный Горбачевым Ельцин продолжал:

– Товарищи делегаты! Реабилитация через пятьдесят лет сейчас стала привычной, и это хорошо действует на оздоровление общества. Но я лично прошу политической реабилитации все же при жизни... Вы знаете, что мое выступление на октябрьском пленуме ЦК КПСС решением пленума было признано «политически ошибочным». Но вопросы, поднятые там, на пленуме, неоднократно поднимались прессой, ставились коммунистами. В эти дни все эти вопросы практически звучали вот с этой трибуны и в докладе и в выступлениях.

Ельцин сказал, что единственной своей ошибкой он считает неудачно выбранный момент для выступления – перед семидесятилетием Октября (вот только когда он это сказал!):

– Видимо, всем нам надо овладевать правилами политической дискуссии, терпеть мнение оппонентов, как это делал Ленин, не навешивать сразу ярлыки и считать еретиками.

Как Ленин «терпел мнение оппонентов», мы хорошо знаем.

– Я остро переживаю случившееся, – сказал в заключение Ельцин, – и прошу конференцию отменить решение пленума по этому вопросу. Если сочтете возможным отменить, тем самым реабилитируете меня в глазах коммунистов.

Откровенно говоря, не очень понятно, зачем ему была нужна эта реабилитация. Партия на всех парах двигалась к своему концу. Вскоре он сам, добровольно, ее покинет. А потом – вовсе ликвидирует ее. Но, видимо, в тот момент, в начале июля 1988 года, Ельцин еще не вполне ощущал близость такой развязки. Среди прочего, об этом говорят и его ссылки на «вождя мирового пролетариата», и слова о том, что он вместе со всеми гордится построенным социализмом.

Наконец, эта неожиданная просьба о реабилитации, которая последовала после его наступательной речи, как-то снизила впечатление от этой наступательности, прозвучала диссонансом: ну вот, сам же признаешься в ошибках, просишь прощения, а туда же – критикуешь, обвиняешь...

Она же, эта заключительная часть ельцинского выступления, облегчила задачу и тем, кто уже сгорал от нетерпения – поскорее дать отпор бунтовщику и ослушнику. Человек как бы сам подставился: нате, бейте!

«Борис, ты неправ!»

Дальше разразился уже настоящий скандал. Примерно такой же, как и на октябрьском пленуме. За минувшие восемь месяцев отношение партноменклатуры к Ельцину не изменилось. Как мы помним, Горбачев объявил, что после выступления Ельцина будет перерыв, а после перерыва – процедура принятия резолюций. На деле, однако, случилось не так. По словам Ельцина, «перерыв был использован для того, чтобы подготовить контрудар» по нему и его выступлению.

Правда, Медведев пишет, что контрудар Ельцину рвался нанести в основном Лигачев, другие «руководящие товарищи» не очень желали раскручивать скандал.

«Этого момента (то есть выступления Ельцина. – **О. М.**) только и ждал Лигачев, – вспоминает Вадим Медведев. – Он был психологически настроен на выступление, заранее подготовленное и продуманное. Никакими уговорами со стороны членов Политбюро и генсека, всех нас, не удалось удержать его от выхода на трибуну. Выступление было выдержано в свойственном Лигачеву наступательно-петушином духе, в стиле сложившихся «безотбойных» стереотипов и содержало в себе ряд некорректных замечаний, набившие оскомину ссылки на блестящий томский опыт (как уже говорилось, до

перехода в ЦК Лигачев работал первым секретарем томского обкома КПСС. – **О.М.**)»

Не уверен, что осуществить контратаку против Ельцина жаждал один Лигачев, но, без сомнения, он был тут главным жаждущим.

Вначале Егор Кузьмич посокрушался, что ему, дескать, труднее, чем «кому-либо из руководства», отвечать на выступление Ельцина, поскольку именно он рекомендовал его в состав секретариата ЦК, а затем и в Политбюро (очень удобная позиция для критики была у товарища: ах, как он ошибся в отношении Ельцина – он ведь так ему доверял, взял на себя ответственность рекомендовать его на работу в высший партийный орган, и вот что получил взамен!)

И дальше пошло-поехало...

Вот несколько фрагментов из «петушиного» выступления Лигачева (оно было целиком посвящено Ельцину, будто других тем на конференции и не обсуждалось):

– Коммунист Ельцин встал на неправильный путь. Оказалось, что он обладает не созидательной, а разрушительной энергией. Его оценки процесса перестройки, подходов и методов работы, признанных партией, являются несостоятельными, ошибочными.

В своей пламенной речи, как бы не в силах сдерживать захлестнувшие его эмоции, Лигачев попеременно обращался то к залу, то к самому Ельцину, фамильярно именуя его «Борис».

Кстати, именно во время этого выступления Лигачев произнес знаменитую фамильярно-покровительственную, фамильярно-поучительную, сразу ставшую фольклором фразу: «Борис, ты неправ!» Правда, из официальной стенограммы она почему-то выпала. Возможно, была удалена по просьбе самого Егора Кузьмича: слишком уж велик был вал насмешек, вызванный этой фразой.

Слушаем, однако, Лигачева дальше:

– Есть в его (Ельцина. – **О.М.**) выступлении разумные предложения. Но в целом оно свидетельствует о том, что ты, Борис, не сделал правильных политических выводов. Более того, ты представил всю нашу политику как сплошную импровизацию. Вы заметьте, товарищи, политику перестройки объявили без глубокого анализа: ...и начали не так, как надо было начинать, ...и заметных результатов не достигли. Значит, все, что сказано в докладе (Горбачева. – **О.М.**) и выступлениях делегатов в течение четырех дней, – это сплошные небылицы? Значит, труд партии и народа – напрасный? Ну, позволь, это глубокое заблуждение. А объективно говоря, оно направлено на то, чтобы посеять сомнения, – а этого так ждут от нас недруги за рубежом. Посеять сомнения в правильности проведения политического курса партии. Прости, но мы с тобой тут уже расходимся не только в тактике, но и в стратегии.

Как видим, Лигачев здесь следует старой-престарой советской партократической традиции: любая критика в адрес партийного начальства немедленно объявляется чуть ли не политической диверсией, которая на руку «нашим зарубежным недругам».

И слова всё какие: «правильный политический курс партии»... Каково звучит! Ощущение такое, будто эта партия – какой-то синклит мудрецов, каждую секунду строго выверяющий правильность своего политического курса и ни на миллиметр не допускающий какого-либо отклонения от него.

Далее Лигачев, полемизируя с Ельциным, попытался доказать, что перестройка идет замечательно, но, кроме общих слов, не смог ничего из себя выдать:

– Политика перестройки – это дело как вашей, так и моей и моих товарищей жизни.

– История так поставила вопрос: либо – обречь страну на дальнейшее прозябание, либо – обрести силу и вырваться вперед, к прогрессу.

– Теперь о темпах перестройки... Перестройка является трудным и длительным процессом. И очень важно, товарищи, не уклоняться от назревших проблем, решать их энергично, по-новаторски, но без наскока и осмотрительно, учитывая последствия. Политикой заниматься – это, извините, не щи хлебать. Вместе с решительностью должна быть, обязательно должна быть осмотрительность.

И т.д. и т.п.

По принципу «Сам дурак!»

Что касается «набивших оскомину ссылок на блестящий томский опыт», о которых пишет Вадим Медведев, Лигачев этому своему «блестящему опыту» противопоставляет будто бы никудышную работу Ельцина в Свердловской области:

– Уже более десяти лет, как область, в которой я работал с товарищами, участвующими в конференции, снабжается продуктами питания целиком и полностью за счет собственного производства (ну чем не северокорейское чу-чхе! – **О.М.**), причем по хорошему рациону, а ты, Борис, работал секретарем обкома девять лет и прочно посадил область (Свердловскую. – **О.М.**) на талоны.

Это уж как-то совсем по-кухонному: «А ты на себя-то, на себя-то в зеркало посмотри!»

Между прочим, в начале своего выступления Лигачев совсем по-другому оценил работу Ельцина в Свердловске:

– Борис Николаевич Ельцин – человек энергичный, имел... большой опыт в руководстве видной, всеми уважаемой в нашей партии Свердловской областной партийной организации. Эту организацию я видел в работе, когда приезжал в Свердловск, будучи секретарем ЦК.

Какая же «всеми уважаемая», если «прочно посадила область на талоны»? Видно, к середине своего выступления Лигачев уже забыл, что говорил в начале.

Отвечая на этот лигачевский выпад, один из делегатов конференции, свердловчанин, потом скажет, что такого хорошего положения с продовольствием в городе, какое было при Ельцине, сейчас, к сожалению, нет.

Лигачев продолжает свою речь. И снова наскоки на Ельцина по принципу «Сам дурак!»:

– Ельцин на пленуме ЦК обвинял секретариат ЦК в том, что сам насаждал в Московском горкоме партии... Будучи секретарем горкома партии, он не бывал на заседаниях секретариата.

Наконец, в который уже раз, – о ельцинских интервью:

– В процессе дискуссий сталкиваются разные точки зрения, и это замечательно. Это нормально. Но плохо, когда коммунист, член ЦК, не получив поддержку партии, апеллирует к буржуазной прессе... По-видимому, хотелось товарищу Ельцину напомнить о себе, понравиться. О таких людях говорят: никак не могут пройти мимо трибуны. Любишь же ты, Борис, чтоб все флаги к тебе ехали! Слушайте, если без конца заниматься интервью, на другое дело времени и сил не останется.

Самого-то Лигачева зарубежная пресса не особо балует своим вниманием. Если и пишет о нем, то в основном негативно как об одном из вожаков консервативного, реакционного крыла КПСС. Но он, по его словам, как поэт Некрасов, «ловит звуки одобренья не в сладком ропоте хвалы, а в диких криках озлобленья».

Речь Лигачева была завершена под «продолжительные аплодисменты». Удивляться тут не стоит: сторонников у него на партконференции было предостаточно. Другое дело реакция за пределами ее стен. Как писал Вадим Медведев, выступление Лигачева «лишь прибавило очков Ельцину».

Медведев уверяет, что, в отличие от Егора Кузьмича, Горбачев на этот раз реагировал на выступление Ельцина несколько иначе, более «уравновешенно» и спокойно, настаивая, что «дискуссия с Ельциным – это вещь не чрезвычайная, а вполне вмещающаяся в рамки партийной демократии».

Впрочем, я не уверен, что эти слова Горбачева были искренними. Он нередко говорил одно, то, что соответствовало его имиджу политика-демократа, которым он дорожил, а «за

кулисами» действовал по-другому. В любом случае, если он и не хотел, чтобы на партконференции разгорелся скандал вокруг Ельцина, то главным образом потому, что действительно понимал: единственным результатом этого скандала будет еще более возросшая популярность Ельцина.

А с другой стороны, может быть, где-то в подсознании генсек, испытывал «чувство глубокого удовлетворения» от того, что ему самому не пришлось выступать с ответом Ельцину (в конце концов, его, наверное, надо было все же как-то «осадить»), – эту работу взвалил на себя Лигачев.

Впрочем, в заключение конференции Горбачев тоже высказался о Ельцине. Но об этом чуть позже.

Вслед за солистом – хор

Видимо, по сценарию, «мощную» атаку Лигачева должна была поддержать легкая кавалерия – с короткими речами, в том же духе, должен был выступить ряд других делегатов. Естественно, сочли, что лучше всего, чтобы это сделали делегаты из Свердловска и Москвы, которые, – одни раньше, другие позже, – побывали «под рукой» у Ельцина и ощутили всю тяжесть этой руки.

Однако тут вышла некоторая осечка: делегат Волков, секретарь парткома Свердловского машиностроительного завода имени Калинина, выступавший первым в этой группе «волонтеров», неожиданно поддержал не Лигачева, а Ельцина.

– Да, Ельцин очень трудный человек, – сказал Волков, – у него тяжелый характер, он жесткий человек. Но этот руководитель, работая в Свердловской областной партийной организации, очень многое сделал для авторитета партийного работника и партии, был человеком, у которого слово не расходилось с делом. Поэтому и сегодня у него остается высокий авторитет у простых людей.

Дальше – еще резче по отношению к партийному начальству:

– Я считаю, что Центральный комитет партии нанес урон своему авторитету, когда не были опубликованы материалы октябрьского пленума. Это породило массу кривотолков, которые только вредили делу.

И – ответ Лигачеву по поводу тяжкого продовольственного положения, будто бы созданного Ельциным в Свердловске (те самые слова, о которых я уже упомянул выше):

– Я не согласен с заявлением товарища Лигачева и насчет карточек. Того, как было с продуктами при Ельцине, к сожалению, сегодня нет.

В заключение Волков повторил, что Ельцин очень много сделал для Свердловской области, и его авторитет там и поныне очень высок. Депутат высказал надежду, что члены свердловской делегации поддержат высказанные им суждения.

Однако два других антиельцинских «волонтера» полностью выполнили миссию, возложенную на них по сценарию. Гендиректор московского Станкостроительного завода имени Орджоникидзе Чикирев предъявил Ельцину упрек: дескать, посещая его завод, первый секретарь горкома сделал какое-то «абсолютно некомпетентное» замечание.

– Видеть первый раз человека в жизни и высказать то, чего он не имел права мне высказать, – возмущался Чикирев.

Главное же возмущение выступающего – опять насчет «перетряски кадров»: за очень короткое время, за какой-то год Ельцин сменил в Москве двадцать три первых секретаря райкома из тридцати трех.

– Я не думаю, чтобы товарищ Ельцин был такой проницательный человек, что он за полгода мог узнать секретарей и наворочать столько, – сказал гендиректор.

«Кадровая чехарда», «наворочанная» Ельциным в Москве, – это, как мы знаем, было тогда одним из главных обвинений в его адрес.

И – совсем уж убийственное обвинение: из-за Ельцина один секретарей райкома покончил с собой:

– Секретарь районного комитета партии, который у нас на глазах вырос, сверхчестный и добросовестный человек, выбросился из окна после незаслуженного разноса за плохое снабжение района продуктами... На бюро горкома разобрали, «строгача» дали, а после этого товарищ с восьмого этажа и прыгнул... Чем это лучше 1937 года?.. Пусть товарищ Ельцин носит эту смерть у себя на сердце. (*Аплодисменты*).

Позже выяснится, что человек покончил с собой, давно покинув райком, работая совсем на другом месте, и никакого отношения к полученному «строгачу» это самоубийство не имеет. Но это – позже. А сейчас вот аплодисменты – в поддержку обличительной речи, бичующей злодея Ельцина.

Следующее выступление уже и бывшего непосредственного подчиненного Ельцину партработника – первого секретаря одного из московских райкомов Лукина. Тоже о «кадровой чехарде», проводившейся Ельциным в столице:

– Попытка форсирования перестройки привела в Москве буквально к ломке партийной организации... Ваше бездушное отношение к людям проявилось в бесконечной замене кадров... Главное в вашем стиле – это стремление понравиться массе. Метод же избираете один – вбить клин между партийными комитетами и рабочим классом, интеллигенцией. Так вы делали в Москве, так вы и сегодня пытаетесь сделать, вбивая фактически клин между делегатами конференции, залом и президиумом. Это, товарищ Ельцин, вам не удастся. Не пройдет!

(Под «клином» выступающий, видимо, имел в виду «силовой» прорыв Ельцина на трибуну: а как ему еще было туда прорваться?)

В заключение оратор выразил убеждение, что говорить о политической реабилитации Ельцина рано: он еще, видимо, не сделал никаких выводов.

Была также зачитана поступившая в президиум записка первого секретаря Свердловского обкома партии Бабыкина, который от имени областной парторганизации сообщал, что коммунисты области полностью поддерживают решение октябрьского пленума ЦК по Ельцину, а товарища Волкова «никто не уполномочивал выступать от имени делегатов; его выступление получило полное осуждение» (хотя, замечу, товарищ Волков и не говорил, что он выступает от чьего-то имени, кроме как от своего собственного).

Горбачев подводит итоги

При закрытии партконференции с пространной речью снова выступил Горбачев. В ней тоже много места занял Ельцин. Но все же генсек выступил «не так базарно и разнузданно» (оценка самого Ельцина). Солидно выступил, как и подобает генеральному секретарю. Просто говорил: «с этим не могу согласиться» и приводил доводы, на его взгляд убедительные.

Горбачев посчитал нужным вернуться и к «истории вопроса» – так сказать к «персональному делу» Ельцина.

– Когда мы рекомендовали товарища Ельцина первым секретарем Московского горкома партии, – сказал Горбачев, – исходили из того, что работа в столичной парторганизации нуждается в серьезном улучшении и сама обстановка в Москве требует оздоровления. Нужен был человек опытный, энергичный, обладающий критическим подходом. Эти качества мы наблюдали у товарища Ельцина... На первых порах товарищ Ельцин активно включился в работу, многое делал, чтобы ее оживить, развернул борьбу с накопившимися в Москве негативными явлениями. Мы поддерживали его в этих усилиях... Но на каком-то этапе почувствовали, что происходит что-то неладное... Товарищ Ельцин, вместо того, чтобы опираться на партийную организацию, на людей, на коллективы, начал сбиваться на окрик,

командные методы. За этим последовала бесконечная смена кадров (ну вот опять – про эту самую «кадровую чехарду». – **О.М.**) Мы вначале полагали, что это, наверное, оправданно, что были подобраны не те товарищи... Но когда он пошел менять кадры по второму и третьему кругу (вот, уже и по третьему! – **О.М.**), это стало нас беспокоить. Товарищу Ельцину я сделал замечание на Политбюро... В чем, я думаю, драма товарища Ельцина как политического работника? На этапе, когда надо было решать практические дела, у него не хватило сил, и он сбился на громкие фразы.

Но и тогда, по словам Горбачева, Политбюро не считало, «что товарищ Ельцин потерянный человек», не может работать дальше. Партийное руководство продолжало его поддерживать. Были приняты «крупные решения по Москве».

Однако события ускорил сам Ельцин.

Какова же «мораль»?

Далее последовало изложение истории с ельцинским письмом Горбачеву «в августе» 1987 года (на самом деле письмо, как мы помним, было послано в сентябре), октябрьским пленумом, пленумом Московского горкома, отстранившим Ельцина от работы, – уже в интерпретации Горбачева.

Горбачев сказал, что, получив «личное письмо» от Ельцина, где тот поставил вопрос об освобождении его от должности первого секретаря горкома, он, Горбачев, решил не спешить, внимательно разобраться с этим. «В Политбюро даже не знали о существовании этого письма». Предложил Ельцину провести мероприятия «по семидесятилетию Октября», а уж потом встретиться и поговорить. По словам Горбачева, Ельцин согласился с этим, но «вопреки договоренности» неожиданно выступил на октябрьском пленуме ЦК.

О дальнейших событиях мы знаем. Знаем и то, что Горбачев и Ельцин по-разному истолковали слова «потом», «позже» – когда именно «потом», «позже» они встретятся и поговорят о ельцинском письме, посланном генсеку.

– Таковы факты, – сказал Горбачев. – После того, как выступление товарища Ельцина (на октябрьском пленуме ЦК. – **О.М.**) было признано политически ошибочным, – он и сам это признал, – я все-таки попросил членов ЦК: давайте не решать сейчас вопроса об освобождении кандидата в члены Политбюро, поручили Политбюро рассмотреть этот вопрос. Но ситуация уже вызвала такую реакцию, что дело нельзя было оставлять в таком положении. Мы рассказали обо всем на пленуме Московского горкома, а там товарищи высказались о работе товарища Ельцина гораздо острее...

«Ельцинскую» часть своего выступления Горбачев завершил весьма пафосно, стараясь выжать из истории с Ельциным максимум «морали»:

– В общем, товарищи, я думаю, что это урок не только для товарища Ельцина, это урок и для Политбюро, и для генерального секретаря ЦК КПСС, для всех нас. Мы должны твердо идти по пути решительного возрождения нашей партии на ленинских принципах... Мы не должны решать великие задачи перестройки, которые перед собой поставили, прибегая к старым методам, осужденным не только партией, а всем обществом, самим временем. (*Аплодисменты*).

В общем – «мораль»: пытаюсь навести порядок в Москве, Ельцин действовал «старым методом», всеми осужденным.

Никакой реабилитации на партконференции Ельцин, естественно, так и не получил. Этого вполне можно было ожидать. Однако, затеяв разговор о ней, оказавшись в очередной раз побитым, он, как уже было сказано, в глазах людей получил дополнительные очки. И это, наверное, было более ценным, чем если бы ему предоставили какую-то формальную реабилитацию. Тогда сочувствия к нему было бы, конечно, меньше.

Ельцин на галерке

Как и после всех предыдущих «отлучков», Ельцин тяжело переживал очередную партийную «проработку». Он сидел совершенно разбитый на балконе, где отвели место карельской делегации, от которой он был избран.

«Все, кто был рядом, боялись даже повернуться ко мне, – пишет он в «Исповеди на заданную тему». – Я сидел неподвижно, глядя на трибуну сверху с балкона. Казалось, я вот-вот потеряю сознание от всего этого... Видя мое состояние, ко мне подбежали ребята, дежурившие на этаже, отвели к врачу, там сделал укол, чтобы я мог все-таки досидеть до конца партконференции. Я вернулся, но это было и физическое, и моральное мучение, все внутри горит, плывет перед глазами...»

Конференция закончилась, но мучения Ельцина продолжались. И вновь тоже недоумение: казалось бы, – здоровенный мужик, крестьянская, уральская кость, и еще совсем ведь не старый – 57 лет еще только, боец, постоянно ввязывающийся то в одну, то в другую драку, и – так «не держать удар»... Такие вот острые переживания, насколько мы знаем, случались у него довольно часто.

«Трудно я пережил все это, – продолжает Ельцин. – Очень трудно. Не спал две ночи подряд, переживал, думал, – кто прав, кто не прав?.. Мне казалось, все кончено. Оправдываться мне негде, да я бы и не стал. Заседание XIX конференции Центральное телевидение транслировало на всю страну. Отмыться от грязи, которой меня облили, мне не удастся. Я чувствовал: они довольны, они избili меня, они победили. В тот момент у меня наступило какое-то состояние апатии. Не хотелось ни борьбы, ни объяснений, ничего, только бы все забыть, лишь бы меня оставили в покое».

По-видимому, это была низшая точка в его настроении. Дальше настроение мало-помалу стало подниматься вверх.

«Отмываться от грязи» Ельцину не пришлось, – как раз благодаря телетрансляции заседаний. Люди всё увидели. И всё поняли. В Госстрой, где Ельцин тогда работал, пошли телеграммы и письма поддержки. Пошли не десятками и не сотнями – мешками.

«Мне советовали не обращать внимания на глупости, которые на меня наговорили, поскольку все равно в них никто не верит. От меня требовали не раскисать, а продолжать борьбу за перестройку... Наш натерпевшийся народ не мог спокойно и без сострадания смотреть, как над человеком издевались. Людей возмутила явная, откровенная несправедливость. Они присылали эти светлые письма и тем самым протянули мне свои руки, и я смог опереться на них и встать. Я смог идти дальше».

В общем, скажу еще раз: те, кто предсказывал, что благодаря очередной коллективной, показательной экзекуции Ельцин лишь «наберет очки», оказались правы. В итоге он обрел тысячи дополнительных сторонников.

И это очень важный момент во всей истории ельцинского «бунта», а может, и в истории России. Как мы видели, «бунтуя», Ельцин то и дело проявлял слабинку – признавал «ошибки», отступал назад, впадал в меланхолию, в депрессию... Если бы не мощная поддержка народа, которая проявилась в этот момент, он, наверное, так и не вышел бы в настоящие лидеры, не стал бы во главе антиноменклатурной оппозиции, во главе реформ. Однако растущая день за днем народная поддержка придавала ему все больше сил.

В какой-то мере эта поддержка была для Ельцина неожиданной. Но именно благодаря ей Ельцин стал тем Ельциным, каким мы его увидели в его звездный час, в его лучшие годы.

ЕЛЬЦИН ПОДНИМАЕТСЯ ВВЕРХ НА ВОЕННО-ТРАНСПОРТНОМ САМОЛЁТЕ

Горбачев переходит «на вы»

С Горбачевым после партконференции они не встречались и не разговаривали. Один раз только столкнулись на очередном пленуме ЦК (по-видимому, 29 ноября 1988 года), в перерыве. Ельцин:

«Он шел по проходу, а я стоял рядом, так что пройти мимо меня и не заметить было нельзя. Он остановился, повернулся ко мне, сделал шаг: «Здравствуйте, Борис Николаевич». (Неужто в самом деле Горбачев обратился к Ельцину «на вы»? Наверное, первый раз в жизни, если, конечно, Ельцин правильно все излагает. – **О.М.**) Я решил поддержать тональность, какая будет у него. Ответил: «Здравствуйте, Михаил Сергеевич»... Горбачев спросил: «Что, с комсомольцами встречался?» Я говорю: «Да, была встреча, и очень бурная, интересная». – «Но ты там критиковал нас, говорил, что мы недостаточно занимаемся комсомолом?..» (Ну вот, опять съехал на привычное «ты». – **О.М.**) Я говорю: «Не совсем точно вам передали. Я говорил не «недостаточно», я говорил «плохо» занимаются».

Горбачев постоял, видимо, не нашел, что ответить. Несколько шагов они с Ельциным прошли рядом. Ельцин сказал генсеку, что вообще-то, наверное, надо бы им встретиться, обсудить некоторые вопросы. Горбачев ответил: «Пожалуй, да». На этом разговор закончился. Последствий он не имел. Ельцин, естественно, считал, что инициатива, касающаяся встречи, должна исходить от генсека...

Больше в течение полутора лет они с Горбачевым не встречались и не разговаривали.

«И все-таки, – продолжает Ельцин, – я чувствовал, лед тронулся. Мое заточение подходит к концу. Начинается какое-то новое время, совершенно неизведанное, непривычное».

Выступление в Высшей комсомольской школе

Одним из признаков, что «заточение» Ельцина кончается, по-видимому, как раз и была та самая его встреча со слушателями Высшей комсомольской школы, о которой упомянул Горбачев. Она состоялась 12 ноября. В ту пору на все, что касалось Ельцина, – упоминание его имени в центральной печати, какие-либо публичные встречи с ним, – было наложено «табу». И вот вдруг – такое событие.

Нельзя сказать, что организаторам встречи удалось легко ее провести. Первая реакция ректора ВКШ, когда к нему пришел секретарь комсомола этого учебного заведения с предложением пригласить Ельцина, была предсказуема – «Ты что, Ельцина приглашать?» Однако комсомольцы настаивали. Комсомольцев поддержал партком. Не допустить встречу пытался первый секретарь ЦК ВЛКСМ Мироненко – вот ведь какие силы были подключены. Верховное начальство понимало, что стоит перед Ельциным приоткрыть дверную щёлочку, и его уже не остановишь. Но встречу предотвратить не удалось. Она состоялась, как уже было сказано, 12 ноября и длилась около пяти часов. Все пять часов Ельцин простоял на трибуне. Разговор получился острый. Конечно, все пять часов (это слова Ельцина) «были записаны кем надо». Соответственно, «те, кто надо» и Горбачеву обо всем доложили.

Среди прочего, Ельцин ответил на вопрос, какие ошибки он допустил на посту первого секретаря МГК.

– Я недооценил влияние организованной мафии в Москве на все сферы, – сказал Ельцин. – Тут меня не хватило. Как только мы взялись за торговлю, общепит, милицию, – все и пошло. Это, пожалуй, главная ошибка. Тогда только со стороны торговли две тысячи человек были арестованы. В милиции главное управление сменили. В общепите сменили. Руководство городского КГБ сменили. На должность председателя исполкома Моссовета мне предложили четыре кандидатуры. Но я чувствовал – все они «свои». Поэтому пошел на рискованный шаг – поставить на эту должность генерального директора ЗИЛа, который с этой системой не связан. И он, действительно, честно боролся с этим всем... Наверное, сыграли роль и мои личные качества, требовательность. От нее здесь отвыкли. Будучи чистыми функционерами, ряд первых секретарей отвыкли работать по-настоящему. Мою требовательность воспринимали как жестокость. Может, надо было быть несколько погибче? Московское хозяйство оказалось сложным, не обошлось без ошибок, хотя я не согласен с выступлением товарища Горбачева, что я пошел по третьему кругу смены первых секретарей. Такого не было. Да, двадцать три первых секретаря из тридцати трех были заменены. Но если посчитать в процентах, сколько заменено (Горбачевым. – **О.М.**) первых секретарей обкомов КПСС..., то там процент смены побольше, чем в Москве.

В общем, Ельцин, как следовало из его выступления, не сумел «сломать рога» гришинской мафии. Мафия свалила его. Хотя, если сравнить гришинскую банду с лужковской, которая вскоре придет ей на смену, первая, наверное, представляла собой детский сад по сравнению со второй.

И по отношению к Горбачеву, и по отношению к партии Ельцин еще проявляет полную лояльность.

Вопрос:

– Может, Горбачев нуждается в единомышленниках, а не в оппозиции?

Ответ:

– Я никогда не был по отношению к нему, к партии в оппозиции. Он – лидер. А почему мы не вместе, вы уже знаете.

И последний вопрос:

– Есть ли у вас идеал?

– Если в отношении женщины, – сказал Ельцин, – то моя жена. В отношении политического лидера идеала выше, чем Ленин, я не представляю.

Пройдет немного времени, и Ельцин станет могильщиком и «ленинской» партии, и навсегда, наверное, расстанется с самим Лениным как недостижимым идеалом (вспомним рассказ Валентина Юмашева). Но вот в ноябре 1988 года «вождь мирового пролетариата» для него еще – идеал.

Ельцин летит на предвыборное собрание «в обнимку с крылатой ракетой»

Декабрь 1988-го. Приближаются выборы народных депутатов СССР. Ельцин колеблется, участвовать ли в них. Из книги «Исповедь на заданную тему:

«...Прекрасно представляю себе, что шансы у меня (быть избранным. – **О.М.**) отнюдь не стопроцентные. Закон о выборах дает возможность власти, аппарату держать многое в своих руках. Нужно преодолеть несколько этапов прежде, чем уж сам народ будет делать свой выбор. Система выдвижения кандидатов, окружные собрания, отсеивающие всех негодных, избирательные комиссии, захваченные исполкомовскими аппаратчиками – все это настраивает на грустные размышления. Если я проиграю, если мне не удастся на этих выборах стать депутатом, представляю, с каким восторгом и наслаждением рванется добивать меня партийная номенклатура. Для них это прекрасный козырь – народ не захотел,

народ не выдвинул, народ провалил... Хотя, конечно же, к народному волеизъявлению те же окружные собрания никакого отношения не имеют. Это ясно всем, начиная от рядового избирателя и заканчивая Горбачевым».

Близкие люди, друзья советуют Ельцину отказаться от борьбы: уж в слишком невыгодных условиях он оказался. Как только он начнет участвовать во встречах с избирателями, «вся мощнейшая пропагандистская машина, перемешивая ложь, клевету, подтасовки», обрушится на него.

Это с одной стороны. С другой – со всех концов страны к нему пошли потоком подбадривающие телеграммы, многотысячные коллективы стали выдвигать Ельцина своим кандидатом.

И Ельцин решил идти на выборы.

Как он и ожидал, сопротивление, которое ему оказали партийные чиновники, было мощным. Приходилось прилагать немислимые усилия, чтобы его преодолеть. О забавном случае он рассказывает в книге «Исповедь на заданную тему». Первое окружное собрание, в котором он решил участвовать, проходило в уральском городе Березники, в Пермской области. Чтобы местные партократы не сумели заранее подготовиться и дать ему отпор, он решил пойти на хитрость. Не стал никого оповещать о своем приезде в город. Дождался, когда последний самолет на Пермь вылетит из Москвы, и... вылетел в Ленинград. Там добровольные помощники встретили его, перевезли на военный аэродром и посадили в военно-транспортный самолет, направляющийся на Урал.

«На грузовом винтовом самолете, гремящем и тарахтящем так, что я чуть не оглох, – пишет Ельцин, – в обнимку то ли с крылатой ракетой, то ли со снарядом, я улетел в Пермь. Рано утром мы приземлились, здесь меня уже ждали доверенные лица. И очень скоро я очутился прямо на окружном собрании, успел к самому его началу. Мое появление вызвало шок у организаторов, так как из обкома партии прилететь и что-то изменить уже не успевали. Я выступил со своей программой, ответил на записки, вопросы, все шло прекрасно, и, когда началось голосование, я, честно говоря, уже не волновался... Получил я подавляющее большинство голосов, можно было возвращаться в Москву».

Кстати, отвечая на этом собрании на вопрос, как он относится к многопартийной системе, Ельцин сказал:

– Мы еще не созрели для многопартийности.

Как видим, созревание демократических идей шло медленно даже и в головах оппозиционеров. Впрочем, – прежде всего тех, кто вышел из руководящих партийных кругов.

К слову сказать, тут Ельцин с Горбачевым не расходились во мнении. 29 марта, уже после выборов, на встрече с руководителями СМИ генсек высказался насчет многопартийности столь же негативно:

– ...Огромные возможности для выражения мнений, интересов, подходов кроются в социалистической демократии, в нашей системе народовластия... Нам надо идти и дальше по этому пути, а не искать какие-то иные дороги, не заниматься политическими спекуляциями, которые кое-кто стал подбрасывать через прессу (любимое выражение Михаила Сергеевича – «кое-кто нам подбрасывает». – **О.М.**), всякого рода абстрактными построениями, в том числе – о многопартийности. Демократизм определяется не количеством партий, а тем, какую роль играет народ в обществе.

Что ж здесь, спрашивается абстрактного – в понятии «многопартийность»? Вполне конкретное понятие. И что-то неизвестно, чтобы где-то, где наличествует одна-единственная «руководящая и направляющая», существовал подлинный «демократизм». Политическая конкуренция – одно из главных условий демократии. Это всем известно.

Несмотря на победу в Березниках, Ельцин решил принять участие и в столичных территориальных окружных собраниях: все-таки Березники – это Березники, а Москва – это Москва. Подал документы на выдвижение кандидатом по Московскому национально-территориальному округу №1.

Здесь опять удалось проскочить через препоны, воздвигнутые номенклатурой. По ее

замыслу – и для этого было сделано все необходимое – в кандидаты должны были пройти двое: директор ЗИЛа Браков и космонавт Гречко. Однако Гречко, прекрасно понимая, что стоит на кону, перед самым голосованием снял свою кандидатуру. Вместо него в паре с Браковым и оказался Ельцин: он был зарегистрирован кандидатом по этому округу 21 февраля.

Забегая вперед скажу, что на выборах, которые состоялись чуть более чем через месяц, Ельцин одержал сокрушительную победу над своим соперником, выдвинутым партноменклатуры.

Ельцина атакует «рабочий класс»

На Пленуме ЦК, который проходил 15 -16 марта 1989 года, была предпринята еще одна атака на Ельцина. На этот раз инициатором атаки стал рабочий завода имени Владимира Ильича, член ЦК КПСС Тихомиров. Он обрушился с критикой на предвыборные выступления Ельцина и, заодно, на бюрократические порядки в Госстрое, где, напомним, Ельцин тогда работал первым заместителем председателя. Оратор сослался на личный опыт общения с руководящим чиновником, оставивший у него самые неприятные воспоминания: дескать, он, Тихомиров, попытался попасть к нему на прием, так, представляете, – Ельцин продержал его, члена ЦК, в приемной сорок минут!

«Это была очередная ложь, – пишет Ельцин в «Исповеди на заданную тему». – Он действительно приходил ко мне и действительно ждал в приемной, но пришел без предупреждения, а в этот момент у меня было совещание с ведущими специалистами Госстроя. Но как только секретарь мне сообщила, что в приемной ждет Тихомиров, я, зная его, попросил товарищей сделать перерыв. Мы с ним переговорили, пришел он по совершенно несущественному поводу. У меня тогда еще зародилось сомнение: что это он решил ко мне заглянуть?.. А когда он выскочил на Пленуме, все стало ясно».

Ельцин коротко ответил Тихомирову, самокритично признав, что «элементы бюрократизации» в Госстрое действительно есть. Однако критику в адрес своих предвыборных выступлений решительно отверг, заявив, что они не противоречат предвыборному Обращению ЦК КПСС.

Горбачев на этот раз опять-таки не счел нужным раздувать полемику вокруг фигуры Ельцина, видимо, снова из того расчета, что связанные с ним скандалы идут на пользу лишь самому Ельцину. Сказал только, что оценки октябрьского Пленума 1987 года, посвященные Ельцину, остаются в силе.

На этом вроде бы все закончилось, однако противники Ельцина не унимались. На второй день работы пленума в его президиум, то есть в Политбюро, поступили записки от ряда участников – рабочих (опять рабочих!) из Москвы, Ленинграда, Харькова, других городов... Но также – от первых секретарей Одесского и Запорожского обкомов партии Крючкова и Харченко. Авторы высказывали недовольство тем, что разговор о Ельцине, начатый накануне Тихомировым, был свернут, требовали дать политическую оценку его выступлениям. Вадим Медведев:

«Возникла щекотливая ситуация. Не реагировать на поступившие записки было невозможно. Но как реагировать? В перерыве в комнате президиума за чашкой кофе произошла короткая, но острая дискуссия. Мнения разделились. Раздавались и решительные голоса, вплоть до того, чтобы продолжить на следующий день работу пленума, обсудить выступления и позиции Ельцина и принять соответствующие решения. Похоже, что те, кто подталкивал Тихомирова к выступлению на пленуме, кто организовывал записки в президиум (а я абсолютно уверен, что именно так и было), рассчитывали на такой, по сути дела скандальный, исход. Но он не был поддержан большинством Политбюро и генсеком».

Медведев не называет того, кто стоял за кулисами этой новой волны нападков на Ельцина, однако догадаться, кто это был, нетрудно. Думаю, не ошибусь, если скажу, что это был все тот же Лигачев, не оставивший попыток втолковать ему: «Борис, ты неправ!»

Впрочем, на этот раз замысел атаки, надо полагать, не ограничивался «воспитательными» мерами. Целью, видимо, было лишить Ельцина членства в ЦК. А кто знает, – может быть, и членства в партии. Думаю, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: и то, и другое опять-таки пошло бы лишь на пользу Ельцину, укрепило бы его ореол мученика, политика гонимого и преследуемого.

Так что обсуждать записки не стали, создали лишь комиссию для «изучения соответствующих материалов».

Но ельцинские оппоненты по-прежнему не желали складывать оружия. Для «Московской правды» была подготовлена обличительная статья за подписью Тихомирова, предлагалось опубликовать его интервью в «Правде». Однако партийное начальство высказалось против. Всё по той же причине – как писал Медведев, все это укрепляло бы вокруг Ельцина «ореол преследуемого, но несгибаемого борца».

К тому же инициатора так и не разразившегося скандала, «представителя рабочего класса» Тихомирова не поддержали ни на одном из предприятий Москвы, даже на его родном предприятии. Всем уже было достаточно ясно, против кого и чего борется Ельцин и кто борется против него.

Первые демократические выборы

Первые в СССР демократические выборы народных депутатов состоялись 26 марта 1989 года. Итоги их оказались довольно неожиданными. Казалось бы, партноменклатура, да и вообще партийные выдвиженцы, должны были потерпеть на них сокрушительное поражение, настолько «обрыдла» всем «диктатура пролетариата». Однако среди новых нардепов процент членов КПСС оказался больше, чем в прежнем Верховном Совете СССР: было 71,5, стало – 87,6. Впрочем, объяснение этому было достаточно простое: люди теперь больше обращали внимание не на партийную принадлежность, а на личность кандидата. К этому моменту многие члены КПСС успели уйти далеко-далеко от коммунистических догм и спускаемых сверху партийных установок.

Что касается собственно партноменклатуры, можно сказать, что на этих выборах она хоть и не была на голову разбита, но понесла существенный урон. Достаточно сказать, что из ста шестидесяти первых секретарей обкомов были забаллотированы тридцать два, причем – в самых значимых регионах. В Ленинграде, например, не был избран ни один партийный и советский руководитель города и области, ни один член бюро обкома, включая первого секретаря.

Аналогичные результаты были и в Москве: партработники здесь тоже в основном потерпели поражение.

И напротив, успех сопутствовал многим оппозиционерам. Борис Ельцин, соперничавший с гендиректором ЗиЛа Евгением Браковым, как уже говорилось, победил «нокаутом» – получил более девяноста процентов голосов.

Я думаю, этот ошеломляющий успех послужил для Ельцина дополнительным мощным толчком в его движении вперед, заставил еще больше поверить в поддержку народа и, соответственно, в свои силы. Это при том, что в дальнейшем он не всегда побеждал на разных выборах с такими убедительными результатами.

Тут на ум приходит одно любопытное сравнение. При коммунистическом режиме, хоть и умирающем, но еще живом, несмотря на немыслимые, бесчисленные преграды, которые этот режим воздвигал перед Ельциным, он все же сумел выйти на выборы и попасть в парламент. Невозможно себе представить, чтобы что-то подобное могло случиться в путинской России – чтобы оппозиционный политический деятель такого же или близкого к такому масштаба, да просто более или менее известный, мог оказаться в Госдуме или в Совете Федерации.

Ельцина подслушивают

Думаю, что именно после этих выборов, после такого ошеломляющего результата, полученного Ельциным, и Горбачев мало-помалу стал осознавать, какого мощного противника он обретает в лице Ельцина.

И дело было не только во всё возрастающей популярности Ельцина (стремление обрести такую популярность некоторые презрительно называют популизмом), но и в том, что Горбачеву, видимо, было хорошо известно, как к нему лично относится Ельцин. В публичных выступлениях Ельцина это особо не проявлялось, но вот в частных разговорах с близкими людьми... Думаю, что Горбачеву было многое известно и об этих разговорах. Как вспоминал позднее Ельцин, его «в течение нескольких лет записывали – утром, днем, вечером, ночью, в любое время суток». После подавления августовского путча «горы папок» с текстами этих разговоров следователи обнаружили в сейфах Болдина – руководителя аппарата Горбачева. Трудно поверить, что если этими текстами располагал близкий Горбачеву человек, ничего о них не знал и сам Горбачев.

Если же Ельцина записывали в течение нескольких лет, вплоть до августа 1991-го, отсчитав эти «несколько лет» в обратном порядке, нетрудно представить, в какой именно период делались эти записи, – видимо, начиная с самого ельцинского «бунта», с 1997 – 1998 года и кончая 18-19 августа 1991-го.

Так что, надо полагать, Горбачев почти во все время их противостояния с Ельциным (по крайней мере, до путча; после него – вряд ли, хотя система прослушки могла частично сохраниться и после него) прекрасно знал, что о нем думает и говорит его противник, как проходят его обсуждения с ближайшими сотрудниками, кто и что ему советует и подсказывает (отсюда, например, – постоянные нападки горбачевцев на Бурбулиса), какие строятся планы, какие рассматриваются варианты...

У Ельцина, естественно, такой информации о частных разговорах Горбачева не было. Но кое о чем он, я полагаю, догадывался и без помощи подслушивающих и подглядывающих устройств.

Ельцин едет в Тбилиси

В мае 1989 года Ельцин в качестве народного депутата СССР отправился в Тбилиси. Целью поездки было – расследовать апрельские события в этом городе, когда армия разогнала мирных демонстрантов (при этом девятнадцать человек погибли). Об этой поездке сразу же доложили Горбачеву, который в тот момент находился в Китае. Вадим Медведев, 15 мая:

«Информировал (по телефону. – **О.М.**) Горбачева о поездке Ельцина в Грузию. Главный интерес у визитера – к действиям Центра во время грузинских событий, а также к контактам с грузинскими депутатами. Ельцин встречался с Патиашвили (первый секретарь ЦК компартии Грузии. – **О.М.**), с общественной комиссией по расследованию апрельских

событий. Собирается на Съезде ставить вопрос о грузинских событиях и роли Центра в них. Горбачев поручил восстановить полностью историю вопроса с грузинскими событиями, в том числе то, что известно от Язова (министра обороны СССР. – **О.М.**)»

Вот только когда генсек озаботился ПОЛНОСТЬЮ восстановить «историю вопроса с грузинскими событиями». Если у поездки Ельцина не было других результатов, одно это уже немало.

Ельцин выполнил свое намерение поставить вопрос о тбилисских событиях на I Съезде народных депутатов СССР. Поставил его, как говорится, «ребром», в своем выступлении 31 мая прямо назвал то, что совершили в грузинской столице власти, преступлением.

Так, обретя депутатский статус, уже без оглядки, Ельцин принялся наносить Горбачеву удар за ударом.

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД. ПРИОТКРЫТЫЕ ВОРОТА В ДЕМОКРАТИЮ

Выбирают председателя...

Знаменитый I Съезд народных депутатов СССР проходил в Кремле с 25 мая по 9 июня 1989 года. Впервые за долгие годы в стране на высшем уровне законодательной власти происходило РЕАЛЬНОЕ обсуждение насущных проблем, причем – с разных позиций, не только с одной, с позиции коммунистической верхушки, партноменклатуры. Хотя коммунисты на съезде, естественно, преобладали.

Что было совершенно необычно, ново, – заседания Съезда транслировались по телевидению. Их, забыв про свои дела, смотрели миллионы людей.

Кстати, Ельцин по достоинству оценил этот шаг Горбачева – решение о телетрансляции заседаний Съезда. Он пишет в «Исповеди на заданную тему»:

«Горбачев принял принципиально важное решение о прямой трансляции по телевидению работы Съезда. Те десять дней (на самом деле – больше. – **О.М.**), которые почти вся страна, не отрываясь, следила за отчаянными съездовскими дискуссиями, дали людям в политическом отношении гораздо больше, чем семьдесят лет, умноженные на миллионы марксистско-ленинских политчасов, выброшенных на оболванивание народа. В день открытия съезда это были одни люди, в день закрытия они стали уже другими... Народ, почти весь народ, проснулся от спячки».

Каково – «миллионы марксистско-ленинских политчасов, выброшенных на

оболванивание народа»... Еще недавно невозможно было представить, чтобы из уст Ельцина вылетали такие слова.

В первый же день, еще до выборов Верховного Совета СССР (их, естественно, должны были выбирать из числа народных депутатов, участвовавших в Съезде) выбрали председателя Верховного Совета. Писатель Чингиз Айтматов от имени и по поручению «представителей депутатских групп, а также с учетом единодушного мнения партийной группы народных депутатов» внес предложение об избрании на этот пост Горбачева. Это предложение было встречено дружными аплодисментами.

Если бы на дворе было время Брежнева и на соответствующей пост предложили бы Леонида Ильича, тем бы дело и кончилось: подняли бы мандаты и все, Ильич Второй был бы избран единогласно. Но наступили совсем другие времена. Депутат Бирюков, слесарь металлургического завода из уральского города Серова, на пост председателя Верховного Совета предложил альтернативную кандидатуру – Ельцина. Мол, такой наказ дали ему его избиратели. Вообще депутаты в своих выступлениях то и дело ссылались на устные и письменные пожелания избирателей. Так оно вроде бы было более весомо: дескать, не от себя говорю – народные массы этого требуют.

Председательствующий поправил Бирюкова: сейчас обсуждается кандидатура Горбачева, после мы перейдем к выдвижению других кандидатур, и вы сможете выдвинуть «Иванова, Петрова, Сидоров, Ельцина и т. д.»

Против Горбачева никто, естественно, не возражал.

Начали выдвигать альтернативные кандидатуры. И тут произошла сенсация. Собственную кандидатуру на пост председателя Верховного Совета выдвинул никому не известный депутат Оболенский, инженер-конструктор мурманского Полярного геофизического института. Опять: мыслимо такое было прежде? Коллеги, возмущенные подобной неслыханной дерзостью, едва не разорвали его на части. Он и демагог, и выскочка... В бюллетень для тайного голосования он, понятное дело, включен не был. Но в историю вошел.

Дальше снова зазвучала фамилия Ельцина. Предложение депутата Бирюкова поддержал другой депутат с Урала, из Свердловска – Геннадий Бурбулис, заместитель директора Всесоюзного института повышения квалификации специалистов Министерства цветной металлургии СССР. Он опять-таки сослался на наказ своих избирателей – рекомендовать на пост председателя Верховного Совета СССР Бориса Николаевича Ельцина.

Горбачев проводит рекогносцировку

Кстати, если возвратиться немного назад, такую возможность, – что на пост председателя ВС параллельно с ним выдвинут и его главного оппонента, – предвидел и сам Горбачев. Собственно, предвидеть это было нетрудно: после сокрушительной победы Ельцина над Браковым по Москве поползли соответствующие слухи, хотя сам Ельцин в тот момент ни сном, ни духом об этом не помышлял, вполне реалистично оценивая свои «председательские» шансы как ничтожные. Что касается Горбачева, тот, будучи опытным политическим игроком, отнесся к такой возможности вполне серьезно. Ельцин:

«Примерно за неделю до открытия съезда он мне позвонил и предложил встретиться, переговорить... Горбачев спросил меня о дальнейших планах, – чем я предполагаю заниматься, где вижу себя в дальнейшей работе. Я ответил сразу – все решит Съезд. Горбачеву этот ответ не понравился, он хотел все же получить от меня какие-то гарантии и потому продолжал спрашивать: как я смотрю на хозяйственную работу, может быть, меня заинтересует работа в Совмине? А я продолжал твердить свое – все решит Съезд. Наверное, я был прав, до съезда о чем-то серьезном говорить было бессмысленно, но Горбачева мой ответ раздражал, ему хотелось узнать о моих намерениях. Он, видимо, считал, что я что-то

скрываю. Но я совершенно искренне не строил никаких преждевременных планов...»

Еще бы Горбачева не раздражали слова Ельцина « все решит Съезд». Их вполне можно было расшифровать так: «Я, как и вы, буду баллотироваться на пост председателя Верховного Совета СССР, а там пусть Съезд все решает».

Кто возглавит Верховный Совет – Горбачев или Ельцин?

Итак, названы две фамилии – Горбачева и Ельцина. Что в этот момент чувствовал Горбачев? Волновался ли? Какое-то напряжение, возможно, ощущал, но особенного волнения, полагаю, у него не было. Во-первых, он прекрасно знал настроения на съезде. Хотя многие правоверные коммунисты к этому моменту уже были настроены против него, но, случись им выбирать между ним и Ельциным, они, конечно, выберут его. Да и вообще большинство Съезда – за него, Горбачева. Во-вторых, и сам Ельцин на только что прошедшем, майском, пленуме ЦК КПСС обещал не препятствовать его, Горбачева, избранию, подчиниться «воле партии». Конечно, он может и отказаться от своего обещания, – черт знает что у него на уме, – но это ничего не изменит. Пока что он ему, Горбачеву, не конкурент, а там видно будет...

Слово берет депутат Крайко, сотрудник одного из московских институтов. Он избирался в моем округе, так что я его немного знал. В ту пору он повсюду «высовывался», выказывал себя рьяным демократом, входил даже в знаменитую Межрегиональную депутатскую группу. После его понесло-понесло куда-то в сторону и в октябре 1993-го принесло в руководство реакционнейшего Фронта национального спасения. В дальнейшем, после разгрома октябрьских мятежников, он вовсе куда-то исчез с политической сцены.

Кстати, Крайко – это довольно типичная для того времени фигура: многие деятели такого сорта сначала заявляли о себе как рыцари демократии без страха и упрека, делали себе карьеру на демократической волне (Крайко, кажется, стал профессором), а потом спокойно снимали с себя маску, открывали свое истинное лицо.

Но это все было потом. А пока май 1989-го, I Съезд народных депутатов СССР...

Для начала Крайко расшаркался перед Ельциным: он «относится к нему с глубоким уважением», он «глубоко убежден, что его отстранение от политической деятельности, настоящей политической деятельности, не должно продолжаться впредь», что «он должен быть привлечен к активному участию в нашей политической жизни». После этого, заранее подсластив таким образом пилюлю, Крайко заявил, что «был бы рад», если бы Борис Николаевич взял самоотвод.

При этом опять-таки сослался на мнение своих избирателей – на их письмо.

Не уверен, что письмо действительно написали избиратели – уж больно гладко было написано. Возможно, сам сочинил. Или его помощники. Но тогда, повторяю, среди депутатов была такая мода: чуть ли не на каждом шагу апеллировать к «своей» части российского народа. А как же? Мы ведь, дескать, НАРОДНЫЕ избранные.

В тексте, который зачитал с трибуны депутат Крайко, в частности, говорилось:

«Несмотря на то, что мнение о необходимости избрания в президенты Горбачева распространено очень широко (в ту пору, правда, речь еще не шла об избрании Горбачева или кого-либо еще президентом. – **О.М.**), – об этом говорил, например, Сахаров, оно все-таки не является единодушным. Кто-то не может ему простить подписание не вполне продуманных указов, кто-то считает его недостаточно решительным, противопоставляя ему смелость Ельцина. Мы не можем не уважать мужественные высказывания Бориса Николаевича. Мы поддерживали его во время избирательной кампании. Но является ли сейчас решительность главным достоинством лидера? Все сходится во мнении, что нам нужен мирный путь реформ и преобразований. А мирный путь – это путь компромиссов, диалогов, возможно, каких-то уступок. И на этом пути наиболее подходящим лидером

представляется Горбачев».

Пожелание, чтобы Ельцин взял самоотвод, высказал еще один депутат – журналист из Запорожской области Чельшев.

– Мне очень близка программа Бориса Николаевича Ельцина, – сказал он. – Она близка мне не только в экономических моментах, близка и тем, что он проявил себя как борец со льготами, которые есть у высшего эшелона... И не только это. Он трезвый политик, но мне не нравится, когда противопоставляют Горбачева Ельцину. Это два крыла перестройки. И не нужно их сталкивать лбами, извините, пожалуйста. Это два крыла перестройки, на которых она, в общем-то, держится. И поэтому я считаю, что Борис Николаевич должен снять свою кандидатуру сейчас.

Вместе с тем, Чельшев высказал пожелание, чтобы Ельцину был предложен какой-то «очень серьезный и очень важный пост» – например, пост председателя Совета Министров СССР.

В поддержку Горбачева (в противовес Ельцину) выступили и некоторые другие депутаты. Их речи встречались аплодисментами.

Ельцин берет самоотвод

А что же Ельцин? Испытывал ли он колебания, как поступить в этой ситуации?

Хотя он по-прежнему член ЦК и, как уже говорилось, обещал на пленуме этого руководящего партийного органа подчиниться его решению о выдвижении Горбачева на высший пост в российской законодательной власти, в конце концов он мог бы наплевать на это обещание, данное людям, которые уже полтора года возили его, как говорится, физиономией по столу, подвергали гонениям. В принципе это было бы вполне в его духе: ах, вы хотите, чтобы я плясал под вашу дудку? – так вот вам!

Возможно, этого опасался и Горбачев.

Но Ельцин понимал, что при голосовании проиграет Горбачеву. Такой исход неизбежен. Пойдет ли это на пользу ему, его делу или же – во вред? С одной стороны, его имидж «обижаемого», конечно, получит дополнительную подпитку: вот опять – в который уже раз – Ельцина «обидели», «обидел» Съезд, состоящий в основном из коммунистов. С другой стороны, – вся страна увидит: все-таки политическим деятелем номер один в стране остается Горбачев, а не Ельцин. Контраст будет особенно разителен, если разница между голосами окажется велика. Нужно ему это сейчас? Нет, наверное, рано еще ему вступать в прямую схватку с Горбачевым.

Ельцин попросил слова. Поблагодарил тех, кто предложил его кандидатуру. Однако сослался на то, что в сложившейся ситуации необходимо учитывать решения недавнего, майского, пленума ЦК, который на пост председателя Верховного Совета СССР рекомендовал Михаила Сергеевича.

– На пленуме меня прямо спросили, буду ли я выполнять решения майского Пленума Центрального Комитета партии, – сказал Ельцин. – И я ответил: конечно, как коммунист я буду их выполнять, потому что я за перестройку, за то, чтобы вести ее – только более решительными, более активными действиями. Я воздержался там при голосовании, считая, что надо все-таки выдвигать какие-то альтернативные кандидатуры, хотя бы и для примера, хотя бы и для того, чтобы воспитывать нашу молодежь, чтобы она в последующем делала в этом направлении еще какие-то шаги вперед.

Итак, Ельцин поступил как дисциплинированный коммунист, как член ЦК, послушно выполняющий решения партии.

Вместе с тем он, словно бы за депутатом Чельшевым, и, пожалуй, несколько униженно, как бы попросил: поскольку он «со вчерашнего дня безработный» (собираясь посвятить себя политике, депутатской деятельности, Ельцин покинул должность первого

заместителя председателя Госстроя, министра СССР), он «мог бы, работая серьезно и признавая перестройку, согласиться на какое-то предложение».

В общем, Ельцин взял самоотвод.

Против его самоотвода проголосовали лишь четырнадцать человек. Семеро воздержались.

Председателем Верховного Совета СССР был избран Горбачев. Его фамилия была единственной в бюллетене.

Обо всем договорились заранее...

Более чем двадцать лет спустя, в ноябре 2010 года, я беседовал по поводу этого эпизода с Геннадием Бурбулисом, в ту пору – в конце восьмидесятых – начале девяностых – близким к Ельцину человеком. Я спросил его, как же все-таки получилось, что Бирюков и вы выдвинули Ельцина в председатели, хотя всем – в том числе, наверное, и вам, и самому Ельцину, – было ясно, что дело это безнадежное.

– Это предложение было с ним согласовано, – сказал Бурбулис. – Накануне вечером мы собирались, обсуждали, как действовать на съезде. Были разные варианты. Борис Николаевич был против своего выдвижения, говорил: «Не стоит этого делать, никаких перспектив у нас нет». Но в конце концов мы договорились, что все-таки выдвинем его, а он использует эту возможность, чтобы снять свою кандидатуру, но при этом высказать какие-то принципиальные вещи. То есть это входило в нашу тактику.

– А не было ли у Ельцина такой мысли: может, всерьез пойти на выборы председателя? Не было таких колебаний?

– Нет, никаких колебаний не было. Он, повторяю, наоборот, не очень был доволен тем, что это надо делать, вести такую игру, но вот так договорились. Поручение внести такое предложение дали Виталию Бирюкову, нашему соратнику, депутату из Свердловской области, из Серовского округа. И он внес его. Но Воротников, который был председательствующим, отклонил это предложение, сказав, что сейчас, мол, обсуждается кандидатура Горбачева. И тогда мне пришлось повторить наше предложение. Ну, а что было дальше, вы знаете.

Ельцина не избрали в Верховный Совет...

Ельцин не только не стал председателем Верховного Совета, – поначалу его вообще в Верховный Совет не избрали. В каком-то смысле он стал жертвой собственной приверженности демократическим принципам. В Совете Национальностей для России была выделена квота в одиннадцать мест. Однако Ельцин настоял, чтобы в бюллетень поставили двенадцать фамилий, – чтобы была хоть какая-то альтернатива. В результате, после подсчета голосов, он и оказался двенадцатым, последним, по числу проголосовавших за него: на коммунистическом, по сути, съезде у него – «рenegата» и «отступника» – было очень много «друзей». При этом, правда, за Ельцина проголосовали более половины тех, кто опустил бюллетени в урну. Так что вообще-то он был избран, но вот... оказался за рамками квоты.

Все почувствовали нелепость ситуации: на выборах народных депутатов в Москве Ельцин получил более пяти миллионов голосов, однако при этом остается за бортом Верховного Совета. Один за другим депутаты выходили на трибуну и указывали на эту нелепость.

Депутат Себенцов намекнул даже, что неизбрание Ельцина не случайность, а чей-то

злой умысел (понятно, чей).

– Результаты выборов 27 мая, – сказал он, – оставившие за рамками Верховного Совета Бориса Николаевича Ельцина, и дальнейший ход съезда привели меня к мысли, что в подготовке и проведении съезда нет некомпетентности, нет ошибок, а есть вполне определенная железная воля, воля, которой не нужен работающий парламент...

Лишь позднее депутатам объяснили, что на таком порядке избрания в Совет Национальностей от России настоял сам Ельцин.

Но что было делать? Без таких людей, как Ельцин, парламент, в самом деле, грозил стать неработоспособным.

Свое место Ельцину уступает депутат Казанник

Решение проблемы вроде бы замаячило, когда слово взял Гавриил Попов. Он сказал, что выход из тупика предложили «представители нашей славной Сибири», а именно депутат из Омска доцент тамошнего госуниверситета Казанник. Он оказался в числе одиннадцати избранных от России и теперь заявляет о готовности снять свою кандидатуру, так чтобы его место в Совете Национальностей занял следующий за ним по числу набранных голосов Борис Ельцин.

Затем выступил сам Казанник. Он сказал, что вообще-то он очень хочет работать в Верховном Совете – он сам предложил свою кандидатуру и трижды выступал на совещании российских представителей с просьбой, чтобы его включили в состав Верховного Совета: он юрист и может быть полезен именно в первый год работы парламента, когда будут приниматься «важнейшие пятьдесят законов», которые определяют судьбу страны, может быть, до 2000 года.

– Но когда прошли выборы в Верховный Совет СССР, – сказал Казанник, – и я увидел, что мы в силу своей политической близорукости «зарубили» выдающихся ученых, что мы в силу своей недалекости не пропустили туда ряд ведущих политиков, я принял, на мой взгляд, единственно правильное решение о том, чтобы в Верховном Совете СССР, а точнее в Совете Национальностей, работал Борис Николаевич Ельцин.

Казанник, однако, подчеркнул, что он снимает свою кандидатуру только при условии, что Ельцин будет включен вместо него в Совет Национальностей БЕЗ ГОЛОСОВАНИЯ, ибо он опасается, что при повторном голосовании Бориса Николаевича опять «завалют».

Инициатива, что и говорить, благородная. Прямо-таки подвиг Александра Матросова. Но насколько законна такая «рокировка»?

Заседание съезда ведет Горбачев. В принципе он, наверное, без труда может сделать так, чтобы Ельцин остался за бортом Верховного Совета. Это явно в его, Горбачева, интересах. Законность замены Казанника Ельциным весьма сомнительна. Если этой замене воспрепятствовать, продвижение главного горбачевского соперника к вершине российского политического Олимпа будет приостановлено. Ну да, Ельцин останется народным депутатом, но это все же на ступеньку ниже, чем член Верховного Совета. Соответственно, будет сужен и диапазон деятельности Ельцина как политика.

Однако Горбачев, по-видимому, настроен довольно благодушно. Он стал председателем Верховного Совета, а Ельцина весьма элегантно «отфутболили». Возможно, Горбачев все-таки еще не видит в Ельцине серьезного соперника: тот прёт напролом, а такие довольно быстро сворачивают себе шею.

Так или иначе, Горбачев предоставляет тут съездовскому кораблю плыть по воле волн, – куда выплывет, туда и выплывет. Горбачев говорит, что удовлетворить самоотвод Казанника – не проблема, а вот есть ли у Съезда право поставить на освободившееся место кого-то другого, просто учитывая результаты предыдущего голосования, в этом он не уверен. Поэтому он предлагает отложить вопрос до завтра, с тем чтобы изучить эту проблему.

Однако сторонники Ельцина не желают ничего откладывать, вполне обоснованно подозревая, что его противники наверняка что-то придумают, чтобы не пустить Ельцина в Верховный Совет. Горбачев сопротивляется довольно слабо, позволяет всем, кто хочет, высказать свои соображения. То есть «изучение» и обсуждение проблемы идет «с голоса».

Горбачев еще дважды пытается перенести вопрос на завтра, но в конце концов сдается перед напором депутатов. В итоге приходят к решению, что поскольку в регламенте Съезда о такой коллизии не говорится ничего определенного, Съезд, будучи верховной властью, может и сам решить, как тут быть, решить здесь и сейчас. Один из депутатов предложил установить подходящую на этот случай процедуру: если по какой-то причине из Верховного Совета выбывает какой-то депутат, его место автоматически занимает кандидат, следующий за ним по числу набранных голосов, при условии, что он получил более половины голосов проголосовавших. Обоим этим условиям Ельцин отвечает.

После этого Съезд удовлетворяет самоотвод Казанника. Ельцин становится членом Верховного Совета СССР.

Рыцарь из Омска

Тут надо сказать два слова о Казаннике, «принесшим себя в жертву». Это был весьма неординарный человек. Многие считали его «блаженным»: уж слишком дорожил он, – по крайней мере, во многих своих действиях, – критерием справедливости, как он сам ее понимал. Позже, уже будучи российским президентом, Ельцин «отблагодарил» его за благородный поступок, сделав генеральным прокурором. А еще позже – с треском снял с этого поста, придя в ярость из-за того, что Казанник, ни с кем не посоветовавшись, поторопился выпустить из «Лефортова» мятежников октября 1993 года – сразу же, как только Дума приняла постановление об их амнистии.

Ельцин на трибуне

В своем выступлении на съезде, когда подошла его очередь, Ельцин продолжил атаку на партийную верхушку, из которой, впрочем, и сам не совсем еще выпал – он ведь, повторяю, все еще оставался членом ЦК. Посетовал, что на состоявшемся накануне съезда пленуме этого руководящего партийного органа «не получило поддержки» его предложение, чтобы на предстоящем съезде партия всю власть передала Советам, (было бы странно, если бы такое предложение там поддержали). На пленуме, по словам Ельцина, было принято решение рекомендовать на все руководящие посты «тех же лиц, которые не вывели общество из кризисов в политике, экономике, финансах, уровне жизни».

Надо полагать, в числе этих лиц подразумевался и Горбачев. Кто же более него виноват, что общество не выведено из кризисов?

– Между тем, – сказал Ельцин, – положение в стране крайне тревожное. Активизировались и консолидируются антиперестроечные силы... Каким образом можно одновременно и перестраиваться, и штамповать антиперестроечные законы? За год после партийной конференции, поддержавшей курс на демократизацию, мы одним указом ударили по митингам и демонстрациям, другим – по гласности, третьим – разрешили использование против своего народа спецвойск...

По словам Ельцина, именно в атмосфере подобного запретительного законотворчества становятся возможными такие преступления, как в Тбилиси. Он так и назвал кровавый разгон мирного митинга в грузинской столице – преступлением власти:

– Я был там и убедился, что это именно преступление, причем преступление против

своего народа. Кроме создания комиссии по расследованию тбилисских событий («комиссии Собчака». – **О.М.**), чтобы как-то успокоить народ, надо сказать на съезде, кто все же принял решение в Центре. (*Апلودисменты*). Ведь об этом руководство знает.

Однако ни на съезде, ни после него об этом во всеуслышание так и не было сказано. Всё свалили на грузинское руководство и военных.

Далее опять последовал удар прямо поддых Горбачеву:

– Не сломлена административно-командная система, власть по-прежнему принадлежит партийно-бюрократическому аппарату. Перестройка, как и всякая революция сверху, по мере своего развития и углубления захватывает интересы всех слоев общества. Но едва ли не самым существенным образом она затрагивает интересы самого аппарата как системы власти. Отсюда – нерешительность и половинчатость в принятии решений, топтание на месте перед каждым шагом вперед, колебания то вправо, то влево, а то и шаги назад. Отсюда – усложненные, противоестественные, порой даже уродливые решения, обросшие инструкциями. Примеров тому немало. Громоздкая система власти выгодна только Аппарату. Она оставляет ему поле для маневра, позволяет, опираясь на свой опыт и организованность, используя неопытность и разобщенность депутатов, оказывать влияние на их решения.

И – приговор горбачевской власти, самому автору реформ:

– Товарищи, намеченная программа и обещания, данные за четыре года перестройки, не выполнены. Люди стали жить хуже. Таковы, по моему мнению, политические оценки текущего момента. Некоторая самокритичность доклада товарища Горбачева не снимает с него ответственности за все это.

Здесь уже Горбачев, возможно, по-настоящему пожалел, что не воспротивился избранию Ельцина в депутаты, а теперь вот – и в Верховный Совет. Ведь весь «административный ресурс» был в его, Горбачева, руках. Более чем достаточный ресурс. Так, снебрежничал, слиберальничал...

Программа Ельцина

Во второй половине речи Ельцин коротко, тезисно изложил, что, по его мнению, надо сделать в первую очередь, чтобы перестать, наконец, топтаться на месте и ходить кругами. Представил, так сказать, наброски своей программы:

– Считаю одной из задач решительно провести децентрализацию власти и экономики, демонтаж командно-административной системы... За центром следует оставить только определение общих пропорций, регулирование производства через инвестиционную политику, налогообложение и другие экономические методы...

– «Землю – крестьянам!». Да, надо, наконец, реализовать на деле этот лозунг, а крестьяне сами определяют формы и способы хозяйствования и управления...

– Принять закон о печати. Средства массовой информации не должны в массовом порядке принадлежать органам партии. Они должны быть более самостоятельными...

– Конституционным путем следует предоставить трудящимся право выбора руководителя государства из альтернативных кандидатур всеобщими, равными и прямыми выборами...

– Но главное – надо решить вопрос о роли и месте партии в обществе. Неотложной задачей представляется разработка и принятие закона о партии, который бы определил рамки компетенции и правомочности решений, принимаемых партийными органами...

В это время, в мае – июне 1989 года, Ельцин все еще остается прилежным, хотя уже и несколько засомневающимся, членом партии, партийным работником. Он хлопочет о том, как «поправить положение дел в партии». Как он считает, это можно сделать, созвав внеочередной XXVIII съезд КПСС, на который следует прислать представителей от всей партии, выдвинутых путем альтернативных и прямых выборов в первичных организациях.

На съезде следует избрать новый состав ЦК, так как нынешний состав «за эти годы не решил поставленных задач».

Ельцину как бы еще не ясно, что эпоха КПСС заканчивается и думать надо не о том, как «поправить положение дел» в ней, а о том, как побыстрее спровадить ее с политической сцены.

Впрочем, может, он это уже понимает, но... понимает и другое: всякому овощу свой срок, ситуация должна созреть, силы – накопиться.

Из экономических и социальных мер, предлагаемых Ельциным:

– Необходимо сократить число министерств... перевести оставшиеся (их аппарат) на хозрасчет... и не финансировать их из госбюджета...

– Предоставить больше политических прав, экономической и финансовой самостоятельности каждой союзной республике. Перевести их на хозрасчет, дать им территориальный суверенитет... За Центром следует оставить право координации вопросов, которые касаются интересов государства и общества в целом...

– За семьдесят с лишним лет, – сказал Ельцин, – мы не сумели продвинуть вопрос хоть о какой-то социальной справедливости. Есть все основания говорить о существовании элитарного слоя в нашем обществе, строящем социализм. Почему в стране десятки миллионов людей живут ниже всякого уровня бедности, а другие купаются в роскоши? Принципом социальной справедливости надо сделать защиту интересов наименее обеспеченных и социально незащищенных слоев общества. Начать, может быть, с того, что, учитывая дефицит, отменить все незаконные привилегии для номенклатуры, да и вообще убрать из нашего лексикона это слово «номенклатура»

Как известно, борьба с номенклатурными привилегиями была в ту пору одним из «коньков» Ельцина, более, чем что-либо другое, доставлявшим ему популярности. В дальнейшем, и во время президентства самого Ельцина, и при его наследниках, эта тема как-то ушла в песок.

Чтобы съезд не ограничился одними разговорами, Ельцин предложил решить на нем ХОТЯ БЫ ОДИН КОНКРЕТНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС: «иначе люди нас не поймут». Например, можно было бы, установить бесплатное обеспечение лекарствами и бесплатный же проезд в городском транспорте для инвалидов и людей, живущих ниже черты бедности, решить пенсионный вопрос, хотя бы часть его. Проект соответствующего постановления, составленный «очень большой группой депутатов», Ельцин передал в президиум съезда.

От себя он предложил также, пока не будут решены «все вопросы здравоохранения», переориентировать 4-е Главное управление Минздрава СССР («кремлевское») на обслуживание материнства и детства.

Вновь о Горбачеве... Ельцин высказывает беспокойство по поводу того, что проходящий съезд, Конституция и партия наделили главу государства чрезвычайно широкими полномочиями. У него может возникнуть соблазн решать «наши сложные проблемы» силовыми методами. В результате мы можем не заметить, как в стране установится «новый авторитарный режим, новая диктатура», тем более, что за семьдесят лет мы так и не научились контролировать действия лидера государства. Для такого контроля Ельцин предлагает довольно экзотическую меру – ежегодный референдум по вопросу доверия председателю Верховного Совета СССР.

Разумеется, Съезд даже не подумал принять это ельцинское предложение. Как-то контролировать главу государства мы так до сих пор и не научились.

Горбачев успокаивает...

В заключительном слове Горбачев ответил Ельцину, правда, не упоминая его имени:

– Как коммунист я категорически не приемлю прозвучавшие, пусть не очень явно,

намеки, будто пытаюсь сосредоточить в своих руках всю власть. Это чуждо мне по взглядам, мировоззрению, да и по характеру. Не для того осуществлен на апрельском Пленуме крутой поворот к новой политике, не для того партия и народ развернули трудную работу по демократизации, гласности, по очищению и обновлению нашего общества, общественной жизни. У меня, как у Генерального секретаря, Председателя Верховного Совета, нет другой политики, кроме перестройки, демократизации и гласности, и я еще раз заявляю Съезду, трудящимся, всему народу о своей непоколебимой приверженности этой политике...

Ответил Горбачев и на ельцинское предупреждение, – опять-таки не называя имени своего оппонента, – что у него, главы государства, или у кого-либо из его приближенных «может возникнуть соблазн решать наши сложные проблемы силовыми методами», так что «в результате мы можем не заметить, как в стране установится новый авторитарный режим, новая диктатура».

– Заверяю вас, – сказал Горбачев, – что никаких тут опасностей переворотов или чего-то подобного не существует. Об этом я заявляю твердо. (*Аплодисменты*). Давайте кончать со всякого рода слухами, особенно здесь, в высшем органе власти, не полагаться на всякую болтовню, которую нам часто подбрасывают. (*Бурные аплодисменты*).

Как мы знаем, два года спустя попытка переворота, и весьма серьезная, все же случилась. И предприняли ее как раз самые близкие Горбачеву люди.

ЕСЛИ НЕ УТОПИТЬ, ТО ХОТЯ БЫ СКОПРОМЕТИРОВАТЬ...

Ельцин в Америке

В сентябре 1989-го случился скандал, который многим политикам мог бы стоить карьеры. В одну из своих «закрытых» информационных сводок, которыми снабжалось начальство, ТАСС включил перепечатку статьи из итальянской газеты «Република» о пребывании Ельцина в США (он там находился в этот момент). Статья была скандальная: в ней сообщалось, что Борис Николаевич во время некоторых своих публичных появлений, в частности, во время чтения лекции в Балтиморе, был не вполне трезвым...

В принципе Горбачев мог бы «на полную катушку» раскрутить этот скандал, тем паче, что поведение Ельцина широко освещалось за рубежом (статья в «Републике» была не единственной). Однако он этого, – если верить свидетельствам близких ему людей, – не сделал. Вадим Медведев (о реакции Горбачева и его окружения):

«Почитали, посмеялись и после некоторых колебаний (колебания все-таки были! – **О.М.**) пришли к выводу, что эту дешевку перепечатывать в нашей прессе не следует – она дискредитирует страну. Такая точка зрения была доведена мною до руководства идеологического отдела (ЦК КПСС. – **О.М.**)»

Правда, некоторые газеты, в частности чикинская «Советская Россия» (кто не знает, главный редактор этой газеты Чикин – оголтелый антидемократ, антиреформатор), порывались перепечатать статью (такой материал уплывает), но в ЦК им (соответственно, после команды из Политбюро) посоветовали «воздержаться от такого шага». И они, следуя партийной дисциплине, – пока она еще существовала, – воздержались.

Но следовали ей уже не все. Медведев:

«Каково же было мое удивление, когда, раскрыв утром 18 сентября «Правду» (в ТАССе статья из «Републики» появилась 14 сентября), обнаружил в ней злополучную статью! Выступая в тот день в АОН (Академии общественных наук. – **О.М.**), я был буквально засыпан вопросами по этому поводу. Я чувствовал, что моим пояснениям далеко не все верят, и только довод о том, что публикация скандальной статьи – это ошибка, дискредитирующая страну, недопустимый метод полемики, заставил слушателей подзадуматься над случившимся. Обо всем об этом было сказано и Афанасьеву, а публично на следующий день Горбачев заявил об этом на Пленуме ЦК».

Как видим, не все верили, что «Правда» – орган ЦК КПСС – напечатала статью без команды сверху. Такого прежде не бывало...

Правда, главного редактора «центрального органа» Афанасьева вскоре сняли, – как тогда говорили, «укрепили руководство» газетой, – но это могла быть и ритуальная жертва, «во имя высших целей».

Публикацией в «Правде» дело не ограничилось. Председатель Гостелерадио Ненашев вскоре получил в свое распоряжение видеозапись с этим самым выступлением Ельцина в Балтиморе, где Ельцин предстал «в весьма своеобразном виде». Медведев:

«Как быть, ведь об этом факте широко известно зарубежной, а теперь и советской общественности? Мне рассказывали о таких передачах люди, приехавшие только что из Европы и США. Я высказал мнение, что надо обязательно предварительно сообщить о показе самому Ельцину. После телефонного разговора Ельцин приехал в Останкино и сам просмотрел запись. Возразить тут было нечего. И единственно, что он попросил, так это показать не только это выступление, но и другие сюжеты о его пребывании в США. Что и было сделано».

«Грязный и недостойный вымысел!»

Сам Ельцин несколько иначе рассказывает об этой истории. В частности, в интервью «Огоньку» непосредственно после поездки, в начале октября 1988 года:

– Самое тяжелое, с чем пришлось столкнуться, – это жесточайший график, который необходимо было выдерживать во время этого путешествия. Из-за уплотнения программы... время пребывания в каждом городе сократилось на день-два, но при этом почти все намеченные мероприятия, встречи, беседы организаторы поездки просили оставить, люди ждали, готовились, и мне действительно неудобно было подводить гостеприимных хозяев. И потому спать приходилось по два-три часа в сутки. В один момент я понял, что не выдерживаю. Мы приехали в Балтимор поздней ночью, пока познакомились с встречавшими нас американцами, поужинали (обедать почти не приходилось), побеседовали, – уже утро – шесть утра, а в семь утра беседа с представителями делового мира, встреча обязательная, ее отменить никак нельзя. Час сна, и уже будят, а я чувствую, что не могу... Еще ведь разница в поясном времени колоссальная! Говорю, нет, извинитесь, скажите, что заболел, умер, что угодно, я не выдержу... Через пять минут опять стук в дверь. Говорят, Борис Николаевич, нельзя, надо идти, просим вас. Я собираю все свои силы, встаю, умываюсь, делаю вымученную улыбку и выхожу к гостям. Наверное, это самый кошмарный момент. Все-таки не только просидел я с ними, но еще и вслед за этим провел встречу в институте Хопкинса. Собрал всю волю в кулак, чтобы шутить, отвечать на вопросы, улыбаться... Как я это выдержал, мне не ясно до сих пор. Кстати, почему-то именно это выступление показало ЦТ... Впрочем, несложно догадаться, почему.

Ельцинские обличители говорили не только о его пьянстве, но и о том, что все гонорары, которые Ельцин получил за свои выступления, он потратил на покупку всякого рода барахла. Ельцин в «Огоньке»:

– Когда несколько месяцев назад ко мне обратились с предложением прочитать в нескольких американских университетах платные лекции, я сказал, что согласен не лекции читать, а участвовать во встречах – так и было, но делать их платными не могу, и вообще я воспитан на том, что образование должно быть бесплатным. Мне сказали, что труд должен оплачиваться. В конце концов, я предложил перевести эти деньги на борьбу со СПИДом в нашей стране. В последний день моего пребывания в США, это было воскресенье, я подписал документ, в котором говорилось, что вся сумма заработанных мною денег до доллара будет полностью направлена на приобретение одноразовых шприцев и другого необходимого оборудования в рамках акции «Антиспид». Приобретение и доставку в Москву медицинского оборудования должны осуществить организаторы моей поездки по Америке. При подсчете это оказалось 1 миллион одноразовых шприцев с иглами. В ближайшие дни весь груз с одноразовыми шприцами и другим оборудованием прибывает в аэропорт Шереметьево-2, первые 100 тысяч уже прибыли и направлены в детские больницы Москвы. Как я уже говорил, произошло подписание документа в воскресенье, в Москве уже был понедельник, утро, и в киоски «Союзпечати» начала поступать «Правда» с перепечаткой статьи из итальянской газеты, в которой сообщалось, что почти все деньги я потратил на беспорядочное пьянство и видеомангофоны... Я, конечно, расстроился необычайно. Я уже говорил, поездка была крайне напряженной, она вымотала меня основательно, и вот, когда я только вступил на родную землю – и с чувством облегчения, и с чувством большого выполненного дела, – и тут такой страшный, несправедливый, подлый удар!.. И хоть бы что-то в этой статье было правдой. Уж если очень хотелось мою поездку в Америку принизить в глазах советских людей, можно ведь было все сделать как-то тоньше, хитрее, перемешать правду с ложью, вырвать цитаты, надергать какие-то слова... А тут – все ложь. Начиная с видеокассет «Рэмбо», десятков белых рубашек и черных ботинок, скупленных якобы мною в американских универмагах, граненых

стаканов из-под зубочисток, из которых я пью виски, и заканчивая суперавтомобилями, которые я требовал для своих перемещений по Америке. Только одна правда в статье есть: я действительно побывал в Соединенных Штатах, а все остальное – грязный и недостойный вымысел.

Так или иначе, выстрел по Ельцину все-таки был сделан, несмотря на то, что Горбачев и Ко вроде бы не желали прибегать к таким «дешевым» методам информационной войны (если верить одному из членов горбачевской команды – Вадиму Медведеву). Выстрел дуплетом – в «Правде» с ее тиражом, зашкаливавшим тогда за двадцать миллионов, и через Центральное телевидение с еще большей аудиторией. Советская общественность была в полной мере уведоmlена о «похождениях» Ельцина в Америке.

Конечно, не все этому поверили. Ельцин:

– К счастью, мне не надо ничего доказывать. Люди поверили мне и не поверили ни единой строчке, опубликованной «Правдой». Это с каким же пренебрежением надо относиться к своим читателям, какими же, ну, я не знаю, идиотами их считать, если надеяться, что в такой бред, такую грязь они могут поверить?! Я еще летел в самолете, а телефон в моем кабинете раскалился докрасна. Уже в понедельник вечером пришли первые телеграммы с поддержкой в мой адрес, а сейчас их буквально тысячи и тысячи. К тому же принес извинения главный редактор газеты «Республика» за напечатанную фальшивку.

Но были, разумеется, и поверившие разоблачителям Ельцина. Многие до сих пор верят в те «разоблачения».

Свое мировоззрение Ельцин «изменил в бане»

Чтобы помочь Ельцину снять стресс, связанный с травлей, которая была развязана против него после его поездки в Штаты, его помощники, как он пишет, «затащили» его в баню, обычную, районную баню.

«Заходим в парилку, – вспоминает Ельцин, – а она набита битком, человек сорок. И такой, помню, разгорелся политический разговор, прямо митинг. Все голые, все кричат, размахивают вениками и хлещут друг друга. «Борис Николаевич, держитесь! Мы с вами!» – И как хлестнут меня веником по спине! Колоритное было зрелище. То, что это все происходило в бане, – символично. Баня ведь очищает. Там все чувства чисты. А люди обнажены... Да, тогда я изменил своё мировоззрение, понял, что коммунист я по исторической советской традиции, по инерции, по воспитанию, но не по убеждению».

Странное происшествие в Успенском

Довольно странное происшествие произошло с Ельциным поздним вечером 28 сентября 1989 года возле дачного (ныне элитного) поселка Успенское. Сам он в книге «Исповедь на заданную тему» так описывает случившееся:

«После встречи с избирателями я поехал в машине к своему старому свердловскому другу на дачу в подмосковный поселок Успенское. Недалеко от дома я отпустил водителя, так

я делаю почти всегда, чтобы пройти несколько сот метров пешком. «Волга» уехала, я прошел несколько метров, вдруг сзади появилась другая машина. И... я оказался в реке...»

Ему удалось выбраться из воды и дойти до милицейского поста, охраняющего поселок. Там ему оказали помощь...

По милицейской «цепочке» о происшествии была получена дополнительная информация, основанная на рассказе самого Ельцина, – ее сообщил на заседании Верховного Совета 16 октября тогдашний министр внутренних дел Бакатин. Согласно этому рассказу, Ельцин отпустил свою машину на перекрестке дорог Успенское – Николина гора, поздоровался с дежурившим там инспектором ГАИ и пошел в сторону поселка Успенское (до него было около пятисот метров). Во время этой пешей прогулки его догнала какая-то машина, неизвестные втолкнули его в кабину, накинули на голову мешок и повезли в неизвестном направлении. Через некоторое время его вытащили из машины и сбросили с моста в Москву-реку.

Такой вот рассказ. Правда, Ельцин попросил милиционеров никому не сообщать об этом происшествии, однако выполнить его просьбу служивые не имели права, устав не позволял: покушение на жизнь человека, да не просто человека – государственного деятеля. Обязаны были доложить «по команде». Доложили. Началось следствие, точнее пока еще дознание. Оно пришло к заключению, что «обстоятельства, изложенные в заявлении товарища Ельцина, объективного подтверждения не нашли», то есть никакого покушения не было. Во-первых, водитель Ельцина отрицал, что не довез его до места полкилометра – он, по его словам, высадил его непосредственно у проходной дачного поселка Успенское. Никакая машина их не преследовала. Далее, «гаишник», с которым, выйдя из машины, будто бы поздоровался Ельцин, также подтвердил, что машина на перекрестке не останавливалась, никто из нее не выходил. Наконец, высота моста, с которого будто бы сбросили Бориса Николаевича, – около пятнадцати метров (Ельцин уверял – лишь пять), а глубина реки в этом месте – всего полтора метра, так что, если сбросить здесь человека в воду, серьезных повреждений ему не избежать.

После того, как были вскрыты эти неувязки, Ельцин в разговоре с Бакатиным, по словам министра, заявил ему, что никакого расследования проводить не надо, поскольку покушения на него не было.

То же самое подтвердил на заседании ВС и сам Ельцин:

– Я, как заявил министру (Бакатину. – **О.М.**), когда он позвонил на следующий день, а также следователю через день и представителям многочисленных средств массовой информации, что никакого факта нападения на меня не было, никаких письменных заявлений я не делал, никуда не обращался, никаких претензий к органам внутренних дел не имею. У меня все.

Горбачев, председательствовавший на сессии, подвел итог этому разговору:

– Таким образом, исходя из того, что доложил и министр, и что сказал товарищ Ельцин Борис Николаевич, одно ясно: никакого покушения не было. Что же касается заявления работников (милиции. – **О.М.**), на основе которого началось расследование, то на Президиуме (Верховного Совета. – **О.М.**) Борис Николаевич сказал, что, может, я пошутил, а меня неправильно поняли. Ну, допрашивать, пошутил или не пошутил, – это уже за пределами криминальных аспектов данной темы. Это уже дело другое. А для нас сегодня вопрос должен быть ясен...

У министра дрожа ли руки

В том, что вопрос о «покушении» на него, против его воли, был вынесен на обсуждение парламента, Ельцин увидел происки Горбачева. Как мы уже знаем со слов Ельцина (подтвержденных Бакатиным), он просил министра внутренних дел никакого расследования

и никакого публичного обсуждения инцидента в Успенском не проводить. Но вот, не посчитавшись с этой просьбой, Бакатин выступил на сессии парламента. Во время выступления, по свидетельству очевидцев, у него дрожали руки и голос, да и вообще министр чувствовал себя весьма неуверенно. Все говорило о том, что на трибуну он вышел не по своей воле.

В ответ взбешенный Ельцин опубликовал специальное «Заявление для печати и других средств массовой информации» (оно, правда, было напечатано лишь в одном, периферийном издании – рижской газете «Советская молодежь» за 20 октября 1989 года – центральные газеты не стали его у себя размещать).

« 16 октября 1989 года, – говорилось в заявлении, – на сессии Верховного Совета СССР под председательством М.С Горбачева был обнаружен инцидент, затрагивающий мою честь и достоинство. Против моей воли к разбору данного вопроса был привлечен министр МВД СССР товарищ Бакатин, который, смешивая ложь с правдой, не имел морального права способствовать распространению слухов, порочащих меня в глазах общественности. Более того, товарищ Бакатин ранее заверил, что никакого расследования, а также оглашения информации, касающейся лично меня, проводиться не будет. Новый политический фарс, **РАЗЫГРАННЫЙ М.С ГОРБАЧЕВЫМ** (выделено мной. – **О.М.**) на сессии Верховного Совета и раздуваемый официальной прессой как событие первой величины в стране, объясняется, конечно, не заботой о моем здоровье и безопасности, не стремлением успокоить избирателей, а новой попыткой подорвать здоровье, вывести меня из сферы политической борьбы.

Создание Межрегиональной группы, сплотившей на своей платформе почти 400 народных депутатов СССР, избрание меня одним из руководителей ее координационного совета, независимость нашей позиции, альтернативные предложения, идущие вразрез с консервативной точкой зрения сторонников административно-командной системы, и даже моя частная поездка в США – все это вызывает яростное озлобление аппарата. По его команде была состряпана целая серия провокационных, лживых, тенденциозно настроенных публикаций в советской печати, в передачах Центрального телевидения, распускались среди населения слухи о моем поведении и частной жизни.

В связи с вышеизложенным считаю необходимым заявить следующее:

1. Все это является звеньями одной цепи акции травли меня, и **ТВОРИТСЯ ЭТО ПОД РУКОВОДСТВОМ ТОВАРИЩА ГОРБАЧЕВА М.С.** (выделено мной. – **О.М.**)

2. Вопросы моей безопасности и моей частной жизни касаются только меня и должны конституционно ограждаться от любых посягательств, в том числе со стороны партийного руководства.

3. В случае продолжения политической травли я оставляю за собой право предпринять соответствующие шаги в отношении лиц, покушающихся на мою честь и достоинство как гражданина и депутата.

4. Считаю неприемлемым и опасным перенос акцентов с методов политической борьбы на безнравственные, беспринципные методы морального и психологического уничтожения оппонента. Это ведет к полному краху морально-этических установок, к демонтажу демократических начал перестройки и в конечном итоге – к жестокому тоталитарному диктату.

Народный депутат Б.Н. Ельцин.
17.10.89».

Не очень, правда, понятно, какие такие «соответствующие шаги» в отношении лиц, покушающихся на его честь и достоинство, мог тогда предпринять Ельцин, однако направленная против него травля на некоторое время вроде бы немного поутихла.

Так было ли покушение?

Так было все-таки покушение или нет? Из книги Ельцина «Исповедь на заданную тему» следует, что – было. Книга подписана в печать в мае 1990 года, так что это вроде бы – последнее слово. Читаем еще раз:

«...Я прошел несколько метров, вдруг сзади появилась другая машина. И... я оказался в реке».

Здесь опущены детали, которые Ельцин рассказал милиционерам – как его запихнули в машину, как надели на голову мешок, как остановились на мосту через реку и бросили его в воду. Но и без этих деталей все ясно: не по волшебству же какому-то он перелетел с дачной дороги в реку.

А теперь – почему он решил все это дело не предавать огласке, не допускать расследования, не выявлять и не наказывать виновных. Согласно объяснению Ельцина, – чтобы не будоражить народ, не поднимать волну народного гнева.

– В знак протеста, – пишет он во все той же «Исповеди на заданную тему», – мог остановиться Зеленоград, а там большинство оборонных, электронных и научных предприятий, остановился бы Свердловск, а там еще больше военных заводов, остановилось бы пол-Москвы... И после этого, в связи с забастовками на стратегических предприятиях, в стране вводится чрезвычайное положение. Начинается «вечный и идеальный порядок». Так, благодаря тому, что Ельцин поддался на провокацию, перестройка в стране могла бы «успешно завершиться».

Убедительное ли это объяснение? Не знаю... Сам Ельцин «честно признает», что провокация против него в тот момент удалась: его многочисленные сторонники в панике сообщали о падении его популярности. В ход была пущена сплетня, что он ехал на дачу к своей любовнице, которая почему-то облила его из ведра. Ельцин:

«Бред, чушь, конечно, но, видимо, чем невероятнее вымысел, тем легче в него верится. Да к тому же людям часто хочется услышать какие-нибудь пикантные истории, вот, мол, и он, перестройщик, влюбился и голову потерял...»

На прямой вопрос той же рижской газеты «Советская молодежь» (опубликовано 3 января 1990 года), так был ли он все же сброшен с моста, Ельцин ответил уклончиво: дескать, «люди сами во всем разберутся».

«Они могли бы угробить его без особого труда»

Лев Суханов, помощник Ельцина, в ту пору один из самых близких к нему сотрудников, пишет по поводу тогдашней антиельцинской травли:

«Конечно, если бы Ельцина захотели по-настоящему угробить, угробили бы элементарно. Технически это не представляло особого труда. Уже после поездки в США в библиотеке мне попала на глаза книга английского журналиста Б. Фримантла «Шпионаж», в которой рассказывалось о том, как ЦРУ искало пути устранения Кастро. Сначала речь шла о подрыве его исключительной популярности, а отнюдь не физической ликвидации. В отделе технических служб ЦРУ обсуждалось предложение проникнуть в радиостудию за несколько минут до начала выступления Кастро и... опрыскать ее химикатом, сходным по своему действию с ЛСД. Замысел состоял в том, чтобы Кастро вдохнул пары этого препарата и, вместо того чтобы произнести «захватывающую речь», стал бы, как невменяемый, выкрикивать отдельные бессвязные фразы. Однако эта идея по настоянию ученых была отвергнута, поскольку они не были уверены, что этот препарат окажет желаемое действие. Затем появилась идея о дезориентации Кастро с помощью его любимых сигар, которые предварительно должны были быть пропитаны специальным веществом. Но и эта идея осталась не реализованной. Третье предложение было столь же комичным, сколь и бессмысленным: лишить Кастро его гордости – бороды. И сделать это собирались с

помощью солей таллия, который можно нанести на обувь, оставленную в коридоре гостиницы, где он мог остановиться... КГБ в этом смысле вряд ли уступало ЦРУ. (Болгарского диссидента-писателя Маркова, не без помощи КГБ, убрали быстро и без шума, умертвив с помощью ядовитого укола зонтиком). Борис Николаевич был почти беззащитен, но при этом надо учитывать два обстоятельства. Во-первых, Ельцин везунчик и, во-вторых, физическое его устранение всколыхнуло бы всю Россию, что вызвало бы непредсказуемые последствия. Говорю это со всей ответственностью. Не те времена на дворе... Однако пересуды шли разные. Лично я слышал до полусотни различных версий «покушения»... в которых были замешаны не только его недоброжелатели, но и хорошенькие обольстительницы, ненавидящие его гэбисты и даже пришельцы с летающих тарелок... Иначе говоря, никто не опроверг версию Ельцина о покушении на него, как никто и не подтвердил ее на все сто процентов...

Чего же добился ВС, включив этот вопрос в свою повестку в качестве «срочного и важного»? Общественность успокоена? Да, пожалуй, наоборот. Новых вопросов возникло больше, чем получено ответов... А вот печальный список последних недель, начатый публикацией в «Республике», явно продолжался...»

Горбачев продолжает попытки «оттереть» Ельцина от политики

В Верховном Совете Ельцина избрали председателем Комитета по строительству и архитектуре. Как бы по специальности. Он просил Горбачева не рекомендовать его на этот пост, считая, во-первых, что вообще комитеты и комиссии парламента должны формироваться не по отраслевому принципу, а по проблемам, а во-вторых, сам он уже втянулся в политику, ее считал главным своим делом... Но Горбачев не посчитался с его просьбой. Ельцин был уверен, что план у председателя ВС простой – «утопить» его вместе с его комитетом «в ворохе бумаг, запросов, растерзать жалобами и т.д.», чтобы времени на политику у него уже не оставалось.

– Вот и пошли люди к нам со всей страны, – рассказывал Ельцин в том же интервью газете «Советская молодежь», – как будто мы не комитет Верховного Совета, а какая-то заштатная снабженческая контора. Дайте, просят, цемент, выделите башенный кран... Наверху как раз на это и рассчитывали. В жуткой текучке, в коловращении проблем, когда уж тут Ельцину заниматься политикой.

Но «оттереть» его от политики не удалось. Он для себя решил, что основная его работа, работа «народного парламентария», должна проходить на заседаниях Президиума ВС, членом которого он являлся как председатель одного из комитетов. А поскольку в Президиуме он был единственным представителем демократической фракции – Межрегиональной депутатской группы (он стал одним из ее сопредседателей), то ему и пришлось брать весь огонь на себя.

По его словам, схватки там шли очень жаркие. Ельцин не стеснялся по многу раз выходить на трибуну. На одном из заседаний выступил двенадцать (!) раз. Дело дошло до того, что Горбачев попытался его осадить: мол, вы, товарищ Ельцин, успокойтесь...

– Нет, это вы, товарищ Горбачев, успокойтесь, – не очень вежливо ответил ему Ельцин. – Или вам все позволительно?

Ельцин готов защищать Горбачева

Впрочем, критикуя Горбачева, Ельцин отдавал себе отчет: пока что Горбачеву как лидеру замены нет, и если «правые» попытаются его сместить, он, Ельцин, встанет на его

защиту. А слухи о том, что такие попытки вполне возможны, возникали регулярно. Читаем в «Исповеди на заданную тему»:

«По Москве бродят слухи, что на ближайшем (сентябрьском 1989 года) Пленуме намечается переворот. Хотят снять Горбачева с поста Генерального секретаря ЦК КПСС и оставить ему руководство народными депутатами. Я не верю этим слухам, но уж если это действительно произойдет, я буду драться на Пленуме за Горбачева. Именно за него – своего вечного оппонента, любителя полушагов и полумер. Эта тактика его в конце концов и погубит, если, конечно, он не осознает своей главной ошибки сам. Но сейчас, по крайней мере, до ближайшего съезда, на котором, может быть, появятся новые лидеры, он единственный человек, который может удержать партию от окончательного развала».

Как видим, тут Ельцина еще беспокоит проблема, как бы не развалилась партия. Пройдет небольшой срок, и он сам примется таранить эту партию.

В январе 1990 года в интервью «Московским новостям» Ельцин вновь становится на защиту Горбачева, правда оговаривается, что тот должен стать «несколько другим». Однако на этот раз его беспокоит уже не судьба партии, а судьба перестройки, судьба страны. На вопрос, видит ли он сегодня у руководства страны какую бы то ни было другую фигуру, нежели Горбачев, Ельцин отвечает:

– В нынешней ситуации, при существующей системе нужен несколько другой Горбачев. Если он решится в выборе между народом и аппаратом опереться на народ и в позиции своей сдвинется влево, – тогда пока не вижу. И вообще наши позиции с Горбачевым расходятся далеко не во всем – последний Пленум еще одно тому свидетельство. Думаю, что мы едины в стремлении на деле осуществить конечные цели перестройки...

ЕЛЬЦИН ПОДДЕРЖИВАЕТ ПРИБАЛТИКУ

«Надо дать им независимость»

Одной из линий противостояния Ельцина и Горбачева была Прибалтика. Еще не занимая высокого поста в России, а только будучи народным депутатом СССР, председателем Комитета ВС по строительству и архитектуре, одним из лидеров Межрегиональной депутатской группы (она была создана 29 июля 1989 года), Ельцин взял курс на поддержку прибалтийских республик.

Это не осталось незамеченным, сразу же насторожило Горбачева. 8 сентября 1989 года на заседании Политбюро, обсуждавшем ситуацию в ряде регионов, Горбачев особо отметил, что Ельцин выступил за отделение Прибалтики. И дал установку:

– Надо бы на телевидении высказаться по этому поводу, чтобы люди знали, куда он

толкает.

Через неделю, 15 сентября, в «Правде» было опубликовано интервью Ельцина американской телекомпании Ти-Би-Эс, где, среди прочего, он как раз призвал отпустить прибалтийские республики на волю:

– Надо дать им независимость, дать им экономический суверенитет и экономическую независимость, права, хозрасчет. А дальше они пусть решают сами, выходить из состава СССР или не выходить.

В ту пору такие речи в устах российского политического деятеля звучали в высшей степени крамольно. Еще и сами прибалтийские республики о своей независимости не объявляли.

Этой линии – на поддержку Прибалтики – Ельцин будет неизменно держаться и в дальнейшем, вызывая всё большее раздражение Горбачева.

13 мая 1990 года, в разгар экономической блокады Литвы, к которому прибег Горбачев, всемерного нажима Центра на две другие балтийские республики. Ельцин приехал в Таллин и встретился там с эстонским премьером Сависааром. Естественно, в ту пору он еще не мог оказать балтийским «мятежникам» какой-то существенной поддержки, однако как символический жест эта поездка и эта встреча не остались незамеченными.

Когда же Ельцин возглавил российскую законодательную власть, он обрел возможность не только для символических жестов, но и для реальной, практической помощи первым советским республикам, сделавшим решительные шаги к независимости. Уже 30 мая, на следующий день после своего избрания председателем Верховного Совета РСФСР, Ельцин заявил, что первый договор об экономическом сотрудничестве суверенная Россия «заключит именно с балтийскими республиками».

В мае же, в разгар антилитовской экономической блокады, Ельцин и президент Литовской республики Ландсбергис (Литва провозгласила независимость 11 марта 1990 года) встретились в Москве. Встретились, по словам Ландсбергиса, «вполне конспиративно» и провели «исчерпывающий разговор». По-видимому, на этой встрече Ельцин вновь пообещал оказать поддержку прибалтийским странам в их борьбе за независимость. Условились также двигаться к заключению договора между Россией и Литвой.

В конце июля в Юрмале под Ригой состоялась уже официальная встреча руководителей трех государств Прибалтики и России, на которой было решено приступить к подготовке «двусторонних государственных договоров» между Россией и балтийскими республиками.

«Это был наш ответный нажим на Горбачева», – пишет Ландсбергис.

Против чего и кого тут выступал Ельцин – против Центра или конкретно против Горбачева? Не думаю, что для него тут было большое различие. Давняя – с 1987 года – вражда с Горбачевым соединилась тут со стремлением максимально ослабить Центр, вместе с другими республиками выйти из-под его безграничной удушающей власти.

Да и не только во власти самой по себе было дело. Все чувствовали приближение экономической катастрофы, ее грозные, нарастающие подземные толчки и раскаты. У всех росло ощущение, что Горбачев не в силах будет с ней справиться. Вот он объявил экономическую блокаду Литве, а ведь несопоставимо более серьезные экономические проблемы стоят перед всей страной, их масштабы все разрастаются...

ПРЕЗИДЕНТОМ СОЮЗА СТАНОВИТСЯ «ТВЕРДЫЙ КОММУНИСТ» ГОРБАЧЕВ

Выбирать Съездом или всем народом?

С 12 по 15 марта 1990 года состоялся внеочередной III Съезд народных депутатов СССР. Среди прочих, был на нем весьма важный вопрос – о выборах президента страны. Развернулась дискуссия – выбирать ли его всенародным голосованием или непосредственно на съезде. Коммунисты, составлявшие большинство среди депутатов, естественно, не пожелали рисковать – выносить это дело на всенародное голосование...

В перерыве съезда собрался пленум ЦК, чтобы выдвинуть кандидата на президентскую должность. Само собой разумеется, таковым стал Горбачев, других вариантов у коммунистов не было. Впрочем, других претендентов на президентский пост не оказалось вообще.

Горбачев и был избран 15 марта, как писали, «подавляющим большинством голосов».

На освободившееся место председателя Верховного Совета СССР избрали Анатолия Лукьянова. Ему проиграл Анатолий Собчак, которого выдвигала Межрегиональная депутатская группа.

Ельцина на заседании не было. По болезни. Некоторые ставили эти слова – «по болезни» – в кавычки: возможно, просто не хотел, чтобы кто-то снова бесперспективно выдвигал его на место председателя ВС. Если бы он уступил Лукьянову, это было бы совсем уж неприлично. Все-таки Лукьянов – это не Горбачев.

К тому же в тот момент у Ельцина была совсем другая цель...

Шестая статья отменена

Выступая на съезде тогда же, 15 марта, уже в качестве президента СССР, Горбачев разъяснил, как он представляет себе роль президента:

– «быть гарантом необратимости перестройки, твердо и неукоснительно вести дело к формированию правовой государственности, самоуправляющегося социалистического общества»;

– «чувствовать себя и действовать как представитель не какого-то отдельного слоя и политического течения, но как доверенное лицо всего народа».

– Это, конечно, не означает, – сказал Горбачев, – что он (президент. – **О.М.**) должен

отказаться от собственных политических убеждений, но означает готовность самым объективным и беспристрастным образом учитывать весь диапазон существующих в обществе взглядов и законных интересов. Действовать в соответствии с присягой, ставя превыше всего благо страны и народа... Убежден, что демократизм президентской власти предполагает диалог и сотрудничество с представителями различных направлений общественной мысли...

Поскольку на съезде была отменена пресловутая шестая статья Конституции, провозглашавшая партию коммунистов «руководящей и направляющей силой советского общества», Горбачев заверил, что «отныне КПСС действует наравне с другими политическими организациями, будет участвовать в выборах, добиваться демократическими методами права на формирование союзного и республиканского правительств, органов власти на местах».

Коснулся он также вопроса о совмещении постов президента и генсека ЦК КПСС, сказав, что он «разделяет точку зрения депутатов, считающих, что такое совмещение сегодня и на ближайшую перспективу диктуется интересами перестройки».

Горбачев остается коммунистом

Свою приверженность званию коммуниста и идеям социализма Горбачев подтвердил на послесъездовской пресс-конференции.

Корреспондент английской газеты «Гардиан» обратился к нему с развернутым вопросом:

– Господин президент, товарищ президент! Вы еще являетесь генсеком КПСС, но в последнее время отказались от ряда позиций, которые раньше встречались в теории и практике компартий – таких, как диктатура пролетариата, однопартийность и т.д. Можете ли объяснить, какие конкретные аспекты вашей политической философии отличают вас от социал-демократов и считаете ли вы себя уже более социал-демократом, чем коммунистом?

Ответ Горбачева:

– Я себя считаю не только членом Коммунистической партии, но и коммунистом. Это не уменьшает моего уважения к представителям других социалистических течений, к их поиску... Мы, РЕШИВ ПРИДАТЬ ЧЕРЕЗ ПЕРЕСТРОЙКУ НОВУЮ ДИНАМИКУ, РАСКРЫТЬ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛИЗМА (выделено мной. – **О.М.**), будем вместе с тем использовать и опыт других, но применительно к нашим условиям. Главное, мы должны избежать того, что нанесло большой ущерб реализации социалистической идеи, когда одну модель навязывали или пытались копировать. В связи с этим допущены такие деформации, которые дорого обошлись и в какой-то мере нанесли ущерб самой социалистической идее. Но даже пройдя через все это, испытав все удары судьбы, НАШ НАРОД СОХРАНИЛ ВЕРНОСТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕЕ (выделено мной. – **О.М.**)

Стоило ли так уж расписываться за весь народ?

Как видим, этот длинный и запутанный ответ (я его еще чуть-чуть подсократил) довольно двусмысленный. С одной стороны, Горбачев говорит, что он остается коммунистом – стало быть, не социал-демократом, с другой – что коммунизм, как он его понимает, относится к числу «других социалистических течений».

Конкретного ответа на конкретный вопрос журналиста – «какие конкретные аспекты вашей политической философии отличают вас от социал-демократов?» – Горбачев так и не дал.

Как мы знаем, в дальнейшем, уже не занимая высоких постов, пребывая на «политической пенсии», Горбачев основал-таки Социал-демократическую партию, позабыв, как он клялся в верности коммунизму. Впрочем, эта партия не имела какого-либо успеха в политической жизни послегорбачевской России.

ЕЛЬЦИН – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА

Не пустить Ельцина во власть!

В конце января 1990 года на встречах с избирателями (началась кампания по выборам народных депутатов РСФСР) Ельцин обрушился на «консервативный Центр», который «блокирует принятие радикальных решений, в которых нуждается общество». Здесь же он, кажется впервые, публично раскрыл свой главный тактический замысел, определивший всю его дальнейшую политику по отношению к союзному Центру: подталкивать Центр «в нужном направлении» «с помощью российских структур». Сначала было стремление подталкивать, потом – стараться ослабить и наконец – вовсе разрушить. Под российскими структурами, которые должны служить тараном, прежде всего имелся в виду будущий Верховный Совет РСФСР, председателем которого Ельцин намеревался стать.

Естественно, подобные заявления не могли быть восприняты Горбачевым иначе как прямая угроза его собственному политическому существованию. В Ельцине ОН УЖЕ ВИДЕЛ СВОЕГО ГЛАВНОГО ПРОТИВНИКА, обретающего всё большее могущество. Не допустить его избрания народным депутатом России, а затем и председателем российского парламента в тот момент стало для него первейшей задачей.

Впрочем, воспрепятствовать депутатству Ельцина было не в силах Горбачев. На этот раз в качестве места, от которого он будет избираться, Ельцин выбрал родной Свердловск. Здесь у него была могучая, почти единодушная поддержка. Даже местный партаппарат, не желая «терять лицо», компрометировать себя в глазах земляков, не чинил Ельцину особых препятствий. «Антиельцинские» выступления в местной печати были вялыми и формальными – «для галочки», для отчета перед Москвой.

Единственно, что мог бы, пожалуй, в таких обстоятельствах сделать Горбачев, – провести в народные избранники каких-то достаточно авторитетных «своих» людей, которые в дальнейшем, при выборах председателя российского ВС, могли бы составить Ельцину серьезную конкуренцию. Хотя... Не знаю, были ли такие люди. Вадим Медведев считает, что были и что коммунистическое руководство (имея в виду и самого Горбачева) проявило тут недопустимое легкомыслие:

«Руководство ЦК КПСС не придало должного значения выборам российских народных депутатов, СОЗДАНИЮ В ДЕПУТАТСКОМ КОРПУСЕ ЯДРА КРУПНЫХ, АВТОРИТЕТНЫХ ПОЛИТИКОВ (выделено мной. – **О.М.**), способных повести за собой депутатский корпус...

Такой вопрос при подготовке выборов вставал. Вносилось предложение баллотироваться на выборах таким лицам, как Рыжков, Лукьянов, Бакатин и некоторые другие. Сами они отнеслись к этому негативно, а должной настойчивости проявлено не было. В результате кандидатур, которые могли бы на равных бороться с Ельциным за пост Председателя Верховного Совета РСФСР, не оказалось».

Ну да, на «крупных, авторитетных» политиков, которые не пожелали избираться в Верховный Совет, можно было бы и нажать, проявить «должную настойчивость», напомнить о той самой партийной дисциплине, но – не нажали. В этом, – по крайней мере, так можно предположить, – и заключается, по мнению Вадима Медведева, один из главных тогдашних промахов Горбачева.

У кого победа, у кого поражение?

4 марта 1990 года начались выборы народных депутатов РСФСР. В ряде округов их пришлось проводить в несколько туров: во-первых, нужно было, чтобы к урнам пришла более чем половина избирателей из зарегистрированного списка, во-вторых, – чтобы победитель набрал более половины голосов избирателей, принявших участие в голосовании. И то, и другое удавалось далеко не всегда. Однако к двадцатым числам марта все более или менее прояснилось. В Политбюро были не слишком довольны полученными результатами. Секретарь ЦК Иван Фролов на заседании высшего партийного органа 22 марта назвал их даже поражением партии. Однако не все с ним согласились. Воротников, который делал доклад на Политбюро, оценил итоги выборов более спокойно:

– Победу оппозиция не одержала. Она имеет примерно 30 процентов мандатов.

Правда, добавил при этом:

– Но настораживает то, что в Москве и Ленинграде она получила от 50 до 90 процентов. В основном это научные работники и журналисты. Но среди них есть и секретари райкомов, обкомов, председатели исполкомов.

Горбачев также не поддержал оценку выборов как поражение партии:

– Я не согласен с ним (с Фроловым. – **О.М.**), – что выборы – наше поражение. Партия вышла из шока, который она получила в ходе союзных выборов. Не поражение, но и не победа.

Для оппозиции полученные 30 процентов (если следовать информации члена Политбюро Воротникова) можно было бы считать достаточно успешными, но и для нее такой результат, естественно, не был победой.

По другим подсчетам, расклад сил среди российских народных депутатов был несколько иной. Правда, проводивший этот подсчет математик Александр Собянин пользовался несколько иными обозначениями групп избирателей, чем Воротников: не приверженцы Горбачева и оппозиция, а консерваторы, демократы и «болото». Так вот, согласно Собянину, консерваторов и демократов среди депутатов было примерно поровну – по сорок процентов, остальные двадцать составляли люди без определенной политической ориентации, это самое «болото». Чтобы привлечь их на свою сторону, в дальнейшем и пойдет ожесточенная борьба между консерваторами и демократами. В более отдаленной перспективе успешнее в этой борьбе окажутся консерваторы. Но пока что, кто перетянет канат, еще не очень ясно. Первый раунд такого перетягивания – предстоящие выборы председателя Верховного Совета.

Согласно тогдашнему, несколько странному, порядку, именно он избирался народными депутатами первым, а потом уж – весь Верховный Совет. От оппозиции, как уже говорилось, на этот пост намечалась кандидатура Ельцина. Он был выбран народным депутатом РСФСР в Свердловске сразу же, 4 марта, «без сучка и задоринки» – за него проголосовали более 85 процентов избирателей.

«Бориса – не пущать!»

Не сумев остановить Ельцина на этапе выборов (а это, повторяю, было делом безнадежным), его противники бросили все силы на то, чтобы не допустить его к руководству Верховным Советом и, соответственно, съездом. Фактически – к управлению всей российской государственной машиной. Лев Суханов вспоминает:

«...Консервативные «блоки» не зевали: объединившись под неусыпным оком Старой площади, стали срочно отрабатывать стратегию по нейтрализации Ельцина. Они, конечно, могли себе позволить допустить его в депутаты ВС СССР, могли не помешать избранию в парламент России, но не могли же они расслабиться до такой степени, чтобы отдать Ельцину всю Россию. Лучше всемирный потоп..., но только не Ельцин, которому доверилась почти вся Москва ...

И снова началась оголтелая травля Бориса Николаевича. Проводились «накачки» депутатов-консерваторов у Лукьянова, в ЦК КПСС, какие-то тайные «летучки», на которых рефреном билась «живая партийная мысль»: Ельцина не пущать, каждый коммунист умри, но Россию «от Бориса» сохрани. И пугали народ голодом, новым культом личности, развалом Союза, переворотом, гражданской войной, и пр . и пр.»

Активнейшее участие в попытках «затормозить» Ельцина принял и сам Горбачев. И в узком кругу товарищей по партии, и публично он не устал давать своему главному противнику всевозможные нелестные характеристики. Так, на одном из заседаний партийной верхушки в начале апреля 1990 года он назвал Ельцина «разрушителем», спекулирующим на российской проблематике, толкающим Россию к изоляционизму.

– Если встанем на путь российского изоляционизма, – предупредил Горбачев, – погубим и Федерацию, и Союз.

Под федерацией, надо полагать, имелась в виду Российская Федерация.

Глагол «погубить» в эту пору вообще был наиболее часто употребляемым в речах Горбачева, когда он говорил о коварных замыслах, либо же просто о недомыслии своих оппонентов.

Сражаясь с Ельциным, Горбачев нередко – впрочем, не вполне публично, – нажимал на известную слабость Ельцина – на его любовь к выпивке. При этом искренне удивлялся, как такого «выпивоху» народ может поддерживать, считать своим. На заседании Политбюро 20 апреля 1990 года:

–...Странные вещи в народе происходят. Что творит Ельцин, – уму непостижимо. За границей, да и дома не просыхает. В каждый понедельник лицо увеличивается вдвое. Говорит косноязычно, несет порой черт знает что, как заигранная пластинка. А народ все твердит: «Наш человек!»... И все сходит ему с рук, все прощается.

К самому Горбачеву тот же народ прилепил прозвище «минеральный секретарь». Хотя на самом деле Михаил Сергеевич был не таким уж «минеральным», при случае тоже мог выпить. Любимым его напитком, по словам Ельцина, был коньяк «Юбилейный».

Народ, конечно, видел ельцинскую слабость, но покуда надеялся на него как на спасителя и избавителя, который при посредстве реформ БЫСТРО приведет его к лучшей жизни, смотрел на это сквозь пальцы: кто же на Руси не любит выпить?! Когда же надежда подтаяла, когда увиделось, что реформы непосильно тяжелы, снисходительное отношение иссякло. Более того, тяжесть реформ стали связывать как раз с пристрастием Бориса Николаевича к рюмке. «Пьяница! Алкоголик! Развалил Союз! Разорил Россию!»

В дальнейшем, при Путине, уже благодаря целенаправленной массированной телепропаганде (без конца крутят кадры, где Ельцин «под мухой», приплясывая, дирижирует оркестром берлинской военной полиции, где он покачивается и оступается, выходя из самолета, или вовсе из него не выходит в ирландском аэропорту), образ будто бы вечно

нетрезвого российского президента вообще постарались прочно впечатать в сознание народных масс, дабы положительно оттенить имидж последующих «минеральных» правителей.

Надо сказать, что всякого рода пьяные выходки в разное время позволяли себе и другие советские и российские руководители, однако благодаря цензуре ничего такого народу показывать не позволялось. Только сейчас, спустя годы, когда все уже превратилось в остывшую золу, кое-что, бывает, и покажут, чтобы позабавить почтенную публику. Недавно, например, по телевизору мелькнули кадры, на которых предстал Брежнев, совершавший визит в США. Во время одного из торжественных церемониальных проходов не вполне, видимо, трезвый Леонид Ильич, заметив в толпе какого-то двухметрового парня-баскетболиста, с которым, надо полагать, он где-то познакомился и как бы подружился, внезапно отклоняется от намеченной протоколом траектории, подбегает к парню и, обнимая, виснет у него на шее, при этом смешно болтает ногами над землей.

Попробовали бы ИМЕННО ТОГДА, когда все происходило, при пятизвездном генсеке, советские телевизионщики показать эту сцену, а пишущие журналисты описать ее... Самоубийц не нашлось.

Ельцин же не допускал тут никакой цензуры (хотя, не исключено, что-то пресс-секретари все же просили не показывать) и, можно сказать, в какой-то степени стал жертвой собственного цензурного либерализма.

«Потенциал Ельцина как политика невелик»

Довольно развернутую характеристику как политику Горбачев дал Ельцину на встрече с рабочими «Уралмаша» 25 апреля 1990 года. При этом оговорился, что подробно говорит о Ельцине лишь потому, что находится в Свердловске, родном для Ельцина городе. Собственно, к этому подгакивал сам вопрос, на который Горбачеву пришлось отвечать: почему у товарища Ельцина большой авторитет на Урале и на «Уралмаше», а у «правительства» он авторитета не имеет?

– По-моему, – сказал Горбачев, – он избрал не лучший путь, пошел по пути конфронтации. Что мы получаем от него? Разве что критику в полной дозе... Но мне кажется, что потенциал его как политического деятеля все же не очень велик. Программа и выступления его мне известны. Если их читать подряд, – это как старая заигранная пластинка. Набор тезисов: руководство доживает свой срок, оно исчерпало себя, оторвалось от народа и так далее, и тому подобное... Оставаясь принципиальным, критичным, требовательным, надо и самому нести ответственность. Борис Николаевич спекулирует на трудностях, на социально-экономической напряженности. Все это есть, но можно и нужно действовать для того, чтобы извлекать уроки, поворачивать дело, а не спекулировать на трудностях с демагогических позиций. Я думаю, Борис Николаевич увлекся и никак не может свернуть с этой деструктивной колеи... Нам сегодня нужно делать дела, а не заниматься лозунгами да обещаниями.

Ельцин пытался покончить с собой?

Итак, впереди выборы председателя Верховного Совета РСФСР, выборы властной фигуры, которая станет главной в России. Горбачев вновь и вновь предупреждает своих коллег о надвигающейся опасности – этой фигурой может стать Ельцин. Да коллеги и сами о такой опасности хорошо знают. Что делать? Фрагмент стенограммы заседания Политбюро от 3 мая 1990 года:

«Примаков. Надо вытащить Ельцина на теледебаты, задать ему «неудобные» вопросы – о Литве, о Курилах, чтобы он крутился, как уж на сковородке.

Крючков. Надо быть осторожным, он – популист, может легко вывернуться, а влияние на обывателя у него большое.

Примаков. Его спросили: собирается ли он привезти в СССР презервативы? Он ответил, что ему это уже не нужно. В любой стране каждый кандидат в президенты провалился бы моментально, признавшись в своей импотенции.

Горбачев. А у нас наберет лишних 10 процентов голосов. Он сейчас распускает слух, будто его дважды топили, набросив мешок на голову (почему дважды? – **О.М.**), пырнули ножом. Мы в свое время не сказали публично, что его застали с ножницами в крови – сам себя ковырнул.

...Немедленно сделать программу мер по России и разослать за подписью Власова. (*Власову*). Смелее. Когда в борьбу вступаешь, элементы демагогии не помешают, тем более что перед тобой подонок».

Такой вот разговор. Ельцин – «популист», «импотент», «подонок»...

Власов, которому Горбачев дает наставления, – председатель российского Совмина, один из будущих соперников Ельцина в борьбе за пост председателя Верховного Совета, поддерживаемый коммунистической верхушкой.

Что касается эпизода с ножницами, о котором вскользь упомянул Горбачев... В один из дней осени 1997 года, когда на полную катушку развернулась первая волна травли Ельцина, он действительно попытался то ли совершить самоубийство, то ли... Валентин Юмашев:

– Он навалился на ножницы, уперев их в стол и направив в сердце. И когда кто-то вбежал, – секретарша или кто-то еще, – там была кровь... Его сразу – в ЦКБ. К счастью, ножницы не вошли слишком глубоко, лишь кожу повредили. В больнице рану зашили. И у него на этом месте оставался шрам.

– То есть это все же была попытка самоубийства?

– Трудно сказать. Как вы понимаете, Борис Николаевич не любил об этом вспоминать. Но когда человек действительно хочет покончить с собой, он доводит дело до конца... Мне кажется, это все-таки был какой-то сигнал Горбачеву: вот до чего ты меня довел!

Мы видели: если это действительно был «сигнал Горбачеву», – генсек не воспринял его всерьез, счел каким-то шутовством, признаком психической неуравновешенности.

Мне же кажется: «попытка самоубийства» не была чем-то осознанным, обдуманым. Наверное, это был какой-то рефлексивный жест, жест отчаяния, еще одно свидетельство «тонкокожести», ранимости, свойственных Ельцину в ту пору, в тех обстоятельствах. Потом обстоятельства изменятся, и он обретет непоколебимую уверенность в себе. Примерно такое же мнение и у Татьяны Юмашевой:

– Понятия не имею, что имел ввиду Горбачев, говоря о двух покушениях на папу. Папа никогда не говорил и о том, что его пырнули ножом. Был только один случай с рекой, в Успенском. Что касается его попытки самоубийства или имитации, мы с мамой никогда с папой это не обсуждали, не задавали ему вопросов. Ни тогда, ни через много лет, когда он уже был на пенсии. Было понятно, что он пытался справиться с нечеловеческим стрессом. Возможно, хотел заглушить физической болью другую боль. Если бы он хотел покончить с жизнью, у него в сейфе был пистолет... Не могу и не хочу гадать. Лишь рада, что он вернулся тогда домой и еще прожил после этого почти двадцать лет.

«Полозков все же лучше...»

Но возвратимся к маю 1990-го, к выборам председателя Верховного Совета РСФСР. Кажется, в чем дело, – не допустить Ельцина на этот пост коммунистическому руководству вроде бы не так уж и трудно: как уже сказано, у него нет большинства среди депутатов. Но у

горбачевцев в этот момент возникла еще одна проблема. Опять-таки на заседании Политбюро Горбачев сокрушается по поводу того, что многие люди поддерживают недавно сформировавшуюся внутри КПСС оголтело-консервативную группировку, руководимую демагогами типа Полозкова (вскоре она превратится в Компартию РСФСР). А эта неожиданно проклюнувшаяся группировка, как и Ельцин, выступает за самостоятельность России. То есть, с одной стороны, наступают «правые», фактически отколовшиеся от КПСС демагоги, с другой – «левые» оппозиционеры, возглавляемые Ельциным. Сейчас «мы» «много проигрываем демагогам», сокрушается Горбачев. «Если и дальше будем это делать, – потом будет поздно: люди поддержат Ельцина».

Ельцин для Горбачева, конечно, страшнее, чем Полозков, какие тут могут быть сомнения. Тот все-таки, как-никак, «свой», товарищ по партии, хоть и заблудший. А Ельцин все больше отдаляется от коммунистов и их «единственно верного» учения, хотя еще и носит партбилет в кармане.

Именно поэтому Горбачев и его коллеги на выборах председателя российского парламента, которые вскоре состоятся, склоняются к тому, чтобы поддержать именно Полозкова в надежде, что он не пропустит на этот пост Ельцина.

Впрочем, на Полозкове остановились не сразу. До последнего момента колебались, кого же все-таки выдвинуть в кандидаты. Сначала, перед самым открытием I Съезда народных депутатов России предпочтение было отдано уже упомянутому председателю российского правительства Власову. Однако тут вышла неожиданная осечка: депутаты-коммунисты не согласились с этой кандидатурой, предпочли того самого Полозкова, – как уже говорилось, наиболее реакционного в тот момент коммунистического деятеля, коммуниста-фундаменталиста.

Вот ведь какие пошли дела: даже рекомендация Политбюро, генсека коммунистам не указ.

С наколкой «Ваня» на руке

16 мая открылся I Съезд народных депутатов РСФСР. Вспоминает Вадим Медведев:

«На встрече с коммунистами – руководителями республик и областей, которую поручено было провести мне и Воротникову, практически все, кроме иркутян, поддержали кандидатуру Полозкова».

Еще несколько слов об этом деятеле с наколкой «Ваня» на левой руке (сохранившейся со времен службы в Балтфлоте), который был одним из «героев» тех дней. По должности – первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС, по своему месту в тогдашнем политическом раскладе, как уже сказано, – фактический лидер всего самого реакционного, собравшегося к тому времени в среде коммунистических «активистов», аппаратчиков, военных, сотрульников «органов».

Главными врагами для Полозкова были «либерал-радикалы».

«Они стремятся к коренному изменению общественного строя, – говорил Полозков, – уничтожению наших социальных завоеваний. Толкая Россию на западный путь, попирают народные, гуманистические традиции, накопленные за тысячелетнюю историю нашего государства».

Какие такие тысячелетние гуманистические традиции, накопленные в России, попирали эти злыдни – «либерал-радикалы», – было неизвестно.

Жуткое неприятие у Полозкова, естественно, вызывали такие понятия, как частная собственность, рынок, приватизация, капитализм...

Да и вообще стратегической своей задачей, задачей своей партии Иван Кузьмич

считал – «разгромить силу, начавшую перестройку, убрать с политической арены» («какими средствами это будет сделано, – неважно»). Горбачева он считал предателем.

Когда Полозкова избрали первым секретарем ЦК только что созданной компартии РСФСР (случилось это 23 июня 1990 года), члены партии буквально толпами, целыми организациями стали выходить из КПСС. Ведь как получилось: все члены КПСС, проживающие на территории РСФСР, независимо от их желания, автоматически оказались в рядах полозковской партии, то есть превратились как бы в единомышленников этого «Вани». Естественно, далеко не всем это понравилось...

Но это случилось позже. А пока – выборы спикера российского Верховного Совета. Медведев:

«Я, конечно, считал, что с Полозковым идти на выборы плохо, но выбора просто не было. Договорились о том, что другие кандидатуры – Власов, Мальков, Соколов (а еще среди них оказались Воротников и Манаенков, выдвинутые оппозицией, видимо, из тактических соображений, чтобы растащить голоса), будут сняты. Конечно, назавтра при изложении программного выступления Полозков выглядел слабее Ельцина, хотя его ответы на вопросы были довольно бойкими».

Что касается программы Ельцина, он, излагая ее, сказал и о том, как он видит будущее Союза:

– Я никогда не выступал за отделение России, я за суверенитет Союза, за равноправие всех республик, за их самостоятельность, за то, чтобы республики были сильными и этим крепили наш Союз. Только на этой позиции и стою.

За эту формулу «крепкие самостоятельные республики – крепкий Союз» будут в дальнейшем держаться и лидеры других республик. Да и сам Горбачев. Правда, понимать ее разные политики будут несколько по-разному.

Ельцин «подставляется»

Иногда Ельцин в своих выступлениях «подставлялся». Либо же его «подставляли» спичрайтеры. Чем тут же спешил воспользоваться Горбачев. Так, выступая на I Съезде народных депутатов России 22 мая 1990 года, Борис Николаевич с пафосом заявил:

– Самый главный первичный суверенитет России – это человек, его права. Дальше – предприятие, колхоз, совхоз, любая другая организация – вот где должен быть первичный и самый главный суверенитет. И, конечно, суверенитет районного Совета или какого-то другого первичного Совета.

Ну, какой такой суверенитет может быть у отдельного человека! Да даже и отдельного райсовета. Что, любой гражданин или райсовет может заявить, что он не подчиняется российским законам, что у него, суверенного, свои законы? Чепуха, конечно. Видимо, оратор перепутал «суверенитет» и «приоритет», подразумевалось: самый главный приоритет демократической России – человек, его права (впрочем, позже Ельцин настаивал, что насчет «суверенитета личности» он не оговорился). Уже на следующий день, держа речь на том же съезде, Горбачев с благодарностью подхватил эту «свечу», посланную ему Ельциным:

– Борис Николаевич утверждает, что суверенитет принадлежит и человеку, и предприятию, и районному Совету. Но я должен вам сказать: ни теоретически, ни политически этот тезис не проработан. Это очень сомнительный тезис, и он доводит вопрос о суверенитете до абсурда, создает такие перегородки, которые вообще подтолкнут сепаратизм в самой Российской Федерации и столкнут народы республики...

Ну да, не только народы столкнут, но и всех людей друг с другом, поскольку тезис о суверенитете каждого отдельно взятого человека не шибко проработан «ни теоретически, ни политически».

Мелочь, кажется. По сути дела, оговорка. Но противники постоянно старались поймать

на таких оговорках друг друга. Особенно часто и охотно это делал Горбачев, стремясь показать, что его противник – человек не очень образованный.

Кстати, в том же своем выступлении Горбачев предъявил Ельцину и более серьезную претензию – он, дескать, пытается «отлучить Россию от социализма», «отрицает принципы, которые были сформулированы Лениным и легли в основу Союзного договора 1922 года».

Тут уж Горбачев «подставился» сам: упорно держась за социализм и за «ленинские принципы», он раз за разом выглядел в глазах людей все более нелепо. Всё большему числу людей становилось ясно: ленинско-сталинско-брежневский социализм, ленинские «принципы» завели страну в тупик.

У Полозкова шансов нет...

Первый тур голосования состоялся вечером 25 мая. Помимо Ельцина и Полозкова, в бюллетенях стояла фамилия самовыдвиженца, преподавателя из Казани Владимира Морокина. В реальности борьба происходила, конечно, лишь между Ельциным и Полозковым. Голосование не принесло победы ни тому, ни другому. Ельцин получил 497 голосов, Полозков – 473, Морокин – 32. Всего депутатов было 1060, – стало быть, для победы требовался 531 голос.

Второй тур проходил на следующий день. Ельцин добавил к своему результату шесть голосов, Полозков пятнадцать потерял.

Медведев:

«Воскресное совещание секретарей ЦК... пришло к выводу, что у Полозкова шансов на продвижение вперед нет. Если даже к голосам, полученным Полозковым во втором туре, прибавить оставшийся 71 голос, не поданный ни за того, ни за другого, все равно он не наберет необходимого минимума в 531 голос, а Ельцину нужно добавить всего 28 голосов... Поэтому решено было переориентироваться на Власова (СНОВА переориентироваться. – **О.М.**). Наше мнение тут же было доложено генсеку. Он был несколько удивлен таким предложением, но принял его к сведению».

Надо сказать, что Горбачев не только «принимал к сведению» доклады коллег, но и сам активно участвовал в «предвыборной кампании». На протяжении недели он трижды выступал с публичными нападками на «политических мошенников», естественно, имея в виду прежде всего Ельцина.

Ельцин – председатель Верховного Совета России

29-го Горбачев улетал в Канаду. 28-го последние часы перед отлетом он посвятил тому, чтобы на встрече с российскими депутатами – членами КПСС уговорить их не голосовать за Ельцина. При этом не стеснялся в подборе слов. Как писали в прессе, это его выступление «по силе выражений оценено многими депутатами как не вполне парламентское».

Уговоры, однако, не помогли.

Медведев:

«Утром следующего дня, когда провожали президента в заокеанскую поездку, надежда на благополучный исход российских выборов (то есть на избрание Власова. – **О.М.**) еще сохранялась. Но и тревога не исчезала. Где-то в районе тринадцати часов появились признаки неудачи. Вскоре состоялось объявление результатов голосования: Власов несколько увеличил число голосов в сравнении с Полозковым, а Ельцин сумел набрать 535 голосов, то есть четырьмя голосами перешел заветный рубеж...

Позвонил из самолета Горбачев, и мне пришлось выполнить не очень

приятную миссию – сообщить ему об итогах выборов, которые поставили депутатов-коммунистов РСФСР в положение оппозиции, а радикально-демократические силы получили в свои руки серьезный рычаг воздействия на положение в стране».

То, что Ельцина избрали, по мнению многих, в немалой степени было как раз следствием отчаянных усилий Горбачева не допустить его.

Итак, 29 мая Ельцин стал спикером российского Верховного Совета, оказался у руля управления Россией. Успех, как видим, не был оглушительным: Борис Николаевич был избран с третьего «захода», причем решающими оказались ВСЕГО ЛИШЬ ЧЕТЫРЕ ГОЛОСА...

Впрочем, такой скромный результат еще ни о чем не говорит. Удивляться надо, скорее, тому, что Ельцина вообще избрали: состав Съезда в значительной своей части был весьма консервативным, если не сказать реакционным, – коммунистическим и прокоммунистическим. Не забудем: среди депутатов почти половина голосовала за махрового коммунистического ортодокса Полозкова.

Кстати, именно с этим консервативно-реакционным съездом (а после начала гайдаровских реформ он станет еще более консервативным, еще более реакционным) Ельцину-президенту через некоторое время придется вступить в смертельную борьбу, которая будет продолжаться без малого два года и закончится кровавыми событиями октября 1993-го.

Тот факт, что Ельцин был избран председателем российского парламента С ТАКИМ ТРУДОМ, говорит о многом, – о том, что российская история совсем не обязательно должна была пойти тем путем, которым она пошла. Страна вновь прошла «над обрывом по-над пропастью по самому по краю». Проиграй Ельцин Полозкову, или даже Власову, – все, конечно, сложилось бы совсем иначе. Неизвестно куда двинулась бы Россия. Уж, конечно, не в сторону демократии. Это опять – об исключительной роли личности в российской истории. И – о роли случайности. Хотя люди верующие могут сказать, что тут действовала не случайность, а Божий Промысел.

Ельцин протягивает Горбачеву руку

30 мая, будучи уже в Оттаве, Горбачев довольно пренебрежительно прокомментировал победу Ельцина (а что еще ему оставалось делать?):

– С третьего захода товарищу Ельцину удалось несколько голосов прибавить и добиться небольшого перевеса.

Горбачев заявил, что обеспокоен положением в России.

Журналисты пытались предугадать, как сложатся теперь, после избрания Ельцина, его отношения с Горбачевым. «Коммерсант» в те дни писал:

«Очевидно, что одна из важнейших проблем, стоящих перед Борисом Ельциным, – это нахождение какого-то компромисса с Михаилом Горбачевым. Пока что рука Ельцина протянута для сотрудничества. Понятно, что на новых условиях, учитывающих новые обстоятельства. 30 мая Ельцин снова заявил: «Все личное я отбрасываю напрочь». Горбачев, в рамках дружеских бесед через океан, проявил меньшую готовность отбросить личное: «Если это серьезные политические позиции, тогда будут одни последствия. А если это игра политическая, то тогда еще могут быть трудные времена. Легко не будет».

Редактор «Московских новостей» Егор Яковлев в беседе с Ельциным (она была опубликована 10 июня) спросил его, подтвердился ли на деле тот уровень противодействия при избрании сначала народным депутатом РСФСР, а потом – председателем Верховного Совета, которого он, Ельцин, ожидал. Ответ Ельцина:

– И да, и нет. Баллотируюсь депутатом, никакого противодействия я вообще не ощутил... (Как уже говорилось, у его противников, у Горбачева практически не было никаких серьезных рычагов, чтобы оказать тут противодействие Ельцину. – О.М.) Если же касаться выборов председателя Верховного Совета, то здесь игра, как говорится, шла по крупному. Я мог предположить, что к этому проявит интерес один из секретарей ЦК партии (надо полагать, имеется в виду Лигачев. – О.М.). Но я, признаться, не ожидал, что этим станет заниматься сам Генеральный секретарь. И мне оставалось лишь развести руками, когда стало известно, что вечером, накануне последнего голосования, президент собрал 250 коммунистов-депутатов, стараясь предопределить результаты выборов, как вы понимаете, не в мою пользу. Мне кажется, что это было сделано напрасно.

Ельцин вновь повторил, что в налаживании нормальных отношений с Горбачевым он «готов пройти свою половину пути».

– Наше сотрудничество необходимо, – сказал Ельцин, – но, разумеется, в рамках суверенитета России, исходя из ее интересов. Россия есть Россия, и она вправе рассчитывать на диалог. Противодействие здесь ни к чему.

В общем, когда говорят, что в длительном противостоянии Горбачева и Ельцина более агрессивным всегда был второй, это не так. Разные бывали времена. Роли нападающего и обороняющегося то и дело переходили от одного к другому. Все зависело и от настроений, и от политической ситуации.

«Российские законы выше союзных!»

Уже 30 мая, еще до принятия Декларации о государственном суверенитете России, Ельцин, только что избранный председателем российского парламента, заявил, в чем главное значение этой подготавливаемой Декларации: «Россия будет самостоятельной во всем, и решения ее должны быть выше союзных».

Так что это будет уже не тот словесный, декларативный «суверенитет» РСФСР, который прописан в советских конституциях. Это будет суверенитет серьезный, настоящий, представляющий убийственную угрозу для союзного Центра.

В свою очередь, и Горбачев в интервью Би-Би-Си 10 июня, – кажется, впервые, – заявил, что он – за такой Союз, в котором ПРАВА ЦЕНТРА ДЕЛЕГИРУЮТСЯ РЕСПУБЛИКАМИ. Это была серьезная уступка противникам империи. Возможно – в предвидении дальнейших событий на российском Съезде: все уже понимали, что за избранием Ельцина председателем Верховного Совета республики последует провозглашение суверенитета России. При таких обстоятельствах надлежало несколько смягчить сдерживание разлета республик. По крайней мере, – словесно.

12 июня I Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР. В ней говорилось, что Съезд «торжественно провозглашает государственный суверенитет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики на всей ее территории и заявляет о решимости создать ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО В СОСТАВЕ ОБНОВЛЕННОГО СОЮЗА ССР». Говорилось также, что российская Конституция, российские законы ОБЛАДАЮТ ВЕРХОВЕНСТВОМ на всей территории республики (это, пожалуй, было самым важным в Декларации). Об участии России в Союзе было сказано: Россия «объединяется с другими республиками в Союз» на основе Союзного договора. Подтверждалось, – впрочем, весьма неопределенно, – что необходимо «существенное расширение» прав автономий, краев и областей РСФСР. Довольно непонятный пункт (он так и останется до конца непонятным): для граждан РСФСР устанавливается гражданство РСФСР и одновременно за ними сохраняется гражданство СССР.

Под Декларацией стояла подпись только что избранного председателя Верховного Совета РСФСР Бориса Ельцина.

Не зря они его не пускали в спикеры

Хотя Ельцин попервоначально и протянул Горбачеву руку, опасения генсека и его окружения, что, получив высокую официальную должность – став главой российского парламента, – Ельцин сделается более «агрессивным», вскоре подтвердились. Во всяком случае, по оценке самих горбачевцев.

Вадим Медведев:

«К сожалению, настроя на благоразумный, компромиссный диалог, с которым Ельцин выступал перед выборами председателя Верховного Совета в первые дни съезда, ему хватило ненадолго. Уже 30 мая в интервью для печати опять стали звучать конфронтационные мотивы о переходе России на полную самостоятельность, о том, что Москва является столицей России, а Союзу столицу надо поискать в другом месте и т. д.

Значение того, что произошло в России весной 1990 года, с точки зрения последующего развития ситуации в стране, трудно переоценить. Как и во всех других процессах, здесь причудливо переплетались и позитивные моменты, и действие деструктивных факторов. Полагаю, что фатальной неизбежности в таком развитии событий, когда российский фактор приобрел по отношению к союзному разрушительный характер, не было. Процессам национально-государственного развития Российской Федерации могли быть приданы другие, не столь болезненные формы, негативно влияющие на систему межнациональных отношений в стране в целом».

Близкий соратник Горбачева обвиняет Ельцина, что он, став председателем парламента, отклонился от «настроя на благоразумный, компромиссный диалог». Вот только вопрос: а у Горбачева и его коллег был такой настрой, когда они, что называется, костями ложились, чтобы не допустить избрания Ельцина председателем ВС?

Вадим Медведев пишет также, что «фатальной неизбежности» в том, что «российский фактор» сделался «разрушительным» по отношению к Союзу, не было. Подразумевается: таким «разрушительным» он, мол, сделался лишь благодаря Ельцину. Что на это сказать? Оглядываясь на историю, вообще бывает трудно определить, что было фатальным, а что не фатальным, что навязал какой-то деятель. Роль личности в истории вообще велика, а в российской истории, скажу еще раз, – особенно. Мы не в силах определить, как бы пошла история России, если бы не было Ельцина. А как бы пошла история СССР, если бы не было Горбачева? История не знает сослагательного наклонения. Конечно, можно сказать, что Ельциным, по крайней мере, с 1987 года, двигала некая бойцовская установка. В какой-то момент он, как бы прозрев, оценил ситуацию в стране как весьма скверную: перестройка, едва начавшись, уже захлебывается. Как уже говорилось, по воспоминаниям дочери Ельцина Татьяны, незадолго перед своим бунтарским выступлением на пленуме ЦК КПСС в октябре того года он мог бросить в домашнем кругу: «Эта банда погубит страну!» Имелась в виду «банда», состоящая из верхушки КПСС (а там ведь были не только Горбачев и Яковлев, но и Лигачев, и Рыжков, и Лукьянов... Подползал к этой верхушке и Полозков...) Вот эта оценка, по-видимому, и двигала им в дальнейшем, определяя его действия. Его противникам она, конечно, представлялась разрушительной...

ЕЛЬЦИН ВЫХОДИТ ИЗ КПСС

Необходима многопартийность!

6 июля 1990 года на XXVIII, последнем, съезде КПСС Ельцин вновь выступил с резкой критикой коммунистической партии и её руководителя Горбачева. По его словам, перестройка буксует из-за того, что консервативные силы в партии, поначалу занявшие оборону, теперь перешли в наступление, начали борьбу против экономической реформы. Она и сама-то по себе «робкая, половинчатая», тем не менее она «создает реальную угрозу полновластию партии». Нейтрализовать контратаки консервативных сил Политбюро не решилось и не сумело. Провалы следуют один за другим – во внешней торговле, в сельском хозяйстве, в национальной политике, в политике по отношению к армии... А какой ущерб нанесла стране антиалкогольная кампания!

Как полагает Ельцин, выход для КПСС все же есть, – трудный, тяжелый, но выход. Это переход к многопартийности. Он неизбежен в демократическом государстве. Различные политические партии в стране постепенно формируются. Не надо препятствовать этому процессу. Что касается самой КПСС, она нуждается в модернизации. Партия должна освободить себя от любых государственных функций. Необходимо ликвидировать первичные парторганизации в армии, в органах госбезопасности, в госучреждениях... Следует изменить само название партии – это должна быть партия демократического социализма, партия парламентского типа.

– Мы живем уже не в прежнем обществе, – сказал в заключение Ельцин. – Оно больше не пойдет единым строем туда, куда ему укажут. Страной больше нельзя командовать. Ее не усыпишь демагогией, не испугаешь угрозами. Народ может дать отставку любой политической силе, какой бы влиятельной она ни была в прошлом. Он поддержит только ту политическую организацию, которая позовет не в заоблачные коммунистические дали, а будет каждодневно делом защищать интересы каждого человека, помогать сделать его и всю страну нашу передовой, богатой и счастливой. Ельцина проводили аплодисментами. Но аплодировало, разумеется, незначительное меньшинство съезда, демократически настроенное. У большинства даже в мыслях не было всерьез воспринимать ельцинские предложения – по-настоящему реформировать партию, менять ее название, переходить к подлинной многопартийности.

Отрицательно оценил ряд тезисов Ельцина и Горбачев, в частности заявив, что «коммунисты могут создавать свои партийные организации и действовать там, где они считают нужным и возможным», «другой подход – это нарушение конституционных прав, прав человека».

Ельцин выходит из КПСС

10 июля Ельцин с трибуны партийного съезда заявил, что выходит из КПСС и демонстративно покинул зал. Впрочем, связал этот свой шаг не со своими протестными, по отношению к большинству съезда, настроениями, а с тем, что он избран на пост председателя российского парламента и, «с учетом перехода общества на многопартийность» «не сможет выполнять только решения КПСС».

Этот шаг Ельцина не был импровизацией. Он сказал, что собирался заявить о своем выходе ПОСЛЕ съезда, но поскольку на съезде его выдвинули в состав нового ЦК, он

вынужден поторопить события.

Для Горбачева, который вел заседание съезда, заявление Ельцина, по-видимому, было довольно неожиданным, и он, надо полагать, испытал некоторую растерянность, – что делать?

– Ну вот, – сказал он, – у нас есть заявление Бориса Николаевича Ельцина. И, поскольку это заявление сделано, съезд стоит перед тем, чтобы принять решение... Какое решение? В Уставе КПСС такой случай не был предусмотрен. И вообще такое в партии происходило впервые, – чтобы на съезде член ЦК заявлял о своем выходе из партии. Кто-то крикнул, что Ельцину следует обратиться с заявлением в свою первичную парторганизацию.

– Одну минуту, – поднял руку Горбачев. – Товарищи, он заявил о выходе, и я думаю, что ни в какую первичную организацию он не пойдет (это точно. – О.М.) Но что касается съезда, то мы должны поручить Мандатной комиссии внести проект постановления о прекращении, погашении его мандата как делегата XXVIII съезда.

Так и сделали. За предложение Горбачева проголосовало абсолютное большинство съезда. Было ли «юридически правомерным» это решение – лишить человека мандата: его ведь выбирал не съезд, его выбирали те, кто уполномочен был выбирать? Но вот лишили...

Большинство В С одобряет решение Ельцина

Насколько легким было для Ельцина расставание с партией, с которой его связывали долгие годы?

По словам Геннадия Бурбулиса, – а он в ту пору был человеком, близким к Ельцину, – это решение далось ему нелегко. Мы беседуем с Бурбулисом в ноябре 2010 года.

– Я помню переживания, которые Борис Николаевич испытывал в тот момент, – вспоминает мой собеседник. – Мы с ним сидели вдвоем около полуночи накануне его демарша на съезде. Он был растерян, сильно переживал. Смысл этих переживаний был такой: «Как же так? Я ведь все это глубоко в себя впитал, я столько в это вложил, и сейчас вот должен со всем этим расстаться, со всем этим покончить...»

Впрочем, сам Ельцин в интервью латвийскому журналисту Александру Ольбику рассказывал обо всем несколько иначе:

– Вы спрашиваете, не был ли выход из партии для меня трагедией? Состоял я в ней около тридцати лет, а вступал по убеждению, в то время, когда со смертью Сталина начиналась некоторая оттепель. Настроение было романтично-возвышенное. Но работа в Политбюро, а затем в МГК партии дали мне прозрение: я понял, что роль партии, ее всевластные функции увели народ в сторону. Вот это, пожалуй, и предопределило мое решение. Нет, это не трагедия, а скорее освобождение от ложной религии.

Правда, колебания у него все же были (он три ночи перед этим «совершенно не спал»), но совсем иного характера: правильный ли это будет ход с тактической точки зрения? Его волновало, не потеряет ли он после этого шага доверие российского парламента – Верховного Совета и Съезда. Ведь соотношение сил в парламенте было довольно неопределенное: иногда у Ельцина возникало лишь небольшое, без труда разрушаемое большинство из демократов, которые, разумеется, его поддерживали, и так называемых «лоббистов», «болота», чье поведение было непредсказуемо, они легко перестраивались – пристраивались к коммунистам, и тогда, после такой перестройки, большинства у спикера уже не было.

Однако уже на следующий день, на заседании российского Верховного Совета, выяснилось, что большинство депутатов одобряет решение Ельцина о выходе из партии.

«БЕРИТЕ СУВЕРЕНИТЕТА СТОЛ ЪКО, СКОЛЬКО СМОЖЕТЕ ПРОГЛОТИТЬ »

Ельцин продолжает поддерживать Прибалтику

Ельцин твердо держался своей линии на поддержку своевольных балтийских республик. В конце июля, проводя двенадцатидневный отпуск в Юрмале, он использовал его не только для игры в теннис и многокилометровых прогулок по пляжу, но опять-таки для укрепления контактов с Прибалтикой.

Как уже говорилось, в конце июля здесь состоялась российско-балтийская встреча на высшем уровне. «Прибалты» вновь заявили, что не будут участвовать в переговорах о новом Союзе, но готовы обсуждать межгосударственные соглашения с Россией.

В свою очередь, Ельцин на встрече с латвийскими депутатами, прошедшей в эти дни, также сказал, что надо развивать горизонтальные связи, причем независимо от того, будет ли Латвия (а подразумевалось, без сомнения, – и другие прибалтийские республики) участвовать в Союзном договоре или нет:

– Надо разрушить этот вертикальный жесткий стержень. Разрушить – и идти на прямые связи добровольных, суверенных, независимых государств, на договоры, которые не диктовались бы из Центра.

Коснулся Ельцин и вопроса о Союзном договоре, причем опять-таки в не очень благожелательном для Центра ключе:

– Россия, возможно, будет участвовать в Союзном договоре. Но, мне кажется, на таких условиях, на которые Центр или не пойдет, или, по крайней мере, очень долго не пойдет. Поскольку проект, который подготовил Центр, не может удовлетворить Россию, а наверное, и другие суверенные государства. И потому мы подготовили свой вариант, где имеем в виду, что будет договор о создании СОДРУЖЕСТВА СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ (выделено мной. – **О.М.**), имеющих основы конфедерации, независимость и, допустим, каких-то два-три объединяющих элемента.

Вот уже когда витала идея содружества. Правда, еще только содружества-конфедерации. Но конфедерации весьма свободной, всего лишь с двумя-тремя «объединяющими элементами» (ну, что-то, надо полагать, в таком роде – безвизовые поездки из одной республики в другую, особый таможенный режим между ними, благоприятные условия торговли внутри содружества...)

Но Ельцин пошел дальше. Пока суть да дело, пока не заключен Союзный договор, пока не принята союзная Конституция, он предложил, чтобы перед нажимом Центра прибалтийские республики и Россия держались вместе:

– ...Ваш фронт, тот фронт обороны трех прибалтийских республик, был все-таки маловат, и напор Центра был велик. И стала рядом Россия. И Центр уже серьезно забеспокоился. Ему сейчас наступать будет труднее на эту укрепленную цепь обороны.

Так что у Горбачева и его окружения действительно были основания считать, что «конфронтационные» настроения Ельцина после того, как он стал председателем российского парламента, усилились.

«Кредиты давайте только нам»

Эта конфронтационность иногда была вроде бы совершенно беспричинной, выглядела таким политическим мальчишеством. Так, 2 августа в интервью швейцарской газете «Базлер цайтунг» на вопрос, надо ли поддерживать правительство СССР в экономическом плане, Ельцин ответил:

– В нынешней ситуации я могу сказать, что реальный, единственно возможный способ оказать помощь – это дать гарантированные кредиты руководству Российской республики.

Это тоже, конечно, «напрягло» команду Горбачева. Не могло не «напрячь». Как писал Высоцкий, «Ты, Мань, на грубость нарываешься...» Ельцин явно «нарывался на грубость». Нужна ли она была в данном случае? К чему было без особого повода вызывать раздражение у Горбачева и его окружения?

Гасить пожар – встречным огнем

В августе Ельцин, свежеепеченный председатель российского парламента, совершил поездку по «подведомственной» ему территории – посетил Татарию, Башкирию, Воркуту, побывал в Сыктывкаре, Свердловске, Кузбассе, Приморском крае, на Сахалине и Камчатке.

Пожалуй, наиболее примечательное событие из этого турне случилось в Казани то ли 7-го, то ли 8 августа. Здесь Ельцин произнес одну из своих самых знаменитых фраз, которая с тех пор без конца цитируется, чаще с обвинительным по отношению к Ельцину уклоном. Вот как об этом писала татарская журналистка Венера Якупова:

«Август 1990 года. Активисты Татарского общественного центра узнали, что Ельцин после [Набережных] Челнов будет в Казани в моторостроительном объединении. И решили караулить его у проходной.

Только микроавтобус с высоким гостем подъехал, националы (то есть требующие независимости Татарстана от России. – **О.М.**) тут как тут. Развернули плакаты и молча стоят.

Ельцин вышел из микроавтобуса и бодро воскликнул:

– О, плакаты! Надо прочесть!

Подшел. У слесаря производственного объединения «Тасма» Рауфа Ибрагимова был в руках плакат: «Мы в Россию не входили!»

Ельцин это прочитал и задумался. А Ибрагимов ему в лицо не смотрит – неудобно! Но краем глаза видит – все замешкались. Даже Шаймиев деликатно отвернулся и молчит.

Ельцин помолчал и двинулся дальше.

А вечером на встрече с общественностью Казани он сказал:

– Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить».

Это, конечно, была опрометчивая фраза, но вряд ли она случайно вылетела из уст Ельцина. Во всяком случае, сам он позднее объяснял ее вполне рациональным образом, – дескать, это был один из вынужденных ходов в противоборстве российского руководства с союзным Центром. Дело в том, что 26 апреля 1990 года Верховный Совет СССР принял закон «О разграничении полномочий между СССР и субъектами федерации», который «выравнивал» права автономных и союзных республик. Этим законом из состава России фактически выводились шестнадцать автономий. При этом их руководители получали право наравне с Россией участвовать в принятии решений о судьбах Союза. Горбачев, по-видимому, надеялся, что благодаря этому он получит поддержку региональных лидеров в противостоянии со строптивыми «старыми» союзными республиками, прежде всего – с РСФСР. Для России же единственным способом сохранить автономии в своем составе было – предоставить им как можно большую свободу. Именно так позднее, в 1996 году, Ельцин объяснял произнесенную им знаменитую фразу:

«Про суверенитет было сказано то, что нужно, в нужном месте и в нужное время. Чем можно было остановить сепаратизм автономий, не имея еще необходимых властных и экономических рычагов, которые были в то

время сосредоточены в ЦК и союзных министерствах? Было найдено нестандартное решение, в чем-то похожее на тактику «встречного пожара»: когда горит лес, пожарные, точно рассчитав траекторию, пускают навстречу стене огня встречный пожар. И огонь, захлебнувшись, глхнет. Так вот, начало этой сложной работы часто ассоциируется с моей фразой, сказанной в Казани, – «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». И наш расчет оправдался».

Точно так же, хотя и несколькими другими словами, объяснял эту ельцинскую щедрость по части суверенитета в разговоре со мной и Геннадий Бурбулис:

– В тот момент это была единственная возможность дать России, Российской Федерации надежду на выживание. Мы не можем ничем помочь республикам. У нас нет ни денег, ни ресурсов... Единственно, что мы можем дать руководителям республик, – что-то такое, что могло бы стимулировать у них внутреннюю мотивацию для самостоятельного поиска путей выживания. И этим «что-то» как раз была идея суверенитета. Тут у Ельцина не только сработал инстинкт политика, но и проявилась реальная практическая мудрость, которая действительно помогла выжить в той тяжелой ситуации.

В Казани Ельцину был задан также прямой вопрос: возможен ли такой вариант, что Татария получит статус союзной республики, оставаясь в составе РСФСР?

– Возможен, – ответил Ельцин. – Вам решать. Можете иметь абсолютно все права. Что из них вы захотите взять, что делегировать России, – никто вас подталкивать не будет.

Трудно, конечно, себе представить, как это может быть, – чтобы одна союзная республика входила в состав другой союзной республики, да еще обладая при этом полной самостоятельностью. Но тогда Ельцин готов был обещать что угодно, лишь бы удержать автономии в составе России.

Фразу насчет неограниченного суверенитета, почти слово в слово, он повторил и в Башкирии, на встрече с общественностью Уфы 13 августа:

– Мы говорим башкирскому народу, мы говорим Верховному Совету, правительству Башкирии: возьмите ту долю власти, которую сами сможете проглотить. И мы согласимся с этой долей, с этим решением...

Позднее Ельцину придется затратить немало сил, чтобы погасить запаленный им «встречный пожар», чтобы не допустить распада России. Возможно, он даже придет к заключению, что сила и направление «встречного пожара» были рассчитаны не очень точно. Но это потом. Теперь же, в августе 1990-го, став председателем российского парламента и объезжая «владенья свои» (напомню строчки из Некрасова: «Мороз-воевода дозором обходит владенья свои»), он предавался эйфории, не слишком думая о последствиях.

«Горбачев будет английской королевой»

Во время этой своей поездки, при встречах с людьми, он говорил не только о будущем устройстве России, но и об устройстве Союза. Выступая в Коми 14 августа, он заявил, что Россия отказывается «от союзной структуры... от всех министерств союзных...», все берет на себя.

– Вокруг России будут и другие союзные республики как-то консолидироваться, – сказал он. – Потому что как только мы приняли Декларацию о суверенитете, так сразу приняла Декларацию Украина, Белоруссия, Молдавия, Грузия...

Насчет Грузии он ошибся. Грузия провозгласила суверенитет чуть раньше, чем Россия, – 26 мая 1990 года.

Это ельцинское намерение как бы подменить собой, Россией, прежний союзный Центр в дальнейшем не раз будет «напрягать» лидеров других союзных республик.

А что же будет с Горбачевым при таком разбегании республик? Будущее союзного президента виделось Ельцину не слишком радужным. Выступая в Новокузнецке, он заявил,

что после заключения нового Союзного договора роль президента СССР будет равнозначна «роли королевы Великобритании».

Вот опять ненужная агрессия по отношению к Горбачеву. Для чего, спрашивается, вновь и вновь настраивать против себя союзного президента? Каким там в будущем окажется роль Горбачева, покажет время. Но сейчас-то они, Ельцин и Горбачев, вполне могут быть не только противниками, но и союзниками – в борьбе с консервативной партийно-советской бюрократией, коммунистическими ортодоксами, с антиперестройщиками, вместе искать способы, как предотвратить экономическую катастрофу (может, вместе лучше получится?)

– Да, действительно у Бориса Николаевича была такая черта – склонность прибегать к формулировкам, которых публичный политик чаще всего избегает, – соглашается со мной Бурбулис, когда я напоминаю ему об этой истории. – Это было. Это где-то мальчишество, где-то наивность. Где-то безответственность... Такая черта характера. Но больше в этом было того, что я называю в хорошем смысле простотой.

«Он занимается демагогией»

Горбачев тоже, как всегда, не отставал от Ельцина в «лестных» оценках, касающихся российского лидера. Помощник Горбачева Анатолий Черняев вспоминает:

«Пригласил однажды вечером Горбачев меня и Примакова на семейный ужин к себе на дачу. Говорили откровенно, главным образом вокруг Ельцина и Полозкова. Горбачев:

– Все видят, какой Ельцин прохвост, человек без правил, без морали, вне культуры. Все видят, что он занимается демагогией (Татарии – свободу, Коми – свободу, Башкирии – пожалуйста). А по вексям платить придется Горбачеву. Но ни в одной газете, ни в одной передаче ни слова критики, не говоря уже об осуждении. Ничего, даже по поводу его пошлых интервью разным швейцарским и японским газетам, где он ну просто не может без того, чтобы не обхамить Горбачева.

«Прохвост, человек без правил, без морали, вне культуры...» Каково! Правда, Горбачев произносит все это в узком кругу приближенных, в то время как Ельцин поносит его публично. Впрочем, Горбачев, наверное, догадывается, что и его слова после станут известны широкой публике – через опубликованные дневники, записные книжки, мемуары его соратников. Но это все же будет позднее, когда его слова уже утратят сиюминутную остроту.

Впрочем, после своего антиельцинского выпада Горбачев добавил примирительно:

– Как с человеком ничего у меня с ним (с Ельциным. – **О.М.**) быть не может, но в политике буду последовательно держаться компромисса, потому что без России ничего не сделаешь.

И это тоже рассчитано, конечно, на дальнейшее оглашение: дескать, Горбачев умел отделять личное от делового, политически значимого.

По правде сказать, и Ельцин не особенно щадил Горбачева в разговорах и в узком, и в «широком» кругу. Вот, например, фрагмент его дискуссии с «советским» диссидентом Зиновьевым на французском телевидении 9 марта 1990 года. Ельцин:

– ... У Тэтчер два человека охраны, а если Горбачев едет, – двести человек охраны. Это что – необходимость? Необходимость иметь четыре дачи? И их построить за четыре года перестройки! Вот где нравственное начало! Человек, который руководит государством, он должен быть нравственно чист. И у него излишества, роскошь, да еще не за свои деньги построенные, а за деньги народа, – это безнравственно!

М-да... А сколько охраны, дач, вилл у нынешних российских правителей?

Ельцин обещает...

Нетрудно было предвидеть, что помимо вопросов о суверенитете тех или иных республик Ельцину в его поездке по России будут задавать и более приземленные вопросы – о хлебе насущном. Здесь он мог опереться на некую, вроде бы вполне основательную, договоренность с Горбачевым, которой он достиг перед тем как отправиться в путь. В конце июля они вдвоем, Горбачев и Ельцин, подписали совместное поручение о разработке программы «500 дней» (вот оно – помимо взаимных уколов и оскорблений могли же эти два человека и договариваться о чем-то значимом! – **О.М.**) За этот срок, – несколько более полутора лет, – предполагалось перевести экономику страны на рыночные рельсы. Трудно сказать, верил ли сам Ельцин в успех этой программы, – на его веку, веку опытного партработника, – программ принималось немало... Но, безусловно, при общении с народом у него не было иного выхода, как только внушать людям оптимизм.

На встрече в Казанском университете он пообещал «в течение двух лет стабилизировать экономику и на третий год повысить жизненный уровень людей».

– Всегда так говорил, говорю и от этого не отступаю, – твердо заявил Ельцин.

То же самое посулил и в Коми:

– Переходный период будет – самый тяжелый – год, год с небольшим... В этот период – пятьсот дней, два года – перехода к рынку не будет снижен уровень жизни людей. Третий год – повышение!.. Поддержите нас эти два-три года.

«Россия подкармливает всех»

Желая сыграть на «патриотических» чувствах слушателей, Ельцин довольно рискованно представлял Россию в роли этакой дойной коровы для других союзных республик. Это, разумеется, не могло не вызывать раздражения у других членов «семьи единой», как любили именовать СССР партийные пропагандисты, но здесь, в России, это действительно встречалось с пониманием и сочувствием.

– Россия подкармливает всех, – говорил Ельцин на встрече с общественностью Уфы. – Россия все время жертвовала. Россия все время отдавала, но, в конце концов, благотворительность начинается у себя дома. И если мы действительно не можем накормить народ, не можем одеть народ, то мы не можем допустить, чтобы мы оплачивали другие государства, направляя помощь туда, да и другим республикам... Давайте улучшать жизнь своего народа, поскольку дальше он терпеть уже не может. И если мы за два-три года не выполним свою программу, то народ просто поднимет на вилы и сбросит тех, кто не способен руководить... Программа союзного правительства (выдвинутая несколько ранее, чем программа «500 дней». – **О.М.**) нам непригодна. Мы ее категорически отвергаем. И Верховный Совет России ее не принял, потому что начало этой программы – повышение цен. Это не выход из положения, народ не может принять такую программу... Российская программа рассчитана на 500 дней, отличается от союзной, она рассчитана на повышение не цен, а уровня жизни народной. Через два года. То есть это программа стабилизации экономики за два года, чтобы нам не упасть в пропасть окончательно, чтобы не завалиться России набок и уже больше не встать. И третий год – повышение жизненного уровня людей...

И снова призывы набраться терпения на этот небольшой срок:

– Мы просим вас, уважаемые граждане Башкирии, дать нам кредит доверия. Два года – на стабилизацию, третий год на повышение жизненного уровня.

Если бы Ельцин и его слушатели знали тогда, как в действительности взлетят цены в ходе реальных реформ, которые начнутся, со значительным опозданием, только в январе 1992

года...

Какого Союза хочет Горбачев

В июле 1990 года начались консультации по новому Союзному договору. Первый его вариант был опубликован 24-го числа. Следуя поветриям времени и эволюционирующему настроению Горбачева, авторы предусмотрели в нем расширение суверенитета союзных и автономных республик, однако никаких существенных изменений в структуре Союза не предполагалось.

Как уже говорилось, главным для Горбачева было, – не допустить распада страны. Но в какой именно форме ее сохранить, он, по-видимому, и сам не знал. Анатолий Черняев, 21 августа:

«Шахназарову он... поручил подготовить интервью по проблемам Союзного договора. Когда тот прислал проект, Горбачев забраковал и долго ругался. А ругался, потому что Шах реалистически изобразил, что неизбежно произойдет. А М. С. этого не хочет и опять опаздывает. Сначала он ратует за восстановление ленинского понимания федеративности, потом – за обновленный федерализм, потом – за реальную федерацию, потом – за конфедерацию, потом – за союз суверенных республик. Наконец – за союз государств и это – когда некоторые республики уже заявили о выходе из СССР. Шахназаров переделал и прислал взамен слезливую бодягу, увещевание – не уходите, мол, вам будет плохо, а в новом Союзе будет хорошо!

Но Горбачев уже передумал... насчет интервью. Решил поехать на маневры в Одесский военный округ...»

Так что же должно было произойти, по мнению Шахназарова и по поводу чего Горбачев долго ругался? Догадаться нетрудно: следуя эволюции взглядов самого Горбачева, его помощник, видимо, написал, что СССР в конце концов превратится в Союз Суверенных Государств. Однако в ту пору Горбачев еще не был готов окончательно принять эту идею.

Выступая в Одесском военном округе, – а выступление было, видимо, рассчитано в первую очередь на армейских политработников, должно было стать идеологической установкой для них, – он жаловался на то, что атаки на перестройку нарастают с двух сторон: одни (консерваторы) «пугают нас рынком», другие (радикалы) «хоронят социализм».

Ко вторым Горбачев, по-видимому, относил и Ельцина, хотя не упоминал его имени. Наряду с консерваторами есть, мол, и такие, которые утверждают: «не имеет, дескать, значения, какой будет экономическая организация общества, лишь бы человеку жилось хорошо».

А что? Разве плохая точка зрения? К чему все эти надоевшие всем «измы» – социализм, капитализм? Но Горбачев с этим не согласен:

– На первый взгляд кажется, что такая формула должна всех нас устроить. Но это нарочитое упрощение. До конца свои взгляды и замыслы сторонники такой позиции пока не решаются обнародовать. Однако цель и так видна – обезоружить общественное сознание, лишить его верных ориентиров. И тоже с дальним прицелом – подготовить общество к тому, чтобы распрощаться с социалистической идеей...

За «социалистическую идею» Горбачев намерен держаться твердо:

– Лично я разделяю выводы тех, кто считает, что терпит поражение не социалистическая идея в целом, потерпел поражение прикрывающийся терминологией социализма утопический леворадикальный военный коммунизм, отвергнутый Лениным в конце жизни.

«ЭКОНОМИЧЕСКОЕ» ПЕРЕМИРИЕ, ПРЕВРАЩЕННОЕ ДЕСАНТНИКАМИ «Мандат доверия на 500 дней»

Важным моментом, повлиявшим на отношение Ельцина к Горбачеву, стала история с уже упомянутой программой «500 дней». Как уже говорилось, 27 июля 1990 года они вдвоем, Горбачев и Ельцин, точнее вчетвером – еще участвовали руководители правительств СССР и РСФСР, Рыжков и Силаев, – подписали совместное поручение о разработке этой программы. Ее проект надлежало разработать в весьма короткий срок – до 1 сентября (ситуация не располагала к промедлению). Для многих это стало неожиданностью: в последнее время довольно четко обозначился конфликт экономических программ, к которым склонялись и которые уже отчасти начали осуществлять Центр и Россия. Некоторые считали подписанное соглашение уступкой скорее Горбачева Ельцину, нежели наоборот: Горбачев как бы соглашался на более радикальный вариант реформы, на котором настаивало российское руководство. Предполагалось, что исходной при создании новой программы будет экономическая программа России, получившая название «Мандат доверия на 500 дней» (вскоре название упростилось до того самого – «500 дней»). Хотя не исключались и какие-то компромиссные варианты.

Согласно программе «500 дней», планировалось легализовать частную собственность, отменить государственные субсидии убыточным предприятиям, распродать незавершенные стройки, осуществить приватизацию, в ходе ее поглотить избыточные деньги в экономике; после этого – отменить государственный контроль над ценами.

То есть приватизация здесь ставилась впереди либерализации цен. Позднее Гайдар поменял их местами: приватизация – дело долгое, а время не ждет; надо в первую очередь делать то, что можно сделать быстро.

Все же для того момента программа «500 дней» имела несомненные преимущества перед конкурировавшей с ней правительственной программой, она была более радикальной, открывала реальную дорогу для рыночного преобразования экономики ВСЕЙ СТРАНЫ, ВСЕГО СОЮЗА (позднее реформы Гайдара пришлось уже замкнуть в рамках одной России).

Горбачев в эйфории

Это была пора, казалось бы, достаточно прочного примирения между Горбачевым и Ельциным: наконец-то найдена твердая точка соприкосновения, прежней конфронтации, может, уже не будет. Они часто звонили друг другу, рассказывали своим сотрудникам, как идут дела. Анатолий Черняев:

«Когда и каким образом Горбачев и Ельцин вышли «друг на друга» с идеей предложить совместную экономическую программу, я не знаю. Но Петраков (видный экономист, академик, в ту пору – один из помощников Горбачева. – **О.М.**), приглашенный было на Юг, но оставленный в последний момент в Москве, уже состоял к концу июля в совместной «рабочей группе» по ее подготовке.

За эти двадцать с небольшим дней (М.С. прервал отпуск 21-го) у него было четыре основные темы: экономическая программа; Союзный договор; обоснование «социалистического выбора» (статья или выступление по телевидению); иракско-кувейтский кризис.

Едва ли не каждый день этого отпуска Горбачев интересовался, как идут дела в

«группе тринадцати», которая сидела в Архангельском и готовила ту самую знаменитую программу «500 дней». В суть дела и в перипетии подготовки он меня не посвящал. Для этого у него был Петраков, помощник по экономике, и член Президентского совета академик Шаталин. Они постоянно его информировали, слали ему в Крым «заготовки», получали его замечания.

Знаю только, видясь с ним почти каждый день, что он был полон энтузиазма. «Толя! – говорил. – Начинаем самое главное. Это – уже окончательный прорыв к новому этапу перестройки... Подводим под нее адекватный базис...» Что-то в этом роде. Так я пометил в дневнике. На эту тему он соскальзывал, о чем бы ни шла речь».

Аналогичным образом, хотя, может быть, и не так восторженно, высказывался в своем кругу и Ельцин.

Куда вскоре делились эти восторги, этот энтузиазм?

«Первая проба сил»

Хотя, как уже было сказано, предполагалось создать ЕДИНУЮ экономическую программу, «россияне» и «союзники» в общем-то действовали порознь. По словам Вадима Медведева, работа группы Шаталина – Явлинского (разработчиков программы «500 дней») «шла в отрыве от правительства, и даже в противоборстве с ним».

30-31 августа под председательством Горбачева состоялось совместное заседание Совета Федерации и Президентского совета. Медведев:

«...Произошла первая проба сил. Обсуждались альтернативные проекты перехода к рынку (то есть программа «500 дней» и программа союзного правительства. – **О.М.**) Правда, сами проекты отсутствовали. Материалы комиссии Шаталина (опять – «500 дней» – **О.М.**) были разосланы членам того и другого Советов только поздно ночью, а записка Рыжкова (правительственная программа. – **О.М.**) участникам совещания была роздана в перерыве».

Поскольку были представлены две программы, но что они собой представляют, никто толком не знал, ораторы, говоря о том, что необходим скорейший переход к рынку, о самих программах высказывались обтекаемо, – дескать, нужен какой-то компромисс между двумя подходами.

Вполне определенно выступил Ельцин. Он напомнил, что первоначально программа Шаталина – Явлинского была разработана для Российской Федерации; потом, в конце июля, российское руководство предложило президенту СССР использовать ее после некоторой доработки в рамках Союза, и это предложение было принято; остается выполнить эту договоренность – принять программу «500 дней» как общесоюзную программу перехода к рынку; но (внимание!) для ее реализации в существовании союзного правительства нет необходимости.

Отправить правительство в отставку предложили также Хасбулатов и Силаев. Однако руководители других республик не были готовы к такому радикальному шагу...

Подводя итог дискуссии, Горбачев тоже постарался обойти острые углы: он – за объединение усилий в разработке компромиссного соглашения, но против отставки союзного правительства:

– Надо улучшать деятельность существующих органов, а не разгонять их. У нас нет времени на новые реорганизации. Надо объединить усилия на основе согласования подходов и программ.

Что испугало Горбачева

После этого заседания Медведев, по его словам, принялся штудировать программу «500 дней» и написал Горбачеву записку о своих впечатлениях. Он похвалил «500 дней» как «серьезную разработку, выдержанную в едином ключе», выразил мнение, что у нее «больше шансов на успех», чем у программы правительства, так что внимание должно быть сосредоточено именно на ней как на более предпочтительной. Однако главные различия между двумя программами, по словам Медведева, лежат за пределами экономики и носят скорее политический характер.

«Программа «500 дней», собственно, в экономическом отношении более привлекательна, – еще раз подчеркивал Медведев, – но она и более политизирована. В ней предполагается наличие между республиками лишь экономического соглашения, единого экономического пространства и, по сути дела, предрешается судьба политического союза... Кроме того... программа «500 дней» пронизана духом отторжения союзного правительства. Не случайно, что с появлением программы началась массированная атака на правительство с требованием его отставки. Этим объясняются и непримиримость противоборствующих сторон, и тщетность моих попыток в контактах и с Шаталиным, и с Абалкиным (еще один академик-экономист, советник Горбачева, – один из разработчиков правительственной программы. – **О.М.**) добиться сближения позиций на основе чисто профессионального, экономического подхода, не отягощенного политическими факторами».

По-видимому, именно это и испугало Горбачева. Во всяком случае, так считает Медведев.

«Здесь, – писал он, – по-моему, и кроется объяснение того, почему президент, отдавая предпочтение программе Шаталина – Явлинского с точки зрения ее экономического профессионализма, не счел возможным принять ее в том виде, в каком она подавалась».

Тут, правда, надо заметить, что, по-видимому, и сам Медведев своей запиской добавил Горбачеву испуга, не мог не добавить.

Горбачев предложил создать компромиссную концепцию, поручив это академику Аганбегяну с участием двух других академиков – тех же Шаталина и Абалкина. Практически же две программы под руководством самого Горбачева сводил воедино еще один академик – Петраков. По старой советской привычке академиком Горбачев доверял более всего.

31 августа состоялось очередное заседание Президиума российского Верховного Совета. Естественно, речь зашла о судьбе экономической программы.

– Товарищ Горбачев, – сказал Ельцин, – предложил две программы слить. Это то же самое, как соединить амперы и километры. Это невозможно. Совершенно другие принципы заложены.

По словам Ельцина, главное различие между двумя программами: группа Шаталина – Явлинского предлагает, чтобы экономическая политика проводилась через суверенные республики, входящие в Союз, «а правительственная программа – она опять-таки насильственная программа сверху: вот мы вам диктуем, а вы исполняйте, и все».

К столице движутся войска

Как уже говорилось, разработка программы «500 дней» – в варианте для всего Союза – была закончена 31 августа. 11 сентября российский Верховный Совет проголосовал за нее. Однако, понятное дело, без одобрения союзным руководством, она не могла быть введена в действие. Между тем, как мы видели, Горбачев, ранее вроде бы обо всем достигший согласия с Ельциным, дал задний ход...

И не просто дал задний ход. В первой декаде сентября вокруг Москвы начались какие-то странные передвижения войск. Историк Рудольф Пихоя довольно подробно проследил маршруты этих передвижений. 8 сентября командующий Воздушно-десантных войск генерал-полковник Ачалов (одна из самых зловещих фигур того времени) отдал приказ командирам Тульской, Псковской, Белградской, Каунасской и Кировобадской воздушно-десантных дивизий выдвинуться в Москву «в состоянии повышенной боевой готовности по «южному варианту». Под «южным вариантом», очевидно, подразумевалось, что десантники должны быть готовы действовать в Москве так же, как они только что действовали в республиках Средней Азии, подавляя возникшие там кровавые беспорядки. В ночь с 9 на 10 сентября Рязанская воздушно-десантная дивизия с вооружением, в полной боевой экипировке была направлена в Москву. 10 сентября началось передвижение других частей.

По собственным наблюдениям Рудольфа Пихоя, в эти дни в столице стали происходить удивительные вещи. В гостинице «Россия», где жили некоторые иногородние депутаты РСФСР и сотрудники аппарата председателя российского Верховного Совета Ельцина, вдруг куда-то исчезли женщины-горничные, коридорные и вместо них появились и выдавали ключи крепкие парни-прапорщики в военной форме.

Заметьте: «боевые действия» намечались именно против российских депутатов и чиновников...

В прессу попали сообщения, что КГБ разослал в ряд обкомов предупреждение: российскими властями якобы подготовлен план захвата телевидения, радио, вокзалов, аэропортов и других стратегических объектов столицы. После появления этих сообщений, после того, как было замечено передвижение войск, – а не заметить его было нельзя, хотя оно и проводилось скрытно, – естественно, возник скандал. 11 сентября на заседании российского парламента Ельцин выступил с заявлением, что к Москве двигаются армейские десантные части.

– Нам пытаются доказать, – сказал он, – что это мирное мероприятие, связанное с подготовкой к параду, однако есть сильное сомнение в этом.

В ответ с опровержением в «Известиях» выступил тот же Ачалов. Он настаивал, что войска прибыли в Москву именно для подготовки к параду, а часть из них была направлена в близлежащие к столице районы, как тогда говорили, «на картошку» – в помощь колхозникам при уборке этих самых корнеплодов.

Но запустил военную машину, конечно, не Ачалов, хотя он, как всегда, стал ревностным исполнителем намечаемых карательных мер. Эту машину могли привести в движение только Язов и Горбачев. Правда, последний, как всегда, остался за кулисами.

Что же его в этот-то момент так напугало? Ну идет подготовка экономической программы... Он сам недавно так радовался этому. Возможно, испуг вызвали истерические предупреждения некоторых близких ему людей. Например, председателя Верховного Совета СССР Лукьянова (позднее он стал идеологом ГКЧП, хотя формально не вошел в его состав).

– Если будете так вести дело, – предупреждал он Горбачева и его окружение, – в сентябре Верховный Совет скинет правительство, в ноябре будут распущены Съезд народных депутатов и сам Верховный Совет. Назначат новые выборы, и не позднее декабря скинут и президента, и вас!

Горбачев, как всегда, не решился пойти до конца. Был дан отбой. Все приказы о передвижении войск в Москву были уничтожены. Словно бы ничего и не было.

Для чего все-таки потребовались эти странные маневры и кто какие выводы сделал из этого провалившегося (а мог бы и не провалиться!) спектакля? «Маневры понадобились просто для того, – пишет Рудольф Пихоя, – чтобы иметь дополнительные аргументы в противостоянии союзного и российского руководства».

Имеется в виду – в противостоянии, которое вдруг возникло при выборе экономической программы. Да и в целом – не только в экономическом, но и политическом противоборстве, к

которому вернулись. Вот ведь какие бывают повороты. Еще недавно здесь царили мир и благолепие. Эйфория. И вдруг – потребовалось стягивать к столице войска. Что касается выводов...

«Для радикальных сторонников сохранения СССР из числа военных, КГБ и партаппарата, – продолжает историк, – на будущее стало ясно – Горбачев не решится применить силу, чтобы разогнать новую российскую власть. Пройдет год, и 19 августа 1991 года на улицы Москвы зайдут, чадя и газуя, сотни танков и боевых машин. Появится ГКЧП. Появится сила против силы – народ против путча. И кончится советский период в истории России».

Все же, думаю, относительно нерешительности Горбачева «силовикам» и аппаратчикам это стало ясно не до конца. Они и через год попытаются привлечь его на свою сторону.

«Надо спасти народ от голода»

К середине октября Петраков, выполняя поручение Горбачева, подготовил новый, тот самый «компромиссный» документ под названием «Основные направления по стабилизации народного хозяйства и переходу к рыночным отношениям». Как потом стали говорить, он представлял собой попытку «скрестить ежа с ужом».

13 октября Горбачев в очередной раз обсуждал с руководителями союзных республик, что делать с Союзом, с экономикой. Основное впечатление от стенограммы этого обсуждения – растерянность перед надвигающейся катастрофой, «обмен мнениями» в духе «кто в лес, кто по дрова».

В речах и репликах Горбачева, как это часто у него бывало, преобладали общие, тривиальные призывы: «надо преодолеть опасную тенденцию», «как воздух нужно взаимодействие», «на регулярной основе нужно решать и согласовывать все основные вопросы», «не должно быть параллелизма между деятельностью» различных органов власти», «надо договориться, чтобы правоохранительные органы действовали на основе законов» (чего ж тут договариваться – разве и так не ясно, как должны действовать эти органы? – **О.М.**), «нужно безотлагательно составить программы, подписать их и неукоснительно выполнять», «делать это в конституционном режиме» и т.д. и т.п.

Впрочем, и среди этих банальных призывов проскальзывали слова, свидетельствующие, что президент осознает трагичность ситуации и надежд на новую, «компромиссную» экономическую программу у него мало: «страна стоит в очередях», надо «спасти народ от голода», нам «угрожает гиперинфляция, экономика может оказаться вообще на грани хаоса»...

В общем, как чаще всего бывало на таких совещаниях, оно кончается ничем. Поговорили и разошлись.

Ельцина на совещании не было. Россию представлял его первый зам Хасбулатов. Он, без сомнения, пересказал своему шефу, что происходило на этой говорильне. Надо полагать, это послужило для Ельцина дополнительным толчком, чтобы перейти к решительным действиям.

ОТ ПЕРЕМИРИЯ – СНОВА К ВОЙНЕ

Горбачев – нобелевский лауреат

15 октября Горбачеву была присуждена Нобелевская премия мира – «за его ведущую роль в мирном процессе, который сегодня характеризует важную составную часть жизни международного сообщества». Инициатором присуждения выступила Германия, у которой, как мы знаем, были особые поводы испытывать бесконечную признательность президенту СССР: прежде всего благодаря ему эта расчлененная на две части страна воссоединилась. Впрочем, и повсюду на Западе отдавали должное Горбачеву: именно он стал одним из главных инициаторов прекращения «холодной войны», расшатывателей и разрушителей мировой коммунистической системы.

– Благодаря Михаилу Горбачеву произошли значительные политические и экономические перемены в Советском Союзе и странах Восточной Европы, – такова была реакция Джорджа Буша на присуждение Горбачеву премии.

Реакция в самой Восточной Европе, и в распадающемся Союзе оказалось не столь единой, поскольку процесс этого распада был далек от завершения и было совсем не ясно, как дальше поведет себя Горбачев.

Ельцин не желает больше топтаться на месте

Никакого гипнотического действия не оказала полученная Горбачевым премия и на Ельцина. 16 октября он выступил на сессии российского Верховного Совета. По существу, его выступление (оно транслировалось по телевидению) было реакцией – весьма резкой – на действия Центра, который не принял программу «500 дней», заменил ее собственной программой.

Экономическую ситуацию в России Ельцин определил как близкую к чрезвычайной и ответственность за это возложил на Центр.

– Мы располагаем достаточной информацией, – сказал Ельцин, – чтобы ответственно заявить: существует откровенный саботаж по отношению к России в целом... Главные усилия Центра направлены на то, чтобы не допустить укрепления экономической основы республиканского суверенитета. Цель саботажа очевидна: создать у россиян впечатление, что вина за неблагополучное положение в республике лежит на парламенте и правительстве России.

При этом под Центром российский лидер подразумевал не только союзное правительство, не только Рыжкова, но и Горбачева: по словам Ельцина, игнорировать волю 150 миллионов человек, – жителей России, – как это делает правительство Рыжкова, можно только при одобрении и поддержке высшего руководства страны.

Ельцин обвинил Горбачева в недоговороспособности, в нарушении «джентльменских соглашений», которые они с ним заключают. Прежде всего, конечно, опять-таки имелись в виду соглашения, касающиеся программы «500 дней», о разработке которой они, Горбачев и Ельцин, договорились 27 июля.

– Тонущее союзное правительство, – сказал Ельцин, – нажало на президента, и он в очередной раз меняет свое решение.

Отныне, по словам Ельцина, все договоренности с Горбачевым придется строго протоколировать и публично оглашать.

При выборе программы перехода рынка, заявил Ельцин, Горбачев проявляет непоследовательность. И все для того, чтобы сохранить «ставшую ненавистной народу систему». Последняя программа Горбачева (та самая, «компромиссная» программа, подготовленная Петраковым, получившая в окончательном виде более короткое название – «Основные направления перехода к рынку») приведет к катастрофе в первые же месяцы ее осуществления.

Парламент России, сказал Ельцин, – перед трудным выбором. Можно либо смириться с волей Центра, либо сделать то, ради чего народные депутаты, собственно говоря, и стали народными депутатами: «продолжить созидательную работу по возрождению России».

Председатель Верховного Совета предложил российскому парламенту следующий порядок действий:

– Россия объявляет о неучастии в исполнении программы президента. Делит бюджет, собственность и т.д. Осуществляет свою программу «500 дней» независимо от Центра. Делит армию и вооружения. Мы не имеем права выжидать – лимит времени давно исчерпан.

Насчет разделения армии... Вряд ли в тот момент Ельцин говорил об этом всерьез. Видимо, так – для усиления эмоционального воздействия на слушателей.

По словам Ельцина, на предстоящем съезде нужно срочно создать эффективно действующие механизмы по защите экономического и политического суверенитета России.

В общем, было ясно, что короткое перемирие между Ельциным и Горбачевым закончилось. Как писал «Коммерсант», отношения этих двух деятелей вернулись к исходной точке – примерно к тому состоянию, какими они были в конце мая, когда Ельцина избрали председателем российского Верховного Совета. Разница заключалась лишь в том, что с мая по сентябрь рейтинг популярности Горбачева сократился вдвое – с 56 до 29 процентов, а рейтинг Ельцина, напротив, вдвое – до 58 процентов, – вырос.

Реакция Горбачева

Какова была реакция Горбачева на выступление Ельцина? Медведев вспоминает, что 16 октября вечером он позвонил президенту, чтобы поздравить его с присуждением ему Нобелевской премии Мира. Высказался за то, чтобы «Основные направления перехода к рынку» принимались как можно скорее. Однако долгого разговора с Горбачевым у Медведева не получилось, поскольку в этот момент по телевизору как раз началась трансляция выступления Ельцина в российском парламенте. То, как оценивает его Медведев, свидетельствует, что вызов, брошенный Ельциным, был воспринят в противоположном лагере именно так, как на это и рассчитывал Ельцин.

«Оно (выступление Ельцина. – **О.М.**) оказалось резко конфронтационным по отношению к Центру, – пишет Медведев. – В адрес президентской власти высказаны обвинения в жесткой линии по отношению к республикам, в стремлении ограничить суверенитет Российской Федерации, сорвать переход экономики к рыночным отношениям, сохранить и упрочить господство административно-командной системы. Оратор не остановился даже перед обвинением в саботаже, правда, было неясно, в чей адрес. По существу, высказано нечто вроде ультиматума – или принимаются требования председателя Верховного Совета РСФСР, или встает вопрос о дележе власти, ключевых государственных постов, собственности, даже Вооруженных Сил. Прозвучал едва прикрытый призыв людей выходить на улицу... По существу, это был ответ на предложенные президентом «Основные направления перехода к рынку».

17 октября состоялось заседание Президентского совета, специально посвященное выступлению Ельцина. По существу, это был «военный совет в Филях», заседание генерального штаба антиельцинской армии. Вот его стенограмма (с некоторыми сокращениями):

«Горбачев . Что означает выступление Ельцина?

Крючков. Это объявление войны Центру. Если мы не примем ответных мер, потерпим поражение. Надо развернуть разъяснение в прессе и выступить президенту с планом действий...

Лукьянов. То, что он выступил, – хорошо. Карты выложены на стол. Парадокс Ельцина – он пришел к власти, но остался в оппозиции. Есть ли еще место для компромисса с ним и компромисса вообще? Нет. Надо сегодня дать ответ, пока не подняли волну митингов. Нужен массированный удар. Средства массовой информации нам уже не принадлежат.

За что критиковать Ельцина? Во-первых, он пытается призвать к неконституционным действиям. Во-вторых, не увидев программы, уже наносит удар по ней, компрометирует ее. В-третьих, снимает с себя ответственность в расчете на то, что президент провалится и они возьмут власть. В-четвертых, держит курс на развал Союза. Фактически предъявил нам ультиматум.

Надо сказать, что ответственность за судьбу России несет ее руководство. Мы не собираемся управлять ею. Программу России («500 дней». – **О.М.**) никто из республик не поддержал... Принять Обращение к народу.

Шеварднадзе. Если мы выступим прямо, возьмем конфронтационный тон, то на фоне народного недовольства это не пройдет. Поэтому надо не вступать непосредственно в дискуссию, а внести нашу программу в Верховный Совет... Любой ценой надо выиграть время.

Медведев. Ельцин не верит в успех программы (надо полагать, имеется в виду опять-таки программа «500 дней». – **О.М.**) и пытается перевалить ответственность на Центр. Расчет на то, чтобы выбить руководство из колеи. Идти на конфронтацию – значит потерпеть поражение. Но отвечать на провокации надо, призывая к согласию, к политическим методам. Надо скорее принимать экономическую программу.

Шаталин. Выступлением президента опять превратим Ельцина в героя. Сейчас надо выиграть время – пусть за счет кредита с Запада (как видим, один из авторов программы «500 дней» здесь как бы тоже выступает на стороне противников Ельцина. – **О.М.**)...

Болдин. Надо расстаться с иллюзиями в отношении Ельцина. Он никогда не будет работать вместе с нами. Человек не вполне здоровый (!!! – **О.М.**) и видит себя только в конфронтации. Медведев строит свою позицию на том, как лучше сдать. А нужна твердость, прежде всего закрепление власти. Если будет допущено, что Верховный Совет России будет ратифицировать союзные законы и указы, – тогда нам лучше уйти... (По-видимому, имеется в виду, что программу «500 дней», рассчитанную на весь Союз, российский парламент рассмотрел и одобрил раньше, чем парламент союзный. – **О.М.**)

Распутин (писатель, и он тут же; впрочем, – последовательный антидемократ, антиреформатор. – **О.М.**) Хорошо, что Ельцин выступил и собрал нас тем самым. Он бросил перчатку. Популярность Ельцина преувеличена средствами массовой информации. Но Центр безынициативен. Мы не принимаем нужных мер. 90 процентов прессы нам не принадлежит, а мы миримся. Готовы были отдать даже «Советскую Россию» (да уж, что бы делала оголтелая коммунистическая реакция без чикинской «Совраски»! – **О.М.**) Надо сказать народу всю правду, в том числе о травле президента и правительства. Принять Обращение Верховного Совета к народу. Мы преувеличиваем свои потери. Призвать народ выйти на улицы 7 ноября.

Бакатин. Это выступление Ельцина – подстрекательство к мятежу, антисоветская позиция. Похвальба – «мы стали влиятельным фактором!» Уход от позитивных предложений и решений, попытка снять с себя ответственность. Но не надо слишком резко реагировать на этот выпад. Надо разложить Ельцина через средства массовой информации.

Рыжков. У Ельцина одно на уме – рваться к власти. Во что бы то ни стало. Добиваться вот этого места (*Указывает на Горбачева*) ! Никакого согласия с Ельциным быть не может. Ельцин – разрушитель. Ваш (*Горбачева*) компромисс с Ельциным (первоначальная, июльская, договоренность насчет программы «500 дней». – **О.М.**) вам

ничего не добавил. Он вышел вам боком. Но если пойдём «в лоб», – проиграем. «Пришел царь. Он нас спасет!» – вот как, по сути, СМИ и оппозиция представляют Ельцина стране. А страна становится неуправляемой. Она на грани развала. Мы можем остаться у власти в пределах Кремля, Садового кольца. И только. Государственная система разрушена... Дело не в программе. Нужно показать власть! Снимать и снимать тех, кто ее подрывает, кто не выполняет ее решений. Иначе дождемся того, что нас в лучшем случае расстреляют, в худшем – повесят на фонарных столбах.

Может, пойти на создание коалиционного правительства, – но не с Ельциным!

Мы стали мальчиками для битья. Все – в оппозиции, включая ВЦСПС, «партию Ивашко», (то есть, имеется в виду, – саму КПСС: в июле, на XXVIII съезде, Ивашко был избран заместителем генерального секретаря ЦК КПСС. – **О.М.**). Рабочие, интеллигенция – там же. И смотрите, куда скатились «Известия», да и «Правда» тоже. В Верховном Совете нет у нас парламентского большинства. Люди, особенно на заводах, просто озверели. Надо обратиться к народу, но не с разъяснениями, а выдвинуть четкие, чрезвычайные предложения.

В отношении телевидения надо принять меры... Противно смотреть, с каким придыханием дикторша произносит имя Ельцина! Убрать половину людей с телевидения! И из газет повыгонять всех этих!..

(Это выступление «плачущего большевика», как тогда называли Рыжкова, – пожалуй, самое историческое на этом заседании Президентского совета. – **О.М.**)

Шаталин. Я против всего этого! (Наконец-то академик проснулся, понял, в каком лагере он оказался. – **О.М.**)»

«Королевская рать» предъявляет ультиматум «королю»

Как видим, «вся королевская рать» настроена весьма агрессивно. Горбачев пытается утихомирить ее.

«Горбачев. Надо ли идти на компромисс? Дело не в Ельцине. Сам по себе как личность он ничего не стоит (вот опять ругательства, теперь уже не в узком кругу самых близких людей, – на вполне официальном заседании, которое стенографируется. – **О.М.**) Но он выражает определенные настроения. Не тот ведь сейчас Ельцин, что был полтора-два года назад (верно, не тот, стал более решительным, обрел подлинно бойцовские качества. – **О.М.**) Он отражает серьезные тенденции в обществе. Люди чувствуют наступление хаоса, распада. Они обеспокоены. Но они против экстремизма, за порядок и готовы поддержать даже крайние меры. Люди за такой порядок, где власть действует и ведет практические дела. Народ примет реалистическую программу. Надо идти к рынку, к Союзному договору... Долго шли, с потерями. Сейчас народ может поддержать решительный ход. Люди – за Союз...

Оставлять без реакции его (Ельцина. – **О.М.**) речь нельзя. Стратегически мы с ним кашу не сварим. У него нет конструктивного потенциала.

Сессию Верховного Совета РСФСР начинают с «явления Христа народу»... (то есть с «явления» Ельцина. – **О.М.**) Третье пришествие! Вот такие трюки!

Если мы говорим сами, что наша программа слабая, то кто же ее будет поддерживать? Не надо вихлять. Мы привержены взятому курсу, и надо ему следовать. Спасение курса – в нашей деятельности.

У Ельцина перевешивает негатив: все плохо! Тон речи и выбор момента рассчитаны на конфронтацию. Это не тот путь. Люди ждут реальных дел – в том-то, в том-то и т.д. Ждут порядка. Россия, Украина заблокировали решения Верховного Совета СССР, а нас обвиняют, что мы ничего не делаем.

И реакция на Ельцина должна быть в делах! Но в СМИ порядок навести. А после принятия программы рыночной реформы – Обращение к народу. И не надо колебаться

(*смотрит на Шаталина*) ».

Однако «королевская рать» недовольна недостаточной решительностью, недостаточной жесткостью «короля».

«Лукьянов. Это путь польской «Солидарности».

Рыжков. ...Больше работать так не будем. Или мы – власть, или будем ставить вопрос перед президентом об уходе. Профсоюзы оппозиционны правительству. Партия – тоже (*Ивашко, Дзасохов*) ... Что же нам делать...? Искать другую партию? Мы прокоммунистическое правительство, а родная партия говорит, что она нас не поддерживает. В Верховном Совете у нас нет поддержки депутатов-коммунистов. Я уж не говорю о прессе. Никто нас не поддерживает, ни одна газета. Делать из нас недоумков не получится. В правительстве семь академиков, двадцать докторов наук.

Нас ждут худшие времена. Любые меры для 91-го года не проходят. Идет полный раздрай. На заводах директора озверели (истерика «плачущего большевика» продолжается. – **О.М.**)

Ельцина надо бить за дела – это не сделано, то не сделано. Надо поговорить с народом – не сосредотачиваться на Ельцине.

«Правда» тоже шатается. Надо принимать меры по телевидению. Половину убрать. Пусть орут. Ушел Тихомиров (*оппозиционный обозреватель ТВ*) , и что? Газеты, по крайней мере те, на которых написано «орган ЦК КПСС», заставить работать на власть или разогнать.

(Вот вам и гласность, провозглашенная Горбачевым! Когда приспичило, газеты – разогнать, с телевидения половину сотрудников – убрать! Нет уж, черного кобеля не отмоешь добела! – **О.М.**)

Лукьянов. Не Ельцин идет к власти, а Бурбулис. Надо ответить ему прямо.

Шеварднадзе. Что, только один президент должен отвечать? И больше никто?

Лукьянов. Я готов [выступить по ТВ]. Надо сказать рабочим, чем им грозит развал поставок. Хозяйственные руководители верят в ЦК. Интеллигенция, как никогда, понимает опасность гражданской войны. Военные не могут дальше терпеть. Проиграли мы борьбу за студенчество и молодежь... У Ельцина – группа, которая делает паблисити. У нас нет такой группы...

Горбачев (как бы повторяет механически – **О.М.**) Ситуация связана с усилением хаоса и развала в обществе. Люди за порядок, против экстремизма, поддержат любого, кто наведет порядок, даже крайними мерами. Надо быстрее идти к новому Союзному договору».

Запомним эти слова и этот момент – когда Горбачев пришел к выводу, что ради наведения порядка можно прибегнуть и к крайним, то есть силовым, мерам (хотя он теперь уже – лауреат Нобелевской премии Мира).

А вообще, когда читаешь стенограмму этого «военного совета в Филях», создается ощущение, что это не Горбачев нарушил договоренность с Ельциным, отказавшись от программы «500 дней», а Ельцин совершил какое-то предательство по отношению к президенту СССР.

Что касается публичной реакции на выступление Ельцина, поначалу Горбачев собирался ответить на него, дав интервью телевидению, однако потом решил не делать этого, а высказать все, что он думает с трибуны Верховного Совета – его сессия должна была открыться через пару дней.

Этот «зловредный Бурбулис»

Много лет спустя, в ноябре 2010 года, в разговоре с Геннадием Эдуардовичем Бурбулисом я попросил его прокомментировать лукьяновскую фразу: «Не Ельцин идет к власти, а Бурбулис». Поскольку все разговоры Ельцина в ту пору постоянно прослушивались, об их содержании вполне мог знать и Лукьянов. И вот у него, по-видимому, сложилось такое

впечатление, что Бурбулис – это двойник, «альтер эго» Ельцина и даже, более того, первый номер в этой связке. Тогда Бурбулис в самом деле был ближайшим соратником Ельцина.

– Ну, это все терминология партийной номенклатуры, – усмехнулся Бурбулис. – Если бы я рвался к власти, я бы вел себя совсем по-другому.

По словам моего собеседника, Лукьянов прав в том смысле, что все ключевые идеи, касающиеся политической ситуации, будущего России, начиная с 1990 года, они, Ельцин и Бурбулис, обсуждали друг с другом.

– Но у нас не было такого разделения – первый номер, второй номер. Мы были соратниками, друзьями. Мы как бы дополняли друг друга. Борису Николаевичу было шестьдесят, мне – сорок пять. Он привносил в нашу совместную работу свой опыт, я – свой. У него за плечами была партийная работа, у меня – научная.

Я не уверен, что между Ельциным и Бурбулисом «не было такого разделения – первый номер, второй номер». Ельцин, конечно, мог обсуждать с близкими людьми, с близкими сотрудниками любые вопросы, но – он знал себе цену. И, как свидетельствуют хорошо знавшие его люди, окончательное решение по той или иной проблеме принимал самостоятельно.

Тем не менее, представление о Бурбулисе как о каком-то «сером кардинале», который сбивает Ельцина с панталыку, а то и вовсе навязывает ему свои решения, в окружении Горбачева, да и у него самого, сохранялось и в дальнейшем.

Горбачев дает Ельцину публичный отпор

19 октября Горбачев выступил на сессии союзного Верховного Совета. Значительная часть его выступления, естественно, была посвящена ельцинской речи трехдневной давности.

Для начала ритуально расшаркавшись перед своим оппонентом, воздав должное ельцинской обеспокоенности «за обострившуюся ситуацию» в стране, «за серьезные трудности, которые она переживает», Горбачев приступил непосредственно к «отпору».

– К сожалению, – сказал Горбачев, – в речи преобладали другие, по сути дела конфронтационные мотивы, резкие слова взамен весомых аргументов и предложений. И в самом деле, вслушайтесь только в тональность выступления: «произвол Центра», «жесткие противодействия», «нежелание укреплять экономические основы и суверенитет России», обвинения в «преднамеренном обмане народа». И уж вовсе недостойно приписывать высшему руководству страны «игнорирование 150 миллионов населения России».

По словам Горбачева, у многих возникает вопрос: как можно безоговорочно отрицать «Основные направления по стабилизации народного хозяйства и переходу к рыночной экономике», утверждать, что намеченный путь неминуемо приведет к провалу, всего лишь через несколько часов после того как документ был подписан президентом, без какого-либо обсуждения его в Верховном Совете РСФСР? Такого рода оценки и утверждения товарища Ельцина «являются странными, если не сказать больше».

– Знаете, – продолжал Горбачев, – у меня складывается впечатление, что руководство России в определенной степени пасует перед трудностями и хочет переложить всю ответственность за возможные трудности на центральные органы власти. Уже резервируются ходы для отступления... Складывается впечатление, что за негативными отзывами на рассматриваемый нами сейчас документ стоят не деловые аргументы, а какие-то иные, скорее всего политические соображения. Я хотел бы ошибиться. Но ведь все мы должны отдавать себе отчет в том, что в нынешней тревожной ситуации программу стабилизации экономики, затрагивающую жизненные интересы страны, аморально превращать в предмет политических игр. Ее неудача не дала бы дивидендов никому, принесла бы беду и страдания всем людям.

Как видим, «отпор», к которому прибег Горбачев в отношении Ельцина на сессии ВС СССР, если сравнивать его речь с приведенной выше стенограммой обсуждения на Президентском совете, – в общем-то довольно умеренный. Видимо, Горбачев решил, что пар на «военном совете в Филях» был в основном выпущен и дальше не стоит раздувать скандал.

Ельцин умывает руки

Таким образом, программа «500 дней», благодаря которой, как уже говорилось, можно было бы сделать решительный переход ВСЕЙ СТРАНЫ к рыночной экономике, была провалена. Провалена в значительной мере благодаря безволию и нерешительности Горбачева. А пуще того – благодаря его боязни выпустить власть из своих рук.

В этот же день, 19 октября, Ельцин уехал в отпуск, как бы говоря, что очередной раунд его противостояния с Горбачевым закончен, что он, Ельцин, умывает руки и более ничего хорошего от «президентской рати» не ожидает.

Возможно, именно в этот момент Ельцин окончательно пришел к выводу, что с Горбачевым «каши не сваришь», что он не готов к серьезному реформированию экономики, к реформированию страны в целом, а потому надо действовать без него и вопреки ему.

Одним из ключевых моментов в процессе распада СССР считал отказ Горбачева от программы «500 дней» Егор Гайдар, с которым мы беседовали в апреле 2009 года (это была последняя наша встреча).

– Возможность распада Советского Союза, – сказал тогда Гайдар, – начала обсуждаться в наших внутренних дискуссиях где-то с 1988 года. Но я тогда еще считал, что Советский Союз в каком-то трансформированном виде будет сохранен. То, что его сохранить, по всей видимости, не удастся, для меня стало абсолютно ясно по состоянию на 22 августа 1991 года. Но в значительной степени это стало казаться невероятным еще раньше – после того как Михаил Сергеевич Горбачев отказался от союза с Борисом Николаевичем Ельциным в реализации программы «500 дней».

Понимал ли сам Горбачев, к каким драматическим последствиям ведет этот его отказ?

Не уверен. В конце концов, он не был экономистом, не в состоянии был вникать в детали, а его советники-академики, которым он доверял, не подавали особых сигналов тревоги. Напротив, они достаточно охотно брались выполнять его задание – соединить две разные программы, найти компромиссный вариант, словно бы не понимая, что компромисс тут невозможен.

А вот в тонком чутье политика, четко угадывающего, откуда исходит опасность для его власти, Горбачеву было не отказать.

ОЧЕРЕДНАЯ ПОПЫТКА ДОБИТЬСЯ ПРИМИРЕНИЯ

О своей встрече они рассказывали по-разному

Все же менее чем через месяц произошла еще одна попытка добиться примирения. 11 ноября состоялась важная встреча Горбачева и Ельцина. Прошлись почти по всему кругу вопросу, накопившихся к этому времени. Сначала попытались выяснить, кто же все-таки виноват, что ряд договоренностей, которые вроде бы были достигнуты на прошлой встрече (27 июля, когда условились о разработке программы «500 дней»), так и не был выполнен. Как говорил потом Ельцин, «виноватых не оказалось».

Вообще, что забавно, Ельцин и Горбачев после по-разному рассказывали об этой встрече, которая, естественно, всех интересовала: как-никак это был шаг к «восстановлению дипломатических отношений».

По рассказу Ельцина (он с ним выступил перед депутатами российского парламента), Горбачев снова поставил в центр обсуждения Союзный договор – настаивал, чтобы его подготовка шла ускоренными темпами, говорил, что в этой подготовке и подписании договора Россия должна сыграть «консолидирующую роль».

Позиция Ельцина, опять-таки как он изложил ее потом депутатам, была такова:

– Мы никогда не были противниками Союза и Союзного договора. И никто из руководителей Верховного Совета (России. – **О.М.**) или правительства Российской Федерации никогда не заявлял, что Россия не собирается участвовать в Союзе и Союзном договоре... Но, с другой стороны, сказал я Горбачеву, в качестве кого и в каком качестве Россия будет подписывать Союзный договор? Декларацию о государственном суверенитете (России. – **О.М.**), сказал я, вы официально не признали. Разделение функций между Центром и Россией вы официально не признали и проводите диктат Центра. Это выразилось и при принятии экономической программы («Основных направлений по стабилизации народного хозяйства и переходу к рыночным отношениям». – **О.М.**) То есть все идет через Центр и практически реальной власти российские Верховный Совет и правительство не имеют, продолжается линия диктата, линия, направленная на то, чтобы Россия не имела своего голоса и своего суверенитета.

Горбачев настаивал, что эти проблемы надо решать ПОСЛЕ подписания Союзного договора: давайте, мол, сначала подпишем договор, а потом уже будем решать проблемы России.

Достигли компромисса – договорились создать комиссии, которые бы четко

определили, как должны быть разделены функции между союзными и российскими структурами, как должна быть разделена собственность, использование национальных богатств, как решать другие подобные вопросы.

Эта работа должна вестись параллельно с подготовкой Союзного договора.

– Коротче говоря, – сказал Ельцин, – начинается тот процесс, который должен был начаться сразу после принятия российской Декларации (о государственном суверенитете. – **О.М.**) Союзные руководители никак не могли решиться на такой шаг, полагая, что возможно силовыми приемами или отменой наших постановлений и законов сделать так, чтобы Центр как был, так и остался хозяином положения. Но возврата к этому не будет, Россия пошла иным путем, и она пойдет в дальнейшем иным путем.

Ельцин требует для России три поста в союзном правительстве

Дальше разговор зашел о правительстве страны. Ельцин предложил Горбачеву тот вариант, о котором говорил депутатам в своем вызвавшем много шума выступлении 16 октября. Согласно этому предложению, речь должна идти, во-первых, о совершенно новой системе государственной власти и, во-вторых, о создании коалиционного правительства национального единства. В этом правительстве несколько должностей должны занять российские выдвиженцы. Как сказал депутатам Ельцин, на много должностей он до совета с ними, депутатами, не претендовал, но в предварительном порядке высказал пожелание, чтобы Россия имела право предложить кандидатуры на три правительственных поста – премьера, министра обороны и министра финансов.

Горбачев, по словам Ельцина, согласился с этим предложением.

Ну и договорились также о том, чтобы прекратить эту самую «войну законов» – взаимную отмену законодательных актов, указов, постановлений, – по крайней мере, свести ее к минимуму.

В разговоре с Горбачевым Ельцин также выразил недовольство тем, что Кремль подписывает какие-то международные соглашения, не ставя об этом в известность российское руководство, не разъясняя их смысл.

Такие претензии к Центру, наверное, могли бы высказать и все другие республики.

Помимо прочего, с Горбачевым удалось договориться о том, что Центр окажет содействие в создании Российского внешнеэкономического банка, о совместном контроле над денежной эмиссией, о четком разделении бюджета России и Союза, о создании Российской телерадиокомпании – на основе второго канала Центрального телевидения.

Ельцин напомнил Горбачеву, что у них уже был разговор по поводу того, что Россия должна получить «прямые выходы» во внешнеполитическую деятельность. Здесь они с Горбачевым также пришли к согласию.

О некоторых вещах договориться не получилось. О том, например, чтобы у Союза и России были разные налоговые системы, о том, чтобы были раскрыты закрытые статьи бюджета, – касающиеся Минобороны, КГБ и другие. Хотя разговор об этом Ельцин поднимал уже не в первый раз.

Ельцин посетовал на то, что после первой их встречи с Горбачевым (той самой, 27 июля) президент СССР сделал ряд шагов, не соответствующих тем договоренностям, которые были между ними тогда достигнуты. Надо полагать, и у Горбачева были аналогичные претензии к его собеседнику. Чтобы в дальнейшем избегать такого рода недоразумений, решили – в соответствии с той самой идеей Ельцина – ПОДПИСАТЬ ПРОТОКОЛ, где бы фиксировалось то, о чем договорились.

Ельцин заверил депутатов, что со своей стороны не допустил «ни единого отступления от принципов Декларации о суверенитете России».

О том же самом рассказывает Горбачев ...

Итак, о своей встрече с Горбачевым Ельцин подробно и весьма эмоционально (эмоции при пересказе я опустил) рассказал на сессии Верховного Совета РСФСР. Горбачев о том же самом сухо и коротко проинформировал участников совещания, состоявшегося у него 12 ноября. По его словам, Ельцин предъявил претензии: интересы России игнорируются. На это ему было сказано, что в отношениях внутри Союза участники политического процесса дошли до черты, за которой начинается развал. Ельцину было предложено ясно и четко заявить, что он – за Союз. Сам же Горбачев, по его словам, прямо сказал Ельцину: он убежден, что во внутренней политике нужно перенести акценты с вопросов суверенизации республик на вопрос о сохранении Союза.

Вот и все. Как видим, ситуация черно-белая. С точки зрения Горбачева, республиканские лидеры, прежде всего Ельцин, озабочены главным образом провозглашением и утверждением суверенитета своих республик. Что в результате станет с самим Союзом, их мало волнует...

На самом деле Ельцин не устал повторять, что он – за Союз. Однако Горбачев, видимо, не доверял этим словам.

Более подробно об этом разговоре с Ельциным Горбачев рассказал в своем докладе на сессии Верховного Совета СССР 16 ноября.

Он выразил недовольство тем, что этот «деловой разговор» Ельцин представил в сенсационном виде, «в виде каких-то ультимативных переговоров, чуть ли не так, что там был акт капитуляции» со стороны его, Горбачева. На самом деле никакой капитуляции ни с чьей стороны не было. По словам Горбачева, они с Ельциным прежде всего «обменялись мнениями о нынешней ситуации в стране... Было понимание, что обстановка требует решительных, далеко идущих действий». «В центре нашей беседы были вопросы, связанные с заключением Союзного договора». «Была обсуждена тема соотношения союзного и республиканского законодательства» (Прекратить «войну законов!»), «Был обсужден ряд вопросов, связанных с переходом к рынку».

В общем, в отличие от ельцинского эмоционального рассказа Горбачев изложил все лапидарно, пунктирно: никаких сенсаций, никаких капитуляций!

В заключение этой части своего доклада он попытался доказать, что союзное руководство не в меньшей степени выражает чаяния различных народов страны, чем руководство республик:

– Нам вообще не нужно противопоставлять руководство той или иной республики и Союза – будто одни, так сказать, больше выражают чьи-то интересы, а другие менее. Так сказать, менее русские, менее украинцы, менее узбеки, менее казахи и так далее. Политические руководители не могут стимулировать национализм, сепаратизм... Попытки же выдать себя за ортодоксальных выразителей чаяний того или иного народа, противопоставить таким путем Центр и республики неприемлемы...

ГОРБАЧЕВ – ЗА «МИРОВУЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ПЕРЕСТРОЙКУ»

Разногласия сохраняются. Причем глубокие

На встрече с деятелями культуры в конце ноября Горбачев в очередной раз коснулся вопроса о социализме – того самого, который пробороzdил между ним и многими демократами, в том числе и Ельциным. Несмотря на все насмешки по поводу того, сколько уже разнообразных эпитетов прилагалось к слову «социализм» – «развитой социализм», «зрелый социализм», «социализм с человеческим лицом», «реальный социализм», – Горбачев и его единомышленники придумали еще один: «гуманный, демократический социализм».

– Сколько мне, в том числе и недавно подписавшие обращение учредители «Московских новостей», говорят: перестаньте, президент, клясться, что вы привержены социализму. А почему я должен перестать? Это же мое глубокое убеждение. Не перестану, пока имею возможность говорить и делать все, чтобы это и было... Посмотрите, какой феномен. Люди, прошедшие через все, отвергнувшие сталинщину, казарменность, – за социализм! Социализм, значит, в народе сидит, в нас во всех сидит.

Еще бы не сидел, если десятилетиями вся мощь коммунистической пропаганды обрушивалась на головы этого самого народа, оболванивая его, вдавливая ему в голову единственную мысль: социализм и коммунизм – вот то, к чему вы должны стремиться, вот где ваше счастье!

Среди прочего, Горбачев в этом выступлении сказал, что он за рынок, но не за все, за что выступают сторонники рыночной экономики:

– Я, например, не приемлю частную собственность на землю – хоть что вы со мной делайте. Не приемлю. Аренда – хоть на сто лет, даже с правом продажи арендных прав, с наследованием. Да! А частную собственность с правом продажи земли – не приемлю. Это, кстати, традиция сельской общины, нашей сельской общины.

Как известно, против этой «традиции» выступал еще Столыпин, проводя свои реформы. В ней он видел один из главных тормозов для развития сельского хозяйства России.

И частная собственность на землю стала еще одним узлом противоречий между Горбачевым и Ельциным, который выступал за скорейшую земельную реформу, предполагавшую, в частности, приватизацию земли.

И вновь о рыночной экономике, о частной собственности вообще:

– ...Я, например, считаю, что в нашем конкретном обществе, как оно развивалось – сложилось, частная собственность не будет господствующей, народ не примет ее. Вот я исхожу из этого. Будет акционер, будет приватизация. Иногда говорят, что это вроде бы перейдет в частные руки. А я так понимаю приватизацию: это когда через аренду, а потом,

может, и совсем следует выкупить, СДЕЛАТЬ НАРОДНЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ. НАДО ОТДАТЬ ЛЮДЯМ ЭТУ СОБСТВЕННОСТЬ... (выделено мной. – **О.М.**) Наша задача – соединить социалистический подход с частным интересом, через модернизирование отношений собственности. И тогда у нас будет смешанная экономика: государственная собственность, собственность акционерного общества и т.д.

В общем, из этих речей следует, что если Михаил Сергеевич и был сторонником частной собственности, рыночных отношений, то очень робким, желающим все это принять в усеченном и ограниченном виде. Преданность «социалистической идее» сильно тормозила эволюцию его представлений о рыночной экономике.

Вместо «мировой революции» — «мировая перестройка»

Из частных высказываний Горбачева той поры явствовало, что он не просто за социализм (гуманный, демократический), но и за социализм – в мировом масштабе.

Это вызывало в памяти прежнюю утопическую идею большевиков о мировой революции («Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем...»), хотя Горбачев, разумеется, не это имел в виду.

Помощник Горбачева Георгий Шахназаров записал свой разговор с Горбачевым, состоявшийся 5 декабря 1990 года и продолженный 7 декабря. Оценивая тяжелую – в том числе и для него самого – обстановку в стране, Горбачев, тем не менее, выразил уверенность, что «главное дело нами сделано и назад пути уже нет». По словам Горбачева, теперь «вся проблема в том, насколько болезненно пойдет дальше».

Шахназаров в основном поддакивает шефу, впрочем, вставляя при этом некоторые предостережения и осторожно – подсказки.

«Шахназаров . Согласен с вами. «Историческая идея» ваша воплощена, процесс преобразования приобрел необратимый характер, но надо бы довести его до возможно большей зрелости. Иначе действительно могут быть различные потрясения. Примеров в истории много, когда ход реформ осложнялся донельзя, если реформатор по тем или иным причинам отстранялся от дела.

Горбачев. Это верно. Да я и не думаю складывать руки. Будем бороться до конца. Только я ни за что не встану на путь применения силовых методов, к которым многие меня сейчас подталкивают. Это был бы конец всему.

Шахназаров. Измена той самой идее, ради которой вы все начали?

Горбачев. Именно. К этому, к диктатуре, авторитаризму, меня никто не принудит. Лучше подам в отставку».

Хотя разговор происходит тет-а-тет, Горбачев, по-видимому, догадывается, что рано или поздно его слова попадут в печать (Шахназаров же их и предаст гласности), и его кредо – к силовым методам, к диктатуре, к авторитаризму его никто не принудит – останется в анналах истории.

Но Шахназаров снова услужливо подсказывает:

– А решительные меры под эгидой и с благословения Съезда, Верховного Совета? От них похоже не уйти.

Горбачев согласен:

– Это другое дело. Все должно быть в рамках законности и демократии. Ты ведь знаешь, Георгий, это для меня не просто слова, а твердое убеждение, жизненная идея, как вы, политологи, выражаетесь.

Вот так, есть «силовые методы», а есть «решительные действия». Горбачев против первых, но допускает вторые.

Между тем, как стало известно позже, примерно в это время, в декабре 1990-го, зам начальника Первого главного управления КГБ Жижин и помощник первого зама

председателя КГБ Егоров по указанию председателя КГБ Крючкова начали разработку плана по введению в стране чрезвычайного положения.

Наверное, какие-то элементы этих разработок будут использованы и в событиях, которые вскоре, в январе, развернутся в Прибалтике, и позже, в августе, в Москве. Знал ли Горбачев об этих мероприятиях внутри крючковского ведомства? Сие неизвестно. И от январских, и от августовских действий вроде бы подчиненных ему силовиков Горбачев отстранится. А с другой стороны, путчисты в будущем в свое оправдание станут упорно повторять, что в месяцы, предшествовавшие августовским событиям, Горбачев не однажды в узком кругу заводил речь о возможности введения в стране чрезвычайного положения и даже давал кое-кому соответствующие предварительные распоряжения.

7 декабря Шахназаров сообщил Горбачеву, что американский журнал «Тайм» назвал его «Человеком десятилетия». Реакция Горбачева была исполнена пафоса:

– Бери другой масштаб! Дело не во мне, но масштаб у этого дела (перестройки. – **О.М.**) вселенский. Ведь речь о том, что мы и страну перевернули, и Европа уже никогда не будет такой, какой была, и мир не вернется к старому. А новизна двоякая. Это – гуманный демократический социализм и общечеловеческая цивилизация. Так что наша новая революция оказалась и на сей раз не только национальной, российской, но и всемирной. По крайней мере, положили начало мировой перестройке.

Вот так. Раньше это называлось «мировая революция», теперь – «мировая перестройка». Хорошо хоть не кровавая, не «на горе всем буржуям».

Временами, как видим, у Горбачева прорывались поистине глобальные честолюбивые мечты. Хотя, если брать конкретно тот момент, это был момент для них совсем не подходящий. Страна была в тупике, перестройка, даже и в пределах Союза, явно пробуксовывала, надвигался голод – что ж тут замахиваться на мировой масштаб!

Единственное утешение для автора и инициатора перестройки – разве что вот это звание «Человек десятилетия», полученное от авторитетного журнала. Звание, полученное, конечно, вполне заслуженно: не было в мире в минувшие десять лет более значительной личности, чем Горбачев.

ПРОГРАММА ЕЛЬЦИНА – СОЮЗ С РЕСПУБЛИКАМИ В ОБХОД ЦЕНТРА

Ельцин налаживает «горизонтальные» связи

Разуверившись в Горбачеве, в том, что в союзе с ним можно провести какие-то серьезные преобразования в стране, Ельцин взялся за реализацию своей программы – за налаживание «горизонтальных», помимо Центра, связей с другими республиками.

19 ноября в Киеве он и Кравчук подписали Договор «о равноправном и взаимовыгодном сотрудничестве» между Россией и Украиной. Это был первый по-настоящему государственный договор между двумя республиками. «Высокие Договаривающиеся Стороны, – говорилось в документе, – признают друг друга суверенными государствами и заявляют об уважении территориальной целостности друг друга».

«Уважение территориальной целостности...» Это было особенно важно для Украины. Ряд ее территорий многие в России считали несправедливо отторгнутыми от земли российской. И вот Ельцин вроде бы легко отказывается от притязаний на эти территории. Не об этом тогда у него болела голова. Он искал надежных союзников в противостоянии Центру.

На совместной с Кравчуком пресс-конференции, состоявшейся в этот же день, Ельцин заявил, что о Союзном договоре, о котором денно и ночно хлопочет Горбачев, не может быть и речи до тех пор, пока не будут признаны суверенитеты республик (это он будет неизменно повторять и в дальнейшем).

Еще одно выступление Ельцина состоялось на заседании Верховной Рады. Здесь он также обрушился с критикой на концепцию Союзного договора. Ельцин вновь обвинил Горбачева в том, что он игнорирует декларации о суверенитете, с которыми выступают республики. По словам Ельцина, «призывы усмирить разбушевавшиеся республики, которые раздавались на последнем заседании Верховного Совета СССР, привели лишь к ухудшению положения в стране, и вина за это ляжет на руководство Союза». Он также заявил, что суверенитета нельзя добиться в одной отдельно взятой республике и призвал к консолидации в борьбе против Центра.

Выступая 20 ноября уже на сессии Российского парламента, Ельцин подтвердил свою генеральную линию на укрепление российского суверенитета и высказал идею о создании своего рода «славянской Антанты» – тройственного союза России, Украины и Белоруссии. Кроме того, он потребовал предоставить российскому руководству для работы, по крайней мере, часть Кремля. Требование вроде бы мелкое, техническое, однако Ельцин, по-видимому, считал, что такая дислокация опять-таки будет символизировать суверенитет России.

Далее – Казахстан, Белоруссия, Прибалтика...

21 ноября Ельцин, уже в Москве, подписал договор с Назарбаевым, с Казахстаном, аналогичный «украинскому». Оба лидера на последовавшей пресс-конференции

подчеркивали, что это договор – между двумя СУБЕРЕННЫМИ республиками (снова – «Высокие Договаривающиеся Стороны») и что оба они движимы намерением обновить государственное устройство СССР путем его преобразования в Союз суверенных государств через налаживание тесных связей «по горизонтали».

Как и в «украинском» договоре, в договоре с Казахстаном содержался пункт о признании территориальной целостности друг друга, то есть опять-таки о недопустимости каких-либо территориальных претензий друг к другу. Еще одна территориальная уступка Ельцина соседям. Как многие считают, Северный Казахстан, – без сомнения, российская территория. Тот же Солженицын в известной статье «Как нам обустроить Россию?» писал о Казахстане:

«Сегодняшняя огромная его территория нарезана была коммунистами без разума, как попада: если где кочевые стада раз в год проходят, – то и Казахстан. Да ведь в те годы считалось: это совсем неважно, где границы проводить, – еще немножко, вот-вот, и все нации сольются в одну. Проницательный Ильич-первый называл вопрос границ «даже десятистепенным». (Так – и Карабах отрезали к Азербайджану, какая разница – куда, в тот момент надо было угодить сердечному другу Советов – Турции.) Да до 1936 года Казахстан еще считался автономной республикой в РСФСР, потом возвели его в союзную. А составлен-то он – из южной Сибири, южного Приуралья, да пустынных центральных просторов, с тех пор преобразенных и восстроенных – русскими, зэками да ссыльными народами. И сегодня во всем раздутом Казахстане казахов – заметно меньше половины. Их сплотка, их устойчивая отечественная часть – это большая южная дуга областей, охватывающая с крайнего востока на запад почти до Каспия, действительно населенная преимущественно казахами...»

Для Ельцина, как и для «Ильича-первого», вопрос о границах был в тот момент «десятистепенным», хотя и по другим причинам, нежели для вождя мирового пролетариата: важно было, разделяясь, не допустить крови, не допустить гражданской войны.

Следующими партнерами России в этих «горизонтальных» договорных связях, как заявил Ельцин, будут Белоруссия и республики Прибалтики – с ними Россия подпишет договоры «в ближайшее время». Иными словами, четко выстраивалась линия на строительство некоей государственной союзной структуры в обход Центра.

Впрочем, еще до Украины, Казахстана и Белоруссии в договорные отношения с Россией, 22 сентября, вступила Молдавия.

С Белоруссией же договор был подписан не «в ближайшее время», а лишь спустя месяц, 18 декабря.

«Славянская Антанта» или что-то похожее на будущее СНГ?

В сущности, из слов и действий Ельцина в этот период можно было заключить, что он рассматривает два варианта преобразования Союза: либо создать «славянскую Антанту» плюс, скорее всего, Казахстан (тогда «Антанта», естественно, уже переставала быть славянской) и предложить другим республикам присоединяться к этой первоначальной структуре, либо просто, без всякой «Антанты», последовательно заключать двусторонние договоры со всеми республиками. Ясно, что по мере того, как число этих двусторонних договоров станет увеличиваться, будет все больше шансов создать Союз Суверенных Государств именно «снизу» – как его видят в республиках, а не «сверху» по плану Горбачева.

Какой именно из этих двух вариантов «выгорит», должно было стать ясно по мере развития политической ситуации. Думаю, в ту пору Ельцин и сам точно не знал, чему отдать предпочтение.

Опробывались разные варианты. В декабре 1990 года Ельцин, Кравчук, Шушкевич и Назарбаев подготовили четырехсторонний меморандум о том, что четыре союзные

республики создают Союз Суверенных Государств, признают Горбачева его президентом и приглашают все остальные республики присоединиться.

Однако несмотря на отведенную ему главенствующую роль (ясно, что этот реверанс в его сторону был сделан ради того, чтобы он не очень сопротивлялся) Горбачев с этим планом не согласился и опротестовал меморандум, не дал ему хода.

Как видим, это был явный шаг в направлении Беловежья. Этот меморандум, появившийся за год до Беловежских соглашений, в общем-то, остался незамеченным. Если бы его заметила пресса, если бы вокруг него поднялся шум, тогда и реальное Беловежское соглашение, заключенное год спустя, не оказалось бы для многих таким уж неожиданным, такой уж «импровизацией», как потом многие стали его называть.

О противостоянии Горбачева и Ельцина – напрямую

2 декабря «Московские новости» опубликовали беседу с Ельциным, где вопрос об их политическом и личностном противостоянии с Горбачевым ставился напрямую (правда, уже не в первый раз). Интервьюерами были главный редактор «Московских новостей» Егор Яковлев и ведущий политический обозреватель французского журнала «Пари-матч» М. Гоно. Вот фрагменты из этого интересного интервью:

«Яковлев. Взаимоотношение, а точнее, взаимодействие двух ключевых фигур нашей политической современности – Горбачева и Ельцина – стало не только предметом постоянного внимания общества, но и поводом для бесконечных пересудов. (Вы не раз говорили, что дело вовсе не в личных отношениях между Горбачевым и Ельциным. Согласиться в этом с вами я до конца не могу: момент личных отношений, несомненно, сказывается на решении даже глобальных проблем, причем в наших условиях – тем более). Реален или нет деловой и прочный союз между вами и президентом СССР именно сегодня, несмотря на то, что сумма противоречий между вами остается, как мне кажется, величиной постоянной?

Ельцин. Я тоже считаю, что личностное начало имеет немалое значение в политике. А говорил я о том, что, понимая все сложности данного момента, стараюсь быть свободным от всего негативного, что было в наших отношениях с Горбачевым, чтобы это не бросало тень на наши деловые отношения. Эту линию я продолжаю. Наши две последние встречи – каждая почти по пять часов – внесли какой-то прогресс в наши контакты (надо полагать, имеется в виду июльская встреча, где договорились о программе «500 дней» и встреча 11 ноября. – **О.М.**) Но трудностей еще много. Мне, конечно, неудобно обвинять президента, тем не менее после нашей первой встречи он не выполнил ряд обещаний, договоренностей, что, разумеется, не способствовало укреплению взаимодоверия. Поэтому на недавней второй встрече мы договорились протокольно оформить и вопросы, которые поднимались, и наши договоренности.

Яковлев. Каков же прогноз ваших взаимоотношений?

Ельцин. Допущены серьезные ошибки, которые не способствуют нашему взаимопониманию... Мне, наверное, легче говорить об ошибках той стороны...

Яковлев. И Горбачеву тоже: он говорит исключительно о ваших ошибках... Честно говоря, Борис Николаевич, мы все устали от сложностей ваших отношений с президентом. А вы сами от этого не устали?

Ельцин. Устал. И уже давно. Еще пять лет назад.

Гоно. Порой оказывается трудно понять, кто из вас кошка, а кто мышка. Во всяком случае, людям Запада в этом очень не просто разобраться.

Яковлев. Для президента естественна роль кошки, и он чувствует себя некомфортно, когда оказывается в иной роли.

Ельцин. Я совершенно искренен, когда говорю, что не стремлюсь и не пытаюсь его

«съесть». Я заявил об этом и Горбачеву, поскольку не претендую на роль президента СССР. Нет и еще раз нет. Более того, я сказал Горбачеву: если на прямых всенародных выборах президента он предложит мне выставить свою кандидатуру как альтернативную, я категорически откажусь. А постоянные заявления о том, что кто-то рвется к власти – всегда «кто-то», всегда «какие-то силы» – это нечто мифическое... Возвращаясь же к прогнозу наших отношений, о которых вы спрашиваете, могу сказать, что мы движемся вперед, хотя и преодолевая всякий раз рифы. И впереди их немало».

Далее Ельцин перечисляет главные «рифмы»: разногласия с Горбачевым по содержанию Союзного договора и сроках его подписания, по признанию союзными властями Декларации о государственном суверенитете России, по разделению функций и собственности между союзным и российским правительствами...

«Яковлев. Россия подписала соглашения с Украиной, с Казахстаном. Реализуется идея горизонтальных договоров, которую вы предложили... Как мне представляется, Центр ни разу не высказывал своего отношения к горизонтальным связям. Чем объясняется молчание?

Ельцин. Президент говорит: вы же не можете меня заподозрить в том, что я хочу удержать существующую жесткую систему? А я отвечаю: именно вас я в этом и подозреваю. Что касается горизонтальных связей, то со стороны Центра одобрения слышать не приходилось. Правда, и критики пока нет, но думаю, что за этим дело не станет.

Яковлев. Центр переживает кризис власти, если не исполнительный паралич. Поправить дело стремятся путем создания жестких структур – от президента и донизу. При этом все больше отодвигается парламент, другие демократические институты.

Ельцин. И республики...

Яковлев. Сегодня вошло в моду критиковать Горбачева. Ельцин на его фоне представляется лидером весьма радикальным. Тем не менее, я думаю, что очень скоро станет нарастать критика и в ваш адрес: ожидания общества всегда выше того, что удастся сделать. К тому же в силу чрезвычайных обстоятельств вам придется принимать непопулярные решения, которые тоже не будут способствовать вашему имиджу. Готовы вы к этому?

Ельцин. Очевидно, так и будет. Хотя, проехав пол-России, я говорил на встречах: дайте новому Верховному Совету России, новому руководству кредит доверия на два года для стабилизации экономики, тогда третий год станет временем повышения жизненного уровня. Если мы не выполним это, то можете нас свергать, да мы и сами уйдем... Сейчас, кажется, удастся в какой-то мере решить наиболее острые проблемы продовольствия. Но падение еще какое-то время будет продолжаться. И если все останется в сегодняшнем состоянии, то волна недовольства всех захлестнет – и Горбачева, и Ельцина. Это может начаться к весне. Тогда придется действовать более решительно. Если бы Союз нам не связывал руки, можно было бы сделать значительно больше. Из-за той же экономической программы мы потеряли три месяца...»

Под экономической программой, борьба вокруг которой привела к непоправимой, драматической потере времени, Ельцин, надо полагать, имел в виду все ту же проваленную Горбачевым программу «500 дней».

Россия – за Союз!

Как бы отвечая на обращенное к нему пожелание Горбачева четко заявить, что он – за Союз, Ельцин, видимо, решил уже предельно ясно изложить свою позицию по этому вопросу, – за какой именно Союз он выступает, – чтобы ни у кого больше не было никаких недоумений и сомнений по этому поводу. Сделал он это 11 декабря, выступая на Съезде народных депутатов России.

– Скажу твердо и определенно, – заявил Ельцин, – Россия – за Союз. За Союз, основанный не на унитарных принципах, а на действительно свободном волеизъявлении

каждой республики, на равноправии. Мы за Союз, в котором не будет привилегий, не будет главных и второстепенных народов. Мы за Союз, потому что он обеспечивает сохранение общего экономического пространства, дает его участникам особый, максимально благоприятный режим для экономических взаимоотношений друг с другом.

Здесь, как видим, определенно проступает «экономический крен» в аргументах за Союз. Экономические аргументы вскоре станут главными и у других республик. Главное – сохранить целостность экономического пространства, а политические пути, связывающие республики с Центром, никому не нужны, они только мешают, только душат.

При этом, по словам Ельцина, он убежден: Союзный договор **ДОЛЖЕН БЫТЬ СОЗДАН САМИМИ РЕСПУБЛИКАМИ**. Это дело требует серьезной подготовки. Между тем, Центр проявляет здесь излишнюю торопливость, стремится форсировать подписание договора. Предлагается документ, который в течение двух месяцев – это требуется почти ультимативно – должен быть одобрен и подписан.

– Было бы непростительной ошибкой, – продолжал Ельцин, – если поспешность в подписании договора оставила бы за бортом Союза те республики, которые просто не успели сделать свой выбор, те, чьи обоснованные требования не были учтены и приняты. Не все республики выразили желание участвовать в Союзном договоре, и силой их не заставишь. Времена эти прошли. Возможно, следовало бы предусмотреть разные условия вхождения в Союз, дать возможность участия в определенных сферах, где есть обоюдная заинтересованность, предусмотреть подписание договора не сразу, а по частям и т. д. Скажем, сначала экономический союз.

Здесь, кажется, впервые зашел разговор о том, что не следует всех тащить в Союз на одинаковых условиях. Одни вообще идти туда не хотят, уже и отделились, другие готовы войти в него, но с какими-то оговорками... В дальнейшем такой подход станет все более укрепляться.

Что будет с Россией?

Далее Ельцин вступил на зыбкую, болотистую почву разговора о суверенитете внутрироссийских территорий. Трясинную опасность этой теме он сам отчасти придал своим не очень обдуманым разрешением: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить».

– Всем нам следует помнить, – сказал Ельцин, – что самоопределение не сводится только к принятию постановления или декларации. Эти документы свидетельствуют скорее о намерениях, они только закладывают правовой фундамент суверенности... Суверенитет будет по-настоящему принят всеми народами только тогда, когда обеспечит лучшую и более спокойную жизнь каждому.

По словам Ельцина, в ходе подготовки Союзного договора России надо пройти несколько важных этапов: во-первых, определить, каким должно быть ее государственное устройство, каким должен быть статус автономий, статус народов, не имеющих своих государственных образований, тем более, что в их числе оказался и русский народ, давший имя всей республике; во-вторых, подготовить, обсудить и подписать Федеративный договор, – правовую основу российского государства; в-третьих, принять Конституцию Российской Федерации.

Вот эти три ключевые проблемы, по мнению Ельцина, России надо решить до того, как подписывать Союзный договор.

Как видим, проблемы тяжелые. Желание Ельцина поставить их впереди Союзного договора в самом деле отодвигали его подписание на неопределенный срок.

Не надо торопиться!

Далее Ельцин снова возвращается к идее, что Союзный договор должны подготовить сами республики, а не Центр.

– Новый Союзный договор, к которому, уверен, придут республики... должен отсечь старую модель Союза, не позволить в новых условиях возродиться тоталитаризму. Важно преодолеть унитарные подходы в политике Центра. Пора начать, наконец, доверять республикам...

По словам Ельцина, Центр по-прежнему стремится играть доминирующую властную роль в республиках. Больше всех от этого страдает Россия. В ней Центр традиционно занимал самые мощные позиции. До сих пор официально не признан суверенитет Российской Федерации, не проведено разделение собственности, компетенции...

– Как же мы можем, учитывая все это, форсировать подписание договора? – задал Ельцин недоуменный вопрос.

Ельцин категорически отверг обвинение, что Россия разваливает Союз: за прошедшие месяцы ни Верховный Совет, ни правительство республики не предприняло ни одного шага в сторону обострения отношений с какой-либо республикой Союза. У России добрые, стабильные отношения со всеми республиками Союза, и она намерена всячески укреплять их.

Здесь Ельцин лукавил: когда его упрекали, что он стремится развалить Союз, разумеется, имели в виду не обострение отношений с другими республиками – они-то как раз действительно укрепились, – а обострение отношений с Центром. Он и сам это прекрасно понимает:

– Да, все это время мы занимали довольно жесткую позицию по отношению к Центру. Жесткость эта была обусловлена прежде всего нашим стремлением выйти, наконец, на конструктивный диалог с союзным руководством. Мы вынуждены были проявлять жесткость и принципиальность, когда просто душили нашу инициативу, когда со стороны Центра было откровенное нежелание действовать, решать крайне запущенные проблемы. Когда игнорировали уже достигнутые договоренности, совместно выработанные условия, просто мешали работать.

При этом целью российского руководства, даже в самые сложные моменты, было выйти на диалог с Центром, диалог во имя России, во имя сохранения и укрепления Союза.

– Мы однозначно против Союза за счет интересов России, – сказал в заключение Ельцин, – мы против Союза, в жертву которому снова хотят принести Россию. И поэтому мы не можем принять такой проект договора... Вот наша позиция. И, думаю, такова позиция всех республик. Мы должны включить в этот перечень и принцип добровольности вхождения в Союз, и необходимость четких гарантий выполнения принятой нами Декларации о суверенитете России в условиях нового Союза. Поднимался вопрос и о возможности исключения того или иного государства из Союза. Говорили о необходимости пересмотра границ как важнейшего условия заключения нового Союзного договора и т.д... Недопустимо ставить рекорды скорости при обсуждении вопроса, от которого зависит судьба ста пятидесяти миллионов человек. Хотя бы сейчас нам нужно извлечь уроки из прошлого. Ведь многие национальные конфликты в СССР имеют в своей основе стремление решить сложнейшие вопросы в угоду сиюминутным политическим настроениям. Считаю, мы не имеем на это права.

Ельцин посетовал на то, что проект Союзного договора напечатан, дескать, накануне Съезда. Россияне только начали знакомиться с ним. Первые оценки появились, когда Съезд уже шел, оценки различные. И в этой ситуации «нам предлагают закрыть тему». Ельцин убежден, что делать это рано.

В действительности проект Союзного договора был опубликован 24 ноября. С того дня минуло уже две с половиной недели. И дело, конечно, было не в том, что с момента

публикации прошел слишком малый срок, а в том, что этот проект для Ельцина – да и не только для него, – был в принципе неприемлем.

Горбачев дает отпор «сепаратистам»

В этот же день, 11 декабря, «Известия» опубликовали выступление Горбачева на пленуме ЦК КПСС, где он опять вступал в заочную перепалку с Ельциным. Все по тем же пунктам: полномочия Центра и республик, что важнее – политические или экономические связи, межреспубликанские соглашения или Союзный договор.

Позиция президента по первому пункту:

– ...Ошибочные подходы идут иногда от недостаточно глубокого понимания диалектики общего и частного. Смысл формулы: сильные республики – сильный Центр, в том, что за Союзом должен быть сохранен достаточно широкий круг полномочий, чтобы он мог выполнять свои функции и быть полезным республикам. И принципиально важно, что эти полномочия будут осуществляться представителями тех же республик, делегированными в союзные органы.

«Диалектика общего и частного...» Тут Горбачев, окончивший один из гуманитарных (юридический) факультетов МГУ, как бы демонстрирует свое теоретическое превосходство над Ельциным, инженером-строителем по образованию.

«Полномочия Центра будут осуществляться представителями тех же республик, делегированными в союзные органы...» Брошена конфетка республикам, чтобы они не шибко сопротивлялись против сильной роли Центра.

Позиция Горбачева по второму пункту:

– Есть и такое суждение: давайте сохраним экономические связи, обойдемся без политического союза. Но, выступая с таким предложением, надо трезво оценить все неизбежные последствия этого шага и честно сказать об этом народу. Обо всем этом надо говорить в полный голос. Люди не должны оказаться обманутыми. Ведь то, что выгодно группе сепаратистов, пагубно для большинства трудящихся.

Как легко опрокинуть доводы оппонентов: приклеить им ярлык «сепаратисты» и – дело сделано.

По третьему пункту:

– Есть также точка зрения, согласно которой сейчас главное – межреспубликанские соглашения. Спора нет, это может способствовать развитию сотрудничества республик и тем самым укрепит материальную базу многосторонних связей. Но только в том случае, если эти соглашения не имеют в виду противопоставить Союзному договору и общесоюзному рынку и, тем более, заменить их.

Ельцин, другие республиканские лидеры как раз и считали, что в основе Союзного договора и общесоюзного рынка должны лежать эти самые межреспубликанские связи, при минимальном, координирующем, участии Центра.

У Ельцина начинаются проблемы с «собственным» парламентом

Помимо того, что Ельцину приходилось вести войну с горбачевским Центром, перед ним все более угрожающе разворачивалась еще одна линия фронта – линия противостояния с «собственным», российским, парламентом, который он возглавлял. Точнее – с весьма значительной коммуно-«патриотической» его частью. Ничего удивительного в этом не было: достаточно вспомнить, с каким трудом в мае на выборах спикера Ельцин одолел (почти одолел) Полозкова, самую реакционную в то время фигуру партноменклатуры, да и вообще, с

каким незначительным перевесом в голосах был избран (позднее коммунистическое начальство заменило Полозкова на Власова). Поклонники Полозкова, явные и скрытые, никуда не делись. Хотя опора Ельцина депутатская группа «Демократическая Россия» по численности несколько превышала противостоящих ему «Коммунистов России» – 370 депутатов против 360, – к «коммунистам» примыкала еще одна антиельцинская группа – «Россия», около сотни членов. Так что вместе они уже составляли на съезде простое большинство. В дальнейшем коммуно-«патриотам» удастся набрать и квалифицированное большинство – две трети депутатов и более, – позволяющее принимать или отменять конституционные законы. Борьба Ельцина, который к тому времени делается президентом России, с этой оппозицией будет становиться все более ожесточенной и закончится, по сути, кратковременной гражданской войной 3 – 4 октября 1993 года.

Пока до этого еще далеко, но война, повторяю, началась. На II внеочередном Съезде российский нардепов, проходившем с 27 ноября по 15 декабря 1990 года был провален ряд предложений Ельцина, в том числе предложение о негативном отношении к проекту Союзного договора, который Горбачев вынес на обсуждение.

Позиция Ельцина нам известна: Союзный договор должен исходить от республик, строиться на основе двусторонних договоров между ними; ни о каком Союзном договоре не может быть речи, пока Центр не признает суверенитеты республик.

– Мы против Союза, в жертву которому вновь хотят принести Россию, – заявил Ельцин. – И поэтому мы не можем принять такой проект договора, в котором содержится хоть малая возможность этого.

Однако Съезд принял значительно более мягкое, обтекаемое постановление, в духе которого Ельцину и надлежало действовать. В нем говорилось, что России следует «принять участие в разработке проекта нового Союзного договора на основе постановления первого Съезда народных депутатов РСФСР «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР (Основа нового Союзного договора)»..., а также проекта Союзного договора, предложенного Верховным Советом СССР».

Однако Ельцин не собирается следовать этому наказу.

ТРЕБУЮТ «ТВЕРДОЙ ВЛАСТИ»

На трибуне – коммунистическая фанатичка

С 17 по 27 декабря в Москве проходил IV Съезд народных депутатов СССР. Начался он с неожиданной выходки оголтелых коммунистических ультрареакционеров из группы «Союз». На трибуну вышла член этой группы Сажи Умалатова, получившая к тому времени известность благодаря своим истеричным коммунистическо-фундаменталистским речам, и потребовала внести в повестку дня съезда первым вопросом объявление вотума недоверия президенту Горбачеву.

Предложение, естественно, не прошло, хотя за него проголосовало довольно много депутатов – около четырехсот. Причем «за» голосовали не только «правые», но и «левые», в том числе и некоторые члены Межрегиональной депутатской группы.

Ельцин, Попов, Станкевич, другие члены МДГ голосовали против.

Через два месяца, после прибалтийских событий, после общего очевидного сдвига Горбачева вправо Ельцин сам потребует отставки президента...

Горбачев вводит «президентскую форму правления»

Главные вопросы съезда – «восстановление в стране порядка» через усиление

государственной власти и обсуждение все той же концепции Союзного договора.

17-го на съезде с докладом выступил Горбачев.

– Самое необходимое сейчас для преодоления кризиса, – сказал он, – восстановить в стране порядок. Это упирается в вопрос о власти. Будут твердая власть, дисциплина, контроль за исполнением решений, тогда сумеем наладить и продовольственное снабжение, накинуть аркан на преступников, остановить межнациональную вражду.

Порядок и твердая власть, конечно, нужны. Но за десятилетия Советской власти они ничего не решили – ни нормального продовольственного снабжения не обеспечили, ни преступность не побороли... Горбачев тут становится на привычный бюрократический путь решения наиболее важных проблем вместо того, чтобы предлагать и предпринимать радикальные экономические, политические, социальные реформы. Оно и понятно: в конце концов, он плоть от плоти бюрократической коммунистической системы.

Горбачев предлагает ввести «президентскую форму правления». Это не совсем то, что называется «прямым президентским правлением», когда в условиях чрезвычайного положения отменяются все виды местной власти и всем начинает править непосредственно президент из Москвы. Этим тогда постоянно пугали всякого рода «смутьянов», прежде всего в Прибалтике. Президентская форма правления, которую предлагает Горбачев, – нечто иное. При новой схеме управления, президент, который является главой государства, будет непосредственно руководить Кабинетом Министров, координировать деятельность всех высших органов власти. Таким образом, вместо как бы самостоятельного правительства, Совета Министров, образуется «исполнительный аппарат президентской власти», нарекаемый Кабинетом Министров.

Еще одно нововведение – Горбачев предложил ввести пост вице-президента (Ох, уж эти вице-президенты! Одну тошноту сейчас вызывает упоминание этого слова – вице-президент).

– В такой многосложной стране, как наша, – сказал Горбачев, – диапазон задач президента огромен, особенно сейчас, в переходный период (достанется ему от Ельцина за этот «огромный диапазон задач», который он на себя взвалил. – **О.М.**) И важно, чтобы рядом с ним работал вице-президент, имеющий свои собственные обязанности и одновременно выполняющий конкретные поручения президента.

Центр не знает, куда вести страну

19 декабря на съезде выступил и Ельцин. Его выступление было резко антигорбачевским.

– Нужно откровенно признать, – сказал Ельцин, – союзное руководство сегодня не имеет четкого политического курса на обновление страны. Все его действия носят характер импровизации, нереагирования на возникающие обстоятельства, бесконечного лавирования.

Но за этой вроде бы импровизацией, по словам Ельцина, стоит жесткая политическая логика: Центр стремится не допустить реального суверенитета республик, саботировать радикальные реформы. Так называемая революция сверху закончилась. Кремль перестал быть инициатором обновления страны и активным проводником нового. Процессы обновления, которые Центр пытается заблокировать, переместились в республики. Выявилась реальная возможность начать радикальные преобразования именно в республиках. Потому-то провозглашаемый ими суверенитет встречает бешеное сопротивление Центра.

Досталось от Ельцина и самому Горбачеву. По словам председателя российского парламента, союзное руководство проводит значительную перегруппировку сил, чтобы любой ценой удержать свои прежние позиции неограниченного хозяина всех республик, неограниченными полномочиями наделяется президент страны – такого объема

законодательно оформленной власти не имели ни Сталин, ни Брежнев; крайне опасно, что президентская власть у нас формируется под личные качества и гарантии одного конкретного человека, фактически Центр стремится создать неограниченный авторитарный режим, что может привести в конечном счете к любому произволу, как бы оправданному Конституцией. Союзное руководство игнорирует декларации о суверенитете, усиливает неприкрытое вмешательство в дела союзных республик, в сферу их компетенции, опираясь при этом на самые консервативные силы.

– Убежден, – продолжал Ельцин, – что путь, избранный союзным руководством, ведет в тупик. Ужесточение позиций центра по отношению к республикам будет лишь стимулировать отрицательную ответную реакцию. Кнут уже перестал быть реальным фактором во внутренней политике, а Союз уже, кажется, потерял в результате такой политики давления минимум шесть республик. Объективные процессы невозможно остановить силой.

Как выйти из кризиса

Как полагает Ельцин, можно было бы обсуждать проблему усиления Центра, если бы у него были бы хоть какие-то конструктивные предложения. Но их нет. Нет ни у президента, ни у правительства. Был путь – «программа Явлинского» (то есть Шаталина – Явлинского, «500 дней»), которая экономически объединила бы и республики. В программе был конкретный контроль по дням со стороны народа за действиями руководства, а при провале оно впервые в нашей истории отвечало бы перед народом «при своей жизни». Эта программа была признана, в том числе и президентом, но затем – отброшена. Парламенты и народ оказались обманутыми. Потеряно было три месяца.

Ельцин предложил несколько пунктов выхода из кризиса.

Первое – в Союзе наконец должен быть создан режим наибольшего благоприятствования для республик. Для этого необходимо прежде всего признать их суверенитет. Только республики должны решать, какая структура Центра им нужна и какие функции он должен выполнять.

Второе – необходимо, чтобы союзное руководство «решительно и навсегда» отказалось вмешиваться во внутренние дела республик без их согласия.

Третье – нужно в кратчайшие сроки принять решения о разделе полномочий и собственности между республиками и Союзом. При этом диктовать условия должны республики. Затем надо начинать работу над Союзным договором или вести это дело параллельно.

Четвертое – союзное руководство должно активно содействовать подписанию договоров между республиками. Именно они станут основой нового Союзного договора, а не спускание инструкций сверху. Время команд из Кремля прошло. Республики уже не боятся грозных окриков. И никакой указ, даже самый жесткий, не будет действовать, если для его выполнения нужно приносить в жертву интересы республики. Главное для Центра теперь – не мешать, не ревновать, не блокировать инициативу республик, а помогать им. Только на такой основе можно сегодня стабилизировать обстановку, выйти из кризиса и построить новый Союз Суверенных Государств.

Как видим, по части того, как следует вести работу над Союзным договором, Ельцин прямо отступил от тех установок, которые дал ему российский Съезд, оставшись верным собственным представлениям на этот счет.

Горбачева защищают

Впрочем, нельзя сказать, что все выступления в прениях были антигорбачевскими. Были и в его поддержку, с критикой «парада суверенитетов»:

Депутат Рябков:

– ...Мы объявили суверенитеты на всех уровнях. И это действительно благо, это – формы демократической жизни. Но чем оборачиваются суверенитеты? Они оборачиваются тем, что во многих случаях... в республиках, регионах создаются мелкие тоталитарные режимы... И вот это страшно и опасно.

(Сегодня, спустя два с лишним десятилетия, мы не можем не признать справедливость этих слов: в ряде бывших союзных республик действительно утвердились «мелкие тоталитарные режимы»).

Досталось и Ельцину. Депутат Супрунов:

– Мне как-то неловко от решительности и твердости, прозвучавших в сегодняшнем заявлении Ельцина. Его выступление я понял так: он опирается на мнение жителей России и, будучи главой Верховного Совета РСФСР, как шагаль, так и будет шагать. Причем говорит о том, что за Союз, но все делает наоборот. Как мне кажется, мнение присутствующих здесь россиян, депутатов, избранных теми же избирателями и приехавших сюда выполнять волю трудовых коллективов, он особо не учитывал.

Депутат Романов:

– ...Прибалтийские республики рассчитывают на то, что они на сепаратистской основе могут договориться с тем же Ельциным. Но, товарищи, Ельцин – это не Россия, и Верховный Совет России – это тоже не Россия. Россия – это миллионы жителей РСФСР, Россия – это же десятки миллионов людей, которые живут за пределами РСФСР... РСФСР – ядро реально существующего Советского Союза. Россия не может ни уйти, ни прийти в Советский Союз. Это костяк Советского Союза.

Как видим, разлитое море демагогии. Тут и сепаратные договоры Прибалтики с Ельциным... И Россия – это не Ельцин и даже не российский Верховный Совет, Россия – это миллионы людей внутри РСФСР и за ее пределами... И Россия не может ни выйти из Советского Союза, ни войти в него... Поди попробуй понять, что человек хочет сказать. Но вроде бы тоже что-то говорит в обличие Ельцина.

После прений вновь выступил Горбачев. Как писала «Российская газета», его выступление было «растерянно жестким». Президент говорил «от имени народа страны» и фактически выразил недоверие законно избранному руководству республик. Защищал Центр и его позиции, клеймил «популизм с гнилыми корнями».

Союз трещит по швам

Проект Союзного договора представил председатель Совета Национальностей союзного парламента Рафик Нишанов. Впрочем, к этому времени проект, как известно, уже был опубликован, и республики могли заранее составить о нем своё мнение. Многие из них заявили, что принципиально с ним не согласны и подписывать его не будут.

Да и присутствовали на съезде далеко не все. Не было делегаций Литвы и Армении. Покинуло съезд большинство делегатов Молдавии – в знак протеста против участия в его работе представителей самопровозглашенных республик – Гагаузии и Приднестровья. О том, что не будут участвовать в обсуждении и подписании договора, заявили парламенты Грузии, Латвии, Эстонии. Короче говоря, при обсуждении проекта Союзного договора Советский Союз был представлен в весьма усеченном виде.

Но даже и при усеченном составе съезда проект договора встретил немало резкой критики. Особенно часто звучали все те же два наиболее популярных среди республик тезиса: не Центр должен определять свои полномочия, а республики должны ему их делегировать, это первое, и второе – прежде всего надо заключить экономические

соглашения между республиками, соглашения «по горизонтали», а уж потом думать о политическом обустройстве Союза.

Шеварднадзе предупреждает...

Однако 20 декабря на съезде произошло некое событие вне всякой повестки дня. С неожиданным сенсационным заявлением выступил союзный министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе.

– Для меня это самое тяжелое выступление в жизни, – сказал он. – В последнее время определенные люди ставят под сомнение все успехи внешней политики страны, ведется травля в газетах. Битва реформаторов и реакционеров происходила и на последнем съезде КПСС – тогда победили реформаторы. А сейчас наступает диктатура, заявляю это со всей ответственностью. Никто не знает, какая это будет диктатура, что за диктатор придет и какие будут порядки.

Шеварднадзе заявил, что он уходит в отставку с поста министра иностранных дел:

– Пусть это будет моим протестом против наступления диктатуры. Я не могу примириться с теми событиями, которые происходят в стране. Я верю, что диктатура не пройдет, что будущее за демократией и свободой.

Это выступление не только вызвало шок среди депутатов, но и потрясло многих в стране.

Что стояло за этим заявлением? С какой стороны Шеварднадзе почувствовал смрадное дыхание наступающей диктатуры? Сам он не стал тогда распространяться об этом. Возможно, он ощутил, что Горбачев начинает прогибаться под натиском черносотенного крыла КПСС (вспомним его слова, сказанные в беседе с Шахназаровым, что он против «силовых методов», но допускает «решительные действия»). Не исключено, что и сам Шеварднадзе ощутил на себе давление черной сотни – давление, которому он уже не в силах был противостоять. Среди таких черносотенных группировок тогда числилась парламентская группа «Союз», которую возглавляли «черные полковники» Алкснис, Петрушенко, в которую входила та же самая фанатично-истеричная Сажи Умалатова, другие коммунистические фундаменталисты... Они сами не раз публично хвастались, что сняли со своего поста министра внутренних дел Вадима Бакатина. И вот теперь как бы настала очередь Шеварднадзе.

К теме угрозы диктатуры выступавшие возвращались не раз в последующие дни работы съезда. Анатолий Собчак заявил в своем выступлении, что в стране вообще разворачивается кампания по дискредитации демократического варианта развития общества. По его словам, опасность диктатуры действительно реальна, диктатор может иметь любую фамилию, но настоящее его имя – номенклатура.

Подробно говорили об отставке Шеварднадзе и в кулуарах съезда. Причины ее назывались разные, но главная, как считали многие, – двуличие президента по отношению к министру иностранных дел. Например, уже несколько месяцев идут разговоры, что на министерском посту его вот-вот заменит Примаков. На эту мысль, в частности, наталкивает то обстоятельство, что этот деятель был послан с миссией на Ближний Восток даже без уведомления действующего министра иностранных дел. Горбачев не счел нужным разъяснить этот в каком-то смысле оскорбительно-пренебрежительный акт. Не защитил он министра и от наглых атак Алкснисов-Петрушенок.

Сам Горбачев заявил, что решение Шеварднадзе стало для него неожиданностью. Он упрекнул своего соратника: дескать, тот своим поступком поставил под сомнение весь курс на перестройку, а между тем ему готовился второй пост в исполнительной власти – пост вице-президента.

Если это действительно так, если бы вице-президентом действительно стал

Шеварднадзе, а не Янаев, у гэкачепистов в августе 1991-го могли бы возникнуть проблемы... Кого бы они назначили и.о. президента? По Конституции в той придуманной ими ситуации Горбачева мог заменить только «вице». Больным пришлось бы объявлять и второе лицо в государстве. Не слишком ли много больных? Да нет, пожалуй, вообще пришлось бы изменять сценарий, отказываться от версии горбачевского заболевания. А это уже был бы ничем не прикрытый военный переворот...

Реагируя на неожиданное выступление Шеварднадзе, Горбачев также уверил Съезд, что не располагает информацией о каком-то заговоре, о грядущем установлении какой-то диктатуры. Президент отверг такую возможность.

Впрочем, не всех его слова убедили. Кое-кто подумал, что к заговору может быть причастен и сам Горбачев, пусть даже не как главное действующее лицо. «Российская газета» писала в те дни:

«В нынешнем лидере страны диктатора мало кто предполагает. Но наша история полна примерами быстрой смены лидера. Может прийти другой, и он выполнит какую-нибудь «историческую миссию». Гарантий от этого практически нет».

Он предупреждал о готовящемся путче

Что на самом деле стояло за демаршем Шеварднадзе? Сам он позднее уверял, что предупреждал именно о подготовке путча. Так, в интервью телеканалу «Киев» 10 октября 2008 года (возможно, были и другие, более ранние, его выступления аналогичного содержания), объясняя, почему он, министр иностранных дел, знал то, чего не знал даже президент, Шеварднадзе сказал:

– Понимаете, у меня было много очень осведомленных сотрудников и знакомых (по-видимому, имелись в виду сотрудники МИДа, одновременно находившиеся на службе в лубянском ведомстве. – **О.М.**) Ведь как, допустим, готовили людей в КГБ? Присмотрев грамотных, умных ребят в средней школе, с ними начиная с восьмого-десятого класса уже работали: они выросли, оканчивали Дипломатическую академию и становились агентами. Эти интеллектуалы буквально всё знали, поэтому у меня было больше информации, чем у Горбачева. Горбачев, допуская, о путче не ведал, но я-то был в курсе и, когда подал в отставку, сделал известное предупреждение.

Если быть точным, он сначала заявил об угрозе установления диктатуры и лишь потом – об отставке. Но это, разумеется, несущественно.

Непонятно все же, почему Шеварднадзе, располагая такой важнейшей информацией, не прибег к самым эффективным способам противодействия – не передал эту информацию лично Горбачеву, с упоминанием конкретики (фамилий, намечаемых сроков переворота и т.д.), а выступил публично и довольно неопределенно.

Подозреваю, ничего конкретного он все же не знал, знал обо всем лишь приблизительно, больше догадывался...

Вместо договора – постановление

Хотя выступление Шеварднадзе всех взбудоражило, продолжалась и дискуссия о проекте Союзного договора.

«Российская газета» так писала об итогах обсуждения:

«Если суммировать все сказанное в прениях по проекту Союзного договора, а главное, суммировать весомость аргументов «за» и «против», то вывод будет однозначным – предложенный проект неприемлем».

Тем не менее, в выступлении председателя Совета Национальностей союзного парламента Рафика Нишанова, который подвел итог дискуссии, прозвучало скорее обратное: он расценил ее «как плодотворную, конструктивную, с большим продвижением вперед».

– Полезным было многообразие взглядов, позиций, – сказал Нишанов. – Работа над проектом в основном завершена, в субботу он будет роздан делегатам, а в понедельник документ можно и принять.

Рафик Нишанович был известен как человек, для которого главным было – подавать все в максимально обтекаемой и оптимистичной форме, обходя какие бы то ни было острые углы.

Однако проект Союзного договора так и не был принят – ни в понедельник, как планировал Нишанов, ни во вторник, ни в среду... Союзному договору предстояла еще долгая и трудная судьба.

Вместо Союзного договора было принято постановление об общей концепции этого договора и порядке его заключения. В нем говорилось, что обновленный Союз должен быть основан на волеизъявлении самих народов.

Чтобы выявить эту волю, Съезд, по предложению Горбачева, решил провести всесоюзный референдум – спросить трудящихся, желают ли они жить в этом самом едином обновленном Союзе или им хочется чего-то другого.

Съезд избрал также (правда, лишь со второй попытки) вице-президента этого будущего единого и обновленного Союза (кто бы сомневался, какими будут результаты плебисцита) – «зрелого политика, способного участвовать в обсуждении и принятии важных решений государственного масштаба», как его аттестовал Горбачев, – Геннадия Янаева.

Что-то быстро Горбачев переключился с одной кандидатуры вице-президента на другую – с Шеварднадзе на Янаева. Не уверен, что о первом он думал всерьез. Шеварднадзе – крепкий, самостоятельный политик. Такой на посту вице-президента не нужен. Это номинальная, декоративная должность. Должность чиновника по особым поручениям, не обладающего никаким политическим весом. Так что Янаев, скромный профсоюзный деятель, только что произведенный в члены Политбюро, не входивший даже в ближний круг президента, тут в самый раз.

Пройдет чуть более полугодя, и этот «зрелый политик» в полной мере проявит свою зрелость, возглавив – пусть, формально, – государственный переворот.

Еще один всесоюзный референдум было решено провести по вопросу о земле – допустимо ли отдавать ее в частные руки? Поскольку российский парламент уже принял, около месяца назад, закон «О земельной реформе», допускающий это, Ельцин и его единомышленники в российском руководстве расценили намеченный референдум как очередное бесцеремонное вмешательство Центра в дела России: ведь до его проведения российский закон как бы признается приостановленным, а в случае отрицательного решения референдума и вовсе отправляется в корзину, на аграрной реформе ставится крест.

Раз от разу взаимное раздражение накапливалось.

Союз остается союзом «социалистических» республик

Очень болезненно восприняло большинство союзных депутатов попытку изгнать из названия СССР явно устаревший эпитет «социалистических» в применении к республикам. «Российская газета»:

«Одному депутату, родившемуся в Союзе, мать завещала там же и умереть (подразумевалось, естественно, – в Союзе Советских Социалистических Республик. – **О.М.**) Он просил Съезд не нарушать наказ матери... Депутат Федотова солидаризовалась с требующими скорейшего подписания договора потому, что «женщины страны очень этого

желают»... Сильно опасалась депутат за «любимую аббревиатуру – СССР», как бы не выхлостили из нее социалистичность».

В общем, много было граждан, чьи «социалистические» желания и пожелания требовалось уважить.

Как мы видели, Союзный договор на съезде так и не приняли, но «любимую аббревиатуру» депутата Федотовой – СССР, с расшифровкой «Союз Советских Социалистических Республик» – специальным постановлением оставили. Особенно рьяно за это выступал председатель Верховного Совета Лукьянов. Он и в дальнейшем будет отважно бороться за сохранение первоначального названия Союза, хотя в конечном счете вынужден будет отступить.

Кстати, вместе с постановлением о сохранении «социалистического» Союза на съезде было принято и постановление о его сохранении как обновленной федерации равноправных СУВЕРЕННЫХ республик. В дальнейшем слово «суверенных» будет все энергичнее и настойчивее вытеснять из предлагаемого названия Союза слово «социалистических», несмотря на завещания депутатских матерей, страстные желания «женщин страны» и энергичные противостоящие этому усилия спикера Лукьянова.

Съезд отвергает диалог с республиками

Как уже говорилось, в последние месяцы республики, одна за другой, принимали декларации о суверенитете. Естественно, лидеры – это мы тоже видели, – требовали от Центра, чтобы он признал эти декларации и начал полноценный и равноправный диалог с ними. Однако Центр, имея в виду союзную исполнительную власть, не торопился с этим. А что же власть законодательная?

Вопрос о признании республиканских суверенитетов поднимался на съезде неоднократно. Депутат Эдуард Козин предложил Съезду принять заявление:

«Съезд признает декларации о суверенитете, независимости, принятые парламентами республик... Съезд приветствует суверенные республики... призывает их к конструктивному сотрудничеству».

Однако 25 декабря Съезд вызывающим образом отверг это предложение: «за» проголосовали лишь 419 депутатов (18,7 процента). Иными словами, главный союзный законодательный орган страны ВСТУПИЛ В ПРОТИВОБОРСТВО С РЕСПУБЛИКАМИ НА СТОРОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ. По-видимому, это, как и многое другое, определило его дальнейшую печальную судьбу. Республики и не подумают отказываться от своего суверенитета. Так, Нурсултан Назарбаев в одной из бесед с журналистами во время съезда прямо сказал, что для республик главное не решения Съезда («они не будут выполняться»), а решения республиканских парламентов и прежде всего – их декларации о суверенитете.

Россия объявляет Союзу бюджетную войну

24 декабря на встрече с народными депутатами СССР от России Ельцин заявил:

– Решение (Съезда. – **О.М.**) о референдумах по вопросу об СССР и частной собственности на землю «зарубило» три российских закона... На месте Горбачева я бы сейчас не вступал в конфронтацию с республиками.

По словам Ельцина, если Центр возобновит конфронтацию, Россия может принять и ответные меры:

– 70 миллиардов рублей из России уходят в Центр. Мы решили эту артерию

перекрыть и передать Центру только 23 миллиарда рублей. Пусть Союз подумает, нужно ли ему 18 миллионов аппаратчиков, надо ли ему 100 миллиардов рублей на оборону и 24 миллиарда – на космос.

Как видим, в то время была возможность на официальном уровне потребовать сокращения непомерно великой чиновничьей рати, непомерных расходов на армию и производство оружия... Другой дело, что в российской истории такие требования – я не говорю о том, реализуются они в дальнейшем и не реализуются, – бывают лишь мимолетными эпизодами. И армия чиновников, и оборонные расходы продолжают и продолжают распухать...

26-го, еще до окончания съезда, эта угроза Ельцина реализовалась: Россия приняла собственный бюджет, в соответствии с которым Союзу перечислялась «усеченная» сумма.

Горбачев был взбешен. Выступая на съезде в заключительный день его работы, 27 декабря, он высказал все, что он думает по поводу действий российских парламентариев:

– Это развал, и не только экономики, но и Союза!.. Я подбираю слова парламентские, а тут ведь можно и другие применять... Через два-три месяца все будет развалено, и весь народ окажется на улице...

И пригрозил:

– Здесь я буду действовать как президент, и не удивляйтесь, если будет так.

Было не очень понятно, какие свои действия Горбачев тут имел в виду. Рычагов для укрощения республиканских бунтарей у него становилось все меньше. Впрочем, кое-какие еще оставались. Горбачев предложил съезду принять резолюцию об отмене российского бюджета.

«Коммерсант-weekly» так писал по поводу этого нового всплеска противостояния:

«В марте... уходом Литвы из Союза начался обвал Империи... В декабре самая большая республика Союза прибегла в своем споре с Союзом к последнему доводу: фактически прекратила финансирование Центра. Сильно девальвируя при этом несомненные тактические успехи Горбачева на съезде (постановления о референдумах. утверждение Янаева). Существенно при этом, что Россия, – в отличие от Литвы, – бунтует не одна (если быть точным, Литва тоже тогда не пребывала в одиночестве. – **О.М.**) Президент Казахстана Назарбаев не поддержал предложенную Горбачевым резолюцию, отменяющую российский бюджет. И предложил всего лишь просить Россию «в порядке исключения продлить финансирование Союза на I квартал, с уважением просить, как хотите просить».

Принять резолюцию, предложенную Горбачевым, Съезд так и не решился – ограничился лишь тем, что принял к сведению его сообщение «о положении, сложившемся с формированием бюджета на 1991 год».

Правда, несколько позже, в феврале 1991-го, Верховный Совет СССР, с подачи премьера Валентина Павлова, своим постановлением «вернул» в союзный бюджет недоплаченное ему Россией. «Война законов» продолжалась.

Кто победил?

Пресс-секретарь президента Виталий Игнатенко оценил итоги съезда как безоговорочную победу Горбачева:

– Горбачев на этот раз получил почти все, что он хотел. Он, конечно, выиграл этот съезд вчистую.

Газеты отмечали, что с формальной точки зрения это действительно так: было принято большинство президентских предложений – об изменениях в Конституции, о проведении референдумов, о ротации Верховного Совета, об избрании Янаева вице-президентом... Но, в общем-то, это все были достаточно мелкие, не принципиальные победы. В главном же

Горбачев проиграл, – он не сумел добиться одобрения Союзного договора.

Более того, и в выступлениях, и в кулуарах съезда выяснилось, что ключевые политические фигуры – лидеры республик, – очень по-разному смотрят на будущее Союза. «Независимая газета»:

«Борис Ельцин, продолжающий упорно строить «собственный союз», в кулуарах ясно дал понять, что в ближайшее время возможно заключение четырехстороннего соглашения между крупнейшими республиками страны – Россией, Украиной, Белоруссией и Казахстаном (по-видимому, это был отсыл к тому самому четырехстороннему меморандуму. – **О.М.**) Если эта идея будет воплощена в реальность, облик будущего объединения может неожиданно измениться до неузнаваемости...»

Но «честолюбивый и мобильный» президент Казахстана Нурсултан Назарбаев готов вступить не только в «союз четырех», но и присоединиться к «мини-союзному» договору республик Средней Азии, то есть к «союзу пяти». Намечалась еще одна обособленная межреспубликанская структура.

Кстати, о республиках Средней Азии. Та же «Независимая газета»:

«IV Съезд отличался от предыдущих еще и тем, что на нем лидеры этих, еще недавно как будто бы во всем согласных с Центром республик, отчетливо заявили о своих особых позициях. Среднеазиатские президенты по-прежнему сторонники Союза, но каждый из них понимает его по-своему. Неожиданную поддержку у них нашла идея Ельцина о составлении Союзного договора самими республиками...»

Что бы ни говорили лидеры новорожденных суверенных образований о роли Центра в будущем Союзе..., но Центру в этих схемах остается гораздо меньше места, чем хотелось бы его лидерам. Учитывает ли команда Горбачева, что вирус самостоятельности в подходе к договору охватил практически все республики?.. Итак, на подходе четырехстороннее соглашение. Референдум не удастся провести как минимум в четырех-пяти республиках. Еще шесть заявляют о своем собственном видении договора».

Вот такая вот «победа» Горбачева.

ГРОЗА НАД БАЛТИКОЙ

Последняя попытка усмирить смутьянов

В начале января 1991 года резко обострилась обстановка в Прибалтике. Этого можно было ожидать. К этому все шло. Центр не мог не предпринять очередную – может быть, последнюю – попытку усмирить балтийских смутьянов. Нетрудно было видеть, что именно в Прибалтике начинаются и расходятся все шире трещины, разваливающие «единый и неделимый».

Можно предположить, что уже где-то осенью Горбачев пришел к заключению, что без применения силы Союз не сохранить. Соответственно, началось его самоотстранение от демократических сил (которые, в общем-то, и были его главной опорой в осуществлении перестройки) и все большее, хотя и не афишируемое, тяготение к силовикам, к ВПК, к коммунистическим ортодоксам.

Основная проблема для Горбачева заключалась в том, что было совершенно непонятно, как он сможет применять силу при подавлении «сепаратистских» устремлений в республиках и при этом сохранить сложившийся едва ли не у всего мира свой образ цивилизованного политика, почти демократа, проповедника «нового мышления», в котором нет места насилию.

Единственным способом совместить несовместимое было – прибегнуть к силе, но при этом остаться в тени: я, мол, тут не при чем, – это все делается без моего ведома местными политиками, военными...

Собственно говоря, такой способ уже был применен Горбачевым и в Тбилиси, и в Баку... Тогда он обеспечил себе алиби: перед тбилисскими событиями – отъездом за границу, в Баку карательные действия как бы оправдывались развернувшимися там погромами: их надо было пресечь. Но в Азербайджане сила была применена с опозданием и не только против погромщиков – еще и против «сепаратистов», даже главным образом против них. Здесь никакой подготовкой алиби Горбачев не озаботился. Видимо, было какое-то другое рассуждение. Говорят: хотел посмотреть, как отреагирует мир. Но предугадать реакцию мира было несложно: реакция будет отрицательной, резко отрицательной. Скорее, Горбачев понадеялся, что в самих республиках найдутся какие-то «антисепаратистские» силы, которые все возьмут на себя – останется только их поддержать, прикрываясь Конституцией. Но и при этом – не выходить из тени. Дескать, пусть сами друг с другом разбираются. А поддержка, понадеялся, понадобится не слишком кровавая. Если же военные переусердствуют, – пожурить их потом: ну зачем же вы так неаккуратно, ребята! Главное – добиться результата, отстранить от власти желающих выскочить из Союза, если даже не отстранить – заставить их действовать «по закону» (а закон о выходе из Союза был составлен так, что черта с два кто выскочит).

Горбачеву докладывают все «как надо»

12 января на Совете Федерации министр внутренних дел Пуго доложил о Литве. Докладил «как надо». Дескать, как известно, 11 марта 1990 года Верховный Совет Литвы отменил действие Конституции СССР; в свою очередь, III Съезд народных депутатов СССР отменил это решение; 7 января этого года в Литве – повышение цен, 8 января – массовая демонстрация протеста...

Обсуждение вроде бы направлено в нужное русло. Горбачев:

– Остался один шаг до кровопролития...

Однако против заданного направления разговора выступает Ельцин:

– Информация, которая поступает, односторонняя, нет в ней точки зрения Литвы. Российские депутаты сообщают из Вильнюса другое. Есть демонстрация силы союзных органов. Послание президента Верховному Совету Литвы составлено не в тех выражениях, которые требовались. Это не ультиматум, но и не призыв к сотрудничеству. В затяжке переговоров с Литвой виноват во многом Союз, в том числе президент. Нам надо находить путь к сближению, а не к конфронтации. Если будут введены войска, это приведет к непоправимой беде для всей страны. Нужен диалог, а не сила...

То, что информация Пуго «упрошенная», подтверждает и присутствующий на заседании председатель Верховного Совета Латвии Анатолий Горбунов. Литовский представитель Бичкаускас разъясняет, как на самом деле было дело:

– ...У вас неверная информация. Поводом послужило повышение цен. Но была заранее подготовлена акция по вводу войск. Организованы митинги коммунистами. Есть раненые. Каждые полчаса литовское радио призывает не оказывать сопротивление.

Против применения силы высказываются также лидеры Эстонии (туда тоже вводятся войска), Молдавии, Киргизии...

Каждый из них примеряет на себя – как с ними поступит Центр, если они вздумают проявить своеволие.

Всем им, прежде всего Ельцину, Горбачев дает жесткий «отлуп»:

– То, что сказал Борис Николаевич, и если это будет в решении Президиума Верховного Совета РСФСР, – ложный шаг. Исток всего – 11 марта (объявление Литвой независимости. – **О.М.**) Поторопились в канун III Съезда народных депутатов СССР: не будем, мол, признавать Конституцию, законы СССР. А это значит ввергнуть страну в пучину конфликтов... Вы, Борис Николаевич, не должны выступать с такими заявлениями. Я ценю то, что мы вместе проделали позитивную работу. Но вы встречаетесь с Бронфманом (президентом Всемирного еврейского конгресса. – **О.М.**) и говорите ему, что поскольку президент не пользуется популярностью, надо иметь дело с Россией... Все зависит от позиции. Или мы будем реформировать Союз, или будет накаляться обстановка, усиливаться напряжение. Думать, что можно поднять всю Прибалтику против Союза, – это ошибка... Причины не сводятся к ценам. Речь идет о самочувствии людей – и коренного населения, и русских, поляков. Они не должны чувствовать себя изгоями. Нужно все вести на конституционной основе. Борис Николаевич взял конфронтационный тон, а я – за разумное решение.

Вот так. В общем-то, никто не подзуживал Прибалтику выступать против всего Союза. Прибалтика хотела только одного, – чтобы ее отпустили и оставили в покое.

...Итак, 12 января Ельцин предупреждает, о недопустимости введения войск. Но войска уже введены. До кровопролития в Вильнюсе остается несколько часов.

В этот же день, 12 января, координацию действий войск в Вильнюсе взял на себя генерал-полковник Ачалов, известный тем, что его нередко использовали во всякого рода «карательных» операциях. Такова была его «специализация».

Россия – против действий Центра в Прибалтике

12 января литовское радио передало заявление Президиума Верховного Совета РСФСР в связи с событиями в Прибалтике и, в частности, в Литве – то самое заявление, против которого предостерегал Горбачев:

«Подобное развитие событий, – говорилось в нем, – может вызвать крайне опасные последствия для всех республик и еще более усложнить формирование нового Союза

Суверенных Государств. Применение военной силы против мирных граждан в республиках Прибалтики недопустимо, считает руководство РСФСР, и может вызвать эскалацию насилия в этом и в других регионах, развязать крупномасштабный гражданский конфликт... Интересы народов Прибалтики полномочны представлять только законно избранные органы власти. Использование армии против законных органов власти противоправно и антиконституционно».

Президиум Верховного Совета РСФСР предложил руководству СССР вывести дополнительный контингент военнослужащих, доставленный в последние дни в Прибалтику, гарантировать неприменение силы при решении возникших проблем и начать в ближайшие дни переговоры с законными представителями власти Литвы, Латвии и Эстонии.

Священнослужители Русской Православной Церкви в Литве призвали своих прихожан «не позорить имя русского человека». Надо понимать так – не выступать на стороне тех, кто подавляет свободу людей других национальностей.

Кульминация драмы

Кульминация литовской драмы, или, как хотите, трагедии, произошла в ночь с 12-го на 13 января. Десантники и спецназ при поддержке танков и бронетранспортеров предприняли штурм здания Литовского телевидения и радио, а также телевизионной башни. Им противостояли безоружные жители.

Штурм начался в половине второго ночи. Штурмующие бросали в толпу взрывпакеты, применяли, как говорилось, металлические дубинки, стреляли – видимо, для отстрасстки, – по расположенным неподалеку домам. В начале третьего передачи телевидения были прерваны. В последние примерно десять минут камеры показывали передвижение военных по коридорам здания и наконец – как они ворвались в студию.

В итоге, как сообщалось, тринадцать человек были убиты, более ста ранены, в том числе тяжело. Позже фигурировала также цифра – четырнадцать убитых.

В ходе операции – видимо, по ошибке, – своими же был застрелен один из участников захвата. Сообщалось кто именно – капитан внутренних войск Гаврилов. Позже, однако, фамилия, должность, звание погибшего были уточнены – это был офицер из группы «Альфа» лейтенант Шатских.

Примерно в это же время прервало свои передачи Литовское радио.

Был захвачен также Центральный телеграф.

Еще один объект, намеченный для атаки, – наверное, главный – республиканский парламент, военным и представителям прокоммунистической структуры – так называемого Интерфронта – захватить не удалось. Точнее, не решились они его захватить: там жертв было бы гораздо больше.

Ельцин призывает россиян, облаченных в военную форму, не подчиняться преступным приказам

Уже 13 января, сразу после ночных вильнюсских событий, Ельцин рванул в Прибалтику, – правда, не в Вильнюс, а в более спокойный пока Таллин. Встретился там с руководителями прибалтийских республик. По итогам этой встречи в газете «Советская Эстония» от 15 января было опубликовано Обращение руководителей четырех республик к Генеральному секретарю ООН с предложением незамедлительно созвать международную конференцию по урегулированию проблемы балтийских государств.

Появились в газете и два обращения Ельцина – к русскоязычному населению

Прибалтики, призывающее «к благоразумию», и к военным, проходящим службу в прибалтийских республиках, – а среди них, естественно, было много выходцев из России, – с призывом не участвовать в антинародных акциях.

В этом обращении Ельцин предупредил, что сегодня, когда «здоровые силы общества, используя законные, конституционные формы, ищут пути выхода из сложившейся тяжелой ситуации», им, военнослужащим, «могут отдать приказ выступить против законно созданных государственных органов, против мирного гражданского населения, защищающего свои демократические завоевания».

«Перед тем как идти на штурм гражданских объектов на Прибалтийской земле, – говорилось в Обращении, – вспомните о своем родном очаге, о настоящем и будущем своей республики, своего народа...

Цели реакции:

Сорвать процесс демократизации в стране и переход к связанным с ним формам хозяйства, гарантирующим благосостояние не отдельных привилегированных групп правящего класса – номенклатуры, а всего народа;

аннулировать выстраданные народами Декларации о суверенитете республик и таким образом сорвать становление нового Союза суверенных государств.

Таковы цели реакционных сил, пытающихся использовать вас, солдаты и офицеры, в своей политической игре.

Неужели вы согласитесь с той ролью, которую они вам отвели?...»

Манифестация в центре Москвы

20 января сотни тысяч человек приняли участие в манифестации, которую организовала в Москве «Демократическая Россия» и ряд народных депутатов СССР.

(Кстати, скажу в скобках, эта манифестация, собравшая, по разным подсчетам 300 – 500 тысяч, некоторые называли цифру даже в миллион и считали ее крупнейшей за все годы перестройки, была санкционирована Моссоветом. Вот были времена! Если «посравнить да посмотреть» с нынешними, когда московские власти боятся «согласовать» даже акции с гораздо меньшей численностью).

Участники манифестации прошли от площади Маяковского по Садовому кольцу и проспекту Калинина до Манежной, где и состоялся митинг. Главные требования митингующих – отставка тех, кто, по общему мнению, несет ответственность за кровавые события в Вильнюсе и Риге (как писали тогда газеты, впечатление такое, что судьба Прибалтики волнует людей больше, чем их собственная судьба). В качестве виновных назывались Горбачев, Язов, Пуго, Крючков.

Впрочем, в секретном донесении «по начальству» (членам Политбюро и секретарям ЦК КПСС – тем же Крючкову, Пуго, Язову...) секретарь МГК КПСС Прокофьев, докладывая о митинге, совсем уж дотошно перечислял основные лозунги митингующих и приводил скрупулезный подсчет тем, прозвучавших в выступлениях:

«Митинг носил ярко выраженную антипрезидентскую и антикоммунистическую направленность. Среди характерных лозунгов были следующие: «Михаил Кровавый – нобелевский лауреат», «Горбачева и его шайку к ответу!», «Президента СССР – на скамью подсудимых!», «Кровопролитие в Литве – очередное преступление КПСС», «Червони фашисты КПСС – руки прочь от России и Балтики!» («Червони фашисты...»

В манифестации участвовали не только москвичи, но и много приезжих. – О.М.)

В структуре лозунгов и выступлений из 33 основных тем антипрезидентская занимала первое место, антикоммунистическая – второе, поддержка нынешнего руководства Литвы – третье, поддержка Ельцина – четвертое».

В принятой на митинге резолюции звучали требования о выводе из Прибалтики карательных войск, отставке Горбачева и Янаева, роспуске союзного Съезда народных депутатов и союзного же Верховного Совета, создании российской армии и превращении движения «Демократическая Россия» в политическую партию. Подводя итоги своему доносу, Прокофьев с тревогой писал о манифестации 20 января: «По нашему мнению, данную акцию следует рассматривать как подтверждение курса, взятого оппозиционными силами на изменение государственного и общественного строя, устранения с политической арены нынешнего руководства страны. Качественно изменяется тактика противостоящих Центру и КПСС сил. Ядром консолидации демократических и национал-демократических движений республик становится Верховный Совет РСФСР во главе с Б.Н.Ельциным. По-видимому, окончательно с повестки дня снято создание лево-центристского блока (Горбачев – Ельцин)».

Диктатура не пройдет!

Ельцина на митинге не было. Его «Обращение к народам России» зачитал Геннадий Бурбулис. Оно звучало весьма драматично:

«Граждане России!

В последние дни обстановка в стране предельно обострилась.

События в Прибалтике грозят выйти за пределы Латвии, Литвы, Эстонии. Опасность диктатуры, о которой предупреждали известные политические и общественные деятели страны, стала реальностью.

Союзное руководство своими действиями фактически отказалось от прежнего политического курса и открыто поддерживает реакционные силы.

Игнорируя присягу, президент встал на путь разжигания межнациональной розни, поддержки самозванных комитетов спасения, рвущихся к власти, на путь оправдания применения оружия против мирного населения.

Забыты рассуждения об общечеловеческих ценностях, правовом государстве и свободе. Четко обозначилось стремление любой ценой сохранить власть высшей партийно-государственной бюрократии, повернуть движение страны вспять...

Нет гарантий, что не будет отдан преступный приказ (надо полагать, имеется в виду – о введении в стране прямого президентского правления. – **О.М.**), который в сложившейся ситуации может вызвать цепную реакцию вооруженного сопротивления. Если это произойдет, не смогут осуществиться надежды на возрождение России, всех республик и народов страны.

Не верьте, что диктатура накормит, покончит с преступностью, принесет чувство безопасности и покой в каждый дом, в каждую семью... Насилие может породить только насилие».

Чтобы не допустить «сползание союзного руководства к беззаконию, к применению насилия», необходимо объединить усилия всего народа. Свой «ответственный выбор», по словам Ельцина, должны сделать и коммунисты:

«Не дайте превратить себя в орудие реакции! Не забывайте, что диктатура беспощадна к любой партии, даже самой... преданной».

И снова – к народам России:

«В эти критические дни парламент и правительство (России. – **О.М.**) нуждаются в вашей поддержке. Только вместе мы сумеем не допустить, чтобы самозванцы стали хозяевами нашей республики...

Сегодня от каждого из нас зависит, будем ли мы продолжать движение вперед по пути

обновления или окажемся отброшены далеко назад во времена произвола и репрессий, насилия над народами и достоинством человека. Реакция не пройдет, если мы будем едины».

Это резкое, драматичное обращение Ельцина, прозвучавшее на митинге 20 января 1990 года, было как бы прелюдией к открытой атаке на Горбачева, которую Ельцин предпримет через месяц.

ЕЛЬЦИН И БАЛТИЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ

«Америка не знает, что происходит в СССР»

10 января, за два дня до главных вильнюсских событий, Ельцин принял президента Всемирного еврейского конгресса Эдгара Бронфмана (эта фамилия уже упоминалась выше в речи Горбачева. – **О.М.**) Заявление, которое он сделал во время этой беседы, несомненно, адресовалось не одному лишь гостю, – оно явно предназначалось для передачи как можно более широкому кругу влиятельных людей на Западе. Это, как полагал, по-видимому, Ельцин, было особенно важно ввиду резко обострившейся обстановки в Прибалтике: недостаточно внятная позиция Запада может тут сыграть пагубную роль, развязать руки союзному Центру. Ельцин посетовал, что процесс суверенизации, развернувшийся в СССР, на Западе, к сожалению, недооценивают. К чему идет дело? Роль Центра будет все больше сокращаться, а роль республик возрастать. Но Союз более не может оставаться в том виде, в каком находится сейчас. Это должен быть по-настоящему добровольный Союз.

По словам Ельцина, союзный Центр изо всех сил препятствует этому процессу, «идет в лобовую атаку», не дает республикам самостоятельности. В этой атаке Горбачев, похоже, может пойти далеко, и Запад, сознательно или нет, потакает ему здесь.

– Недавнее заявление Шеварднадзе (о том, что на страну надвигается диктатура. – **О.М.**) имеет под собой основания, – предупредил Ельцин. – Он (Шеварднадзе. – **О.М.**) не сказал, откуда идет диктатура, но опасность такая существует. Президенту предоставлены такие полномочия, что это становится опасным. Западные лидеры сделали ставку на одного руководителя, связали свою судьбу с ним, в результате они находятся в плену собственных представлений, получают ту информацию, какую хотят получать... Отказаться поддерживать Горбачева для них теперь означает потерять собственный рейтинг. Но можно потерять больше, чем рейтинг, если упустить возможное развитие событий в нашей стране. Наша задача – не допустить, чтобы хоть полкапли крови было пролито в результате конфронтации между народами.

Здесь, в этом ельцинском заявлении, нетрудно усмотреть намек, что опасность диктатуры исходит чуть ли не от самого Горбачева: «Президенту предоставлены такие полномочия, что это становится опасным».

По словам Ельцина, он часто встречается с американцами и во время этих встреч убеждается: по-настоящему, что происходит в СССР, Америка не знает.

– Никто не умаляет заслуг Горбачева в вопросах демилитаризации, потепления

отношений с Западом. Но сейчас мы слышим из его уст, что наше общество сдвинулось вправо (то есть, в тогдашней системе координат, – возобладали консервативные настроения. – **О.М.**), поэтому он вынужден действовать решительно.

На самом деле, как считает Ельцин, общество сдвигается не вправо, а влево, то есть в сторону демократических настроений, и лишь какая-то его часть (по-видимому, все-таки небольшая) требует «сильной руки».

Как видим, Ельцин здесь сводит все заслуги Горбачева лишь к «демилитаризации» и «потеплению отношений с Западом»... Это, конечно, чисто эмоциональная оценка, продиктованная моментом. В дальнейшем, в более спокойной обстановке Ельцин будет оценивать роль Горбачева более полно и адекватно.

И наконец, главное, чего Ельцин хочет от Запада и, в частности, от Америки:

– Американским государственным деятелям нужен контакт с российским руководством, с руководством других республик. В конце концов прозрение произойдет.

Подобные пассажи в ельцинских речах вызывали большое раздражение Горбачева.

Вывести войска, начать переговоры!

В противостоянии Москвы и прибалтийских республик Ельцин, мы знаем, с самого начала занял твердую позицию – позицию поддержки республик, стремившихся к независимости, и оставался на этой позиции до конца.

Как уже говорилось, 12 января на Совете Федерации он выступил против готовившегося одобрения этим органом силовых действий в Прибалтике, против готовящегося ввода войск, против ультиматума, который Горбачев фактически предъявил Литве. Ельцин заявил, что информация, на которую Горбачев опирается, – односторонняя, призвал к переговорам, к диалогу, чем, естественно, навлек на себя гнев Горбачева, который, как мы помним, припомнил ему и встречу с Бронфманом, и многое другое, упрекнул Ельцина за «конфронтационный тон», за то, что он будто бы стремится «поднять всю Прибалтику против Союза».

Однако это не поколебало решимости Ельцина. В течение всех тревожных прибалтийских дней он действовал быстро и уверенно, следуя своей изначально выбранной позиции.

В этот же день, – разумеется, по инициативе Ельцина, – Президиум российского Верховного Совета выступил с заявлением, в котором предупреждал, что происходящее в Прибалтике и, в частности, в Литве, чревато «крайне опасными последствиями» для всех республик, для формирующегося Союза Суверенных Государств. Применение военной силы в этом регионе может распространиться по всей стране, «развязать крупномасштабный гражданский конфликт». Российские депутаты потребовали вывести из Прибалтики «дополнительный контингент» войск, введенный туда в последние дни, и начать переговоры с законными представителями власти Литвы, Латвии и Эстонии, игнорируя всякого рода самозванные «комитеты национального спасения», возникшие там в последние дни.

Ельцин в Таллине

Как уже говорилось, уже 13 января, сразу после ночных вильнюсских событий, Ельцин рванул в Прибалтику, – правда не в Вильнюс, а в более спокойный пока Таллин. Встретился там с руководителями прибалтийских республик. По итогам этой встречи в газете «Советская Эстония» от 15 января было опубликовано Обращение руководителей четырех республик к Генеральному секретарю ООН с предложением незамедлительно созвать

международную конференцию по урегулированию проблемы балтийских государств.

Появились в газете и два обращения Ельцина – к русскоязычному населению Прибалтики, призывающее «к благоразумию», и уже цитированное – к военным, проходящим службу в прибалтийских республиках, – а среди них, естественно, было много выходцев из России, – с призывом не участвовать в антинародных акциях.

Было принято также Заявление руководителей четырех республик – Литвы, Латвии, России и Эстонии – в котором, в частности, говорилось, что стороны признают государственный суверенитет друг друга и «выражают готовность оказать конкретную поддержку и помощь друг другу в случае угрозы их суверенитету».

Заявление было подписано 13 января, то есть как раз в тот момент, когда возникла явная угроза суверенитету Литвы и, вроде бы не было сомнений, – Латвии и Эстонии. Россия – в лице Ельцина – вновь, уже более твердо, чем во время весенне-летней экономической блокады Прибалтики 1990 года, которую ввел Горбачев, встала на ее сторону.

14 января Ельцин провел в Таллине пресс-конференцию. Главная тема, естественно, – события в Вильнюсе. На вопрос, кто отдал военным приказ стрелять, Ельцин ответил, что Горбачев отрицает свою причастность к этому, министр обороны Язов также утверждает, что его ведомство не отдавало такого приказа. Ельцин сообщил, что на его вопрос Язову, могли ли местные военачальники сами принять решение открыть огонь, Язов сказал: «Могли».

Журналисты наседали: кто же все-таки приказал стрелять, если не Горбачев и не Язов? Ельцин пожал плечами:

– Я не говорил о том, что президент страны или министр обороны не отдавали приказ или указания. Я говорил, что они мне так ответили.

Если армия действовала самостоятельно, не означает ли это, что в стране начинается военный переворот?

Ельцин отверг такую возможность. По его мнению, армия сама по себе расколота внутренними противоречиями, и если кто-то в ней попытается совершить военный переворот, это приведет к взрыву в ней самой.

Ельцин также считает, что большинство военнослужащих не пойдет против мирного населения. Если же это случится, народ, как полагает Ельцин, даст мятежникам «достойный отпор».

Не думаю, что сам Ельцин в тот момент был твердо уверен, что переворот невозможен, но важно было успокоить население.

На самом деле, если армия действительно вышла из-под контроля, как утверждали (или намекали) высокие московские чины, никто не мог бы твердо сказать, не распространятся ли эти бесконтрольные действия за пределы Прибалтики и в конце концов – по всей стране.

А то, что безоружный народ в таком случае «даст отпор» вооруженным мятежникам – это так, дежурные, «духоподъемные» слова.

Почему молчит Горбачев?

В этот же день, 14 января, вернувшись в Москву, Ельцин дал пресс-конференцию и здесь. Вопросы журналистов примерно те же, что и в Таллине.

Ельцина спросили, как он расценивает только что прозвучавшее заявление Пуго, что Центр не давал никаких указаний о применении силы в Прибалтике.

– Трудно пока проверить, – ответил Ельцин. – В ту ночь (то есть в ночь с 12-го на 13 января. – **О.М.**) и начало дня, разговаривая с президентом страны и с министром обороны Язовым, я ставил этот вопрос им в упор, и оба они ответили, что команд от них не поступало...

Ельцин добавил, что все это похоже на «сценарий Тбилиси»: тогда ведь тоже не могли найти, кто отдал приказ применять силу против мирных демонстрантов.

Удивило Ельцина и заявление Язова, что тот не знает российских законов, касающихся использования военнослужащих, призванных в России: еще в октябре прошлого года российский парламент принял решение, что «те ребята, которые призваны на территории Российской Федерации, не могут служить вне ее территории и тем более участвовать в военных действиях против мирного населения, в разрешении каких-либо конфликтов».

Не думаю, что Язов не знал об этом решении российского парламента, но для него это была «филькина грамота».

Вопрос:

– Почему до сих пор президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев не высказал своего отношения к той резне, которая произошла в Вильнюсе?

Вообще-то этот вопрос надо бы задать самому Горбачеву. Мнение Ельцина:

– Ему трудно высказаться по этому вопросу. После моего довольно резкого выступления (на Совете Федерации 12 января. – **О.М.**) и после выступления других руководителей республик все же казалось, что ищется наиболее деликатный выход из этого положения...

В этот день, позднее, Горбачев все же высказал, довольно невнятно, свою позицию по Вильнюсу на заседании Верховного Совета СССР.

Повторится ли Вильнюс в Москве

Один из журналистов сказал, что утром у него была встреча «с двумя работниками КГБ из центрального аппарата». От них он узнал, что здесь, в столице, как и в прибалтийских республиках, создан Комитет национального спасения – спасения России и что 16 января в Москве планируется повторить все то, что произошло в Вильнюсе. Что он, Ельцин, готов предпринять для защиты суверенитета России?

Ответ Ельцина:

– Первое – быть готовым к этому и быть бдительным каждый час. Второе – немедленно принимать меры по выполнению постановления внеочередного Съезда народных депутатов РСФСР о том, чтобы органы Государственной безопасности на территории России подчинялись Верховному Совету Российской Федерации, а также создать специальный Комитет госбезопасности России. Надо это делать немедленно. И третье – мы все больше приходим к мысли о том... что защищать свой суверенитет нам, видимо, без российской армии все-таки не удастся.

Эта мысль – о разделе Вооруженных Сил, о создании республиканских армий, – вызывала сильнейшую аллергию у Горбачева. Между тем, его собственные действия или бездействие – как в том январе 1991-го в Прибалтике, – все больше подталкивали республики к этой мысли.

«Прошлой осенью Горбачев вступил на «правый» путь»

По словам итальянского журналиста, участвовавшего в пресс-конференции, в последнее время у него создается ощущение, что «союзные лидеры», прибегая к силе, «практически отказываются от идеи перестройки, потому что нельзя поддерживать перестройку «на штыках».

– Мне кажется, – ответил Ельцин, – что руководство страны под влиянием определенных сил пришло к выводу, что демократическим путем трудно решить наши проблемы, что надо поворачивать действительно к жесткой руке. У меня сложилось такое впечатление.

Такое впечатление было, конечно, не только у Ельцина. Журналист Дмитрий Остальский писал в «Независимой газете», что осенью прошлого года, после «парада республиканских суверенитетов», Горбачев решил вступить на «правый» путь, «демонстративно сделав ставку» на военных, генеральных директоров военных предприятий и коммунистов-ортодоксов. Но этот путь оказался тупиковым: «Опора на армию, ВПК и компартию, безусловно, надежная опора в борьбе с республиканскими властями. Возможны даже военные победы. Но армия, даже очень могущественная, не приспособлена для того, чтобы долго кормить трехсотмиллионную страну. Военные заводы выпуском еды и одежды тоже не занимаются. Новые кровопролития окончательно остановят экономическую помощь Запада...» Если президент и далее будет держаться «силового пути сохранения Союза», то республики, защищаясь, создадут новый Центр с новым лидером и новыми атрибутами власти...»

Горбачев объясняет свой «поворот вправо»

То, что осенью 1990-го и последующей зимой Горбачев «поправел», заметили тогда многие. Не отрицал этого и сам Горбачев. Однако объяснял он это тем, что как практический политик вынужден был тут двигаться за изменившимися общественными настроениями. В своей книге «Декабрь-91. Моя позиция» он так писал об этом:

«Тогда было видно, что сдвиг вправо происходит в обществе, – возможно, в крайней попытке защититься от нестабильности. Мне показалось, что в этом проявляется чувство ностальгии по прошлому, по порядку, дисциплине. Помните, на демонстрации 7 ноября несли портреты Сталина? Я считаю, что мой долг состоял в том, чтобы осознать складывающуюся ситуацию и справиться с ней таким образом, чтобы не дать укрепиться этой тенденции. Демократы не поняли этого, и последовали нападки. Это касается и вообще интеллигенции. При переходе от философии к практической политике возникает необходимость коррекции движения. Она диктуется жизнью и участвующими в политике. Но это нередко порождает разочарование у многих. В этих случаях интеллигенция думает, что ее отстранили или предали. В самый разгар этого «поворота вправо» Шеварднадзе подал в отставку с поста министра иностранных дел...»

В какую сторону поворачиваются общественные настроения в тот или иной период, трудно точно определить. Горбачев считает, что тогда они повернулись вправо, а Ельцин убежден – влево. На демонстрации несли портреты Сталина? Так коммунисты до сих пор их таскают на своих митингах и шествиях – и что?

Думаю, у тогдашнего горбачевского поворота вправо была другая причина: он разуверился, что Союз можно сохранить без применения силы. И попробовал ее применить...

Вильнюс – это удар по Союзному договору

Вернемся, однако, к московской пресс-конференции Ельцина 14 января. Вопрос:

– Не кажется ли вам, что события в Прибалтике положили конец идее Союзного договора?

Ельцин словно бы ждал этого вопроса. Он легко подверстывает эти события к своей позиции, которую уже давно отстаивает: договор должен создаваться не Центром, а республиками.

– Мне кажется, что этими действиями нанесен серьезный удар по реальности

заклучения Союзного договора, – говорит он. – Поскольку договор с петлей на шее вряд ли кто будет подписывать. У нас сейчас таких желающих уже не найдется среди руководителей всех республик. А тут опять желание именно сверху нам уже на блюдечке представить готовый договор, одобренный пленумом ЦК, одобренный Съездом народных депутатов. Вот вам договор – подписывайте. Но подождите. Кто подписывает договор, кто с кем договаривается? Наверное, кто с кем договаривается, тот и должен работать над этим договором, обсуждать его и затем уже подписывать. А ведь процесс идет не снизу вверх, как мы предлагали, а сверху вниз. Мы предлагали и осуществляем практически принцип – сначала республики между собой заключают договоры. И мы заключили договор с Украиной, Белоруссией, Казахстаном, Молдовой, Грузией, Эстонией, Латвией. И через такую сеть договоров можно было бы привлечь к этому процессу все пятнадцать республик. А вот такими действиями сверху, да еще силовыми приемами, уже сегодня практически пять республик как бы отторгнуты от будущего Союза. Да и мы, наверное, в России, будем обсуждать на Верховном Совете, и очень сильно задумаемся, нужен ли нам такой Союз, когда в каждый момент тебе будут диктовать волю сверху. Еще раз скажу: нанесен удар по реальности заключения Союзного договора. Сделан шаг к разрушению даже тех первых шагов, которые были в этом направлении сделаны.

Ельцин уговаривал Горбачева не делать этого

Ельцина спрашивают: неужели «центральное руководство» не предвидело, какова будет международная реакция на военные действия в Прибалтике, какой протест в мире они вызовут?

Ельцин ответил, что он разговаривал с президентом на эту тему в преддверии событий, уговаривал не допускать применения военной силы в Прибалтике.

– Я ему сказал, что мы же тогда просто опозоримся перед всем миром, потому что это конец демократии. Вы ездили и просили помощи в этот тяжелый для народа страны период, в том числе кредитов, продовольствия. Понятно, что сейчас эти страны просто откажутся предоставлять нам эту помощь, и нельзя было не спрогнозировать этого. А если такие элементарные вещи не прогнозируются, тогда вообще становится тяжело на душе. Что же у нас за руководство!

«Америка ориентируется лишь на Горбачева»

На пресс-конференции Ельцин вернулся к теме американского неведения, касающегося того, что происходит в СССР. Он сказал, что уже утром 13 января посол США Мэтлок попросил его о встрече:

– Мы обсуждали эти вопросы (то есть – что происходит в Прибалтике. – **О.М.**) Я сказал, что складывается впечатление, что руководство Соединенных Штатов не представляет себе в полной мере, что происходит в нашей стране. У них есть только один образ (то есть «образ» Горбачева. – **О.М.**), и вокруг этого образа вся эйфория. А те процессы, которые происходят в суверенизации республик, перемещении центра тяжести, в том числе политических событий, именно в республики, это не замечается. Это будет стратегической ошибкой руководства Соединенных Штатов Америки.

Почему он возвращался через Ленинград

Один из участников пресс-конференции поинтересовался, почему Ельцин возвратился из Таллина в Москву не напрямую, а через Ленинград: ходили слухи, что в случае «прямого» рейса его могли ждать неприятности. Поначалу Ельцин ушел от прямого ответа: он, дескать, решил заехать в северную столицу, чтобы поговорить с ленинградцами о том, «какие у них складываются отношения с республиками Прибалтики, в том числе с Эстонией»: будучи в Таллине, он обсуждал «вопросы взаимных поставок продовольствия и выполнения договоров». После этого, однако, загадочно добавил, что «были и другие причины» для такого кругового возвратного маршрута.

Через некоторое время другие журналисты попросили Ельцина все же раскрыть, что это за «другие причины», поскольку ходят разговоры о том, что «была какая-то попытка покушения на вас».

Ельцину пришлось отвечать откровенно.

– Со мной, вы знаете, случайностей много, – сказал он, – за год четыре, поэтому, когда была получена информация, что на обратном пути готовится акция, то решили сменить путь передвижения.

Стало быть, все-таки не на пустом месте возникли слухи.

Думаю, в те критические годы у немалого числа политических противников Ельцина возникала соблазнительная мысль о его физическом устранении. Как говорил товарищ Сталин, нет человека – нет проблемы. А уж если бы не стало Ельцина, не только многие проблемы для его врагов сами собой отпали бы, но и вообще вся российская история, наверное, двинулась бы совсем по другому направлению. Как это часто бывает в России, очень многое было на одном человеке завязано.

Горбачев считает Ельцина провокатором

15 января, выступая на сессии Верховного Совета СССР, Горбачев, среди прочего, отреагировал на заявление Ельцина, касающееся перспектив создания российской армии. Отреагировал весьма резко:

– Это грубейшее нарушение Конституции СССР... Я это осуждаю как политически продуманный провокационный акт, не способствующий консолидации общества, а наоборот, подстрекающий к противоборству. Это надо отвергнуть и осудить. Это товарищ Ельцин должен самокритично признать и снять подобного рода призывы. Будем рассчитывать, что благоразумие его еще не окончательно покинуло.

Армия или национальная гвардия?

Однако Ельцин не собирался «снимать подобного рода призывы», поскольку никаких провокационных призывов, по его словам, не делал. Свою позицию он разъяснил в интервью «Аргументам и фактам»:

«Вопрос. Борис Николаевич, из трансляции с сессии Верховного Совета СССР мы узнали о вашем намерении создать российскую армию. Как это согласуется с Конституцией СССР?

Ответ. Во-первых, такого решения не было принято Съездом народных депутатов РСФСР. Поэтому нельзя говорить об антиконституционных действиях. Во-вторых, я говорил о том, что нам надо искать пути для защиты своего суверенитета. Первое – создавать органы безопасности, и Съезд депутатов России уже принял такое решение; второе – может быть, думать и об армии. Потому что неизвестно, как будут развиваться события в республике, да и

в Союзе после таких действий Центра (надо полагать, прежде всего имеются в виду действия в Прибалтике. – **О.М.**)

Мы только что провели консультации с рядом специалистов. Может быть, стоит начать с создания национальной гвардии, территориальных образований, ополчения.

Я не имею в виду приступить к их немедленному формированию, тем более что на нашей территории армии больше чем достаточно, в том числе и с ядерным оружием. Но думать об этом надо...»

Ельцину был также задан вопрос насчет его обращения к солдатам, сержантам и офицерам, находящимся в Прибалтике: дескать, некоторые говорят, что вы призываете не подчиняться приказам командиров, а это уже бунт и преступление перед государством.

– Это прямая инсинуация, – ответил Ельцин, – и таких слов не было. Есть другое: «Перед тем как идти на штурм гражданских объектов на Прибалтийской земле, вспомните о своем родном очаге, о настоящем и будущем своей республики, своего народа. Насилие над законностью, над народом Прибалтики породит новые серьезные кризисные явления и в самой России, и в положении россиян, проживающих в других республиках, в том числе прибалтийских...»

В этом же интервью Ельцин лаконично, на «доступном для всех» языке объяснил, почему он поддерживает стремление прибалтийских республик к независимости:

– Почему были прерваны переговоры Центра с Литвой? Ну, ушла бы она из Союза, ну и что? Мы остались бы с дружественным соседом, связанными экономическими и прочими связями, но не кровью. Были же избраны крайние, недопустимые меры. И за это должны отвечать конкретные виновники.

Нетрудно догадаться, кого Ельцин считал главным конкретным виновником балтийской трагедии.

Ельцин вслед за Шеварднадзе предупреждает об угрозе диктатуры

19 января в «Российской газете» было опубликовано открытое письмо Ельцина народам Прибалтики. Председатель российского парламента констатировал, что «обстановка накалена до предела», прогремели выстрелы, погибли люди, «на дорогах и улицах городов – боевая техника и вооруженные люди в военной форме», «люди разных национальностей в Латвии, Литве и Эстонии ощущают: надвигается большая беда».

Вину за драматическое обострение обстановки Ельцин возложил на союзное руководство:

«Центр отказывается от переговоров с законно избранными органами власти. В любой момент может произойти непоправимое. Нет гарантии, что не будет отдан преступный приказ, который в сложившейся обстановке может послужить детонатором эскалации насилия, вызвать цепную реакцию вооруженного противоборства. Если это произойдет, в крови мирных, ни в чем не повинных граждан утонут надежды на возрождение всех наших республик, будет растоптана свобода и демократия. Горе придет в каждый дом, в каждую семью».

Но дело не ограничится Прибалтикой – реакционный переворот расползется по всей России:

«Сегодня реальна опасность превращения Прибалтики в регион, откуда реакция маршем пойдет по стране, по всем ее республикам».

Тут стоит вспомнить недавнюю высказанную Ельциным уверенность, что переворот России не грозит. Правда, тогда он говорил о военном перевороте, здесь же – о государственном, инициаторами которого, похоже, готовы выступить люди, стоящие вне армейских рядов.

Но, все равно, многое зависит и от военных. Ельцин призвал тех, «кто носит оружие»,

«не направлять смертоносные стволы против мирного населения, не стрелять в безоружных людей», – выстрелы, прозвучавшие в Вильнюсе, пусть будут последними».

Что касается политиков, подталкивающих армию «под локоток»... «Я обращаюсь к тем, – писал Ельцин, – кто возлагает надежды на силу оружия и военной техники. Откажитесь от чудовищной иллюзии, что с помощью этих средств можно установить порядок и спокойствие».

Ельцин резко выступил против всевозможных «комитетов национального спасения», там и сям создаваемых в Прибалтике:

«В спешном порядке, в глубокой конспирации формируют самозванные структуры, претендующие на всю полноту власти. Вещают от имени народа, но трусливо скрываются от него. Уже на третий день существования Комитета спасения Литвы его засекреченные руководители совершили тягчайшее преступление, обагрили свои руки кровью, бросили на кровавую бойню военнослужащих, снова подставили солдат, заставили убивать. Взвалили на них груз ответственности, повернули на них гнев народа».

Отдельный призыв – к Горбачеву:

«Президенту нужно вернуться к логике мирного политического диалога с республиками, с законно избранными органами власти, оставить опасную иллюзию, что из гражданского кризиса можно выйти с помощью военной силы, опираясь на самозванцев, которые рвутся к власти, но боятся своего народа, хотя объявляют себя его спасителями... Нужно помнить о президентской присяге, которую он давал...»

По словам Ельцина, ситуация такова, что вполне возможно наступление диктатуры в стране. А потому всем партиям, общественным движениям необходимо остановить политическую борьбу «хотя бы на это пиковое время». Ни в коем случае нельзя допускать межнациональных конфликтов, «видеть в военных, которые сегодня находятся в Прибалтике, только слепую и темную силу».

«Я призываю вас, – продолжал Ельцин, – разглядеть в них человеческие лица. Им сейчас крайне тяжело. Многие из них испытывают колоссальные психологические перегрузки, вынуждены делать сложнейший нравственный выбор. И если они встретят только ненависть, только проклятия, совершить нравственную ошибку, сломаться может даже человек сильной воли...»

«В эти дни решается судьба нашей страны, – говорилось в заключение ельцинского открытого письма. – Будем мы продолжать движение вперед по пути обновления, или начавшийся откат отбросит нас далеко назад во времена произвола, насилия над народами и достоинством каждого человека... Будем же едины в нашем стремлении к свободе! Диктатура не пройдет!»

Еще одно громкое предупреждение о наступающей диктатуре

Как уже говорилось, 20 января на массовой – в несколько сот тысяч человек – манифестации в центре Москвы прозвучало зачитанное Бурбулисом тревожное предупреждение Ельцина о том, что «события в Прибалтике грозят выйти за пределы Латвии, Литвы, Эстонии» и распространиться на всю страну: опасность диктатуры – той, о которой, по-видимому, предупреждал Шеварднадзе, – стала вполне реальной.

В самом деле, никто не знает, как бы пошли дальше эти события, если бы не протестующие голоса в самой Прибалтике и за ее пределами. Думаю, намерения у тех, кто затеял кровавую бойню в Вильнюсе, в Риге, были вполне серьезными. Они не намеревались ограничиваться использованием военной силы в каких-то отдельных географических точках. Как показало дальнейшее, их планы простирались на всю страну.

Без сомнения, твердая и ясная позиция, занятая Ельциным в те январские дни, стала одним из главных препятствий на пути затеянной в Прибалтике репетиции грядущего

августовского путча.

ГОРБАЧЕВ И БАЛТИЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ

КГБ уже сообщил ему обо всем

Теперь о том, как вел себя во время трагических событий в Прибалтике Горбачев. Какова была его первая реакция на то, что происходило в Вильнюсе? Из книги Андрея Грачева «Горбачев. Человек, который хотел, как лучше...»:

«Поздно вечером 13 января 1991 года (все-таки не зря у «чертовой дюжины» дурная слава) тогдашний министр внутренних дел Литвы Мисюконис дозвонился на квартиру своему бывшему коллеге – Бакатину. И сообщил, что в Вильнюсе организовано настоящее побоище с участием армейских частей и прибывшей из Москвы группы «Альфа». Спецназ при поддержке танков штурмовал вильнюсский телецентр, который защищала безоружная толпа. По сведениям министра, уже погибло больше десяти человек. Связаться с Пуго, Язовым или Крючковым невозможно, их телефоны не отвечают.

Взволнованный Бакатин бросился звонить Горбачеву на дачу. К его удивлению, тот воспринял драматические новости спокойно:

– Не нервничай, Вадим. Мне уже докладывали. Твои литовцы сильно преувеличивают. Обстановка в городе накалилась из-за стычек между отрядами рабочих с националистами. Кое-кто пострадал, но самоуправства со стороны военных допущено не будет. Я дал команду разобраться.

Экс-министр понял, что президент пересказывает ему кагэбэшную версию событий.

К утру выяснилось, что на самом деле ситуация намного хуже, чем ее изобразил руководитель всезнающего ведомства и, видимо, чем сам мог прогнозировать. В результате штурма телецентра погибло 13 мирных жителей.

Вокруг литовского парламента выросли баррикады. Никому до сих пор не известный Комитет национального спасения во главе с секретарями ЦК компартии Литвы на платформе КПСС требовал смещения В. Ландсбергиса и введения в республике прямого президентского правления. Это, по всей видимости, и было изначальной целью всего топорно сработанного сценария, в соответствии с которым «спонтанные выступления» рабочих отрядов, выступавших против сепаратистов, должны были привести к столкновению с полицией, лояльной официальным властям, что давало повод для вмешательства союзной армии и ОМОНа.

Однако ход этой спецоперации, возглавить которую из Москвы еще 10 января скрытно прибыли два генерала – Валентин Варенников и Владислав Ачалов, подтвердил, что советский КГБ образца 1991 года недалеко ушел в профессиональном отношении от американского ЦРУ, спланировавшего высадку «здоровых»

антикастровских сил в заливе Кочинос в 1961 году. Во-первых, самих антисепаратистов оказалось на порядок меньше – всего несколько сот человек вместо ожидавшихся тысяч. Во-вторых... московские стратеги... не учли разницу во времени, из-за чего танки и «Альфа», предназначавшиеся для подавления «уличных беспорядков», прибыли к месту действий на час раньше, чем они начались».

Был ли причастен к этому сам Горбачев?

Был ли Горбачев причастен к побоищу возле вильнюсского телецентра? Помощник Горбачева Анатолий Черняев так пишет об этом в своем дневнике (запись помечена тем же злосчастным днем – 13 января):

«В печати, по радио у нас и на Западе гадают: с ведома Горбачева предпринята вильнюсская акция или вообще события в стране уже вышли из-под его контроля? Или это самодеятельность литовских коммунистов и военных? Меня тоже мучают сомнения. Но подозреваю, что Горбачев втайне даже от самого себя хотел, чтобы что-то подобное случилось. Спровоцировала демонстрация рабочих перед Верховным Советом в Вильнюсе, приведшая к уходу Прунскене (премьер-министра Литвы. – **О.М.**) Однако, если бы этого не было, наверное, «пришлось бы выдумать» что-нибудь другое. Предавать Бурокаявичюса и Шведа (секретари ЦК КП Литвы) для М. С., мне кажется, невыносимое дело».

Здесь надо кое-что пояснить. Как полагает Черняев, Горбачева терзают сомнения, какую занять позицию, какую дать оценку вильнюсским событиям. Признаться, что он был в курсе готовящейся военной акции (если был), он не может, – это значило поставить себя на грань отставки. Не может он также обвинить во всем своих вильнюсских «товарищей», руководителей компартии Литвы – «предать» их. Что остается?

По радио передают, что происходит в литовской столице. Вильнюс блокирован танками и бронетранспортерами. Штурмуют телевидение, радио, министерство финансов. В здании республиканского Верховного Совета окна заложены мешками с песком. На площади примерно сто тысяч народу.

Сообщается, что Ельцин отбыл в Таллин «для обсуждения ситуации» с лидерами Прибалтики.

Растерянность и ложь

Следующая, за 14 января, запись Черняева в дневнике – яркое свидетельство растерянности союзных властей, осознания того, что в Вильнюсе союзный Центр, и лично Горбачев, потерпел позорный провал:

«Сегодня Верховный Совет начался, конечно, с Литвы. Лживые, не по существу дела, объяснения Пуго и Язова (напомню: министров внутренних дел и обороны. – **О.М.**) А после перерыва – сам Горбачев: косноязычная, с бессмысленными отступлениями речь. И нет политики. Сплошное фарисейское виляние. И нет ответа на главный вопрос, речь недостойна ни прошлого Горбачева, ни нынешнего момента, когда решается судьба всего его пятилетнего великого дела. Стыдно было все это слушать».

Безжалостно, однако, помощник президента, человек, преданный ему душой и телом, оценивает выступление своего шефа.

Смятение и среди ближайших сотрудников Горбачева. Черняев:

«Игнатенко утром заговорил со мной об отставке. Пришел Андрей Грачев с заседания Верховного Совета, попросил не утверждать его заведующим

международным отделом при президенте: «Хватит с меня 1968 и 1979 годов» (то есть ввода войск в Чехословакию и Афганистан. – **О.М.**)

Непереносимо. А что я?»

У многих в тот момент возникали ассоциации с вторжением советских войск в Чехословакию и Афганистан. И с еще более ранним – в Венгрию, в 1956 году. Правда, тогда коммунистические «интернационалисты» действовали более решительно и с использованием гораздо большей военной силы. К концу восьмидесятых – началу девяностых слабеющая коммунистическая империя уже утратила былую хватку.

«Сообщение о трагедии всех застало врасплох»

14 января, выступая по поводу вильнюсских событий в союзном Верховном Совете, Горбачев действительно отделялся общими обтекаемыми фразами. Уверял, что ничего не знал о готовящейся карательной акции:

– Все мы тяжело переживаем случившееся в ночь на 13 января – резкое обострение обстановки в республике, гибель людей. Налицо резкое противостояние, по сути дела, раскол общества. В этой обстановке нужно действовать и взвешенно, и ответственно...

В беседе с журналистами в перерыве заседания Горбачев сказал, что он «не хотел вводить президентское правление и все, что с ним связано, и решил ограничиться хоть и строгим, но всего лишь предупреждением Верховному Совету Литвы... Я узнал о случившемся рано утром. Сообщение о трагедии всех застало врасплох».

Если Ачалов, Варенников действовали в Вильнюсе самовольно, по отношению к ним, наверное, должны были последовать какие-то санкции. Однако ничего такого не произошло.

Помощники подозревают Горбачева...

По некоторым признакам, у ближайших помощников Горбачева возникало подозрение, что шеф все же не так уж и непричастен к событиям в Вильнюсе. Как-то странно он себя вел в те «послевильнюсские» дни. Анатолий Черняев, 15 января:

«На встречу Горбачева с Велиховым (видимо, речь идет о встрече с иностранными учеными, которую организовал академик Велихов. – **О.М.**) я не пошел. Противно было встречаться с ним. Стыдно смотреть в глаза людям. Я рассчитывал, что в такой обстановке он (Горбачев. – **О.М.**) откажется (от встречи. – **О.М.**) Материалы и речь я ему подготовил еще до событий. Но опять его «недооценил» – он пошел. Позвал с собой Яковлева, Болдина и только что утвержденного на заседании Верховного Совета (министром иностранных дел СССР. – **О.М.**) Бессмертных. И как ни в чем не бывало почти два часа рассылался перед американцами и другими в приверженности новому мышлению. А они, как ожидалось, не задали никаких вопросов...»

Непонятно: так и ожидалось, что не зададут, или ожидалось, что зададут, но вот не задали? Вообще-то должны были задать: весь мир тогда был «поставлен на уши» Вильнюсом.

Помощники уговаривают Горбачева поехать в Вильнюс

Анатолий Черняев, 15 января:

«Приехал Игнатенко. Рассказал, что вчера вечером он, Яковлев и Примаков стали

уговаривать Горбачева съездить в Вильнюс, возложить венок, выступить там на Верховном Совете, пойти в коллективы, к военным и т. д.

Горбачев это вроде воспринял, сказал: сделайте к утру тексты для выступлений там. Написали, утром положили на стол. И весь день Игнатенко ловил Горбачева, чтобы узнать, что же он решил. М. С. сделал вид, что никакого разговора с этими тремя не было. Из чего Игнатенко сделал вывод, что тот не «дезинформирован» (относительно того, что намеревались осуществить в Вильнюсе. – **О.М.**), как думают многие, а осуществляет свой план запугивания прибалтов».

Это важная догадка: Горбачев с помощью военных «ОСУЩЕСТВЛЯЕТ СВОЙ ПЛАН ЗАПУГИВАНИЯ ПРИБАЛТОВ». В этот план не посвящены даже ближайшие сотрудники президента, вообще, видимо, мало кто посвящен, но по каким-то едва заметным признакам люди начинают догадываться...

В планах и действиях Горбачева – постыдный перелом

В дневниковой записи от 15 января Анатолий Черняев приводит свое письмо Горбачеву, которое он написал в этот день утром. Письмо весьма интересно: человек, близкий к президенту, говорит ему предельно откровенно, что он думает о нем. А мысли его – печальны. Он видит, как в Горбачеве, в его намерениях, планах, действиях происходит постыдный перелом.

Анатолий Черняев, 15 января:

«Я проснулся в пять утра и заснуть больше не мог. Обдумал свои намерения. Придя на работу, продиктовал Тамаре шесть страниц объяснений с Горбачевым, резко и откровенно, наотмашь – с выводом: «Я тоже ухожу». Вот этот текст:

«Михаил Сергеевич!

Поскольку перелом наконец действительно наступил и поскольку трудно было даже предположить, что он станет таким печальным и постыдным, никто не имеет права отмалчиваться.

С некоторых пор мы, помощники, заметили, что Вы в нас не нуждаетесь. Мы ничего не знаем ни о Ваших намерениях, ни о Ваших планах, ни о предполагаемых действиях или кандидатурах... Наше мнение Вас явно не интересует. Но это не значит, что у нас нет своего мнения обо всем этом.

Я, который искренне и верно отдавал Вашему делу все, что мог, считаю своим долгом сказать Вам следующее.

Ваша речь в Верховном Совете – это знамение конца. Это совсем не то, что ждали мир и страна. Это – не выступление великого государственного деятеля в момент, когда под вопрос поставлено все его дело. Сумбурная, косноязычная, с какими-то странными впечатлениями от встречи с Прунсене, с «фабулой» событий, о которых весь мир знает в десять раз больше. Было полное ощущение, что Вы просто не в курсе дела или выкручиваетесь, не желая сказать, чего Вы действительно хотите добиться.

В этой речи не было главного – политики. А политика, как Вы сами нас учили, – это всегда выбор. На этот раз выбор таков: либо Вы говорите прямо, что не потерпите отпадения ни пяди Советского Союза и употребите все средства, включая танки, чтобы этого не допустить, либо Вы признаете, что произошло трагическое, не контролируемое из Центра событие, что Вы осуждаете тех, кто применил силу и погубил людей, и привлекаете их к ответственности.

В первом случае это означало бы, что Вы хороните все то, что было Вами сказано и сделано на протяжении пяти лет. Признаете, что и сами Вы, и страна оказались не готовы к революционному повороту на цивилизованный путь и что придется вести дела и обращаться с народом по-прежнему.

Во втором случае дело еще можно было бы поправить во имя продолжения перестроечного курса. Хотя что-то необратимое уже произошло. Никакие прокуроры и следователи, к каким бы выводам они ни пришли на месте, не изменят той оценки событий, которую дала международная общественность и все политические эшелоны западного мира. Не повлияют они и на наше общественное мнение, которое Вы явно недооцениваете или просто дезинформированы о его действительном содержании.

Вы, видно, не знаете отношения к Вам в народе – на улицах, в магазинах, в троллейбусах, на митингах, в коридорах и курилках. Вас заваливают телеграммами (хотя Вам по опыту прежних лет хорошо известно, как это делается) от тысяч людей (по-видимому, имеется в виду – телеграммами в поддержку. – **О.М.**) Но мнения других десятков тысяч и миллионов Вы просто «знать не хотите» – они не вписываются в Ваши намерения. Знаете ли Вы, что почти круглосуточно передают сейчас «Эхо Москвы» и даже «Маяк»? Там ведь расхожий уже термин: «Горбачев и его клика». И это на весь мир.

Вчерашняя передача Ленинградского телевидения повергла всех в ужас: гробы, трупы, рыдающие женщины, танки, вращающиеся башнями, девочка, вытаскивающая из-под гусениц зонтик, и т. п. Это что, на политику не должно влиять? Для политики важны лишь телеграммы, лично для Вас подобранные?

Разрушается главное, что было достигнуто в ходе политики нового мышления, – доверие. Вам уже теперь не поверят, как бы Вы отныне ни поступали. Торжествуют те, кто предупреждал: все это новое мышление – лишь личина, которая в подходящий момент (или когда туго придется) будет сброшена. Представляю себе сейчас настроение Буша, Бейкера, десятков других, которые искренне доверяли Вам.

Вы дали Ельцину и К^о еще один, может быть, окончательный шанс обыграть Вас. Ведь то, что он заключил соглашение с прибалтийцами и обратился в ООН, создал «совет четырех» – с Украиной, Белоруссией и Казахстаном, – где «нет места Центру», означает, что новое государственное образование, как бы потом ни назывался Советский Союз, понесут они в мировое сообщество – в обход Вас, вопреки Вам и против Вас. Вы начали процесс возвращения страны в цивилизацию, но он уперся в Вашу же установку о «едином и неделимом». Мне и другим Вашим товарищам Вы не раз говорили, что русские никому не простят «развала империи». А вот Ельцин от имени России это нахально делает. И мало кто из русских против этого протестует. Даже «полозковники» в его собственном парламенте не осмеливаются сколько-нибудь эффективно протестовать.

В РЕЗУЛЬТАТЕ ВЫ ОБРЕКЛИ СЕБЯ НА ПОЛИТИКУ, ЦЕЛИ КОТОРОЙ МОЖНО ДОСТИГНУТЬ ТОЛЬКО СИЛОЙ (выделено мной. – **О.М.**) И тем самым вошли в противоречие с провозглашенной Вами самим философией.

Вы ведь не раз публично заявляли, что до тех пор, пока Вы на своем посту, Вы не допустите вооруженного насилия над людьми. Пусть Вы «не знали», не разрешали стрелять и давить танками в ту ночь в Вильнюсе. Но то, что произошло, – результат Вашей политики, Вашего нежелания отпустить Литву подбру-поздорову.

В Москве и в других городах, как объявлено вчера по радио, по призыву Совмина РСФСР в среду будет «предупредительная политическая забастовка». В воскресенье (то есть 20 января. – **О.М.**) – массовая манифестация во главе с Ельциным, которая завершится на Старой площади (здесь размещался ЦК КПСС. – **О.М.**) Лозунг: «Горбачева и его команду – в отставку».

Вы знаете резолюции Президиума Верховного Совета Украины, Моссовета и Ленсовета и прочее и прочее. Но что-то не слышно демонстраций в поддержку действий, осуществленных в Литве. Политику там и раньше было трудно оправдывать, а теперь – после 14 трупов и сотен искалеченных – вообще немислимо, если есть совесть.

Единственное обоснование, которое формально звучит для кого-то, впрочем очень немногих, – это что Ландсбергис и К^о нарушают Конституцию СССР. Но ведь кому, как не Вам, знать, что законность бывает «всякая». И если ее требуется насаждать танками и БТР, то... это мы уже проходили. Это – не законность правового государства, которая, согласно Вашим же утверждениям, может быть результатом лишь демократического процесса.

Полтора года назад в Крыму (то есть в момент пребывания Горбачева и Черныева в Крыму. – **О.М.**), когда прибалты выстроили тысячекилометровую живую цепь со свечами (имеется в виду знаменитая акция «Балтийский путь», когда жители трех прибалтийских республик, взявшись за руки, соединили три их столицы. – **О.М.**), я, если помните, сказал Вам: остановить их уход из СССР можно только танками. Вы от меня отмахнулись. Теперь мы это и наблюдаем. Спрашивается, для чего и для кого это нужно? Перестройка ведь – для человека! И если 150 тысяч или сколько их там из трех с лишним миллионов населения Литвы хотят оставаться в Советском Союзе, то это не значит, что ради них во главе со Шведом и Бурокаявичюсом можно так обращаться с представителями другой части республики. Оправдания, которые вчера попытались представить Пуго и Язов, прозвучали жалко и позорно. Они дискредитируют Вас, представляют Центр в нелепом виде. Впрочем, Вы повторили их «логику». А она – как на деревенской улице: меня, мол, побили, я позову большого брата, и он вам покажет!

В государстве, которое заявило, что хочет быть и становится правовым, невозможно заменять политические и юридические оценки рассказом, как общественная организация, возмущенная радиопередачами (имеется в виду литовский Комитет общественного спасения. – **О.М.**), позвала на помощь войска и они вместе пошли на штурм телебашни. Это все равно что какая-то группа в Москве, которой не понравится «Взгляд» или «120 минут», попросила бы знакомого командира полка или дивизии выделить батальончик, чтобы осадить Останкинскую башню и выгнать оттуда весь персонал. А если бы милиционер у входа стал стрелять, то тогда пошли бы в ход танки? Вот ведь, по существу, чего стоят объяснения, которые услышали наш парламент и весь мир.

Словом, ради сохранения Литвы в СССР Вы собственными руками губите дело, которое, как правильно Вы многократно утверждали, призвано изменить мир.

У меня такое впечатление, что Вы не читаете даже шифровок из-за границы, которые ломаются от протестов, возмущения, гнева, разочарования и угроз разорвать все намеченные связи с нами – со стороны правительств, партий, общественности. Картина (в том числе и у оград наших посольств) – какую мы уже вроде бы и позабыли со времен Сахарова в Горьком.

На этом фоне утверждение членов кабинета в Верховном Совете выглядит какой-то странной фантазмагорией: назначается правительство для непонятно какого государства. **О СОЮЗНОМ ДОГОВОРЕ В ВАШЕМ ВАРИАНТЕ МОЖНО ТЕПЕРЬ ПОЗАБЫТЬ** (выделено мной. – **О.М.**)

Я достаточно хорошо Вас знаю, Михаил Сергеевич, чтобы предвидеть, как Вы отреагируете на эту записку: мол, вот и еще один «отвалил», не выдержал. Пусть так. Но заподозрить меня на 70-м году жизни в каких-то амбициях, в тщеславных, честолюбивых соображениях Вам будет очень трудно. Вы ведь меня тоже немножко узнали, хотя и не очень-то интересовались мной. Я под себя не греб и ничего лично для себя не искал. Смысл этого моего послания состоит вот в чем: я верой и правдой служил «тому» Горбачеву – великому новатору и автору перестройки. А сейчас я его не узнаю и не понимаю.

Я тяжело пережил Прагу. Осуждал в душе, среди своих друзей и перед дочерью – тогда еще школьницей. Сказал ей: «Запомни: великая страна покрыла себя позором, и не будет нам прощения». Я не скрывал в кругу сотрудников Международного отдела ЦК своего крайнего возмущения вторжением в Афганистан. Хотя моральную ответственность за

политику, которая вела к тем интервенциям, я нес лишь в той мере, в какой можно ее возложить на, в общем-то, рядового аппаратчика. Но к политике последних пяти лет я имел прямое отношение. Это была политика, которая исключала повторение чего-либо подобного 1968 и 1979 годам. Оказывается, нет. И иметь прикосновение к политике, которая несет в себе возможность измены самой своей сути, я не могу.

Михаил Сергеевич! С тех пор как я оказался «при Вас», мне никогда не приходило в голову, что мне опять, как при Брежнев и Черненко, придется испытать мучительный стыд за политику советского руководства. Увы! Это произошло...

С уважением А. Черняев».

Письмо написано, но не отправлено

Это, конечно, выдающийся документ, показывающий, что и среди коммунистических аппаратчиков высокого ранга были порядочные, совестливые люди. Мало кто из них отважился публично высказывать свои взгляды на политику советского руководства, но отрадно, конечно, уже то, что они эти взгляды – часто разумные и честные – исповедовали.

Секретарь сначала отказывалась стенографировать текст Анатолия Черняева, а потом, отпечатав, спрятала его в свой сейф. Стала увещевать автора: «Вы наносите ему (то есть Горбачеву. – **О.М.**) удар и с этой стороны. А он к вам так относится!»

Коллеги, которые узнали о письме, также советовали Черняеву не торопиться.

В конце концов, поостыв, он «заколебался в своей решимости «сделать Горбачеву ручкой»».

Письмо так и осталось не переданным адресату. Может быть, напрасно Черняев его не передал. Может быть, «делать ручкой» Горбачеву было и не обязательно (это уж как сам Горбачев решит, – увольнять своего помощника или не увольнять), но оно вполне могло как-то воздействовать на президента. Не исключено, прочитав его, он захотел бы как-то скорректировать свои действия, в том числе и в отношении Прибалтики.

«Любой ценой удержаться у власти»

В тот же день, 16 января, Черняев делает еще одну интересную запись: в разговоре со своей дочерью он «вкратце излагает ей свое видение Горбачева: в нем действует уже одна логика – удержаться у власти любой ценой». По словам Черняева, «его новое выступление против Ландсбергиса и по поводу пресс-конференции Ельцина (надо полагать, таллинской или московской, скорее – московской, 14 января. – **О.М.**), как и предыдущее в Верховном Совете, – сумбурное, не по делу, мелочное и «личностное», совсем не на уровне момента».

А ведь стремление любой ценой удержаться у власти – это как раз то обвинение, которое Горбачев и его окружение много раз в разговорах между собой, да и не только между собой, предъявляли своему вечному оппоненту Ельцину.

Снова – Политбюро?

В эти дни, – правда, по другому поводу, не по поводу Литвы, – Горбачев вспомнил и о Политбюро, призвал его держать совет относительно начавшейся войны в Йемене и Ираке, введения американских войск в эти страны.

Анатолий Черняев, 17 января:

«Началась война в Персидском заливе (сухопутный вариант). Я в этом не сомневался. Меня разбудили в 4 утра. Поехал в Кремль. Зашел к Примакову – там Дзасохов и Фалин. Начали сочинять заявление Горбачева.

Часов в 7 в Ореховой комнате М. С. собрал – у меня «челюсть отвисла», когда я вошел, – членов Политбюро, секретарей ЦК... Все возвращается на круги своя, подумал я, это симптом. Был, конечно, и Язов, который, разложив карту на столе, показывал, что и как, по его мнению, будет (кстати, угадал точно).

Знали бы американцы... Ночь. Чрезвычайная ситуация... Собрались дилетанты в вопросе, который предстояло обсуждать...

Вот в какой компании М. С. решал вопрос в связи с событием, последствия которого, с точки зрения перегруппировки всех мировых сил, состояния противоречий и факторов, могут превзойти результаты мировой войны.

Не знаю, соврал Игнатенко или правда – он сидел рядом с одним из секретарей ЦК, – когда по ходу разговора было упомянуто о кораблях, тот наклонился и спросил у него: «А при чем тут суда? Разве там море близко?»

Ну да, как говорила госпожа Простакова из фонвизинского «Недоросля», защищая своего непутевого Митрофанушку: для чего ему «еоргафию» знать – «извозчики-то на что ж»?

Как видим, «недоросли» оставались еще и в «перестроечном» Секретариате ЦК КПСС.

Весть о том, что к рулю управления государством, его внешней политикой Горбачев снова собирается поставить ветхозаветный советский орган – Политбюро (хотя 6-я статья Конституции вроде бы уже почти год как была отменена), без сомнения, не могла не вскипятить Ельцина, не усилить его протестное по отношению к Горбачеву настроение.

Репутации Горбачева нанесен непоправимый ущерб

Как уже говорилось, 20 января в Москве состоялась массовая манифестация протеста против действий союзных властей в Прибалтике. В сущности, – против действий Горбачева, хотя формально он и остался как бы в стороне от них.

«Репутации Горбачева в ночь с 12 на 13 января нанесен непоправимый ущерб, – писала «Независимая газета». – Когда кровавые эксцессы происходили в прошлом, президент имел более или менее прочное алиби. Событиям в Тбилиси предшествовала зарубежная поездка. Событиям в Баку – погромы. Трагедия в Литве была отрежиссирована в присутствии Горбачева в стране и без какого-то прямого повода. Пожалуй, именно поэтому манифестация москвичей, остановленная на Старой площади, **БЫЛА ПЕРВОЙ МАССОВОЙ АНТИГОРБАЧЕВСКОЙ АКЦИЕЙ** (выделено мной. – **О.М.**) Горбачева любили и ненавидели, восхваляли и критиковали. Но его никогда не боялись. Страх при этом имени пришел к людям впервые».

«Первая массовая антигорбачевская манифестация (она собрала, по разным оценкам, от двухсот до пятисот тысяч человек) – так единодушно, почти слово в слово, аттестовали акцию, прошедшую 20 января, разные газеты. «Коммерсантъ-weekly»:

«Это была первая откровенно антигорбачевская манифестация такой численности, ставшая пиком волны протестов, прокатившихся по всей стране. Запад, заморозив решения о кредитах и финансовой помощи на общую сумму 16 миллиардов долларов, недвусмысленно дал понять, что несколько разочаровался в образе «улыбчивого Горби».

Горбачев «молчит и отсиживается»

Через неделю после Вильнюса по-настоящему полыхнуло в Риге. Анатолий Черняев, 21 января:

«Ночью меня разбудил Бишер (зам. председателя правительства Латвии). В паническом тоне сообщил, что омоновцы атаковали здание МВД в Риге, четверо убитых, восемь раненых. Что я мог ответить? Утром я написал об этом Горбачеву. Ответа не получил. И вообще достать его было невозможно. Он весь день совещался то с Рюйтелем (председателем парламента Эстонии. – **О.М.**) (чтобы в Эстонии не произошло того же, что в Вильнюсе и в Риге), то возлагал венок Ленину, то опять и опять закрывался с Пуго, Язовым, Крючковым и т. п. Вместо того чтобы выйти на трибуну и изложить свою позицию – позицию руководителя великой державы.

Российский парламент. Чрезвычайная сессия. Ельцин – с докладом о ситуации в стране, в общем «взвешенным», как теперь принято говорить, без прямых оскорблений в адрес Горбачева и без призывов его свергнуть (как это он сделал вчера на Манежной площади перед... тысячами людей). (Напомню, в действительности Ельцина на Манежной не было, его обращение зачитал Бурбулис; в обращении, в самом деле довольно резко, все же не было призывов свергнуть Горбачева. – **О.М.**) Впрочем, тем опаснее для М. С.

Наши попытки (Примакова, Игнатенко и мои) выйти на Горбачева и всерьез поговорить ни к чему не привели. Средства массовой информации уже выдают официальную версию: в Риге был бытовой конфликт: изнасиловали женщину-омоновку, терпение у людей лопнуло и т. п. Словом, переводят на кухонный уровень. В то время как политическое значение – в реакции мира на эту бытовуху.

По радио идет передача о заседании российского парламента. Много говорят и дельного, но почти каждый кроет Горбачева и метит в самые больные места. В том числе: мол, вот Ельцин, как только произошли в Вильнюсе события, сразу поехал на место... В отличие от Горбачева, который молчит и отсиживается».

Ельцин «сбавляет тон»

Мы видели: Черняев оценил выступление Ельцина на открытии чрезвычайной сессии Верховного Совета России 21 января как более «взвешенное», нежели его речь на митинге, произнесенную накануне (на самом деле, еще раз скажу, Ельцина на митинге не было, его обращение зачитал Бурбулис). В общем-то, оно и понятно, по-другому не бывает: одно дело митинговое выступление, пусть и «письменное», и другое – речь в парламенте. Это разные жанры. Но даже с учетом различия в жанрах многие, даже противники Ельцина, заметили, что его речь в Верховном Совете была как бы примирительной, призывающей к совместному с Центром поиску выхода из тяжелой ситуации.

– Особым направлением в работе предстоящей сессии, – сказал Ельцин, – будет выработка точной политической линии во взаимоотношении России и Центра в новых условиях. Наша главная задача в этом вопросе – задержать, остановить сползание союзного руководства к реакции, ни в коем случае не дать Центру отойти от уже достигнутых договоренностей. Недопустимо, чтобы силовые методы в решении проблем вошли в повседневную практику. Тактика диалога себя еще не исчерпала.

То есть не «Долой Горбачева!», а «будем продолжать диалог с ним, искать компромисс».

Тот же самый мотив – еще не все потеряно, мосты не сожжены – и в конце ельцинского выступления:

– Считаю, что реакционный переворот, совершенный сегодня (то есть переход Центра

к «силовым» методам, прежде всего в Прибалтике. – О.М.), не достиг необратимой стадии. Убежден, что эта стратегическая ошибка в политике Центра может и должна быть исправлена. Это во многом зависит от нас, уважаемые народные депутаты. В нынешней критической обстановке самое неправильное – впадать в уныние и панику.

Короче говоря, «точка невозврата» в отношениях с Центром, как полагает Ельцин, еще не пройдена, усилиями России, российской власти Горбачева можно «образумить» и вернуть на мирный, демократический путь.

Правда, уже через короткий срок Ельцин отойдет от этой миролюбивой риторики, вновь, с удвоенной силой, обрушится на своего постоянного соперника – союзного президента. И такой переход – от перемирия снова к войне – вновь у многих вызовет недоумение.

«Я так и не смог прояснить для себя до конца, что заставило Б.Н.Ельцина буквально в считанные дни круто изменить свою позицию, – пишет в своих воспоминаниях бывший председатель Совета Республики российского парламента, последовательный противник Ельцина Владимир Исаков, – Получил новую информацию? Переосмыслил факты? А может быть, все было проще: наиболее радикальные сторонники Ельцина склонили его воспользоваться стратегической ошибкой Центра и перейти в «решительное наступление»?

Под «стратегической ошибкой Центра», видимо, имелась в виду затеянная в ту пору премьер-министром Павловым безумная денежная реформа – изъятие из обращения за кратчайший срок, с 23 по 25 января, 50- и 100-рублевых денежных купюр, в результате чего многие люди просто-напросто лишились денег. Их естественное возмущение такой «реформой», как полагает Исаков, и поспешил использовать Ельцин по подсказке своих советников.

Горбачев наконец согласился сказать внятное слово

Время идет, но стране, в общем-то, так и не известно, что думает о прибалтийских событиях ее президент, что он намерен в связи с ними предпринять. Он молчит.

Анатолий Черняев, 22 января:

«Продолжали (я, Примаков и Игнатенко) уламывать Горбачева выступить по Литве и Латвии в Верховном Совете. Вчера вечером он согласился только на то, чтобы мы к нему явились в 10 утра. Явились. Он сразу же обрушился за вчерашнее на российский парламент. Потом стал рассказывать, как он улаживал дело с Рюйтелем, а сейчас ждет Горбунова и Рубикса (руководителей Латвии. – О.М.)

Согласился, чтобы мы сочинили проект его выступления по Литве. Дал мне вариант, подготовленный Шахназаровым (значит, еще вчера подумал об этом). За полчаса я, вернувшись к себе, сделал текст на пяти страницах. Кое-что взял у Шахназарова...

Примаков, Шахназаров, Игнатенко и я сели за текст выступления по Литве. Горбачев стал передиктовывать по моему варианту. Выбросил кое-что «самое интересное», в том числе одобрение воскресных митингов как выражение живой демократии. Но осталось главное: события в Риге и Вильнюсе – это не его, Горбачева, политика. Это спонтанные вещи, результат кризиса и нарушения законов самими властями. Отмежевался. Выразил соболезнование. Осудил апелляцию к армии в политической борьбе, использование войск без приказа.

Словом, все, что нужно было сказать неделю назад. Тогда, может быть, не было бы ни событий в Риге, ни митингов в Москве, ни проклятий, ни бегства от него интеллигенции, ни беспокойства на Западе с угрозой отказаться нас поддерживать.

Но М. С. в своем репертуаре – всегда опаздывать». О том, что Горбачев «всегда опаздывает», не однажды говорил и Ельцин.

Президент ни за тех, ни за этих

Итак, 22 января, спустя десять дней после трагических событий в Вильнюсе, Горбачев наконец, после упорных напоминаний и призывов своих помощников, решился на «прямой и откровенный» публичный разговор по их поводу. В заявлении, с которым он выступил вечером в этот день в пресс-центре МИДа перед иностранными журналистами (выступление транслировалось по телевидению), говорилось, что события, которые произошли в Вильнюсе и Риге, «ни в коем случае не являются выражением линии президентской власти». Ни внутренняя, ни внешняя политика президента «не претерпела изменений». Это, как надо было понимать, – по поводу действий военных.

Источник «случившейся трагедии», по словам Горбачева, не «какие-то мифические приказы сверху», а «противозаконные акты, попрание самой Конституции, пренебрежение указами президента, грубое нарушение гражданских прав, дискриминация людей иной национальности, безответственное поведение по отношению к армии, военнослужащим и их семьям».

Соответственно, чтобы устранить этот источник, «должны быть отменены антиконституционные законы Верховных Советов и постановления правительств республик...» Но, странным образом – «...прежде всего те, которые нарушают права человека». Причем здесь права человека? Надо полагать, подразумеваются, в первую очередь, постановления о независимости, о выходе из Союза. Как говорится, – тень на плетень.

Следующий пункт – об этих самых «комитетах национального (или общественного) спасения»: «Любые общественные организации, комитеты и фронты, с какими бы программами они ни выступали, могут претендовать на приход к власти лишь конституционным путем, без применения насилия. Всякие попытки апеллировать к Вооруженным Силам в политической борьбе недопустимы. Недопустимы никакие самовольные действия со стороны войск».

Стало быть, попытки этих самых «комитетов нацспасения» захватить власть, привлекая на помощь армию, – незаконны. Здесь же и намек, что войска в Прибалтике действовали – самовольно. Хотя, если самовольно, кто-то, наверное, должен быть наказан за самоволие (понятное дело, – не солдаты и не рядовые офицеры)? Но нет, об этом ни слова. Никто и не был наказан. Черняеву он как-то сказал после Вильнюса: «Не мог же я осудить военных!» Прямо не мог, разве что вот так – вскользь.

Да и не военные были виноваты, чего уж тут? Опять словесные кружева, вокруг да около.

Еще Горбачев представил дело так, будто военных, их семьи в Прибалтике жутко обижали, так что отчасти их действия – как бы ответ на такое «позорное отношение». «В соответствии с существующими на сегодняшний день союзными законами, – говорилось в заявлении, – войска находятся там, где это диктуется требованиями обороны и безопасности страны». Горбачеву будто неведомо, что карательные функции были возложены не на те войска, которые там постоянно дислоцированы в соответствии с «требованиями обороны и безопасности страны», а на специально введенные туда подразделения. К тому же никакой охоты мстить за будто бы «позорное отношение» к себе со стороны местных жителей и властей ни солдаты, ни офицеры не проявляли. Особую агрессивную прыть тут демонстрировал лишь ОМОН.

Наконец о праве республик выйти из Союза. Есть у каждой из них такое право, установленное Конституцией, подтверждает президент. Но – «мы не можем позволить ни

стихии в этом деле, ни произвола – даже со стороны избранных органов». Понятно: «стихийно», «произвольно» покинуть Союз нельзя, – только через преодоление практически непреодолимого законодательного крючкотворства, воздвигнутого Центром на этом пути.

Не мог, конечно, Горбачев обойти и Ельцина: «События в Прибалтике спекулятивно используются как повод для постановки вопроса о расчленении наших Вооруженных Сил, создания армий республик. Такие безответственные заявления чреваты серьезными опасностями, особенно если они исходят от руководства РСФСР. Думаю, каждый разумный человек понимает, чем это могло бы обернуться для нашей страны и всего мира».

Между тем до «расчленения наших Вооруженных Сил, создания армий республик» оставалось не так уж много времени – примерно год.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ДОСТИГАЕТ СВОЕГО ПИКА

Ставка на силу и ответная реакция

Максимальное обострение отношений между Горбачевым и Ельциным пришлось именно на зиму и раннюю весну 1991 года. Как уже говорилось, начиная с предшествующей осени Горбачев, по-видимому, все более стал склоняться к мысли, что распад Союза можно остановить лишь силой. Это вызвало ответную острую реакцию Ельцина и других республиканских лидеров. Но прежде всего Ельцина, который, конечно, чувствовал себя лидером среди лидеров.

События в Вильнюсе активизировали все эти процессы. Движение к распаду Союза ускорилось. Возросло и напряжение между Горбачевым и Ельциным. Стремительный вояж Ельцина в Прибалтику сразу же после ночных вильнюсских событий 13 января, все его дальнейшие выступления и действия во время самой острой трехнедельной фазы балтийского кризиса были прямым, демонстративным вызовом союзному Центру, Горбачеву.

Особенно возмутили президента заявления Ельцина о том, что четыре самые крупные союзные республики – Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан – собираются в ближайшее время подписать четырехсторонний договор в обход Центра, о том, что каждая республика должна обзавестись своей армией...

Это уже была весьма определенная заявка, довольно точно предвосхищавшая дальнейшие события, которые ожидали «Союз нерушимый».

Ельцин – против референдума

16 января 1991 года Верховный Совет СССР в соответствии с решением декабрьского Съезда нардепов принял постановление провести общесоюзный референдум 17 марта. На референдум выносился вопрос, который, как полагал Горбачев, в случае положительного ответа большинства, помог бы притормозить нарастающие центробежные устремления республик. Вопрос был составлен довольно ловко:

«Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?»

Всякому разумному человеку было ясно: формулировка вопроса такова, что отрицательно ответить на него трудно. Ну кто же, в самом деле, против «обновленного» Союза, в котором «в полной мере» будет всё гарантировано? Если бы еще разъяснялось, что подразумевается под словом «обновленный» и каким образом будут обеспечены гарантии...

Ельцин был не в восторге от этой идеи. Считал, что референдум нужен Горбачеву для укрепления его власти.

Позднее Горбачев так вспоминал о тогдашней позиции председателя российского Верховного Совета:

«...Ельцин был против того референдума, хотя потом говорил: я же голосовал за сохранение Союза. Неизвестно, за что он голосовал на избирательном участке. Это он теперь говорит нам, что за сохранение Союза. А вот когда решался вопрос еще только о проведении референдума (имеется в виду – решался на IV Съезде народных депутатов в декабре 1990-го. – **О.М.**), то я видел, как его бесила сама постановка этой проблемы... А это была моя инициатива – проведение референдума. Я считал, что без народа нельзя такие вопросы решать.

Так вот, шло голосование, нажимаю кнопку, конечно, «за» проведение референдума. Перед Ельциным – такой же пульт голосования. Он кричал, бурчал. Говорю ему: нажимай, нажимай «за», Борис Николаевич. Ты что, против Союза? За десять или двадцать секунд до конца голосования он нажимает «за», снимает наушники и бросает их со злостью на стол...»

Раздражение Ельцина понятно – Горбачев загоняет его в ловушку: ему, Ельцину, трудно голосовать за лживо составленный вопрос, но и голосовать против он не может – Горбачев припомнит ему это: вот, мол, Ельцин всегда был против единого Союза.

«Последние события – это серьезный шаг к диктатуре»

28 января Ельцин встретился с группой депутатов-рабочих. По-видимому, на выборе аудитории сказалось то обстоятельство, что его оппоненты утверждали: вот, мол, Ельцин в своей политике в основном ориентируется на интеллигенцию, а не народ. Снова коснулся событий в Прибалтике, «силовых мер по наведению порядка», принимаемых Центром.

– С 1 февраля, – сказал Ельцин, – в стране вводится совместное патрулирование МВД и военных, то есть практически наступает режим военного положения. Но никто с нами не советуется, никто даже не ставит нас в известность. Мало того, это проходит приказом двух министров, что противоречит Конституции и правам человека. Мы почувствовали серьезный правый уклон у руководства страны (то есть прежде всего имеется в виду, – у Горбачева. – **О.М.**) Последние события (в Прибалтике. – **О.М.**) – это серьезный шаг к диктатуре.

Ну вот, еще одно предупреждение в духе Шеварднадзе.

– Мне кажется, – продолжал Ельцин, – что консервативная часть общества сейчас очень консолидируется. Идут четкие команды по партийной линии – что нужно делать, как... Целая программа борьбы: информационная блокада, опять наступление на Ельцина, на российский парламент... И все это спланировано, скоординировано. В разных газетах, по телевидению и радио дается одно и то же. Мы можем потерять все, если не дадим отпор и

опустим руки.

«Всеми виной – негодная политика Центра»

В конце первой декады февраля Ельцин побывал в Калининградской области. На встрече с местным «активом» его спросили, долго ли еще будет длиться «война законов» между Россией и Центром. Против ожиданий Ельцин ответил примирительно: мы, дескать, действуем в рамках своих функций, в соответствии с постановлениями Съезда народных депутатов; да, принимаемые нами законы «иногда несколько отличаются от союзных»...

И добавил, чтобы ни у кого уже не было сомнений:

– Я – за Союз. И, между прочим, первым подписал экономическое соглашение вслед за Горбачевым. Сейчас мы работаем над Союзным договором. Идем не него с учетом интересов России, хотя точки зрения разные, совместить их будет сложно.

Спросили его и о прибалтийских республиках, – как он оценивает их нежелание присоединиться к Союзному договору. Тут уж Ельцин был беспощаден к Горбачеву:

– Я считаю, что негодная политика союзного руководства толкнула эти республики к таким действиям.

Вряд ли, конечно, он тут был справедлив к своему вечному оппоненту. Республики Прибалтики всегда мечтали выйти из Союза. Те или иные действия Центра – как, например, в Вильнюсе 13 января, – могли лишь ПОДТОЛКНУТЬ их в стремлении к уходу, но серьезно толкать их к этому не было необходимости, они и без всяких толчков давно были «заряжены» на это.

Ельцин призывает Горбачева уйти в отставку

19 февраля Ельцин выступил по телевидению с сенсационным заявлением, вызвавшим политическое землетрясение. Он заявил, что верховная власть проводит антинародную политику. Непродуманные, скороспелые решения, бесконечные шарахания из стороны в сторону, половинчатость (а порой и абсолютная недемократичность) президентских указов довели страну до полного разорения и обнищания. Парламентарии наделили непомерной властью одного человека, напринали десятки «неработающих» законов, которые, как писала «Российская газета», не очертили даже приблизительных правовых контуров будущего «обновленного Союза».

В своем выступлении Ельцин вернулся аж к началу своего противостояния с Горбачевым – к 1987 году:

– Я заявляю: я предупреждал в 1987 году, что у Горбачева есть в характере стремление к абсолютизации личной власти. Он все это уже сделал и подвел страну к диктатуре, красиво называемой президентским правлением. Я отмежевываюсь от позиции и политики президента, выступаю за его немедленную отставку, передачу власти коллективному органу – Совету Федерации... Я хочу, чтобы меня услышали и поняли. Я такой выбор сделал. Я с этой дороги не сверну.

Верховный Совет негодует

Реакция Центра на выступление Ельцина была немедленной и сокрушительной. Уже на следующий день, 20 февраля, Ельцина подвергли публичной порке на заседании союзного

Верховного Совета. «Российская газета»:

«Верховный Совет страны негодовал, требовал, взывал и обличал. Центральное телевидение, давно кормящее нас сухими выжимками с кремлевских заседаний, вдруг включилось на прямую трансляцию. Ораторы – тоже, наверное, чистейшая случайность, – слово в слово повторяли изрядно затертые штампы из [коммунистических] газет «Правда» и «Советская Россия». В общем, шел не предусмотренный повесткой дня «реагаж» на выступление в телеэфире Бориса Ельцина».

Ельцина, естественно, поносили всякими словами, искажали смысл его высказываний, призывали «защитить президента», то бишь Горбачева, разоблачить «определенные деструктивные силы»...

«На трибуну, – писала газета, – выходила отнюдь не стихийная депутатская масса: организованный характер массированной атаки на Ельцина просматривался достаточно отчетливо».

Депутатов, чье мнение «расходилось с установкой президиума сессии», просто не подпускали к микрофону.

Ельцина обвиняли в политических амбициях (ну, прямо как осенью 1987 года), в намерении «сесть на место нашего президента путем захвата власти во всей стране», «осуществить совместно с деструктивными силами государственный переворот», «демонтировать социализм, который принес нашему народу освобождение, и добиться реставрации капитализма»...

Обстановку, в которой на Верховном Совете было принято «убойное» антиельцинское постановление (подобная реакция парламента на чье-то телевыступление – это сам по себе факт беспрецедентный), «Российская газета» описывала так:

«В «лучших» традициях союзного парламента решение главного вопроса – принятие постановления «по Ельцину» – отложили на конец дня, вечером депутаты более податливы... Обстановка в зале была азартной и очень напоминала поиск ведьм на партсобрании застойных лет. Предложения принять к сведению и тем ограничиться отзвука у большинства не имели. «Надо дать политическую оценку!» Председательствующий Лукьянов вел заседание виртуозно: по многу раз ставил на голосование уже проголосованное, неудобные предложения не ставил. Вновь прозвучало немало бичующих и клеймящих речей. Некоторые депутаты засомневались, а был ли кворум. Неуместный вопрос Лукьянов отвел, сославшись на показания электронной машины. Постановление приняли, в этом сомнений и не было».

В постановлении было три пункта:

«1. Отметить, что содержащиеся в выступлении по Центральному телевидению 19 февраля 1991 года Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина положения и призывы, направленные на замену законно избранных высших органов власти страны, немедленную отставку Президента СССР, входят в противоречие с Конституцией СССР и создают в стране чрезвычайную ситуацию.

2. Просить Верховный Совет РСФСР, Совет Федерации и Президента СССР определить свое отношение к указанному выступлению Б. Н. Ельцина.

3. Верховный Совет СССР обращается к народам СССР, Верховным Советам республик, местным Советам народных депутатов всех уровней, ко всем политическим партиям и общественным движениям с призывом консолидировать усилия для стабилизации политической и экономической обстановки на всей территории страны, укрепления демократических начал в переустройстве советского общества, всемерной поддержки законно избранных высших органов власти и Президента СССР».

В общем, призвав Горбачева уйти в отставку, Ельцин, как видим, «дестабилизировал» политическую и экономическую обстановку в стране. Теперь вот приходится «консолидировать усилия», чтобы все восстановить в прежнем виде.

Против Ельцина восстают его заместители

За контратакой союзного парламента, направленной против Ельцина, стоял, конечно, сам Горбачев. В этом мало кто сомневался. 20 февраля на узком совещании в Ореховой комнате в Кремле он сокрушался, что вообще допустил перевод Ельцина из Свердловска в Москву (в дальнейшем он будет сокрушаться по этому поводу бесчисленное число раз).

– ...Рекомендовал его привести в Москву Егор (Лигачев. – **О.М.**) Он пришелся Лигачеву по душе своей решительностью, крутостью. Характер проявил еще в Свердловске. Способен только на разрушение. По природе оппозиционер. На позитивную работу не годится. В нем гремучая смесь. Тот же Верховный Совет (РСФСР. – **О.М.**), который его горячо поддерживал (не так уж горячо. – **О.М.**), теперь отворачивается.

Раз «отворачивается», надо это использовать. Горбачев:

– Центр тяжести борьбы переносится в Верховный Совет РСФСР.

По слухам, именно Горбачев связался с двумя заместителями Ельцина в российском парламенте – Горячевой и Исаевым, а также председателями обеих его палат – Исаковым и Абдулатиповым, посоветовал им действовать активнее.

21 февраля на заседании Верховного Совета Горячева огласила «Политическое заявление», по-другому – «Письмо шести» (к четверке руководителей присоединились еще двое – заместители председателей палат Вешняков и Сыроватко), где критиковался «авторитарный стиль» ельцинского руководства Верховным Советом. Были и упреки, касающиеся ситуации за пределами парламента. «Народ устал от обещаний...

– говорилось в «Письме». – Они (граждане России. – **О.М.**) ждут устойчивой и дееспособной власти, которая прекратила бы развал в экономике, остановила взлет преступности».

В заключение авторы требовали созвать внеочередной Съезд народных депутатов РСФСР, на котором председатель ВС дал бы отчет о своей работе; после этого, как, видимо, предполагали подписанты, должна была последовать его отставка.

Верховный Совет принял решение о созыве съезда.

Это было первое серьезное столкновение Ельцина с его противниками в российском парламенте. Понятно, что он сам его спровоцировал. Хотя и не думаю, что сильно об этом жалел. По отзывам тех, кто хорошо знал его, он всегда предпочитал ясную, хоть и опасную для него, ситуацию менее ясной, пусть даже внешне более спокойной. Поэтому нередко «взрывал» ее, стремясь устранить всякую неопределенность, в которой чувствовал себя некомфортно.

Велика Россия, а отступать некуда...

На следующий день, 22 февраля, состоялся очередной грандиозный митинг на Манежной. По оценкам организаторов, он собрал около 400 тысяч человек (милиция, как всегда, называла меньшую цифру).

Вообще-то митинг замышлялся как акция в защиту гласности: была закрыта популярная тогда телепрограмма «Взгляд», появились другие признаки ужесточения цензуры. Но взрыв, произведенный телевыступлением Ельцина, естественно, скорректировал тематику митинга. Главной его темой стала защита Ельцина от посягательств недругов. Соответственно, изменился набор лозунгов: рядом с лозунгами против главного телена начальника Кравченко появились антигорбачевские и проельцинские лозунги: «Велика Россия, а отступать некуда – позади Ельцин!», «Народ и Ельцин – едины», «Советский комиссар Катанья – Борис Ельцин», «Ельцин – ум, честь и совесть нашей эпохи», «Горячева – змеица подколотная!»

– Митинги снова становятся единственным доступным для нас средством массовой информации, – сказал, выступая на Манежной, популярный в ту пору демократический деятель Илья Заславский. – На нас идут вышедшие из окопов коммунисты. Они пошли на главный символ демократии в нашей стране – Бориса Ельцина.

Заславский призвал отправить в отставку союзный парламент и команду Горбачева:

– Лидер для страны у нас есть. Это Ельцин.

В завершение митинга была принята резолюция. Главные требования ее:

«Прекратить коммунистическую цензуру средств массовой информации!

Горбачева со всей его командой – в отставку!

На референдуме скажем «нет» насильственному горбачевскому Союзу!

Ельцин – президент России!»

В репортаже о митинге журнал «Коммерсант-Власть» писал:

«Митинг стал не просто очередным мероприятием на очередной стадии конфликта Ельцин – Горбачев. Общий лейтмотив выступлений его участников дает возможность считать 22 февраля началом предвыборной кампании Бориса Ельцина в борьбе за пост президента России».

Свалит ли Ельцин Горбачева?

В прессе оживленно обсуждалось резкое выступление Ельцина. Некоторые полагали, что за этим выступлением уж точно должен последовать некий взрыв, некая драматическая развязка.

«Вызов, брошенный Ельциным в его телевыступлении 19 февраля, – писала «Независимая газета», – явился логичным следствием событий последнего полугодия. Наступление, предпринятое Горбачевым в январе, поставило российское руководство перед необходимостью перехватить инициативу, даже путем вызова огня на себя, сжигания мостов. Мы перед кульминацией долгой схватки. Видимо, она произойдет в первой половине марта – до референдума. У Ельцина появился реальный шанс заставить Горбачева уйти, у последнего же, очевидно, нет иного выхода, как пойти на срыв референдума и роспуск российского парламента».

На самом деле ни Ельцин не «свалил» Горбачева, ни Горбачев не сорвал референдум. Вообще странное предположение, чтобы он захотел его сорвать. Горбачев был инициатором его проведения, референдум был и до сих пор остается его любимым детищем: он и теперь ссылается на его результаты – вот, мол, народ проголосовал за сохранение Советский Союз, а с его мнением не посчитались.

Откликнулись и зарубежные газеты, причем многие отклики были не в пользу Ельцина. «Берлинер Цайтунг»:

«Уход Горбачева в отставку вряд ли откроет путь к демократии»

«Крисчен Сайенс Монитор»:

«Решение Ельцина пойти в открытую атаку отражает скорее его слабость, чем силу».

«Таймс»:

«Иностранные дипломаты считают, что (после выступления Ельцина. – О.М.) Горбачев остается самой подходящей кандидатурой, если не с точки зрения прогресса, то, во всяком случае, предотвращения там хаоса. Ельцин остается неизвестной величиной и может привести к анархии».

Отрицательно отнеслись к выступлению Ельцина и многие политики, в том числе дружественно настроенные к нему. Казахский лидер Нурсултан Назарбаев, которого сам Ельцин аттестовал словами «мой хороший друг», счел, что выступление российского друга явно не ко времени:

– В этот поворотный момент, когда мы переживаем экономический кризис, Ельцин организует еще один кризис – политический... Нельзя согласиться с тем, чтобы по прихоти одного политического деятеля другой подавал в отставку. Такие вопросы решаются конституционным путем.

Негативно отнесся к заявлению Ельцина и Кравчук, сказавший, что «сегодня время решать экономические проблемы, а не вносить в жизнь политический хаос».

При этом и Назарбаев, и Кравчук признали, что критика Ельцина в адрес Горбачева справедлива: за последние годы перестройки тот действительно допустил ряд ошибок, продолжает политику диктата по отношению к республикам, отказывается признавать их суверенитет.

Действительно ли это была прихоть?

Без сомнения, телевыступление Ельцина, его призыв к Горбачеву уйти в отставку стали самой острой, самой верхней точкой их длительного противостояния.

«Несколько слов, произнесенных вечером 19 февраля Борисом Ельциным в телевизионном эфире, в один момент вновь перевернули все в этой стране, – писал журналист Дмитрий Остальский в «Независимой газете». – Тактическая борьба двух лидеров – союзного и республиканского, – обострившаяся в последние недели, однако протекавшая в относительно мирной форме, приобрела характер открытого столкновения. Впервые за всю историю их сложных взаимоотношений Борис Ельцин публично потребовал немедленной отставки Михаила Горбачева. Такого не было даже в самые трудные для Ельцина времена «опалы». Ныне в устах руководителя России такое требование прозвучало злое: время компромиссов завершилось, началась схватка на выживание».

Чем была вызвана эта ельцинская игра ва-банк. Почему именно в этот момент? Было ли это проявлением личной неприязни к Горбачеву (об их сложных личных отношениях, начиная с того самого 1987 года, говорили всегда, говорят до сих пор)? Вряд ли в этом дело.

Мнение Остальского:

«Причины сегодняшней трагедии вряд ли стоит искать во взаимном антагонизме этих двух людей, хотя в свое время личностный мотив, безусловно, сыграл свою роль. И прежде всего в том, что антипатия нынешнего президента СССР к председателю российского Верховного Совета сделала Бориса Ельцина лидером и, в определенной мере, символом демократических сил. Но сейчас речь идет не о «драке панов», от которой у «холопов чубы трещат», а о закономерном и, как теперь уже ясно, неизбежном прямом столкновении двух основных противоборствующих сил общества: реформаторов - радикалов и консерваторов. По иронии судьбы, прежний лидер всех реформаторов Михаил Горбачев оказался теперь лидером противоположного лагеря».

Ельцина не только ругают, но и поддерживают

Мы видели, какой поток ругани обрушился на голову Ельцина. Этой лавине противостоял, однако, встречный поток – одобрения, поддержки. В ряде городов, областей, даже и за пределами России, начали собирать подписи в его защиту. Общий мотив многочисленных петиций: «Поддерживаем Ельцина! Выражаем неодобрение президенту Горбачеву!», «Ельцину – верим! Вы правы, Борис Николаевич!» «Требуем прекратить травлю Ельцина!»

«Вы правы, Борис Николаевич!»... Тут невольно вспоминалось знаменитое партийно-фамильярное «Борис, ты не прав!», брошенное Ельцину Лигачевым на XIX партконференции

летом 1988 года.

Заявление о поддержке Ельцина принял Ленсовет. «Мы присоединяемся к оценке, которую Б. Н. Ельцин дал деятельности Президента СССР М. С. Горбачева, – говорилось в заявлении. – Справедливость этой оценки особенно очевидна, если иметь в виду события последних месяцев, переход в наступление сил политической реакции. Своими действиями или красноречивым бездействием Президент фактически стал на сторону противников демократических преобразований. Блокирование программы «500 дней» и других важнейших шагов российского руководства..., непринятие мер по обеспечению объективного расследования обстоятельств применения военной силы против мирных граждан Литвы, усиление информационной блокады законных органов власти РСФСР – это звенья одной цепи, свидетельство того, что главным фактором, препятствующим образованию Содружества Суверенных Республик, являются те союзные органы власти, которые были сформированы в условиях псевдодемократического избирательного закона».

За поддержкой к народу

Не дожидаясь одобрительных телеграмм, петиций, митингов, Ельцин и сам уже на следующий день после выступления отправился «в народ» – поговорить, объяснить свою позицию. Маршрут его нового, второго за короткий срок, турне по России пролегал через Ярославль, Новгород, другие города...

И понимание, поддержка были.

– Борис Николаевич, чем вам помочь? – спрашивали люди на встречах с председателем российского парламента как раз в тот момент, когда в коммунистической и не только коммунистической прессе разворачивалась мощная антиельцинская кампания. – Мы надеемся на вас и на Россию!

– Я ни при каких условиях не поступлюсь интересами России, – заверял Ельцин на каждой из таких встреч.

– Главная причина наших разногласий с союзным руководством, – разъяснял он, – разделение функций и собственности. Мы добиваемся подлинного экономического суверенитета. Отсюда, – вы должны это знать, – все трения с теми, кто держится за власть в Центре. Дело вовсе не в личных взаимоотношениях Ельцина и Горбачева, как кто-то хотел бы это представить.

Личные взаимоотношения двух лидеров – мы знаем – тоже были не слишком хороши. Но к ним очевидным образом прибавилось и политическое противостояние. Они переплелись и слились в одно.

Разумеется, Ельцин слышал не только слова поддержки, но практически повсеместно – горький рассказ о тяжелой жизни, по существу – о выживании в непереносимых условиях.

– Мы народ терпеливый, но скажите, Борис Николаевич, сколько еще терпеть – год, два, пять? Есть свет в конце тоннеля? – такой вопрос был задан Ельцину на одной из встреч в Новгороде.

Ельцин ответил, что российская программа оздоровления экономики рассчитана на два года. Для ее выполнения есть все предпосылки. Если Центр перестанет грабить Россию, если перестанет блокировать действия российского руководства, можно смело сказать – года через два начнется улучшение.

На самом деле дожидаться улучшения жизни народу пришлось гораздо дольше. Да и сейчас многие ли из простых людей в России могут сказать, что они живут хорошо?

– Берите землю, становитесь на ней хозяевами, – призывал Ельцин новгородцев. – Закон это позволяет. Наседайте на зажимающих землю бюрократов, требуйте землю, растите на ней зерно, овощи, цветы. Это будет реальная помощь нам в Москве!

Увы, не только в масштабах новгородчины, но и – всей России одолеть

паразитирующую, кровососущую бюрократию, паразитирующее чиновничество, жулье всех мастей и рангов так и не удалось. Кто мог бы и хотел работать на земле, так ее и не получили. Бывшие колхозники получили «доли». Помыкавшись-помыкавшись, так и не сумев ничего посеять на этих бумажных «долях», вынуждены были «продать» их за бесценок всякого рода ловкачам и мерзавцам. И не нашлось в России человека, кто смог бы это проконтролировать и предотвратить.

«Почему я так резко выступил»

В «Записках президента» Ельцин объясняет, почему он тогда так резко, – что стало неожиданностью для многих, – выступил, почему потребовал отставки Горбачева. Ведь президента продолжали считать лидером перестройки, он по-прежнему «был кумиром интеллигенции, в мире его авторитет был неизмеримо выше [авторитета] любого политика тех лет».

«Для резкости у меня были причины разного плана... – пишет Ельцин. – В том числе чисто морального – мне было нестерпимо двурушничество Горбачева во время трагедии в Вильнюсе, я не мог ему простить, что он так легко похоронил программу «500 дней» – единственную нашу экономическую надежду тех лет.

Но были причины и более глубокого порядка, которые я начал в ту пору отчетливо осознавать.

К тому времени наметилась совершенно новая политическая сила, которая валила до кучи Ельцина и Горбачева, левую (в нынешней терминологии – правую. – **О.М.**) оппозицию и власти предержащие, для которой все мы были «агентами империализма» вместе с «американским шпионом» Яковлевым и «главным немцем» Горбачевым! Это было, по сути, зарождение будущего Фронта национального спасения – через разочарованных русских в Прибалтике, через новую, ползковскую компартию, через неформальных «новых коммунистов», через реакционные профсоюзы, через чернорубашечников и так далее.

В отличие от большинства демократов я догадывался, что УГРОЗА ДИКТАТУРЫ ИСХОДИТ НЕ ТОЛЬКО ОТ ОКРУЖЕНИЯ «ГОРБИ», НО И ОТ НЕГО САМОГО (выделено мной. – **О.М.**) А это уже было по-настоящему страшно. Настанет момент, когда ему придется спастись, и его выход через запасную дверь может иметь необратимые последствия.

Ведь теперь консерваторы в Верховном Совете, которым руководил хитроумный Лукьянов, в правительстве, в ЦК КПСС, в силовых структурах имели четко сформулированную радикальную идеологию. Идеологию «национального спасения». Кризис в экономике, национальные конфликты на Кавказе они использовали в своих интересах, шаг за шагом разрабатывая модель чрезвычайного положения, а по сути – будущего государственного переворота.

В этой ситуации маневрировать между правыми и левыми было уже невозможно.

Горбачев стоял перед ужасной необходимостью выбора.

А однозначный выбор лишал его основного оружия – оружия политической игры, маневра, баланса. Без этого свободного пространства для вечных обещаний, блокировки с различными силами, неожиданных шагов – Горбачев уже не был бы Горбачевым.

Зажатый в угол различными политическими силами, он выдвинул идею нового Союзного договора.

И сумел выиграть время».

В этом объяснении есть некоторое противоречие. Если в тот момент «явно наметилась совершенно новая политическая сила, которая валила до кучи Ельцина и Горбачева», считая их «агентами империализма», – это ли не повод для Ельцина объединиться с

Горбачевым в противостоянии этой опасной силе? Однако Ельцин не развивает эту тему и начинает говорить о том, что «угроза диктатуры исходит не только от окружения» (и, надо полагать, не только от «новой политической силы». – О.М.), но и от него самого», то есть от Горбачева.

Впрочем, можно предположить, что это не противоречие, которое не заметил автор. Возможно, Ельцин в тот момент не считал возможным призвать Горбачева к совместному противостоянию «новой политической силе», поскольку не верил, что Горбачев способен сделать какой-то «однозначный выбор» и тем самым лишит себя главного, привычного оружия – «оружия политической игры, маневра, баланса».

За эфир пришлось бороться

Кстати, добиться телевизионного эфира Ельцину было нелегко. В тех же «Записках президента» он подробно рассказывает, как ему пришлось бороться за право выступить по телевидению:

«Вот как это случилось.

Приближался мартовский референдум 91-го, со страшной силой прогремели события в Прибалтике. Общество бурлило.

Для чего был нужен референдум, все понимали. Во-первых, чтобы придать легитимность чрезвычайному положению уже в масштабах страны (надо полагать, – чрезвычайному положению, которое, по мнению Ельцина, собирался ввести Горбачев и его окружение. – О.М.) И, во-вторых, чтобы получить «законное право» бороться с российской независимостью.

Каждый день телекомментаторы запугивали народ развалом Союза, гражданской войной. Нашу позицию представляли как чисто деструктивную, разрушительную. Пугать гражданской войной – это просто. По-моему, многие уже всерьез ждали ее. Поэтому я испытывал острую необходимость объясниться. Объяснить, что реформа Союза – это не его развал.

Но тут вдруг выяснилось, что никто выпускать меня в прямой эфир не собирается.

Начались игры с Кравченко, тогдашним телена начальником. То он не подходил к телефону, то выдвигал какие-то условия, то переносил дату записи. Продолжалась эта мышьяная возня не день и не два. Естественно, я начал накаляться. Буквально каждый день со страниц разных изданий и в личных беседах демократы уговаривали меня пойти на компромисс с Горбачевым, не держать страну в напряжении. И тут я понял, так сказать, реально, какой компромисс мне предлагается, – компромисс с кляпом во рту.

Вся эта история стала достоянием газет, пресса подняла шум. Кравченко делал вид, что ничего не происходит – обычные рабочие моменты.

Результат получился как раз обратный тому, чего хотели блюстители государственных интересов: внимание к моему телеэфиру стало огромным.

Проблема была в одном: объяснить свою позицию предельно ясно, коротко, понятно любому человеку. Не извиняться, не занимать оборонительную стойку – это было самое важное в сложившейся ситуации.

Вот тут у меня и созрела эта мысль. Вы боитесь Ельцина? Ну так получите того Ельцина, которого боитесь! И я решил в очередной раз пойти вразрез с выработанным в обществе стереотипом.

«Стало совершенно очевидным, – сказал я телезрителям, – что, сохраняя слово «перестройка», Горбачев хочет не перестраиваться по существу, а сохранить систему, сохранить жесткую централизованную власть, не дать самостоятельности республикам, а России прежде всего... Я отмежевываюсь от позиции и политики президента, выступаю за

его немедленную отставку...»

Ну вот, здесь еще одно объяснение – надо сказать, вполне убедительное, – той резкости, к которой прибег Ельцин: вы не дадите мне выступить, вы боитесь меня, – так получайте!

Ельцин считал, что «в конечном итоге» это его выступление не осложнило, а разрядило обстановку в стране, хотя и «страшно оскорбило Горбачева».

Не уверен, что все согласится с этой ельцинской самооценкой. Напряжение в стране возрастало.

Аргументы Горбачева

На протяжении многих месяцев, с того самого момента, когда в воздухе стали витать угроза распада СССР, Горбачев неустанно, где только можно, выступал против этого. Его основные аргументы были, в общем-то, одни и те же, хотя произносил он их в разных комбинациях и в различной последовательности. Вот примерный перечень этих аргументов (из выступления Горбачева на встрече с научной и творческой интеллигенцией Белоруссии 26 февраля 1991 года):

– ...Неужели нужно еще раз вернуть государственность в состояние, напоминающее времена Ивана Калиты? Я сегодня сказал перед рабочими и повторяю здесь: не верю, что мы сможем так легко и просто разойтись, как кто-то думает. Собрались ночью, руки подняли, проголосовали, и все решено. Это была бы авантюра, а не политика. Дезинтеграция – вещь опаснейшая. Это путь к гражданским конфликтам, и я не знаю, как мы разберемся, где кому жить, где чьи границы проходят, что делать с теми 75 миллионами, которые живут вне пределов «своих» республик. Только безумцы могут подталкивать к этому... Мы видим, к чему ведут дезинтеграционные процессы. И если не остановим их, не удержим хозяйственные связи, которые уже в значительной мере порушены, то нас ждет спад производства со всеми вытекающими отсюда последствиями, прежде всего – социальными. За социальными могут последовать и политические, потому что народ больше не будет это терпеть... Дезинтеграция, распад хозяйственных связей, срыв производства приведут к тому, что потребуются вообще крутые меры... Из хаоса будут вырастать уже диктаторские формы правления.

«...Не верю, что мы сможем так легко и просто разойтись, как кто-то думает. Собрались ночью, руки подняли, проголосовали, и все решено...» Горбачев словно предугадывает, как все в действительности и произойдет в Беловежье через несколько месяцев. Хотя изображает все, естественно, в карикатурном виде. После долгих мучительных споров, после драматических событий – мини-путча в Прибалтике, настоящего путча в Москве, после фактического наступления экономической катастрофы – примерно так все и произойдет: соберутся, в последний раз обсудят и «проголосуют» – подпишут Беловежское соглашение...

Что такое «обновленный» Союз?

9 марта 1991 года был опубликован доработанный проект Союзного договора. Было очевидно, что эта публикация приурочена к предстоящему референдуму: до него оставалось чуть больше недели. Людям, естественно, следовало объяснить, за какой такой «обновленный» Союз им предлагают голосовать, в чем, собственно говоря, состоит обновление. Объяснение получилось не очень внятным, внятным лишь частично. «Независимая газета» писала: достоинство проекта – то, что в нем признается право республик на суверенитет, что в нем нет никакой идеологии – «ни коммунизма, ни

капитализма, ни социализма, ни КПСС, ни каких-либо иных партийных бирок нет», формы собственности республики выбирают сами. Но... Что такое «Союз ССР», который фигурирует всюду в тексте и за который людям предлагается голосовать? Какая-то шифровка. Вроде бы Союз уже не «социалистических», возможно даже и не «советских», вроде бы – «суверенных» и еще каких-то на «с» республик. Но – непонятно. И непонятность эта, по-видимому, создана намеренно, – чтобы не отпугнуть ни одну из крупных групп избирателей. Ясно ведь, что коммунисты согласятся голосовать только за Союз «советских социалистических», приверженцы национальных движений в республиках – за «суверенных». Расшифровка аббревиатуры оставлялась на потом, на дальнейшие дискуссии и обсуждения (и их действительно в последующем будет предостаточно), главное же сейчас – проголосовать за «единый и обновленный». Но как же голосовать, если не знаешь, в чем, собственно говоря, состоит обновление? Ну да, республики будут до некоторой степени суверенными, но насколько суверенными, не ясно. И в чем заключается обновление, кроме этого на словах признаваемого права республик обрести некоторый суверенитет? В общем, голосовать предлагалось наполовину вслепую. А может быть, и более чем наполовину.

Ельцин снова – против

Не все республики подписали проект. Представители России... подписали. Как же так, ведь Ельцин неоднократно заявлял, что он – против? Здесь опять проклянулись, – как мы знаем, уже не впервые, – разногласия между председателем российского парламента и значительной частью его депутатов, разногласия, которые вскоре достигнут огромных размеров и превратятся в настоящую войну. В общем, Ельцин и теперь выступил против проекта Союзного договора. В день его публикации, 9 марта, на собрании демократической общественности в московском Доме кино, он заявил, что подписи двух представителей Верховного Совета РСФСР его ни к чему не обязывают.

Здесь он вновь обрушился на Центр, на Горбачева, обвинил его в многочисленных случаях обмана, а себя – в излишней доверчивости.

– Мы допустили несколько тактических ошибок, – сказал Ельцин. – Я лично тоже. Убаюкал нас Горбачев с программой «500 дней», сделав вид, что это совместная программа. И убаюкал не только меня, но даже такого «волка», как Шаталин. Он действительно нам говорил, что получилась программа интересная, конструктивная, давайте, мол, вместе за нее бороться. Мы поверили... этому, а верить нельзя было. Мы ведь и раньше знали, что он обманывает постоянно и народ, и тем более демократов и демократию... Это была ошибка... Мы потеряли четыре месяца. И только 19 февраля наконец хватило у меня мужества сказать, что я отмежевываюсь от политики Горбачева.

«Нам пора идти в наступление!»

По словам Ельцина, на демократов и демократию давно развернуто наступление, не чураются никаких методов, опять идет травля, на голову тех, кто стремится к настоящим демократическим переменам, выливаются грязь, помои, причем с каждым днем все больше и больше.

– А мы вытираемся и ждем следующих помоев. Нам пора идти в наступление, – призвал Ельцин. И предупредил: – Демократия в опасности... Этот год будет решающим. Или демократию все-таки задушат, или она не только выживет, но и победит.

Ельцин отмел обвинения в том, что демократы и руководство России развалили Союз, вытолкнули из него семь республик. По его словам, эти республики из Союза вытолкнул

президент со своей политикой.

– Нам не нужен Союз в таком виде, в котором существует сейчас, – продолжал Ельцин. – Нам не нужен такой Центр – огромный, бюрократический... Мы должны от этого избавиться. Шесть лет, пока шла перестройка, убеждали нас, что мы разрушим эту систему, что мы действительно идем на демократические преобразования. Это оказалось ложью. Нас обманули. И мы сейчас должны раскрыть глаза на то, что это была ложь, и должны идти своим путем. Не той «перестройкой», которая была, – особенно в последние годы.

Интриги вокруг Союзного договора

Ельцин подробно остановился на интригах, которые плетутся вокруг Союзного договора:

– Сегодня напечатан проект Союзного договора. В очередной раз, выступая на сессии Верховного Совета Союза, президент обманул, когда сказал, что на девять десятых это все согласовано. Со стороны России руководитель рабочей группы (то есть сам Ельцин. – **О.М.**) не подписал. Опять сделали подтасовку. Я был на Совете Федерации шестнадцатого числа и сказал, что категорически против того, чтобы публиковали этот документ. У нас, в России, свой путь обсуждения этого документа. Комиссия, которая создана съездом, – раз. Дальше – обсуждение этого документа на съезде 28 марта. Этот съезд нам навязан («Коммунистами России». – **О.М.**), но мы на нем будем обсуждать этот документ. И только после этого мы согласны сесть за стол переговоров. Документ опять стараются нам навязать сверху.

Поскольку Ельцин против подготовленного проекта Союзного договора, по его словам, любыми способами пытаются обойтись без его подписи. На предстоящем Съезде народных депутатов России собираются выбрать некую группу полномочных представителей, которым и поручить подписание договора. То есть, как сказал Ельцин, надо ждать сейчас любых подвохов.

– Мы по своей искренности все считали, что там все-таки политика нравственная. Ничего там нравственного нет. У них политика безнравственная, грязная. Сегодня кое в чем нам тоже пора, как шахтерам, засучить рукава и кулаки поднимать.

В это время наиболее твердо свои права отстаивали именно шахтеры. Отсюда у Ельцина постоянные ссылки на них. Шахтерам он неизменно оказывал помощь.

Как сказал Ельцин, к тому проекту, который как бы уже со всеми согласован, на самом деле с российской стороны имеется несколько десятков серьезнейших замечаний, начиная с заголовка: вместо «Союза Суверенных Государств» в проекте стоит «Союз Суверенных Республик». Горбачев доказывает: это ведь все равно, что «республика», что «государство». Раз все равно, давайте и поставим «государств». «Нет, уж как записано, так и оставим», – упирается Горбачев.

В принципе-то, может быть, эти два слова и впрямь примерно равноправные, однако от «Союза республик» явно веет «Советским Союзом»: в составе СССР республики лишь номинально считались государствами, – есть опасность, что такой подход сохранится и в новом Союзе.

Против Ельцина требуют возбудить уголовное дело

В связи с резким выступлением Ельцина в Доме кино некие граждане обратились к Генпрокурору СССР Трубину с требованием возбудить против председателя Верховного Совета РСФСР уголовное дело. Об этом стало известно значительно позже – из публикации

«Независимой газеты» от 23 октября 1991 года. Имена этих бдительных граждан в газете не назывались, однако говорилось, что «составители «справок» (так именовались обращения к Генпрокурору. – **О.М.**) фактически являлись людьми КГБ в прокуратуре». Сотрудники «компетентных органов» утверждали, что под уголовную ответственность подпадают такие выражения Ельцина, как «вольемся в боевые ряды», «объявим войну руководству страны» и ряд других подобных высказываний.

Прокуратура СССР отказала заявителям. Газета публикует фотокопию заключения Трубина от 15 марта 1991 года. Среди прочего, в нем говорится:

«Что касается таких высказываний Председателя Верховного Совета РСФСР Ельцина Б.Н., как «вольемся в боевые ряды», «объявим войну» руководству страны», «пора засучить рукава и уже кулаки поднимать», назначить полномочных представителей в каждый Совет народных депутатов и другие, то их нельзя расценивать как призывы к насильственному свержению или изменению советского государственного и общественного строя, совершению преступлений против государства, иных противоправных действий, поскольку такой вывод противоречил бы другим высказываниям, содержащимся в выступлении, в которых предлагается реорганизация высших и местных органов власти и управления конституционным путем».

«Компетентные органы» обращали внимание также на «клевету» в адрес самого Горбачева, содержащуюся будто бы в выступлении Ельцина. Однако Трубин отвергает и это обвинение:

«Нет оснований считать, что высказывания т. Ельцина подпадают под признаки деяний, предусмотренных Законом СССР «О защите чести и достоинства Президента СССР» от 21.06.90, так как содержащиеся в них утверждения, хотя и носят резкий характер... [и] не подкреплены доказательствами, однако не выражены в неприличной форме и не содержат уголовно наказуемой клеветы».

Не исключено, что по поводу этих обращений Трубин советовался с самим Горбачевым – что делать, как на них реагировать? Возможно, что уголовное преследование Ельцина предлагали начать не рядовые сотрудники КГБ, что за ними стояло их начальство, сам Крючков. Однако было ясно, что никаких перспектив уголовное преследование Ельцина, обладающего к тому же депутатской неприкосновенностью, не имеет. У Горбачева в то время были другие планы, как устранить Ельцина с политической сцены. Он рассчитывал сделать это при помощи орудий более крупного калибра.

Кстати, и против самого Горбачева, несколько позже, тоже собирались возбудить уголовное дело. То есть даже не собирались, а возбудили – 4 ноября 1991 года. Сделал это старший помощник Генерального прокурора Виктор Илюхин, в будущем – один из самых оголтелых борцов с демократией среди деятелей КПРФ. Как сообщалось в прессе, «рассмотрев документы, связанные с признанием независимости Латвии, Литвы и Эстонии и выходом этих республик из состава СССР», Илюхин «возбудил уголовное дело в отношении Президента страны Михаила Горбачева по признакам ст. 64 УК РСФСР – измена Родине».

Следствие по этому делу он поручил провести сотрудникам Межреспубликанской службы безопасности, куда и направил свои материалы.

Гасить готовый разгореться пожар опять пришлось тому же Трубину. К тому времени, как сенсационная информация была опубликована, – сначала на телевидении, а потом в газетах, – генпрок успел отменить постановление своего старшего помощника о возбуждении дела как противозаконное.

Так что и Ельцину, и Горбачеву пришлось пройти совсем рядом с Уголовным кодексом, едва не споткнувшись о него.

Решающей будет эта весна

За неделю до референдума, 10 марта, в Москве на Манежной состоялся очередной грандиозный митинг (300 – 500 тысяч участников), организованный «Демократической Россией». Открыла его опять-таки записанная на пленку речь Ельцина, с которой он выступил накануне на встрече с демократической общественностью в Доме кино. Главные темы ораторов и лозунгов на плакатах: требования отставки Горбачева, союзного Верховного Совета и правительства, роспуска Съезда народных депутатов СССР, передачи всей власти Совету Федерации, запрета КПСС и суда над ней, призывы сказать на референдуме «нет» «обновленному Союзу» и «да» введению поста российского президента, безоговорочная поддержка Ельцина.

С такими же речами и лозунгами в этот день прошли митинги и в других городах России – Ленинграде, Ярославле, Барнауле, Владивостоке, Петропавловске-Камчатском...

Как водится, один из коммунистических соглядатаев (на этот раз – замзавотделом ЦК

Зараменский) докладывал «по своим каналам» об увиденном и услышанном на митинге: «ДемРоссия» собирается стать политической партией, изменить государственный строй и обеспечить приход оппозиции к власти; Ельцин «сделал выбор в пользу борьбы за власть любыми средствами»; решающим периодом борьбы оппозиции за власть названа весна этого года, а методом действий – всемерная поддержка Ельцина в качестве кандидата на пост президента России; чтобы обеспечить «триумф Ельцина», с началом работы российского Съезда народных депутатов 28 марта планируется организовать «серию массовых акций в поддержку его борьбы с М.С. Горбачевым»; в качестве благоприятной почвы для наступления оппозиция рассматривает «реформу цен» (то есть, называя вещи своими именами, планировавшееся тогда премьером Павловым – впрочем, секретно – внезапное трехкратное их повышение. – **О.М.**) – это, мол, даст оппозиции «значительное число сторонников из малоимущих слоев населения», приведет к «массовым народным выступлениям».

Вот ведь сколько полезной информации можно извлечь из внимательного наблюдения за одним только митингом!

Чтобы нейтрализовать козни оппозиции и Ельцина, товарищ Зараменский предлагал Центральному комитету КПСС осуществить ряд убойных мер: «сконцентрировать усилия», «дать решительный отпор», «принять экстренные меры противодействия» и т.д. и т.п.

РЕФЕРЕНДУМ – НИ О ЧЕМ

Горбачев уговаривает соотечественников проголосовать «за»

Напомню, как был сформулирован вопрос, выносимый на референдум:

«Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?»

15 марта, за два дня до референдума, Горбачев выступил по телевидению с отеческими напутствиями соотечественникам. Он напомнил, что такое событие происходит впервые в отечественной истории и что каждый, кто участвует в референдуме, должен отдавать себе отчет: он решает главный вопрос, от которого зависит дальнейшая судьба «нашего многонационального государства».

Естественно, призвал всех сказать «да» «обновленному Союзу», призвал эмоционально и вдохновенно:

– Наше «да» сохранит целостность государства, которому тысяча лет и которое создано трудом и разумом, неисчислимыми жертвами многих поколений. Государства, в котором неразрывно сплелись и судьбы народов, и миллионы человеческих судеб, наших с вами судеб. Наше «да» – это уважение к державе, которая не раз доказывала способность отстоять независимость и безопасность народов, в ней объединившихся. Наше «да» – это гарантия того, что никогда пламя войны не опалит нашу страну, на долю которой и так выпало немало испытаний.

Горбачевские спичрайтеры потрудились на совесть: не речь, а прямо стихи в прозе!

Естественно, Горбачев сказал и о том, что «да» не означает «сохранение старых порядков» с засильем Центра и бесправием республик. Все теперь будет по-другому, по-новому. «Да», сказанное, на референдуме, «откроет путь к радикальному обновлению союзного государства, превращению его в федерацию суверенных республик, где надежно будут гарантированы права и свободы граждан всех национальностей».

Вместе с тем, разумеется, президент предупредил и о тех бедах, которые могут случиться, если итоги референдума окажутся негативными:

– Твердое мое убеждение состоит в том, что если в обществе произойдет глубокий раскол, победителей не будет. Проиграют все. Все мы с вами будем в проигрыше. Трудно даже вообразить, сколько бед и несчастий повлечет разъединение страны, противопоставление людей и народов. И это была бы не только наша с вами беда. Распад державы, которая сегодня является одним из устоев современного мира, чреват всеобщим потрясением, я бы сказал, небывалых масштабов.

В конце выступления – снова обращенная ко всем, едва ли не слезная мольба. Такое ощущение, что Горбачев готов опуститься перед телезрителями на колени:

– Обращаюсь ко всем вам, дорогие соотечественники: скажите на референдуме свое твердое «да» нашему великому союзному государству, сохраните его для себя и для своих потомков.

Кравченко опять не дает Ельцину эфир

В канун референдума, чтобы не оставлять телезрителей один на один с Горбачевым, с его увещаниями и мольбами, по телевидению решил выступить и Ельцин, – высказать свое мнение, какие цели преследуют инициаторы этого мероприятия. Попросил Кравченко, чтобы ему предоставили сорок минут прямого эфира 15 марта. Однако, как и в предыдущий раз, Кравченко тянул с ответом. 11 марта всесоюзный теленачальник в своем интервью заявил, что так как политика Ельцина противоречит государственной программе (что это за программа, интересно?), то телеэфир ему предоставлен не будет. Об этом Ельцину сообщили журналисты на встрече 12 марта. Ельцин сказал, что сам он никакого ответа от Кравченко пока не получал, а ответ должен последовать.

– Если Кравченко не даст мне эфир 15 марта... – сказал Ельцин, – буду это расценивать как еще один шаг по удушению гласности в СССР. Я выйду в эфир другим путем, более трудным, более сложным, но это будет так. Перед референдумом я скажу свое слово.

Какой именно «другой путь» имел Ельцин в виду, было непонятно.

Депутаты требуют предоставить Ельцину слово

С требованием предоставить Ельцину телеэфир выступила группа депутатов российского парламента и местных советов. Выступила 16 марта. До голосования времени оставалось «всего ничего». Собравшись на Васильевском спуске рядом с Кремлем, депутаты выразили протест против произвола Кравченко. Собравшиеся приняли обращение к Горбачеву, в котором, в частности, говорилось:

«Мы, народные депутаты РСФСР и местных Советов, считаем, что позиция, занятая Всесоюзной государственной телерадиовещательной компанией в отношении Председателя Верховного Совета РСФСР, – произвол, дискриминация по политическим мотивам видного государственного деятеля страны. Такая позиция неприемлема, является свидетельством полного служебного несоответствия руководителя монопольной телерадиослужбы. В связи с тем, что председатель Всесоюзной телерадиовещательной компании Леонид Кравченко был назначен на эту должность Вашим Указом, мы обращаемся к Вам с призывом отменить это решение... Мы настоятельно требуем предоставить Борису Ельцину сегодня, 16 марта с.г., не менее 30 минут времени в прямом эфире по Первой программе Центрального телевидения».

Предоставить эфир Ельцину требовали не только депутаты, но и простые люди в своих телеграммах, посылаемых в Останкино и в Кремль.

Горбачев вроде бы (как писали, «по неофициальным сведениям») попросил-таки Кравченко дать возможность Ельцину выступить по телевидению. Однако, вот незадача, сотрудники телевидения «не смогли найти» Ельцина, чтобы пригласить его в телестудию...

Тут вспоминается аналогичный анекдотический случай, который произошел спустя годы, – когда президент Путин «не смог найти» по телефону генпрокурора Устинова, чтобы выяснить у него, в связи с чем арестован предприниматель Гусинский...

Ельцин все-таки выступил

Ельцин-таки выступил по поводу предстоящего референдума. Но не по телевидению, а по радио – по «Радио России». Выступил в тот же день, что и Горбачев, – 15 марта. Его оценка предстоящего референдума была прямо противоположной той, какую дал ему Горбачев.

– Смущает многое, – сказал Ельцин. – Прежде всего неясная, двусмысленная формулировка самого вопроса. Первое. Что такое «сохранить Союз»? Уже сегодня ряд

республик заявили о своем намерении из него выйти... Если на эту часть вопроса о сохранении Союза я отвечу «да», за что я проголосую? За то, чтобы любой ценой руководство Союза удерживало республики в Союзе? Даже с помощью насилия против гражданского населения, даже вопреки воле большинства населения? Или, может, за что-то другое? Совершенно непонятно. А ведь требуется сказать однозначно – «да» или «нет». Второе. Что такое обновленный Союз? Насколько он будет обновлен? Покрасят фасад или пойдут на существенные изменения? Будет это обновление идти по сценарию Центра или наконец по воле республик? Все это остается неясным из той формулировки вопроса, которая предложена на референдум. Третье. В формулировке вопроса есть недвусмысленное указание на то, что Союз останется социалистическим. Этим определением стремятся, по сути, получить от народа одобрение старой, отживающей системы. Но ряд республик уже сняли это понятие из своих названий. Что же, им придется возвращаться к тому, что уже отвергнуто? А как быть в том случае, если они не захотят? Уже сегодня многие законы республик кажутся Центру слишком радикальными, смелыми. Не возникнет ли соблазн, прикрываясь итогами референдума, еще более усилить давление на республики, усилить Центр?.. Четвертое. Последняя часть вопроса – о правах и свободах человека. Непонятно, для чего она внесена в формулировку. Считаю это безнравственным. Неужели союзное руководство не имеет четкой позиции по вопросу о том, нужно или не нужно в полной мере гарантировать права и свободы человека любой национальности? Это первейшая обязанность и важнейшая задача государства. Это ясно и без референдума. Это азбука демократии...

– Референдум проводится в расчете на то, – продолжал Ельцин, – чтобы получила поддержку нынешняя политика руководства страны. Она направлена на сохранение имперской унитарной сути Союза, системы... Что касается России, то мы за коренное обновление Союза, за то, чтобы Россия была в обновленном Союзе. Но за такой Союз, который устраивал бы не высшие слои бюрократии, а прежде всего сами республики, их народы. Мы за Союз, в который республики хотели бы войти и сделали бы это добровольно, а не с помощью силы. Мы за Союз свободных республик, а не колоний Центра. Только такой Союз и будет стабильным, прочным и сильным, в нем будут действительно гарантированы свободы и права всех граждан независимо от национальности.

По словам Ельцина, в преддверии референдума развернута мощная пропагандистская кампания. Утверждают: если на референдуме положительный ответ даст меньшинство населения – наступит чуть ли не катастрофа. Пугают гражданской войной, развалом страны, кровопролитием. А вот в случае успеха референдума, говорят, наступит благоденствие, все конфликты будут урегулированы, кризис закончится, все нормализуется. На самом деле, если большинство скажет «нет», Союз на следующий день не исчезнет. Все останется на своих местах. Будут, как и прежде, работать все союзные ведомства, сохранится и армия, и КГБ. Сохраняются все договоры, и международные, и межреспубликанские. Вместе с тем неудача референдума послужит сигналом для руководства Союза, что та политика, которая им проводится, нуждается в серьезных коррективах. Если же большинство населения скажет «да», ситуация также не улучшится. Для этого недостаточно проголосовать на референдуме. Нужна, как сказал Ельцин, «иная радикальная политика».

В действительности вряд ли Ельцин или кто-либо другой предполагал, что на референдуме большинство может сказать «нет». Он же сам четко изложил, как хитроумно составлен вопрос, выносимый на референдум. Не вопрос, а конфетка. Стоит только руку протянуть и положить ее в рот: «единый обновленный» Союз, где каждому гарантируется всё и вся.

Быть ли президенту России?

Сказал Ельцин и о российском референдуме, который будет проводиться одновременно со всесоюзным. Здесь вопрос, в отличие от «всесоюзного», ясный и однозначный: «Считаете ли вы необходимым введение поста Президента РСФСР, избираемого всенародным голосованием?» Ельцин объяснил, почему этот вопрос возник:

– Россия традиционно была республикой без власти. Власть принадлежала Центру и партийным органам. В прошлом году прошли выборы в Советы всех уровней. Но многое осталось по-старому. И не только на общероссийском уровне, но в каждом регионе, городе и особенно в Центре. Доверие к власти на всех уровнях продолжает падать, достигает опасной черты... Нужны решительные неординарные шаги по укреплению прежде всего исполнительной власти в республике и на местах... Сильна только та власть, которая опирается на народную поддержку. Поэтому мы считаем, что ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ ДОЛЖЕН ВЫБИРАТЬ НЕ УЗКИЙ КРУГ, А ВСЕ ГРАЖДАНЕ РЕСПУБЛИКИ – ВЕСЬ НАРОД (выделено мной. – О.М.) За всю более чем тысячелетнюю историю России этого еще никогда не было. Но, думаю, время такого выбора пришло. Введение поста президента поможет укрепить суверенитет республики. Избрание всенародным голосованием Президента России – лишь начало укрепления исполнительной власти в республике. Следующий шаг – укрепление ее на местах, прежде всего в краях и областях. Каждый руководитель этого ранга также должен избираться населением. У него будут соответствующие права и широкие полномочия, но и персональная ответственность. Будет с кого спросить и населению, избравшему его, и руководству республики. Уйти от ответственности, спрятаться за спину депутатов или партийных структур не удастся.

Вот такого принципа держался тогда Ельцин. Позднее, при Путине, потом при Медведеве, от этого принципа стали все дальше отходить. Ликвидировали выборы руководителей регионов, стали потихоньку отказываться от выборов мэров... В общем демократию стали подменять никому не ведомой «суверенной» демократией. Причем Медведев даже как-то заявил, что принцип назначения губернаторов сохранится в неприкосновенности в ближайшие сто лет. (Потом, правда, решили вернуть выборность, не дожидаясь, пока пройдет столетие, но обставили этот процесс такими «фильтрами», что выборность превратилась в фикцию).

Сказал Ельцин и еще об одном: дескать, сейчас можно нередко услышать, что этот российский референдум проводится «под Ельцина», что Ельцин рвется к власти. Действительно, если референдум скажет «да», он, Ельцин, будет баллотироваться на пост президента. Но кто именно будет им избран, – решать избирателям. В России есть немало достойных людей, которые могут претендовать на этот пост.

– Но главное не в том, кто будет избран, – сказал в заключение Ельцин, – а в том, что не будет больше в России высших руководителей, подобранных узкой группой людей. Впредь и нами, и нашими детьми, и внуками президент республики будет избираться только всенародным голосованием.

Сейчас, при нынешних властителях, все чаще можно слышать разговоры, что и всенародные выборы президента надо отменить – доверить это дело, скажем Федеральному собранию или какой-то другой особой группе людей. А что? Это было бы вполне логичным продолжением отстранения народа от власти, хотя, согласно Конституции, именно народу эта власть принадлежит.

Впрочем, и сейчас, при «всенародных» выборах, узкой группой людей, закрепившихся у власти, не составляет никакого труда проводить на высший государственный пост «кого надо».

Ельцин неожиданно меняет свое мнение о референдуме

Утром 17 марта, приехав на свой участок по проведению референдума, отвечая на

вопросы журналистов, Ельцин неожиданно смягчил и отчасти даже изменил свое мнение о происходящем действе. Журналисты спросили его, каким образом, по его мнению, союзное руководство использует результаты референдума.

Мы ведь помним четкую ельцинскую формулировку, высказанную всего лишь два дня назад:

– Референдум проводится в расчете на то, чтобы получила поддержку нынешняя политика руководства страны. Она направлена на сохранение имперской унитарной сути Союза, системы...

На этот раз ответ прозвучал гораздо более примирительно:

– Это будет зависеть от самих результатов.

Да и вообще он, Ельцин, не считает референдум таким уж скверным делом:

– Несмотря на то, что вопрос в союзном референдуме поставлен двусмысленно и неэтично, я считаю сам референдум демократическим, тем более что он проводится у нас впервые, а дело это полезное.

Чем объяснить такой резкий поворот в оценке «эпохального» мероприятия. Думаю, – чисто тактическими соображениями. Было уже достаточно ясно, что референдум даст нужный Горбачеву положительный ответ. И подчеркивать, что он, Ельцин, остается в числе или даже во главе как бы потерпевших поражение «меньшевиков» – тех, кто был против референдума, – Ельцину, конечно, не было никакого резона.

Горбачев нарушает тишину в «день тишины»

У Горбачева, когда он пришел на избирательный участок, тоже состоялась беседа с журналистами, советскими и иностранными. Среди прочего, его спросили, что он думает по поводу введения поста президента в России. Ответ Горбачева:

– Мое мнение во многом базируется на впечатлении от опубликованного проекта конституции России. Если в таком виде мыслится президентство в России, то, я думаю, это включает в себе большие опасности. По сути дела, если развивать концепцию президентского правления в Российской Федерации, заложенную в российской Конституции, то ни о каком Союзе суверенных государств, о сохранении Союза и речи не может быть.

Что это как не агитация в день голосования, строго запрещенная законодательством и о выборах, и о референдуме? Референдум еще идет, он только начался, – и первое лицо государства непосредственно возле избирательного участка высказывает свое негативное мнение по вопросу о введении поста президента в России. Ну да, газеты передадут это мнение лишь завтра, но информагентства, радио, телевидение могут уведомить, – да многие наверняка и уведомили, – об этом избирателей непосредственно перед тем, как они опустят бюллетень в урну.

К разряду запрещенной агитации в день голосования можно отнести и ответ Горбачева на другой вопрос, заданный ему возле избирательного участка:

– Как вы относитесь к последнему выступлению Ельцина, где он говорит о невозможности гражданской войны?

Горбачев отвечает весьма агрессивно:

– И это – после того, как он говорил: пойти войной, «засучить рукава и поднимать кулаки», выявлять врагов, в том числе в своем окружении. Знаете, мне здесь все ясно. Люди послушали, увидели и пусть сами разбираются. Лично для меня – это не серьезная дискуссия, не интеллектуальный разговор. Это – разрушительная позиция. Она не содержит ничего полезного...

Это ведь тоже, по существу, «предвыборная агитация в день выборов», то бишь референдума, который должен быть «днем тишины». Ответ Горбачева легко расшифровывается так: «Не голосуйте за введение поста российского президента, поскольку

российским президентом скорее всего станет Ельцин, а он такой-сякой...»

Кстати, я что-то не помню, где и когда Ельцин призывал «пойти войной», «выявлять врагов, в том числе в своем окружении». Может быть, где-то и сказал что-то близкое к этому, но точно в таких словах – это, скорее всего, интерпретация самого Горбачева.

Референдум сказал Союзу «да»

Как уже говорилось, вопрос на референдуме был составлен так, что отрицательно на него было трудно ответить: в вопросе был заключен и ответ, положительный ответ. Людям явно навязывалось: голосуйте за единый обновленный Союз, и у вас будет все хорошо, все просто замечательно.

Впрочем, нашлись, конечно, и такие, кто проголосовал против, кто за словесной шелухой рассмотрел скрытое желание организаторов просто-напросто получить большинство голосов против какого бы то ни было разъединения и распада Союза.

Организаторы референдума и получили это большинство. И с тех пор, вплоть до нынешних времен, ссылаются на него: вот, мол, народ проголосовал за Союз, а кучка таких-разэтаких негодяев пошла против воли народа.

В целом по стране в референдуме приняли участие 80 процентов имеющих право голоса. Из них «да» ответили 76,4 процента, «нет» – 21,7 (1,9 процента бюллетеней были признаны недействительными).

Шесть республик – Армения, Грузия, Латвия, Литва, Молдавия, Эстония – не приняли участие в референдуме, хотя кое-где на их территории, в частности в воинских частях, он состоялся.

Одновременно, в тот же день, на Украине был проведен собственный опрос: «Согласны ли вы с тем, что Украина должна быть в составе Союза Советских Суверенных Государств на основе Декларации о государственном суверенитете Украины?» Довольно неожиданно он тоже дал высокий процент положительных ответов – 80,17. Неожиданным он был потому, что к этому времени в республике уже сформировались довольно мощные настроения за выход из Союза, каким бы обновленным-разобновленным он ни стал. Впрочем, здесь, в этом вопросе, упоминание Декларации о государственном суверенитете Украины тоже наводило некоторую тень на плетень: люди полагали, что эта Декларация будет для республики надежной страховкой – уже не позволит Союзу с потрохами проглотить Украину.

На российском референдуме по поводу введения поста президента РСФСР (напомню, он тоже проводился 17 марта) более 71 процента участвовавших в голосовании ответили, что считают необходимым введение такого поста.

Правда, была тут и ложка дегтя, причем довольно серьезная: в четырнадцати автономиях из шестнадцати положительный ответ не был получен – автономии либо голосовали против, либо вообще не проводили референдум. В автономиях явно не желали усиления роли Москвы, которое неизбежно произойдет при появлении президента России.

В дальнейшем об этом досадном инциденте почти не упоминали...

Так или иначе, общий результат голосования оказался «за». Путь к президентской предвыборной кампании в России был открыт.

За что именно на референдуме проголосовала Украина

Случившееся на Украине довольно единодушное голосование на референдуме за Союз создало некоторые проблемы для украинского руководства, все более нацеливавшегося

на выход из Союза. Выступая в начале апреля на пресс-конференции в Киеве, Леонид Кравчук подчеркнул, что «народ Украины высказался не просто за Союз, а за Союз Суверенных Государств, куда Украина должна войти на основе своей «Декларации о государственном суверенитете», и «если республика делегирует какие-то свои полномочия Союзу, то только исходя из собственных интересов и не навсегда».

Что касается проекта Союзного договора, опубликованного незадолго перед референдумом, Кравчук, как и Ельцин, отозвался о нем довольно скептически, сказав, что у него много замечаний к этому проекту, «почти к каждой его статье».

Кравчук сообщил, что президиум Верховной Рады создал рабочую комиссию для подготовки собственного, украинского варианта Союзного договора...

Наконец, коснулся Кравчук и своих отношений с Горбачевым. Эти отношения, по его словам, не столь конфликтны, как между Горбачевым и Ельциным. Но разногласия с союзным президентом, причем труднопреодолимые, существуют и у него, Кравчука.

– В ситуации, что сложилась, не приведи Господи быть на месте Горбачева, – сказал Кравчук. – Однако, несмотря на невероятные нагрузки, он находит возможность выслушать собеседника. Это очень важно. Мы неодинаково мыслим, но это не значит, что мы противники. У нас нормальные отношения двух политических руководителей. Михаил Сергеевич – сторонник обновленной федерации, а я – Союза Суверенных Государств. Я буду стоять на своем, а он, уверен, – на своем. А решающее слово будет за Верховным Советом Украины.

БИТВЫ НА УЛИЦЕ И НА СЪЕЗДЕ

Снова – последний и решительный

Референдум 17 марта вроде бы должен был снять или хотя бы снизить политическое напряжение в стране – вроде бы все ясно: народ желает проживать в едином обновленном доме. На самом деле напряжение все возрастало. По всему было видно, что Горбачев попытается использовать результаты референдума, чтобы укрепить свою власть и максимально ослабить позиции Ельцина и руководителей других республик. Но особенно – Ельцина. Возможно, – вообще отстранить его от власти.

Со своей стороны, Ельцин поставил перед собой ближайшей целью выжать максимум из результатов российского «президентского» референдума – по существу, немедленно начал свою избирательную кампанию.

– Решение народа принято, – заявил он, выступая 22 марта на Кировском заводе в Ленинграде. По его словам, «Коммунисты России» собирались «совершить конституционный переворот еще до референдума, дело свое грязное сделать – отбросить крупнейшую республику на политическую периферию». У нас на глазах, предупредил Ельцин, «формируется коммунистический фундаментализм... [зовущий] опять в светлое будущее». Между тем, страна «так и не получила программу выхода из кризиса... Повышение цен – вот экономическая программа: снять последнюю рубашку для поддержки загнивающего режима».

(Без повышения цен, точнее без их освобождения, как мы знаем, и самому Ельцину не удалось обойтись. Оно произошло всего лишь через восемь месяцев. Другое дело, что это была действительно осмысленная реформа, в отличие от бессмысленной павловской суеты).

Далее Ельцин рассказал, что он сам в перспективе собирается делать, что обсуждается: 24-дневный отпуск, 40-часовая рабочая неделя, увеличенный минимум зарплаты... В общем, обещания, какие и полагается давать в предвыборную пору. Из не совсем обычного, нового – налоговые льготы для предприятий российского подчинения (дескать, не мешкайте, переходите «под крыло» России!), резкое сокращение расходов на оборону, на космос, на «братскую помощь» зарубежным друзьям, ускоренная приватизация...

Были оглашены и некоторые программные наметки политического свойства.

«Программа действий российского лидера, – писал «Коммерсант-Власть», – в общем и целом продолжает программу, оглашенную им ранее: приватизация земли, борьба с коммунистическими функционерами на местах, создание массовой партии, подтверждение решительного разрыва с Горбачевым... Ельцин, очевидно, намерен в максимальной степени использовать пиковую ситуацию, в которой находится союзное руководство: грядущее повышение цен (та самая «павловская реформа» – **О.М.**), плюс забастовки шахтеров, плюс отсутствие сколько-нибудь ясной программы действий, плюс холодное отношение Запада... Шансы Ельцина уникальны: накануне Съезда, на котором коммунисты намерены дать ему «последний и решительный бой», коммунистическое союзное руководство, будучи абсолютно непопулярным, проводит абсолютно непопулярные экономические мероприятия».

III внеочередной Съезд народных депутатов РСФСР, на котором коммунисты и их союзники собирались сместить Ельцина, был намечен на 28 марта. У демократов, естественно, цель была противоположная – отстоять Ельцина и добиться, чтобы Съезд, следуя результатам российского референдума, принял официальное решение о всенародном избрании президента России.

Чтобы поддержать Ельцина, движение «Демократическая Россия» наметила провести в день открытия съезда массовую манифестацию в столице. Ответные шаги предприняла и противоположная сторона. Стремясь воспрепятствовать выступлению демократов, союзный Кабинет министров вполне прямолинейно и бесхитростно принял 25 марта постановление «О временном приостановлении в г. Москве проведения митингов, уличных шествий и демонстраций». На следующий день, 26-го, как бы в подкрепление этого постановления, Горбачев издал указ «О создании Главного управления Министерства внутренних дел СССР по городу Москве и Московской области», то есть объединил столичное и областное милицмейские управления как бы в единый кулак и напрямую подчинил их союзному Министерству внутренних дел. Явно подразумевалось, что это управление и должно выполнять запретительное правительственное постановление – это будет его главная задача.

Тем не менее, демократы не отказались от своего намерения выйти в намеченный день на улицы Москвы.

Ночное телеинтервью Горбачева

Прямыми запретительными мерами дело не ограничилось. Поздним вечером 26 марта Горбачев выступил по Центральному телевидению с пространным, почти полуторачасовым, интервью, в котором попытался обозначить свою позицию накануне надвигающихся серьезных событий. Значение этого выступления подчеркивалось тем, что одним из двоих интервьюеров был собственной персоной главный телевизионный начальник Кравченко – тот самый, который костями ложился, чтобы не давать эфир Ельцину.

Как писала «Независимая газета», «среди потока сиюминутных политических банальностей» из уст президента прозвучали также «слова, которых мы уже давно от него не слышали; это наводило на мысль, что, возможно, демократический потенциал «инициатора

перестройки» отнюдь не исчерпан».

Газета цитировала некоторые из этих слов:

«Я не уйду от ответственности за совершенные ошибки».

«Я переживаю, что пролилась кровь» (как мы знаем, в последний раз она пролилась в Прибалтике. – **О.М.**)

«Мы будем опираться на свободу суждений по любому вопросу».

«Если вы не согласны с моей политической линией, это не значит, что вы мой враг».

«Новое насилие – это была бы моя политическая смерть».

«Мы должны осуществить глубокие перемены в рамках демократии».

«Я сторонник честной политики»...

Все эти декларации можно было объяснить двояко – и просто как декларации, призванные приостановить разрушение горбачевского имиджа как инициатора демократических перемен в стране, и как искреннее желание все-таки окончательно «не сжигать мосты» между собой и российскими демократами.

Впрочем, высказывая эти «правильные» слова, Горбачев одновременно обрушился на «так называемых демократов», обвиняя их во всех смертных грехах.

Намекая на готовящуюся демократическую манифестацию, он бросил упрек оппозиции:

– Оппозиция хочет подтолкнуть народ... к действиям с непредсказуемыми последствиями.

Что подразумевалось под этими последствиями? Это можно было понимать и как угрозу: манифестация встретит жесткое силовое противодействие. Тем более, что по всему было видно: власть всерьез к этому готовится. А когда на улице начинаются столкновения, декларации типа «Я переживаю, что пролилась кровь», «Новое насилие – это была бы моя политическая смерть» – как-то повисают в воздухе и быстро забываются.

Кстати, о самой «безразмерности» горбачевского интервью. «Российская газета» писала по этому поводу:

«Почти полтора часа говорил президент. Ему повезло на собеседников. Президента не прерывали, не пытались украсть его эфирное время... Все это выглядело бы вполне прилично, имей такую же возможность общения с многомиллионной аудиторией и оппоненты Горбачева. Но они по его воле отлучены от голубого экрана. Хотя президент и не постеснялся заявить, что у оппозиции есть все возможности, в том числе и на ТВ, излагать собственную точку зрения».

Да, мы ведь помним, какие «возможности» были у Ельцина, когда он пытался получить эфир, хотя бы на сорок минут.

Народ «встает с колен»

Обстановка в столице с самого утра 28 марта сложилась напряженная. Хотя, как уже говорилось, 25-го и 26-го и были приняты грозные постановления и указ, истинные намерения властей, – каким образом они будут использовать стянутых в город «правоохранителей», – до последнего момента были неизвестны. Никто не мог исключить, что им будет отдан приказ стрелять, избивать, давить... В конце концов, есть ведь какая-то логика в решениях и действиях власти. Логика последних месяцев вполне допускала (и даже требовала) жесткого разгона демонстрантов и митингующих, ареста организаторов... Какое решение примет на этот раз Горбачев?

Город бурлил почти с самого утра. То здесь, то там возникали группы манифестантов с транспарантами, российскими флагами, пытающиеся прорваться поближе к Манежной площади – традиционному в ту пору месту, где проводились народные вече, – или вовсе к Кремлю.

Происходили даже одиночные выступления. Как сообщал корреспондент «Постфактум», водитель 31-го московского автокомбината Роман Жуков около часа дня встал на углу Тверской и Моховой, возле гостиницы «Националь» (это угол Манежной площади), с лозунгом: «Я требую отставки Горбачева, он довел страну до того, что жрать нечего».

Проникнув сквозь милицейские редуты...

Некоторым журналистам – и российским, и иностранным, – удавалось просочиться сквозь цепи милиции и солдат, опоясавших центр Москвы,

«Мы проникли сквозь все эти редуты президента и премьера, как и зарубежные коллеги, – писали корреспонденты «Российской газеты». – Им было смешно. Нам – стыдно... Мы ходили вдоль воинских и милицейских цепей. Старый солдат – полный кавалер ордена Славы – общался со своими боевыми потомками на суровом фронтовом языке. Пожилые, плохо одетые женщины стыдили: «Бессовестные вы! Нет бы работать, – так против народа идете...» Невыспавшийся милицейский капитан огрызнулся: «Этот Павлов такой же мой, как и ваш. И Горбачев – тоже». А представители «так называемых демократов» (употребим любимый термин Михаила Сергеевича) успокаивали людей и просили никого не оскорблять. Люди, мол, выполняют приказ, они такие же служащие, как любой из тех, кто заполнил 28 марта все прилегающие к центру улицы, площади и переулки».

«В 16-50, – сообщало агентство «Постфактум», – манифестанты от гостиницы «Националь» и Госплана двинулись к гостинице «Москва», на Манежную площадь. В 17-15 военнослужащие с пластиковыми щитами и дубинками оттеснили митингующих на Тверскую улицу, применив при этом силу... В 18 часов возле кинотеатра «Художественный» на Калининском проспекте собралась толпа численностью около полутора тысяч человек. Часть из них вышла на проезжую часть, при этом движение транспорта со стороны Манежной площади продолжалось. Путь группе преградила милиция и грузовые автомобили. На протяжении Калининского проспекта от метро «Арбатская» до Манежной площади все переулки преграждены и заполнены техникой – автомобилями внутренних войск и Советской Армии.

В 17 часов из Калашного переулка выехал отряд конной милиции и отряд курсантов. Из автобусов, которые находились в прилегающих переулках, вышел отряд милиции в бронежилетах, касках, с дубинками. Группа людей, вышедшая на проезжую часть, была отрезана от остальных манифестантов грузовыми автомобилями, после чего конная милиция оттеснила ее с проезжей части. Участники митинга кричали сотрудникам милиции: «Что вы делаете, вы должны быть с народом!..» Активисты движения «Демократическая Россия», обеспечивающие порядок на митинге, пресекли попытки некоторых митингующих бросать камни в конную милицию».

Сотни тысяч требуют отставки Горбачева

Вечером 28 марта состоялись уже настоящие многотысячные митинги и шествия. Это было уже второе за короткий срок мощное антигорбачевское выступление. Сигнал, который митингующие посылали Горбачеву, был очевиден, – их целью было показать, что так легко реализовать свои намерения прижать демократию, стремление России и других республик к свободе и самостоятельности, не удастся, что реакционным силам, на которые он решил опираться, противостоят другие силы, не менее сильные.

Один из митингов начался в половине седьмого вечера на Калининском проспекте

вблизи Арбатской площади. Ораторы – в основном депутаты российского парламента и Моссовета, лидеры движения «Демократическая Россия», – требовали отставки Горбачева, отстранения КПСС от власти, проведения выборов российского президента, грозили, если Ельцин будет снят с поста председателя российского парламента, организовать всероссийскую политическую стачку, призывали солдат не стрелять в народ.

– Главный правонарушитель и преступник – президент Горбачев, – сказал депутат российского парламента капитан милиции Юрий Лучинский. И добавил, обращаясь к своим коллегам-милиционерам:

– Горбачев заставляет вас, оставив горячие места столицы, охранять свою коррумпированную хунту. Наступает момент, когда милиция должна сделать для себя выбор: быть с преступниками или быть с народом. Если завтра вас заставят давить конями и бить палками свой народ, делайте свой выбор, каким бы тяжелым он ни был.

Затем митингующие направились колонной по Садовому кольцу в сторону площади Маяковского, где уже шел другой митинг, также организованный «Демократической Россией».

«Российская газета»:

«Встало движение на Тверской и Бульварном кольце. Прочные «пробки» начали закупоривать столицу. Но ехавшие в городском транспорте не возмущались, а присоединялись к участникам митингов... Встал транспорт и на Садовом. Водители дружно нажимали кнопки звуковых сигналов, приветствуя растянувшуюся на полкольца манифестацию...»

Когда участники обоих митингов слились, число участвующих, как считают организаторы, достигло 500 – 700 тысяч человек. Милиция, как всегда, приводила потом несколько меньшую цифру. В любом случае это было одно из самых многочисленных народных выступлений, какие проходили в Москве в конце 1980-х – начале 1990-х годов.

Здесь снова звучали призывы добиться от властей прямых выборов российского президента, за что проголосовали люди на референдуме. И одновременно – провести выборы руководителей исполнительной власти на местах. Причем – не позже, чем в мае.

«Российская газета»:

«Если центр добивался этого – узнать отношение к себе, – своей цели он достиг куда вернее, чем на референдуме. А характер выступлений? «Ельцину и свободной суверенной России – да!», «Горбачев...» Здесь мы вынуждены поставить отточие, чтобы не быть обвиненными в нарушении закона о защите чести и достоинства президента».

Как поведет себя дальше власть, Горбачев? Поскольку, повторяю, это было никому не известно, в речах выступавших то и дело прорывались тревожные ноты.

– Возможен такой вариант развития событий, при котором нам запретят проводить митинги, – сказала депутат Галина Старовойтова, – поэтому мы должны создавать стачкомы и другие формы защиты российского правительства.

Говорили, будто существует какой-то секретный план, согласно которому власти намереваются сбить спутник, транслирующий передачи «Радио России».

По окончании митинга, – около восьми вечера, – организаторы попросили собравшихся «не поддаваться на провокации» и не идти в сторону Манежной площади, как призывали некоторые. Однако несколько тысяч участников митинга все же направились туда. Часть из них была остановлена на Пушкинской площади милицией и внутренними войсками, за рядами которых виднелись водометы. Другая часть прорвалась... Позже приводились свидетельства, включая фото- и видеосъемки, что после окончания митинга людей избивали и на Манежной, и в других местах города...

Все же, если сравнить с настроениями и тревожными ожиданиями, какие были в начале дня, – его завершение было не таким уж драматичным. Могло быть гораздо хуже.

Съезд – на стороне митингующих

В условиях, когда Москва бурлила, Съезду народных депутатов РСФСР, открывшемуся в этот день, трудно было проходить нормально. Достаточно напомнить, что в манифестациях участвовали депутаты от «Демократической России», которым пришлось разрываться между митингами и заседаниями Съезда.

Большинство депутатов потребовало, чтобы союзные власти немедленно отменили свое распоряжение о вводе в центр Москвы крупных сил милиции и войск. Работать «в кольце штыков, под дулами автоматов, с ощущением давления со стороны КГБ, ОМОНа, войск» они были не намерены.

Ссылаясь на обе Конституции – СССР и РСФСР, – а также на Декларацию о государственном суверенитете РСФСР, российский Съезд 28 марта отменил постановление союзного Кабинета министров от 25 марта о временном приостановлении в Москве митингов и уличных шествий. Был приостановлен также указ президента от 26 марта о создании Главного управления МВД СССР по Москве и Московской области. Обеспечить общественный порядок поручалось российскому Совету Министров.

Депутаты поручили первому заму Ельцина Хасбулатову встретиться с Горбачевым и потребовать от него немедленно вывести из Москвы прибывшие сюда воинские и милицмейские подразделения и отвести в места постоянной дислокации те из них, которые базируются в Москве и в Подмоскowie.

Первое заседание Съезда 28 марта стало и последним в этот день.

Горбачевцы и полозковцы – вместе

Как мы знаем, между Горбачевым и Полозковым, между верхушками КПСС и Компартии РСФСР, с самого ее основания, были довольно напряженные отношения. Однако теперь логика политической борьбы подтолкнула их друг к другу, заставила объединиться в борьбе с Ельциным. Координационный совет движения «Демократическая Россия» предал гласности некий документ, сценарий, – как должны себя вести коммунисты на съезде, – разработанный накануне съезда, 27 марта, на совещании в ЦК КПСС, в котором приняли участие российские съездовские фракции и группы «Коммунисты России», «Россия» и аграрии. Документ весьма агрессивный и вместе с тем забавный. Вот некоторые выдержки из этой инструкции. Какой должна быть повестка дня съезда:

«1. Отчет Б.Н. Ельцина, а не доклад (отчет – это знак того, что Ельцин не просто держит речь, а его как бы привлекают к ответу за его неблагоприятные деяния. – **О.М.**)

2. Содоклад от группы «шести»... (то есть той самой «шестерки» – Горячева и др., – которые затеяли этот внеочередной съезд, имея в виду свалить на нем Ельцина. – **О.М.**)

3. Президентству в России – нет, вопрос не рассматривался ни в комиссиях, ни на Верховном Совете, тем более Конституционная комиссия проголосовала против изменения Конституции.

4. Вопрос о шахтерах, отношение к президенту отвергать сразу.

5. Декрет о власти и приватизации собственности КПСС не рассматривать, это антиконституционно».

Давались также подробные наставления, как вести себя депутатам-коммунистам:

«...5. По окончании доклада Б.Н. Ельцина (45 минут). Отвечать на вопросы только от микрофона. Записок не подавать, чтобы не было «домашних заготовок» (надо понимать так – вопросы Ельцину по окончании его доклада-отчета следует задавать только от микрофона, а не в виде записок, чтобы он не смог заранее подготовиться. – **О.М.**)

6. Содокладчику (то есть члену этой самой «шестерки». – **О.М.**) вопросов не задавать.

7. Каждый выступающий коммунист должен заканчивать речь [словами]:

«Политический курс Ельцина не обеспечивает выполнения решений съездов, и я считаю необходимым отозвать его с поста председателя».

8. Недоверия Верховному Совету у «Коммунистов России» нет, хотим дать ему возможность нормально работать, убрав Ельцина и Хасбулатова...»

(Тогда еще Хасбулатов считался верным соратником Ельцина. Не пройдет и года, как этот деятель возглавит команду ярых ельцинских противников на Съезде и в Верховном Совете).

Наконец давалось даже наставление, особенно комичное, как следует выразить свои эмоции:

«После выступлений коммунистов дружно аплодировать и выкрикивать одобрения. Быть более раскованными, чем на прошлых съездах. Нас 87 процентов, и мы должны победить».

«Дружно аплодировать и выкрикивать одобрения»... Тут на ум приходит щедринское, из «Истории одного города»: «В порыве восторга вспомнились и старинные глуповские вольности. Лучшие граждане собрались перед соборной колокольней и, образовав всенародное вече, потрясали воздух восклицаниями: «Батюшка-то наш! красавчик-то наш! умница-то наш!» (Так они выражали свой восторг по случаю прибытия в город Глупов нового градоначальника, Дементия Варламовича Брудастого).

Что опять-таки забавно, хотя 28-го инструкция еще как бы не вступила в силу, некоторые коммунисты, будучи людьми дисциплинированными, уже принялись следовать ей.

«Вопрос о президентстве – преждевременный для России»

На утреннем заседании съезда 29 марта Хасбулатов сообщил, что во время его вчерашней встречи с Горбачевым тот категорически отказался признать постановление российского съезда об отмене союзных документов, принятых 25 и 26 марта. Но при этом пообещал вывести войска из столицы, и к данному моменту это обещание выполнено.

– Президент СССР сдержал слово – войск в Москве нет, – сказал Хасбулатов.

Итак, Горбачев не решился на худший, кровавый вариант, хотя, не исключено, был близок к нему. Причина, почему он «притормозил», видимо, все та же – не хотел нанести ущерб своему «демократическому», «цивилизованному» имиджу, в том числе – в глазах Запада. Да и вообще, надо полагать, стал все больше задумываться, можно ли сохранить силой рассыпающийся Союз.

В общем, он опять прошел по краю. И опять у него не хватило духа переступить черту. «Российская газета» писала в те дни:

«В недавнем интервью на ЦТ Горбачев сказал: «Если случится насилие, – это будет моя политическая смерть». Думаем, даже не доведя ситуацию до кровавой бойни, но поставив общество на ее грань, он оказался очень близок к собственному прогнозу».

Что касается повестки дня съезда, коммунисты не дали включить в нее вопрос о российском президентстве: дескать, этот вопрос – преждевременный для России, он не проработан в деталях, нет даже механизма выдвижения кандидатов и всенародных выборов.

Вот так. Народ на референдуме решил, что выборы президента России – дело актуальное, вполне назревшее, а его избранники считают, что все наоборот. Второй день съезда в этом смысле остался за коммунистами. Было такое ощущение, что с вопросом о президентстве на этом съезде покончено. Журнал «Коммерсантъ-Власть»:

«...Сильная антиельцинская оппозиция на Съезде народных депутатов РСФСР продолжает действовать: 29 марта ей удалось провести ряд решений – в частности, заблокировать обсуждение вопроса о российском президентстве... (введение поста президента России до мая, скорее всего, будет заблокировано)»

Единственным плюсом для демократов в этот день было то, что во второй его половине

на съезде выступил Ельцин. Выступил все-таки с докладом, а не с отчетом.

«К реформам мы так и не приступили»

Ельцин заявил, что ситуация, сложившаяся в стране, по-прежнему выглядит безрадостно:

– Сегодня мы имеем полные основания сделать вывод о том, что в условиях нашей страны по-прежнему идеологические догмы и постулаты имеют первенство над экономическими. Потому-то мы в очередной раз фатально столкнулись с угрозой голода, повсеместного дефицита, гиперинфляции, жестокой диктатуры, духовной нищеты, так и не приблизившись ни на шаг к моделям процветающих государств...Прошедшие шесть лет показали, что мы имели дело не с перестройкой, а скорее с последней фазой застоя. К реформам так и не приступили.

Однако, по словам Ельцина, есть и позитивные результаты. Страна уже не та. Ситуация в корне изменилась в прошлом 1990 году. В республиках в результате свободных выборов сформированы новые органы власти, которые уже не могут пассивно проводить политику союзного Центра, тем паче, что эта политика, как заявил Ельцин, «расходится с коренными интересами людей».

Ельцин перечислил, что, по его мнению, в первую очередь следует сделать на союзном и республиканском уровне (теперь эти уровни надо постоянно разделять). Среди прочего, по словам Ельцина, на союзном уровне требуется «скорейшее подписание открытого для присоединения Договора о Союзе суверенных государств как федеративного добровольного и равноправного объединения». На российском уровне необходимо «введение института президентства», за который проголосовало большинство россиян на референдуме 17 марта.

То есть Ельцин и не думал отказываться от этого требования, оно оставалось для него первоочередным.

Ельцин потребовал также «немедленно снять политическую, правовую и информационную блокаду в отношении российского парламента и правительства, прекратить практику дискредитации законно избранных органов власти и управления РСФСР».

«Ельцина – в отставку!»

В докладе был перечислен ряд мер в экономической и социальной сфере, которые надо принять незамедлительно, чтобы выйти из кризиса: обеспечить жизнеспособность рубля, незамедлительно сформировать новые рыночные структуры, предоставить реальную хозяйственную самостоятельность предприятиям, активно развернуть разгосударствление и приватизацию, обеспечить реальную поддержку частного сектора, подготовиться к либерализации цен, выделить землю всем желающим, снять все ограничения на торговлю сельхозпродуктами...

Как писала тогда «Российская газета», это была первая за все семьдесят лет нашего движения в «светлое завтра» по-настоящему реалистичная программа, избавленная от идеологических шаблонов и догм, способная консолидировать наше раздробленное общество.

Однако было такое ощущение, что большинство выступавших в прениях словно бы не слышали доклада Ельцина, его предложений, намеченной им программы. Из уст ораторов неслось одно и то же: «Ельцина в отставку... Уйдите по-хорошему...»

«Чего только ни говорили!.. – продолжала газета. – Как только ни выворачивали наизнанку нашу многострадальную кровавую историю советского периода!.. И угроза

репрессий вкупе с диктатурой исходит от демократов, и пересажать они готовы чуть ли не всех поголовно, устроив «новый 37-й»... В общем, даже воспаленная фантазия не подскажет многого из того, что мы услышали... Секретарь обкома заученно клялся в верности «интересам всего простого народа». Генерал обличал антигуманную, кровожадную сущность демократии и демократов. Высокопоставленный чин употреблял через слово: «Мы, избиратели». А все вместе они проводили очень даже знакомую линию: пора, мол, прекратить оплевывать наше Отечество и его историю, время «вернуть народу отбираемые у него и накопленные трудом поколений ценности». Договорились даже до «звериного демократического оскала». Дальше уж, как говорится, плыть некуда. Особенно если вспомнить «демократическую» армейскую технику, спецназы и цепи оцеплений в первый день работы российского съезда. Нет, не демократов пугал генеральный секретарь одной из партий – подбадривал боевых товарищей».

Думаю, и пугал противников, и подбадривал соратников. Было и то, и другое.

В конце прений «шестерка» устами одного из своих членов, Исаева, огласила очередное политическое заявление. В нем выражалась благодарность всем, «кто нашел в себе мужество поддержать нашу позицию», и выдвигался ультиматум:

«Позиции изложены, пора дать оценки. Надо ставить на тайное голосование вопрос о доверии всему руководству, избранному съездом. Мы хотим получить моральную, политическую поддержку Съезда».

«О доверии всему руководству, избранному Съездом...» То есть члены «шестерки» готовы были пожертвовать и своими креслами, лишь бы избавиться от Ельцина.

Впрочем, надо полагать, они были уверены, что снова всплывут на поверхность после того, как Ельцин будет низложен.

Председательствовала Горячева. Она вновь отказалась поставить на голосование вопрос о включении в повестку дня дополнительного пункта – о внесении в Конституцию изменений, касающихся учреждения института президентства. Вместо этого предлагалось вот голосовать о доверии руководству – фактически о доверии Ельцину.

И тут произошел взрыв. Десятки депутатов с криками возмущения вскочили с мест и заблокировали подходы к президиуму и трибуне. Горячева была в растерянности, не знала, что делать. Пришлось объявить более чем двухчасовой перерыв, во время которого представителям основных политических фракций и групп должно было придти к какому-то согласию по вопросу о президентстве. Вроде бы предварительно до чего-то договорились. Однако в этот день – 1 апреля – этот вопрос вновь не был решен.

Раскол в стане коммунистов

Съезд собирались закончить 2 апреля...

В этот день обсуждалось постановление по докладу Ельцина. Коммунисты вносили всякого рода «запретительные» поправки – запретить забастовки, не допускать проведения митингов, демонстраций и манифестаций, приостановить действие Закона о печати... Как и предусматривалось в сценарии, сочиненном на Старой площади, поправки заканчивались резкими, на уровне клеветы, обвинениями в адрес Ельцина.

Однако тут сюрприз преподнес Полозков. Он неожиданно выступил с примирительным заявлением, сказал, что сейчас не время менять руководство Верховного Совета, что коммунисты ведут конструктивную работу и если кому-то не нравится их точка зрения, он может перейти в другую фракцию.

Никто ничего не мог понять. Вести оголтелую атаку на Ельцина, на демократов и вдруг такой поворот – чуть ли не к христианскому смирению и взаимной любви. Что случилось? Многие заподозрили тут какой-то подвох. Тем паче, что в это же время в другом месте Москвы проходила I Всеармейская партийная конференция, в которой участвовали и министр

обороны Язов, и президент Горбачев. Тональность выступлений на этом собрании была примерно такая же, как коммунистических речей на съезде, может быть, даже резче по своей антидемократической истеричности. Вот пассаж из выступления одного из генералов:

– Наступил тот решающий момент, когда мы, начиная от президента и генерального секретаря до рядового солдата и коммуниста, должны действовать принципиально и решительно, чтобы данной властью и конституционными методами (ну, про конституционные методы – это так, фиговый листок. – **О.М.**) остановить зарвавшихся безответственных политиканов, которые вместе с реакционными силами Запада пытаются взять реванш за поражение в октябре 1917 года».

Ну да, «реакционным силам Запада» «поражение в октябре 1917 года» всё никак не дает покоя. Других забот у этих «сил» нет. Спросить бы кого-нибудь из представителей этих самых «реакционных сил» (если бы удалось отыскать такого), помнит ли он вообще что-нибудь из того, что происходило в России в октябре 1917-го...

Слухи о генеральском шабаше, естественно, доходили до депутатов съезда. Возникло подозрение, что «задний ход» Полозкова, возможно, как-то связан с буйством военачальников: если кто-то решил просто-напросто устроить военный переворот, – а призыв к нему вполне можно было разглядеть за истерическими выступлениями наподобие процитированного, – тогда, может быть, и наступление коммунистов на съезде ни к чему? Может быть, напротив, лучше с помощью примирительных речей заставить противника расслабиться, усыпить его бдительность, перед тем как нанести ему серьезный, сокрушительный бронетанковый удар?..

На самом деле «примирительные интонации» в речах Полозкова, по-видимому, появились по другой причине – по причине того, что во фракции «Коммунисты России» произошел раскол. 31 марта часть ее членов во главе с полковником Руцким вышла из нее и образовала группу «Коммунисты за демократию». Стройные ряды коммунистов-фундаменталистов начинали редеть, хотя и не утратили еще боевой дух и желание строго следовать сценарию, написанному на Старой площади.

Ельцин переходит в наступление

Съезд не закончился ни 2-го, ни 3-го апреля.

По-прежнему оставался в подвешенном состоянии вопрос о введении президентства в России. Отвергнуть этот институт, коль скоро за него проголосовал народ, коммунисты не могли. Задачей съезда было всего лишь принять соответствующие юридические акты и назначить дату выборов главы государства. Однако коммунисты тупо голосовали против того, чтобы пункт «обеспечить условия для проведения всенародных альтернативных выборов президента РСФСР в конце мая – начале июня 1991 года» был оставлен в окончательном тексте постановления. Но и для того, чтобы исключить его из этого текста, не набралось достаточно голосов. Какая-то странная патовая ситуация...

Чтобы выйти из этой ситуации, была создана согласительная комиссия из представителей разных фракций, которая должна была прийти к какому-то решению, обязательному для всех. Однако согласия добиться не удалось, и в конце концов депутаты большинством голосов приняли решение отложить вопрос о президентстве до очередного съезда. Тактика коммунистов была ясна: на следующем съезде все можно будет вновь отложить до следующего и т.д. В общем – «замылить» вопрос. Это, естественно, не устраивало демократов.

В противовес коммунистам они собрали необходимое число подписей под требованием провести «очередной внеочередной» съезд, специально посвященный вопросу о президентстве.

Впрочем, оставалась еще надежда как-нибудь обойтись без «очередного

внеочередного». 4 апреля Ельцин перешел в решительное наступление. Он заявил, что нынешняя ситуация, когда любое начинание Президиума Верховного Совета и его председателя вязнет в бесконечных обсуждениях или просто отвергается сходу, более нетерпима. При такой ситуации нечего и мечтать вывести страну из кризиса. Ельцин предложил перераспределить полномочия между высшими государственными органами РСФСР – временно, до избрания президента России, позволить Верховному Совету издавать законы, отнесенные к полномочиям Съезда. То есть полномочия Съезда, все более превращающегося в арену бесконечной и бессмысленной идеологической борьбы, на какой-то срок укоротить. Это откроет возможность более динамичного и целенаправленного управления страной.

Коммунисты были ошарашены. Видимо, не ожидали такого контрудара. Были уверены, что ситуация на съезде – у них в руках. Не знали, как реагировать на требование Ельцина. Как писала «Российская газета», «даже С.Горячева, загодя подготовившая заявление, в котором брань в адрес Б.Н.Ельцина перемежалась вновь с вопросом недоверия к нему, оваций у единомышленников не сорвала»...

Съезд завершился 6 апреля. В этот день «Коммунисты России» предприняли последнюю отчаянную атаку с целью если и не добиться главной своей цели – свалить Ельцина (на это надежды уже не оставалось), то хотя бы размыть своими бесчисленными поправками смысл постановления по докладу Ельцина, не допустить перераспределения полномочий между властными органами. Однако они оказались в меньшинстве, – большинство, в том числе и «раскольники», вышедшие из фракции «Коммунисты России», проголосовали за предоставление дополнительных полномочий Верховному Совету и его председателю.

Более того, был наконец назначен также срок всенародных выборов президента РСФСР – 12 июня 1991 года. Понятное дело, эта дата привязывалась к первой годовщине принятия Декларации о государственном суверенитете республики. «Российская газета»:

«После принятия постановления зал, балкон с приглашенными, пресс-центр, битком набитый журналистами, разразился действительно бурными аплодисментами. Аплодировали стоя. Председатель Верховного Совета РСФСР поблагодарил Съезд за оказанное доверие и заверил, что принятые решения будут использованы только во благо России».

Это была победа.

Горбачев размышляет в одиночестве

События последних дней, видимо, сильно подействовали на Горбачева. Было ясно, что силовой вариант сохранения Союза не проходит. Времена, когда все можно было «поставить на место» – по венгерскому или чехословацкому варианту – миновали.

Впрочем, не пройдет и пяти месяцев, как «группа товарищей» все же попытается вернуться к этим вариантам...

Но сейчас мысли Горбачева, видимо, были направлены в иную сторону. В начале апреля газеты сообщали: «Президент размышляет в одиночестве».

Вновь – в направлении Беловежья

Размышлял не только Горбачев. Что делать дальше, – об этом думали и его оппоненты, руководители республик. Лидеры четырех самых крупных – России, Украины, Белоруссии и Казахстана – вновь и вновь возвращались к идее четырехстороннего договора: по их замыслу, эти четыре республики, объединившись, могли бы создать – в обход Центра, – ядро нового Союза. В очередной раз эта идея обсуждалась как раз в апреле 1991 года на встрече представителей России, Белоруссии и Казахстана (украинцев тогда почему-то не было, – по крайней мере так об этом сообщил в одном из интервью Геннадий Бурбулис, – но их положительное отношение к этой идее было известно). Бурбулис, возглавлявший тогда российскую группу, вспоминает, что обсуждалась возможность подписания именно четырехстороннего договора. При этом речь шла не о каком-то сепаратном объединении. По словам Бурбулиса, «это могло стать базой и для нового Союзного договора – без союзного Центра с тоталитарной начинкой и рефлексамии сохранения власти любой ценой».

– Но Лукьянов и Горбачев усмотрели в этом опасные последствия для себя, – вспоминает Бурбулис, – и мягко застопорили наше движение...

Вновь застопорили. Тогда еще можно было. Пройдет менее года и застопорить этот порыв – ни мягко, ни твердо – уже не удастся.

Ельцин отправляется в Страсбург налаживать дружбу с европарламентариями

Довольно серьезные проблемы для Ельцина создавала пламенная любовь Запада к Горбачеву. Он ощутил их, когда стал выезжать за рубеж, еще не занимая высоких официальных постов, «ещё в качестве главы легальной оппозиции в СССР». Ему как недавно появившемуся на горизонте политическому деятелю, естественно, надо было завоевывать авторитет. Но тут выяснилось, – что его требуется не просто завоевывать, а отвоевывать «под сенью Горбачева», который к тому времени уже много лет был любимцем западной публики, «там его образ стал даже каким-то элементом массовой культуры».

Еще отчетливее эта проблема обозначилась позже – при зарубежных поездках Ельцина в ранге председателя Верховного Совета РСФСР, а затем и президента России (их главной целью было – наладить контакты с западными лидерами, заручиться поддержкой тамошних демократов). Когда в апреле 1991-го он приехал в Страсбург на сессию Европарламента, его ожидал там, по его собственным словам, «холодный душ».

Выступив 16 апреля в Европарламенте, Ельцин попытался объяснить, в чем, собственно

говоря, заключается смысл его противостояния с союзным Центром:

– Борьба за суверенитет России и других республик нашей страны есть прежде всего борьба с советской тоталитарной системой и лишь после этого – с ее последним звеном в лице союзного Центра, который воспроизводит традиционные, репрессивные методы управления... В старом унитарном Союзе перемены невозможны... Необходим демонтаж мощных командно-бюрократических структур в Центре, которые все еще остаются достаточно сильными гарантами незыблемости тоталитарного строя и губят любые реформы. Именно поэтому стала набирать силу линия на укрепление государственного суверенитета республик.

При этом, по словам Ельцина, обновленная Россия «ни в коей мере не выступает за прекращение существования Советского Союза». Но новый Союз «должен быть построен снизу, усилиями самих республик».

Ельцин также высказал предположение, что в СССР может быть предпринята попытка остановить происходящие процессы демократизации, вернуть все в исходное положение, какое было при тоталитарном коммунистическом правлении:

– Не исключаю, что самые яркие (яркие? – **О.М.**) защитники тоталитарной системы, непримиримые противники демократических преобразований в нашей стране вынашивают планы применить грубую силу и попытаться любой ценой сохранить старые порядки, восстановить свою власть. Если такое развитие событий может иметь место, то я готов вместе с президентом Горбачевым сделать все возможное, чтобы не допустить этого.

Однако ни эти объяснения, ни заверения в том, что у них с Горбачевым единые цели, – ничто не помогло. В «Записках президента» Ельцин приводит фрагменты из европейских и американских газет, посвященные его поездке:

«Монд»:

«Приехав в Страсбург – эти ворота Европы, – Ельцин должен отметить, что здесь признают только одного русского – Горбачёва. Особенно неприятным для Ельцина стал понедельник, когда его подвергла суровому испытанию группа социалистов Европарламента (возможно, день недели указан неточно: 16 апреля, когда Ельцин выступал в Европарламенте, был вторником. – **О.М.) Ельцин не ожидал, что его будут называть «демагогом» и «безответственным человеком», что председатель группы социалистов Жан-Пьер Кот упрекнёт его в том, что он «представляет собой оппозицию Горбачёву», с которым, как он сказал, «мы чувствуем себя увереннее».**

«Берлинер цайтунг»:

«Депутаты Европарламента заняли чёткую позицию. В очень недипломатичных выражениях они дали понять «главному сопернику» М. Горбачёва, что его единоборство с Горбачёвым не находит понимания. Его стремление установить прямые отношения между Страсбургом и российским парламентом было отклонено. Развалившийся на части Советский Союз полностью дестабилизировал бы ситуацию».

«Нью-Йорк дейли ньюс»:

«Необходимо помнить следующее: не располагающий опытом деятельности демократических институтов Советский Союз может стремительно погрузиться в состояние кровопролития, голода, холода, анархии, если позиции Горбачёва и нынешнего правительства, сколь бы слабыми они ни были, окажутся подорваны. Стремление Горбачёва предотвратить развал СССР осуществимо лишь в случае сохранения политических реформ и определённого улучшения экономического положения. По мере своих возможностей США и другие страны Запада должны помочь Горбачёву в осуществлении этих целей».

Так что первая попытка Ельцина наладить дружбу с европейскими парламентариями не удалась.

Однако по возвращении на родину его ждал приятный сюрприз. Вроде бы в очередной

раз налаживалась «дружба» с Горбачевым.

В Союзе остаются лишь «добровольцы»

23 апреля в подмосковном Ново-Огарёве произошло довольно неожиданное и весьма важное событие – девять республик, выразившие готовность подписать Союзный договор, подписали пока документ с длинным названием – «Совместное заявление о безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолению кризиса». Чаще он упоминается более коротко – как Заявление «9+1» (вместе с девятью республиканскими лидерами его подписал и Горбачев).

Начиналось заявление дежурными фразами о необходимости «решительных мер по восстановлению повсеместно конституционного порядка, неукоснительному соблюдению действующих законов впредь до принятия нового Союзного договора и Конституции Союза». Но главным, конечно, было другое. Заявление, хоть пока и не строго юридически, провозглашало, что в Союзе могут остаться лишь те республики, которые этого пожелают, – так сказать, «добровольцы». В тот момент в качестве «добровольцев» выступали Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Украина – эти самые девять республик. Другие шесть – три прибалтийские, Армения, Грузия и Молдавия, – с разной степенью решительности склонялись к роли «отказников». Девять «подписантов» соглашались их «отпустить», но при этом, мягко говоря, обещали уже не столь благоприятное отношение, как к остающимся в Союзе.

«Высшие руководители союзных республик, участвующие во встрече, – говорилось в заявлении, – признавая право Латвии, Литвы, Эстонии, Молдовы, Грузии и Армении самостоятельно решать вопрос о присоединении к Союзному договору, вместе с тем считают необходимым установление режима наибольшего благоприятствования для республик, подписавших Союзный договор, в рамках единого экономического пространства, ими образуемого».

Несмотря на угрозу, что в случае окончательного «отказа» уходящие республики ждет немало дополнительных проблем, это было уже совершенно другое решение, нежели то, на котором настаивала, например, парламентская группа «Союз» – чтобы итоги референдума 17 марта в обязательном порядке распространялись и на те республики, которые в нем не участвовали.

Это был своего рода компромисс между Центром (Горбачевым) и республиками. И ЭТО УЖЕ БЫЛ ПЕРВЫЙ ШАГ К ЮРИДИЧЕСКОМУ ОФОРМЛЕНИЮ РАСПАДА СОЮЗА. Конечно, отделение от него шести не самых крупных республик еще не означало его конца, но тем не менее... О сохранении прежней империи уже не было речи. Со стороны Центра это был весьма рискованный шаг. Если от Союза отойдут шесть республик, кто даст гарантию, что через некоторое время то же самое не сделают и другие? Лиха беда начало. Думал ли Горбачев об этом?

Наверное, думал. Наверное, опасался этого. Но – другого выхода у него, надо полагать, не было.

Ельцин, как уже говорилось, только что вернулся из Страсбурга. Совещание в Ново-Огареве, как он пишет, было для него сюрпризом. Еще большим сюрпризом, превзошедшим все его ожидания, оказалось то, что на совещании сказал Горбачев, за что сам Ельцин упорно боролся: президент СССР согласился на то, чтобы в новом Союзном договоре было зафиксировано: влияние Центра на жизнь союзных республик будет значительно ослаблено. Предполагалось также, что после принятия новой конституции союзные законодательные органы – Съезд и Верховный Совет – будут распущены, состоятся прямые выборы нового президента.

Ельцин считал, что сбор в Ново-Огареве и решение выступить с Заявлением

понадобились Горбачеву главным образом для того, чтобы отбить атаки партийных «ястребов» на приближающемся пленуме ЦК КПСС.

Вряд ли это было единственной и главной целью Горбачева. Видимо, у него был более глубокий, стратегический план: осознав неэффективность силовых методов сохранения Союза, он решил изменить стратегию – действовать более мягкими, компромиссными методами.

О том, как проходила встреча, Ельцин рассказал на закрытом заседании российского парламента. По его словам, она длилась ни много, ни мало девять с половиной часов. Первоначальный план соглашения, предложенный Горбачевым, был переработан на восемьдесят процентов. Что особенно важно, Горбачев, по словам Ельцина, «впервые разговаривал по-человечески».

Тут есть некоторые противоречия с другими свидетельствами. Да и с воспоминаниями самого Ельцина. Вадим Медведев, например, пишет, что «Заявление, в общем-то, в своей основе не так уж сильно отличается от проекта». А проект как раз и был составлен Горбачевым и его помощниками. Сам Ельцин в «Записках президента» вспоминает, что, вернувшись из Страсбурга, он «поставил свою подпись под заранее составленным совместным заявлением руководителей республик». А чего же, спрашивается, было обсуждать девять с половиной часов и что было переработано на восемьдесят процентов?

Но такие противоречия и несоответствия в свидетельствах и воспоминаниях вообще не редкость.

По-видимому, долго обсуждалось что-то еще, помимо Совместного заявления.

Кроме заявления, – секретный меморандум

В прессе сразу же появились сообщения, что участники встречи в Ново-Огареве подписали не только то самое, опубликованное на следующий день Совместное заявление с довольно общими, обтекаемыми формулировками, но и конфиденциальный меморандум, где более детально и конкретно говорилось о разграничении полномочий между республиками и Центром. Об этом, в частности, писал «Коммерсант».

В меморандуме признавалась политическая реальность: союзные республики – это суверенные государства, со всеми вытекающими отсюда последствиями, реальная власть в них переходит к ним самим, что и должно быть зафиксировано в новом Союзном договоре. Центр обязуется не вмешиваться во внутренние дела республик и признает верховенство республиканских законов на их территории. В свою очередь, и республики обязуются соблюдать союзные законы там, где не действует республиканское законодательство. Каждая республика принимает собственную программу перехода на рыночные отношения. Центру предоставляется лишь роль координатора, присматривающего за сохранением единого экономического пространства. Центр и республики делят между собой собственность. Республикам предоставляется право распоряжаться валютой, которая заработана на их территории. Подписание Союзного договора переносится с мая – июня на июль, – оно состоится после президентских выборов в России. Текст Союзного договора будет подготовлен на основе предложений, которые выдвинут республики. После его подписания будет принята новая конституция и проведены выборы новых законодательных органов Союза и союзного президента. До подписания договора республики и Центр обязались соблюдать перемирие – прекратить «войну законов» и не допускать грубых выпадов в адрес друг друга.

А вот к республикам, которые не подпишут Союзный договор, решено было относиться как к иностранным государствам в полном смысле этого слова.

...Надо, правда, сказать, что пресс-служба Горбачева 29 мая опровергла существование конфиденциального меморандума: «Итоги... обсуждения нашли полное отражение в

опубликованном Совместном заявлении, никаких других документов не подписывалось». Однако Ельцин, выступая 1 мая в Новокузнецке, признал:

– В заявление не вошли многие вопросы, касающиеся разделения собственности и функций между Центром и республиками – об этом договорились. Договорились по валюте..., по золотому запасу..., были достигнуты и другие договоренности.

Да и вообще дальнейшие события показали: главное, о чем договорились и что будто бы было зафиксировано в то ли существующем, то ли в несуществующем меморандуме, в основном соблюдалось. Особенно обращало на себя внимание, что полностью прекратилась публичная полемика между Центром и республиками, прежде всего между Горбачевым и Ельциным. Однако среди других бросавшихся в глаза примет были и не такие мирные и благостные – был, например, Карабах. Вскоре после ново-огаревской встречи участник «девятки» азербайджанский президент Аяз Муталибов начал боевые действия против «армянских террористов» в этой бывшей азербайджанской автономии, – видимо, будучи уверенным, что теперь Центр его не одернет: ведь республикам предоставлена полная самостоятельность во внутренних делах. И оказался прав: Москва молчала. Не торопился Горбачев отреагировать и тогда, когда к нему с просьбой вмешаться в конфликт обратился лидер Армении Левон Тер-Петросян: Армения, не желавшая подписывать Союзный договор, оказалась вне «девятки» и теперь, по-видимому, рассматривалась как «иностранное государство».

Возможно, что самого меморандума как документа действительно не было (и тогда пресс-служба президента формально была права), но договоренности все же как-то где-то были записаны. Не исключено, что существовал просто какой-то выделенный из общего текста фрагмент стенограммы...

Кто был инициатором компромисса

Инициатором встречи и заключенного компромисса был Горбачев. По существу, это означало серьезный перелом в его настроениях – переход от настроений борьбы, давления, силового сдерживания республик, жаждущих самостоятельности, независимости, к примирению или, по крайней мере, к перемирию. Вадим Медведев так описывает, каким образом президент пришел к идее компромисса:

«Чувствуя ослабление поддержки со стороны партии, а также определенный поворот в общественных настроениях не в его пользу, Горбачев все больше задумывался над проблемой политической базы для дальнейшего продвижения страны по пути демократических преобразований...

В начале апреля на заседании Совета безопасности при обсуждении политической ситуации в стране и предложения оппозиции по «круглому столу» впервые, насколько помню, прозвучала (из уст Горбачева? – **О.М.**) мысль о выработке программы действий президента СССР совместно с руководителями республик, выступающих за сохранение обновленного Союза, включая, разумеется, и Россию. Пусть это будут не все республики, а только «девятка», но нужна доверительная и узкая встреча президента с государственными руководителями этих республик. Такая встреча была намечена на середину апреля, а 24 – 25 апреля должен был состояться Пленум ЦК КПСС.

В разговоре со мной Горбачев подчеркивал дилемму: или пойти на серьезное соглашение и подвижки с «девяткой», но тогда это может быть встречено в штыки на Пленуме ЦК, или, наоборот, проводить более жесткую линию с руководителями республик, но получить поддержку на Пленуме ЦК. Я высказался за то, чтобы повести активный диалог с российским руководством и с «девяткой» в целом, выработать совместную программу национального спасения, тем более, что непреодолимых разночтений, если брать существо вопросов, например, в

экономической области, а не идеологические интерпретации, нет...

Горбачев попросил меня вместе с Шахназаровым продумать платформу для проведения совещания «девятки», имея в виду возможность принятия какого-то итогового документа. Он сообщил мне, не раскрывая существа вопроса, что Яковлев написал большую записку с анализом ситуации и со своими предложениями».

Надо торопиться: зреет переворот

Не знаю, какую записку Яковлева Горбачев имел в виду. 18 апреля Александр Николаевич написал ему послание, не очень большое, но очень тревожное. Яковлев напоминал президенту, что еще в конце 1985-го он советовал ему: стране необходима ДВУХПАРТИЙНАЯ политическая система. Сейчас эта необходимость «актуальнее, чем когда бы то ни было». Не одна и не сто – нужны именно две партии. От этого зависит «судьба перестройки».

«Насколько я осведомлен, да и анализ диктует прогноз, – писал Яковлев, – ГОТОВИТСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ СПРАВА (то есть коммунистический, фундаменталистский; выделено мной. – **О.М.**) Образование партии «Союз» (на базе архиреакционной парламентской группы «Союз» в союзном Верховном Совете. – **О.М.**) резко изменит обстановку. Наступит нечто, подобное неофашистскому режиму. Идеи 1985 года будут растоптаны. Вы, да и Ваши соратники, будут преданы анафеме. Последствия трагедии не поддаются даже воображению».

Чтобы избежать такого хода событий, Яковлев предлагал Горбачеву создать партию или движение общественных реформ. Расшифровывал, какими должны быть идеологическая платформа и тактика новой политической структуры:

«Платформа: перестройка на базе идей 1985 года, построение демократического правового общества, общества гражданского согласия, отстаивания единого Союза на добровольной основе.

Тактика: защита президентского института, снятие лозунга отставки; равноудаленность от правительственных структур – центральных и республиканских, объединение демократических партий, кроме крайне радикальных, размывание последних; КОНСТИТУЦИОННОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО С КПСС (выделено мной. – **О.М.**), прекращение требований «суда» над ней и т.д.»

Яковлев писал, что для Горбачева, естественно, «всегда открыта дорога на руководство» такой партией или таким движением: «Ведь играть «чужую роль» и «чужую игру» Вы все равно долго не сможете».

Горбачев ничего не ответил Яковлеву. Покидать насиженный пост генсека хоть и умирающей постепенно, но все еще живой бывшей правящей партии ради того, чтобы с нуля, из неизвестно какого материала лепить какую-то новую партию? Этот совет должен был ему показаться... странным.

К этому моменту у Горбачева, после его «размышлений в одиночестве», видимо, уже созрел другой план. Свою записку Яковлев передал Горбачеву, как уже говорилось, 18 апреля. Передал, находясь в составе горбачевской делегации в Японии. А тремя днями раньше, остановясь в Хабаровске по пути в Японию, он в выступлении перед руководителями края, по-видимому, наметил контуры этого плана.

– Люди не хотят, чтобы мы в этой ситуации шли стенка на стенку, – сказал Горбачев – и, я думаю, всем нам надо проявить выдержку. А политикам, руководителям всех рангов выше всего поставить интересы страны, государства. Другого подхода не может быть. Все личное не должно мешать решению задачи спасения Отечества. Поэтому по возвращении из поездки в Японию МЫ НАМЕТИЛИ ВСТРЕЧУ РУКОВОДИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИК, ИМЕЯ В ВИДУ ВСЕ ЭТО ОБГОВОРИТЬ И ДЕЙСТВОВАТЬ (выделено мной. – **О.М.**)

Корень всех проблем Горбачев видит в отношениях Союза (Центра) и России:

– Есть Союз как новая федерация, суверенное государство, есть наша Российская Федерация как государство, объединяющее республики. Это все соотносимо. Без того, чтобы обновилась, набрала другую динамику, жила и действовала в новых условиях Российская Федерация, трудно рассчитывать на то, чтобы была полнокровная и уверенная жизнь Союза. Но точно так же за противопоставлением России Союзу последуют дезинтеграционные процессы в самой России, они уже пошли... Послушав заключительное слово товарища Ельцина (на III внеочередном Съезде народных депутатов РСФСР. – **О.М.**), я увидел там элементы конструктивного приглашения к этому (то есть к взаимодействию и сотрудничеству. – **О.М.**)... В обстановке, в которой мы живем, когда надо решать вопросы, не упуская и неделю, нельзя не взаимодействовать. Я думаю, в конце концов здравый смысл, разум, общая наша забота, тревога и ответственность за судьбу государства победят.

Пожалуй, единственное из записки Яковлева, что могло вполне попасть в русло тогдашних горбачевских размышлений – это идея о том, что новый Союз должен созидаться «на добровольной основе». По-настоящему добровольной. Эта мысль уже витала в воздухе. Она и была реализована в Заявлении «9+1».

На Горбачева давили со всех сторон

В общем, в тот момент Горбачев подвергался давлению с разных сторон: со стороны республик, со стороны демократической оппозиции и, наконец, – со стороны собственных партайгеноссе. Чтобы выстоять, надо было с кем-то заключать компромисс. Он выбрал компромисс с республиками. И у демократов, и у коммунистов ново-огаревское соглашение вызвало критику. Однако она не была единодушной. В рядах и тех, и других мнения разделились, так что давление на Горбачева ослабело.

Несколько в иных словах, но примерно то же самое о мотивах Горбачева в те дни писал «Коммерсант»:

«Причины, по которым президент пошел на этот шаг, прозрачны: других способов сдвинуть ситуацию с мертвой точки в наличии попросту не имелось. Правый уклон (сейчас это называется «левым» уклоном. – **О.М.**), жесткие меры, мягко говоря, не дали никаких результатов. Концентрация власти столкнулась с гражданским неповиновением... Экономические реформы вызвали лишь забастовки. Кредиты не изменили положения на рынке. Переговоры с Японией закончились ничем. Плюс повсеместные призывы к отставке. Плюс давление «союзников» (то есть парламентской группы «Союз». – **О.М.**) Плюс предстоящий пленум. Что, собственно, оставалось?»

В свою очередь, в компромиссе нуждался и Ельцин. Медведев:

«Позицию Ельцина тоже можно понять. Его февральский призыв к отставке Горбачева не получил поддержки. Стало очевидно, что линия на обострение конфронтации и углубление раскола не принесет успеха. А ведь Ельцин шел навстречу президентским выборам... У него было единственно правильное и разумное решение – поддержать идею создания нового эффективного механизма согласованных действий».

Наконец, еще одна версия, почему Горбачев и Ельцин пошли на компромисс. Российский депутат Виктор Шейнис (в интервью «Российской газете»):

– Словесная дуэль двух политических лидеров... часто интерпретируется как личное соперничество. Думаю, что элементы этого присутствуют с той и с другой стороны. Но главное не в этом. Главное, на мой взгляд, – глубокое различие политической линии, которую навязывают Горбачеву его союзники справа (в сегодняшних терминах – слева. – **О.М.**) – многочисленные группы давления, которые настолько подчинили себе президента с осени прошлого года, что его политический курс практически слился (между октябрём 1990-го и апрелем 1991 года) с курсом правых реакционных имперских сил. С другой стороны –

политическая линия демократических сил России, которую с большей или меньшей последовательностью выражает Ельцин. Столкновение этих двух политических линий приобрело в последнее время крайне разрушительные формы. Соглашение 23 апреля, по сути, представляет собой компромисс, который снижает политическую напряженность, что в нынешних условиях можно приветствовать.

Политическая линия Ельцина после 23 апреля в общем-то не изменилась, а вот в политике Горбачева, как уже говорилось, наметился существенный перелом.

Говоря о своем решении встретиться с руководителями республик в Ново-Огареве 23 апреля и начале «ново-огаревского процесса», Горбачев позднее сокрушался, что это было сделано с опозданием, – что «сделать это надо было раньше – осенью 1990-го». Это время было потеряно.

Вообще-то, в том, что Горбачев всегда несколько опаздывает, его упрекали многие – и Ельцин, и даже собственные помощники. Однако в данном случае вряд ли он просто опоздал. Попытка Горбачева решить проблему сохранения Союза силовыми методами, занявшая несколько месяцев – с осени 1990-го до весны 1991 года, – наверное, была неизбежна. Он должен был предпринять такую попытку. Этого требовала логика его политического поведения, его политической эволюции.

Градус противостояния снизился

После публикации заявления последовали многочисленные комментарии. Многие отмечали, что в нем нет ни слова о том, что будущий Союз Суверенных Государств непременно должен быть социалистическим. Никто не принуждался к пресловутому социалистическому выбору. Четко прописывалось право бывших союзных республик самим решать, присоединяться им к Союзному договору или не присоединяться. Они могли отправляться в вольное плавание, не будучи связанными с бывшими «братьями» никакими формальными узам, кроме двусторонних договоров. Это при том, что, согласно предыдущим заявлениям, для тех республик, которые не подпишут новый Союзный договор, оставался в силе прежний – Союзный договор 1922 года.

Обращали внимание также на то, что участниками будущего Союзного договора, согласно Совместному заявлению, могли быть только те, кто подписал это заявление. Это был шаг против дробления бывших союзных республик, – прежде всего, России, – в составе которых имелись автономии.

Исключение автономий из числа участников договора представляло собой одну из главных уступок Горбачева Ельцину. Ельцин, бросивший автономиям в августе 1990-го с барской щедростью «Берите столько суверенитета, сколько проглотите!», теперь пожинал плоды своей неосмотрительной щедрости. Точно так же, как Горбачев стоял перед угрозой развала Союза, Ельцин оказался перед угрозой развала России.

Трудно было ожидать, что сами автономии, которые к этому моменту уже добились права быть участниками договора, наряду с союзными республиками, смирятся с той дискриминацией, которой они подверглись в Заявлении «9+1».

АВТОНОМИИ БУНТУЮТ. В ЧЬЮ ПОЛЬЗУ?

Где же равноправие?

7 мая 1991 года председатели Верховных Советов пятнадцати бывших российских автономий и Абхазии, бывшей грузинской автономии, приняли собственное заявление по поводу Совместного заявления «9+1». В нем говорилось, что в проекте нового Союзного договора, опубликованного 9 марта, «нет деления республик на союзные и автономные», признаются декларации о государственном суверенитете бывших автономных республик, в ходе союзного референдума 17 марта его участники высказались за союз равноправных суверенных республик. «Поэтому, – говорилось в Заявлении шестнадцати, – мы не можем согласиться с решением, содержащимся в Совместном заявлении, о том, что Союзный договор будет подписываться представителями только участвовавших в этой встрече республик, а также попытками пересмотреть концепцию Союзного договора, одобренного Съездом народных депутатов Союза ССР и Верховным Советом Союза ССР... Мы считаем недопустимым решать жизненно важные для судеб наших республик вопросы без согласования с нами».

Как будут подписывать Союзный договор бывшие автономные республики – в составе делегации той республики, в которую они входят, или самостоятельно, – это могут решить только Верховные Советы самих бывших автономий. Только в этом случае можно будет сказать, что этот вопрос решен «единственно возможным гласным и демократическим путем». Такова была точка зрения лидеров автономных республик.

Горбачев раздувает противоречия между Россией и автономиями?

После опубликования Заявления шестнадцати у многих усилились подозрения, что Горбачев сознательно раздувает противоречия между Россией и входящими в нее автономиями. Цель вроде бы просматривалась ясно: если автономии будут требовать все большей самостоятельности, Россия окажется точно в такой же ситуации, как и Союз – перед угрозой развала. Осознав это, Ельцин будет вынужден плечом к плечу с Горбачевым сражаться и против развала России, и против развала Союза. Собственно говоря, они уже стали здесь союзниками, подписав Заявление «9+1», отказавшее автономиям в праве подписывать Союзный договор. Теперь, когда автономии возмутились этим, в сложном положении оказался не только Ельцин, но и Горбачев. «Независимая газета» писала по этому поводу 12 мая:

«Похоже, что после принятия этого Заявления (Заявления шестнадцати. – **О.М.**) президент в своей игре на противоречиях между союзными республиками (в первую очередь, Россией) и входящими в них автономиями оказался у черты, за которой у него уже не осталось возможностей для политического маневра».

Сам Горбачев, естественно, отрицал, что он пытается вбить клин между Россией и автономиями. Отрицать ему это было тем легче, что не он, а именно Ельцин сказал: «Берите столько суверенитета, сколько проглотите!»

Как бы то ни было, и Горбачеву, и Ельцину приходилось теперь действовать совместно – либо продолжать «дискриминацию» автономий, либо идти с ними на компромисс.

Горбачев и Ельцин вместе гасят волну недовольства

8 мая, на следующий день после того как было принято (но еще не опубликовано) Заявление шестнадцати, Горбачев встретился с Ельциным. Надо было как-то реагировать на этот «бунт». Кроме двух главных фигур, присутствовали советники и помощники. Зашел разговор, – впрочем, полушутливый, – кто виноват в нынешней позиции автономий. Однако на самом деле было не до шуток. Надо было что-то решать.

Договорились, что российские автономии будут подписывать Союзный договор самостоятельными делегациями «внутри» делегации РСФСР. Что это означало, трудно было понять. Автономиям бросали кость – право подписывать. Но – это было совершенно ясно, – не на равных правах с союзными республиками, а где-то на ступеньку ниже.

Оставалась небольшая деталь, – выяснить, согласятся ли с этим сами автономии.

...Любопытный разговор произошел после этой встречи между Горбачевым и его советником Георгием Шахназаровым (он приводится в сборнике документов «В Политбюро ЦК КПСС...»). Разговор идет в кабинете Горбачева (президент подписывает указы о наградах, чинах и т.д.):

«Горбачев (не отрываясь от бумаг). Что ты думаешь относительно Ельцина?

Шахназаров. Он будет вести себя более или менее прилично до 12 июня. А станет президентом России, – если станет, – тут же возродится в прежнем качестве молотобойца и начнет последнюю кампанию – за власть в Союзе.

Горбачев (утвердительно кивая). Знаешь, ни на грош ему не верю. Этот человек живет только одной страстью – взять власть. А что с ней делать, сам не знает толком.

Шахназаров. Ну... Вокруг него целая куча советников, они за него все решают.

Горбачев. А ты заметил, как он чуть не взорвался, когда разговор пошел о том, кто виноват в амбициях автономий?

Шахназаров. Еще бы! Выдумали, будто это «козни Центра» против России, и ведут теперь эту версию.

Горбачев. Забыл, как буквально навязывал им суверенитет: «Берите, сколько сможете разжевать!» Вот он, популизм в чистом виде. Что угодно наобещает, лишь бы понравиться.

Шахназаров. В конце концов за все это придется расплачиваться.

Горбачев. Вот именно».

Как мы уже не раз видели, Горбачев и Ельцин, которые не жаловали друг друга, в частных разговорах с близкими людьми вообще не скупались на резкие слова друг о друге. Так что ко всем этим их взаимным оценкам следует относиться критически. Но здесь Горбачев прав: то самое знаменитое обещание предоставить автономиям сколько они пожелают самостоятельности и суверенитета Ельцин дал, конечно, весьма неосмотрительно (о чем впоследствии и сам, по-видимому, жалел). Однако это не перечеркивает версии, что Горбачев не прочь был воспользоваться явно возникшими в тот момент противоречиями между российским Центром и автономиями.

И еще примечательна реплика Горбачева о Ельцине: «Ни на грош ему не верю». И это – всего лишь через две недели после «общепримирующего» «Заявления 9 + 1».

«Мы субъекты Союза или нет?»

Заявление шестнадцати было опубликовано 12 мая. И в этот же день, опять-таки торопясь погасить волну недовольства его авторов, Горбачев и Ельцин встретились с ними (правда, «физически» присутствовали лишь четырнадцать «подписантов», но руководители Карелии и Дагестана, которых не было, позже согласились с мнением большинства своих коллег).

Собственно говоря, первоначально намечалось, что с автономиями встретится лишь Горбачев, однако Ельцин, мы знаем, опасался, как бы за его спиной не образовался союз Горбачева и «автономистов», с которым ему будет трудно справиться, а потому не пожелал

остаться в стороне от разговора, выразил желание поучаствовать в нем. Об этом он договорился с Горбачевым на встрече 8 мая.

Лидеры автономий были настроены довольно воинственно. Однако шансы добиться полного равенства с союзными республиками при подписании Союзного договора у них были невелики. Как сообщалось в прессе (в частности, об этом писала «Независимая газета»), представители большинства союзных республик (среди них – Украина, Казахстан, Узбекистан) заявили, что будут подписывать Союзный договор лишь с единой Россией. (Позже некоторые из «автономистов» будут оспаривать, что такие заявления были).

Итак, новая встреча в Ново-Огареве (разговор излагается по книге «Союз можно было сохранить», составленной помощниками и советниками Горбачева). Башкирский президент Муртаза Рахимов ставит вопрос ребром:

- Мы – субъекты Союза?
- Да! – с пафосом отвечает Горбачев.
- Тогда почему без нас собираетесь?

Надо полагать, имелось в виду «собрание», на котором было подписано Заявление «9+1».

Горбачеву пришлось выкручиваться. Его ответ был уклончивым: дескать, мы сейчас переживаем переходный период. Надо понимать так: вот переживем этот период, и тогда уж все встанет на свои места.

Но Рахимова этот ответ, по-видимому, не устраивает:

– Мы позиции Совместного заявления поддерживаем. Но там говорится о подписании (Союзного договора. – **О.М.**) только союзными республиками. В основу дальнейшей работы надо положить согласованный проект... Подписывать всем по алфавиту.

Горбачев возражает: если принять «алфавитный» принцип, «пойдет цепная реакция в других республиках», да и в самих российских автономиях придется проводить референдумы – должны ли они оставаться в Союзе.

В каких республиках Горбачев предвидит «цепную реакцию»? Надо полагать, – в Грузии, в Азербайджане, в Молдавии. Там, где были автономные образования и где вокруг них в тот момент происходили конфликты.

Впрочем, Грузия и Молдавия вообще не собирались подписывать Союзный договор. А вот Азербайджан вряд ли согласился бы, чтоб Нагорный Карабах поставил свою подпись под договором самостоятельно, не как субъект Азербайджана.

Какими могли бы оказаться итоги референдумов в автономиях, тоже было не вполне ясно: в тот момент настроения за отделение от Союза, да и от своей союзной республики во многих местах были достаточно сильны.

Иными словами, требование автономий предоставить им право самостоятельно, на уровне союзных республик, подписывать Союзный договор в самом деле создавало дополнительные проблемы. Хотя, быть может, эти проблемы и не были неразрешимыми.

А что же Ельцин? Ведь претензии автономий, в первую очередь, касаются его: автономии-то – российские. Как замечает помощник Горбачева, который ведет стенограмму, «Ельцин все время молчит, угрюмо смотрит перед собой, явно недоволен всем происходящим, хотя Горбачев делает работу за него, пытаясь исправить последствия его посулов в кампании суверенизации» (надо полагать, прежде всего имеется в виду все то же – «Берите столько суверенитета, сколько проглотите!»)

«Угрюмо молчит», потому что не собирается отказываться от своей главной стратегической идеи: полномочия Центра должны быть максимально сокращены. Горбачев, естественно, опасается, что эта тенденция в конце концов неизбежно приведет к ликвидации Центра и, соответственно, по всей вероятности, всего Союза. А что по этому поводу думает Ельцин? Он, по-видимому, в точности не знает, во что превратится Союз (есть, правда, кое-какие намётки), но – Карфаген (союзный Центр) должен быть разрушен! Или – оставлен с минимальными полномочиями.

Автономии между тем продолжают наседать.

Председатель Верховного Совета Коми Юрий Спиридонов:

– Руководство страны и России начало вести дело без нас. Мы подпишем (Союзный договор. – **О.М.**) сами. Целостность России будет определена в Федеративном договоре.

Председатель Верховного Совета Северной Осетии Ахсарбек Галазов:

– Если мы будем насильственно сдерживать исторический процесс суверенизации, то нанесем непоправимый ущерб единству России.

Председатель Верховного Совета Кабардино-Балкарии Валерий Коков:

– Почему мы не сможем сами передать Союзу те полномочия, которые РСФСР передает Союзу?

Даже Якутия жаждет суверенитета, причем добивается его очень напористо.

Председатель Верховного Совета республики Михаил Николаев:

– Мы неоднократно ставили вопрос о признании (нашего. – **О.М.**) суверенитета. Когда это будет сделано? Если вы настаиваете на соблюдении Конституции, – мы ставим вопрос о статусе наших республик: по Конституции Верховный Совет решает вопрос о приеме в СССР новых республик. Меня не удовлетворяет ваша вступительная речь (имеется в виду вступительная речь Горбачева на этой встрече, довольно обтекаемая. – **О.М.**), как и встреча с Борисом Николаевичем. Мы субъекты Союза или нет? О нашей нынешней встрече трудно информировать (по-видимому, надо понимать так – трудно информировать общественность республики, которая вроде бы ожидает, когда наконец Якутии будет предоставлен настоящий суверенитет. – **О.М.**)

Особая позиция Татарстана

Однако решительней всех выступает лидер Татарстана, председатель его парламента Минтимер Шаймиев:

– Наш Верховный Совет принял решение о вхождении в Союз в качестве самостоятельного государства. Процессы суверенизации необратимы. Мы за укрепление Союза, но если не будет возможности подписать Союзный договор (подписать самостоятельно. – **О.М.**), мы не сможем подписать договор с Россией. Силой сейчас ничего не сделаешь.

Ельцин, естественно, не желает, чтобы Российская Федерация начала необратимо разваливаться, так же, как разваливается Советский Союз, но он вынужден искать компромисс. Его предложения:

– Надо сказать: первое – республики являются субъектами Союза и РСФСР. Второе – сесть с каждой республикой и послушать, как они хотят подписывать Союзный договор (видимо, Борис Николаевич надеется, что, разговаривая с каждой республикой по отдельности, их будет легче уломать. – **О.М.**) Некоторые республики могут подписать отдельно – в таком случае надо указать, что они остаются субъектами РСФСР. Если Татарстан не хочет участвовать в Федеративном договоре (то есть в договоре между составными частями России, который тогда готовился параллельно с Союзным договором. – **О.М.**), а заключает отдельный договор с Россией, – мы согласны... Документ для Съезда народных депутатов РСФСР должен содержать признание суверенитета республик (то есть этот суверенитет должен быть признан официально российской законодательной властью, как того и желают республики. – **О.М.**)

В заключение встречи Горбачев принялся сокрушаться по поводу того, что вот-де КПСС, союзная власть упустила «национальный вопрос», посчитала его окончательно решенным. Оказалось, однако, что это далеко не так. Этот вопрос стал «полем борьбы различных политических сил», «многие национальные движения именно на этой проблематике, придав ей острый разрушительный характер, пришли к власти». Слова Горбачева можно было понимать так: от этого, мол, все нынешние беды – и происходящий

развал Союза, и нарастающая опасность развала Российской Федерации.

– Оказалось, что мы были слишком деликатны, – посетовал Горбачев.

Кого он имел в виду под национальными движениями, пришедшими к власти? В большинстве республик – и союзных, и автономных, – у власти к тому моменту оставалась все та же партийная номенклатура.

В результате встречи большинство автономий, по-видимому, удовлетворилось тем, что им все-таки позволили подписать Союзный договор, неважно, что на вторых ролях – в составе российской делегации, в качестве субъектов СССР и РСФСР. Все, за исключением Шаймиева и Завгаева (руководителя Чечено-Ингушетии), смирились с тем, что встать совсем уж вровень с союзными республиками им все-таки не дадут. Муртаза Рахимов, столь воинственно отстаивавший на встрече права автономий, об итогах ее рассказывал журналистам уже весьма добродушно и примирительно:

– Состоялся деловой, принципиальный, чисто семейный разговор. И Борис Николаевич, и Михаил Сергеевич, то есть все, высказались, что мы действительно являемся субъектами Союза, должны быть учредителями Союзного договора и подписать его.

Но теперь «обидеться» могли уже союзные республики, подписавшие Заявление «9+1»: Горбачев и Ельцин, не посоветовавшись с ними, фактически отказались от одного из пунктов договоренности, достигнутой 23 апреля, позволив и автономиям подписать Союзный договор.

Шаймиев стоит на своем

24 мая в Ново-Огареве состоялось первое заседание Подготовительного комитета по проекту нового Союзного договора (этот комитет был создан по решению Съезда). На этот раз вместе с союзными республиками – причем не только вошедшими в «девятку», – в подмосковной резиденции Горбачева собрались и автономии.

Эти последние вновь предприняли мощную атаку, добиваясь равноправия, хотя вроде бы уже обо всем договорились 12 мая на встрече с Горбачевым и Ельциным (фрагменты состоявшегося там разговора цитируются по книге «Союз можно было сохранить»).

Председатель Верховного Совета Карелии Виктор Степанов:

– Если признаём равноправие народов, – должны признать равноправие республик... По Совету Федерации – должно быть равноправие (то есть в Совете Федерации на равноправных началах должны заседать и представители бывших союзных республик, и представители автономий. – **О.М.**)

Лидер Северной Осетии Ахсарбек Галазов:

– Надо устранить деление республик на два сорта.

Снова решительнее всех выступил Шаймиев:

– Подпишем договор, если получим союзный статус. Мы должны быть в Союзе. Раз отказали нам, два отказали, теперь, при преобразовании Союза, мы не можем допустить это еще раз. Россия должна по мере их созревания рожать республики. Почему мы должны решать оборонные вопросы через Россию? Нефтехимический комплекс у нас крупнейший в мире...

Однако Ельцин все решительнее отработывает назад от прежнего своего «Берите столько суверенитета, сколько проглотите!»:

– Россия должна оставаться единой. Разрушить ее единство было бы величайшей ошибкой. Нам этого не простят. Даже если одна республика подпишет отдельно, – это прецедент, начнется волна распада...

Ельцина поддерживает и Назарбаев:

– Нет мононациональных республик. Сегодня вы объявите о себе как субъектах Союза, а завтра у нас в районах будет провозглашаться то же самое.

Еще один обсуждаемый вопрос, хотя и не такой острый, как равноправие республик, – название Союза. Союзный Верховный Совет постановил дать стране новое название, однако мало отличающееся от прежнего, – Союз Советских Суверенных Республик, так что коротко было бы по-прежнему СССР (этот момент некоторые особо выделяют – сохранить аббревиатуру). Однако постановления союзного парламента уже мало кого к чему обязывают. Одни, правда, поддерживают предложенное название, другие даже настаивают, чтобы в нем сохранился «социалистический выбор», третьи предлагают свои варианты, – например, поменять местами эпитеты, выдвинуть на первый план слово «суверенный»: «Союз Суверенных Советских Республик» (к этому варианту присоединяется и Ельцин), или сделать короче: «Союз Суверенных Государств», четвертые просто отмахиваются от разговора о названии как от несущественного – предлагают отложить его «на потом».

На следующий день Ельцин сообщил, что автономии согласились подписывать Союзный договор в составе РСФСР. Все, кроме Татарстана, который продолжал настаивать на своем праве участвовать в договоре самостоятельно. Однако члены «девятки», по словам Ельцина, отказались принимать его в свои ряды.

Впрочем, не вполне ясно, что означал этот отказ. «Независимая газета» писала в те дни:

«Предстоят еще непростые российско-татарстанские переговоры, которые вряд ли увенчаются успехом. Похоже, на этот раз оба лидера – и союзный, и российский – плохо представляют себе, где выход. Татарстан обещает стать «Литвой России».

Татарстану – независимость!

В Татарстане – буря. Одни – за выход из России, другие – против. В Москву через голову республиканских властей идут петиции: «Желаем остаться в России!»

«Если Верховный Совет Татарстана примет решение об отмене выборов российского Президента на территории республики, мы будем требовать выхода Бугульмы из Татарстана и присоединения ее к Кировской области РСФСР», – пишут две тысячи сотрудников одного из НИИ, расположенного в этой самой Бугульме.

На противоположной стороне народу не меньше. 27 мая, в день открытия очередной сессии республиканского парламента, в центре Казани – митинг, около пятидесяти тысяч человек. Участники требуют не проводить на территории Татарстана выборы российского президента. Правда, парламента 13 мая уже принял решение – провести такие выборы одновременно с выборами республиканского президента. Однако спустя несколько дней большая группа депутатов потребовала через парламентский Комитет конституционного надзора рассмотреть, насколько правомерно такое решение. После долгих споров решили изменить постановление от 13 мая: официально Татарстан не будет участвовать в выборах российского президента, однако тем гражданам республики, которые все-таки пожелают принять в них участие, будет оказано содействие.

Что касается выборов республиканского президента, кандидат был единственный – Ментимер Шаймиев. В своей программной речи на сессии парламента он вновь подтвердил, что республика будет подписывать Союзный договор только как суверенное государство – субъект СССР.

Шаймиев обвиняет Ельцина...

В день открытия сессии республиканского парламента Татарстана (напомню, – 27 мая) газета «Вечерняя Казань» опубликовала интервью с Ельциным. Речь, естественно, зашла о том, как он относится к стремлению Татарстана получить особый государственный статус.

Ельцин ответил, что после недавней встрече в Ново-Огареве он встречался отдельно со всеми руководителями республик Российской Федерации и все они дали согласие подписать Союзный договор в составе РСФСР в алфавитном порядке.

– Только Шаймиев пока такого согласия не дал, – сказал Ельцин. – Но мы договорились продолжить консультации.

По словам Ельцина, «вопрос должен быть обязательно решен» (то есть решен так, что Татарстан не должен ничем не выделяться среди других российских республик, занять среди них свое место, как оно следует из алфавитного порядка). Ибо «все руководители «большой девятки» заявили, что в случае, если Татарстан будет настаивать (настаивать на том, чтобы стать с ними вровень. – **О.М.**), они подписывать Союзный договор не станут, потому что автономии других союзных республик подписывают его только в составе союзной республики».

Однако Шаймиев, выступая 28 мая на пресс-конференции, опроверг эти слова Ельцина. Он утверждал, что никакого разговора о том, будто из-за Татарстана другие республики не будут подписывать Союзный договор, на встрече в Ново-Огареве не было, и Ельцин просто пытается «использовать особую позицию Татарстана в своих целях».

Какие цели преследует в данном случае Ельцин, всем было понятно: спохватившись, что наобещал автономиям слишком много, он теперь изо всех сил старается не допустить развала России, контуры которого уже отчетливо видны.

НЕ ПУСТИТЬ ЕЛЬЦИНА В ПРЕЗИДЕНТЫ!

Не очень-то они доверяют друг другу

Тем, не менее, несмотря на бунт автономий, Заявление «9+1» снизило градус политического напряжения в стране. Казалось бы, и между Горбачевым и Ельциным теперь должна наступить полоса мира, или, по крайней мере, устойчивого длительного перемирия. Тем паче, что они вместе, плечом к плечу, отбивали «мятеж» автономистов. По крайней мере, на словах они оба выражали такую надежду. Выступая 4 мая по телевидению, Ельцин заявил:

– Я убежден, что произошло большое событие. Встреча высших руководителей республик – девяти республик и президента страны – может положить начало существенному оздоровлению внутривнутриполитической ситуации в стране, в России, конечно, тоже... Был достигнут компромисс, который позволяет сегодня проводить реформу в условиях согласия по основным вопросам, а не противостояния и конфронтации.

Горбачев также расхваливал это соглашение.

– Заявление (23 апреля. – **О.М.**) имеет огромное значение, – говорил он 12 мая на встрече с руководителями российских автономий. – И так оценено у нас и во всем мире... Атмосфера была товарищеская, хорошая. Разговор получился. Был, по сути, первым, который отвечал потребностям переживаемого момента. Мы с Борисом Николаевичем согласились в том, что для того, кто пошел бы против этого Заявления, это означало бы политическую смерть...

При этом, однако, Горбачев иронически, точнее сказать – саркастически отозвался о том месте в недавнем телевизионном выступлении Ельцина, где он говорил о грядущем перераспределении полномочий между Центром и республиками:

– Ельцин показывал по телевидению образно, как он представляет себе [сужающиеся] полномочия Центра – просвета между ладонями у него в этот момент почти не было видно.

Компромиссное Заявление подписали, но компромисса в том, кто какими полномочиями должен обладать, что-то не просматривалось. Центр противостояния переместился сюда – в проблему дележа полномочий. Горбачев вновь и вновь предупреждал, что если каждый будет тянуть одеяло на себя – причем не только союзные республики, но и российские автономии – ничего не останется ни от целостности Союза, ни от целостности Российской Федерации.

– Борис Николаевич иногда на меня обижается, – сокрушался Горбачев, – когда я призываю его стоять за Союз. Он говорит: что вы меня уговариваете, я за Союз. Но надо, чтобы это было выявлено с предельной четкостью. Надо выбрать единственно жизнеспособный вариант...

Как бы то ни было, в главном компромисс был найден. Правда, Горбачев и Ельцин не очень-то доверяли друг другу (соответствующие цитаты уже приводились). Одна из западных газет написала, что уже после ново-огаревского совещания на проходившей за закрытыми дверями встрече с депутатами Ельцин, отметив, что Горбачёв «пошёл на важнейшие уступки», вместе с тем напомнил, как осенью прошлого года Горбачёв обманул Россию с проектом программы «500 дней». «На этот раз Горбачёв поклялся, что выполнит свои обещания – сказал Ельцин. – Это было самое важное».

Мир так и не наступил

Однако ни мира, ни перемирия между Горбачевым и Ельциным не получилось. Приближались выборы российского президента, и Горбачев делал все, чтобы им не стал Ельцин. В секретной записке, направленной в ЦК Компартии РСФСР, рекомендовалось «распылить силы пропагандистской машины противника» путём выдвижения десяти – двенадцати кандидатов на президентские выборы России, «ни один из которых не должен и не может рассчитывать на победу», но все вместе они должны отобрать голоса у Ельцина. Вообще рекомендовалось организовать мощное

и хорошо скоординированное наступление на позиции Ельцина. И коммунисты действительно готовились к ожесточённой предвыборной схватке. Как полагает Ельцин, все это делалось с ведома и под руководством генерального секретаря.

Кандидатуры, противостоявшие Ельцину на президентских выборах, действительно были подобраны довольно расчетливо. Бывший горбачевский премьер Рыжков... Предполагалось, что за него проголосуют те, кто не хочет нового, кто – за СССР, за плановую экономику. Бакатин... Вроде бы человек прогрессивный, симпатичный, многим тогда нравившийся, отправленный в отставку с поста главы МВД под напором коммунистических «ястребов». Эта фигура должна была вызвать некоторое смятение, некоторый раскол среди демократически настроенных избирателей: вроде бы тоже подходящий человек... И, напротив, помимо более или менее симпатичных кандидатов были три отвратительные фигуры, три «ястреба», выступавших и против Горбачёва, и против Ельцина, за наведение порядка железной рукой – Макашов, Тулеев, Жириновский... Отвратительные-то они отвратительные, но как, показало время, за Жириновского, например, с его тогдашними фашистскими и полуфашистскими лозунгами на разных выборах голосовали миллионы наших соотечественников. Довольно популярен среди значительной части населения был и яркий антидемократ, яркий антисемит генерал Макашов...

«Конечно, «ястребы» во всем обвиняли Горбачёва, – писал позднее Ельцин, – (да и Рыжков порой выступал с критикой в его адрес), но ведь он-то (Горбачев. – О.М.) в выборах не участвовал! Объективно все кандидаты работали на него. То есть против меня. И он через своих людей помогал всем моим противникам – за исключением, быть может, Жириновского. Рыжкову и Бакатину помогали организовывать избирательную кампанию, на Тулеева работали депутатские фракции российского парламента, Макашова поддерживали Полозков и его компартия».

Ельцин был уверен: люди вполне осознают, что в реальности все сводится к противостоянию между ним и Горбачевым; они проголосовали против Горбачева – за Ельцина:

«Самым важным политическим мотивом этих выборов я считаю разделение ролей: Горбачёв представлял собой Союз, империю, старую державу, а я – Россию, независимую республику, новую и даже пока ещё не существующую страну. Появления этой страны все ждали с нетерпением. Большая часть российского общества подошла к июню 91-го с ощущением финала советского периода истории. Само слово «советский» уже невозможно было произносить. Оно исчерпало свой ресурс... Горбачёв продолжал твердить о социализме, о дружбе советских народов, о достижениях советского образа жизни, которые нужно развивать и обогащать, не понимая, что зашёл в тупик... Со всем «советским» у наших людей – пусть не всех, но наиболее активной и мыслящей части общества – уже было покончено. Именно с этой точки зрения, сквозь эту призму страна смотрела на выбор нового лидера».

Все же я не думаю, что избиратели голосовали «против Горбачева». Да, они голосовали за Ельцина, против его соперников, но вряд ли многие из них думали о том, что за спинами этих соперников, за кулисами стоит Горбачев. Ну что общего между Горбачевым и Жириновским, между Горбачевым и Макашовым? Да и распыления сил демократов особенно не получилось. Их голоса у Ельцина мог отнять разве что Бакатин.

Ельцин – президент России

Итак, 12 июня 1991 года Ельцин был избран президентом России (он получил более 57 процентов голосов). Это было поистине историческое, хотя и ожидаемое, событие. «Российская газета» писала по этому поводу:

«Итак, первым президентом России стал Борис Ельцин. Тот самый Борис Ельцин, которого 10 ноября 1987 года пленум МКГ КПСС, ведомый Михаилом Горбачевым и Егором Лигачевым, освободил от всех занимаемых им постов и должностей. Тот самый Ельцин, которому в ноябре того же года М. Горбачев в телефонном разговоре сказал: «Должность мы тебе подберем неплохую, на хлеб будет хватать. Но политической деятельностью ты заниматься больше не будешь, об этом - забудь»...

И еще. 12 июня... на вершину политической жизни вышел не только Борис Ельцин со всеми его взглядами, позицией, характером, – вышла, что неизмеримо важнее, подлинно суверенная Российская Федерация...

Мы все вступаем в новую эпоху. Дай Бог, чтобы она была для каждого из нас не столь драматичной, как та, которую мы оставляем за спиной».

В общем-то, этот пафос не был чрезмерным. Вся демократическая Россия именно так воспринимала избрание Ельцина президентом. После этого избрания мы действительно вступили в новую, демократическую эпоху. Жаль, что с уходом Ельцина эта эпоха кончилась.

Горбачев поздравляет Ельцина. Не очень искренне

8 июля на торжественном заседании IV съезда народных депутатов РСФСР состоялась президентская инаугурация Ельцина. Перед церемонией произошел забавный разговор между ним и Горбачевым. Цитирую по книге «В Политбюро ЦК КПСС...»

Горбачев пересказывает этот разговор своему помощнику Георгию Шахназарову:

« – Не следует ли организовать прямую трансляцию церемонии на Красной площади? – поставил вопрос Б.Н.

– Зачем? – говорю ему. – И так ведь будут передавать по телевидению. А тут столпотворение. Как бы новой Ходынки не случилось!

– Еще вопрос, – продолжал Б.Н. – Не следует ли дать залп из 24 орудий?

Хотел я ему сказать: ворон распугаешь и людей насмешишь. Но он ведь чертовски обидчивый. Начал отговаривать: зачем пыль поднимать?

– Третий вопрос – говорил Б.Н. – На чем присягу принимать – на Конституции или на Библии?

– Понимаешь, Борис Николаевич, покажется странным, если на Библии. Ты ведь, кажется, не из отчаянно верующих.

– А как же в США присягают президенты? – упорствовал Б.Н.

– Так у них другая культура, традиции. К тому же в России миллионы мусульман. Почему тогда и не на Коране? Есть еще и евреи – может, и на Торе?

Последний довод сразил собеседника.

Какие амбиции и простодушная жажда скипетра! Как это в нем умещается вместе с политическим чутьем, – ума не приложу».

Так что обошлось без Красной площади, без орудийного салюта и без Библии...

Но ельцинское политическое чутье Горбачев все же отметил.

На церемонии Горбачев выступил с поздравлением. Сказал все подходящие для таких случаев слова...

Впрочем, не преминул «подпустить шпильку»:

– Может быть, кто-нибудь по этому поводу (приведения Ельцина к присяге. – **О.М.**) скажет: «Ну что особенного, одним президентом стало больше в стране». Я придерживаюсь другого мнения...

– Введение института президентства, – сказал Горбачев, – является результатом тех демократических преобразований, которые происходят в русле перестройки, политической и правовой реформы. Сама жизнь подвела к выводу, что рядом с сильной и компетентной законодательной властью должна действовать столь же сильная и компетентная исполнительная власть.

Не он ли, Горбачев, еще недавно, выступая на участке по проведению референдума, а потом через противников Ельцина в российском парламенте всячески препятствовал созданию в России этого самого института президентства и тому, чтобы российским президентом стал Ельцин?

Свернул Горбачев, естественно, и на свою любимую тему – Союзный договор:

– Глубоко убежден, что интересам народов Российской Федерации, как и всех республик, объединенных в наш Союз, отвечают не расхождение по своим углам, не самоизоляция, а, напротив, сотрудничество и согласие в обновленном государстве. Этому и должно служить заключение нового Союзного договора.

Ну почему же нежелание подписывать Союзный договор должно было непременно означать самоизоляцию. К этому моменту такое нежелание определенно выразили шесть республик. Готовились сделать то же самое и другие. Почему обязательно это подразумевало самоизоляцию?

Надо полагать, и Ельцин, и руководители других республик, присутствовавшие на инаугурации, читали «между строк» то, что в действительности хотел сказать Горбачев: избрание российского президента вовсе не означает, что это шаг – к распаду Союза.

СПОРИТЬ С ГОРБАЧЕВЫМ ПОРУЧАЮТ ЕЛЬЦИНУ

Ново - огаревские бдения продолжаются

Сам тот факт, что Ельцин ВОЗГЛАВИЛ борьбу республик за большую самостоятельность, независимость от Центра, ставило его, конечно, в особые условия, ПРИПОДНИМАЛО над лидерами других республик и, соответственно, саму Россию – над другими республиками. Другие лидеры до поры до времени охотно ему эту роль отдавали. Позднее в какой-то момент главенствующая роль Ельцина и России сильно их встревожит: они заподозрят, что Ельцин стремится создать новый, свой собственный Центр, взамен горбачевского, советского. Но пока, весной – летом 1991-го это не сильно их беспокоило. То, что Ельцин основную часть работы по ослаблению Центра берет на себя, вполне их устраивало.

Вот как описывает Ельцин заседания в рамках начавшегося 23 апреля 1991 года «ново-огаревского процесса»:

«Обычно переговоры в Ново-Огарёве, одной из подмосковных резиденций президента СССР, происходили примерно по одинаковому сценарию.

Сначала выступал Горбачёв, говорил в своей манере: долго, округло, неторопливо. Затем приглашал к обсуждению нас.

Как правило, в конце мне приходилось брать инициативу на себя, если шла речь о принципиальном вопросе. И спорить. Это всех устраивало.

Нужно было видеть обстановку в небольшом торжественном зале, где все блистало правительственным великолепием, когда за длинным столом нависала тяжёлая пауза и присутствующие пытались прятать глаза...

При существовании двух полюсов всем остальным было удобно выбирать свою позицию, маневрировать. Мы с Горбачёвым брали всю моральную тяжесть выяснения спорных проблем на себя.

...Как ни странно, это никогда не приводило к скандалам, к каким-то неприятным сценам.

Почему?

Ведь, по сути, мы договаривались об ограничении полномочий союзного Центра. Происходила вещь, вроде бы нестерпимая для такого человека, как Горбачёв:

ограничение власти.

Но тут нужно было учитывать ряд обстоятельств.

Во-первых, внешне он шёл как бы во главе этого процесса, сохраняя «отцовскую» позицию, инициативу и лидерство – по крайней мере, в глазах общественного мнения. Никто не посягал на стратегическую роль президента Союза: все глобальные вопросы внешней политики, обороны, большая часть финансовой системы оставались за ним.

Во-вторых, с Горбачёва разом снималась ответственность за национальные конфликты! Вернее, изменялась его роль в распутывании этих безумных кровавых клубков – из «человека с ружьём» он сразу превращался в миротворца, в третьейского судью.

В-третьих, ему нравилась беспрецедентная в мировой практике роль – руководителя не одного, а множества демократических государств. Это был очень хороший полигон для гибкого вхождения в роль мирового лидера.

Ну и, наконец, психологический фон. СИТУАЦИЯ ДИКТОВАЛА (И ПОЗВОЛЯЛА) НАМ С ГОРБАЧЕВЫМ ОСТАВАТЬСЯ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕГОВОРОВ НОРМАЛЬНЫМИ ЛЮДЬМИ. ОТБРОСИТЬ ЛИЧНОЕ (выделено мной. – О.М.)

Слишком высока была цена каждого слова, а кроме того, когда все конфликтные моменты заранее обговариваются экспертами, целыми группами людей, когда ты психологически готов к трудному разговору – это уже не заседание Политбюро, где каждый шаг в сторону расценивается как побег.

После переговоров мы переходили обычно в другой зал, где нас ждал дружеский ужин, любимый горбачевский коньяк – «Юбилейный». Выходили мы после ужина, подогретые и волнующей обстановкой встречи, и ужином».

Последняя деталь – про коньяк «Юбилейный» – забавна. Горбачев, его окружение, как и все противники Ельцина, никогда не упускали случая позлорадствовать по поводу известной склонности Ельцина к выпивке, представить его беспробудным пьяницей. И, напротив, как уже говорилось, за Горбачевым в народе утвердилось насмешливое прозвище «минеральный секретарь». Отчасти этому содействовала, наверное, развернутая в период перестройки антиалкогольная кампания, хотя не Горбачев был ее главным инициатором (как считается, инициативу проявили члены Политбюро Соломенцев и Лигачев). В действительности, как видим, Михаил Сергеевич не был таким уж принципиальным трезвенником, и к рюмке иногда прикладывался, в коньяках знал толк. Правда, в отличие от Ельцина, выпившим на публике, а тем паче перед телекамерой, никогда не показывался, был тут предельно осторожен.

Все равны, но Россия – «равнее»!

То, что Россия несколько «равнее» среди всех равных бывших союзных республик, а их шеф «равнее» других республиканских лидеров, вполне осознавали и ельцинские «ребята». Обычно во время ново-огаревских бдений машину Ельцина старались поставить первой. Однажды получилось так, что его автомобиль оказался в конце вереницы правительственных лимузинов. Такое унижение «ребята» стерпеть не могли, – сделали «немыслимый разворот» и, промчавшись через вылизанный ново-огаревский газон, снова стали первыми. Знай наших! Россия – главнее!

Тамошний комендант был взбешен. Угрожал «мерами» за порчу газона. Но потом как-то все «устаканилось».

Возможно, и Горбачеву доложили о происшествии. Тот, наверное, поморщился, но встревать не стал. Не царское это дело.

Не исключено, что на такие фокусы ельцинских служивых обращали внимание и руководители других республик. Мотали на ус.

«Автономистам» «вывихнули руки»

На заседании Подготовительного комитета 17 июня автономии предприняли очередную

отчаянную попытку добиться равенства с союзными республиками. Видимо, предвидя это, Горбачев во вступительном слове заявил весьма решительно:

– Я не могу подписаться под договором, который разрушал бы Российскую Федерацию, и который делал бы неполноценным Союз. Мы должны сохранить и Союз, и Российскую Федерацию.

По-видимому, к этому моменту у Горбачева уже была договоренность с Ельциным совместными усилиями отбивать атаки автономий, которые – это было достаточно очевидно, – в конце концов действительно могли привести к развалу России. Но даже если такой договоренности и не было, если Горбачев самостоятельно выбрал линию союзничества с Ельциным в этом вопросе, он поступил вполне разумно. Он не просто укреплял тактический союз с Ельциным, – странно было бы вообще, если б, сражаясь за сохранение Союза, он не выступал бы и за сохранение России.

К союзничеству с Ельциным Горбачева подталкивало и то, что теперь у Ельцина была новая, более мощная легитимность – он стал всенародно избранным президентом (сам Горбачев таковым, как известно, не был, его избрал всего лишь Съезд нардепов СССР), но, и став им, он не проявил никакого высокомерия по отношению к своему вечному оппоненту. Это не прошло мимо внимания прессы. «Независимая газета»:

«В ходе встречи он (Горбачев. – **О.М.**) впервые увидел перед собою за столом переговоров Бориса Ельцина, не просто получившего новый титул, но приобретшего качественно новое политическое оружие огромной мощности – истинно легитимную власть единственного в этом сообществе президента, избранного всенародным голосованием. И, судя по всему, Горбачев не увидел в своем оппоненте ни ожесточения, ни надменности, которых мог опасаться. Ельцин не стал пренебрежительно цедить сквозь зубы что-то вроде «Я президент, а ты кто такой?», но, напротив, продемонстрировал готовность к сотрудничеству».

Дальнейшие события на заседании 17 июня описываются в стенограмме (она приведена в книге «Союз можно было сохранить») довольно коротко, хотя и весьма выразительно:

«Завязалась довольно острая дискуссия с «автономистами», которые потребовали перечислить все республики вначале (в начале Союзного договора. – **О.М.**), чтобы подчеркнуть, что они в числе учредителей Союза. Горбачев убедительно призывал к компромиссу (то есть, надо полагать, возражал против такого перечисления. – **О.М.**), а Ельцин молчал. Затем было два тура: сначала сидели над текстом «автономисты», потом «союзники». Кое-как вывихнули первым руки. Не обошлось без взаимных угроз и предостережений».

Руки вывихнули не всем. Татарстан по-прежнему стоял на своем. В Чечне (уже не Чечено-Ингушетии) вообще началась буча...

В итоге было решено-таки направить проект договора Верховным Советам республик и союзному Верховному Совету.

ТРЕВОЖНЫЕ ПОДЗЕМНЫЕ ТОЛЧКИ

Предвестие путча?

В эти дни в Верховном Совете СССР произошли некие события, в которых, если на них оглянуться из сегодняшнего дня, нетрудно было бы разглядеть предвестие близкого августовского путча. 17 июня с докладом об экономическом положении в стране здесь выступил премьер-министр Валентин Павлов. Положение давно уже было близким к критическому, но Павлов постарался еще более сгустить краски и в заключение потребовал, чтобы ему предоставили дополнительные полномочия – право выступать с законодательной инициативой и принимать решения «по вопросам руководства народным хозяйством и социально-культурным строительством», обязательные для всеобщего исполнения. Иными словами – передать часть тех чрезвычайных полномочий, которыми не так давно Верховный Совет наделил президента. Требование это не было согласовано с Горбачевым, делалось «в обход его». Однако депутаты склонялись к тому, чтобы пойти навстречу премьеру. И не только склонялись... «Ястребы» из группы «Союз» – Коган, Алкснис, Чехоев, Умалатова, – с пеной у рта требовали этого, полностью возлагая вину за сложившееся тяжелое положение на президента. Еще одно их требование – созвать в июле чрезвычайный Съезд народных депутатов СССР с единственным пунктом в повестке дня – отчет президента СССР. Для того, стало быть, чтобы отстранить Горбачева от власти.

Известный в ту пору «представитель пролетариата», не слезавший с телеэкрана харьковский таксист Сухов закончил свою речь прямым призывом:

– Долой Горбачева! Долой его клику – Шеварднадзе, Яковлева и других!

Оценивая грозную обстановку, сложившуюся в Верховном Совете, депутат Элла Памфилова заявила:

– Я считаю, что здесь совершается попытка конституционного переворота.

Дальше – хуже. На этой сессии – В ЗАКРЫТОЙ ЕГО ЧАСТИ – выступили и силовики. Формально – чтобы отчитаться о положении дел в своих ведомствах. Отчеты однако получились странноватые, довольно зловещие. «Независимая газета»:

«Рутинные сообщения «о положении дел на доверенном участке работы» министров внутренних дел и обороны, председателя КГБ СССР содержали, по мнению ряда присутствовавших депутатов, целую серию нечетких по форме, но достаточно тревожных по сути деклараций. Язов в весьма угрожающем тоне говорил о «развале» союзных Вооруженных Сил. Крючков разоблачил перестроечные реформы как «заговор ЦРУ», проводимый через «агентов влияния», и настаивал на неких «чрезвычайных мероприятиях», необходимых для «спасения страны от гибели», и заявлял о готовности всеми имеющимися средствами «служить сохранению общественного строя, а не охране режима чьей-то личной власти...»

Павлов, Крючков, Язов, Пуго – все эти деятели в скором времени обретут известность как ключевые фигуры путча.

Подземные толчки, возвещающие о приближающемся настоящем землетрясении, были слышны довольно отчетливо.

Ну, а что же Горбачев? Горбачев, как писала пресса, до поры до времени сохранял удивительное спокойствие и продолжал «шлифовку текста Союзного договора». А главный – формально – фигурант будущего заговора вице-президент Геннадий Янаев успокаивал депутатов (кого это волновало) заверениями, что «президент не видит здесь (то есть в речах силовиков. – **О.М.**) политического аспекта» и просит «относиться к этому вопросу (то есть о чрезвычайном характере ситуации и необходимых чрезвычайных мерах. – **О.М.**) как к рабочему...»

На следующий день и сама эта троица – Язов, Крючков, Пуго – поспешила выступить с уверениями, что никакого «сговора» нет, что они лишь желали «предоставить депутатам наиболее полную информацию».

Когда оглядываешься назад, на эти июньские дни 1991 года, каким-то странным выглядит столь удивительное спокойствие Горбачева.

Впрочем, в конце концов из этого спокойствия вроде бы удалось вывести и его...

Тревога нарастает

Атмосферу тревоги усилило заявление Союза «Щит» (его полное название – Союз социальной защиты военнообязанных и членов их семей «Щит»). Заявление опубликовала «Независимая газета». В нем утверждалось, что в ночь с 15 на 16 июня в войсках Московского военного округа «была отмечена активизация действий отдельных частей и подразделений, некоторые из них были приведены в повышенные степени боевой готовности». «Щит» связывал этот факт с последовавшим закрытым заседанием Верховного Совета СССР, выступлениями на нем Язова, Пуго и Крючкова, о которых уже шла речь.

«Победу демократии на выборах, – говорилось в заявлении, – они оценивают как целенаправленные действия сил, ведущих борьбу за изменение конституционного строя, утверждают об обострении обстановки в Москве и Ленинграде, заявляют, что враждебные группировки овладели средствами массовой информации, делают вывод, что без действий чрезвычайного характера сегодня уже не обойтись. Премьер-министр В. Павлов потребовал предоставить правительству полномочия президента страны. Исходя из вышеизложенного, союз «Щит» считает своим долгом предупредить демократическую общественность страны о вновь надвигающейся опасности правого переворота».

Вот такое предупреждение. В ту пору оно было не единственным. Тревога носилась в воздухе.

Встревожены и российские депутаты

Что-то странное, происходящее в союзном парламенте, встревожило и парламент российский. Особенно – выступления Язова, Крючкова и Пуго, происходившие за закрытыми дверями и доносимые лишь обрывками, скупыми публикациями в прессе. Как писала «Российская газета», многие депутаты, подобно Памфиловой, расценили это как попытку «кабинетного государственного переворота». Еще сравнивали ситуацию с той, какая возникла минувшей осенью, когда «процесс стабилизации политической жизни в стране был полностью сорван консервативными силами, торпедирована программа «500 дней» и обстановка стала близкой к критической».

Мало кто догадывался, что в действительности в скором времени произойдут события, гораздо более драматические, чем осенью 1990 года.

Буш предупреждает Горбачева...

20 июня Горбачева, по поручению президента США Джорджа Буша, посетил посол этой страны Джон Мэтлок. Как пишет Анатолий Черняев, присутствовавший при встрече, когда Мэтлок вошел в кабинет Горбачева, «лица на нем не было».

– Господин президент, – сказал Мэтлок, – Я получил только что личную закрытую шифровку от своего президента. Он велел мне тут же, немедленно, встретиться с вами и передать следующее: американские службы располагают информацией, что завтра (то есть 21 июня) будет предпринята попытка отстранить вас от власти. Президент считает своим долгом предупредить вас.

Черняев:

«Горбачев рассмеялся. Я тоже. Мэтлок смутился, наверное, подумал: принес чепуху на такой верх. Стал оправдываться: не мог, мол, не выполнить поручения своего президента,

хотя и сказал ему, что у меня, посла в Москве, таких сведений не имеется и вряд ли это правда.

Горбачев возразил: «Это невероятно на все сто процентов. Но я ценю, что Джордж сообщает мне о своей тревоге. Раз поступила такая информация, долг друга – предупредить. Успокойте его...»

Потом М.С. разговорился: «Знаете, господин посол, разговоры о перевороте возможны у нас. Вы видите, что происходит. В народе набирает силу тенденция к согласию, к успокоению, складывается сотрудничество между Ельциным и Горбачевым. Дело идет к Союзному договору, к участию в «семерке»... Это встречает одобрение в обществе. Выборы Ельцина это подтвердили. Люди отвергают конфронтационный подход и тех, кто к нему призывает. Но есть силы... которые, как не раз уже бывало, намерены сорвать эту тенденцию. Оголтелые в Верховном Совете готовы проглотить микрофон... Алкснис, Коган... За ними – те, кто чувствуют, что теряют свои места в эшелонах власти и свои привилегии. И опять сплачиваются, опять замышляют подорвать процесс оздоровления. Не исключаю, что в их среде ведутся и такие разговоры, которые подслушал ваш разведчик».

После ухода Мэтлока Горбачев сказал своему помощнику, что накануне он выслушал еще одно схожее предупреждение:

«Знаешь, мне Примаков вчера позвонил... Михаил Сергеевич, говорит, учтите!.. Вы слишком доверились КГБ, службе вашей безопасности. Уверены ли вы в ней?.. Вот паникер! Я ему: Женя, успокойся. Ты-то хоть не паникуй».

Черняев возразил Горбачеву, что Примаков «не из таких», и, в свою очередь, рассказал, что опять-таки вчера ему передали сообщение, полученное от «знакомых офицеров из «Щита»: заметили, мол, подозрительные передвижения под Москвой воинских частей... То есть те самые передвижения, о которых говорилось выше. Черняев: «Не связано ли это и с беспокойством Буша?..»

- Почему ты об этом не сказал мне раньше? – встрепенулся Горбачев.
- Не поверил.
- Боишься трепачом выглядеть!

От Горбачева «досталось всем»

По словам Черняева, все эти «сигналы» все-таки задели Горбачева. Он поехал на сессию Верховного Совета и выступил там с «яростной речью» по поводу речей Крючкова, Пуго и Язова. Черняев:

«Он долго не мог успокоиться после этой стычки, вечером мне позвонил, крыл этих «подонков и сволочей матерно».

«В газете, – пишет Черняев, – наиболее смачные места из его выступления «сглажены». Если он имел в виду официозные «Известия», – не то что сглажены, а все вообще было представлено во вполне благопристойном виде:

«М.Горбачев призвал депутатов не создавать проблемы. Нам нужно делать дело, а не навязывать обществу истерику. Президент призвал сессию... не делать драмы там, где ее нет».

Однако «Независимая газета» в изложении выступления Горбачева в Верховном Совете позволила себе больше:

«Вряд ли кто из авторов идеи ЗАКОНОДАТЕЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО АЛЬЯНСА ПРАВЫХ СИЛ (выделено мной. – **О.М.**) мог предвидеть, что президенту хватит двадцати минут, чтобы безжалостно раздавить противостоящую ему группировку, когда в пятницу возобновились дебаты о предоставлении дополнительных полномочий правительству.

Досталось всем. И парламенту – «вы как будто под стеклянным колпаком живете, стерильные...», и премьер-министру – «что-то он тут невнятно выразился...»

...С яростью, которая до сих пор была привычна в отзывах Горбачева о «так называемых демократах», он вдруг обрушился на противоположное политическое крыло, на тех, кто «при любых условиях, в любой обстановке – в средствах информации, на пленуме ЦК, за кулисами – пытается навязать нам свое мнение. Этим занимаются товарищи Алкснис, Блохин и другие... И здесь они дестабилизируют сотрудничество и взаимодействие Верховного Совета и Кабинета министров...»

Президент ясно продемонстрировал свою решимость отстаивать нелегко доставшиеся ему плоды ново-огаревских консультаций: «...Вы ничего не поняли в том, что произошло с нами и с обществом в последнее время...»

«Демократия продолжается, и никому не удастся узурпировать ее для того, чтобы реализовать свои узкополитические расчеты», – заключил он.

Какова же была реакция тех, кто вызвал гнев Горбачева? Они, видимо, не ожидали, что президент вообще явится на заседание ВС, а тем более, что он даст им такой «отлуп»:

«Валентин Павлов был вынужден выступить с унижительными заверениями в своем полном единодушии с президентом. Анатолий Лукьянов (видимо, единственный, кто был готов к такому повороту событий) без минуты колебаний сдал «на позор и разграбление» столь дорогое ему, казалось, детище – «Союз». Авторы предложенной резолюции сами констатировали, что «вопрос исчерпан и необходимости в каком бы то ни было постановлении больше нет...»

Молчание сохранили лишь три героя закрытого заседания в понедельник – министры Язов, Крючков и Пуго. На сей раз они с пассивной угрюмостью наблюдали за политической бойней».

Автор газетной заметки, подписавшийся инициалами С.П., довольно прозорливо оценивает это угрюмое молчание:

«Столь впечатляющее и символичное молчание должно уберечь нас от лишних иллюзий: в конце концов то, что сделал Горбачев, можно считать лишь «анестезией», хоть и проведенной решительными и отчасти насильственными методами. Недуг, в лучших наших традициях, всего только загнан внутрь, но отнюдь не побежден. Политические факторы, породившие кризис на самой вершине союзной иерархии, сохранились в целостности, а силы, активизированные страхами консервативного блока за свое будущее, – лишь временно деморализованы. Борьбу за выживание они продолжат. Только – какой будет следующая попытка реванша?»

Следующей попыткой реванша, как мы знаем, был августовский путч. А в июне была лишь его репетиция.

Что касается реакции Горбачева на эту репетицию, хотя и удалось вывести его из того спокойствия, в котором он пребывал в те дни (дела с Союзным договором вроде бы пошли на лад), так и осталось неизвестно, что действительно вывело его из себя – ощутил ли он, как многие, реальную угрозу путча или его просто взбесила наглость «силовиков» и привели в раздражение разговоры об этой угрозе.

Думаю, в реальность путча он так и не поверил. Или сделал вид, что не поверил.

Горбачев просит у «семерки» сто миллиардов

Летом 1991 года Горбачева впервые пригласили на заседание «семерки». Оно проходило в Лондоне.

17 июля перед заседанием Горбачев встретился с президентом США Джорджем Бушем. Первый вопрос Буша, то ли шуточный, то ли вполне серьезный:

– Как вы теперь с Ельциным? Он поддерживает вас? Вы его поддерживаете?

Горбачев ушел от ответа. Может, посчитал вопрос неуместным. По крайней мере, для начала серьезного разговора. Стал говорить о том, как он ценит дружеское отношение США

и лично Буша к его стране.

Впрочем, одну фразу Горбачева, пожалуй, можно посчитать как косвенный ответ на вопрос о его, Горбачева, отношениях с Ельциным.

– ...У меня все-таки такое впечатление, что Джорджу Бушу надо решать – какой Соединенным Штатам нужен Советский Союз. Окончательно этот вопрос еще не решен. До тех пор [пока мы этого не решим] мы будем застревать на частностях, а время уходит.

То есть можно понять так: отношения Горбачева и Ельцина – частность, есть вещи посерьезней.

В этом разговоре Горбачев, кажется, впервые назвал цифру в сто миллиардов долларов, которые, будь они предоставлены Советскому Союзу, решительным образом помогли бы ему выйти из кризиса. Потом эти сто миллиардов станут для Горбачева навязчивой идеей, идеофикс.

– Мой друг Джордж – сказал Горбачев, – он что, смотрит и не видит, что мы уже делаем?! И что же? Молодец, мол, Горбачев! Продолжай, желаем тебе удачи! Такая вот хорошая поддержка – варитесь, мол, в своем котле, это нас (*американцев*) не касается. Странная вещь. Сто миллиардов брошены были на конфликт регионального значения (*война в Персидском заливе*), на реализацию этого «проекта». А такой «проект», как трансформация Советского Союза, который перестал быть противостоящей силой и угрозой, и включение его в мировую экономику, в мировое сообщество – этот «проект» еще не принят вами к исполнению.

На этот раз от положительного ответа насчет ста миллиардов уклонился Буш. Сказал, что пока в СССР нет рыночной экономики – «на уровне Запада», но Горбачев и его коллеги «работают в этом направлении». Поэтому помощь Запада, на его взгляд, должна заключаться в советах, способствующих успеху реформаторов в СССР, и созданию «механизма», способствующего органическому интегрированию вашей (*советской*) экономики в мировую.

Горбачев соглашается с ним, но при этом робко (и довольно униженно) повторяет: «нужны и доллары» – мол, неплохо было бы, если бы Буш поставил этот вопрос перед «семеркой»...

Ста миллиардов долларов Горбачев так и не получил, ни тогда, ни позже.

Последний предпутчевый конфликт

Последняя предпутчевая вспышка противостояния между Горбачевым и Ельциным произошла в двадцатых числах июля, когда между ними вроде бы уже установились мир и согласие: пришли к более или менее единому мнению насчет Союзного договора.

Однако Ельцин, упорно следуя своему курсу на ослабление КПСС, подписал указ о департизации государственной службы – прекращению деятельности парторганизаций на предприятиях и в учреждениях.

Со всех сторон к Горбачеву посыпались обращения: отец родной, помоги, спаси, не оставь нас в беде, дай отпор супостату! Анатолий Черняев вспоминает, что присутствовал в кабинете Горбачева, когда первый секретарь МГК Прокофьев упрашивал президента своим указом отменить ельцинский указ. Не упробил. По словам Черняева, Горбачев «предпочел не ставить под удар ново-огаревский курс».

Все же как-то реагировать на демарш Ельцина Горбачев был вынужден, хотя, видимо, понимал, что после отмены шестой статьи Конституции (о «руководящей и направляющей» роли КПСС) департизация неизбежна, все движется к этому.

Было принято соответствующее заявление Политбюро, осуждающее указ Ельцина. Осудил его, естественно, и сам Горбачев в докладе на пленуме ЦК КПСС 25 июля, вступился за права граждан.

– Какими бы аргументами ни обосновывали эту акцию, – сказал он, – она осложняет и без того насыщенную конфликтами обстановку. Это отнюдь не то, в чем нуждается сейчас общество. Мы говорим о согласии, а принимаем документы, которые на деле могут использоваться в ущерб консолидации, наметившейся тенденции к конструктивному решению трудных вопросов, чего ожидает все общество. Затронуты демократические права трудовых коллективов, которые через общественные организации выражают свои интересы, свои позиции. Поскольку в данном случае речь идет о правах граждан и общественно-политических объединений, свое заключение должен дать Комитет конституционного надзора... Никто не вправе запретить работу партии с трудовыми коллективами...

Ельцин, естественно, пропустил эти слова осуждения мимо ушей.

СОЮЗНЫЙ ДОГОВОР ПОЧТИ ПОДПИСАН

Начало подписания – 20 августа

Итак, на пути к подписанию ключевого документа, о котором столько хлопотал президент СССР, завиднелся финиш...

2 августа Горбачев выступил по телевидению. Официально провозгласил: Союзный договор открыт к подписанию. Сказал, что направил соответствующее письмо руководителям делегаций всех республик, уполномоченных подписать документ, с предложением начать процесс подписания 20 августа. Письмо было направлено также в республики, «не

определившиеся» относительно договора.

Предполагалось, что 20 августа свои подписи под договором поставят Россия, Казахстан и Узбекистан. 3 сентября настанет очередь Белоруссии и Таджикистана (позже они выразили готовность подписать договор вместе с «первоочередниками» – 20 августа). Остальные республики, как намечалось, подпишут позже. Весь процесс растягивался примерно на два месяца. Почему нельзя было подписать, как обычно, всем сразу? Рассчитывали, что, если растянуть этот процесс во времени, может быть, через какой-то срок до подписи «дозреют» и те республики, которые в тот момент колебались или вовсе не собирались договор подписывать. Главная проблема была связана с Украиной, которая свое окончательное решение по поводу договора обещала вынести лишь в сентябре. Вроде бы «подтягивались» также Армения и Молдавия. В своем выступлении по телевидению Горбачев прямо сказал:

– Такой порядок (то есть растянутый во времени. – **О.М.**) даст возможность Верховному Совету Украины завершить рассмотрение проекта. За это время состоится референдум в Армении. Присмотреть решение об отношении к Союзному договору Молдова.

На всякий случай, ритуально, упомянул Горбачев и остальные республики:

– Смогут определиться в этом жизненном вопросе и народы Грузии, Латвии, Литвы, Эстонии.

К этому моменту удалось договориться, что российские автономии – все без исключения – все-таки подпишут договор в составе делегации РСФСР: Шаймиева наконец удалось уломать. Ельцин пообещал ему, что Россия заключит с Татарстаном отдельный, двусторонний договор, где будет четко прописано разграничение полномочий между Москвой и Казанью (Федеративный договор, который тогда готовился, Шаймиев упорно не желал подписывать). Такова была цена, уплаченная татарстанскому лидеру за его «внутрироссийскую» подпись под Союзным договором.

Чтобы не откладывать дело в долгий ящик, работу над двусторонним договором начнут уже 12 августа.

Завершить подписание Союзного договора наметили предположительно на 22 октября. В этот день свои подписи под ним поставят замыкающие из республиканской очереди, и после них – союзная делегация во главе с Горбачевым. Горбачев выступит с торжественным заявлением о создании Союза Советских Суверенных Республик. Этот день будет объявлен государственным праздником Союза ССР.

Увы, ничему этому не суждено было сбыться.

Запланировано создать полноценное демократическое государство

Текст договора, в основном согласованный 23 июля и окончательно – несколькими днями позже, был опубликован в «Правде» лишь 15 августа, до этого сохранялся в секрете. Вообще-то в нем было много хороших слов, которые, будь они реализованы, в самом деле, могли бы стать основой какого-то нового, демократического государства.

«Государства, образующие Союз, – говорилось, в частности, в договоре, – считают важнейшим принципом приоритет прав человека в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека ООН, другими общепризнанными нормами международного права...

Государства, образующие Союз, видят важнейшее условие свободы и благосостояния народа и каждого человека в формировании гражданского общества...

Участники договора признают общим фундаментальным принципом демократию, основанную на народном представительстве и прямом волеизъявлении народов, стремятся к созданию правового государства, которое служило бы гарантом против любых тенденций к тоталитаризму и произволу».

Более двадцати лет прошло, но мало где на пространстве бывшего Союза реализованы

эти замечательные декларации. Мало где приоритетом признаются права человека, где общим фундаментальным принципом считается демократия, где государство всерьез стремится сформировать гражданское общество.

К ведению Союза договор относил вопросы обороны, государственной безопасности, внешней политики и внешнеэкономической деятельности (право заниматься этой политикой и этой деятельностью предоставлялось также и республикам – Союз тут выступал в роли координатора), утверждение и исполнение союзного бюджета... Короче, права Центра значительно усекались, а права республик, соответственно, расширились.

Спорным долго был вопрос о налогах – принимать ли одноканальную или двухканальную систему. При двухканальной системе налоги собирают и входящая в Союз республика, и Центр – каждый свои, при одноканальной налог – один. В конце концов остановились на одноканальной системе: каждая республика собирает деньги, после чего определенный, фиксированный процент отчисляет в союзный бюджет.

Для тех государств, которые подпишут договор, считается утратившим силу Договор об образовании Союза ССР 1922 года. Для таких государств «действует режим наибольшего благоприятствования». Для тех же, кто договор не подпишет, – как говорится, «по умолчанию», – продолжает действовать тот старый, ветхозаветный договор 1922 года (с чем, думаю, хоть кто-то из них вряд ли согласился бы), и с ними как с иностранными государствами отношения строятся «на основе законодательства Союза ССР, взаимных обязательств и соглашений». То есть получалась довольно забавная картина: одни государства оказывались в «новом» СССР (Союзе Советских Суверенных Республик), а другие, юридически, на основе Союзного договора, оставались в «старом» СССР (Союзе Советских Социалистических Республик). Иными словами, как бы образовывались две группы государств, «иностранных» по отношению друг к другу.

На самом деле, если бы Союзный договор был заключен, никакого «старого» Союза уже, конечно, не было бы.

Дружелюбная беседа перед отъездом Горбачева в Форос

Хотя, как мы видели, Горбачев всячески препятствовал избранию Ельцина российским президентом – так же, как он препятствовал и избранию его председателем российского парламента, – после того, как это избрание, несмотря на всё противодействие, все же состоялось, между ними вновь, по крайней мере внешне, вновь установился мир, или перемирие, – назовите, как хотите. Ельцин согласился подписать Союзный договор, даже несмотря на возражения своих союзников из «Демократической России» и просто видных демократов. Вполне дружелюбно прошла и их, Горбачева и Ельцина (третьим был Назарбаев) последняя встреча, 29 июля, перед роковым отъездом Горбачева на отдых в Форос. Он уезжал 4 августа.

Вспоминает Горбачев:

«В той беседе мы договорились об очень важном, я бы сказал, исторически важном. Помоему, даже с подачи Ельцина. О будущем. Мы согласились, что отдаем на подписание детальный Союзный договор... Уже на основе Договора можно проводить новые выборы: приняв соответствующий закон. И Ельцин говорит: в связи с этим я хочу сказать: давайте четко договоримся, с чем мы должны идти на выборы. Вы будете в отпуске, мы здесь будем думать.

Я считаю, что вы должны (это Ельцин говорит, я его излагаю) снять свои заявления о том, что не будете участвовать в выборах президента, исходя из того, что целесообразно продолжение вашей работы в Союзе, а моей в России. Хорошо, договорились. Теперь по правительству. А правительство нового Союза должен возглавить Назарбаев (надо так понимать, что это тоже предложение Ельцина. – **О.М.**) Он говорит: я не пойду в такое

правительство, где буду козлом отпущения. И здесь было понимание, что речь идет о другом правительстве... Мы... просидели, по-моему, часов 12 в том разговоре».

У Ельцина в «Записках президента» также есть рассказ об этом разговоре. Однако Ельцин не упоминает о том, будто он уговаривал Горбачева «снять свои заявления» о неучастии в выборах президента: мол, целесообразно, чтобы Горбачев продолжил свою работу в Союзе, а он, Ельцин, – в России. Ельцин лишь пишет, что советовал Горбачеву отказаться от совмещения постов президента и генсека (кстати, полномочия генсека Горбачев действительно сложил сразу же после путча).

Разница в изложении, в общем-то, существенная. Одно дело – отказаться от совмещения постов и другое – пойти на будущие выборы союзного президента, продолжить свою работу в будущем Союзе, хотя каким будет этот Союз, никому в тот момент еще не было доподлинно известно.

Но, так или иначе, побеседовали мирно и дружелюбно. А ведь еще в феврале, мы помним, Ельцин требовал, чтобы Горбачев ушел в отставку. Да были и другие моменты, когда Ельцин отзывался о Горбачеве-президенте крайне резко, грозился оставить его в роли английской королевы.

«Мы с Горбачевым, – пишет Ельцин, – вдруг ясно почувствовали, что наши интересы наконец-то совпали. Что эти роли нас вполне устраивают. Горбачев сохранял своё старшинство, а я – свою независимость. Это было идеальное решение для обоих».

КГБ записал разговор президентов

Тут, пожалуй, надо упомянуть еще кое-какие детали, касающиеся этого разговора. По словам Ельцина, встреча 29 июля носила принципиальный характер. Горбачев собирался в отпуск в Крым, в Форос, возвратиться намечал перед 20 августа, перед первым «актом» подписания Союзного договора, так что надо было обсудить некоторые «самые острые» вопросы, остававшиеся нерешенными.

Разговор начали в одном из залов резиденции. Какое-то время все шло нормально, но когда коснулись тем совсем конфиденциальных, Ельцин вдруг замолчал.

– Ты что, Борис? – удивился Горбачев.

«Мне сложно сейчас вспомнить, – пишет Ельцин, – какое чувство в тот момент я испытывал. Но было необъяснимое ощущение, будто за спиной кто-то стоит, кто-то за тобой неотступно подглядывает. Я сказал тогда: «Пойдемте на балкон, мне кажется, что нас подслушивают». Горбачев не слишком твердо ответил: «Да брось ты», – но все-таки пошел за мной».

Подслушивать в самом деле было что. Разговор шел о «кадровых» вопросах. Ельцин стал убеждать Горбачева: если он рассчитывает на обновленную федерацию, республики войдут в нее лишь в том случае, если он сменит хотя бы самую одиозную часть своего окружения. Кто поверит в новый Союзный договор, если председателем КГБ останется Крючков, на совести которого события в Литве? Кто в него поверит, если министром обороны останется такой «ястреб» из старых, давно ушедших времен, как Язов?

Ельцина поддержал Назарбаев, добавивший, что надо сменить также министра внутренних дел Пуго и председателя Гостелерадио Кравченко.

– А какой вице-президент из Янаева? – сказал президент Казахстана.

По всему было видно, что Горбачеву этот разговор дается нелегко. Пока что из выдвинутых Ельциным и Назарбаевым кандидатов «на вылет» он согласился «убрать» лишь Крючкова и Пуго.

Все трое единодушно решили, что после подписания договора необходимо будет заменить и премьера Валентина Павлова.

– А кого вы видите на этой должности? – спросил Горбачев.

Как уже говорилось, Ельцин предложил сделать премьером третьего участника разговора – Назарбаева.

Горбачев сначала удивился, но быстро дал согласие.

– Другие кандидатуры обсудим после 20 августа, – закончил Горбачев разговор.

«Такой была встреча, – пишет Ельцин, – и, я думаю, много сложилось бы иначе, если бы то, о чем мы договорились втроем, удалось осуществить. История могла бы пойти совсем по другому пути».

То есть история могла бы пойти по другому пути, если бы достаточно быстро – возможно, еще до 20 августа, – удалось сместить со своих постов Крючкова, Язова, Пуго, Янаева...

Кстати, немедленно уволить четверых будущих путчистов, правда в несколько ином составе, – Павлова, Язова, Пуго, Крючкова – настоятельно советовал Горбачеву Александр Николаевич Яковлев. Советовал сразу после того самого зловещего июньского заседания Верховного Совета (закрытой его части), когда они почти в открытую проявили себя как без пяти минут заговорщики. Однако тогда Горбачев не пошел на это, фактически предрешив дальнейшее драматическое развитие событий.

Переход президентов из зала на балкон на той их встрече перед отъездом Горбачева в Форос не избавил их от прослушивания.

«Пройдет немного времени, – продолжает Ельцин, – и я своими глазами увижу расшифровку разговора президента СССР, президента России и руководителя Казахстана. После августовского путча в кабинете у Болдина, начальника аппарата Горбачева (активного участника путча. – **О.М.**), следователи прокуратуры нашли в двух сейфах горы папок с текстами разговоров Ельцина. Меня в течение нескольких лет записывали – утром, днем, вечером, ночью, в любое время суток.

Записали и этот разговор.

Может быть, эта запись и стала спусковым крючком августа 91-го года».

Что понимать под словами «спусковой крючок»... Напомню, разговор происходил 29 июля 1991 года. Будущие путчисты – те же Крючков, Язов, Пуго, другие – начали готовить свое выступление намного раньше. Но если у кого-то из них и были еще какие-то сомнения – стоит ли? – увидев свою фамилию в числе кандидатов на скорую отставку, они эти сомнения, по-видимому, отбросили.

Горбачев также допускает, что «толчком» к путчу «послужила тайная запись его беседы с Ельциным и Назарбаевым» перед его отъездом в Форос.

РАССТРЕЛ В МЯДИНИНКАЕ

Таможенников уже убивают

31 июля произошло нападение на одну из прибалтийских таможен. Такие нападения происходили и раньше, но, как правило, – без убийств. Дело в основном ограничивалось избиением таможенников и поджогом таможенных вагончиков (капитальных сооружений на прибалтийских границах еще не было). На этот раз все закончилось более трагично. В этот день около пяти утра в вагончик таможенного поста в литовском местечке Мядининкай на

границе с Белоруссией ворвались неизвестные, уложили шестерых находившихся там полусонных таможенников и полицейских на пол лицом вниз, заставили заложить руки за голову и хладнокровно расстреляли из автоматов с глушителями (простреливая при этом руки). Одного таможенника добила из пистолета. Убили также двоих полицейских, которые сидели в машине рядом с вагончиком.

28-летний таможенник Томас Шяркас, расстрелянный вместе со всеми, пролежав несколько часов, пока его нашли, чудом, с простреленной головой, выжил, хотя и остался инвалидом.

Литовская прокуратура была убеждена, что кровавую расправу совершили все те же сотрудники рижского ОМОНа, которые совершали схожие нападения и прежде, – его командир Чеслав Млынник и его подчиненные Александр Рыжов, Андрей Локтионов и Константин Никулин (Михайлов).

Впрочем, возможно, убийц было и больше: все-таки странно, что убивать восьмерых, – а сколько человек могут находиться на таможенном посту, убийцы, несомненно, знали, заранее разведали, – идут лишь четверо. Обычно убийцы предпочитают убивать, будучи в большинстве.

Все минувшие годы российские власти, – а почти все предполагаемые убийцы скрывались в России, – как это часто бывает, отказывались сотрудничать с Литвой в расследовании этого дела. Арестован был лишь последний из четверых перечисленных. Его арестовала и выдала литовским правоохранителям Латвия. В мае 2001-го, то есть спустя двадцать лет после мядининкайской резни, вильнюсский окружной суд приговорил Никулина (Михайлова) к пожизненному заключению.

«Нас убил рижский ОМОН»

О том, как произошло варварское убийство, рассказал уже упомянутый «недостреленный» таможенник Томас Шяркас. Вот фрагмент из его интервью «Новой газете»:

« – Томас, в вагончике, кроме четверых таможенников, были два бойца из отряда «Арас» (незадолго перед тем созданного литовского отряда антитеррористических операций. – О.М.) Уж они-то должны были отреагировать на вторжение чужих? – Была такая инструкция: если будет нападать Советская армия, не сопротивляться, по возможности отступать и наблюдать. Потому что все ждали вооруженных столкновений, – они бы сразу же вызвали вмешательство армии и введение прямого президентского правления. Таможенники были не вооружены. У полиции оружие было, но тоже действовала инструкция: армии не сопротивляться и отступать. А у вильнюсского «Араса» была устная договоренность с ОМОНОм – друг в друга не стрелять. Ведь некоторые ребята перешли в «Арас» именно из ОМОНа, многие были знакомы между собой и даже дружили.

– Как выглядели нападавшие?

– Это были бойцы рижского ОМОНа, но одетые в обычный камуфляж без всяких опознавательных знаков. А потом – все убийство заняло буквально пару секунд. Пуля в затылок – и все кончено. Тем более что было совсем еще темно. На нас и раньше нападали, и очень часто, но никогда не убивали. Просто били и поджигали вагончики. Никто не ожидал, что будут убивать. Недалеко от вагончика еще сидели в машине два сотрудника дорожной полиции (как уже сказано, их тоже расстреляли. – О.М.)...

– У них тоже была инструкция не сопротивляться?

– Такая инструкция существовала для всех: с Советской армией не враждовать. Еще свежи были в памяти события у вильнюсского телецентра, и все боялись советских

танков, понимая, что это может повториться в любой момент.

– А вам не было страшно нести дежурства по ночам, без оружия да еще и в постоянном ожидании нападений?

– Именно после того, как начались нападения, нас стали охранять бойцы «Араса». Да, страшно, ну и что? Ведь мы все шли туда работать, потому что имели мотивацию. Сейчас слово «патриотизм» не в моде, но тогда мы все думали, что нужно постараться что-то изменить. Что-то сделать для Литвы.

– Все нападения на таможенников совершались с целью провокации?

– Скорее всего, приказ исходил из Москвы: сделать все, чтобы не было этих литовских таможенных постов. Но ведь это и не была таможня в полном смысле слова. Был просто вагончик с литовским флагом, – то есть больше политическая акция, демонстрация всему миру намерений маленькой Литовской Республики стать независимой. Военные в Москве искали повод для вмешательства армии. Буквально через три недели после убийства в Мядининкае начался августовский путч. Мне кажется, путч планировался как раз после мядининкайских событий: если бы «Арас» оказал сопротивление ОМОНу, началась бы перестрелка, объявлять чрезвычайное положение можно было бы сразу же. Кстати, в некоторых российских газетах после этого писали, что это все – дело рук литовских националистов, которые хотели вбить клин между Советской армией и народом Литвы. Возможно, если бы я не остался в живых, нашлась бы куча свидетелей, которые именно в эту ночь гуляли по тропинкам вокруг границы и видели, как стреляла литовская полиция.

– Помню, вскоре после трагедии в Мядининкае тогдашний координатор рижского ОМОНа Николай Гончаренко заявил, что подчиняется только Москве и все приказы получает непосредственно оттуда. А отдавать приказы командирам ОМОНов могут министр внутренних дел и один из его заместителей.

— Может, поэтому Пуго и нашли в конце концов убитым? Впрочем, на него сейчас легко все списать. Я не уверен в том, что Пуго – заказчик. Может быть, он всего лишь организатор?

– Сколько было нападавших?

– Их было не меньше трех. Возможно, и больше. Но я видел двоих, которые вошли в вагончик, и еще слышал разговоры на улице. Одного, кстати, я потом опознал – того, который убивал меня. Это был боец рижского ОМОНа. Он арестован и сидит в Лукишках (вильнюсская тюрьма. – Авт.) Странно: я бы на его месте на следующий же день бежал куда-нибудь на Дальний Восток. А он, видно, без Прибалтики жить не мог (омоновец, которого опознал Томас Шяркас, – тот самый Никулин-Михайлов, единственный которого потом судили и осудили. – О.М.)

– А почему вы не пытались сопротивляться, когда поняли, что вас будут убивать?

— А мы и не поняли, что нас будут убивать. Если бы это был не первый случай, то все были бы наготове. Но мы-то подумали, что нас, как обычно, побьют и уедут. Было темно и тихо. Нас уложили лицом на пол. Автоматы были с глушителями. Я слышал резкие звуки, но думал, что нападавшие бьют прикладами по голове моих товарищей. Лежал и ждал удара. Я так и не понял, что это выстрелы. Я не понял, что всех убили!..»

Они подчинялись не Пуго, а Крючкову

Литовские следователи пришли к заключению, что рижский и вильнюсский ОМОНЫ были не обычными милицейскими (хоть и особого назначения) подразделениями. Перед ними ставились некие специальные задачи. И подчинялись они не республиканским милицейским министерствам. Впрочем, – даже не союзному МВД (тут становится более ясным, почему после майских таможенных погромов чиновники этого союзного министерства отнекивались: они-де никакого отношения к прибалтийским ОМОНам не имеют, эти ОМОНЫ у них только «на балансе»). Следователи уверены, что рижские и вильнюсские омоневцы подчинялись ведомству Крюčkова, которое в то время планировало и осуществляло операции, имевшие целью предотвратить уход

прибалтийских республик из Союза.

Кровавое нападение в Мядининкае явно преследовало политические цели: без сомнения, оно было приурочено к встрече Горбачева и президента США Буша, проходившей в этот момент в Москве. Его организаторы как бы старались продемонстрировать, что они никогда не согласятся с распадом Союза, будут бороться против этого с оружием в руках, их не остановит перспектива кровопролития.

В сущности, это действительно была еще одна прелюдия к путчу, случившемуся менее чем через три недели.

Любопытно, как Горбачев и Буш получили сообщение о резне на литовской таможне. Вернее, как его получили Буш и Горбачев: американцев сообщение достигло раньше. 31 июля между двумя президентами шла беседа, по словам Анатолия Черныяева, «на открытой солнечной веранде» в Ново-Огареве. Черныяев:

«Всплыла тема Прибалтики – предлогом послужило сообщение, что на таможне между Беларусью и Литвой произошло кровавое столкновение. Информацию, кстати, первым получил не Горбачев, а Бейкер (госсекретарь США, сопровождавший Буша. – **О.М.**): к нему прибежали и шепнули. Горбачев сказал мне, чтобы я узнал у Крючкова, что произошло. Тот изложил «предварительную» версию (надо полагать – что во всем виноваты «литовские провокаторы». – **О.М.**) Вернувшись на веранду, я рассказал с его слов, в чем дело. Американцы (естественно. – **О.М.**) отнеслись скептически. Буш повторил то, что он и раньше говорил Горбачеву: «Отпустите Прибалтику, отсекайте ее, вам же будет лучше».

Ельцин не хочет быть в «свите» Горбачева

Кстати, раз уж речь о московском визите Буша... Перед американским президентом было продемонстрировано не только «сопротивление здоровых сил» отделению Прибалтики от СССР, но и окончательная уже независимость России от Центра. Продемонстрировал ее Ельцин. Во время этого визита он отказался быть «в свите» Горбачева, заявив, что будет общаться с гостем лишь в качестве президента РСФСР в своем кремлевском кабинете (к этому времени такой кабинет у него уже был). Отказался участвовать и в завтраке, который Горбачев устраивал для Буша в Грановитой палате Кремля. В другое время это можно было бы считать бессмысленным капризом и даже неуважением к американскому гостю, но в тот момент Ельцин цеплялся за каждую мелочь, чтобы подчеркнуть суверенитет России. А в данном случае он к тому же хотел продемонстрировать его зарубежному лидеру.

ДО ПУТЧА – СЧИТАННЫЕ ДНИ

Горбачев уезжает в отпуск

4 августа Горбачев уехал в отпуск – в Крым, в Форос. До сих пор остается недоумение: неужто он не знал об уже созревшем и готовом вот-вот грянуть заговоре? Ну ладно, верхушка КГБ его предала, блокировала всю информацию, но, наверное, были рядовые сотрудники госбезопасности, которые могли бы его предупредить, а возможно, и предупреждали – не такими уж немислимо скрытными были приготовления заговорщиков. Мы видели, были и предупреждения «со стороны», даже американский президент предупреждал (ну ладно, дата путча неточно называлась, но... было ли это так важно?) Знаю точно, что Александр Николаевич Яковлев его предупреждал, он сам мне об этом говорил (об этом речь впереди). Наконец, неужто его, Горбачева, собственная интуиция, интуиция опытного человека, опытного политика не подсказывала ему: что-то такое происходит, что-то такое готовится? Предупреждениям он не поверил. Или сделал вид, что не поверил. Собственную интуицию, если она что-то ему и подсказывала, возможно, заставил замолчать.

Если бы Горбачев остался в Москве, принял решительные превентивные меры, многое могло бы пойти по-другому...

Но что могло пойти по-другому? Ну, предположим, разгромил бы он заговорщиков, ну подписали бы 20 августа Россия, Казахстан и Узбекистан Союзный договор, как планировалось. А дальше что? Украина вряд ли его подписала бы (не говоря уж том, что его не подписали бы страны Прибалтики и Грузия). Если бы договор не подписал Кравчук, то и Ельцин, без сомнения, отозвал бы свою подпись. Всё, при таком раскладе Союзу пришел бы конец.

В общем, в этот момент Горбачев уже ничего не смог бы сделать, независимо от того, в отпуске он или не в отпуске. Другое дело, если бы победил ГКЧП, вот тогда Союз, наверное, еще мог бы какое-то время просуществовать – в условиях жестоких репрессий, которые вынуждены были бы развязать новые правители. Страна вернулась бы во времена Брежнева – Андропова, а то и Сталина. Но это, конечно, длилось бы недолго – экономика не позволила бы: огромную страну не удалось бы заставить жить, как живет Северная Корея, в голоде и холоде, а к тому же и в неминуемых кровавых междоусобных расправах.

Так почему все-таки Горбачев отправился в отпуск в такой напряженный момент? Из воспоминаний Анатолия Черняева. Разговор с Горбачевым 3 августа, накануне отъезда президента в Форос, на объект «Заря»:

«[Горбачев] присел на подлокотник кресла.

«Устал я, Толя, до черта, а завтра перед отъездом придется проводить заседание правительства: урожай, транспорт, долги, связь, денег нет, рынок распадается. Павлов (премьер-министр, к этому моменту уже, по-видимому, согласившийся войти в состав ГКЧП. – **О.М.**) заявляет: если, мол, вы не придете, ничего не получится (с республиканскими премьерами). Все тянут на себя, в разные стороны, и одно только у них: дай, дай, дай! Везде – труба».

Вдруг вспомнил о своем ночном сидении за пару дней до этого с Ельциным, Назарбаевым в Ново-Огареве. Условились, говорит, с ними о Союзном договоре и последующих выборах... «Ох, Толя, до чего же мелко, пошло, провинциально у нас идет.

Смотришь и думаешь: бросить бы все! Но на кого бросить-то? Устал».

Как видим, оценка того многочасового разговора с Ельциным и Назарбаевым здесь несколько иная, чем в собственных воспоминаниях Горбачева. Возможно, действительно сказывается все та же усталость...

А возможно... Возможно, Горбачев просто разыгрывает перед своим помощником небольшой спектакль, призванный объяснить тому, почему он, президент, покидает столицу в столь тревожный момент. Не исключено ведь, что и у помощника в мозгу могут роиться недоумения по поводу этого. То, что Горбачев не всегда бывал искренен даже со своими ближайшими сотрудниками, мы ведь видели на примере январских вильнюсских событий. В конце концов бывают ситуации (особенно у тех, кто на вершине власти), когда об истинных мотивах своих поступков не следует говорить никому. НИКОМУ.

Команду Горбачева в Крыму принимали уже как-то не так

Вспоминает Анатолий Черняев:

«4 августа Михаил Сергеевич, Раиса Максимовна, дочь Ира, зять Анатолий и я с двумя женщинами-референтами прилетели в Крым. Приземлились на военной базе «Бельбек». Горбачева встречали представители украинского руководства, генералы. В гостевом домике в аэропорту беседовали около часа...

Перемены по отношению к нему, а следовательно, и к нам, его сопровождающим, мы почувствовали и здесь. Нас определили жить на этот раз не в роскошной санатории «Южный», а в филиале санатория «Форос», в Тессели... Вечером я заявил об этом (о своем возмущении по поводу «нового» размещения. – **О.М.**) Плеханову, начальнику знаменитой «девятки» (генерал госбезопасности, один из главных будущих путчистов. – **О.М.**). С Плехановым я говорил резко; дело не только в физических неудобствах и отсутствии закрытой связи с М.С., но и в «престиже»: перед отдыхающими и иностранцами неловко, что помощника президента поместили в комнатушку для студентов-переводчиков. Он отвечал мне нелюбезно, обидчиво, что несвойственно было его обычно лакейскому поведению. Произнес фразу, которая в свете последовавшего через две недели путча звучит зловеще и издевательски: «Я здесь для охраны президента!», дав, значит, понять, что мои заботы его на этот раз не касаются».

Тут обращает на себя внимание вот что. По данным следствия, Крючков ввел Плеханова в замыслы заговорщиков лишь накануне поездки «банды четырех» (определение Черняева) к Горбачеву для предъявления ему ультиматума, то есть где-то 17 – 18 августа: Плеханов, начальник Службы охраны КГБ, должен был обеспечить проход четверки к президенту через суровую, в несколько эшелонов, охрану – перед ним открывались все двери и отпирались все замки. Однако из воспоминаний Черняева вроде бы следует, что уже и 4 августа Плеханову все хорошо известно о созревшем заговоре. Именно поэтому он ведет себя так развязно, отбросив обычное холопское чиновничество. И главное все же не в том, что он поселил Черняева в какой-то «непрестижной» каморке, а в том, что он лишил его прямой, «закрытой» телефонной связи с президентом (через несколько дней телефоны и вовсе отключат).

Черняев пожаловался Горбачеву. Тот не стал выяснять отношения с холопом Плехановым (не царское это дело), просто разрешил Черняеву обратиться к управделами ЦК Кручине (тому самому, который после поражения путча выбросится из окна, оставив записку: «Я не заговорщик, но я трус...») Черняева переселят на прежнее, нормальное место, рядом с Горбачевым.

5 августа 1991 года. Важнейшие события этого дня не отражены в газетах, вышедших в этот день. Они происходят за кулисами. Лишь позднее о них будет рассказано в литературе, в периодике. В частности, через год в издательстве «Огонёк» выйдет книга руководителей следственной бригады по делу ГКЧП – тогдашнего генпрокурора Валентина Степанкова и его заместителя Евгения Лисова «Кремлевский заговор (версия следствия)». Позднее, в 2000-х, в «Новой газете» будут опубликованы выдержки из следственных материалов и обвинительного заключения по делу ГКЧП. Появятся и другие публикации, основанные на документах.

Итак, проводив Горбачева в любимый им Крым, его ближайшие соратники принялись за дело. Цель этого дела – вместе с Горбачевым или без него (скорее – без, вряд ли он согласится) покончить с перестройкой, с реформами, вернуть СССР в исходное, догорбачевское состояние. Для начала – ввести в стране чрезвычайное положение.

Главные действующие лица, задумавшие и осуществившие заговор:

Председатель КГБ СССР Крючков, министр обороны СССР Язов, премьер-министр СССР Павлов, заместитель председателя Совета обороны СССР Бакланов (председателем этого Совета был сам Горбачев), руководитель Аппарата президента СССР Болдин, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Шенин.

Это костяк заговорщиков. По ходу дела, на разных этапах, к главным заговорщикам примкнули:

Председатель Верховного Совета СССР Лукьянов, вице-президент СССР Янаев (он был объявлен и.о. президента, то есть, по статусу, стал как бы главным в ГКЧП, хотя на самом деле «мотором» этой преступной группы был, конечно, Крючков), министр внутренних дел СССР Пуго, президент Ассоциации государственных предприятий и объединений промышленности, транспорта и связи (АГПО) Тизяков, председатель Крестьянского союза Стародубцев, первые заместители председателя КГБ СССР Грушко и Агеев, начальник Службы охраны КГБ СССР Плеханов, начальник специального эксплуатационно-технического управления при ХОЗУ КГБ СССР Генералов, заместители министра обороны СССР Варенников и Ачалов.

Странно, что одним из самых активных путчистов стал генерал Генералов. В КГБ он, судя по названию его должности, вроде бы был не на оперативной, а на хозяйственной работе. А тут ему поручили одну из самых важных ролей – обеспечивать изоляцию Горбачева в Форосе. Но путчисты подбирали людей по каким-то своим критериям.

«Он всегда был всего лишь помощником»

Еще более странным было, что главную роль в путче взял на себя Крючков. За год до описываемых событий, в августе 1990-го, вопрос насчет возможности заговора, причем с участием КГБ, самого его председателя, я задал бывшему подчиненному Крючкова генерал-майору госбезопасности в отставке Олегу Калугину – тому самому, кого Горбачев лишил орденов и кто подал на него в суд за это. Калугин усомнился, что его бывший шеф окажется настолько храбр, что ввяжется в такую авантюру.

– Теоретически заговор с участием КГБ возможен, – сказал мой собеседник. – Но практически, зная нынешнее руководство Комитета, в частности, Крючкова, я оцениваю такую возможность как не очень большую. По своему характеру Крючков – это, если так можно выразиться, помощник. Он всю жизнь был помощником кого-либо. Прежде всего, – Андропова. Будучи начальником канцелярии КГБ, он в основном имел дело с бумагами, решений не принимал. Потом он стал начальником разведки. И его считали помощником председателя по разведке: самостоятельные решения от него опять-таки не исходили. Помнится, приходишь к нему с каким-то делом. Он тут же хватается за трубку прямой связи

с Андроповым: «Юрий Владимирович, вот такая ситуация... Как вы думаете? Что нам делать?» Андропов объясняет ему, что делать, а он со спокойной душой передает это мне. Вот такой стиль, такая психология, которые сохранились у него и на председательском посту. Он будет с сильным человеком, с тем, у кого реальная власть. Сегодня он может быть с Горбачевым, завтра – с другим, если почувствует, что этот другой сильнее.

Так за кем же Крючков в августе 1991 года почувствовал силу более сильную, чем за Горбачевым? За Лукьяновым? За Баклановым? За кем-то еще?

Или, может, он напоследок решил задавить в себе комплекс неполноценности, которым всю жизнь страдал, и принять в конце концов самостоятельное решение?

...А вообще в заговоре участвовало множество других людей, помимо перечисленных, но им, как правило, до поры, до времени не объясняли истинный смысл происходящего – просто отдавали приказы, и всё («Приказ начальника – закон для подчиненных»). Только потом люди начинали догадываться, в чем дело. Одни принимались выполнять приказы уже вполне осознанно и с подобающим рвением (это были единомышленники путчистов), другие начинали задумываться...

Главной, ближайшей целью заговорщиков было – не допустить подписания нового Союзного договора. Начало подписания, как уже говорилось, было намечено на 20 августа. К этому времени, 19-го числа, из Крыма должен был вернуться и Горбачев. На эти даты и ориентировались заговорщики, намечая срок своего выступления.

Без охраны и без «мигалки»

Из обвинительного заключения по делу ГКЧП (это заключение в суде так и не прозвучало: «гуманное» коммуно-«патриотическое» большинство Госдумы амнистировало государственных преступников; текст цитируется по публикации в «Новой газете»):

«5 августа на конспиративном объекте КГБ СССР «АБЦ» по взаимной договоренности собрались Крючков, Язов, Бакланов, Шенин, Болдин. После обсуждения ситуации в стране, отношения к новому Союзному договору они решили сорвать его подписание, захватив власть в стране и введя чрезвычайное положение».

Некоторые забавные детали этого сборища (из следственных материалов по делу ГКЧП – «Новая газета»):

«С... соблюдением необходимых мер предосторожности Крючков В. А. 5 августа 1991 года организовал встречу указанных выше лиц на одном из конспиративных объектов КГБ СССР, носящем условное название «АБЦ», расположенном в лесопарковой зоне Черемушкинского района г. Москвы по адресу: ул. Академика Варги, дом № 1 (вот и адрес конспиративного объекта указан. – **О.М.**) В соответствии с договоренностью к 20 часам на объект БЕЗ СОПРОВОЖДЕНИЯ ОХРАНЫ (конспирация! – **О.М.**) приехал Язов Д. Т., с автомобиля которого также во избежание привлечения внимания были сняты проблесковые «маяки». Сам Крючков В. А. прибыл на автомобиле марки «Мерседес», которым пользовался для поездок на этот объект. Вскоре туда же приехали Болдин В. И., Бакланов О. Д. и Шенин О. С. Обсудив ситуацию в стране, а также ожидавшие их перспективы после подписания Договора (некоторым из них, как уже говорилось, после этого подписания и реформирования органов власти предстояло лишиться своих постов. – **О.М.**), участники встречи пришли к выводу о том, что помешать этому смогут лишь путем захвата власти и введения в стране чрезвычайного положения. <...> Дата выступления ими была намечена на 18 – 19 августа 1991 года, что гарантировало срыв подписания Договора. Около 23 часов встреча была закончена, и ее участники разъехались».

Как видим, министр обороны Язов приехал на секретный объект без охраны и даже без «мигалки». Я бы посоветовал нынешним борцам с «мигалками» взять это на заметку. Если

большой начальник едет куда-то без «мигалки» и без кортежа, – не к добру это. Плохая примета. Пусть уж лучше в открытую, с кортежами и «мигалками», катаются. Так-то оно спокойней.

Горбачев «работает с документами»

Между тем ничего не подозревавший Горбачев начал свой отдых на правительственной даче в Форосе (в спецслужбах она именовалась «Объектом «Заря»). Помимо отдыха, как всегда, происходила и работа. 5 августа представшего пред его очами помощника и спичрайтера Анатолия Черняева президент встретил традиционной, «ритуальной» фразой: «Что, Толя, придумаем на этот раз?» И сам ответил: «Первое – выступление при подписании Союзного договора, назначенное на 20 августа, и одновременно второе – статья о ситуации в стране».

Текст выступления, претерпевший несколько правок, в окончательном виде, Горбачев вернет Черняеву, по его воспоминаниям, 18 августа, часов в двенадцать, попросит перепечатать для удобства публичного произнесения на особой, предназначенной для таких случаев бумаге – «шершавке». Перепечатанный, «шершавый» текст Черняев отнесет президенту, по его словам, «буквально за час-полтора до появления на даче Болдина и Ко», которые предъявят Горбачеву известный ультиматум. Они сообщат президенту, что подписание Союзного договора 20 сентября не состоится...

Так что труд президента и его спичрайтеров (к работе над текстом будет привлечен еще один помощник Горбачева – Георгий Шахназаров) окажется невостребованным.

Они все делали «по науке»

Из материалов следствия по делу ГКЧП («Новая газета»):

«На следующий день (после первой встречи заговорщиков на объекте «АБЦ» 5 августа. – О.М.) – 6 августа 1991 года, действуя согласно общему решению, Крючков и Язов приступили к организации работы по анализу обстановки в стране с точки зрения возможности введения чрезвычайного положения. Для этой работы Язов выделил командующего ВДВ Грачева П. С., а Крючков привлек своего первого заместителя Грушко В. Ф., его помощника Егорова А. Г. и заместителя начальника Первого Главного управления Жижина В. И. С этой целью вечером того же дня около 19 часов Крючков пригласил к себе названных лиц и поручил им дать оценку ситуации в стране в плане реакции населения на чрезвычайные меры. Исполняя поручение Крючкова, Жижин, Егоров и Грачев на протяжении 7 и 8 августа 1991 года работали на конспиративном объекте 2-го Главного управления КГБ СССР, имеющем название «конспиративная дача № 65», расположенном в д. Машкино Химкинского района Московской области. Проанализировав ситуацию в стране, они пришли к выводу об отсутствии законных оснований для введения чрезвычайного положения и возможных негативных последствиях подобной акции. По этим вопросам была подготовлена записка. Жижин и Егоров ознакомили с ней Грушко, который в свою очередь вручил ее Крючкову, а Грачев сокращенный вариант передал Язову. Несмотря на отсутствие законных оснований для введения чрезвычайного положения, Крючков и Язов, продолжая рассматривать его в качестве единственного способа срыва подписания Союзного договора и удержания своих позиций, приняли решение приступить к подготовке документов в обоснование захвата власти. <...> 14 августа 1991 года Крючков вновь собрал их всех вместе и предложил с участием Грачева подготовить проекты ряда документов политического, экономического и правового характера, которые необходимо реализовывать в

первую очередь при введении чрезвычайного положения. Получив это указание, Жижин и Егоров 15 августа вновь уехали на тот же объект и работали там совместно с Грачевым. Ему (Грушко) Крючков в тот же день поручил встретиться с Ачаловым и ознакомиться с ходом работы.

Вечером 15 августа он и Ачалов просмотрели наработанные материалы, которые представляли собой 10 – 12 листов машинописного текста документов, озаглавленных Постановлением № 1, «Обращение к Советскому народу» и «Заявление Советского руководства». Утром 16 августа 1991 года эти материалы он передал Крючкову.

Капитально они готовились к путчу. Научно. Проводили «анализ обстановки в стране с точки зрения возможности введения чрезвычайного положения», оценивали «ситуацию в стране в плане реакции населения на чрезвычайные меры» и наконец «пришли к выводу об отсутствии законных оснований для введения чрезвычайного положения и возможных негативных последствиях подобной акции».

Как будто и без всей этой глубокой «аналитической работы» было неясно, что вся их затея абсолютно незаконна. В конце концов заговорщики плюнут на всю эту «научно-аналитическую» работу и просто нагонят танков в Москву...

Хотел бы еще обратить внимание читателя на то, что активное участие в подготовке путча принимал командующий воздушно-десантными войсками Павел Грачев, которого еще в июле Ельцин, посетив Тульскую дивизию ВДВ, спросил: можно ли будет в случае какой-то чрезвычайной ситуации – заговора или еще чего-то такого положиться на него? И Грачев, не моргнув глазом, ответил: «Да, можно». А когда начнется путч, Ельцин, одному из первых, позвонит Грачеву, напомним про тот их разговор. И получит не очень внятный ответ: дескать, ему, офицеру, невозможно нарушить приказ... Скорее всего, тут будет иметься в виду – ему, Грачеву, невозможно нарушить приказ его непосредственного начальника, одного из главных путчистов, министра обороны маршала Язова. Но Ельцин, видимо, понял это как-то по-другому, произнеся после разговора с Грачевым: «Грачев наш».

Правда, потом Грачев действительно «переметнется» на сторону Ельцина, но, видимо, не раньше, чем трезво оценит обстановку и придет к заключению: путч провалился.

Аналогичным образом, уже будучи министром обороны России, Грачев будет вести себя и во время другого путча, в октябре 1993 года: будет долго тянуть с вводом войск в Москву, стараясь угадать, «чья возьмет». Будет врать Ельцину, что войска уже введены, идут по городу для защиты «Останкина», других важных объектов, хотя на самом деле никакого такого продвижения войск в тот момент происходить не будет...

И несмотря на все это Ельцин потом назовет его «лучшим министром обороны».

«Аппарат всегда был против перестройки»

16 августа утром – то есть за трое суток до путча – я встретился с одним из самых близких к Горбачеву людей – одним из инициаторов перестройки (иногда его называют ее идеологом), бывшим (к тому времени уже бывшим) членом Политбюро, бывшим (только что, 29 июля, обретшим и здесь эпитет «бывший») старшим советником президента СССР академиком Александром Николаевичем Яковлевым. Поскольку к этому моменту он покинул пост в администрации президента, встретились мы не на Старой площади, а в каком-то временном кабинете, предоставленном Яковлеву в Моссовете.

Обсуждали сложившуюся в стране ситуацию, его собственное положение (накануне Бюро президиума Центральной контрольной комиссии КПСС предложило исключить его из партии за внесение «раскола» в ее монолитные ряды).

Яковлев рассказывал о том, какое сопротивление встречала и встречает среди партократии перестройка, как крепнет, набирает силы «партия реванша». Уже через трое суток станет ясно, насколько актуальным был этот разговор.

– Аппарат-то всегда был против, не принимал ее (перестройку. – **О.М.**), – сказал Яковлев. – Скажем, до январского пленума 1987 года, – пока не затрагивались его интересы, – он, хоть и неохотно, недовольно бурча, но голосовал за... А когда его интересы были непосредственно затронуты, тут вступил в действие закон «креслологии» – абы только удержаться. Аппарат вступил в открытую борьбу, в первую очередь против тех, кто действительно начинал перестройку и отстаивал ее. Не партия же начинала перестройку. Это все так, расхожая фраза, для красного словца.

На первом этапе, перед XXVIII съездом (июль 1990 года), формирующаяся «партия реванша» ставила перед собой задачу отделить от Горбачева более всего ненавистных для них Яковлева и Шеварднадзе. А уж с самим Горбачевым, как они полагали, они как-нибудь справятся.

Яковлев:

– Это публика безнравственная, безответственная, малообразованная... Они же ставили вопрос и о его (Горбачева. – **О.М.**) собственном освобождении. Они уже какой пленум подряд травят его. Вот только на последнем пленуме (в апреле 1991 года. – **О.М.**) испугались. Испугались не его, а того, что он в самом деле уйдет, и они останутся голыми... Они, конечно, тешат себя, на мой взгляд, иллюзиями, но они готовят «партию реванша». Надеются, что можно совершить партийный и государственный переворот. Такие бредни бывают только в болезненном, горячечном состоянии.

Через три дня станет ясно, что болезненное, горячечное состояние взяло верх над здравым рассудком.

Задаю прямой вопрос:

– А вы считаете, что у них нет потенциала для такого переворота?

– Потенциал-то есть, но ведь это надо с народом драться, прибегать к насилию, проливать кровь. И я убежден: это не закончится их победой. Вот этого-то они и боятся. Я думаю, они все-таки не уверены в своей победе. Хотя попытаться затеять какую-то драку могут. Используя какую-то провокацию, какое-то недовольство. Спекулируя на этом, разжигая эмоции. Ведь любая революция, – скажем, в XX столетии, – начиналась с пустых кастрюль.

Никакого недовольства путчистам не потребовалось, они придумали другой сценарий.

В своих прогнозах насчет возможного переворота Яковлев тогда опирался не только на анализ ситуации, но и на свою интуицию опытного человека, опытного политика, на свои предчувствия.

– Сейчас какое-то непонятное затишье... Может быть, связанное с августовскими отпусками. Но такие затишья меня настораживают. В целом же, чем ближе к концу, тем раненый зверь становится опаснее.

Интересуюсь, как, по его мнению, владеет ли Горбачев ситуацией? В частности, остаются ли под его контролем армия, МВД, КГБ? Последние события в Прибалтике, Закавказье заставляют усомниться в этом.

– Вы знаете, я не располагаю ни малейшей информацией конкретно по этому вопросу, – признается мой собеседник, – но у меня лично такое представление, что существует какая-то сила, которая вроде бы всем этим командует...

Никакого контроля со стороны Горбачева над силовыми структурами к этому моменту уже, конечно, не было. Пройдет лишь трое суток, и руководители армии, КГБ, МВД – Язов, Крючков, Пуго – предстанут перед честным народом как главные мятежники – члены ГКЧП.

– Неужели, – удивился я, – вы, будучи старшим советником президента, не говорили с ним об этом?

Он ответил как-то невнятно:

– Ну почему же? Почему же не говорил?

– И каково его мнение?

Яковлев ушел от ответа и перевел разговор на тему январских вильнюсских событий:

– Ну, помните, через десять дней после вильнюсских событий он сказал, что не имел к этому ни малейшего отношения...

– А вам не кажется, что существует заговор против Горбачева? Один из элементов этого заговора – зверское убийство в Мядининкае на литовской таможне, приуроченное к встрече Горбачева и Буша, более того – к их совместной пресс-конференции. Ведь после этого зверства оба чувствовали себя крайне неловко, когда им задали вопрос об этом убийстве, беспомощно мямлили что-то...

Александр Николаевич со мной согласен и вновь повторяет свое подозрение:

– Никакими фактами на этот счет я, конечно, не располагаю, но у меня такое ощущение, что существует мощная группировка – организованная или не организованная, я не знаю, – которая ставит своей задачей свержение президента.

Все-таки что же это за мощная группировка (в то утро, за трое суток до переворота, пофамильно она еще не была известна)? Спрашиваю Яковлева, как он считает, есть ли среди людей, занимающих ключевые посты в союзном руководстве – я имею в виду президента, вице-президента, председателя Верховного Совета, премьер-министра, министров, – искренние сторонники реформ?

Ответ удручающий:

– Я в их душах не копался, но думаю, что президент – он действительно сторонник реформ (это вроде бы очевидно, но вот ведь Яковлев все же считает необходимым удостовериться этот факт. – **О.М.**) Член Совета безопасности Бакатин – действительно сторонник реформ... Но я бы так сказал: список очень коротенький.

Этот список коротенький, зато с другой стороны – длинный: неособошавики, ползковцы, «союзники», национал-патриоты, оэфтэшники (члены прокоммунистического Объединенного фронта трудящихся)... Спрашиваю у Яковлева, кто из них, по его мнению, наиболее опасен.

– Отношение к ним у меня одинаковое, – говорит Яковлев. – Я не делю их по степени моего презрения... Они делают страшное для нашего народа дело. Страшное. Прежде всего, само по себе стремление вернуть народ назад, опять его бросить в эту черноту, грязь, нищету – это позорно. Самая главная опасность – смыкание всех этих сил вокруг неосталинизма. Ведь и «Слово к народу» – это тоска по сталинизму... И «Единство», и инициативники, и правое крыло в КПСС, и Жириновский (вот ведь когда еще курилка проклюнулся! – **О.М.**)... Это все тоска по военно-бюрократической диктатуре. Все они заражены вирусом большевизма. Все их поры этим поражены. Вся психология... Но, в конце концов, должны же мы вытащить страну на рельсы демократического развития! В конце концов, имеет же наш народ на это право!

Увы... Уже более семи лет Александра Николаевича Яковлева – одного из выдающихся русских людей XX столетия – нет в живых, а этот его отчаянный призыв – в конце концов вытащить страну на рельсы демократического развития! – и сейчас остается так же далек от реализации, как и тогда, накануне августовского путча 1991 года.

* * *

Мою беседу с Яковлевым предполагалось напечатать в «Литературной газете», где я тогда работал, в среду 21 августа. Однако этот номер был «отменен»: в числе других демократических изданий хунта запретила и «Литгазету». Возле типографии были поставлены БТРы, внутри здания дежурили солдаты с автоматами. В одночасье мы все – журналисты запрещенных изданий – оказались безработными.

Потом, – когда путч стал захлебываться, – «отмененный» номер все же вышел. Однако делался он в экстремальных условиях – за одну ночь, и моя беседа с Яковлевым в него не попала. Опубликована она была лишь через неделю, 28 августа.

Яковлев предупреждал Горбачева

Встретившись с Александром Николаевичем Яковлевым десять лет спустя, в 2001-м, мы вновь вернулись к этой теме – к тем предпутчевым дням 1991 года. Я вновь его спросил, что именно вызывало у него тревогу, – опасение, что что-то зреет, ведь он сам признавался: никаких фактов у него не было?

Яковлев:

– Понимаете, в политике иногда происходит интересная вещь: фактов нет, а опыт что-то такое подсказывает, где-то какой-то колокольчик «динь-динь-динь...» Что-то не то творится. К тому же лично у меня тогда к этому была несколько повышенная чувствительность.

По словам Александра Николаевича, в тот момент он только что ушел в отставку с поста старшего советника президента, а ощущение, что он все еще член Политбюро, у окружающих еще оставалось, и с ним продолжали, – из-за страха, может быть, ненавидя его как человека, – общаться соответствующим образом: кланялись, улыбались, будучи застегнутыми на все пуговицы.

– И вдруг чувствую, – говорит Яковлев, – что-то изменилось, пиджаки расстегнули, разговаривают как-то снисходительно, даже не разговаривают, а цедят сквозь зубы, в глазах огонек такой появился недобрый: подождите, мол, скоро уже... Так вот, по сократившемуся числу звонков, по тому, как меня начали избегать, стало ясно: что-то готовится.

Забавно, не правда ли: оказывается, по каким-то нюансам в поведении клерков, по едва заметным изменениям в их холуйской, лакейской чиновничьей психологии можно, оказывается, догадаться о грядущих серьезных катаклизмах в государственной жизни. Для тех, кто хорошо изучил эту психологию, придти к такой догадке не составляет труда.

Кстати, любопытно, что не избегал Яковлева лишь Янаев, из чего Александр Николаевич делает вывод (не знаю, насколько основательный), что попал он в гэкачепистскую гоп-компанию достаточно случайно, движимый какими-то мелкими обидами на Горбачева.

– Не знаю уж, зачем его позвали возглавить ГКЧП, долго, чуть не до самого начала событий, уговаривали. А так 8 августа я с ним встречался, разговаривал он со мной вполне нормально. Все жаловался на Горбачева, что тот его к делам не подпускает. Посадил, дескать, меня в золотую клетку, а я ему так верен, я ему хочу служить, выполнять все, что он скажет. И он говорил правду – я-то все это знал давным-давно.

Ну, зачем гэкачепистам понадобился Янаев, достаточно ясно, – вице-президент. По Конституции, если президент по каким-либо причинам теряет дееспособность, исполняющим обязанности становится «вице». Очень удобная для заговорщиков фигура. Прояснил для меня Яковлев и тот вопрос, который я ему тогда задавал, но на который он фактически не ответил: предупреждал ли он Горбачева о зреющем заговоре? На этот раз ответ был однозначный:

– Да, я ему сказал, что будет переворот...

– Какова же была его реакция?

– ...Я ему сказал, что будет переворот. А он мне: «Саша, брось ты. Ты переоцениваешь их ум и храбрость». Ничего я не переоценивал. Я знал их всех как облупленных.

Это поразительное легкомыслие, проявленное Горбачевым, до сих пор остается загадкой. Некоторые за этим, повторяю, усматривают, что и сам президент каким-то образом был втянут в заговор: понимал, что никаким другим способом, кроме как силовым, Союз уже не спасти, но сам в насильственных действиях, как всегда, участвовать не пожелал, позволил попытать счастья на этом пути «верным соратникам», закрыл на это глаза, удалился в Крым, – дескать, валяйте, пробуйте, получится, так получится, не получится – не обессудьте...

Сторонников этой версии сильно в ней укрепило и то, что, вернувшись из Крыма после подавления путча, Горбачев бросил журналистам, ожидавшим от него искреннего, честного, подробного рассказа о том, как все случилось, иные слова: дескать, все равно всего я вам не расскажу...

Так что Яковлев, скажу еще раз, предупреждал Горбачева о заговоре, правда, не располагая твердыми фактами, опираясь лишь на собственные предчувствия.

Надо было гнать их в шею

Александр Николаевич до конца жизни остался при своем убеждении: если бы Горбачев летом 1991-го проявил решительность, все могло бы повернуться иначе. Вот их диалог с Горбачевым в совместном интервью «Московским новостям» в марте 2005 года:

«Яковлев:

– Надо было их гнать к чертовой матери. Они же идеологическую программу переворота заранее изложили. А Горбачев вроде бы не замечал. А снимил он этих деятелей с работы тогда, все пошло бы по-другому. Но пожалел.

Горбачев:

– Ты не прав.. Затевают драку перед подписанием Договора? Это глупость. На это они и рассчитывали. Дело не в том, мягко или жестко, дело в том – принципиально или не принципиально. А мы за год-полтора заменили все Политбюро на новых людей.

Яковлев:

– Ну да, на Язова.

Горбачев:

– Согласен, это мой выдвигенец. Но дело не только в Язове.

Яковлев:

– Вот я и считаю, что главная ошибка перестройки – кадровая. У Михаила Сергеевича была любимая фраза: «Не надо ломать людей через колено».

Горбачев:

– Я и сейчас так говорю. И так поступаю.

Яковлев:

– Может, через колено ломать и не надо было, а с работы гнать надо было не колеблясь.

Горбачев:

– Какие вы решительные сейчас!..»

В общем, Горбачев отказался верить предупреждениям Яковлева (или, возможно, дело не в вере, возможно в его тайные планы не входило активно препятствовать путчу – он предпочел пустить всё «на волю волн», «куда вывезет»), и именно это послужило причиной, почему тогда их дороги разошлись, разошлись после многих лет тесного сотрудничества и дружбы, после того как они вместе задумали и плечом к плечу осуществляли перестройку.

Правда, потом, после поражения путча, их сотрудничество возобновилось.

ПУТЧ. ГОРБАЧЕВ И ЕЛЬЦИН – ВМЕСТЕ

«Ельцина захватить и доставить на военный объект в Завидово...»

17 августа. Подготовка к путчу (финишный ее этап начался 5-го числа, сразу после отъезда Горбачева в отпуск) вступила в завершающую фазу.

Из обвинительного заключения по делу ГКЧП («Новая газета»):

«Продолжая подготовительную работу, 14 августа Крючков со ссылкой на то, что Президент СССР собирается подать в отставку (Крючков врал даже своим приближенным – **О.М.**), а руководящими кругами страны прорабатываются вопросы введения чрезвычайного положения, поручил Жижину и Егорову (напомню, сотрудники КГБ – **О.М.**) подготовить предложения о первоочередных мерах политического, экономического и правового характера, которые необходимо осуществить в этих условиях.

В течение 15 августа на том же объекте КГБ (в деревне Машкино. – **О.М.**) Жижин, Егоров и Грачев подготовили рекомендации, многие из которых в последующем нашли отражение в обращениях и постановлениях ГКЧП...

Начиная с 15 августа 1991 года, Крючков отдал распоряжение об организации прослушивания телефонов руководства России и демократических лидеров из числа наиболее вероятных противников заговора.

16 августа Крючков, планируя меры по изоляции Президента СССР, поручил своему заместителю Агееву Г. Е. подготовить для поездки в Крым предназначенную для этого группу связистов.

<...> 17 августа Крючков перед начальником 7-го Управления КГБ СССР Расщеповым Е. М. поставил задачу совместно с Министерством обороны спланировать операцию, предусматривающую ЗАДЕРЖАНИЕ И ДОСТАВКУ НА ВОЕННЫЙ ОБЪЕКТ В ЗАВИДОВО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б.Н. ЕЛЬЦИНА (выделено мной. – **О.М.**)»

После Горбачева Ельцин был главной их мишенью. Они понимали, что именно Ельцин станет центром сопротивления их заговору. Как мы видели, накануне путча Горбачев и Ельцин в очередной раз сблизилась благодаря проекту Союзного договора, по поводу которого они вроде бы достигли согласия. Те, кого они подозревали в заговоре, еще сильнее подтолкнули их к сближению, по крайней мере, временному (другого у них по понятным причинам тогда не могло быть).

Спасители отечества запивали виски водкой

17 августа главные организаторы путча собрались на решающее совещание.

Из обвинительного заключения по делу ГКЧП:

«Объединившись для совместной деятельности по захвату власти в стране, вечером того же дня (17 августа – **О.М.**) на объекте «АБЦ» КГБ СССР собрались Крючков, Язов, Павлов, Шенин, Бакланов, Болдин, Ачалов, Варенников, Грушко. Имея по своему служебному положению реальные силы и средства для достижения поставленной цели, они договорились приступить 18 августа 1991 года к реализации планов захвата власти, предусматривавших следующее:

Предварительно изолировав Президента СССР в Форосе и лишив его связи с внешним миром, потребовать от него ввести в стране чрезвычайное положение или подать в отставку.

В случае его неподчинения, продолжая блокаду, объявить М.С. Горбачева больным и неспособным по этим причинам к руководству страной. Сместив его таким образом с поста Главы государства, обязанности Президента СССР возложить на Вице-президента Янаева Г.И. Для управления страной из числа участников заговора образовать Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП СССР), наделив его всей полнотой власти, ввести в стране чрезвычайное положение».

Какую же «болезнь» путчисты придумали для Горбачева? Уже в Москве двое врачей принесли ему записку, где сообщалось, какого свидетельства добивались от них: написать, что 16 августа у президента произошло нарушение мозгового кровообращения, состояние его тяжелое, он лежит в постели и вообще «ничего не сообщает». Это при том, что в действительности и 16-го, и 17-го, и 18 августа Горбачев вел интенсивные переговоры с разными людьми по поводу предстоящих важных событий, прежде всего по поводу подписания Союзного договора.

Любопытны детали «решающей» встречи путчистов 17 августа на объекте «АБЦ» (из материалов следствия):

«Свидетель Егоров А.Г. (помощник первого зама председателя КГБ. – **О.М.**), присутствовавший на встрече, показал, что все приехавшие на объект «АБЦ» собрались в отдельно стоящей беседке, где был накрыт стол с легкой закуской, водкой и виски.

Крючков высказал предложение следовать к президенту СССР и убедить его временно передать свои полномочия Комитету по чрезвычайному положению, а самому «отдохнуть в отпуске». Болдин (руководитель аппарата Горбачева. – **О.М.**) одобрил это предложение, заявив, что Горбачев «находится на пределе моральных и физических сил...» Беседка для разговора, надо полагать, была выбрана не столько ради создания «непринужденной дачной обстановки», сколько опять-таки для большей конспирации: все-таки в ней было меньше шансов оказаться подслушанными и записанными: все они прекрасно знали свои собственные обычаи и повадки. Хотя, думаю, и в беседке понатыкано было достаточно «жучков».

Водки, как всегда, не хватило. Послали за ней одного из младших в должностной иерархии – этого самого Егорова, помощника одного из начальников.

«Далее Егоров А.Г. пояснил, что, выйдя из беседки за водкой, он вернулся примерно минут через двадцать, и в это время собравшиеся обсуждали кандидатуры на поездку к президенту СССР в Крым (предъявлять ему этот самый ультиматум: объявить в стране чрезвычайное положение или уйти в отставку – **О.М.**) По ходу разговора он понял, что Шенин и Бакланов уже дали свое согласие <...>

Павлов сказал, что лететь надо людям, представляющим реальную власть – армию, КГБ, и предложил войти в состав группы Крючкову или Грушко, на что Крючков возразил, сославшись на необходимость находиться в Москве и контролировать обстановку, а Грушко не был знаком с Горбачевым. Решили послать Плеханова как начальника Службы охраны и лицо, хорошо знакомое с Горбачевым. Язов также сослался на невозможность его личного участия в вылете и предложил [своего зама] Варенникова, с чем все согласились».

Как видим, лететь к Горбачеву, предъявлять ему ультиматум, вести с ним, скорее всего, тяжелый разговор с неизвестным результатом никому особенно не хотелось. Все

придумывали разные предлоги, чтобы увильнуть. Не увильнул только генерал-каратель Варенников. Несколько месяцев назад они с Ачаловым залили кровью Вильнюс, и теперь он снова рвался в бой «За Родину! За Сталина!», то бишь, в данный момент, – за родную коммунистическую партию и за родной коммунистический Советский Союз.

В числе согласившихся отправиться в Крым Егоров забыл упомянуть уже названного руководителя аппарата президента Болдина, пожалуй, самого близкого к Горбачеву человека.

Еще одна любопытная деталь: во время этой «исторической» встречи заговорщиков охранник сообщил Крючкову, что его просит к телефону президент («ничего не соображающий» Горбачев постоянно звонил соратникам). Разговаривали они минуты три. О том, о сем. О том, что собравшаяся в беседке компания собирается его Горбачева, свергать, объявлять недееспособным, захватывать власть, Крючков Горбачева, понятное дело, уведомлять не стал. Видимо, не хотел огорчать.

«...Претензий к президенту я каких-либо не предъявлял, – рассказывал потом Крючков следователям, – иначе говоря, с требованиями или просьбами не обращался. Наверное, потому, что эти претензии еще не были четко сформулированы собравшимися. Обсуждение только началось».

Ну да, вот если бы к этому моменту, после выпитых водки и виски, все было четко сформулировано, Крючков сразу так и рубанул бы Горбачеву: «Михаил Сергеевич, мы завтра приедем вас свергать. Встречайте».

Ставят телефоны «на прослушку»

Один из главных, традиционных шагов всех заговорщиков – первым делом захватить «телеграф и телефон». В данном случае – поставить «на прослушку», а потом и «вырубить» телефонную связь у всех, кто мог помешать осуществлению заговора.

Из материалов следствия по делу ГКЧП:

«<...> 17 августа в первой половине дня Крючков дал ему (начальнику 12-го отдела КГБ Калгину (этот отдел специализировался на прослушивании телефонных разговоров. – **О.М.**) устное указание поставить на контроль телефонные аппараты Руцкого, Силаева, Хасбулатова, Бурбулиса, а также Янаева и Лукьянова, что и было сделано. 18 августа 1991 года по команде Крюčkова на контроль были поставлены телефонные аппараты Ельцина... (Подслушивали, как видим, даже «своих» – Янаева, Лукьянова. Так, на всякий случай. Видно, не очень им доверяли. – **О.М.**)

Прослушивание телефонов указанных абонентов осуществлялось до середины дня 21 августа. Затем по указанию Крюčkова оно было прекращено, а все связанные с этим документы и материалы уничтожены».

Вот так, все уничтожено, все следы заметены. Никакой «прослушки» не было. Хотя многие приказы путчисты давали своим подчиненным устно, так что и уничтожать было нечего.

Уточняли списки «экстремистски настроенных лиц». Из материалов следствия:

«17 августа 1991 года около 11 часов его (начальника 7-го Управления КГБ Расщепова. – **О.М.**) вызвал Крючков и, находясь с ним наедине, предложил ему заняться отслеживанием ситуации и повысить бдительность в отношении наиболее экстремистски настроенных лиц, которые проявляли себя на митингах. Такое же указание было дано и Прилукову (начальнику УКГБ по Москве и Московской области. – **О.М.**) Помимо этого, Крючков приказал обеспечить встречу президента РСФСР Ельцина Б.Н. с представителями руководства страны, задействовав группу «А» («Альфа»), а конкретные указания на этот счет получить у Грушко.

Выполняя порученные задания, он (надо полагать, Расщепов. – **О.М.**) несколько раз разговаривал по телефону с Прилуковым, обсуждая круг лиц, подлежащих контролю. Затем он зашел к Егорову А.Г., занимавшемуся составлением списка граждан, с которыми

планировалось провести беседы. Просмотрев его, он дополнил несколько фамилий – Бóксер (Владимир Бóксер, в ту пору один из лидеров движения «Демократическая Россия». – **О.М.**), Новодворская и др.»

Как видим, в «экстремисты» мятежники зачисляли людей по их выступлениям на митингах. Как бы им тогда пригодился Интернет, если бы он в ту пору существовал! Как облегчил бы им вычисление «вольнодумцев»!

А с другой стороны, и проблем прибавилось бы: выяснилось бы, что «экстремистов» несопоставимо больше, чем они полагали, – соответственно, и мест на нарах потребовалось бы несравненно больше.

Но главная, конечно, после Горбачева, цель заговорщиков, как уже говорилось, – президент Российской Федерации. Его надо устранить любыми способами. Либо временно, либо «насовсем».

Первая попытка арестовать Ельцина

18 августа путчисты собирались встретиться и «поговорить» с Ельциным. Планировали они эту встречу своеобразно. Из материалов следствия:

«[17 августа] в 12 часов дня он (Расщепов. – **О.М.**) получил указание от Грушко связаться с Ачаловым и согласовать вопрос встречи Ельцина Б.Н. (18 августа тот должен был вернуться из Казахстана. – **О.М.**) При этом Грушко рекомендовал Ачалову взять Калганова Ю.А. (зама начальника Третьего главного управления КГБ. – **О.М.**) и Карпухина В.Ф. (командира группы «Альфа». – **О.М.**) Примерно в 13 – 14 часов они выехали в Министерство обороны. В кабинете Ачалова находился и Грачев П.С. Ачалов доложил собравшимся, что в воскресенье 18 августа намечается возвращение Ельцина Б.Н. из г. Алма-Аты. В связи с этим планируется осуществить посадку самолета, на борту которого будет находиться президент РСФСР, вместо предусмотренного расписанием аэропорта «Внуково-2» на военном аэродроме «Чкаловский». Об изменении места посадки экипаж самолета будет уведомлен примерно за 40 – 50 мин. до посадки. После приземления начальник аэропорта под предлогом опоздания встречающих пригласит Ельцина Б.Н. в отдельную комнату, где с ним побеседует Язов. При этом Ачалов в ходе разговора поставил задачу перед подразделениями ВДВ и группой «А» – нейтрализовать охрану президента РСФСР, чем исключить нежелательные эксцессы: сопротивление, применение оружия. Поскольку участники совещания не смогли определиться в том, как Ельцин Б.Н. отреагирует на это и какие предпримет ответные действия, то окончательное решение принято не было».

Если предполагалось просто «поговорить» с Ельциным, зачем же «нейтрализовывать» его охрану? Фактически путчисты собирались арестовать всенародно избранного российского президента уже 18-го, прямо на аэродроме, но... Не хватило у них для этого духу: не ясно, дескать, как отреагирует Ельцин и «какие предпримет ответные действия». А как он мог отреагировать? Наверное, приказал бы своей охране выполнять свой долг, защищать его... Конечно, десантники и группа «Альфа» сломили бы сопротивление сравнительно немногочисленной ельцинской охраны, как и любой другой, однако при этом и весь план переворота был бы раскрыт и сорван.

Так что не решились...

Крючков начинает действовать

18 августа 1991 года около одиннадцати утра Крючков провел совещание с руководителями подразделений центрального аппарата КГБ.

Из обвинительного заключения по делу ГКЧП («Новая газета»):

«Крючков поручил Расщепову Е. М. (еще раз напомню, начальнику 7-го управления КГБ. – **О.М.**) выехать на занимаемые Ельциным Б. Н. дачи в поселках Сосновка и Архангельское и на месте оценить обстановку (теперь путчисты собираются арестовать Ельцина в Архангельском после возвращения его из Казахстана. – **О.М.**)...

В конце совещания Крючков достал список с фамилиями лиц, активно влияющих на формирование общественного мнения путем выступлений на митингах, в прессе и т. п. В списке было указано около 75 фамилий, среди которых были Яковлев, Шеварднадзе. <...> Объяснил несколько вариантов работы с ними: беседы, отобрание у них подписок не покидать места жительства или задержание. Крючков поручил организовать отслеживание этих лиц на случай задержания силами сотрудников 7-го управления и управления «З». Вручив ему (не ясно, кому именно – **О.М.**) этот список, Крючков заявил, что задержанных необходимо передавать в комендатуру, т. к. военные уже определили места их содержания (на территории воинской части, расположенной в поселке Медвежьи Озера. – **О.М.**)...

<...> По окончании совещания Крючков в 11 час. 35 мин. направил во все подразделения органов государственной безопасности и войска КГБ СССР шифротелеграмму № 72752/318 следующего содержания: «С получением данной телеграммы органы и войска КГБ СССР перевести в состояние повышенной боевой готовности».

Делегация путчистов летит в Форос

Как и намечалось по плану заговорщиков, в середине дня 18 августа четверо из них, кому «было доверено» встретиться с Горбачевым и предъявить ему ультиматум (как уже говорилось, помощник Горбачева Анатолий Черняев окрестит их «бандой четырех» – по китайскому образцу), направились в Крым.

Из обвинительного заключения по делу ГКЧП:

«18 августа 1991 года около 13 часов с военного аэродрома в Чкаловском на выделенном Язовым Д.Т. самолете в Крым вылетели Бакланов, Болдин, Шенин, Варенников. На его борту находились и привлеченные к заговору Крючковым начальник Службы охраны КГБ СССР Плеханов Ю.С., начальник специального эксплуатационно-технического управления при ХОЗУ КГБ СССР Генералов В.В. с группой сотрудников УПС (Управления правительственной связи, – они должны были отключить все телефоны. – **О.М.**) и 18-го отделения Комитета государственной безопасности, в задачу которых входила непосредственная реализация на месте мероприятий по изоляции Президента СССР.

В этих целях Крючков заблаговременно отдал команду о переподчинении Плеханову и Генералову Симферопольского пограничного отряда и Балаклавской бригады сторожевых кораблей, выделил в их распоряжение вооруженную группу сотрудников КГБ СССР.

Во время полета Плеханов, действуя согласно полученным от Крюčkова инструкциям, дал команду к 16 часам 30 минутам отключить у Президента СССР все виды связи, в т.ч. стратегическую...

Плеханов, пользуясь своим служебным положением, обеспечил Бакланову, Шенину, Болдину и Варенникову беспрепятственный доступ на объект «Заря» – резиденцию Президента СССР и, отстранив начальника личной охраны Президента СССР Медведева В.Т., руководство всеми службами охраны возложил на Генералова...».

До этой минуты заговор протекал, как видим, довольно четко и слаженно.

* * *

Тут еще стоит обратить внимание на одну деталь. Хотя Плеханов и отстранил начальника президентской охраны генерал-майора Медведева (мы всегда его видели по телевидению за спиной у Горбачева, – в штатском, разумеется) и отослал его в Москву, тот особо вроде бы и не сопротивлялся своему смещению и позже фактически примкнул к гэкачепистам. В то же время тридцать два человека из охраны президента заявили, что останутся ему верны и будут защищать его до конца.

Горбачев послал их... на три буквы ?

Из воспоминаний Горбачева:

«18 августа на даче в Форосе, после обеда, я вернулся к работе над текстом речи, с которой должен был выступить при подписании Союзного договора. На 19 августа назначил вылет в Москву. О предстоящем подписании Договора и заседании Совет Федерации накануне был разговор с Ельциным и Назарбаевым. 18 августа – около полудня – разговаривал с Янаевым. Он, между прочим, благодарил меня, что я его предупредил о времени прилета в Москву, обещал обязательно встретить. Затем я разговаривал с Величко (заместитель премьера), Вольским (Научно-промышленный союз), Гуренко (первый секретарь ЦК КП Украины). Дементей (Белоруссия) не ответил на мой звонок – его не было на месте. И уже в 16-30 обсуждал по телефону предстоящую речь со своим помощником Шахназаровым (это был последний телефонный разговор Горбачева: за спиной у телефонистки уже стояли офицеры КГБ, готовые отключить связь. – **О.М.**)...

18 августа в 17 часов без десяти минут мне сообщил начальник охраны, что прибыла группа лиц, которые требуют встречи со мной. Я никого не ждал, никого не приглашал, и меня никто о чьем бы то ни было прибытии в известность не ставил. Начальник охраны сказал, что он также ничего не знал об этом. «Почему Вы тогда пропустили их?» – «С ними приехал Плеханов» (начальник управления охраны госбезопасности), – ответил он. Иначе охрана не пропустила бы их к Президенту. Таковы правила. Жесткие, но необходимые.

Первое желание – уточнить, кто их послал сюда. Поскольку со мной вся связь – и правительственная, и простая, и стратегическая, и космическая, и т.д., – поднимаю трубку одного из телефонов (я как раз работал в кабинете), – молчит. Поднимаю вторую, третью, четвертую, пятую – то же самое. Поднимаю внутренний телефон – выключено...»

В 16-32, сразу после разговора Горбачева с Шахназаровым те самые сотрудники УПС КГБ повыдергивали дужки из гнезд на спецкоммутаторе в Мухалатке. Были «вырублены» телефоны не только в резиденции Горбачева, но и в расположенных поблизости санаториях, где проводили свой отпуск различные высокопоставленные чиновники. На всякий случай. Чтобы никто ничего никому не мог сообщить.

Нетрудно было понять, что происходит нечто экстраординарное. Прежде чем принять гостей, Горбачев, по его словам, направился к своей семье, – жене, дочери и зятю. Рассказал обо всем. Горбачев:

«Для меня ясно: речь идет об очень серьезном. Не исключаю попытки шантажа или ареста, или чего-то другого. В общем, все, что угодно, может быть. «Вы должны знать, – сказал я Раисе Максимовне, Ирине и Анатолию, – ни на какой шантаж, ни на какие угрозы, ни на какое давление не поддамся и от своих позиций не отступлю». Но нельзя исключить, что за этим и в отношении к членам семьи могут быть приняты самые жесткие действия.

Вся семья высказалась за то, что это должно быть моим решением: они готовы до конца разделить со мной все, что будет. На этом закончился наш совет».

Тут я хотел бы напомнить, как Горбачев реагировал на предупреждение Яковлева о том, что готовится переворот: «Саша, брось ты. Ты переоцениваешь их ум и храбрость». И комментарий Яковлева: «Ничего я не переоценивал. Я знал их всех как облупленных».

С каким-то поразительным легкомыслием реагировал Горбачев на такого рода

предупреждения. А их ведь было немало, в том числе и президент Буш его предупреждал. Правда, как уже говорилось, немного с датой путча промахнулся, – сообщил, что по данным американской разведки, путч случится 21 июня, – ну да все равно, такие предупреждения должны были Горбачева насторожить. Не насторожили.

Либо же здесь речь идет о чем-то другом – о тонкой игре, которую в то время вел Горбачев и о которой никто – ни одна душа! – не была поставлена в известность: ну да, считайте меня таким доверчивым, таким легкомысленным; вообще-то я не верю, что они отважатся на какой-то заговор, на какой-то переворот, но если вдруг отважатся, – посмотрим, что у них выйдет и как всё повернется...

И вот теперь – визит непрошенных гостей. Ситуация вроде бы в самом деле драматическая. Вообще-то обычный сценарий заговора и переворота: заговорщики с боем, преодолевая сопротивление охраны, врываются к тому, кого хотят свергнуть, арестовывают или просто расстреливают его... А тут... И сопротивления никакого нет: перед заговорщиками распахиваются все ворота, все двери – почти до дверей президентского кабинета. В сам кабинет, соблюдая правила вежливости, гости все же не входят, ждут, когда появится хозяин.

Горбачев:

«Я пошел, чтобы пригласить прибывших, но они уже сами поднялись к кабинету – небывалая бесцеремонность. Болдин – руководитель аппарата (президента – **О.М.**), Шенин – член Политбюро, секретарь ЦК КПСС, Бакланов – мой заместитель по Совету обороны, бывший секретарь ЦК. Четвертый, кто был с ними – это Варенников, генерал армии, человек далекий от меня, тем не менее, это тот человек, который потом ездил на Украину и предъявлял ультиматум Кравчуку. Плеханов тоже был с ними, но я его выставил из кабинета».

Так, наверное, оно и было: Плеханова, по его «холопскому» статусу (хотя – генерал-лейтенант), Горбачев просто спровадил за дверь. Тот засуетился-засуетился, но так и остался за дверью. Горбачев:

«Сразу в начале встречи я поставил вопрос: «Прежде чем продолжать разговор, хочу спросить: кто вас послал?» Ответ: «Комитет»...

– Какой комитет?

– Ну вот – комитет в связи с чрезвычайной обстановкой в стране.

– Кто его создал? Я не создавал, Верховный Совет не создавал. Кто его создал?

Речь со стороны прибывших шла о том, что люди уже объединились и нужен указ Президента (о введении в стране чрезвычайного положения. – **О.М.**) Вопрос передо мной поставлен так: или вы издайте указ и оставайтесь здесь, или передайте полномочия вице-президенту. Бакланов сказал, что Ельцин арестован. Затем поправился: будет арестован по пути.

– В связи с чем так ставится вопрос?

– Ситуация в стране такая – страна катится к катастрофе, надо принимать меры, нужно чрезвычайное положение – другие меры уже не спасут, нельзя больше предаваться иллюзиям...

И так далее.

Мой ответ состоял в том, что я не хуже их знаю политическую, экономическую, социальную ситуацию в стране, положение людей, их жизнь, все тяготы, которые они несут сейчас. И надо делать быстрее все то, что нужно для улучшения жизни. Но я решительный противник... таких способов решения вопросов, которые всегда приводили к гибели людей – сотнями, тысячами, миллионами... Ультиматум их я отверг...

– И вы, и те, кто вас послал – авантюристы. Вы погубите себя – ну, это ваше дело, черт с вами. Но вы погубите страну, все, что мы уже сделали. Передайте это комитету, который вас послал. Сейчас мы подошли к подписанию Договора. Вместе с республиками подготовлены крупные решения по продовольственным, топливным, финансовым проблемам... Только самоубийцы могут предлагать сейчас вводить чрезвычайный режим в стране. На это я не

пойду. Именно в этот момент Варенников заявил:

– Подайте в отставку.

Это наглое требование генерала я отклонил: вы не дожидаетесь от меня ни того, ни другого, передайте это всем тем, кто вас послал сюда...

Ну, вот вы завтра чрезвычайное положение объявите. А что дальше? Вы хоть спрогнозируйте на один день, на четыре шага – что дальше? Страна отвергнет, не поддержит эти меры. Вы хотите сыграть на трудностях, на том, что народ устал, что он уже готов поддержать любого диктатора...

– Я предлагаю созвать Верховный Совет, Съезд и все решать. Вы обеспокоены нынешней ситуацией? Она беспокоит всех нас. Вы считаете, что нужны срочные неотложные меры. Я такого же мнения. Давайте соберемся и будем решать...

Но это был разговор с глухонемыми. Машина была запущена – теперь это ясно. Я сказал:

– Все, другого разговора не может быть. Доложите, что я выступаю категорически против ваших замыслов, и вы потерпите поражение. Но мне страшно за народ и за то, что мы сделали за эти годы...

Наиболее грубо вел себя Варенников. Был такой момент. Я сказал: «Не помню, как Вас зовут (помнил, конечно!), Валентин Иванович? Так вот, Валентин Иванович, общество, народ – не батальон: скомандуешь: направо или налево марш! – и все пойдут, куда скажете. Не будет так. Помяните мое слово».

А В КОНЦЕ РАЗГОВОРА Я ПОСЛАЛ ИХ ТУДА, КУДА В ПОДОБНЫХ СЛУЧАЯХ ПОСЫЛАЮТ РУССКИЕ ЛЮДИ (выделено мной. – О.М.)...»

Но вот любопытная деталь: хотя Горбачев, по русскому обычаю, и обматерил незваных гостей, все же при расставании попрощался со всеми за руку («Я все же считал, что после такой встречи, после этого «душа», доложат все и взвесят, обдумают. Потому что разговор мой с ними был очень резкий...»)

Не очень логично: расставаясь с заговорщиками – по сути дела, с государственными преступниками! – на прощание жать им руку. Мне могут возразить: дескать, Горбачев ведь еще не знает, что он и уже стали преступниками, уже перешли Рубикон, он еще считает, что они лишь готовятся к этому и, не исключено, он их переубедил. Ну как же не знает! Они уже отключили ВСЕ телефоны президента, в том числе стратегическую связь, «ядерную кнопку». Они непрошенными, попирая все установленные нормы безопасности, вломились к нему. Возможно, у кого-то из них в кармане оружие, то есть они непосредственно подвергли опасности жизнь главы государства. Рубикон перейден! И после этого провожать их с рукопожатиями! Странно, нелогично. Кстати, зачем Горбачеву упоминать об этой странной детали в своих мемуарах: послал «на три буквы» и тут же, прощаясь, «поручкался»? Можно ведь и промолчать о такой детали. Но Горбачев упоминает и дает этому не очень убедительное объяснение. Видимо, догадывается, что в дальнейшем, при любом исходе дела, его посетители будут в подробностях рассказывать, как прилетели, как разговаривали, как «тепло» прощались. Так что надо заранее все самому объяснить.

И действительно, такого рода рассказы со стороны гэкачепистов потом последовали. Болдин, например, утверждал, что в конце их с Горбачевым разговора из уст президента вылетела не матерщина, а напутствие – правда, не очень вежливое, но тем не менее: «Черт с вами, действуйте».

Я-то думаю, если Горбачев действительно сказал что-то похожее, это выглядело несколько по-иному, примерно так: «Черт с вами! Делайте что хотите! Я считаю это безрассудством и в этом не участвую!»

Вот уж после этого не грех было и одарить друг друга прохладным рукопожатием.

«Банда четырех» возвращается в Москву

Какую бы версию окончания разговора ни принять, – горбачевскую или болдинскую,

– нельзя сказать, что у «банды четырех», когда они покинули Форос, были большие основания для радости. Когда ехали к президенту, возможно, все-таки питали какую-то надежду склонить его на свою сторону. Но вот ситуация окончательно прояснилась: Горбачев отказался их поддерживать, вводить чрезвычайное положение и теперь вся ответственность за дальнейшее ложится на их плечи. Из книги Степанкова и Лисова «Кремлевский заговор»:

«Бакланов, Болдин, Шенин возвращались с «Зари» на той же самой машине. Водитель 9-го отдела КГБ Юрий Аркуша отметил, что настроение пассажиров резко изменилось. К Горбачеву ехали, о погоде рассуждали, обратно едут злые, раздраженные, перебрасываются короткими фразами.

Плеханов – он ехал в головной машине – по радиотелефону продолжал операцию по изоляции президента (надо полагать, после того, как Горбачев выставил его за дверь, он это делал с особым мстительным чувством. – О.М.)...

В 19-30 «Ту-154», принадлежащий министру обороны СССР, взял курс на Москву...

Когда самолет взлетел, Плеханов связался с Крючковым и сообщил ему, что Горбачев отказался ввести ЧП.

Стол (в самолете – О.М.) накрыли на скорую руку: овощи, сало, большая бутылка виски. К концу полета в ней не осталось ни капли...».

(В скобках замечу – это сочетание сала и виски вызвало кое-что в памяти. На рубеже сороковых и пятидесятих прошлого века, когда великий вождь затеял борьбу с космополитизмом, среди самых активных борцов с этой крамоллой оказался и наш знаменитый гимнописец, ну прямо прыгал и скакал впереди паровоза. Как-то он решил пригрозить пальчиком отдельным несознательным советским гражданам,

**написал такой стишок:
Я знаю, есть еще семейки,
Где наше хаут и бранят,
Где с умилением глядят
На заграничные наклейки,
А сало... русское едят.**

И вот, как видим, много лет спустя команда заговорщиков, людей, в общем-то близких по духу знаменитому гимнописцу, возвращаясь после невыполненного боевого задания, употребляет это самое сало и «с умилением» поглядывает на бутылку с заграничной наклейкой Whisky. Не пошло, значит, впрок нравоучение знаменитого стихоплета).

Вернемся, однако, к основным событиям августа. После неудачного визита к президенту оставшийся на земле Валентин Варенников проводил совещание с командующими округами... Он сообщил прилетевшим в Крым по распоряжению министра обороны СССР генералам, что в стране вводится режим чрезвычайного положения и что «в связи с ухудшением состояния здоровья» Горбачева обязанности президента переходят к Геннадию Янаеву.

– Говоря о состоянии здоровья Горбачева, – вспоминает маршал артиллерии Владимир Михалкин, – Варенников употреблял выражения: «очень болен» и «что-то там у него не в порядке внутри»... (А ведь этот генерал-каратель, генерал-«ястреб» только что разговаривал с Горбачевым и прекрасно видел, что тот абсолютно здоров. И, – не стесняясь, врет своим коллегам-генералам. Вот оно пресловутое «Честь имею!» – О.М.)

В это время в Москве, за тысячу километров от затерявшегося в крымских горах военного аэродрома «Бельбек», Геннадий Янаев оторвался от застолья в кругу своих друзей, чтобы отправиться на экстренное совещание в Кремле...

В 21-35 самолет министра обороны приземлился на военном аэродроме «Чкаловский» под Москвой.

– После посадки, – свидетельствует командир корабля Павел Бабенко, – к нам, в кабину

пилотов, зашел Плеханов и потребовал предоставить список пилотов для их поощрения за образцовое выполнение задания. Он был пьян...

Надо сказать, что вообще почти вся героическая деятельность августовских спасителей отечества протекала в водочных и «височных» парах. Особенно тут отличился премьер Павлов, который «отключился» вскоре после начала путча и почти не включался, пока его не пригласили вместе с другими в «Матросскую тишину».

Все телефоны отключены...

Из воспоминаний помощника Горбачева Анатолия Черняева (события происходят в Форосе в середине дня 18 августа):

«Я сидел в кабинете с плотно закрытыми окнами и включенным кондишеном и не слышал, как подъехали к служебному дому Болдин, Бакланов, Шенин и Варенников. А когда Ольга (референт. – О.М.) ворвалась и сообщила, что они уже вошли в дачу к Горбачеву, я тут же снял трубку, чтобы позвонить в Москву... узнать, что у них там в столице стряслось и зачем пришлось столь неожиданно направить сюда такую «делегацию». Снял по очереди все три трубки: СК – правительственная через пункт связи в Мухалатке и спутник, внутренняя – на территории дачи, обычный «городской». Мертво.

Телефоны были отключены у всех – у охраны, у врачей, у поваров, у шоферов и даже у офицеров при «ядерной кнопке»...

Как только уехала «банда четырех»... я попросил зайти ко мне офицера безопасности. Тот сказал, что всем распоряжается здесь теперь приехавший из Москвы генерал Генералов... Тогда я попросил, чтобы он зашел, мы давно были знакомы. Генерал вежливо мне «разъяснил»: связь отключена из Москвы, никуда Горбачев завтра не поедет и никакого подписания Союзного договора не будет, никто отсюда, с территории дачи, не выйдет, у гаражей, где стоят машины Горбачева с правительственной связью, поставлены автоматчики, привезенные Плехановым. С ним, с Генераловым, приехало несколько сотрудников, внешняя охрана территории «укреплена» пограничниками («...и если даже я вас выпущу, Анатолий Сергеевич, – добавил он, – вас задержат они»).

Я понял, что с Генераловым объясняться бесполезно. Сказал ему только, что, задерживая меня, он нарушает не только гражданский закон, а и Конституцию – я народный депутат и пользуюсь депутатской неприкосновенностью.

На эти, как и на предыдущие, мои «соображения» он отвечал одним: «Поймите, Анатолий Сергеевич, я военный человек, – у меня есть приказ, и я обязан его выполнять».

Все они в те дни ссылались на то, что они военные и должны выполнять приказы вышестоящего начальства, забывая, что самое вышестоящее – верховный главнокомандующий, он же президент Горбачев. Именно его приказ важнее всех остальных.

«Ядерная кнопка» – в руках заговорщиков

Особого внимания заслуживает, что Горбачев, по свидетельству Черняева, уже 18-го был «отключен» от «ядерной кнопки».

«И мир почти трое суток, – пишет Черняев – находился в распоряжении маршала Язова и генерала Моисеева (начальника Генерального штаба. – О.М.) Это уже со стороны ГКЧП не только посягательство на жизнь своего народа, это – преступление против человечества».

Ну да, трое суток судьба человечества находилась в руках безответственных авантюристов.

Совершенно естественно, предполагаемая «бесхозность» «кнопки» в эти дни не могла не встревожить Запад. Десять дней спустя, 28 августа, уже в Кремле, после завершения драматических событий, поверенный в делах в США Коллинз по поручению Буша, спросил Черняева, что происходило в дни путча с «ядерной кнопкой», не был ли утрачен контроль над ней. Черняев ответил обтекаемо (отвечать точно он, разумеется,

не имел полномочий):

– Сам факт путча, захвата власти, действительно создавал угрозу утраты контроля за ядерным оружием.

На самом деле ситуация с «ядерной кнопкой» была еще хуже, чем считает Черняев.

Следствие установило потрясающую вещь. Согласно установленному порядку, существует три «абонентских комплекта» управления стратегическими ядерными силами страны, один – у президента, второй – у министра обороны, третий – у начальника Генштаба. Они объединены общим пультом управления. Главный комплект – президентский, при его отключении разрушается вся система управления, без него никакое управление невозможно.

И вот 18 августа 1991 года в 16-32 президентский комплект, как и вся связь в целом, были отключены. Однако, что удивительно, никто из высших военных не проявил по этому поводу ни малейшего беспокойства. Из Фороса вся «ядерная команда» вместе с отключенной аппаратурой неторопливо, более чем через сутки после отключения, была перевезена в Москву и распущена по домам.

Из книги Степанкова и Лисова «Кремлевский заговор»:

«Та, поистине будничная простота, с которой президент, Верховный главнокомандующий Вооруженными Силами, был отстранен от контроля над сверхоружием, неопровержимо свидетельствует о том, что фактически он НИКОГДА (выделено мной. – О.М.) не владел ядерной кнопкой. Управление ядерными силами всецело находилось в руках генеральской верхушки армии и КГБ».

Потрясающе!!!

Если говорить точнее (Степанков и Лисов дальше сами это уточняют), выяснилось, что «главный» «ядерный» комплект находится вовсе не у президента, и даже не у министра обороны, а у начальника генштаба генерала Моисеева. Именно он, не советуясь ни с президентом, ни с министром обороны, может принять решение о нанесении ядерного удара.

Собственно, Моисеев сам это признал спустя несколько дней в интервью одной из зарубежных газет:

– ...В те часы единственным человеком, который контролировал стратегические ядерные силы, был я. Президент был выключен. Язов – тоже... Когда прервалась связь с дачей Горбачева в Крыму, мы разъединили все средства связи и поместили в безопасное место ядерный портфель. Я говорю о кодах на пуск, которые были отменены. Никто не мог ими воспользоваться...

Ясно, что такая не санкционированная ни президентом, ни министром обороны – вообще никем! – «перекоммутация» пульта управления стратегическими ядерными силами – тягчайшее государственное преступление. Что-то я не слышал, однако, чтобы об этом вообще поднимался разговор и кто-то понес за это уголовную ответственность. В принципе Моисеев и Ко могли осуществить эту процедуру в любой момент и раньше.

В этом смысле, наверное, и следует понимать слова Степанкова и Лисова о том, что президент «фактически... никогда не владел ядерной кнопкой».

Между тем сам Горбачев позднее на одной из международных встреч, что называется, «на голубом глазу», уверял, что в СССР контроль над ядерным оружием гораздо надежнее, чем в США, и даже во время путча все тут было под контролем...

Вообще интересно: только что, в конце июля, Горбачев и Буш обсуждали детали договора по СНВ, спорили, у кого сколько носителей ядерного оружия и боеголовок

должно остаться после сокращения, а тут выясняется, что у СССР фактически вообще нет ядерного щита, подразумевая под этим, что такой щит должен находиться в руках серьезных и ответственных людей, уполномоченных на владение им.

И еще забавная вещь: вырвавшись из флоросского плена и еще ни в чем толком не разобравшись, Горбачев назначил этого самого Моисеева министром обороны СССР вместо арестованного Язова. И только энергичный протест Ельцина сорвал это странное назначение.

Часто говорят, что главная отличительная черта России – это всегдашний бардак. Но такого страшного бардака, как бардак с ядерным оружием в августовские дни 1991 года, по-видимому, в ее истории не бывало никогда.

Мосты сожжены

Степанков и Лисов на основе материалов следствия описывают, какими были для заговорщиков, собравшихся в Кремле, последние часы 18 августа 1991 года:

«Почти все было готово к действию. Задерживался лишь Янаев. Наконец он вошел в кабинет хмельной, прыгающей походкой. «Мы тут сидим, важные дела обсуждаем, а вице-президент где-то гуляет», – с театральной укоризной сказал Павлов, который сам задержался и тоже был навеселе».

В 22-15 вернулась делегация из Крыма. Из допроса Язова:

« – ... Зашли с шумом Шенин, Бакланов, Болдин, Плеханов и с ними начальник личной охраны президента Медведев (вот и этот здесь оказался! – О.М.) Все под хмельком. Расселись и стали по порядку рассказывать. Первым Шенин...».

В этот момент еще можно было дать задний ход, отказаться от путча. «Сдать» «крымских визитеров» – это, мол, все их личная инициатива, а мы тут не при чем.

«Визитеры» уловили такую возможность и поспешили ее предотвратить: да, мы «засветились», и если сейчас разойдемся ни с чем, «то мы на плаху, а вы – чистенькие» (эти их слова – в пересказе Язова).

Расходиться ни с чем никто, однако, не собирался. Все принялись уговаривать Янаева, чтобы он подписал указ о возложении на себя обязанностей президента. Тот «кобенился», набивал себе цену: «Я этот указ подписывать не буду».

Более того, принялся делать реверансы в сторону своего «друга» Горбачева: он, дескать, «должен вернуться после того, как отдохнет, поправится, придет в себя».

Наконец, честно признался, что он «не чувствует себя ни морально, ни по квалификации готовым к выполнению этих обязанностей».

Однако друганы-заговорщики не отступали. По их словам, все заботы по управлению государством возьмет на себя ГКЧП, а Янаеву останется только подмахивать указы. При этом поддакивали упирающемуся вице-президенту: если Горбачев поправится, он, конечно, вернется к исполнению своих обязанностей, какие тут могут быть сомнения. Хотя все прекрасно знали, что Горбачев в полном здравии, никакой «поправки» ему не требуется.

В общем, это был цирк. Наконец уломали горбачевского «преемника»:

« – Подписывайте, Геннадий Иванович – мягко сказал Крючков.

Янаев потянулся за пером.

Под Указом появилась его нерешительная, выдающая дрожанье рук (все то же дрожанье рук! – О.М.) подпись.

Цена этого робкого росчерка была огромной. Он зафиксировал захват власти.

Мосты были сожжены».

После этого принялись подписывать бумаги, которые завтра утром будут опубликованы – «Заявление Советского руководства», «Обращение к советскому народу», «Постановление ГКЧП №1».

Под конец Крючков предложил интернировать «некоторых» лидеров демократического движения: мол, составлен список, в котором более десятка человек. На самом деле в крючковском списке было уже 70–75 фамилий. Что ж, формально это и есть «более десятка».

– Тысячу надо! – зашумел Павлов.

Как известно, многие граждане во хмелю становятся особенно буйными и агрессивными. Хочется куда-то бежать и кому-то «бить морду».

Самолет Ельцина собирались сбить?

Между тем Ельцин этот тревожный, этот критический для страны день проводил в Казахстане. Подписывалось соглашение между двумя республиками. После официальной части – неофициальная, отдых. Теннис. Поездка по живописным окрестностям Алма-Аты. Посещение конезавода, где для гостей устроили соревнование всадников. Обязательный пункт такого рода программ – знакомство с знаменитым высокогорным катком Медео...

Ельцин, как водится, искупался в ледяной горной речке.

Во второй половине дня – концерт, в котором, помимо профессиональных артистов, поучаствовали оба президента: Назарбаев пел и играл на домбре, а Ельцин аккомпанировал ему на деревянных ложках. Так заигрались и запелись, что Назарбаев предложил гостю отложить отъезд то ли на два часа, то ли на три. Ельцин не возражал. Впрочем, сам он в своих воспоминаниях пишет, что для него веселье не было таким уж безмятежным. Наверное, шевелились какие-то предчувствия. Еще бы, как раз в эти часы в Форосе разворачивалась та самая драма.

Итак, Ельцин, «Записки президента»:

«Визит закончился. Пора улетать. Назарбаев нас не отпускает, уговаривает остаться ещё на час.

После большого торжественного обеда – концерт казахской народной музыки, потом выступает хор, потом ещё хор, ещё... Потом танцевальные коллективы, звучат национальные инструменты, пляшут ярко одетые девушки. И, честно говоря, уже в глазах рябит от всего этого.

Вылет отложили на час. Потом ещё на час. У Нурсултана Абишевича восточное гостеприимство – не навязчивое, а мягкое, деликатное. Но хватка та же.

И вот тут я почувствовал неладное. Какой-то перебор, пережим.

Я в тот день ещё успел искупаться в горной речке. Меня клонило в сон. Перед глазами – сплошные хороводы. А внутри – неясная, безотчётная тревога.

Не думаю, что наша трехчасовая задержка с вылетом из Алма-Аты была случайной. Быть может, что-то прояснится в процессе над ГКЧП. Вот только одна деталь. Один из путчистов, находясь в «Матросской тишине», составил инструкцию своим «подельникам». В ней, в частности, говорится: «Необходимо воспроизвести в ходе следственного и судебного разбирательства... что в беседе с Горбачёвым предусматривался даже вариант, накануне принятия окончательного решения о введении ЧП, уничтожить 18 августа ночью самолёт в воздухе, на котором следовала в Москву делегация Российского правительства во главе с Ельциным из Казахстана...»

Когда я прочёл этот документ, отчётливо вспомнил то ощущение тревоги, непонятного холода в груди. Был ли в действительности такой план или это только фальшивка с целью обмануть следствие, – узнать нам вряд ли удастся. Но сейчас, восстанавливая в памяти те дни, я ещё раз убеждаюсь – мы шли по краю пропасти».

Помощник Ельцина Лев Суханов, сопровождавший Ельцина в поездке в Казахстан, тот

определенно пишет в своих воспоминаниях:

«Впоследствии в Белый дом поступила информация, что самолет Ельцина, который должен был вылететь из Алма-Аты в 16 часов, вероятнее всего, был бы сбит. И это, по расчетам заговорщиков, стало бы «хорошим» поводом для оправдания чрезвычайного положения. Вот тогда руки членов ГКЧП были бы развязаны полностью».

Насколько я знаю, следствие по делу ГКЧП не установило, что в планы заговорщиков действительно входило сбить самолет Ельцина. Как уже говорилось, они собирались арестовать его после принудительной посадки на военном аэродроме «Чкаловский»...

Почему Назарбаев «притормозил» вылет Ельцина? Просто из-за беспредельного гостеприимства или по какой-то более серьезной причине? Возможно, по каким-то своим каналам он узнал, что в Москве готовится какая-то заваруха (в общем-то, узнать это было нетрудно: какие-то сотрудники КГБ в республиках наверняка были в той или иной мере осведомлены о происходящем в столице). Так что если отложить вылет Ельцина, – это, наверное, могло бы дать хоть какую-то гарантию его безопасности. Хотя... Если бы хотели сбить, сбили бы и двумя-тремя часами позже. Пассажирский самолет не Бог весть какая трудная цель для ПВО. Яркий тому пример – трагическая история с южнокорейским «Боингом».

Почему Назарбаев прямо не сказал Ельцину о грозящей (будто бы) ему опасности?

Возможно, потому, что сам не был уверен, что такая опасность действительно существует. Может, опасался нарваться на насмешку российского коллеги:

«Придумаете тоже, Нурсултан Абишевич, – собьют президента России!»

Возможно, такое намерение на каком-то этапе в самом деле существовало, но потом Крючков его отменил, потом путчисты решили арестовать Ельцина после посадки его самолета, в аэропорту, да даже и на это у них не хватило смелости...

Танковые армады идут на Москву

К захвату власти советские полководцы образца 1991 года приступили так, как будто в столице их ожидало крупное танковое сражение, что-нибудь вроде битвы под Прохоровкой времен Отечественной войны.

Из обвинительного заключения по делу ГКЧП («Новая газета»):

«Около 7 часов утра (19 августа. – **О.М.**) по приказу Язова вторая мотострелковая «Таманская» дивизия общей численностью 2107 человек, 127 танков, 15 БМП, 144 БТР, 216 автомашин и четвертая танковая «Кантемировская» дивизия в количестве 1702 человека, 235 танков, 129 БМП и БТР, 214 автомашин начали движение к Москве.

При содействии экипажей ГАИ, выделенных по указанию Пуго, войска к 10 часам утра заняли в Москве позиции, определенные для них боевыми распоряжениями, взяв под контроль ключевые объекты жизнеобеспечения города. Спецназ КГБ СССР блокировал Манежную площадь и Кремль.

По приказу Ачалова маршем на боевой технике начали движение к Москве парашютно-десантные полки: 15-й (Тула), 137-й (Рязань), 331-й (Кострома).

В 9 час. 28 мин. Язов подписал директиву о приведении войск в повышенную боевую готовность».

Итак, всего на Москву утром 19 августа надвигаются 362 танка, 288 БМП и БТРов, несметное количество автомашин с солдатами. В десять утра танки, БМП и БТРы занимают отведенные им «боевые позиции». Десантники из Тулы, Рязани, Костромы еще продолжают движение.

В дальнейшем, по мере того как мятежники будут приходить к заключению, что наличных боевых сил у них все же недостаточно (надо же!), а часть этих сил ненадежна, по воздуху и по земле к Москве будут перебрасываться дополнительные воинские соединения.

А заговорщики в это время пьянствуют

Кстати, что делают сами гэкачеписты (по крайней мере, часть из них, но из числа самых главных) в тот момент, когда на Москву двигаются воинские армады? Из допроса маршала Язова (Степанков и Лисов, «Кремлевский заговор»):

«...Позвонил Крючков, – вспоминает то утро Язов (время – между девятью и десятью утра – **О.М.**) – Никого не могу, говорит, найти. Спрашиваю, кого он разыскивает. Отвечает: Павлова, Янаева, Бакланова – никого нет. Куда же они, спрашиваю, могли деться? Так они же, говорит, до утра у Янаева пьянствовали...»

Еще на ту же тему. Свидетельство одного из врачей ЦКБ:

– Где-то около семи утра мне позвонил охранник премьер-министра и попросил срочно приехать... Павлову, сказал он, плохо. Я приехал. Павлов был пьян. Но это было не обычное, простое опьянение. Он был взвинчен до истерики...»

В общем, замечательная публика рвалась к руководству страны в августе 1991 года.

Ельцина опять собираются арестовать. Теперь в Архангельском

Утро 19 августа 1991 года. Вспоминает Ельцин («Записки президента»):

«Разбудила меня в то утро Таня. Влетела в комнату: «Папа, вставай! Переворот!» Еще не совсем проснувшись, я проговорил: «Это же незаконно». Она начала рассказывать о ГКЧП, о Янаеве, о Крючкове... Все это было слишком нелепо. Я сказал: «Вы что, меня разыгрываете?»

Тот же самый вопрос задавали друг другу люди по всей стране...

А в это время по улицам Москвы сплошной колонной шли бронетранспортеры и танки. Совершалась невероятная по своей бессмысленности акция – в абсолютно мирный город вводились части сразу нескольких мотострелковых и танковых дивизий, другие части стояли на пороге Москвы, стягивались к столице. Руководители заговора решили ошеломить город огромным количеством военной техники и солдат. Придать ему фронтовой вид. Заставить забиться всех по углам. Над Москвой в течение нескольких часов стоял непрерывный тяжелый гул...

...После первого телевизионного сообщения ко мне примчался начальник охраны Коржаков. Он тут же начал расставлять посты, из гаражей стали выводить машины».

Прерывая воспоминания Ельцина... Вообще-то Коржаков мог бы поднять тревогу и раньше. Рано утром к даче Ельцина уже прибыла группа «Альфа» и только ждала приказа об аресте российского президента. Его охрана вряд ли смогла бы оказать тут серьезное сопротивление. Ельцин:

«Я обзвонил всех, кто был поблизости и мог понадобиться сейчас для работы. Помогала звонить жена. Именно она и дочери в то утро были моими первыми помощниками. Мои женщины не плакали, не сидели потерянно, а сразу начали действовать вместе со мной и другими людьми, которые появились вскоре в доме. Спасибо им за это».

Вообще-то это одна из промашек гэкачепистов (таких промашек было много): у Горбачева и его сотрудников, как мы видели, все телефоны они отключили уже в 16-30 накануне, а у Ельцина на даче забыли отключить.

Ельцин:

«Решили писать обращение к гражданам России. Текст от руки записывал Хасбулатов, а диктовали, формулировали все, кто был рядом, – Шахрай, Бурбулис, Силаев, Полторанин, Ярошенко. Затем обращение было перепечатано, помогли печатать дочери. Стали звонить по телефону знакомым, родственникам, друзьям, чтобы выяснить, куда в первую очередь можно передать текст. Передали в Зеленоград...

Буквально через час после того, как мои дочери напечатали наше обращение к народу, в Москве и других городах люди читали этот документ. Его передавали зарубежные агентства, профессиональная и любительская компьютерная сеть, независимые радиостанции типа «Эхо Москвы», биржи, корреспондентская сеть многих центральных изданий. А сколько появилось запрещенных прежде ксероксов!..

Наше обращение ставило путч вне закона. Давалась четкая оценка происшедшего, было сказано и о Президенте СССР, чья судьба скрывалась гэкачепистами, и о суверенитете России, и о гражданском мужестве, которое нам всем необходимо, чтобы выстоять в эти часы и дни...»

Борис Николаевич не упоминает здесь, что в обращении «К гражданам России», которое подписали он, Силаев и Хасбулатов, содержался также призыв к всеобщей бессрочной политической забастовке. Увы, этот призыв был подхвачен лишь немногими – одно из свидетельств, что, если брать страну в целом, на дружный, всеобщий отпор путчистам рассчитывать не приходилось...

Ельцин звонит Грачеву

Утром 19-го перед Ельциным сразу же встал вопрос: с кем из высокопоставленных чиновников, гражданских и военных, в первую очередь стоит связаться, о чьей позиции узнать, к кому обратиться за поддержкой? Ранее уже говорилось о случившейся незадолго перед этим встрече российского президента с командующим ВДВ Павлом Грачевым, об их разговоре на не совсем обычную тему. И вот вроде бы настал момент, когда к этому разговору приходилось возвращаться уже в практической плоскости. Ельцин:

«Незадолго до путча (в июле – **О.М.**) я посетил образцовую Тульскую дивизию. Показывал мне боевые части командующий воздушно-десантными войсками Павел Грачев. Мне этот человек понравился – молодой генерал, с боевым опытом, довольно дерзкий и самостоятельный, открытый человек.

И я, поколебавшись, решился задать ему трудный вопрос: «Павел Сергеевич, вот случись такая ситуация, что нашей законно избранной власти в России будет угрожать опасность – какой-то террор, заговор, попытаются арестовать... Можно положиться на военных, можно положиться на вас?» Он ответил: «Да, можно».

И тогда, 19-го, я позвонил ему. Это был один из моих самых первых звонков из Архангельского. Я напомнил ему наш старый разговор.

Грачев СМУТИЛСЯ, ВЗЯЛ ДОЛГУЮ ПАУЗУ, БЫЛО СЛЫШНО НА ТОМ КОНЦЕ ПРОВОДА, КАК ОН НАПРЯЖЕННО ДЫШИТ (выделено мной. – **О.М.**) Наконец, он проговорил, что для него, офицера, невозможно нарушить приказ».

Мой комментарий. Смущение Грачева можно понять. Как мы видели, «молодой... довольно дерзкий и самостоятельный, открытый» генерал Грачев принимал активное участие в подготовке путча. И в тот момент, когда ему позвонил Ельцин, он был «при деле» – руководил переброской к Москве подчиненных ему дивизий ВДВ, направлял их действия, выполнял все приказы ГКЧП.

Да и ответ его Ельцину – двусмысленный: ему, офицеру, невозможно нарушить приказ. Чей приказ? Ельцина, в верности которому он вроде бы в июле дал обещание? Или главарям ГКЧП, приказы которых, как уже сказано, он реально выполнял в тот момент?

И все же после разговора с главным десантником Ельцин почему-то решил, что «Грачев

наш». Как раз в тот момент он еще был «не наш». Правда, потом, осознав, что у гэкачепистов ничего не получается, что дело их движется к провалу, Грачев действительно, как и многие другие военные, стал «нашим».

Ельцин решает ехать в Москву

Ельцин:

«...На часах почти девять утра, телефон работает, вокруг дачи никаких заметных перемещений (ну да, «Альфа» умеет маскироваться, никак не выдает свое присутствие. – **О.М.**) Пора. И я поехал в Белый дом.

Нас могли при выезде расстрелять из засады, могли взять на шоссе, могли забросать гранатами или раздавить бронетранспортером на пути нашего следования. Но просто сидеть на даче было безумием. И если исходить из абстрактной логики безопасности, наше решение тоже было нелепым. Конечно, нас «вела» машина прикрытия, но к настоящей безопасности это никакого отношения не имело».

Борис Николаевич тут довольно точно описывает опасности, которым он **ВПОЛНЕ РЕАЛЬНО** подвергался. Командир Группы «Альфа» покойный ныне генерал-майор Карпухин говорил в одном из интервью, что его натренированным «ребятам» ничего не стоило арестовать Ельцина и на самой даче, и по дороге в Москву – «притормозить» машину Ельцина где-нибудь под мостом, быстро пересадить в другую машину, так что никто ничего и не заметил бы.

Собственно говоря, у Карпухина, по его словам, был приказ Крючкова арестовать Ельцина, но он его не выполнил. В дальнейшем вообще многие военные, так или иначе привлеченные к реализации военного переворота, утверждали, что они саботировали приказы путчистов.

На самом деле, как установило следствие, операцию по задержанию Ельцина отменил сам Крючков. Из книги Степанкова и Лисова «Кремлевский заговор»:

«...Начальник Группы «Альфа» (изготовившейся, напомним, для задержания российского президента в Архангельском. – **О.М.**) Виктор Карпухин доложил: «Архангельское забито отдыхающими. Светло, как днем. Наблюдается напряженное движение автотранспорта. Охрана дачи усилена. Активные действия нежелательны...»

Тут-то Крючков и скомандовал «Альфе»: «Отбой!»

Было это около пяти утра.

Итак, провалилась уже вторая попытка гэкачепистов арестовать Ельцина. Хотя Горбачеву, мы помним, они уже 18 августа сообщили, что Ельцин арестован, или будет вскоре арестован «в пути», то есть в пути из Казахстана, но вот в последний момент опять передумали. Струсили.

Они вообще оказались трусами, прав был Горбачев. Трясущиеся руки Янаева на знаменитой пресс-конференции – олицетворение этой трусости. Точнее, их храбрости хватило лишь на то, чтобы заварить кашу (тут Горбачев малость промахнулся в своих расчетах), а вот чтобы завершить дело, на это у них отваги уже не достало.

Окажись в их рядах хотя бы один решительный человек, может быть, даже и не в очень высоких чинах, какой-нибудь современный лейтенант Бонапарт, все могло бы обернуться по-другому.

Впрочем «Бонапарты» среди них были – взять хотя бы тандем из двух генералов-карателей, двух генералов-«ястребов», двух заместителей Язова – Варенникова и Ачалова. Эти рвались в бой, невзирая ни на какие преграды.

Ельцин сочувствует Горбачеву

Хотя утром 19 августа Ельцин оказался в тяжелейшем положении, на грани жизни и смерти, он вполне сознавал, что в не менее трагической ситуации пребывает и Горбачев. В своей книге «Записки президента» он описывает эту ситуацию так, как будто находится с ним рядом:

«В эти ночные часы Горбачёв лихорадочно пытался обдумать произошедшие перемены.

Находиться под домашним арестом, фактически в четырех стенах, не зная, что произойдет буквально в следующую минуту, было, конечно, очень тяжело. Просто невыносимо.

Чуть позже он решит записать на любительскую видеокамеру короткое заявление с выражением своей позиции по отношению к путчу. Видеокамеру Горбачёву оставили, как и коротковолновый радиоприёмник. Вероятно, в тот момент, когда я подъезжал к Архангельскому (по прилете из Алма-Аты. – О.М.), Горбачёв отчаянно крутил ручки приёмника, перескакивая с волны на волну, пытаясь что-то поймать, хоть какие-то новости. Но новостей о путче не было. Пока. А Горбачёву необходимо было срочно сопоставить то, что ему сказали путчисты, с официальной информацией. Но будет ли она? Может быть, это вообще какая-то провокация? Самое страшное – это то, что произошла полная консолидация армии, КГБ, милиции. Издавна эти силы являлись самыми грозными, самыми влиятельными в СССР. Над ними всегда был только один контролёр – коммунистическая партия. Сейчас она уже не контролировала ситуацию, она просто участвовала в путче.

Думаю, что для Горбачёва эти часы были самыми страшными. Потому что это были часы полной неизвестности. Полной непредсказуемости...»

Очень трогательно выглядит это сочувствие Ельцина Горбачеву, сопереживание с ним... Вроде бы два непримиримых политических противника. Но вот жизнь заставила их объединиться, занять места плечом к плечу, локтем к локтю, в одном ряду обороны против путчистов.

Хотя позднее, получив больше информации, Ельцин станет несколько иначе оценивать место и роль Горбачева в августовских событиях.

К путчу подвел сам Горбачев

Да уже и тогда, сочувствуя Горбачеву, Ельцин вместе с тем считает, что к путчу подвел сам Горбачев, его непоследовательная и самоубийственная политика. В результате этой политики Горбачев фактически оказался в изоляции еще до того, как его изолировали в Форосе. И путчисты прекрасно это понимали:

«Путч... – пишет Ельцин, – готовился довольно нагло и спокойно. Путч, участники которого почти не боялись ответной реакции, чувствуя под ногами вполне твёрдую почву... В борьбе с КГБ Горбачёву, как считал Крючков, совершенно не на кого опереться. Генеральный секретарь, а теперь и Президент Советского Союза (правда, избранный каким-то странным путём) завис в невесомости.

Представить эту теорию в общих чертах можно так. Горбачёв уже давно не являлся лидером процесса реформ. Его уступки демократам в ходе ново-огаревских переговоров были вынужденными и в некотором смысле тактическими...

Все многочисленные митинги, которые зимой и весной 91-го будоражили Москву (и в каком-то смысле стимулировали Президента СССР на новые идеи и действия), были, в общем-то, «антигорбачевскими».

С другой стороны, Горбачёв не мог опереться и на парламент, который когда-то был ему послушен. Верховный Совет целиком контролировался Лукьяновым.

Противодействие со стороны депутатов и экономической реформе, и новому Союзному договору, и вообще горбачевской «перестройке» не вызывало сомнений. Этот парламент в большинстве своём представлял бывшую советскую номенклатурную элиту, недовольную «перестройкой».

Огромное раздражение назрело и в армии. Причин было масса: конверсия, свёртывание оборонной промышленности, изменение стратегической концепции, уступки Западу в области вооружений, абсолютно неподготовленная передислокация войск из Восточной Германии, вынужденное участие в международных конфликтах, которые подвергали угрозе жизнь и здоровье военнослужащих и их семей.

Наконец, дала трещину и основная опора горбачевской власти – исполнительная вертикаль. Новый премьер Павлов за период с апреля по июнь очень резко обозначил независимость своей позиции, «особое мнение» по многим экономическим и политическим вопросам, противодействие общему курсу горбачевской администрации. Это дало мощный и совершенно неожиданный резонанс. Для того, чтобы «окоротить» зарвавшегося Павлова, у Горбачёва, как вдруг выяснилось, не было никаких средств и возможностей. Не было «верхней структуры», которая бы согласованно принимала жёсткие решения под влиянием Президента. Политбюро было, по сути, легально отстранено от власти. Президентский совет, после ухода оттуда Шеварднадзе, Бакатина, Яковлева, перестал быть тем органом, на который можно было опереться. Компартия раскололась на левых, правых и центристов и была очень недовольна своим официальным лидером.

Горбачёв оказался в одиночестве.

Крючков внимательно изучал ситуацию, сложившуюся вокруг главного «прораба перестройки». Метания Горбачёва между разными политическими силами дорого стоили первому и последнему Президенту СССР.

По агентурным данным, Горбачёв потерял доверие широких слоёв населения и начал терять авторитет у главных западных политиков. В справке КГБ, представленной Крючкову, говорилось, что «...в ближайшем окружении Дж. Буша полагают, что М.С.

Горбачёв практически исчерпал свои возможности как лидер такой страны, как СССР... В администрации Буша и правительствах других западных стран пытаются определить возможную кандидатуру на замену Горбачёва»...

Дело не в том, насколько это сообщение КГБ соответствовало действительности, важно, что Крючков явно опирался на эти данные, строя тактику заговора. Тактику не чисто военного переворота, а фактически легальной, административной трансформации в верхних эшелонах власти – замены «всем надоевшего» Горбачёва».

Горбачев знал о заговоре?

Как не раз уже говорилось, у многих тогда возникли подозрения – они сохранились и позже, сохраняются до сих пор, – что Горбачев каким-то образом был связан с ГКЧП: может быть, и не участвовал в заговоре, но особо и не препятствовал ему, знал о нем, и при этом не принял меры, чтобы его не допустить, выжидал, чем окончится дело. Сами гэкачеписты, впрочем довольно невнятно, потом утверждали, что действовали с благословения президента. Болдин, например, в своей книге «Крушение пьедестала» пишет, что в своих действиях он и его подельники исходили из того, что в прошлом, начиная с января 1981 года, Горбачев не однажды заводил разговор о необходимости ввести в стране чрезвычайное положение, давал разным сотрудникам поручения разработать соответствующий план.

Вот только вопрос: если была такая уверенность, что Горбачев примет их план, зачем отключать у него ВСЕ телефоны, зачем врываться к нему без предупреждения в сопровождении вооруженных людей, зачем объявлять его тяжело больным, не способным управлять страной?

Объяснение тут может быть одно: НЕКОТОРАЯ НАДЕЖДА, ЧТО ГОРБАЧЕВ ПРИМКНЕТ К НИМ ИЛИ ХОТЯ БЫ ПРОСТО ОБЪЯВИТ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ

ПОЛОЖЕНИЕ, БЫЛА, НО ВОТ УВЕРЕННОСТИ В ЭТОМ НЕ БЫЛО.

А раз уверенности не было, следовало готовиться и к другому сценарию – без Горбачева, изолировав его в Форосе, как-то объяснив эту изоляцию народу (объяснили – он, мол, «тяжело заболел»).

Подозрения насчет роли Горбачева, видимо, сразу возникли и у Ельцина. В «Записках президента» он пишет, что когда он услышал утром 19 августа вместе с передававшимися документами ГКЧП заявление Лукьянова по поводу нового Союзного договора (дескать, этот договор во многом противоречит Конституции), ему представились два возможных варианта, как этот человек, близкий друг и соратник Горбачева, мог оказаться в этой компании:

«Первый вариант – Лукьянов предал своего друга и шефа. Второй, более сложный, но который тоже надо просчитывать: Горбачёв знает обо всей ситуации, это подготовленный им сценарий – грязные руки расчистят ему путь, он сможет вернуться в новую страну, находящуюся в режиме чрезвычайного положения. И потом можно будет разобраться и с демократами, и с российским руководством, и с «обнаглевшими» прибалтийскими странами, и с остальными союзными республиками, последнее время поднимающими голову. Можно будет решить все вопросы. Мы – российское руководство – призываем к гражданскому неповиновению, акциям протеста. Вот-вот вокруг Белого дома построят баррикады, неизбежны столкновения. А тут появляется Горбачёв, руками Янаева и Лукьянова торпедировавший Союзный договор...»

Еще одно, не очень лестное для Горбачева ельцинское рассуждение, касающееся темы «ГКЧП и Горбачев»:

«Путч провалился тогда, когда в Крым к Горбачёву послали изначально слабую делегацию. Руководителей такого уровня, как Бакланов, Шенин и Варенников, Горбачёв, по определению, испугаться не мог».

Стало быть, согласно этой логике, если бы к Горбачеву в Форос приехал кто-то другой, Горбачев мог бы их и испугаться? А кто бы его мог напугать? Крючков? Язов? Тот же Лукьянов? Янаев? Павлов?.. Что-то не видно таких уж очень страшных для Горбачева фигур.

В целом у Ельцина проскальзывает двойственность при разговоре на тему «Горбачев и путч». С одной стороны, он подозревает, что Горбачев каким-то образом мог быть причастен к путчу, по крайней мере, мог знать о его подготовке и не воспрепятствовал ему, с другой, – как мы видели, сочувствует Горбачеву, запертому в Форосе и высоко оценивает его роль в срыве переворота (не только, мол, его, Ельцина, тут заслуга): «Очень многое зависело от поведения Горбачёва и от реакции путчистов на поведение Горбачёва. Сломай они его, прибегни к насилию – и цепная реакция докатилась бы до Москвы. А оттуда – по всему Союзу».

Но Горбачев «не сломался».

Все же в дальнейшем, особенно после выхода воспоминаний участников событий, в частности воспоминаний Болдина, Ельцин, по-видимому, все больше стал склоняться к убеждению, что Горбачев знал или, по крайней мере, догадывался о подготовке путча, что у него на этот случай были свои расчеты.

Алиби Горбачева ?

Мощный отпор предположению, что Горбачев мог быть каким-то образом причастен к заговору, дает в своих воспоминаниях Анатолий Черняев, один из самых близких в ту пору к Горбачеву людей:

«Мне... противно наблюдать эти трусливые, корыстные, подлые умственные упражнения и пробы пера на Горбачеве. Я видел его на близком расстоянии, и упрятывать с такой дистанции каждый день подлинные мотивы и намерения, мысли и переживания было бы невозможно, да передо мной-то ему это было и не нужно».

Тут помощник Горбачева, видимо, забыл, какова была ситуация в Кремле во время январских, вильнюсских событий: тогда ведь и сам Анатолий Сергеевич, и другие близкие сотрудники Горбачева тоже «видели его на близком расстоянии», но вот как-то он сумел «упрятать» от них свои «подлинные мотивы и намерения, мысли и переживания».

Есть еще и самый простой, «бытовой» аргумент против версии о причастности Горбачева к путчу. Во время заточения в Форосе едва ли не больше всех переживала по поводу происходящего супруга Горбачева Раиса Максимовна. В результате этих переживаний у нее случился микроинсульт, отнялись рука, половина лица. Если бы Горбачев был связан с заговорщиками, что бы, кажется, ему стоило, плюнув на всякую конспирацию, сказать: «Рая, да не переживай ты так! Все будет нормально. Это все «понарошке», не по-настоящему. Это просто спектакль». Что-нибудь в этом роде. Жену он горячо любил.

Но ничего такого Горбачев не сказал, не успокоил супругу. Он и сам переживал и тревожился. Особенно когда гэкачеписты объявили, что президент тяжело болен и не в состоянии управлять страной. Горбачев прекрасно знал, что при современном уровне гэбэшной «медицины» заговорщикам ничего не стоит сделать так, чтобы он действительно «заболел», очень тяжело «заболел».

В общем, такие вот соображения. Они отвергают подозрения, что Горбачев как-то более или менее АКТИВНО участвовал в путче, но вот, что он вполне мог догадываться о его подготовке и при этом ПАССИВНО наблюдать за ней, не принимать никаких мер противодействия, более того, связывать с путчем какие-то свои тайные, одному ему известные планы, – такой возможности они не опровергают.

Лидеры республик поджали хвост

Как бы то ни было, свои подозрения, касающиеся возможного двуличия Горбачева, Ельцин не утаил в себе, – уже приехав из Архангельского в Белый дом, позвонил по этому поводу «руководителям крупных республик, которые участвовали в создании нового Союзного договора». Да и вообще хотел узнать, как относятся к происходящему перевороту другие республиканские лидеры.

По его словам, правительственная связь в Белом доме была отключена, однако единственный телефон, ельцинского первого помощника Илюшина, опять-таки по недосмотру заговорщиков, оказался не отключенным – работал...

По этому, случайно не отключенному, телефону Ельцин и связался с руководителями нескольких крупных республик. Что поразило Ельцина, – его собеседники на другом конце провода разговаривали «крайне сдержанно». Они, мол, конечно, тоже хотели бы знать, какова истинная роль Горбачёва, но не торопились высказывать свое мнение. Главным их желанием было – «дистанцироваться от московских событий, сохранить хотя бы внешний, формальный суверенитет, сохранить, грубо говоря, власть, выступить в диалоге с ГКЧП как равноправный партнёр». Как они полагали, им лучше занимать нейтральную позицию, – тогда им, возможно, «будут оставлены какие-то властные полномочия; по крайней мере, они сохранят кабинеты и привилегии».

«Это была чисто аппаратная, а не политическая логика, – пишет Ельцин. – С

привкусом хитрой, но легко читаемой дипломатии. Как они не понимали – Анатолий Лукьянов публично высказался против Союзного договора, и если сессия Верховного Совета придаст законную силу действиям ГКЧП [а в этом, похоже, они (гэкачеписты. –

О.М.) не сомневались], тогда путч за какую-то неделю перерастёт в необратимое, глобальное событие, которое заставит покачнуться весь мир, не говоря уж о союзных республиках. В Киев, Алма-Ату, Ташкент и другие столицы республик будут введены войска, уже там, на местах, состоятся маленькие, местного масштаба путчики, с танками и бронетранспортёрами, и местные ГКЧП, послушные Центру, возьмут власть в свои руки.

Неужели они не видели подобного развития ситуации?»

В общем, в тот момент Ельцин оказался один на один со своими мыслями и подозрениями, касающимися Горбачева, и один на один – с ГКЧП.

Мне возразят: ну как же один на один – а народ, толпы людей, которые вышли на улицы, ложились под танки, бросились на охрану Белого дома?

Так было в Москве, в еще нескольких крупных городах. Страна же в целом, провинция... С ее стороны особого настроения против ГКЧП не чувствовалось.

«В одном из своих документов (в том самом обращении «К гражданам России». – О.М.), – пишет Ельцин, – мы призывали к политической забастовке и акциям гражданского неповиновения. К середине дня стало ясно, что забастовку готовы объявить три шахты Кузбасса, где были сильные профсоюзные лидеры, и, возможно, несколько предприятий Москвы. Основная масса населения пока выжидала.

Сильной стороной путча было сохранившееся от старой системы жёсткое вертикальное подчинение, которое пронизывало железными нитями всю страну (в скобках замечу: ее нынешний аналог – путинская «вертикаль власти». – О.М.) Союзные структуры мощно работали на ГКЧП – звонили правительственные телефоны, шли шифротелеграммы, передавались инструкции, прокатилась волна собраний советской «общественности» в поддержку ГКЧП в институтах, конторах, на заводах и так далее. Не все было так гладко, как бы им хотелось, где-то раздавались протесты. И, тем не менее, если брать в целом, старые структуры их не подвели и на этот раз. По звонку из Москвы во всех городах страны создавались чрезвычайные органы из партийных руководителей, военных, хозяйственников. На местах появлялись микромоделли ГКЧП районного и городского масштаба. Все делалось привычно и провинциально неторопливо».

Единственным серьезным центром сопротивления заговорщикам оставался Дом российского правительства на Краснопресненской набережной.

Ельцин на танке

Штаб сопротивления путчистам заседает в этом самом Доме российского правительства, по-другому – в Белом доме.

Ельцин:

«Мы были вместе – Руцкой, Бурбулис, Силаев, Хасбулатов, Шахрай, другие руководители России. Обсуждаем ситуацию...

А за окном стоял танк. Абсурдный и в то же время такой реальный. Я еще раз посмотрел в окно. Бронемашину окружила толпа людей. Водитель высунулся из люка. Ведь не боятся люди подходить, да что там подходить, – бросаться под эти танки...

Как удар, как внутренний рывок, ощутил: я должен быть сейчас там, рядом с ними.

Подготовка к несложной операции заняла немного времени. Охрана выскочила на улицу. Я решительно спускаюсь вниз, к людям. Взобрался на броню, выпрямился. Может быть, в этот момент почувствовал, что мы выиграем, мы не можем проиграть. Ощущение полной ясности, абсолютного единения с людьми, стоящими вокруг меня. Их много, стоит

свист, крики. Много журналистов, телеоператоров, фоторепортеров. Я беру в руки лист с обращением. Крики смолкают, и я читаю, громко, голос почти срывается... Потом переговорил с командиром танка, с солдатами. По лицам, по глазам увидел: не будут в нас стрелять. Спрыгнул с танка и через несколько минут опять оказался в своем кабинете. Но я уже был совсем другим человеком.

Этот импровизированный митинг не был пропагандистским трюком. После выхода к людям я испытал прилив энергии, громадное внутреннее облечение».

Может быть, когда-нибудь, когда у российских властей изменится отношение к Ельцину, когда официально будет признано, что Ельцин – великий человек, возглавивший Великую либерально-демократическую (или, по-другому, – антикоммунистическую) революцию в России девяностых годов (это были не «лихие», а великие революционные девяностые!), в Москве соорудят памятник: Ельцин на танке, выступает с пламенной речью.

Хотя вряд ли: Ельцин на танке – тут же возникает аналогия: Ленин на броневике. Довольно комичная аналогия. Впрочем, если разобраться... Если стоит памятник вождю варварской, разрушительной революции, погубившей Россию, почему бы не поставить монумент вождю революции созидательной, открывшей путь к возрождению страны?

Горбачев: «Ельцин им не дастся»

Как выяснилось в те часы, когда Ельцин сочувственно думал о трагическом положении Горбачева (хотя к этим мыслям прибавлялись некоторые подозрения и недоумения относительно возможных связей крымского узника с ГКЧП), единственной надеждой и для Горбачева был Ельцин. 19-го утром Анатолий Черняев зашел к своему шефу на даче в Форосе.

Черняев:

«Он (Горбачев. – **О.М.**) лежал на постели и делал пометки в блокноте. Я присел рядом и стал ругаться (по поводу ГКЧП, естественно. – **О.М.**) Он смотрел на меня печально. Сказал: «Да, это может кончиться очень плохо. Но, ты знаешь, в данном случае я верю Ельцину. Он им не дастся, не уступит... Когда я их вчера спросил, где Ельцин, один ответил, что «уже арестован», другой поправил: «Будет арестован».

Это признание Горбачева, сделанное в самый критический, возможно, в самый безнадежный, момент, дорогого стоит: «В данном случае я верю Ельцину. Он им не дастся, не уступит».

За все полторы тысячи дней (столько насчитали) их, Горбачева и Ельцина, политического противостояния Горбачев направил немало обвинительных стрел в сторону Ельцина (как и тот – в сторону Горбачева), но вот в критический, решающий момент он все же высказывает слова доверия ему. Ельцин оставался единственной надеждой не только для президента рассыпающейся страны, но и для всего ее народа (во всяком случае, для той его части, которая осознавала, что в реальности происходит). Правда, замечу, что в первой публикации этого фрагмента из дневника Анатолия Черняева («Известия», 30 сентября 1991 года) эти слова Горбачева – «...Я верю Ельцину. Он им не дастся, не уступит» – почему-то отсутствуют. Почему? Возможно, их попросил убрать сам Горбачев (наверняка Черняев давал ему прочесть текст перед публикацией). В тот момент отношения между Горбачевым и Ельциным снова накалились, и Горбачев посчитал неуместным делать реверансы в сторону своего вечного оппонента. В дальнейшем, когда проблема отношений двух лидеров потеряла свою актуальность, автор восстановил эти необычайно важные слова. Таково мое предположение.

Тут, может быть, стоит привести еще один фрагмент из черняевского дневника, ярко показывающий, в условиях какого жесткого «контроля» находились Горбачев и его сотрудники в Форосе. В какой-то момент, после многих часов, проведенных в душных помещениях, Черняев и несколько женщин-сотрудниц решили спуститься к морю

искупаться. Все подходы к воде были перекрыты, но вроде бы остался один, правда, почти непролазный:

«Пошли. Первый часовой очень подозрительно посмотрел. Не остановил, но тут же сообщил по радиции: Черняев куда-то пошел... Дошли до тропки, резко вниз по самодельным ступенькам... Спуск – метров 100. На половине – Ольга мне: оглянитесь! Я оглянулся. За нами шел человек. Спустились к воде. Между больших валунов можно пробраться в воду... Ногу сломать – чтобы добраться до глубины и поплыть. Сделал несколько махов, перевернулся на спину. Мужик, который шел за нами, звонил по телефону. Лариса потом сказала, что он произнес: «Черняев здесь. Сижу»... Справа пограничная вышка. Два солдата направили на нас все трубы и бинокли. Перед нами катер и глиссер... Завели моторы. Метрах в ста маячит фрегат. Зачем тогда мужик-охранник?.. Ясно: чтоб знали – вы собой не распоряжаетесь, за вами везде следят, вы полузэки... Психическое давление. Через полчаса вылезли. Он «смотрит в сторону»... Пошли вверх. Слышим: он по телефону – «Черняев поднимается».

И еще один фрагмент – несколько похвальных слов о личной охране Горбачева. Как уже говорилось, все тридцать два человека остались верны президенту. Предателем оказался только их начальник генерал Медведев. Из дневника Черняева:

«...Эти ребята показали себя настоящими рыцарями. Их начальники, Плеханов и Медведев, предали и их, изменили Президенту. А они не дрогнули. День и ночь, сменяясь, спокойные, напряженные, сильные ребята, с пистолетами и мини-рациями, часть вооружились автоматами... во всех «жизненных» пунктах вокруг дачи, иногда незаметные за кустами. Они были готовы стоять насмерть: и по службе, по долгу, но главным образом – по человечески, по благородству духа».

Спрашивается, почему Плеханов с Генераловым не заменили личную охрану Горбачева солдафонами, которых привезли из Москвы? Видимо, – из опасения, что так просто сотрудники личной охраны не позволят себя заменить. Уж Медведев-то о настроениях среди своих подчиненных был достаточно хорошо осведомлен. Будет бой, будет стрельба. А этого заговорщикам совсем не требовалось. Так что привезенные солдафоны были поставлены осуществлять общую охрану внутри «объекта», а непосредственно президента продолжала оберегать его штатная охрана, эти самые крепкие духом «ребята».

Создается «правительство в изгнании»

Как будут развиваться события по-прежнему неясно. Да, все больше ощущается, что путчисты в растерянности, но... Возможны всякие варианты. Если допустить худший... Ельцин:

«В середине дня (19 августа. – **О.М.**) было решено создать правительство в изгнании, если падёт Белый дом. Для этого на следующее утро Андрей Козырев вылетел в Париж, так как по международным правилам министр иностранных дел может провозгласить правительство в изгнании без получения на то особых полномочий. Группу во главе с Олегом Лобовым (в то время – первый вице-премьер правительства РСФСР. – **О.М.**) мы отправили в Свердловск для руководства демократическим сопротивлением в России в случае ареста российских руководителей и победы путча в Москве».

Пресс-конференция гэкачепистов

Вечером 19 августа состоялась «знаменитая» пресс-конференция гэкачепистов. Была она довольно нелепой. О трясущихся руках «и.о. президента» Янаева не написал только ленивый. Путчисты пытались доказать, что их действия вполне законны. Из выступления

Янаева:

«Я хотел бы сегодня заявить о том, что Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР полностью отдаёт себе отчёт в глубине поразившего страну кризиса. Он принимает на себя ответственность за судьбу Родины и преисполнен решимости принять самые серьёзные меры по скорейшему выводу государства и общества из кризиса... В таком режиме, дамы и господа, в каком работал президент Горбачёв все эти последние шесть лет... естественно, и организм изнашивается немножко. Я надеюсь, что мой друг президент Горбачёв будет в строю, и мы будем ещё вместе работать».

Потрясающая логика! «Его друг» Горбачев подорвал на перестройке свое здоровье – точнее, «немножко поизносил свой организм», и поэтому надо вводить в Москву танки.

Было видно, что в головах у путчиков полная сумятица (впрочем, чего и ожидать после ночи, проведенной в беспробудном пьянстве)... Но и с сумятицей в голове они могут многое натворить. Более того, неадекватный преступник бывает вдвойне опасен. Кстати, на пресс-конференции не было Павлова. Степанков и Лисов так описывают его последнее появление на публике:

«К обеду (19 августа. – **О.М.**) врач с большим трудом привел его в чувство (после пьянки. – **О.М.**), и он явился на заседание ГКЧП. Его намеревались послать на пресс-конференцию, но он отказался, сказав, что ему надо встретиться с министрами. Никто не настаивал: разве можно в таком виде на люди?»

Трудно пересказать то заседание Кабинета министров. Павлов постоянно терял канву разговора, перескакивал с одного на другое.

Присутствовавшие так и не поняли, с какой целью их собирали. Большинство решило: чтобы выяснить отношение к созданию ГКЧП. Павлов почти каждого строго спрашивал: «Ты – за?»...

Это был последний выход Павлова «в свет». После заседания Кабинета министров он уехал на дачу и более оттуда не показывался. Дальнейшему участию премьер-министра в заговоре помешал тяжелый запой...».

Генерал Лебедь приходит на разведку в Белый дом

Вечер 19 августа. Ельцин:

«Мне доложили, что в Белом доме появился генерал Александр Лебедь. С ним провели предварительные переговоры Руцкой, Скоков, Коржаков. Познакомился с ним и я...

Грачев прислал его прощупать обстановку. В то время, как в Москву по приказу Язова прибывали все новые и новые части, надо было определиться и понять: что в конце концов происходит вокруг Белого дома?»

Лебедь пытался объяснить нашим людям, что достаточно выпустить по Белому дому несколько ракетных снарядов ПТУРС (противотанковых управляемых ракетных снарядов. – **О.М.**) – и ни о какой защите Белого дома серьёзно говорить не придётся.

Генерал объявил, что восемь БТРов, которые стоят сейчас вокруг Белого дома, будут участвовать в его обороне (откуда взялись эти БТРы, не ясно; говорилось о шести танках майора Евдокимова, перешедших на защиту Белого дома. – **О.М.**) Руцкой и Кобец начали спорить, как лучше расположить боевые машины. Спор ни к чему не привёл. Лебедь ещё раз убедился, что имеет дело с дилетантами, и вряд ли они смогут противостоять даже небольшому профессиональному воинскому подразделению. Между тем в Москве и под Москвой таких подразделений были уже десятки».

Странно, что Лебеда вообще пустили в Белый дом. Как позже выяснилось, гэкачеписты отводили ему одну из главных ролей в штурме Белого дома.

«Десантники под руководством генерала Лебеда, – говорилось в этом плане, – взаимодействуя с мотострелковой дивизией особого назначения (дивизия имени

Дзержинского. – **О.М.**)... блокируют здание Верховного Совета со стороны посольства США и Краснопресненской набережной, взяв Белый дом в кольцо и перекрыв тем самым к нему доступ. ОМОН... и десантники вклиниваются в массу защитников, оставляя за собой проход, по которому к Белому дому продвигается «Альфа»...» И т.д. Другое дело, что у Лебеда, как и у Грачева, как у многих других офицеров и генералов, было двойственное отношение к ГКЧП, и в решающий момент они отказались выполнять его приказы. Но все равно – пускать в Белый дом одного из главных своих противников (что действительно у него на уме, – неизвестно)... В этом тоже проявился дилетантизм людей, ведавших обороной Белого дома.

Генерал-«ястреб» требует немедленно ликвидировать Ельцина

Время шло, но никаких решительных действий ГКЧП не предпринимал. Это буквально бесило генерала-«ястреба» Варенникова, который в тот момент оказался в Киеве. Там поднимал мятеж. В 20-58 он направил в Москву шифrogramму для немедленной передачи ГКЧП:

«Оценивая первые сутки, пришел к выводу, что большинство исполнительных структур действуют крайне нерешительно и неорганизованно. Правоохранительные органы вообще не выполнили никаких задач. Это чревато тяжелыми итогами.

Совершенно необъяснимо бездействие в отношении деструктивных сил, хотя накануне все было оговорено. На местах мы не можем ничем объяснить гражданским руководителям и военнослужащим причины аморфного состояния в Москве. Идеалистические рассуждения о «демократии» и о «законности действий» могут привести к краху с вытекающими тяжелыми последствиями лично для каждого члена ГКЧП и лиц, активно их поддерживающих. Но самое главное даже не в том, что каждого ждет тяжелая участь (лишение жизни и презрение народа), а максимальное дальнейшее ухудшение событий для страны. Реально государство будет ввергнуто в катастрофу. Мы не можем это допустить!..

Мы все **УБЕДИТЕЛЬНО ПРОСИМ НЕМЕДЛЕННО ПРИНЯТЬ МЕРЫ К ЛИКВИДАЦИИ ГРУППЫ АВАНТЮРИСТА ЕЛЬЦИНА Б.Н.** (выделено мной. – **О.М.**) Здание правительства РСФСР необходимо немедленно надежно блокировать, лишить его водоисточников, электроэнергии, телефонной и радиосвязи и т.д...

Нерешительность и полумеры только подтолкнут экстремистов и псевдодемократов к еще более жестким и решительным действиям».

Подпись: главнокомандующий сухопутными войсками генерал армии Варенников.

Без сомнения, если бы этот «ястреб» с генеральскими погонами не был бы в путче на вторых ролях, а возглавил бы его, все пошло бы по-другому.

Ночное заявление Горбачева

Ночью 20 августа зять Горбачева Анатолий Вирганский на любительскую камеру записал заявление президента:

«То, что я хочу сейчас сказать перед телекамерой, я хочу, чтобы все это стало известно народным депутатам СССР, Верховному Совету СССР, советской и мировой общественности. После прослушанной пресс-конференции Янаева и других членов так называемого комитета по чрезвычайному положению я понял, что общественность страны, мировая общественность введены в заблуждение.

По сути дела, происходит обман с тяжелыми последствиями. Вице-президент, ссылаясь на плохое состояние здоровья и невозможность ввиду того исполнения обязанностей Президентом, взял на себя исполнение обязанностей, его обязанностей – Президента

СССР...

Я заявляю, что все, что касается состояния моего здоровья, – это обман. Таким образом, на обмане совершен антиконституционный переворот. Законный Президент страны отстранен от исполнения своих обязанностей. Более того, дача в Крыму, где я нахожусь на отдыхе и откуда я должен был вылететь сегодня на подписание договора... окружена войсками, и я нахожусь под арестом. Я лишен правительственной связи, самолет, который здесь находился со мной, и вертолеты также отосланы, не знаю – в какое место и где они находятся. Я лишен всякой связи, контактов с внешним миром. Я – под арестом, и никто не выпускается за территорию дачи. С моря и с суши я окружен войсками.

Я не знаю, удастся ли мне ее (видеозапись заявления. – **О.М.**) переправить, но я постараюсь сделать все, чтобы эта пленка, как говорится, дошла на волю...

Самое опасное, что то, что делает сейчас комитет по чрезвычайному положению, может привести к эскалации гражданского противостояния, противостояния, а может быть – и к гражданской войне...»

Конечно, заявление несколько косноязычное, не чувствуется редакторской руки президентских спичрайтеров – Черняева, Шахназарова... Ну так подумаем, и при каких обстоятельствах оно делалось. Тут не до аккуратного слога.

Сделали четыре дубля этого заявления, извлекли пленку, разрезали на четыре части, каждую часть отдельно упаковали и стали думать, как передать их в Москву...

Опять возникает вопрос: было ли это заявление искренним или делалось так, на всякий случай, чтобы обеспечить Горбачеву дополнительное алиби?

Ельцин принимает на себя роль верховного главнокомандующего

20 августа, на второй день путча, Ельцин вновь обратился к россиянам с призывом не подчиняться решениям ГКЧП – «горстки политических авантюристов». Правда, появился он, этот призыв, если не ошибаюсь, лишь 21-го в «Общей газете», которую стали выпускать журналисты нескольких запрещенных изданий. Газета опять-таки выходила в виде листовок, отпечатанных на принтере и размноженных на ксероксе. Потом, уже после снятия запретов ГКЧП, обращение перепечатали другие газеты.

Среди прочего, в обращении Ельцина говорилось о том, что, в соответствии с указом российского президента, все структуры союзной исполнительной власти теперь должны подчиняться ему, российскому президенту:

«Указом Президента РСФСР... все органы исполнительной власти Союза ССР, включая КГБ СССР, МВД СССР, Министерство обороны СССР, действующие на территории Российской Федерации, переходят в непосредственное подчинение избранного народом Президента РСФСР...»

Таким образом, Ельцин принимал на себя функции верховного главнокомандующего всеми Вооруженными Силами, находящимися на территории России. Сделать это ему накануне, 19 августа, посоветовал генерал Лебедь: в таком случае солдатам и офицерам будет легче выполнять его, Ельцина, приказы – у них не будет ощущения, что они нарушают присягу.

В новом документе Ельцин обращал внимание на то, что гэкачеписты одной из своих главных задач поставили – изолировать Россию от других республик: именно Россия – «главная мишень заговорщиков», «кирзовый сапог диктатуры» занесен именно над Россией, ибо она главный оплот демократических преобразований. Другим же республикам – Украине, Казахстану, Узбекистану, Армении – путчисты обещают « послабления » в период введенного ими чрезвычайного положения.

И снова – о Союзном договоре. Не случайно, говорилось в обращении, что переворот совершен 19 августа – в последний день перед подписанием нового Союзного договора.

Договора, который «несмотря на все компромиссы, должен был положить конец всевластию КПСС и военно-промышленного комплекса».

«Слушаю выступления организаторов путча и поражаюсь: какова степень морального падения! Вчера клеймили руководство России якобы за нежелание подписывать Союзный договор, а сегодня убеждают народ в том, что наше стремление его подписать едва ли не направлено против обновленного Союза...»

В действительности, конечно, именно перспектива подписания нового Союзного договора страшила путчистов более всего. Это был их главный страх, подвигнувший их к действиям. 12 сентября «Московский комсомолец» опубликовал захваченные в здании ЦК КПСС секретные документы, где так прямо и было написано: «Именно содержание Союзного договора вынудило на экстраординарные меры».

Штурм назначен на три часа ночи

По всему было видно, что военным – по крайней мере, многим из них, – жутко не хочется, подчиняясь приказам ГКЧП, идти на штурм Белого дома. Но... что делать? До поры, до времени приходилось подчиняться.

Подготовка к захвату Белого дома началась 20 августа в девять утра. Свидетельствует первый зам председателя КГБ Агеев (Степанков и Лисов, «Кремлевский заговор»):

«– Утром Крючков по телефону поручил мне связаться с заместителем министра обороны Ачаловым (это, напомним, еще один «ястреб», «брат-близнец» Варенникова. – **О.М.**) для разработки операции по блокированию Белого дома. Он назвал место, куда будет отправлен арестованный Ельцин. Это было все то же «Завидово»...»

На утреннем совещании у Агеева операция по захвату Белого дома была разработана «вчерне». В середине дня состоялось второе совещание, на этот раз у этого самого Ачалова. Здесь были командующий ВДВ Павел Грачев, «национальный герой», бывший командующий советскими войсками в Афганистане, а теперь замминистра внутренних дел СССР Борис Громов, уже упоминавшийся Гений Агеев (хорошее имя дали сыну папа с мамой; всю жизнь, видимо, приходилось оправдывать), командир Группы «Альфа» Виктор Карпухин, командир группы «В» Борис Бесков (эта группа, входившая тогда в структуру Первого главного управления КГБ СССР – внешнюю разведку, сейчас известна как «Вымпел»)..

Степанков и Лисов, «Кремлевский заговор»:

«У Ачалова собрались профессионалы. План, составленный ими, был безукоризнен. Он предусматривал согласованные, синхронные действия трех ведомств: армии, КГБ и МВД».

Общие контуры плана были таковы (о некоторых его деталях уже говорилось). Десантники Лебеда, взаимодействуя с дивизией Дзержинского, блокируют Белый дом со стороны американского посольства и Краснопресненской набережной. Берут здание в кольцо, перекрывают к нему доступ.

«Изюминкой операции, – пишут Степанков и Лисов, – было предложение Громова наступать на здание Верховного Совета России «клином». ОМОН... и десантники вклиниваются в массу защитников, оставляя за собой проход, по которому к Белому дому продвигалась «Альфа», за ней – группа «В» («Вымпел»), а потом и – «Волна», подразделение КГБ Москвы и Московской области...»

Роли всех участников операции были четко расписаны.

«Альфа» гранатометами вышибает двери, пробивается на пятый этаж, к кабинету Ельцина и захватывает президента России.

«В» подавляет очаги сопротивления.

«Волна», разбитая на «десятки», совместно с другими силами Управления КГБ Москвы и Московской области, осуществляет «фильтрацию»: выяснение личности и задержание подлежащих аресту, в числе которых – руководство России (списки для ареста и

интернирования, как мы знаем, Крючков подготовил заранее. – **О.М.**)

Включенные в «десятки» фотографии запечатлевают ответный огонь защищающихся, чтобы можно было сказать, будто те начали стрельбу первыми.

Спецназ КГБ блокирует все 20 выходов из здания.

Проход в баррикадах проделывают специальные машины. Три танковые роты оглушают защитников пальбой из пушек (вот, оказывается, для чего пригнали в Москву 362 танка! – **О.М.**)

С воздуха атаку поддерживает эскадрилья боевых вертолетов...»

Действительно, замечательный план, профессионально составленный. И «изюминка» есть. Недавно перешедший в «сенаторы» (члены Совета Федерации) с поста губернатора Подмосковья генерал в отставке Громов, возможно, с гордостью ее вспоминает. В Афгане у него не получилось, в Подмосковье тоже не очень заладилось – достаточно вспомнить его министра финансов, который уволок за границу чуть ли не весь областной бюджет... А вот со штурмом Белого дома могло бы, наверное, получиться...

По признанию того же Громова, участники совещания «были настроены агрессивно, решительно, находясь в состоянии, близком к эйфории».

Некоторый диссонанс в это «эйфорическое» состояние внес было явившийся с опозданием генерал Лебедь. Как мы знаем, он ходил на разведку в Белый дом. По его словам, вокруг здания собралось очень много народа, сооружаются баррикады, значительных жертв не избежать. К тому же и в самом Белом доме много вооруженных людей.

Но Лебедя тут же осадил вернувшийся из Киева Варенников:

– Ты генерал и должен быть оптимистом. Нечего проявлять пессимизм!

В общем, было решено – штурмовать. Начало штурма – три часа ночи 21 августа. Сигнал – красная ракета. Операцию назвали – «Гром» (не в честь ли генерала Громова?)

В «Альфе» назревает бунт

Командиры разъехались по своим подразделениям, ставить перед подчиненными боевую задачу. Одна из главных ролей, как мы видели, отводилась группе «Альфа».

« – Говоря о предстоящем штурме, – рассказывает командир отделения Савельев, – он (командир «Альфы» Карпухин. – **О.М.**), бравируя, заявил, что задача не сложная. Здание Верховного Совета устроено по примитивному коридорному типу. По обе стороны коридора расположены кабинеты. Ориентироваться и действовать не трудно...

Как именно «ориентироваться и действовать», объясняет начальник другого отделения Гуменной:

« – Военные должны были обстрелять из гранатометов каждое окно со 2-го по 5-й этаж, после чего мы, ворвавшись в здание, провели бы «зачистку». «Зачистка» производится следующим образом: сотрудник открывает дверь помещения, бросает гранату и дает очередь из автомата...»

Что такое эта пресловутая «зачистка», вскоре хорошо узнают жители Чечни...

Потом был еще какой-то, уточненный, план, еще более свирепый:

« – По уточненному плану действий группа «Б» (Отдельный учебный центр КГБ) должна была «обработать» 1-й и 2-й этажи секретным оружием огромной разрушительной силы, – свидетельствует начальник отделения Группы «А» Леонид Гуменной. – После такой «обработки» оба этажа перестали бы существовать. А задача арестовать Ельцина, которую поставил Карпухин, была нереальной по той причине, что после «зачистки», произведенной нами, все, в том числе и президент России, были уничтожены...»

Но тут у гэкачепистов начались проблемы...

Идея штурма, по-видимому, уже на начальном этапе «забуксовала» из-за нежелания

участвовать в нем сотрудников как раз тех основных подразделений, которые, согласно плану, и должны были его осуществить.

О том, как назревал их протест, пишут Степанков и Лисов:

«Хотя приказ запрещал рассказывать о предстоящей операции рядовым сотрудникам (а «рядовые» сотрудники «Альфы» – это офицеры и прапорщики. – **О.М.**) Савельев собрал свое отделение, чтобы поговорить начистоту с теми, с кем предстояло идти в бой.

– Нас снова хотят замарать в крови, – ...сказал он... – каждый волен действовать, как подсказывает совесть. Лично я штурмовать Белый дом не буду...

(Говоря «нас снова хотят замарать в крови», Савельев, по-видимому, намекал на январский штурм вильнюсского телецентра, где «Альфа» сыграла главную роль. – **О.М.**)

Бунтарское настроение охватывало «Альфу».

На совещании, состоявшемся в 17 часов, заместитель начальника Группы Михаил Головатов (тот самый, из-за которого не так давно вышел громкий скандал между Австрией и Литвой. – **О.М.**) поинтересовался у прибывшего с очередной штабной планерки в «верхах» Карпухина, есть ли письменное разрешение на штурм Белого дома.

– Карпухин ответил, что есть приказ правительства, – свидетельствует начальник отделения Леонид Гуменной. – Он повторил это строго несколько раз. Но это не произвело должного эффекта. Мы стали возмущаться, называя штурм безумством. Карпухин закричал, что мы стали слишком много говорить, что там, возле здания Верховного Совета, молодежь, студенты, как он выразился, «сосунки», которых мы быстро раскидаем...

Закрывая дискуссию, Карпухин повелительно распорядился: «Провести рекогносцировку. Быть готовыми к выступлению».

Командиров отделений, отправившихся на эту самую «рекогносцировку», открывшаяся картина поразила. Никто не думал, что на защиту Белого дома придет столько народу. По разным источникам, к вечеру 20 августа возле здания находилось от пятидесяти до ста тысяч человек. Накануне, 19-го, когда я был там, людей было, конечно, значительно меньше.

Степанков и Лисов:

«Чтобы сокрушить защитников Белого дома, предстояло устроить невиданную кровавую бойню, перед которой померкли бы ужасы Тяньаньмэнь. Среди десятков тысяч людей, готовых стоять насмерть, были личности всемирно известные – Александр Яковлев, Эдуард Шеварднадзе, Мстислав Растропович...»

Общее число защитников, безоружных и вооруженных, наводило на мысль, что штурм, «несмотря на огромный перевес, обернулся бы значительными потерями и для наступающей стороны». Бравлада «мы их раскидаем» сменилась более трезвыми оценками: сама «Альфа» при штурме потеряет половину личного состава, погибнет каждый второй.

То, что видел своими глазами

Весь день 19-го я провел на улицах Москвы в толпе демонстрантов, вторую половину дня – непосредственно возле Белого дома. Подробно этот день описал в книге «Так кто же развалил Союз?», повторяться не буду. Всю ночь, с 19-го на 20-е, примерно до половины пятого утра слушал «Свободу». Под конец она уже стала просто повторять более ранние выпуски новостей.

Пик напряжения пришелся на два три ночи, когда казалось, что штурм вот-вот все-таки начнется или уже начался (достоверной информации, когда планируется штурм, ни у кого ведь не было).

К утру напряжение, слава Богу, спало. Поднявшись, поехал на митинг к Белому дому.

На павильоне метро «Краснопресненская», у входа транспарант: «На стороне Ельцина 10 танков и Рязанский полк ВДВ». Милиционер хотел его сорвать, но прохожие не дали.

Особенно наседали на милиционера какая-то женщина: вы, такие-сякие, против кого вы

идете! Я выступил в роли миротворца, защитил милиционера, сказал, что, в общем-то, милиция ведет себя нормально...

Подойдя к Белому дому, увидел аэростат с подвешенным к нему российским флагом. Еще увидел танки майора Евдокимова, перешедшие на сторону Ельцина, о которых слышал по радио. Правда, не десять, как сообщалось, а четыре пять. Впрочем, остальные, может быть, в этот момент стояли по другую сторону Белого дома. Танки были без экипажей.

С торца Белого дома вдоль Большой Грузинской множество БМД. Я насчитал тридцать штук. И пять шесть крытых машин с десантниками. На всех БМД российские флаги или флажки. Это, надо полагать, и есть подразделение десантников, в задачу которых входила «охрана» Белого дома. Пока я шел от хвоста к голове колонны, машины включили двигатели и двинулись, приветствуемые толпой и отвечая на приветствия. Развернувшись, они направились в сторону метро «Краснопресненская». Последними ушли грузовики с солдатами.

Люди, повторяю, приветственно махали им вслед. Мне, однако, стало не по себе: уходит такая сила, вновь оголяя Белый дом. Это могло означать только одно: данная воинская часть выполняет приказ начальства об отходе. Начальство же отводит ее как ненадежную. На смену ей придет другая, более лояльная к ГКЧП. На часах 11-30. Я пытаюсь, порасспросить людей, что в действительности означает этот отход. Но никто ничего не знает. Подхожу к парню с повязкой дежурного на рукаве. Он «заворачивает» тех, кто пытается пройти к Белому дому через баррикаду: пройти там невозможно, не стоит и пытаться. От него пахнет водкой. Должно быть, разогревался ночью или уже утром, находясь в «живом кольце». Задаю ему тот же вопрос. «Подождите, сейчас я вам отвечу», говорит он, отгоняя очередную группу ходяков. На мой повторный вопрос отвечает туманно: «Совершают маневры». Какие там маневры! По-видимому, знает столько же, сколько и я. Махнув рукой, отхожу прочь.

Отправляюсь искать телефон-автомат (мобильников тогда еще не было), чтобы сообщить сыну Кириллу для его информгентства ИМА-пресс (он там главный редактор): полк (или батальон) ВДВ ушел от Белого дома. Однако встретившиеся мне люди – видимо, сотрудники этого учреждения, сказали, что тут нигде автоматов нет. Нечего делать, пошел на митинг, он скоро уже должен начаться. Протиснулся к месту поудобнее, почти напротив микрофонов, чуть-чуть наискосок.

Митинг этот не раз показывали по телевизору. Сначала думали, что слово сразу же возьмет Ельцин. Однако оратор выступал за оратором, а Ельцина все не было. Кто-то стал нетерпеливо требовать: «Ель-цин! Ель-цин!» Я сказал, что Ельцину выступать не стоит: не исключено, что где-то засели снайперы. И как в воду глядел. Ельцин все-таки выступил почти в самом конце. Охранники держали перед ним бронещит. Выступление было коротким три-четыре минуты. В заключение он сказал полушутя: «Ну ладно, я пойду, а то могут быть снайперы». Один из следующих ораторов сообщил уже вполне серьезно, что вчера служба безопасности действительно обнаружила на одном из расположенных неподалеку домов четырех снайперов.

Еще до начала митинга через мегафон объявили, что штаб охраны здания возле какого-то подъезда ведет запись добровольцев молодых крепких парней, владеющих приемами рукопашного боя. «Эх, зря что ли меня два года учили!» воскликнул рядом со мной здоровенный парняга и стал пробираться через толпу. (На самом деле – ну какой там рукопашный бой! Кто там при штурме пойдет в рукопашную?) А в конце митинга уже непосредственно с балкона Белого дома, уже через микрофон, призвали всех разбиться на сотни, выбрать старшего сотского и остаться возле здания. Какой-то человек интеллигентного вида, лет сорока пяти, взобравшись на основание фонаря, призвал собираться в этом месте офицеров запаса.

Митинг кончился в половине четвертого.

Охрана Ельцина готовится эвакуировать президента

Было ясно, что штурм Белого дома, его защитникам, несмотря на весь их героизм, не выдержать: слишком неравны силы.

Охрана Ельцина строила планы его эвакуации. Ельцин, «Записки президента»:

«Белый дом – огромное здание, одно его крыло выходит на одну улицу, второе – на другую. И в том числе на тот переулок, где американцы выстроили незадолго перед этим новое жилое здание для своего посольства. Добраться туда – пятнадцать секунд. Среди вариантов моей эвакуации этот был основным. Связались с посольством, американцы сразу согласились нас принять в экстренном случае. И затем сами звонили, даже приходили, предлагая свою помощь.

Были предусмотрены и другие способы эвакуации. НИ ОБ ОДНОМ ИЗ ВАРИАНТОВ МНЕ НЕ ДОКЛАДЫВАЛИ (выделено мной. – О.М.)

Вот ещё один заготовленный секретный план. По подземным коммуникациям можно было выйти примерно в район гостиницы «Украина» (это на другом берегу Москва-реки. – О.М.) Меня предполагалось переодеть, заgrimировать и затем попытаться машиной подхватить где-то в городе. Были и другие планы.

Но вариант с американцами, повторяю, был самым простым и надёжным...

Все источники информации говорили о том, что ГКЧП к исходу второго дня принял решение идти на штурм Белого дома. В Москву начали перебрасывать новые военные силы.

Поэтому было решено спускаться в бункер (если принять во внимание планы «зачистки», о которых говорилось выше, – вполне обоснованное решение, по крайней мере, с точки зрения безопасности президента. – О.М.)

Это современное бомбоубежище, не просто подвал, а очень грамотное с военной точки зрения сооружение – порядочная глубина, прочность. Охрана долго разбиралась со специальными, герметически закрывающимися, огромными дверями. Выходов из бункера несколько. Один прямо в метро, в тоннель. Правда, по высокой железной лестнице, там метров пятьдесят. Её на всякий случай заминировали. Второй – маленькая незаметная дверь около бюро пропусков, через которую сразу попадаешь на улицу. Есть и другие выходы через подземные коллекторы.

Внутри несколько комнат, двухэтажные нары для сна. Нам принесли стулья. Здесь мы и провели несколько томительных... часов. Интересно, что нас не покинули женщины – секретарши, машинистки, буфетчицы: почему-то никто не ушёл, хотя уже был к тому времени приказ покинуть Белый дом...»

Неожиданный перелом в настроениях

Еще утром и днем, как мы видели, среди военного руководства мятежников царила агрессивная эйфория. И вдруг – резкая перемена в настроениях.

Степанков и Лисов:

«По мере развития событий на смену воинственности пришли недоумение и страх. К вечеру эти чувства охватили многих участников планируемого штурма: от рядовых боевиков «Альфы» до генералов, еще днем азартно разрабатывавших операцию И ЯВНО ПОДДЕРЖИВАВШИХ НАМЕРЕНИЯ ГКЧП (выделено мной. – О.М.)

Вот как описывает перемену настроений генерал Лебедь:

« – По заданию заместителя министра обороны Владислава Ачалова после совещания,

на котором был разработан план операции, я выехал на место предстоящих действий... Набросав на карту схему блокирования Белого дома, я направился в МВД к генералу Громову, чтобы уточнить план операции. Разговор не получился. Он не проявил никакого интереса к предстоящей операции. Взглянув на схему, он сказал, что согласен, как следует ее даже не посмотрев. Вопросы взаимодействия остались без обсуждения. Заместитель министра обороны Ачалов, прежде деятельный и энергичный (и, как уже говорилось, весьма агрессивный. – **О.М.**), также отнесся к моему плану безразлично, мельком взглянув на него, он оставил его у себя, не дав никаких распоряжений...»

Куда же делась «изюминка» Громова – клином внедряться в ряды защитников Белого дома? И куда делась неукротимая агрессивность Ачалова? Ведь это он вместе с Варенниковым возглавлял карателей в январе 1991-го в Вильнюсе. Он же через два года, в сентябре-октябре 1993-го, будет одним из военных руководителей нового, хасбулатовско-руцковского, мятежа, станет «министром обороны» мятежников. Что, собственно, такого произошло за несколько послеобеденных часов 20 августа? Ну, вроде бы не желает выполнять приказ одно из подразделений КГБ – ну и что? В таких случаях, как бывает, одно подразделение заменяют другим, а «отказников» – под трибунал. В общем-то, почему именно так резко переменялись настроения генералов, НЕ ОЧЕНЬ ПОНЯТНО.

Угомонился и Карпухин. Вечером он и начальник Группы «В» Бесков (ее сотрудники тоже не хотят идти на штурм) «отважились поехать к руководству КГБ с просьбой отменить операцию».

Последующие шаги военных, не желающих штурмовать Белый дом, по данным следствия, были таковы:

Громов попытался уговорить министра внутренних дел Пуго отказаться от операции. Однако министр не поддался уговорам, заявил с хладнокровной прибалтийской рассудительностью: «Это приказ. А все приказы следует выполнять...»

Тогда Громов, замминистра, по «афганской» связи сообщил в Белый дом, что готовится штурм и позвонил командиру дивизии Дзержинского, чтобы тот не выдвигался в центр Москвы. (Под «афганской» связью тут, видимо, подразумевается, что среди защитников Белого дома было немало ветеранов Афганистана).

Командующий ВДВ Грачев с той же целью – предупредить о готовящемся штурме – вновь направил к Белому дому генерала Лебеда. На этот раз Лебедь отправился туда, так сказать, инкогнито – сняв погоны и тельняшку десантника. Ценную информацию передал первым встреченным защитникам Белого дома.

Впрочем, в Белом доме, по-видимому, эта информация уже была известна.

Гэкачеписты продолжают заседать...

Между тем сами гэкачеписты не оставляли своих далеко идущих намерений. Из обвинительного заключения по делу ГКЧП («Новая газета»):

«Вечером 20 августа на очередном заседании ГКЧП собрались Янаев, Язов, Крючков, Пуго, Болдин, Бакланов, Грушко, Тизяков, Стародубцев и ряд приглашенных лиц.

Анализ информации, собранной штабом ГКЧП, свидетельствовал о развитии ситуации не в пользу заговора. В целях её исправления под руководством Бакланова штабом были подготовлены рекомендации следующего характера:

« – в связи с обострением обстановки в Москве и ряде других регионов дать в первой половине 21 августа политическую и правовую оценку деятельности Ельцина Б. Н. и мэрии г. Москвы, ВОЗЛОЖИВ НА НИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИМЕЮЩИЕСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВЫ (подчеркнуто нами. – **Ред. «Новой газеты»... »**

Будучи уверенными, что к утру 21-го Белый дом будет захвачен, и понимая, что это будет стоить немалой крови, мятежники уже готовились обвинить во всем Ельцина. В этом

должны были помочь и те самые фотографии, которые, по плану гэкачепистов, будут в рядах штурмующих.

Читаем далее:

« – подготовить к 20-00 (21 августа? – **О.М.**) предложения по составу уполномоченных ГКЧП, которые могут быть направлены на места для осуществления политической линии нового советского руководства».

Одновременно был подготовлен проект Указа и. о. Президента СССР Янаева Г. И. «О введении временного президентского правления в республиках Прибалтики, Молдове, Армении, Грузии, отдельных областях РСФСР и Украинской ССР (Свердловской, Львовской, Ивано-Франковской, Тернопольской, городах Ленинграде и Свердловске)», а также принято Постановление ГКЧП № 3, которым ограничивался перечень транслируемых из Москвы телерадиоканалов, приостанавливалась деятельность телевидения и радио России, а также радиостанции «Эхо Москвы».

Таким вот способом – через своих уполномоченных, через введение «президентского правления», то есть правления Янаева, через удушение СМИ – гэкачеписты планировали распространить свою власть на всю территорию бывшего СССР, без всяких изъятий. Прибалтику, Грузию, Молдову, Армению – всех за шиворот опять возвращали в «Союз нерушимый». И никаких тебе Союзных договоров!

Впрочем, уже и внутри самого ГКЧП наметились разногласия. Завибрировал путчистский монолит. Одни настаивали на продолжении активных действий, другие колебались, ссылаясь на то, что ГКЧП, даже если он захватит власть, окажется неспособен «решить задачу стабилизации экономики».

Тут колеблющиеся были совершенно правы. Какую-то ясность в этом вопросе мог бы внести главный спец по экономике среди гэкачепистов – премьер Павлов, но его на совещании не было по уже известной нам причине: пребывал в состоянии «алкогольного анабиоза».

Из воспоминаний Горбачева:

«Самыми трудными были день 19 августа и ночь с 20-го на 21-е. Хотя уже 20 августа было видно, что ничего у путчистов не получается...»

Подготовка к штурму между тем продолжалась. Чтобы успеть, в соответствии с планом, взять Белый дом в оцепление, десантники должны были начать движение в полночь...

Трагедия на Садовом кольце

Вскоре после полуночи раздались выстрелы на Садовом кольце в районе тоннеля неподалеку от американского посольства. Через тоннель по направлению к Смоленской площади проходили БМП Таманской дивизии, поддерживавшие объявленный в Москве режим комендантского часа. Выдвинувшиеся сюда защитники Белого дома попытались остановить колонну. Подробно и, по-моему, наиболее достоверно этот трагический эпизод описан опять-таки в книге Степанкова и Лисова «Кремлевский заговор» (хотя существует и множество других описаний):

«Град камней, баррикада, сооруженная из троллейбусов, их (БПМ. – О.М.) не остановили. Головная машина с разгону врезалась в них в надежде пробить себе дорогу. Еще до этого на пути железных машин встал, раскинув руки, военный корреспондент капитан 1-го ранга Михаил Гловко. Броневик толчком сбил его с ног.

Это послужило сигналом к атаке.

23-летний «афганец» Дмитрий Комарь запрыгнул на БМП 536, стараясь набросить на смотровую щель брезент, чтобы «ослепить» экипаж (возможно, этот прием Дмитрий позаимствовал у душманов в Афгане: таким образом «духи» действовали против нашей бронетехники. – О.М.)

Наводчик стал вращать башню, надеясь сбросить с брони нападавшего. Но удалось сделать это механику-водителю. В результате резкого маневра Комарь оказался на

асфальте.

Однако от удара броневика о колонну распахнулся десантный люк.

Комарь догнал БМП и запрыгнул в люк.

Механик под грохот предупредительных выстрелов так дернул машину, что Комаря выбросило из нее. При этом краем одежды он зацепился за крышку распахнутого люка.

Броневику сдал назад, волоча за собой по асфальту беспомощное тело.

На помощь Комарю бросился 37-летний Владимир Усов. Но пуля предупредительного выстрела, срикошетив, сразила Усова».

Третьим погибшим в этом неравном бою был Илья Кричевский.

По факту гибели этих отчаянных ребят потом проводилось следствие. Велось оно спустя рукава. Виновных, естественно, не нашли. Вот образец одного из следственных документов – заключения по итогам расследования обстоятельств гибели Ильи

Кричевского (из постановления прокуратуры Москвы):

«...Во время посадки в БМП 521 члены экипажа горевшей машины (одну из БМП подожгли. – О.М.) Баймуратов и Нурбаев продолжали делать предупредительные выстрелы в воздух. В этот момент находившийся здесь Кричевский, бросив в них камень, сделал шаг в сторону БМП, но был убит выстрелом в голову. Кем конкретно из стрелявших причинено смертельное ранение не установлено, пуля в трупе отсутствовала (ранение было сквозным. – О.М.)...»

Если тех, кто убил Комаря, еще можно как-то оправдать (и оправдали): в конце концов, они защищались, и убийство Комаря было неумышленным, – то расстрелявшим Усова и Кричевского оправдания нет. Не думаю, что Усов погиб от отрикошетившей пули. От чего она отрикошетила? От Луны? Предупредительные выстрелы делались в воздух...

Кричевский же вообще был убит, по-видимому, прицельным выстрелом. Но... не нашли пулю. Вот незадача!

А вообще настоящие виновники гибели троих молодых людей, мужественно вставших на защиту Свободы, всем известны – это гэкачеписты. Их, как мы знаем, попытались было посадить на скамью подсудимых, но Госдума, состоявшая в большинстве своем из их единомышленников, явных и скрытых, их амнистировала.

Думаю, гибель Комаря, Усова и Кричевского сыграла свою роль в исходе путча. Это была первая РЕАЛЬНАЯ кровь, в отличие от той предполагаемой крови, которая могла бы пролиться при штурме Белого дома и о которой все больше стали задумываться те, кто собирался его штурмовать.

Язов скоординировал путчу «Стой!!!»

К министру обороны Язову стекалась информация, которая все больше заставляла его задумываться, что делать дальше, – посылать ли, как намечено, солдат и офицеров на штурм Белого дома или...

Еще в самом начале путча его атаковала собственная жена. Услышав о путче по телевизору, она примчалась к нему на служебной «Волге», влетела в его служебный кабинет с загипсованной ногой (получила травмы в автомобильной аварии; дома передвигалась на коляске) и принялась его умолять, чтобы он остановил «весь этот кошмар», эту «гражданскую войну».

– Дима, – всхлипывая, увещевала она мужа, – с кем ты связался! Ты же над ними всегда смеялся. Позвони Горбачеву...

«Дима», естественно, отвечал, что с Горбачевым связи нет. Надо, по-видимому, так понимать, что если бы связь была, он, конечно, позвонил бы президенту, поинтересовался его здоровьем...

Днем 20-го у Язова побывал маршал Шапошников, главнокомандующий ВВС. Сказал:

- Надо выходить из создавшейся ситуации.
- Как выходить?
- Достоинно. Надо убрать войска из Москвы.
- А ГКЧП?

– Объявить незаконным и разогнать.

И вот приближается час штурма. Министру сообщают, что число защитников Белого дома увеличивается. Состоялось первое столкновение. Есть убитые (те самые трое молодых людей в тоннеле на Садовом кольце).

Где-то около часа ночи Язов принимает решение.

– Иди в кабинет! Дай команду «Стой!» – бросает он своему заму Ачалову.

Не думаю, что распоряжение шефа доставило агрессивному генералу, ненавистнику демократии, реформ большое удовольствие. Но – приказ есть приказ. В дальнейшем он будет уверять следователей, что он, в числе других, склонял министра к прекращению путча и выводу войск из столицы.

Ачалов позвонил Грачеву и Громову, сообщил, что Язов приказал войскам стоять. Формально Громов не подчинялся Язову, он подчинялся министру внутренних дел Пуго, – напомним, был его заместителем, но с этого момента, понимая, что главное слово сказано, сказано Язовым, он начал действовать самостоятельно, как бы подчиняясь приказу маршала «Стой!»

Язова пытаются уломать

Около двух часов ночи (до штурма оставалось всего ничего) Язову позвонил Крючков, принялся его уговаривать отменить свой приказ, пригласил в Кремль на совещание ГКЧП.

Язов сказал, что ничего отменять не будет и в Кремль не поедет. Отправил вместо себя того же Ачалова:

– Поезжайте к Крючкову на совещание. Я больше с ним разговаривать не буду!
Штурм не состоялся.

Тем не менее, ГКЧП не собирался складывать руки. Если гора не идет к Магомету...

Утром гэкачеписты сами явились к Язову. Но Язов к этому времени уже заручился поддержкой коллегии министерства, которая с его подачи приняла решение о выводе войск из столицы.

Еще бы она не приняла его, если так решил сам министр. В Стране Советов редко бывало, чтобы коллегия министерства восставала против министра. Собственно, сам Язов ЕЩЕ ДО ЗАСЕДАНИЯ КОЛЛЕГИИ без обиняков заявил Крючкову, который опять ему позвонил, о ее, коллегии, ПРЕДСТОЯЩЕЙ «воле»:

– Я выхожу из игры. Сейчас собирается коллегия, которая ПРИМЕТ (выделено мной. – О.М.) решение о выводе войск из Москвы.

Итак, гэкачеписты явились к Язову. Тот сообщил им о том, что решила коллегия Министерства обороны. Из протокола допроса Язова (Степанков и Лисов, «Кремлевский заговор»):

« – ...Бакланов возмутился, зачем, дескать, в таком случае надо было начинать? «Что ж, мы начали, чтобы стрелять?» – спросил я и сказал: «Умели напакастить, надо уметь и отвечать...»... Все реагировали очень бурно... Уговаривали меня продолжать действовать... Крючков призывал [к этому], говорил, что не все потеряно, что нужно вести какую-то «вязкую борьбу». Тизяков, несколько нервничая, высказал в мой адрес целую тираду: «Я... воевал, прошел фронт. У меня нет никого. Только приемный сын. Он один проживет. Я готов на плаху. Но то, что Вы, Дмитрий Тимофеевич, сделали, – это подлость...» Прокофьев (первый секретарь МГК КПСС, и он здесь оказался. – О.М.) начал: «Я провел совещание, обнадежил людей, а Вы предаете...» Спрашиваю: «Ну, хорошо, скажи, что делать? Стрелять?»... Прокофьев все петушился: «Дайте мне пистолет, я лучше застрелюсь...»

Пистолет ему не дали.

Язов предложил лететь к Горбачеву. Потребовал от Крюčkова, чтобы президенту включили связь. Председатель КГБ, позабыв о своей идее «вязкой борьбы», тут же пристроился к маршалу: «Я тоже полечу».

Итак, путч прекратил маршал Язов. На месте Горбачева я присвоил бы ему звание

Героя Советского Союза, а на месте Ельцина – Героя России...

Шутка, конечно. Трудно сказать, искупил ли он свою вину своим неожиданным решением. На каких весах взвесить? Все-таки много чего наворотил вместе с другими «чепистами».

Что побудило его дать задний ход? Уговоры ли Шапошникова и других коллег-военных? Увещевания ли жены? А что, как говорится, шерше ля фам... Думаю все же, более всего убедила его стотысячная толпа его соотечественников, собиравшихся голыми руками защищать Белый дом. Ну, не захотел старый вояка стрелять в свой народ. Что тут непонятного?

Ельцин отказывается ехать в американское посольство

В Белом доме, естественно, ничего не знали о происходившем в стане ГКЧП. Приближался час штурма. Напряжение нарастало. Охрана Ельцина решила эвакуировать президента в американское посольство (американцы, как уже говорилось, готовы были его принять). Сам он в последнюю ночь спал урывками и в этот момент дремал. Ельцин, «Записки президента»:

«Когда... началась стрельба (надо полагать, это стреляли на Садовом кольце. – О.М.), меня растолкали помощники. Повели вниз, прямо в гараже надели бронежилет, усадили на заднее сиденье машины, сказали: «Поехали!»

Когда двигатель «ЗИЛа» заработал, я окончательно проснулся и спросил: «Куда?»

Первая, ещё полусонная моя реакция – все, начался штурм...

Узнав, куда мы собираемся ехать, я категорически отказался покидать Белый дом. С точки зрения безопасности этот вариант, конечно, был стопроцентно правильным. А с точки зрения политики – стопроцентно провальным. И, слава Богу, я это сразу сообразил. Реакция людей, если бы они узнали, что я прячусь в американском посольстве, была бы однозначна. Это фактически эмиграция в миниатюре. Значит, сам перебрался в безопасное место, а нас всех подставил под пули...

Самый тяжёлый момент наступил примерно в три утра. Снова началась стрельба...

Там, наверху, быть может, уже гибнут люди...

Больше не было сил сидеть. И я решил подняться наверх...

Мне доложили, что есть убитые, три человека».

Трое погибших молодых ребят – такова была цена безумного заговора.

Могло быть, конечно, значительно больше...

Три часа утра миновало. Штурма не было. Жизнь в Белом доме постепенно стала возвращаться в нормальную колею. Постепенно все пришло в движение, в комнатах зажёгся свет...

На самом деле обстановка, наверное, могла бы разрядиться часа на два раньше, – когда Язов дал войскам команду «Стой!» Правда, как мы видели, после этого еще были попытки гэкачепистов уговорить его отменить свой приказ. Кто знает, что было бы, окажись эти попытки успешными...

То, что видел своими глазами

Снова всю ночь слушал радио, перезванивался с Кириллом (тот, как и прошлую ночь, был на работе в информгентстве). Мне на работу идти было не надо: на выпуск «Литгазеты», как и ряда других изданий, – я уже упоминал об этом, – хунта наложила запрет. Так что использовал свои журналистские способности как репортер. После митинга возле Белого дома передал Кириллу для его агентства ИМА-пресс такие сообщения:

«Радио России» работает на коротких волнах с позывными «Радио-3 Анна».

«Вчера за три часа умельцы собрали в Белом доме передатчик. Он работает как радио Верховного Совета РСФСР на частоте 1500 мегагерц».

«На митинге возле Белого дома выступил Геннадий Хазанов, который голосом Горбачева сказал: «Со здоровьем у меня все в порядке, а чистую политику нельзя делать... трясущимися руками» (намек на состоявшуюся накануне пресс-конференцию гэкачепистов и трясущиеся руки Янаева).

«Арестованы были депутаты Гдлян и Камчатов. Приходили за депутатом Ивановым, но не застали его дома».

«Выступая на митинге, Эдуард Шеварднадзе допустил, что Горбачев мог быть участником заговора ГКЧП».

(В скобках скажу, то было, кажется, первое публичное оглашение этой версии – во всяком случае, прозвучавшее из уст столь авторитетного человека – версии, которая в дальнейшем, как уже говорилось, будет повторяться так и этак многими людьми. Хотя... Что понимать под словами «участник заговора»...)

Еще сообщения, которые я передал в тот день в агентство ИМА-пресс:

«Один из народных депутатов (имени его я не расслышал) пытался прорваться на дачу Горбачева в Форосе вместе с его лечащим врачом и еще несколькими спутниками. Однако им это не удалось. Лечащий врач сказал, что перед 19 августа Горбачев чувствовал себя нормально».

«Ельцин обратился за благословением к патриарху, однако ответа от Его Святейшества пока не получил».

«Священник церкви в Измайлове, выступивший на митинге (имени я опять не расслышал), сказал, что он предложил охране Белого дома исповедаться и причаститься. Сотрудники охраны согласились».

«На случай победы ГКЧП создано резервное правительство России во главе с Лобовым, которое вылетело в Свердловск».

«Депутат Оболенский сообщил, что путчисты меняют воинские части, введенные в Москву: выводят ненадежные» (свидетелем одной из таких «рокировок» я, видимо, и стал в этот день с утра).

Помимо меня, у Кирилла еще какие-то информаторы возле Белого дома, которые остались там на ночь. Теперь уж он мне кое-что сообщает по телефону. Самое тревожное время от полуночи примерно до половины третьего. По словам Кирилла, около полуночи в Белом доме вырубили свет. После оказалось, что свет на некоторых этажах был выключен по приказу генерала Кобеца, только что назначенного министром обороны РСФСР (он возглавляет оборону Белого дома), чтобы труднее было ориентироваться тем, кто ворвется в здание при штурме.

Апогей напряжения в 2-15 (или в 2-05). В репортажах «Свободы» появились панические нотки: со стороны Киевского вокзала стреляют трассирующими очередями; со всех сторон к Белому дому подтягиваются войска для штурма (на самом деле, как потом выяснилось, этого не было); по внутреннему радио Руцкой попросил народ отойти от здания на пятьдесят метров и не оказывать сопротивления войскам, если они пойдут на штурм; в Белом доме признают, что в случае штурма сопротивление будет недолгим...

Однако эта высшая фаза напряжения длилась всего минут пятнадцать. Уже в 2-30 та же «Свобода» сообщила, что войска отходят от Белого дома (на самом деле никто не отходил, поскольку никто не подходил) и вообще будто бы дан приказ вывести их из Москвы. Все это было неожиданно и необычайно радостно.

Лукьянов признает несоответствие...

21 августа в экстренном выпуске ленинградского «Часа пик» появилось сообщение, что

«полномочная делегация Президента РСФСР» – вице-президент Руцкой, премьер-министр Силаев, исполняющий обязанности председателя российского парламента Хасбулатов – провела в Кремле переговоры с председателем Верховного Совета СССР Лукьяновым. Лукьянов – один из главных гэкачепистов, пытавшийся, однако, остаться в тени (потому и в состав ГКЧП официально не вошел). Представители Ельцина потребовали в течение трех дней провести медицинское освидетельствование Горбачева, по прошествии двадцати четырех часов организовать встречу с ним российского руководства, отвести войска в места их постоянной дислокации, отменить чрезвычайное положение, объявить о роспуске ГКЧП.

Газета писала, что Лукьянов «как юрист» «признал несоответствие» многих положений, содержащихся в документах ГКЧП, и пообещал «разобраться» с этим на Президиуме Верховного Совета (вот уж действительно для этого надо было иметь юридическое образование!) Более того, Лукьянов выразил пожелание, чтобы и Горбачев присутствовал на этом разбирательстве. А вот это уже был белый флаг, флаг капитуляции.

Лукьянов связался с Горбачевым по телефону (уже была такая техническая возможность), после чего сообщил, что Горбачев «жив-здоров», хотя у него и есть «некоторые отклонения» в здоровье – «повышенное давление и радикулит». Как видим, способность исполнять президентские обязанности – налицо, так что и медицинское освидетельствование не требуется.

Два самолета летят в Форос. Кто прилетит первым?

Итак, заговорщики решили лететь к Горбачеву. Объясняться и каяться. Туда же собралась и российская делегация, посланники Ельцина, – Руцкой, Силаев, министр юстиции Николай Федоров. Взяли с собой также Примакова и Бакатина. Естественно – охрану: более тридцати офицеров милиции, вооруженных автоматами.

Благодаря хитроумным уловкам Крючкова «Ил-62» с заговорщиками приземлился в «Бельбеке» первым, в 16-08. А «российский» «Ту-134» мало того, что опоздал с вылетом, долго метался в воздухе, будучи не в состоянии сесть: по приказу ГКЧП, взлетно-посадочная полоса аэродрома была заблокирована тяжелыми машинами. На аэродроме дежурило подразделение морской пехоты, в чью задачу входило уничтожить пассажиров «Ту», если он все-таки приземлится. По дороге на президентскую дачу была устроена засада из верных Генералову охранников и сотрудников крымского спецназа КГБ. Так что война продолжалась и на земле, и в воздухе.

Однако Горбачев категорически отказался разговаривать с приехавшими к нему мятежниками. Сказал, что говорить будет только с российской делегацией. Спасения он мог ожидать только от Ельцина и вот его вроде бы дождался.

Выяснив, что «российскому» самолету не дадут посадку, Горбачев позвонил начальнику Генштаба Моисееву (связь уже была включена) и приказал открыть «Бельбек». Тот не посмел послушаться. В 18-45 грузовики были убраны, воины, укрывшиеся в засадах, ретировались. В 19-16 «Ту-134» приземлился в «Бельбеке».

Власть ГКЧП кончилась. Если считать с момента, когда у Горбачева была отключена связь и началась его изоляция, она продержалась чуть более трех суток.

ПОСЛЕ ПУТЧА

Запрещенные газеты продираются сквозь заслоны

Уже 21 августа 1991 года, преодолевая гкачепистский запрет, стали выходить закрытые мятежниками газеты. Понятно, что единственная их тема – путч.

«Российская газета», в своем «чрезвычайном выпуске», хоть и запоздало, печатает обращение Ельцина, Силаева и Хасбулатова «К гражданам России!» от 19 августа. Помещает указы Ельцина, приказы только что назначенного министра обороны РСФСР Кобеца – не допускать выполнения любых решений и распоряжений ГКЧП, отменить введение комендантского часа в Москве.

Газета вышла в сокращенном объеме, отпечатана где-то в Волгограде каким-то кустарным способом (кажется, опять-таки в виде листовок). Редакция просит читателей извинить за то, что не может сообщить, когда выйдет следующий номер.

Во втором спецвыпуске, вышедшем позже в этот же день, уже сообщается о гибели троих ребят на Садовом кольце, дается другая новая информация о путче и сопротивлении ему. На этот раз читателей уведомляют, что следующий номер выйдет 23-го уже «в типографском» исполнении (видимо, издание печатается в «полевых условиях» – корректоры не читают текст).

Ленинградский «Час пик» (экстренный выпуск), рассказывает, как была предотвращена попытка распространить гкачепистскую чуму на северную столицу.

В момент, когда газеты печатались, в редакциях и типографиях еще не знали, что путч фактически завершился, что ГКЧП больше нет.

Горбачев вышел из самолета «с перевернутым лицом»

Из Фороса Горбачев вернулся в ночь с 21 на 22 августа (его привезла «ельцинская» делегация – Руцкой, Силаев и др.) Вернулся «в другую страну» – это его собственные слова, которые он не однажды потом будет повторять. Но сам он другим, адекватным изменившейся стране, стал не сразу. Да и кто бы после пережитого мог легко попасть в прежнюю колею, а тем более нащупать новую, соответствующую изменившейся ситуации? Ельцин («Записки президента»):

«Поздно ночью во «Внуково-2» с трапа самолёта спустился Горбачёв, как кто-то написал, с «перевернутым» лицом, сошли с борта самолёта его родные. Я смотрел эти кадры по телевизору и думал: хотя Горбачёв был и остаётся моим политическим оппонентом, замечательно, когда у такой страшной истории такой хороший конец. Но впереди был тяжелейший день манифестаций и похорон – невероятная толпа людей, протянувшаяся от Белого дома до Ваганькова, тяжёлая, давящая атмосфера и невыносимое чувство стыда за всех нас. Горбачёв не выдержал, ушёл, а я остался с почерневшими от горя матерями, я не мог уйти».

Хоронили троих героев новой России, погибших за ее Свободу, – Дмитрия Комаря, Владимира Усова и Илью Кричевского.

Ельцин отменяет так и не состоявшуюся всеобщую забастовку

22 августа Ельцин выступил по телевидению с новым, послепутчевым обращением к соотечественникам.

Он поблагодарил «трудовые коллективы, военнослужащих, всех граждан РСФСР за оказанную поддержку, солидарность в столь трудный для государства российского час». В обращении подчеркивалось, что победа над путчистами – в первую очередь заслуга

населения и руководства Российской Федерации. Это действительно было так, главную роль тут сыграла Россия.

– Именно благодаря поддержке всех слоев населения, – сказал Ельцин, – особенно молодежи, патриотически настроенных воинов Советской Армии, работников МВД РСФСР решительные действия руководства Российской Федерации обрели подлинную силу и обеспечили победу над политическими авантюристами, которые будут преданы суду.

По словам Ельцина, необходимость во всеобщей забастовке как средстве отпора путчистам, к которой он призвал несколько дней назад, миновала. Его новый призыв, обращенный к российским гражданам, – приступить «к созидательной работе, направленной на экономическое и социальное обновление России, укрепление ее независимости и могущества».

«Народ вдохнул воздух свободы, и этого у него уже никому не отнять»

22 августа только что вернувшийся из Фороса Горбачев тоже выступил по Центральному телевидению.

– Дорогие сограждане, – сказал он. – Я выступаю сейчас перед вами уже в тот момент, когда могу с полным основанием сказать – государственный переворот провалился. Заговорщики просчитались. Они недооценили главного – то, что народ за эти, пусть очень трудные, годы стал другим. Он вдохнул воздух свободы, и уже никому этого у него не отнять.

Горбачев поблагодарил «всех тех, кто, рискуя не только положением и личной свободой, но и часто жизнью, стал в первые шеренги защитников конституционного строя, защитников закона, прав человека».

– Прежде всего, я должен отметить выдающуюся роль Президента России Бориса Николаевича Ельцина, который стал в центре сопротивления заговору и диктатуре...

Эти слова благодарности Ельцину Горбачев еще не раз повторит в дальнейшем.

По словам Горбачева, «надо сплоченнее и быстрее идти по пути радикальных реформ», быстрее – уже в новые сроки – подписать Союзный договор, принять новую союзную Конституцию, выборы союзного парламента и президента.

– Надо провести эту работу в установленные сроки, не затягивая, – сказал Горбачев, – поскольку затяжка переходного периода, как видим, опасна для демократических преобразований...

Увы, ничему этому уже не суждено было сбыться. С радикальными реформами Горбачев непростительно запоздал. Радикальные реформы будут проводиться уже без него.

Он по-прежнему – за коммунизм

В тот же день, 22 августа, вечером Горбачев провел свою первую послепутчевую пресс-конференцию. Она опять-таки транслировалась по телевидению (всё происходило на глазах у всей страны). Хорошо было видно, что президент еще не совсем ориентируется в новой обстановке. Возможно, в какой-то мере этому поспособствовал его тогдашний пресс-секретарь Виталий Игнатенко, который вел пресс-конференцию. Он умудрился не дать слово ни одному из корреспондентов российских демократических газет, запрещенных хунтой, – напрасно те тянули руки. Вопросы задавали в основном зарубежные журналисты. Впрочем, и сам Горбачев почему-то нахваливал главным образом зарубежную прессу. Российские демократические издания, в дни путча дружно выступившие в его защиту, хоть и получили от него скупую похвалу, но тут же – дозу странной критики: дескать, чуть ли не из-за их непримиримой позиции заговорщики и вынуждены были пойти на этот самый заговор.

Однако самым примечательным было другое: как выяснилось, несмотря на

драматические события последних дней и все пережитое им Горбачев, оказывается, остается верен коммунистическим идеям, коммунистической партии. Он лишь – за реформирование КПСС. Отвечая на вопрос, как он относится к тому, что партию еще до путча покинул его близкий соратник Александр Яковлев, Горбачев сказал:

– Жалею, что уходят силы, которые должны внести свой вклад в то, чтобы реформировать партию. Вижу собственную роль в этом и не собираюсь сдавать позиции. Я на них останусь. Но не пойду ни на какие уступки в принципиальных вопросах. Они проявились в проекте новой программы КПСС. **ДО КОНЦА БУДУ БОРОТЬСЯ ЗА ОБНОВЛЕНИЕ ПАРТИИ** (выделено мной. – **О.М.**)

Даже близкий сотрудник Горбачева, бывший член Политбюро Вадим Медведев отмечает в своих воспоминаниях, что в выступлении Горбачева, а особенно в ответах на вопросы, «проскальзывала неадекватность восприятия последних событий, необратимых перемен в стране, как будто после разгрома путча мы просто вернулись к доавгустовскому положению».

Тем, кто до сих пор уверяет, что Горбачев **СОЗНАТЕЛЬНО** старался разрушить коммунизм, коммунистическую партию, стоило бы, среди прочего, запомнить и процитированные выше слова Горбачева о том, что он будет «до конца» бороться за обновление, но не за ликвидацию компартии, за воплощение в жизнь ее «обновленной» программы, то есть по-прежнему – за построение коммунизма. Да, Горбачев внес решающий вклад в устранение коммунизма и коммунистов с российской политической авансцены, но он не преследовал **СОЗНАТЕЛЬНО** такой цели – это получилось само собой, стало логическим результатом его реформаторской деятельности.

Впрочем, те опрометчивые слова Горбачева, конечно, имели значение не только для истории, но и для его положения в тогдашнем политическом раскладе. Они не укрепили его положения. Человек, оказавшийся в заточении по воле своих недавних друзей – коммунистических бонз – и освобожденный благодаря всколыхнувшейся волне широкого демократического сопротивления, – с кем он теперь? Выяснилось: по своим идеологическим установкам он, может, и придвинулся поближе к освободителям, но не очень отшатнулся и от своих тюремщиков. Более того, вполне уместно было подозрение, что он в состоянии возглавить хоть и не открытую – в духе этого самого путча, – но, тем не менее, достаточно серьезную борьбу сохраняющей свою силу коммунистической бюрократии против тех перемен, которые он – это ясно, – уже не будет возглавлять.

Тут, пожалуй, можно еще привести оценку, которую дал той горбачевской пресс-конференции, советник президента США Джорджа Буша Brent Скоукрофт:

«Горбачев и сам усугубил свои проблемы, предприняв неуклюжую попытку защитить коммунизм во время пресс-конференции после возвращения в Москву, продолжая утверждать, что коммунизм можно трансформировать в позитивную силу. Это выступление показало, как далек он был от действительности, и выявило его истинные идеологические пристрастия. Это были безошибочные признаки. Эра Горбачева закончилась».

Один из зарубежных корреспондентов спросил Горбачева, у кого сейчас больше власти – у президента СССР или президента России. Что Горбачев мог ответить на это? Не мог же он ответить: у меня, у президента СССР, но и добровольно отдавать преимущество Ельцину он тоже, естественно, не хотел, хотя все, и он, Горбачев, в том числе, да, вероятно, и тот, кто спрашивал, об этом преимуществе догадывались. Оно было очевидно.

– Я так вопрос не ставлю, – сказал Горбачев, – мы делаем с Борисом Николаевичем в последние месяцы все для того, чтобы согласие, наше сотрудничество с ним стало постоянным фактором объединения всех демократических сил вместе со всеми республиками. Это показали и последние дни. Давайте думать об этом. Таковую позицию кое-кто пытается взорвать, но нас уже закалила ситуация, мы знаем, кто есть кто на самом деле.

Действие «закалки», соединившей Горбачева и Ельцина в дни путча, оказалось недолгим. Оно еще ощущалось в течение некоторого времени после августовских событий, но по мере отдаления от них становилось все слабее и слабее...

То, что видел своими глазами

22-го утром в редакции «Литгазеты», где, напомним, я тогда работал, состоялось совещание двадцати девяти редакций. Говорили о том, что надо бы наладить выпуск какой-нибудь общей газеты или нескольких газет. Сообщали, у кого что есть, у кого бумага, у кого типография, у кого транспорт. Все было довольно бестолково. Я предложил, чтобы остались по одному представителю от каждой редакции. Не знаю, о чем они там говорили. В конце концов решили выпускать «Литературку» в виде листовок. На самом деле в свет вышло несколько номеров «Общей газеты», с участием лишь восьми изданий. Причем без участия «Литературки». Причина ее отсутствия, как полагаю (не особенно в это вникал), – трусливая позиция ее тогдашнего, недолгого, редактора Федора Бурлацкого, проявившаяся уже в самом начале путча. Говорят, когда кто-то из редактората позвонил ему утром 19-го – как быть, что делать (главный был в отпуске где-то на Юге)? – тот цинично ответил: «Не суетитесь под клиентом». Вскоре редакция, имея в виду эту его цинично-трусливую позицию, проголосовала за отстранение Бурлацкого от должности (в ту пору «трудовые коллективы» имели право назначать и снимать начальство).

А вообще с утра было еще довольно тревожно. Еще как бы действовал совершенно зверский указ коменданта Москвы генерала Калинина о том, что столица делится на 33 округа, запрещается то, запрещается это... Любого можно задерживать, обыскивать и т.д.

Первые признаки расслабления наступили, когда я узнал (около часа дня), что с утра ушел танк (или БМД) и десантники от издательства «Литературной газеты» на Цветном бульваре (редакция помещалась уже в другом месте – в Костянском переулке). Меня это известие обрадовало еще и потому, что я мог теперь получить на Цветном зарплату. В ту безденежную пору – тоже немаловажное обстоятельство.

Где-то около четырех я был возле журфака МГУ. Манежную все еще окружало оцепление из военной техники. БТРы стояли также позади Манежа, возле метро «Библиотека имени Ленина». Однако, когда я вышел от декана факультета Ясена Николаевича Засурского, зеленые бронированные машины уже построились в колонну и стояли с включенными двигателями. Когда я дошел до метро, они двинулись прочь. Армия покидала столицу.

Слава тебе, Господи!!!Пронесло.

* * *

Путч нанес решающий, сокрушительный удар по советской империи. После этого удара у нее почти не осталось шансов оправиться.

Сразу же после выступления ГКЧП республики начали энергично покидать пределы Союза.

(Тут, правда, надо напомнить, что первой, задолго до путча, 11 марта 1990 года, о своей независимости объявила Литва, второй, 9 апреля 1991 года, – Грузия).

20 августа независимость провозгласила Эстония, 21-го – Латвия, 24-го – Украина, 25-го – Белоруссия.

Крючков раскаивается

Путчисты были арестованы. Одни, те, кто летал в Форос к Горбачеву и кого Горбачев не принял, – сразу после возвращения в Москву, другие – позже.

Сидючи в «Матросской тишине», главный организатор путча, его лидер, его «мотор» бывший председатель КГБ Крючков быстро «осознал», какое преступление он и его подельники совершили. Уже 24 августа он написал письмо Вадиму Бакатину, который сменил его на посту главы Лубянки:

«Уважаемый Вадим Викторович!

Обращаюсь к Вам как к Председателю Комитета госбезопасности СССР и через Вас... к коллективу КГБ со словами глубокого раскаяния и безмерного переживания по поводу трагических августовских событий в нашей стране и той роли, которую я сыграл в этом. Какими бы намерениями ни руководствовались организаторы государственного переворота, они совершили преступление...

Осознаю, что своими преступными действиями нанес огромный ущерб своей Отчизне... Комитет госбезопасности ввергнут по моей вине в сложнейшую и тяжелую ситуацию.

Мне сказали, что в КГБ СССР была Коллегия, которая осудила попытку государственного переворота и мои действия как Председателя КГБ. Какой бы острой ни была оценка моей деятельности, я полностью принимаю ее...»

Еще более поразительное письмо Крючков из своего заточения написал 25 августа Горбачеву:

«Уважаемый Михаил Сергеевич! Огромное чувство стыда – тяжелого, давящего, неотступного – терзает постоянно. Позвольте объяснить Вам буквально несколько моментов. Когда Вы были вне связи, я думал, как тяжело Вам, Раисе Максимовне, семье, и сам от этого приходил в ужас, в отчаяние. Какая все-таки жестокая штука эта политика! Будь она неладна. Хотя, конечно, виновата не она. 18 августа мы последний раз говорили с Вами по телефону. Вы не могли не почувствовать по моему голосу и содержанию разговора, что происходит что-то неладное. Я до сих пор уверен в этом. Короткие сообщения о Вашем пребывании в Крыму, переживаниях за страну, Вашей выдержке (а чего это стоило Вам) высвечивали Ваш образ. Я будто ощущаю Ваш взгляд. Тяжело вспоминать об этом. За эти боль и страдания в чисто человеческом плане прошу прощения. Я не могу рассчитывать на ответ или какой-то знак, но для меня само обращение к Вам уже стоит чего-то. Михаил Сергеевич! Когда все это задумывалось, то забота была одна – как-то помочь стране. Что касается Вас, то никто не мыслил разрыва с Вами, надеялись найти основу сотрудничества и работы с Б.Н. Ельциным. Кстати, в отношении Б.Н. Ельцина и членов российского руководства никаких акций не проводилось. Это было исключено. В случае необходимости полагали провести временное задержание минимального числа лиц – до 20 человек. Но к этому не прибегли, считали, что не было нужды. Было заявлено, что в случае начала противостояния с населением операции немедленно приостанавливаются. Никакого кровопролития. Трагический случай произошел во время проезда дежурной военной машины БМП по Садовому кольцу. Это подтвердит следствие. К Вам поехали с твердым намерением доложить и прекращать операцию. По отдельным признакам уже в Крыму мы поняли, что Вы не простите нас и что нас могут задержать. Решили доверить свою судьбу Президенту. Войска из Москвы стали выводить еще с утра в день поездки к Вам. Войска в Москве просто были не нужны. Избежать эксцессов, особенно возможных жертв, – было главной заботой и условием. С этой целью поддерживали контакты. У меня, например, были контакты с Г. Поповым, Ю. Лужковым, И. Силаевым, Г. Бурбулисом и, что важно, многократно с Б.Н. Ельциным. Понимаю реальности, в частности, мое положение заключенного, и на встречу питаю весьма слабую надежду. Но прошу Вас подумать о встрече и разговоре со мной Вашего личного представителя. С глубоким уважением и надеждами В. Крючков».

Такие вот слезливые покаянные письма. Впрочем, вскоре посла амнистии, дарованной

ему и его поделщикам Госдумой (точнее говоря – единомышленниками путчистов, оказавшимися в большинстве в этом органе), Крючков забудет о словах раскаяния и до конца жизни будет изображать из себя «национального героя», пытавшегося спасти Родину и пострадавшего за это.

Легко представить, как бы повел себя этот деятель и его поделщики, во что бы они превратили страну, сколько голов полетело бы, если бы они тогда победили. А это, в общем-то, было вполне возможно.

И все же – у кого теперь больше власти?

Вернувшись из Фороса, Горбачев оказался в двусмысленном положении. С одной стороны, да, все закончилось благополучно, его освободили из плена, с другой... Битву выиграл не он, битву выиграл Ельцин. И теперь Горбачеву приходилось нащупывать новую тональность в их отношениях – такую, чтобы она позволяла ему сохранять достоинство – достоинство президента хотя и стремительно рассыпающейся, но пока до конца еще не рассыпавшейся страны (а Горбачев к тому же продолжал надеяться: несмотря ни на что процесс рассыпания удастся остановить). Заранее было ясно, что Ельцин не станет слишком усердно помогать ему в решении этой задачи – сохранения президентского достоинства.

С момента, как Горбачев вернулся в Москву, и до его отставки они с Ельциным встречались, по воспоминаниям Бориса Николаевича, восемь – десять раз. Ельцин сразу же потребовал, чтобы все кадровые назначения президент СССР согласовывал с ним. Услышав это требование, пишет Ельцин, «Горбачев посмотрел на меня внимательно. Это был взгляд зажатого в угол человека».

Тем не менее, первые послепутчевые назначения, причем важнейшие, Горбачев сделал без оглядки на Ельцина: министром обороны назначил бывшего начальника Генштаба Моисеева (того самого, который с началом путча, а может быть, и раньше, «приватизировал» ядерное оружие СССР), председателем КГБ – бывшего заместителя Крюčkова Шебаршина... На посту министра иностранных дел оставил Бессмертных.

Едва узнав об этих назначениях из сообщений информагентств, Ельцин, по его воспоминаниям, позвонил Горбачеву (дело было ночью):

– Михаил Сергеевич, что вы делаете? Моисеев – один из организаторов путча. Шебаршин – ближайший человек Крюčkова.

– Да, возможно, я не сориентировался, – стал оправдываться Горбачев, – но сейчас уже поздно, во всех газетах опубликован указ, его зачитали по телевидению.

Но Ельцин ничего не хотел слушать. Утром 23 августа он приехал к Горбачеву и сразу же потребовал отправить в отставку Моисеева. Разговор двух президентов развивался весьма драматично. Горбачев пытался возражать, но Ельцин стоял на своем. Наконец Горбачев сдался: «Я подумаю, как это исправить». Однако Ельцин не унимался: «Нет, я не уйду, пока вы при мне этого не сделаете. Приглашайте Моисеева прямо сюда и отправляйте его в отставку».

Горбачеву пришлось подчиниться.

Далее последовал уж и вовсе фантастический поворот беседы. Ельцину было известно, что как раз в этот день Моисеев распорядился уничтожить документы, особенно шифровки, подписанные им и относящиеся к путчу. Известна была даже фамилия офицера, которому было поручено этим заниматься, и его телефон. Ельцин передал Горбачеву листок бумаги, где они были указаны: «Попросите по этому телефону и просто спросите, чем этот человек занимается в данный момент».

Горбачев так и сделал – в присутствии Моисеева набрал написанный на бумажке номер. На вопрос президента СССР, какое указание он получил сегодня, офицер вынужден был честно признаться: «Я получил указание от генерала Моисеева уничтожить все

шифровки, касающиеся августовского путча».

«Горбачев повернулся к Моисееву, – пишет Ельцин. – «Вам еще что-то неясно?» Генералу, только что назначенному на пост главы Минобороны, было ясно все...»

Думаю, вряд ли в истории еще были случаи, когда министра снимали таким вот образом.

Горбачев и Ельцин договорились, что назначение новых «силовики» будет согласовано с главами республик.

Встреча десяти

Заседание «9+1» (вот опять эта математическая формула – девять республиканских лидеров и президент СССР) началось в этот же день, 23 августа, часа через два. По предложению Ельцина союзным министром обороны был назначен маршал авиации Евгений Шапошников, во время путча не подчинившийся Язову и не позволивший вовлечь в него военно-воздушные силы. Председателем КГБ, опять-таки «с подачи» Ельцина, договорились сделать Вадима Бакатина. По словам Бориса Николаевича, перед новым главой Лубянки стояла задача «разрушить эту страшную систему подавления, которая сохранилась еще со сталинских времен».

Это был поистине исторический момент, ставилась поистине грандиозная задача, открывавшая перед страной совершенно новые горизонты, горизонты свободы. Увы, она так и не была реализована. КГБ остался в целостности и сохранности, только сменил название. Более того, при Путине стал еще более могущественным и всевластным. У Ельцина не хватило воли, чтобы довести до конца самим же им и задуманное дело.

Настоял Ельцин и на том, чтобы Бессмертных был смещен с поста министра иностранных дел: «выполнял поручения ГКЧП, во все посольства ушли шифровки в поддержку ГКЧП, и всю внешнеполитическую службу он ориентировал на то, чтобы помогать путчистам».

Более того, главе МИДа предлагали стать полноправным членом ГКЧП, но он, как и Лукьянов, из осторожности (не известно, куда кривая выведет) уклонился от этого предложения.

Вместо Бессмертных на пост министра иностранных дел договорились поставить посла в Швеции Бориса Панкина: «Он был одним из немногих послов, кто в первый же день переворота дал однозначную [отрицательную] оценку путчу».

Бальзамом на раны Горбачева было, что все участники заседания согласились: для нормализации обстановки в стране необходимо как можно скорее подписать Союзный договор. Видимо, еще не успели сориентироваться в совершенно изменившейся обстановке, продолжала действовать допутчевая инерция.

В прессе об этих событиях сообщалось довольно скупо. Мол, 23 августа утром Горбачев и Ельцин встретились в Кремле. Сначала говорили тет-а-тет, затем к ним присоединились руководители восьми республик, – тех, кто активно участвовал в новоогаревских переговорах. Перед встречей было сообщено, что на ней предполагается обсудить «широкий круг вопросов, в частности, касающихся дальнейшей доработки и процесса подписания Союзного договора, а также кадровую проблему». Однако журналисты ни на саму встречу, ни в кулуары допущены не были.

Переворот и «контрпереворот»

Эти первые странные горбачевские назначения, сделанные вроде бы скорее по

небрежности, чем с каким-то умыслом, тем не менее, насторожили Ельцина: «Руководить страной Горбачев назначал непосредственных помощников тех людей, которые собирались его свергнуть». Кроме того, сохранялся в неприкосновенности сам механизм, аппарат путча, а это, по словам российского президента, «и был аппарат союзных структур, на всех уровнях функционирования и подчинения, который готов был привести в действие режим чрезвычайного положения», то есть нового путча. Такой угрозой Ельцин как бы оправдывал свои последующие действия по свертыванию союзных чиновничьих структур и передачи их функций российским структурам.

Хотя на самом деле вряд ли Ельцин боялся, что повторение путча возможно. Дело было в другом. Его стратегический замысел, по-видимому, был все тот же – предельно ослабить Центр, в максимальной степени лишив его этих самых подчиненных ему бюрократических структур, управляющих всей страной. Хотя к полной ликвидации его он в тот момент, может быть, еще и не стремился. В сущности, до какого-то момента все как бы двигалось самосплавом, плыло по течению...

Со своей стороны, Горбачев и его окружение заподозрили, что вслед за попыткой переворота, в качестве ответной реакции, Ельцин готовит своего рода контрпереворот. Вадим Медведев прямо пишет в своих воспоминаниях: в окружении Горбачева обдумывались и обсуждались «эффективные меры по приостановке деструктивных процессов начавшегося контрпереворота и разрушения союзных структур».

Точнее было бы сказать не «и», а «то есть прежде всего...»: разрушение союзных структур, начатое Ельциным, в кругу приближенных Горбачева и считали контрпереворотом, хотя открыто об этом никто, разумеется, не говорил. Говорили между собой. Тот же Медведев, по его словам, 30 сентября разговаривал на эту тему с бывшим коллегой по Политбюро Александром Николаевичем Яковлевым, – поделился опасениями, что «провал путча выливается в контрпереворот, сопровождающийся пренебрежением законами, распадом страны, подменой союзных структур российскими и т.д.» Правда, какова была реакция Яковлева на эти опасения, Медведев не упомянул.

Горбачев, как мог, пытался противостоять тут Ельцину, но возможности его уже были невелики.

Устранение Горбачева через его спасение?

Итак, действия Ельцина и его окружения кое-кто расценивал как «контрпереворот». Позже возникла даже версия, что Ельцин для того и предпринял столь стремительные и решительные действия по вывозу Горбачева из Фороса, фактически по спасению его (мало ли что в тот момент еще могло произойти с президентом СССР), чтобы легче было сместить его со своего поста. Анатолий Черняев ссылается на огромную, в четырех номерах «Известий» в августе 1992 года, статью Гавриила Попова, где тот пишет, что у Ельцина был «продуманный план» по устранению Горбачева «через его спасение».

Сославшись на эту известинскую статью Попова, Черняев признается: «Мне очень трудно было поверить, что Руцкой и те, кто приехал с ним тогда (21 августа 1991 года. – **О.М.**) в Форос от имени российского президента, на самом деле были орудием исполнения этого плана».

Из этой цитаты, правда, не ясно, поверил ли все-таки Черняев Попову или не поверил.

На самом деле никакого такого утверждения насчет «коварного плана» Ельцина в статье Попова я не нашел. Самое близкое к этому:

«Выступив за Горбачева, Ельцин сразу же переключил на себя сочувствие Запада. Теперь все на Западе, кому дорог Горбачев, должны были помогать Ельцину.

И, наконец, сторонники самого Горбачева в СССР, вначале попытавшиеся ждать (Примаков, Вольский и другие), рано или поздно были обязаны солидаризироваться с

Ельциным».

Ну и что? Где тут коварный замысел? Предположение о таком способе устранения Горбачева совершенно нелепо. Все это позднейшие «аналитические» рассуждения в спокойной атмосфере – видимо, приморского привилегированного санатория – через год после путча (сам Попов обозначает место написания статьи – «Форос»). Обстановка во время самого путча была настолько напряженной, настолько все висело на волоске, что затевать какую-то интригу еще и против Горбачева, заточенного в своей резиденции в Крыму, для Ельцина было бы верхом безумия.

Короткие дни путча, напротив, были для Горбачева и Ельцина одним из тех периодов, когда они максимально – по крайней мере, так это выглядело внешне – сближались друг с другом. В истории их отношений таких периодов было совсем немного и они быстро заканчивались, открывая дорогу привычному противостоянию этих двух государственных деятелей.

Горбачев держит ответ перед российскими депутатами

23 августа Горбачев встретился с членами российского Верховного Совета. Он еще не оправился после пережитого и не освоился в новой обстановке, держался не очень уверенно. Да и вообще, по оценке помощников Горбачева, сама эта встреча была довольно неудачной затеей.

Вадим Медведев:

«Накануне президент не нашел возможности поехать на заседание Верховного Совета Российской Федерации для того, чтобы высказать ему и Президенту России свою признательность за твердую позицию во время путча. Теперь же это была встреча не с Верховным Советом, работа которого закончилась, а с группой депутатов, журналистов, и она приобрела совсем другой характер. Президент оказался в унижительной роли. Он вынужден был отвечать на многочисленные, порой дерзкие вопросы и реплики в свой адрес, в митинговой, крайне неблагоприятной для него обстановке.

Во время этой злополучной встречи была разыграна еще одна драматическая страница августовской эпопеи: работникам ЦК КПСС под угрозой задержания [было] предписано немедленно покинуть служебное здание. По-видимому, не случайно, что именно тогда Ельцин на встрече Горбачева с депутатами демонстративно подписал Указ о приостановлении деятельности Компартии РСФСР и организаций КПСС на территории Российской Федерации».

Здесь Медведев не совсем точен. Своим указом от 23 августа 1991 года Ельцин приостанавливал лишь деятельность Компартии РСФСР. Позднее, 6 ноября, он подпишет указ о ПРЕКРАЩЕНИИ деятельности КПСС и КП РСФСР на территории РСФСР.

Как бы то ни было, 23 августа на встрече с российскими депутатами действительно произошла запомнившаяся многим весьма неприятная для Горбачева сцена: Ельцин достает ручку и несмотря на робкие протесты президента СССР на глазах у всех подписывает этот «приостановительный» указ (такие жесты – с прилюдным подписанием различных документов – вообще были характерны для него).

То, что он находится в крайне унижительном положении осознавал и сам Горбачев. Позднее он так писал об этом:

«Когда вернулся из Фороса, пришлось выступить в Верховном Совете России, где был подвергнут оскорблениям, даже унижениям. И, надо быть до конца откровенным, не без участия Ельцина. В другое время я бы ушел. В тот момент не мог так поступить...»

Ну да, было нечто более важное, чем собственное унижение и обиды, – нельзя было

сжигать мосты, разрушать едва только начинавшееся послепутчевое взаимодействие с Ельциным и его командой.

О будущем Горбачев говорит расплывчато и общо

Конечно, этот разыгранный Ельциным спектакль с демонстративным подписанием указа был немилосердным. Можно было, наверное, все сделать по-другому, более мягко. Как-никак, Горбачев все еще оставался президентом, главой государства. Однако, в общем-то, этот жестокий спектакль логически вытекал из всего предшествующего, в том числе и из поведения самого Горбачева. Еще раз вспомним, что говорил по этому поводу Brent Скоукрофт: Горбачев и сам усугубил свои проблемы, предприняв неуклюжую попытку защитить коммунизм во время пресс-конференции после возвращения в Москву; это выступление показало, как далек он был от действительности, и выявило его истинные идеологические пристрастия.

В конце концов, помимо прочего, Ельцина можно было понять и психологически: в замыслах путчистов – а это всё были ближайшие соратники Горбачева, – было первым делом арестовать и ликвидировать его самого, Ельцина.

Другой вопрос, что эти замыслы были противоречивые, нерешительные и в итоге не осуществившиеся.

Горбачев терпеливо перенес унижение, выстоял и в своем выступлении перед российскими депутатами вполне адекватно оценил все случившееся в последние дни. Сказал, что у заговорщиков были далеко идущие замыслы, прежде всего – «нанести удар по авангардным демократическим силам, которые на себе несут ответственность за демократические преобразования в стране». Путчисты полагали, что в результате проводимых в стране преобразований Союз оказался «на грани гибели, развала», что его ждут «национальные катастрофы», а потому народ их, путчистов, поддержит. Но народ – не поддержал, выступил против. Говоря о том, «кто что делал в эти дни», Горбачев отдал должное позиции Российской Федерации и опять, в очередной раз, особо выделил «выдающуюся роль в этих событиях Президента России Бориса Николаевича Ельцина».

Упомянул Горбачев и о той лжи, которую он еще 18 августа услышал от приехавших к нему путчистов – будто Ельцин уже арестован:

– Элементом... шантажа по отношению к Президенту страны было сообщение о том, что Президент России уже арестован. Иначе говоря, расчет был вот такой: нанести удар, изолировать Президента страны, если он не согласится на сотрудничество с этими реакционными силами, и изолировать Президента Российской Федерации.

Отвечая на вопросы, президент коротко сказал о своем будущем политическом курсе, сказал довольно расплывчато и общо: «нужна мощная перегруппировка политических сил, нужны надежные властные структуры и расстановка сил, кадров, которая обеспечила бы продолжение реформ».

Конкретным был лишь один пункт, касающийся любимого детища Горбачева – Союзного договора:

– Мы должны идти, и быстрее, к Союзному договору. Ведь в общем-то именно подписание нового Союзного договора при всей его критике с разных сторон подстегнуло все реакционные силы предпринять этот путч, потому что они знают, что такое новый договор и его последствия.

По словам Горбачева, «все республики, все руководители республик высказывались за то, чтобы мы сейчас взаимодействовали вместе в рамках единого Союза».

Подобные слова он еще долго будет произносить, словно заклинание: все республики – за Союз. Будет говорить их даже и тогда, когда от Союза уже ничего не останется.

Горбачев, «глядя в глаза» собравшимся, признался, что он пережил тяжелейшую

личную драму, близко столкнувшись с предательством и предателями: ведь в числе тех, кто привез ему ультиматум, были начальник его президентского аппарата Болдин, человек, которому он «полностью доверял», член Политбюро, секретарь ЦК Шенин, заместитель Горбачева по Совету обороны, бывший секретарь ЦК Бакланов...

Как говорилось в сообщении ТАСС, Горбачеву было задано немало «трудных» вопросов. На многие из них ему пришлось отвечать, «преодолевая смущение и самолюбие».

В общем, эта встреча с российскими депутатами 23 августа, включая сюда и ельцинский демарш с подписанием «антикоммунистического» указа, стала очередным серьезным испытанием для нервной системы президента СССР.

Горбачев – больше не генсек

24 августа во второй половине дня Горбачев заявил, что слагает с себя полномочия генсека ЦК КПСС, объясняя это тем, что руководство партии «не выступило против государственного переворота», «не сумело занять решительную позицию осуждения и противодействия, не подняло коммунистов на борьбу против попрания конституционной законности»; более того, «среди заговорщиков оказались члены партийного руководства», «ряд партийных комитетов, средств массовой информации (надо полагать, имелось в виду – партийных. – О.М.) поддержали действия государственных преступников».

Слагая с себя полномочия генсека, Горбачев призвал и ЦК КПСС принять «трудное, но честное» решение – самораспуститься.

Казалось бы, странно: всего лишь двое суток назад Горбачев заявил, что «до конца» будет бороться за реформирование партии, за реализацию «обновленной» программы КПСС и вот... Конечно, сохранять это намерение, этот порыв можно было и расставшись с должностью генсека, оставаясь рядовым членом партии (из нее Горбачев не выходил), однако на практике... На практике, как мы понимаем, такие возможности у него резко сокращались, сокращались почти до нуля.

Не думаю, что Горбачев покидал свой пост с большим сожалением. Он собирался его оставить еще на апрельском пленуме 1991 года. Но, вообще-то, если задуматься, для сожаления, наверное, могли быть причины. В конце концов, именно благодаря этой своей партийной должности – генсека – Горбачев получил возможность совершить главное дело своей жизни, великое дело – начать и достаточно далеко продвинуть гигантские демократические преобразования в стране, стать инициатором фантастических по своим масштабам изменений в мире.

Но вот – ушел. Покинул свой пост, исходя не из смены идеологических пристрастий, а из трезвого политического расчета. С его уходом бесславно завершилось непомерно затянувшееся, семидесятичетырехлетнее «триумфальное» бытие бывшей «руководящей и направляющей», с позволения сказать, «ума чести и совести нашей эпохи». Помимо того, что Ельцин небрежно, как бы мимоходом, подмахнул на встрече с российскими депутатами указ о приостановке ее деятельности на необъятных российских просторах, она теперь лишалась и своего вожака. В общем, как говорится, для нее наступил «полный абзац».

Впрочем, осколки ее, возглавляемые уроженцем деревни Мымрино, что на Орловщине, бывшим инструктором ЦК КПСС и капитаном волейбольной команды этого высшего партийного органа, верным ленинцем-сталинцем товарищем Зюгановым, еще долго будут коптить небо, мороча голову довольно значительной части российской популяции набившими оскомину разговорами о несбыточной коммунистической утопии.

ГКЧП нет, угрозы остаются

Итак, после путча, который вроде бы был направлен на то, чтобы спасти советскую

империю, она, напротив, стала стремительно разрушаться. В конце августа у нее еще оставались три главные опоры – президент, Верховный Совет и Съезд. Кроме них, были разнообразные союзные властные структуры, но они играли в общем-то второстепенную роль. Главных властных опор было три.

Президент Горбачев лишь короткое время по возвращении из Фороса пребывал в растерянности – как быть, в какую сторону грести. Но быстро сориентировался, понял: в прежнем виде Союз сохранить уже невозможно, надо приложить все силы, чтобы, включившись в набирающий обороты процесс его трансформации, спасти союзное государство хоть в каком-то виде, предотвратить его полный и окончательный распад.

За вычетом президента, на пути этого не вполне ясного по своей сути процесса оставались две преграды, олицетворяющие старый Союз и вроде бы не собирающиеся расставаться с ним, – союзный Верховный Совет и Съезд народных депутатов СССР.

Насколько серьезны эти препятствия, в общем-то тоже было не вполне ясно. По крайней мере, Съезд мог оказать достаточно серьезное сопротивление. Так или иначе, чтобы как-то трансформировать старый Союз, решительным образом обновить его, не обязательно его разрушая, эти барьеры предстояло преодолеть.

Однако все более очевидно становилось, что и до разрушения совсем недалеко...

Украина объявляет о своей независимости

24 августа Верховная Рада Украины провозгласила ее независимым демократическим государством. Согласно постановлению Рады, отныне на территории республики действуют лишь ее Конституция, законы, постановления правительства и другие республиканские законодательные акты. Пояснилось, что этот шаг предпринят, «исходя из смертельной опасности, нависшей над Украиной в связи с государственным переворотом в СССР 19 августа 1991 года».

В общем-то, если читать текст постановления, это была еще не совсем независимость, не та независимость, которую провозгласила, например, Литва 11 марта 1990 года. Там предполагался выход республики из СССР, здесь пока еще – нет. Здесь декларировалось лишь верховенство республиканских законов. Точнее, даже не верховенство, а их единственность в качестве законодательных актов. Короче, постановление о независимости было скорее все той же декларацией о суверенитете.

Вопрос о настоящей независимости предполагалось решить на всеукраинском референдуме 1 декабря.

Такие референдумы в ту пору проводились не во всех республиках. Почему на Украине решили к нему прибегнуть? Ну, формально – чтобы придать акту о независимости больший вес, чтобы потом можно было говорить: ну, смотрите, почти весь народ, в едином порыве, проголосовал за независимость. Подозреваю, однако, что тут еще был некий политический расчет Кравчука, в то время председателя Верховной Рады. Думаю, три оставшихся до референдума месяца ему нужны были, чтобы поиграть с Москвой «в кошки – мышки». Нетрудно было догадаться, что из Москвы, из союзного Центра его каждый день будут увещевать: «Остановитесь! Не покидайте нас!» (Всем было ясно, что с уходом Украины Советскому Союзу – конец). А он будет надувать щеки и сквозь зубы цедить: если, мол, будете себя хорошо вести, может, и не покину. И выторговывать под это дело разнообразные побрякки.

К тому же одновременно с референдумом Кравчук наметил провести на Украине президентские выборы, мало сомневаясь, что изберут именно его. Для президентских выборов нужна какая-никакая предвыборная кампания, какой-то временной лаг. Вот и отложили независимость на три месяца. Поскольку ясно было, что на референдуме большинство избирателей проголосует за независимость (хотя на референдуме 17 марта большинство украинских жителей, напротив, проголосовали за «единый и неделимый» –

Горбачев будет постоянно напоминать об этом Кравчуку), все кандидаты в основу своей программы положили именно ее, все за нее агитировали. Но Кравчук тут обладал неоспоримым преимуществом: он был «при кресле» и имел возможность кричать о независимости чаще всех и громче всех.

Горбачев и Ельцин в общем-то одинаково отнеслись к решительному курсу Киева на отделение. Отрицательно отнеслись. Хотя Горбачев подозревал, что Ельцин тут неискренен: он-де не желает, чтобы именно его считали главным разрушителем Союза, передоверяет эту роль Кравчуку, на словах осуждает «отделенческие» устремления Украины, а втайне поддерживает их, даже подталкивает Кравчука в его сепаратистских действиях.

...Как бы то ни было, дальнейший путь Украины, вплоть до конца 1991 года, – стремительный и необратимый уход из Союза.

Запад меняет ориентиры – с Горбачева на Ельцина

Ельцин высоко оценивает, как повели себя ведущие, да и не только ведущие, западные лидеры во время путча. Хотя у них вроде бы и могли возникнуть сомнения, кого и в какой степени поддержать. А что, если за спиной у путчистов действительно скрывается Горбачев, их любимец, желающий таким вот, прямо скажем, экстравагантным способом спасти страну от развала? Но, в общем-то, они довольно решительно сделали свой выбор. Ельцин:

«Политиком номер один для американцев в нашей стране по-прежнему оставался Горбачёв. А если он действительно болен? А если он все же поддержит ГКЧП, то есть свою же собственную команду? А если Ельцин – «калиф на час», и ситуация изменится за считанные минуты? Мораль моралью, а дело-то придётся иметь тогда все же с бывшими горбачевцами, с Янаевым, например? Президент США не мог, не имел права не задуматься и над этим аспектом. Но Джордж Буш не просто позвонил, он немедленно начал организовывать международную поддержку России, вести переговоры с лидерами стран НАТО, делать политические заявления и так далее. Господин Буш однозначно проявил себя в первую очередь как нравственный политик. Джордж Буш старше меня. Он представитель фронтового поколения. И для меня его поддержка в человеческом плане была неоценима.

Гельмут Коль. Он в тот день оказался на охоте, далеко в горах. Многие говорят, что мы с ним похожи внешне, оба крупногабаритные, есть схожесть и в привычках, во взглядах на жизнь, в манере поведения. Я всегда испытывал к нему особую симпатию.

Несмотря на все трудности, Гельмут Коль смог со мной соединиться. И я думаю, что он бы это сделал в любом случае, даже если бы в Москве уже стреляли танки.

...Про танки сказал Буш. Он сказал: если вы вырветесь из танковых тисков, это будет окончательная победа, Россия проложит себе путь в цивилизованное сообщество государств.

Звонили премьер Италии, премьер-министры Испании, Франции, лидеры Аргентины, Японии, Канады. Всем им огромное спасибо. Солидарность была продемонстрирована – не в какой-то затяжной, долгосрочной политической кампании, а мгновенно, сразу, когда определяться надо было за минуты...

Среди тех, кто звонил мне 19 августа, я ещё не назвал Маргарет Тэтчер. Таких людей в мировой политике единицы. К их мнению будут прислушиваться всегда, независимо от занимаемой ими должности. Но даже в этом узком кругу г-жа Тэтчер выделяется особо...

То, что западные страны не стали выжидать, оказалось неожиданностью для ГКЧП. Вечером того же дня они невнятно пробурчали на пресс-конференции о «преждевременной реакции» и «вмешательстве во внутренние дела»...

Это был пролог к новой международной политике в отношении России». Такая безоговорочная поддержка западных лидеров была особенно ценна на фоне того, что многие руководители бывших «братских» союзных республик, как уже говорилось, трусливо поджали хвост и выжидали, чья возьмет. Помимо прочего, путч, его поражение, победа демократических сил под водительством Ельцина, конечно, подтолкнули западных лидеров на более тесные контакты с российским президентом. Его авторитет в их глазах резко возрос. Увы, – в ущерб авторитету Горбачева.

Горбачев не держится и за второе кресло...

Чрезвычайная сессия Верховного Совета СССР открылась 26 августа, по горячим следам путча. Попытавшись захватить власть, гэкачеписты рассчитывали, что союзный парламент на своем ближайшем заседании узаконит их властвование. Я думаю, у них были достаточные основания для такой надежды. Но вот ведь, как обернулось дело: этим же самым людям – членам ВС, которые, надо полагать, вполне могли одобрить авантюру Янаева и Ко, – приходилось теперь приспособливаться к новым обстоятельствам, определять свое отношение к новой, совершенно неожиданной для них реальности.

Открывший сессию председатель Совета Союза Иван Лаптев начал свою речь словами покаяния:

– Кроме горя и боли, я испытываю великое чувство стыда. Здесь, в центре великого государства, кучка авантюристов нагло попирала надежды людей на закон и законность, на демократическое свободное развитие. А мы, Верховный Совет страны, его Президиум – первые гаранты законности – сделали вид, что нас это касается мало.

С покаянными словами выступил и Горбачев. Покаялся он в том, что проявил «либерализм и снисходительность» к тем, кто в предавгустовские дни выступал с «истеричными», «провокационными» заявлениями в печати, на пленумах ЦК КПСС, открыто саботировал многие «перестроечные решения» и тем самым готовил почву для переворота.

– Никаких колебаний, никаких соглашений в дальнейшем с моей стороны не будет, – пообещал Горбачев. – Переворот – это урок.

Президент вновь выразил «безграничную благодарность сотням тысяч москвичей, которые вышли на улицы, бесстрашно глядя в дула автоматов и пушечные стволы, отстаивали свободу и законность», вновь особо отметил «огромную роль», которую «сыграли в организации срыва и разгрома переворота Борис Николаевич Ельцин, парламент России, жители Ленинграда, Киева и их руководители, позиция народов других республик».

Вслед за этим Горбачев перешел к тому, что более всего его волновало все последние месяцы, но что теперь предстало совсем в новом свете.

– Самое важное, – сказал он, – немедленное возобновление ново-огаревского процесса и работы над подписанием Союзного договора. Он должен быть скорректирован с учетом тех горьких реалий, которые породил путч...

Следующая важная мера, которую Горбачев предложил уже в конце своего выступления – «немедленно после подписания Союзного договора нужно начинать предвыборную кампанию по выборам всех союзных органов законодательной и исполнительной власти, включая президента СССР».

Помимо прочего, этим Горбачев как бы хотел сказать, что он вовсе не держится за президентское кресло и отдает свою судьбу на волю народа (только что, напомню, он покинул кресло генсека). Собственно говоря, несколько позже он заявил об этом открытым текстом – пообещал уйти в отставку, если не удастся сохранить Союз как единое

государство. Эту угрозу он станет затем повторять раз от разу, так что у слушателей малопомалу станет накапливаться что-то похожее на раздражение. Однако в конце концов Горбачев действительно уйдет. Правда, – когда не уйти уже будет невозможно.

Наиболее значительным во второй половине дня сессии ВС было выступление Нурсултана Назарбаева. Как бы отвечая Горбачеву, он решительно заявил, что Союзный договор теперь не может быть подписан и что отныне речь вообще должна идти не о федерации, а о конфедерации. По его мнению, будущее Союза – это «горизонтальные связи».

Как писала тогда «Российская газета», после этого и других выступлений «стало очевидно, что мы присутствуем при похоронах Советского Союза как единого федеративного государства».

Ельцин ожидает атаки со стороны реваншистов

Ельцин не удостоил своим присутствием сессию союзного Верховного Совета, хотя Иван Лаптев просил его выступить перед депутатами. Российский президент отдал предпочтение проходившему в те же дни Конгрессу соотечественников. Здесь на вопрос о том, как он относится к чрезвычайной сессии союзного парламента, Ельцин прямо заявил:

– Я считаю, что Верховный Совет СССР – соучастник путча... На чрезвычайном Съезде народных депутатов СССР, который откроется 2 сентября, скажу, что нынешний состав ВС СССР надо распустить.

И добавил:

– Заслуживает роспуска и сам Съезд, этот орган не нужен. Уже есть тревожные сигналы о том, что силы контрреволюции попытаются взять реванш, что, дескать, «на Съезде мы захватим всю горбачевскую команду». Кажется, надо готовиться к большой схватке.

Ельцин подтвердил свою позицию: он за «очень серьезно» обновленный Союз, который не был бы, как раньше, орудием подавления республик.

«В Союз объединятся полноценные государства, а не призраки»

Эта позиция еще раз была провозглашена Ельциным 29 августа в выступлении по «Радио России». По его словам, ситуация в стране за дни после разгрома путча коренным образом изменилась. Основные рычаги власти выпадают из рук тех сил, которые десятилетиями управляли страной. Рушатся незыблемые ранее структуры партийного аппарата, КГБ и те органы государства, которые проводили в жизнь их волю. Происходит обвал союзного Центра, обвал той мощной бюрократической системы, которая шесть лет стояла на пути преобразований.

Вообще-то, если быть точным, коммунистическая бюрократия стояла на пути преобразований не шесть лет, а гораздо больше – семьдесят четыре года, считай. Но здесь, видимо, сказалось желание Ельцина в очередной раз «поддеть» Горбачева: шесть с лишним лет – это время его правления.

Однако развал Центра, продолжал Ельцин, – это еще не развал страны. Уже началось движение от монополии государственных структур в экономике к рынку, от всевластия и бесконтрольности бюрократического аппарата к демократии, от идеологического диктата КПСС к духовной свободе, от унитарного сверхцентрализованного общества к свободному Союзу суверенных государств.

И далее – как все-таки быть с тем, что республики одна за другой объявляют о своей независимости:

– Всех волнует судьба Союза, высказывается тревога о его будущем. Действительно, переворот нанес мощный удар по стране, сорвал подписание Союзного договора, усилил центробежные тенденции. Ситуация действительно сложная, но далеко не безнадежная. Постоянно встречаясь в эти дни с руководителями республик, разговаривая с ними по телефону, еще раз убеждаешься, что идея Союза себя не исчерпала, стремление создать новый, действительно свободный, действительно добровольный союз суверенных и, подчеркиваю, равноправных государств по-прежнему сильна. События только уточнили наши представления о нем. Нас не должно пугать объявление рядом республик своей независимости. В Союз будут объединяться полноценные государства, а не призраки. Только тогда они получают возможность действительно делегировать в Союз ряд своих функций. Республики сами создадут новый Центр, органы управления по важнейшим направлениям, координации экономической реформы, вооруженные силы, ядерный потенциал и другие. Они четко определяют, какие органы власти необходимы на союзном уровне, очертят сферы их компетенции и структуры.

Такова была 29 августа 1991 года позиция Ельцина относительно Союза и Союзного договора: Союзу – быть (в форме ССГ), Союзный договор следует как можно быстрее доработать и подписать. Любопытно, что в тот момент Ельцин придерживался того же, довольно странного, взгляда на независимость республик, какому до конца был привержен Горбачев: независимость независимостью, но она ни в коей мере не мешает вхождению «независимой» республики в состав союзного государства. Независимые республики – это даже лучше для Союза: «в Союз будут объединяться полноценные государства, а не призраки».

Ельцин хвалит Горбачева

Не один Ельцин опасался, что внеочередной V Съезд станет площадкой для продолжения боя, начатого 19 августа. «На предстоящем Съезде народных депутатов СССР вполне возможно продолжение разгромленного путча, но уже, так сказать, в конституционных рамках», – писала в те дни «Российская газета»

Уже на сессии Верховного Совета выявилась одна из целей, которую попытаются достичь на съезде противники Горбачева и Ельцина, – внести раскол между ними, да и вообще между президентом СССР и главами республик. Надо было заранее подготовиться к этому, нейтрализовать такую попытку.

Ночью перед открытием съезда (он открывался 2 сентября) в Кремле собрались Горбачев и руководители десяти республик. Задача была – договориться о каком-то совместном документе, который можно было бы вынести на съезд. Преобладало мнение, что в итоге своей работы, приняв другие необходимые решения, Съезд должен самораспуститься. Но вот вопрос – захочет ли он это сделать? Верховный Совет не захотел. В конце концов, Съезд по-прежнему оставался высшим органом законодательной власти. Если не захочет добровольно уйти со сцены, что тогда? Разгонять его силой, как большевики в 1918-м разогнали Учредительное собрание? Надо было составить документ таким образом, чтобы свести к минимуму желание депутатов возражать против самоликвидации.

Видимо, уже совсем оправившись от августовского шока, Горбачев во время этого ночного бдения действовал разумно и решительно, что не преминул отметить Ельцин. «Во время работы над этим документом, – пишет он в своих мемуарах, – Горбачев все время шел на компромиссы, не обращал внимания на мелочи, держался согласованной позиции с главами республик. Он сильно изменился после августа. Объявляя о своем суверенитете, одна республика за другой резко меняли политический расклад в уже

бывшем – это становилось определенно ясно для всех – Советском Союзе. В новой реальности Горбачеву оставалась только одна роль – объединителя разбежавшихся республик».

Огласить совместное заявление, подписанное Горбачевым и главами десяти республик, поручили Нурсултану Назарбаеву.

В заявлении были намечены три главных направления, по которым следовало двигаться, – Союзный договор, экономическое соглашение, соглашение о коллективной безопасности, предусматривающее единые Вооруженные Силы. Вокруг этих вопросов и пойдут дальнейшие споры и борения. Уже тогда было видно, что легче всего, хотя бы «в принципе», будет наладить экономическое взаимодействие. Что касается Союзного договора, соглашения о коллективной безопасности на основе единых Вооруженных Сил, – тут все было покрыто мраком неизвестности.

Уже и в этот момент было видно, что намечающийся Союзный договор будет сильно отличаться от того проекта, который был подготовлен к моменту путча.

На рассмотрение депутатам был предложен и еще один документ, подписанный президентом страны и руководителями республик, документ, так сказать, процедурный. Съезду предлагалось, как говорится, не «разводить турусы на колесах», а закончить все дискуссии за три дня, в повестку же вместо девяти пунктов, которые предложил Верховный Совет, внести один-единственный главный вопрос – зачитанное Назарбаевым Совместное заявление «10+1».

После того, как были оглашены два этих заявления – все заняло несколько минут – все тот же Иван Лаптев сразу же объявил перерыв, – чтобы депутаты, дескать, смогли бы обсудить предложенное.

Депутаты были в недоумении: зачем, почему? Кто-то пытался протестовать. Долго не расходились из зала, обменивались мнениями, что бы такие новации могли означать. Самые сметливые догадались: это некий «упреждающий удар».

Заседание возобновилось лишь через четыре часа. Выступавшие в основном одобряли предложенные меры. Но были и резкие, протестующие речи.

Резко против Совместного заявления и против тяги республик к независимости выступил депутат Самарин. Депутат Оболенский – тот самый, который в свое время произвел шок, выдвинув самого себя в спикеры Верховного Совета СССР, в противовес Горбачеву, – вещал с трибуны о подлом вероломстве, предательстве, политической проституции авторов заявления и сочувствующих им:

– Группа руководителей беззастенчиво присвоила себе право определять, как нам жить дальше... Главы палат нас предали... Назарбаеву была отведена роль матроса Железняка... Хватит относиться к Конституции, как к публичной девке, приспособливая ее к прихотям очередного царедворца...

Однако все республиканские депутатские группы голосованием внутри каждой группы, большинством голосов, высказались в поддержку Совместного заявления и тех радикальных мер, которые в нем предлагались.

Когда закончилось вечернее заседание первого дня, на Красной площади депутатов встретили тысячи людей, образовавших живую цепь от Спасских ворот до гостиниц «Москва» и «Россия», где жили депутаты. Обращаясь к ним, люди скандировали: «Са-мо-рос-пуск! Са-мо-рос-пуск!»

Ельцин обвиняет Центр и... Горбачева

Во второй день съезда на нем выступил Ельцин. Он говорил о кризисе власти, высшей точкой которого и стал недавний путч. Главной его мишенью стал союзный Центр.

– Августовский переворот не был случайным, – сказал Ельцин. – Он явился закономерным результатом той политики, которая проводилась в стране. Уже длительное время в Советском Союзе существует и все более углубляется кризис власти. Союзное руководство из месяца в месяц действовало фактически вслепую, не имело четкого политического курса. Провозглашая правильные лозунги, на практике всячески тормозило их осуществление... С прошлого года активную роль в стране стали играть республики. Союзные структуры, отвергающие все новое, заняли по отношению к ним резко конфронтационную позицию. Около года длилась фактически холодная война между Центром и республиками. В союзных структурах так и не смогли понять, что обретение республиками... суверенитетов – это не «происки демократов», а объективная тенденция нашего времени. Были надежды, что Съезд и Верховный Совет СССР смогут начать генеральную реконструкцию Центра... К сожалению, этого не произошло. В дни путча в стране не было высшей законодательной власти, не было парламента. Руки хунты были развязаны. Своим бездействием Верховный Совет обеспечил ей режим наибольшего благоприятствования. Если говорить в целом, до последнего времени союзный Центр по сути оставался неизменным. Он безнадежно отстал от страны, перестал понимать, какие процессы в ней идут. В нем решающую роль продолжала играть партократия, чья позиция по отношению к переменам хорошо известна. И когда стало ясно, что страна окончательно выходит из-под контроля высших партийно-государственных структур, решили использовать крайнее средство – насилие по отношению к миллионам граждан, по отношению к своей стране. Решили с помощью силы вернуть страну в прошлое.

Дошла речь и до Горбачева. Хотя вроде бы в предсъездовские дни они действовали согласованно, Ельцин охватил взглядом более длительный отрезок времени, предшествовавший путчу:

– Оценивая причины путча, не могу не сказать о роли президента страны. Его непоследовательность в проведении реформ, нерешительность, а порой и капитуляция перед агрессивным натиском ущемленной в правах партократии – все это создавало благоприятную почву для реванша тоталитарной системы. Не думаю, что Михаил Сергеевич не знал истинной цены Янаева, Крючкова, Пуго, Язова и других. Вспомним январь этого года, когда страна с тревогой ощутила: курс президента Горбачева делает резкий крен вправо. Позиции сдавались одна за другой, усиливалась репрессивная роль КГБ, узаконивалось участие армии в решении политических проблем, ужесточился контроль над средствами массовой информации.

Но Ельцин вовсе не собирается, подобно многим в то время, пригвоздить Горбачева к позорному столбу, он верит, что путч стал для него уроком:

– Да, сегодня мы вправе предъявить претензии Горбачеву. Подчеркиваю – претензии, но не счет. После переворота страна, и в первую очередь Россия, стала иной. Иным стал и президент. Он нашел в себе силы многое переоценить. Это шаг, достойный доверия. Я, например, лично верю сегодня Горбачеву Михаилу Сергеевичу значительно больше, чем даже три недели назад, до путча.

Незадолго до путча, напомню, в дни, когда Горбачев собирался в отпуск в Крым, между ними, Горбачевым и Ельциным, действительно установилось редкое в их отношениях взаимное доверие.

Чем же должен, по мнению Ельцина, сейчас заниматься президент СССР и вообще союзные органы власти? По его словам, главное, чем они должны теперь, в новых условиях, делать, – не раздавать команды и директивы, а согласовывать и координировать действия республик. Путчисты сорвали подписание Союзного договора, но, как считает Ельцин, не смогли уничтожить стремление республик построить новый Союз. Стал необратимым развал тоталитарной империи, а новые добровольные, равноправные отношения между республиками выстояли. Именно это не допустило анархии и хаоса в стране, высшие государственные органы которой оказались деморализованы и парализованы. Именно республики сегодня – главный источник стабилизации. Стремление подмять их,

заблокировать только подтолкнет страну к катастрофе.

Все это очень важные слова. У многих утвердилось мнение, что Ельцин люто ненавидел Горбачева, все делал для того, чтобы отстранить его от власти, ради этого готов был даже пойти на развал страны. В действительности, мы видим, после путча он как бы давал Горбачеву шанс нащупать правильную линию поведения, чтобы и страну сохранить, и самому остаться в политике. Другое дело, оставался ли в реальности такой шанс? Как на деле осуществить это ельцинское пожелание: президент СССР и союзные органы власти должны просто «согласовывать и координировать действия республик»? Вряд ли это дело президента, – скорее просто обыкновенного диспетчера.

Горбачев выпускает вожжи из рук

Итоги дискуссии второго дня съезда подвел Горбачев. Он признал, что допустил ряд промахов и ошибок, но при этом отверг хамские выпады в свой адрес и утверждения, будто на данном съезде произошел «конституционный переворот». Напротив, сказал Горбачев, если все предлагаемое в Совместном заявлении будет реализовано, мы предотвратим неконтролируемый распад страны.

В третий день съезда Горбачев на нем председательствовал. Заседание было разбито на две части. Две первые прошли довольно бестолково, однако третью часть президент повел вроде бы весьма решительно, заявив своим противникам, прежде всего из реакционной группы «Союз», опять-таки рванувшимся к микрофонам, что не даст утопить обсуждение важнейших для страны вопросов в потоке бессмысленных заклинаний. Однако осуществить эту свою решимость Горбачеву не удалось. Когда он предложил приступить к обсуждению итоговых документов съезда – «О Совместном заявлении» и «Об органах государственной власти в переходный период» – и поставил этот вопрос на голосование, большинство депутатов проголосовали «за», однако на табло почему-то высветилось «Решение не принято». То ли это был просто технический сбой, то ли чья-то умышленная провокация, но возникшего замешательства оказалось достаточно, чтобы Горбачев выпустил председательские вожжи из рук. От микрофонов и с трибуны вновь посыпались обвинения в адрес Горбачева, Ельцина и Ко, нацеленные против их предложений, подстрекавшие депутатов к бунту.

Третий день съезда также прошел безрезультатно, в режиме дискуссионного клуба.

День четвертый, завершающий

Во время четвертого, последнего дня съезда вновь председательствовал Горбачев. И на этот раз настроен он был еще более решительно и серьезно. Едва только один из депутатов попытался возобновить бесконечную дискуссию о судьбе Верховного Совета, – сохранить его или распустить, – как Горбачев распорядился отключить все микрофоны:

– Хватит. У нас было достаточно времени предложить свои поправки и редакционной комиссии, и другим формированиям съезда. К тому же вчера в течение нескольких часов заседали республиканские делегации, которые выработали общее мнение и общие подходы к принимаемым документам.

Началось поименное, постатейное голосование по проекту постановления «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период».

Первый абзац первой статьи, содержащий общие слова о том, что высшим органом законодательной власти в переходный период будет двухпалатный Верховный Совет СССР, принимается. Двумя третями голосов. Но уже со вторым абзацем – прокол. Его

переголосовывают трижды – нужного результата нет. Между тем абзац очень важный. В нем говорится о том, что Совет Республик – основная теперь палата Верховного Совета СССР – формируется по принципу: 20 депутатов от каждой республики из числа народных депутатов СССР и союзных республик, делегируемых высшими органами власти этих республик; России предоставляется здесь 52 места как федеративному государству, имеющему в своем составе бывшие автономные образования; чтобы все республики были равноправными при голосовании, каждая республика имеет один голос. Иными словами, реальная власть теперь будет – у республик, которые на месте СССР в дальнейшем собираются создать какое-то Содружество Суверенных Государств. Депутаты против этого.

Что делать в такой ситуации? «Российская газета»:

«Перед Горбачевым стояла дилемма: либо объявить перерыв и начать вновь бесконечные согласования и пересогласования, либо «власть употребить». Он остановился на последнем. Если, мол, не будет принят этот абзац, вся дальнейшая работа теряет смысл, а потому съезд будет попросту закрыт. Подействовало, еще как подействовало! Далее принятие многократно проработанного и переработанного документа двигалось как по маслу. Будет у нас теперь и Совет Республик как главенствующий законодательный орган, и Государственный Совет из президента СССР и высших должностных лиц союзных республик – оперативный орган, способный реагировать на самые острые ситуации совсем не так, как среагировал в дни путча союзный, с позволения сказать, парламент. Упраздняется должность вице-президента. Создается Межреспубликанский экономический комитет, который в состоянии и управлять народным хозяйством, и согласованно проводить экономические реформы. А вот не будет, как небеспочвенно надеются сейчас очень многие люди, в том числе и прогрессивная часть народных депутатов СССР, аппаратных игр в парламенте, многомесячного пустословия и десятков никому не нужных, ни в одной точке не пересекающихся с жизнью законов, которые штамповало послушное политически настроенному идеологу путча (Лукьянову. – **О.М.**) «агрессивное большинство».

Этот пассаж газета завершала весьма пафосно:

«Да, победа демократии, достигнутая на баррикадах у Белого дома, развита в зале Кремлевского дворца съездов!»

Среди органов государственной власти Съезд народных депутатов СССР не упоминался, то есть фактически 5 сентября 1991 года он сам себя распустил.

Горбачев и Ельцин объясняются друг другу... в дружбе

В этот день, 5 сентября, американская телекомпания Эй-Би-Си организовала телемост, во время которого Горбачев и Ельцин отвечали на вопросы, задаваемые из США. Первым был вопрос, заданный американским телекомментатором Питером Дженингсом: каковы теперь, после путча, личные взаимоотношения Горбачева и Ельцина – ведь многие в мире по-прежнему считают этот вопрос ключевым для будущего СССР?

– Были моменты, – сказал Ельцин, – когда Михаил Сергеевич Горбачев считал, что я – политический труп (действительно были такие моменты; вспомнить хотя бы горбачевское, обращенное к Ельцину: «До политики я тебя больше не допущу». – **О.М.**) И я порою считал, что он не может больше быть президентом страны (в подтверждение этих слов можно напомнить хотя бы телеинтервью Ельцина 19 февраля 1991 года с требованием отставки Горбачева. – **О.М.**) Но после путча Президент Горбачев сильно изменился. Сейчас мы дружно ведем общую тяжелую работу.

– Последние события открывают возможности для того, чтобы это сотрудничество было надежным и прочным, – в свою очередь подтвердил Горбачев.

В одном из вопросов было высказано предположение, что Ельцин использует сложное положение, в котором после путча оказался Горбачев, для укрепления и расширения своей

личной власти. И Горбачев, и Ельцин отрицали это. Впрочем, Горбачев признал: «Об этом идет много разговоров», – но объединение всех демократических сил страны все же важнее, чем личные отношения двух лидеров.

Это, конечно, прозвучало как пожелание, но не как констатация реального положения дел.

Был вопрос насчет советского ядерного оружия, волновавший в ту пору всех на Западе более всего: не выйдет ли оно из-под контроля в связи с нестабильностью политической ситуации в СССР? Горбачев здесь произнес те самые слова – твердо заверил, что контроль за ядерным оружием в Советском Союзе «более жесткий, чем в США». По его словам, даже в дни путча «ни малейшей угрозы произвольного использования этого оружия не существовало».

Здесь президент, конечно, был не искренен. Мы ведь видели: путчисты отняли у него «ядерную кнопку»; в чьих руках она находилась трое суток, ему было неизвестно – в трясущихся ли руках Янаева или в руках высокопоставленных генералов из Минобороны и Генштаба.

Ельцин же «без колебаний» заявил, что ядерное оружие, находящееся в данный момент на территории России, Украины, Белоруссии и Казахстана, вскоре начнут перемещать в РСФСР.

Это тоже было преждевременное заявление. Серьезных переговоров по поводу судьбы ядерного оружия в тот момент еще не было. Эта судьба решится лишь после заключения Беловежских и Алма-Атинских соглашений.

Горбачева спросили: вправе ли он на предстоящих президентских выборах претендовать на пост главы государства, учитывая, что практически все люди из его ближайшего окружения предали его во время недавнего путча. Горбачев честно ответил: он надеется, что люди будут оценивать его по его реальным делам, но не исключает и неблагоприятного для себя исхода выборов.

– Что ж, – сказал Горбачев, улыбнувшись, – такова уж доля политического деятеля.

ЕЛЬЦИН ВЫБИРАЕТ НАПРАВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ

«Меморандум Бурбулиса»

После съезда Ельцин сразу удалился на отдых в Сочи. Уезжал он вроде бы на пару недель, но отдых затянулся, вызывая недовольство всех, кто после подавления путча ждал от российского президента дальнейших решительных и энергичных действий, – начала настоящих реформ в стране. Но такие провалы после периодов кризиса, когда Ельцин действовал на полную силу, были характерны для него.

Где-то в середине сентября к Ельцину, расслаблявшемуся на черноморском побережье, наведался государственный секретарь Геннадий Бурбулис. Он привез российскому президенту документ под названием «Стратегия России в переходный период», который, видимо, сыграл весьма важную роль в представлении Ельцина, куда именно следует грести в сложившейся обстановке. Горбачев даже считал, что эта роль была едва ли не решающей. А возможно она таковой и была. Позже документ получил неофициальное название «Меморандум Бурбулиса», или, по-другому, «Аналитическая записка Бурбулиса».

В «меморандуме» был анализ чрезвычайной ситуации, сложившейся в стране, и предложения, что следует без промедления делать. Они были подготовлены группой Егора Гайдара, в которую входили Владимир Машиц, Андрей Нечаев, Алексей Головков, Константин Кагаловский, Андрей Вавилов, другие люди.

В документе говорилось, что следует различать политическую обстановку до путча и после него: до августа республики сообща боролись против Центра, после него между Россией и ее бывшими коллегами по Союзу обозначились противоречия. В значительной мере они были объективными, связанными с различным уровнем развития экономики, запасами природных ресурсов, но в какой-то степени и субъективными – не все республики одинаково представляли себе, в какую сторону, теперь, после очевидного развала Союза, им следует двигаться в своем историческом развитии. Эти противоречия и начинал использовать Центр.

«Объективно России не нужен стоящий над ней экономический Центр, занятый перераспределением ее ресурсов, – говорилось в «меморандуме». – Однако в таком Центре заинтересованы многие другие республики. Установив контроль над собственностью на своей территории, они стремятся через союзные органы перераспределять в свою пользу собственность и ресурсы России. Так как такой Центр может существовать лишь при поддержке республик, он объективно, вне зависимости от своего кадрового состава, будет проводить политику, противоречащую интересам России».

Отсюда делался вывод, что России следует взять курс на экономическую независимость при «мягком», «временном» политическом союзе с другими республиками, то есть создавать не декларируемое, а подлинно независимое российское государство с собственной валютой, собственным бюджетом, национальным банком, собственной налоговой системой, таможенной и пограничной службами... Создавать государство, которое начало бы наконец серьезные экономические реформы – прежде всего на своей территории.

Сильный лидер плюс команда профессионалов

Заключительная часть «меморандума» была посвящена тому, какова должна быть РОЛЬ ПРЕЗИДЕНТА в преодолении хозяйственного кризиса и восстановлении экономического роста, то есть в решении той задачи, которая стала ЦЕНТРАЛЬНОЙ для России после победы над коммунистическим тоталитаризмом. Для ее решения, по мнению авторов, требуется, во-первых, высокое общественное доверие к политическому лидеру и, во-вторых, высокий профессионализм исполнителей.

Эта проблема, говорилось в «меморандуме», не представляет собой что-то уникальное, встретившееся лишь в России. С ней сталкиваются повсюду в мире, в любой стране, пытающейся выкарабкаться из кризиса, добиться экономической стабилизации. Провал таких попыток происходит либо из-за того, что слабой оказывается политическая власть, либо по причине, что сильные политические фигуры пренебрегают советами экономистов-профессионалов.

Первый вариант провала продемонстрировали Бразилия с 1950-го по 1964 год и начиная с середины восьмидесятых, после ухода от власти военных, Аргентина в период с 1955-го по 1967-й и с 1983-го по 1991-й, Чили – с 1951-го по 1973-й, Польша – с 1982-го по 1990-й, Югославия – с 1989-го по 1991-й.

Второй вариант, когда сильные политические лидеры, пользующиеся широкой народной поддержкой, действовали вопреки советам профессионалов, показали миру Аслан Гарсиа в Перу с 1985-го по 1990-й, Лопес Портильо в Мексике с 1976-го по 1982-й, Сальвадор Альенде в Чили с 1970-го по 1973-й, Сукарно в Индонезии в начале шестидесятых...

Путь к успеху открывался лишь при взаимодействии сильных, популярных лидеров и экономистов-профессионалов. Примеры: Маргарет Тэтчер в Великобритании в 1979 – 1983 годы, Филипе Гонсалес в Испании в восьмидесятые, Мексика в конце восьмидесятых... В качестве положительного примера авторы «меморандума» приводят даже Ленина в 1921 – 1923 годы, то есть в годы нэпа...

Когда популярным демократическим лидерам, пренебрегающим советами профессионалов, не удается решить задачи стабилизации, их решают лидеры непопулярные, но опирающиеся на аппарат принуждения. Таковыми были Аугусто Пиночет в Чили в 1973 – 1989 годы, бразильские военные в 1964-м – 1973-м, аргентинские военные в 1967-м – 1971-м, южнокорейские военные с начала шестидесятых, тайваньский авторитарный режим с середины пятидесятых, индонезийские военные с середины шестидесятых... Еще одна возможная опора в такой ситуации – оккупационные войска. Здесь самые известные примеры, : Германия и Япония в конце сороковых.

Ситуация, сложившаяся в России, не представляет собой чего-то совсем исключительного. В общих чертах профессионалам известно, что и в какой последовательности надо делать в подобных ситуациях: постараться ликвидировать или хотя бы сократить бюджетный дефицит, остановить неконтролируемый рост денежной массы, провести либерализацию цен, восстановить конвертируемость валюты, открыть экономику и провести структурные реформы.

Что уникально в случае России – то, что переживаемый ею инфляционный кризис наложился на политический развал тоталитарной империи, на спад производства, неразвитость предпринимательства, на отсутствие «цивилизованной рыночной среды».

Далее в «меморандуме» следует как бы прямой призыв к Ельцину (вся надежда на него):

«Сейчас в стране есть только один политик – президент России, авторитет (харизма) которого **пока достаточен для проведения стабилизационной политики**. Если этот авторитет будет растрочен, само развитие ситуации подтолкнет к усилению консервативной оппозиции, которая, используя растущую социальную апатию населения и снижение жизненного уровня, блокирует проведение прогрессивных экономических и политических преобразований».

И довольно грозное предупреждение, – что будет, если президент упустит время, не использует свой авторитет для проведения решительных, хотя и тяжелых реформ:

«Сейчас особенно важно осознавать, что политический лидер, пришедший к власти демократическим путем на волне **популярности**, но побоявшийся идти на непопулярные меры, с течением времени становится **непопулярным**, превращаясь в глазах народа в очередного социального демагога. Для харизматического лидера лучше быть непопулярным в начале трудного пути реформ, чем популистские заигрывания без реального продвижения к

намеченным целям... Время, отведенное для энергичных и профессионально подготовленных действий, сжимается подобно «шагреновой коже».

В этих словах, как видим, в значительной степени содержится предсказание и того, как сложится будущее самого Ельцина, и каким окажется будущее российских реформ. К сожалению, популярность Ельцина упала раньше, чем удалось довести до конца реформы.

Шила в мешке не утаишь

«Меморандум» имел гриф «Сугубо конфиденциально». Причина конфиденциальности была, в общем-то, понятна: будь он открытым, он, с одной стороны, несомненно, вызвал бы раздражение Центра, а с другой – союзных республик.

Однако, несмотря на свою конфиденциальность, текст довольно скоро стал известен Горбачеву: по его собственному признанию, этот документ ему передал Руцкой. Да, наверное, и республиканские лидеры не остались в неведении относительно его содержания (шила в мешке не утаишь). Лидеры, надо полагать, «напряглись», хотя открыто и не высказывались по этому поводу. Что касается Горбачева, тот не думал скрывать свой гнев. Он цитирует «меморандум» до сих пор, особенно напирая на те места, где Россия противопоставляется другим республикам и где речь идет об антироссийских, какими их видели авторы, устремлениях Центра.

Да, собственно говоря, весь «меморандум» – это в основном программа для России, без оглядки на Центр и на другие республики.

Кроме того, в тексте немало положений, в которых можно усмотреть «коварные замыслы» авторов. Вот лишь некоторые примеры из перечня мер, которые авторы рекомендуют президенту и будущему «правительству реформ»:

«6. Скрытое инициирование работы по созданию экономического сообщества без участия властных структур Центра, в котором Россия, в силу своего геополитического положения, производственного и сырьевого потенциала займет место неформального лидера. Учитывая опасения республик, особенно малых, перед возможным гегемонизмом России, использование на первых порах тактики «теневое лидерство». Укрепление особого статуса России в экономическом и геополитическом пространстве через политику «круглого стола»...

7. Декларирование отказа от претензии на роль нового Центра при одновременном вымывании властных полномочий союзного Центра и создании институтов Сообщества, во многих из которых Россия фактически доминирует (военно-политический блок, банковская и финансовая система «зоны рубля», топливно-энергетический и транспортный комплекс, научно-технический потенциал)».

То, что Россия, вытеснив союзный Центр, может сама занять его место, – это действительно то, чего, как огня, боялись другие республики. Подозрения в таких намерениях России и вообще-то никогда не покидали республиканских лидеров, а тут вот они эти намерения – прописаны на бумаге черным по белому. Хотя и конфиденциально. Что, впрочем, еще опаснее.

Или еще такая рекомендация:

« – провести конфиденциальные переговоры с руководством Вооруженных Сил о том, что единственный способ сохранить армию – постепенно сделать ее российской».

Превратить советскую армию в российскую не удалось. Украина, например, быстро «приватизировала» армейские части, расположенные на ее территории. Возможно, – как раз прознав о намерениях российских «братьев». Или просто заподозрив их в таких намерениях. Что было нетрудно.

Разумеется, не всем рекомендациям авторов «меморандума» Ельцин в дальнейшем

следовал, однако само наличие такого документа и таких рекомендаций вынуждало республиканских лидеров «держаться ухо остро».

Ельцин выбирает Гайдара

«Меморандум», привезенный Бурбулисом, они с Ельциным обсуждали целую неделю. Обсуждали подробно – каждый тезис, каждый пункт. В интервью, опубликованном в книге «История новой России», Бурбулис вспоминает:

– Ему (Ельцину. – **О.М.**) нужно было решить для себя: еще подождать, когда кто-то принесет более удобный план и не потребуются идти на столь кардинальные меры, или согласиться, что каждый день промедления – это потеря реальной перспективы с непредсказуемыми последствиями. Эта тяжелейшая внутренняя работа потребовала от Ельцина мужества, мудрости и интуиции... Он и все мы понимали, что на нем лежала личная ответственность за этот выбор.

Когда Ельцин согласился с основными идеями, встал вопрос: кто их реализует? Бурбулис предложил, чтобы это делали те, кто и подготовил концепцию экономической реформы. Договорились, что российский президент познакомится с Егором Гайдаром по возвращении в Москву. Встреча, по словам Бурбулиса, состоялась в начале октября.

В разговоре со мной (мы беседовали в апреле 2009 года) Егор Тимурович назвал несколько иной промежуток времени:

– Когда Борис Николаевич вернулся из Сочи, он пригласил меня для разговора об экономических проблемах России, – это было где-то 15 – 20 октября.

Думаю, это различие в называемых сроках несущественно.

Бурбулис:

– Ельцин удивился молодости Гайдара, но не менее удивился его способности четко, ясно и наглядно объяснять задачи и идеи. Причем фундаментально новые задачи и принципиально новые идеи. Это импонировало Борису Николаевичу, мышление которого было ориентировано на предельную ясность... Он убедился, что у Гайдара есть не только идеи, но и четкое представление, как их воплощать, увидел спокойную уверенность человека, который готов это делать.

Кандидатура Гайдара на роль «главного реформатора» была утверждена.

Ельцин разговаривает с Горбачевым... через посредников

Между тем отношения Ельцина с Горбачевым, пережившие максимальный подъем накануне, во время и сразу после путча, снова начали ухудшаться. Ельцин все чаще выказывает пренебрежительное отношение к Горбачеву: демонстративно опаздывает на совещания, вовсе их игнорирует. Да и сам факт затяжного пребывания российского президента в Сочи, когда страна, после путча, «стоит на ушах», о многом говорит. Непосредственные контакты между двумя президентами фактически прерваны.

20 сентября совещание у Горбачева по проблемам Союзного договора. Горбачев поговорил на эту тему с руководителями республик и теперь хотел бы побеседовать с российским руководством. Однако Ельцина на совещании нет. Он все еще в Сочи. Есть Руцкой, есть российский премьер Силаев, есть его зам Сабуров... Между тем существует потребность уточнить позицию России по этому вопросу. Просят Явлинского (он тоже здесь находится) позвонить российскому президенту. Явлинский звонит, выслушивает мнение Ельцина, спрашивает, может ли он сказать вслух то, что услышал от своего телефонного собеседника, и «озвучивает» его слова: Ельцин считает, что сначала надо заключить

экономическое соглашение между республиками, а уж потом, на этой основе, подписать Союзный договор. Трубку хватает Горбачев и начинает упрекать Ельцина, что тот изменил свою позицию. Борис Николаевич действительно не утруждает себя тем, чтобы твердо держаться одной линии, за что и получает от Горбачева постоянные упреки.

– Я участвовать в похоронах Союза не буду! – горячо восклицает Горбачев. – Не решен главный вопрос, – каким быть государству. Будет это сделано, подтянется и экономика.

Споры эти в ту пору были обычными. Но здесь интересно, как именно ведется спор. Через посредников, по телефону. А вопрос-то важный – быть или не быть Союзу.

Горбачев: «Нам надо честь беречь»

Конец сентября. Горбачев все еще надеется, что Союзный договор будет подписан в ближайшее время. Его помощник Шахназаров сомневается в этом. Он считает, что подписание случится не раньше декабря.

– Почему? – недоумевает Горбачев.

Шахназаров поясняет, что все упирается в Украину: 1 декабря там референдум и раньше Кравчук «не решится» ничего подписывать.

Горбачев:

– Ну и что, подпишем с Россией, Белоруссией, Казахстаном, остальные потом примкнут.

Кстати, интересуется Горбачев, какие новости от Ельцина? Ельцин по-прежнему в Сочи. Сейчас все зависит от него, что он придумает.

– Пока никаких, – отвечает Шахназаров. – Может быть, съездить к нему?

– Еще чего! – возмущается Горбачев. – Нам надо честь беречь.

В самом деле, этого еще не хватало: лететь на Юг к пребывающему в отпускном настроении Ельцину и допытываться: «Так что же вы решили, Борис Николаевич?» Неужели Шахназаров не понимает, что это унижительно для президента Советского Союза – фактически идти на поклон к президенту одной из республик, пусть и самой крупной.

Шахназаров соглашается с шефом.

– Похоже, у них к нам сейчас снисходительное, малость даже высокомерное отношение, – говорит он, – они с нами в кошки-мышки играют.

Однако ехать к Ельцину все же решили. Точнее не к самому Ельцину, а к его «правой руке» Геннадию Бурбулису, в Белый дом. Два горбачевских помощника – тот же Шахназаров и Батурин отправились на Краснопресненскую набережную уже на следующий день после приведенного разговора Горбачева с Шахназаровым. Честь честью, но дело все-таки важней. А дело стоит, волянка с подписанием Союзного договора продолжается.

Бурбулис недавно вернулся из поездки к своему шефу в Сочи, куда возил тот самый «меморандум». Надо полагать, в общих чертах, не раскрывая конфиденциальной конкретики, он передал горбачевским посланцам, каково настроение Ельцина, – куда он решил повести Россию.

Во время этих переговоров Шахназаров звонил Горбачеву, спрашивал его мнение. По-видимому, судя по дальнейшим высказываниям союзного президента, в сознании его очень четко зафиксировалось: в принципе все было решено на той самой сентябрьской встрече Ельцина и Бурбулиса, когда в Сочи был привезен тот самый «меморандум».

Зловредное окружение Ельцина

Постоянным объектом нападков со стороны Горбачева и его команды было окружение

Ельцина: дескать, с ним самим еще можно было бы вести дело, но вот его советники... Они его накручивают и накручивают. Небольшой фрагмент из стенограммы заседания Политического консультативного совета 2 октября (этот общественный орган при президенте Союза был образован по распоряжению Горбачева 21 сентября 1991 года):

«...**Анатолий Собчак.** Бориса Николаевича уговаривают потянуть с подписанием Союзного договора. (К Горбачеву) Договоритесь с ним о дате подписания.

Егор Яковлев. Подписывайте договор как можно скорее. Окружение Бориса Николаевича работает против, под лозунгом – «как это БН отдаст свою славу МС?!» В его окружении люди, играющие на худших чертах его характера».

На самом деле вопрос, конечно, заключался не в славе (хотя и такие кулуарные разговоры в околоельцинской среде, наверное, были), а в том, что с Союзным договором вообще была полная неопределенность. Как уже говорилось, Украина не желала ничего подписывать. По крайней мере, до референдума 1 декабря. Подписывать же договор без Украины, а потом ждать, то ли она «подтянется» (надежда Горбачева), то ли «не подтянется», Ельцин не желал. Что если «не подтянется»? Отзывать свою подпись под договором? Несерьезно как-то. Кроме того, приближался очередной Съезд народных депутатов России, на котором Ельцин решил объявить о начале реформ в республике – это должно быть коренным образом изменить ситуацию во всем Союзе.

Кстати, и сам Горбачев понимал (или делал вид, что понимает), с чем в действительности связаны колебания Ельцина – подписывать, не подписывать, – призывал помочь Ельцину в проведении реформ. На совещании с помощниками 21 октября, Горбачев:

– Ничего не пойдет сейчас без согласования с Ельциным... Если у него сложится мнение, что хитрый Горбачев реанимирует старый Центр и хочет лишить Ельцина плодов августовской победы, а ему это подбрасывают, – будет плохо. Я с ним на эту тему разговаривал, и он говорит: я вижу (видит, что ему «это подбрасывают»? – **О.М.**)... Ключевой вопрос – помочь Ельцину. Если он почувствует себя обманутым, брошенным, может вспороть что угодно. У России должно быть правительство реформ.

Правительство реформ появилось у России через две недели.

Итак, хоть Ельцина и «накручивают», но ему надо помогать в проведении реформ. Такова позиция Горбачева.

Бурбулис намекает...

3 октября 1991 года в газетах появилось сообщение о состоявшейся накануне традиционной встрече российских депутатов с госсекретарем Геннадием Бурбулисом. Как пишет «Независимая газета», «последний высказал ряд сугубо индивидуальных, по его же признанию, соображений, объединявшихся в некую единую концепцию. Во-первых, как считает Бурбулис, Российская Федерация обязана заявить наконец о своей независимости (Декларация о государственном суверенитете во внимание не бралась). Причем сделать это необходимо наиболее выигрышным для России путем...»

Из этого сообщения мало что можно было понять. Во-первых, Геннадий Эдуардович, видимо, сам по себе изъяснялся, как всегда, весьма витиевато и туманно. А во-вторых, для того, чтобы не излагать все ясно и недвусмысленно, в данном случае, надо полагать, имелись особые причины. Бурбулис, вероятно, ставил перед собой задачу **ЛИШЬ НАМЕКНУТЬ**, какие решительные шаги собирается сделать в недалеком будущем российское руководство. Эти намеки он делал, опять-таки исходя из той самой подробной беседы, недавно состоявшейся между ним и Ельциным в Сочи. Изложить все более четко и ясно «по чину» полагалось самому Ельцину.

Однако в республиках эти невнятные намеки Бурбулиса восприняли довольно нервно. Нурсултан Назарбаев, выступая на конференции по созданию «Народного конгресса

Казахстана», безапелляционно заявил:

– Все республики будут против того, чтобы одна из них была правопреемником такого государства, как СССР. То, что создано всем народом, является достоянием всех.

Вот так. Как видим, предупреждение сделано не только от имени Казахстана, но и от имени всех республик.

На той же конференции было принято заявление, в котором говорилось, что слова Бурбулиса «могут сорвать заключение экономического союза суверенных государств» (это тогда было в центре внимания бывших советских республик).

Надо сказать, республиканских лидеров в тот момент приводила в ужас одна мысль о том, что место союзного Центра может занять российский Центр, от которого они будут зависеть точно так же, как зависели от Центра союзного. Поэтому они весьма настороженно и нервно следили за всеми действиями и словами российских государственных деятелей и ведущих политиков. И всякий раз соответствующим образом реагировали на них.

В общем-то, такая настороженность была оправданной: российские деятели своими неосторожными высказываниями не раз давали повод для резкой оборонительной реакции бывших «братских советских республик». Хотя никаких серьезных имперских намерений у россиян в то время, по-видимому, не было. У них были другие, более важные, заботы.

А Горбачев продолжает защищать Союз

Как сообщают «Известия» от 5 октября 1991 года, на встрече с представителями сельских предпринимателей страны президент Горбачев продолжал отстаивать идею сохранения Союза, уверял, что здесь происходит очевидное продвижение вперед, имеются несомненные успехи. Горбачев:

– Ближе к подписанию экономическое соглашение (имеется в виду Договор о создании Экономического сообщества, который был опубликован в «Известиях» накануне. – **О.М.**) Это значит, что ново-огаревский процесс жив. Августовские события показали его поистине историческое значение. Именно этот процесс спас нашу молодую демократию в критический момент, обусловил провал путча.

Непонятно, каким образом ново-огаревский процесс «обусловил провал путча». Если уж быть точным, напротив, решение о подписании Союзного договора, которое должно было начаться 20 августа, и спровоцировало путч.

– Вряд ли кого-нибудь устроит создание некоего аморфного государственного образования, в рамках которого могут проходить лишь дискуссии, – продолжал Горбачев. – В этих дискуссиях любое живое дело можно утопить. Нам необходимо иметь активный, динамичный Центр.

Но именно такое «аморфное государственное образование» – СНГ – в скором времени и будет создано на пространстве развалившегося СССР, несмотря на отчаянные попытки Горбачева воспрепятствовать этому. От «активного, динамичного Центра» республики уже начали шарахаться, как черт от ладана. Они еще согласны на какое-то ЭКОНОМИЧЕСКОЕ объединение. Более того, они его желают, боясь, что при распаде Союза собственными силами им свою экономику не вытянуть. Но стремление Горбачева сохранить ПОЛИТИЧЕСКОЕ единство, сохранить в том или ином виде союзный Центр встречает у них все большее сопротивление.

Ельцин играет в теннис...

На первой полосе «Независимой газеты» за 9 октября 1991 года снимок: Ельцин

играет в теннис. Над снимком огромная «шапка»: «В отсутствие Ельцина будущее Алма-Атинских договоренностей оказалось под вопросом. Покинет ли президент России свой «добровольный Форос»?

Да, всех начинает раздражать долгое отсутствие Ельцина, уже месяц отдыхающего в Сочи. В стране происходят серьезные события. В Алма-Ате несколько республик подписали Договор о создании Экономического сообщества (его и имеет в виду «Независимая газета»). Подписала его и Россия рукой вице-преьера, министра экономики Евгения Сабурова. Однако российское правительство каким-то скандальным образом отказывается признать его подпись, заявляет, что Сабурова никто не уполномочивал ее ставить. В знак протеста вице-премьер подает в отставку (на эту коллизию и намекает «Независимая газета»).

А что же Ельцин? Ведь именно от него Сабуров получил соответствующие полномочия. Ельцин... играет в теннис.

Загадка вроде бы безразличного отношения президента к происходящему вскоре разрешится. Как уже говорилось, он дожидается очередного Съезда народных депутатов РСФСР, который должен состояться в конце октября, чтобы, не размениваясь ни на что другое, менее значительное, оповестить мир о радикальных экономических реформах, которые начинает Россия.

Кстати, вернувшись в Москву, Ельцин отклонил отставку Сабурова. Россия подписала-таки Договор о создании Экономического сообщества (церемония подписания состоялась 18 октября). Вопрос, поставленный «Независимой газетой», был снят.

Подписи под договором поставили восемь республик, по алфавиту, – Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан. Впрочем, договор начинал действовать даже при подписях хотя бы трех республик – это было оговорено в самом тексте договора.

Последним, как бы скрепляя документ своим благословением, свой автограф под ним поставил Горбачев. Он вообще весьма активно содействовал его рождению, полагая, что это «программа-минимум» для сохранения Союза, что он облегчает и дальнейший шаг – заключение полновесного документа, Союзного договора.

Вернувшись из Сочи , Ельцин собирается «доразрушить» Центр

Из Сочи в Москву Ельцин вернулся 10 октября. Хотя было объявлено, что официально к исполнению своих обязанностей он приступит 15-го, уже 11 октября Ельцин принял участие в заседании союзного Госсовета в Кремле. На нем обсуждался вопрос о подписании Договора об Экономическом сообществе.

15 октября заседал другой Госсовет – Российский. Комментируя его итоги, Ельцин заявил в этот же день в интервью телепрограмме «Вести»: прежде чем приступить к реформам, он собирается «доразрушить» Центр. «Через месяц мы закрываем счета всех министерств, услугами которых мы не пользуемся», – сказал Ельцин.

18 октября президент РСФСР выступил на Всероссийском съезде судей. В этом выступлении уже довольно явственно слышатся наметки того, что прозвучит в его обращении на открывающемся через десять дней V съезде народных депутатов РСФСР.

По словам Ельцина, после путча «потребовалось срочно вносить глубокие коррективы в политический курс России». Вот главные из них:

– Первое. Существенно пересмотрена наша позиция в отношении Центра. Раньше мы вынуждены были ориентироваться на затяжное, изматывающее сосуществование с ним и постепенное реформирование. Теперь задача в том, чтобы в скорейшее время демонтировать остатки унитарных имперских структур и создать мобильные и дешевые межреспубликанские структуры.

Здесь Ельцин повторяет то, что незадолго перед этим сказал в интервью телепрограмме

«Вести»: Россия решила прекратить финансирование союзных министерств, кроме трех – Министерства обороны, МПС и Минатомэнерго.

– Второе, – продолжал Ельцин. – Россия никогда не выступит инициатором развала Союза. Наоборот, считаю своим долгом использовать все возможности для создания содружества суверенных государств.

Как видим, здесь Ельцин еще не усматривает противоречия между развалом Союза и созданием содружества государств, видимо, полагая, что содружество государств тоже будет государством – преобразованным Союзом. Как мы теперь знаем, СНГ таковым не стало. Ельцин выполнит свое обещание – ИНИЦИАТОРОМ развала Союза он не станет, однако окажется в числе тех троих, кто «юридически оформит» этот развал, на практике уже состоявшийся.

В стране растут «центробежные тенденции». Поэтому российское руководство «намерено действовать таким образом, чтобы интересы России были надежно защищены». В частности, «прорабатываются меры... от возможной рублевой интервенции в случае введения национальных валют». Это третий новый момент в российской политике, который отмечает Ельцин. Это уже та самая «боевая стойка» уже не против Центра, а... против республик.

– Четвертое, – говорит в заключение Ельцин. – Новая обстановка заставила внести значительные коррективы в процесс экономических реформ. Прежде всего потребовалось пересмотреть допутчевые представления об их темпе, последовательности действий. Глубокий экономический и социальный кризис требует действовать решительно...

Наконец-то! Этих решительных действий люди давно ожидают от Ельцина.

Катастрофа приближается неумолимо

В своей книге «Гибель империи» Егор Гайдар цитирует относящееся к этому периоду (конец октября 1991 года) письмо председателя правления Госбанка СССР Геращенко в Госсовет СССР. Из него видно, что сложившаяся в стране ситуация представляется руководству Госбанка катастрофической:

«Происходит неудержимый рост [номинальных] денежных доходов населения... ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ РЫНОК ХАРАКТЕРИЗУЕТСЯ ДЕФИЦИТНОСТЬЮ ПРАКТИЧЕСКИ ПО ВСЕМ ВИДАМ ТОВАРОВ (выделено мной. – О.М.), растет неудовлетворенный спрос на товары и услуги... Усилия Госбанка СССР по регулированию массы денег в обращении не дают необходимых результатов, так как банковская система по существу разобщена, национальные банки республик в ряде случаев не выполняют указания Госбанка СССР и проводят свою политику, противоречащую интересам стабильности общей денежной единицы».

Итак, в стране – тотальный дефицит «практически по всем видам товаров». На прилавках магазинов – пусто. А если что и «выкидывают» в продажу, тут же выстраиваются едва ли не километровые очереди. Деньги у людей есть, но это не деньги, а простые бумажки, «фантики», на которые фактически ничего нельзя приобрести...

Республиканские банки не выполняют указания Госбанка СССР... Да не только банки не выполняют, а вообще республиканские органы управления игнорируют то, что от них требуют союзные органы. С какой стати им слушаться Москву? Союз фактически развалился. Каждый старается спастись, выжить самостоятельно.

Да, создано Экономическое сообщество. Но что дальше? Россияне ждут каких-то решительных шагов от своего, российского руководства, от Ельцина. Но Ельцин уехал в начале сентября отдыхать на Юг и только вот 10 октября объявился в Москве...

26 октября 1991 года. Мы разговариваем с госсекретарем РСФСР Геннадием Бурбулисом (я беру у него интервью для «Литературной газеты», в которой на тот момент

работают). Разговор происходит в Белом доме, в том его крыле, что повернуто к мэрии, бывшему СЭВу, – как раз к тому месту, где два года спустя, 3 октября 1993 года, начнутся главные события первого дня хасбулатовско-руцковского мятежа. Сидим в «комнате отдыха» позади обширного кабинета Геннадия Эдуардовича.

Ни о «Меморандуме Бурбулиса», ни вообще о том, что происходит в окружении Ельцина, ни о его готовящемся историческом выступлении на предстоящем съезде российских нардепов мне, как и большинству россиян, естественно, не известно. В этом неведении меня интересует главным образом один вопрос: когда же наконец, черт возьми, кончится это топтание на месте? После августовского путча прошло уже два месяца. И вот, вместо того, чтобы принять какие-то энергичные меры, поставить страну на твердые рельсы, взять какой-то новый курс, Ельцин чуть не два месяца «расслаблялся» в Сочи. Страна между тем летит в тартарары... Я пытаюсь добиться от Бурбулиса, в то время, пожалуй, одного из самых близких к президенту людей, хоть сколько-нибудь вразумительного ответа на это мое – да и не только мое – недоумение. Однако Бурбулис отделяется общими фразами.

Я:

– Чем объяснить, что после блистательной августовской победы произошел столь же блистательный сентябрьско-октябрьский провал? Я имею в виду почти двухмесячное беспомощное перемирие российского руководства с ноги на ногу перед порогом реформ, на фоне стремительно ухудшающегося положения в стране.

Бурбулис:

– Хотя я и не оцениваю последние два месяца как блистательный провал, я понимаю, что неудовлетворенность этим периодом очень сильна...

Я:

– Вон под вашими окнами люди стоят с плакатами: «Ельцин, действуй смелее!» Это сегодня у всех на устах.

Бурбулис:

– Пауза была необходима, чтобы осознать принципиальную новизну ситуации. Надо было выработать новую стратегию. Сегодня она выработана. Главное ее содержание – радикальные реформы. Не приступать к этим реформам мы сегодня не можем.

Я:

– Вы хотите сказать, что выработать эту стратегию нельзя было быстрее, чем за два месяца? Так ли уж необходимо было Ельцину уходить в отпуск в столь критический момент? Одни говорили, что он пишет книгу о путче, другие – что он играет в теннис... Это в то время, как все рушится и летит к чертовой матери.

Бурбулис:

– Я считаю, что это было оправданно. Была острейшая необходимость сменить обстановку. «Отпуск» позволял Борису Николаевичу определить новый курс и как раз покончить с этой затянувшейся паузой.

Я:

– Но все-таки политик, руководитель страны, наверное, должен принимать решения, в том числе и по каким-то основополагающим вопросам, достаточно оперативно. Это же политик, а не философ. Что было бы, если бы во время путча Ельцин удалился для размышлений на гору Афон? В конце концов, то, что надо делать, было ясно давно...

Бурбулис:

– Да, стратегические задачи и цели были ясны, но в каких конкретных формах их решать и добиваться, – над этим пришлось до последнего времени думать.

Я:

– Вот здесь, в Белом доме, тепло, уютно, повсюду ковры лежат. Эта обстановка уюта, комфорта, довольства, спокойствия, конечно, не соответствует атмосфере растерянности, тревоги, смятения, которая там, за окном. Может быть, стоило бы здесь кое-где просверлить потолки, чтобы капало? Или выставить из двух хотя бы одну раму, чтобы поддувало? Может быть, тогда появились бы дополнительные стимулы действовать более энергично?

Бурбулис:

– Этот укор я не принимаю. Может быть, в будущем нам или тем, кто придет за нами, будет грозить этот «комфорт власти», однако сегодня он нам не грозит. Большинство из нас и прежде, и теперь напрямую связаны с реальной жизнью, той самой, которая, говоря вашими словами, там, за окном.

Республики разбежались. Почти все

Грядет не только экономическая катастрофа. Происходит РЕАЛЬНЫЙ распад Союза. Республики почти все уже разбежались. «Предпредпоследней», 27 октября 1991 года, о своей независимости объявила Туркмения, которая долго, по какому-то хитроумному замыслу своего вождя Сапармурата Ниязова, будущего Туркменбаши, «отца» всех туркмен, тянула с этим.

«Зависимыми» остаются лишь Казахстан и Россия. Что касается Казахстана, ее президент Нурсултан Назарбаев до конца будет вести двойную игру – хотя он давно уже полновластный хозяин в своей республике, но в то же время на всякий случай будет подставлять плечо Горбачеву, который прилагает отчаянные усилия для сохранения Советского Союза.

Если же говорить о России, о ее невыходе из СССР – куда ж ей, собственно, выходить? Поднимать об этом вопрос было бы нелепо.

В принципе, наверное, здесь бы и можно уже было поставить точку: если почти все республики, входящие в состав страны, стали независимыми от нее, а о своем суверенитете вообще заявили все (настаивая при этом на верховенстве собственных законов над общесоюзными), то, по всем законам логики, страны больше нет. Однако каким-то непостижимым образом, хоть и в обципанном виде, страна все же продолжала существовать еще почти два месяца, причем все это время Горбачев вел яростную борьбу за ее спасение.

125 граммов хлеба на человека. По карточкам

27 октября 1991 года. Страшная заметка в «Московских новостях»:

«На Забайкальской железной дороге впервые со времен гражданской войны совершено нападение на пассажирский поезд».

Жители двух поселков остановили этот поезд и выгрузили из вагона-ресторана весь, какой там был, хлеб.

На грабег их сподвиг самый натуральный голод: как пишут авторы, по месту жительства гражданам из этих поселков по карточкам полагается... 125 граммов хлеба на человека. При этом очередь занимают с вечера и постоянно отмечают. Не отметился вовремя, – вылетаешь из очереди.

125 граммов хлеба в день – это меньше, чем выдавали, опять же по карточкам, рабочим в блокадном Ленинграде. Рабочие получали по 250. А норма в 125 граммов полагалась служащим, иждивенцам и детям до двенадцати лет. Эти представляли для страны меньшую ценность, им дозволялось умирать от голода раньше.

Этот случай с ограблением поезда в Читинской области (а было немало и других подобных случаев) – хорошая справка для тех, кто до сих пор долдонит, что никакой угрозы голода осенью 1991-го в стране не было, что все это выдумали реформаторы для оправдания своих «грабительских» реформ.

А рядом в «Московских новостях» другая заметка – как кормят начальство в Доме приемов МИДа СССР:

«Почти все официальные встречи заканчиваются за обеденным столом. Их в особняке несколько. За самым большим, в Каминном зале, могут отужинать 52 человека.

Еду им готовят на кухне в цокольном этаже. Правда, президентов кормят отдельно, с личной кухни Горбачева, – привозят еду из Кремля. Меню преимущественно русское, но повара знают и другие кухни. Кстати, есть здесь традиция – не брать поваров из ресторанов: в котлету госсекретаря хлеба вместо мяса не положишь, да и с полными сумками здесь уходить не принято. Оборудование на кухне западное, приправы тоже, но все продукты... отечественные. Напитки – минеральная вода, соки, сухие грузинские вина, молдавский коньяк».

Вот так. Одним по 125 граммов хлеба в день «на рыло», да и то не достанешь. А другим... Если этот самый хлеб вздумаешь в котлету запихнуть, – гляди, башку оторвут!

В общем, как шутили во времена Великой французской революции, – «Свобода! Равенство! Братство!»

Начальству голод действительно не грозил. Возможно, поэтому Горбачев и не торопился с реформами. Вообще, когда наблюдал за этими неторопливыми действиями президента, за тем как он «зациклился» на, в общем-то, малозначащей «бумажке» – Союзном договоре, – мне, да, наверное, и не только мне, порой казалось, что он плохо себе представляет, что реально происходит в стране.

РОССИЯ, ВПЕРЕД!

Ельцин: «Настало время действовать!»

С Бурбулисом я беседовал, напомним, 26 октября 1991 года, а два дня спустя, 28-го, на открытии второго этапа V Съезда народных депутатов РСФСР (первый этап проходил в июле) Борис Ельцин выступил с энергичным обращением к народам России, к Съезду, свидетельствующим о том, что он наконец решился на радикальные шаги по реформированию российской экономики. Не только по содержанию, но и по стилю это был манифест, воззвание, призыв:

– Обращаюсь к вам с решимостью безоговорочно встать на путь глубоких реформ и за

поддержкой в этой решимости ко всем слоям населения... Настало время принять главное решение и начать действовать... Действовать решительно, жестко, без колебаний... Положение напряженное. Трудно с продовольствием, товарами первой необходимости... Все сложнее купить товары, на которые установлены жесткие цены. Не помогают нормирование, карточки и талоны... Только после распада Центра полностью раскрылась бездна, в которой оказалась экономика, – промотанный золотой запас, исчерпанные валютные резервы, долги... На грани разрушения финансовая система. Инфляция достигла критической точки... 55 процентов семей живут ниже черты бедности. Обстановка не улучшается. Победа демократии и свободы не покончила с экономическим кризисом...

Разумеется, Ельцин счел нужным объяснить и то, чем была вызвана его затянувшаяся двухмесячная спячка, двухмесячное бездействие. Объяснение было вполне благопристойное:

– После поражения путча... был большой соблазн сразу, на горячую голову, начать широким фронтом экономическую, финансовую и другие реформы. И скажу прямо – давление на нас было и со стороны демократических сил, и со стороны депутатов, и со стороны средств массовой информации. Но начинать серьезнейшие реформы в совершенно новой обстановке без подготовки было бы верхом безответственности. Чтобы не превратить реформы в авантюру, чтобы не провалить их, нужно было взять паузу. Внести значительные коррективы в нашу тактику, в характер и последовательность действий... Сегодня выработаны конкретные меры по осуществлению пакета реформ... У нас есть уникальная возможность за несколько месяцев стабилизировать экономическое положение и начать процесс оздоровления. Мы отстаивали политическую свободу. Теперь надо дать экономическую...

Ельцин считает нужным предупредить всех – реформы будут нелегкими:

– Должен сказать откровенно – сегодня, в условиях острейшего кризиса, провести реформы безболезненно не удастся. Наиболее трудным будет первый этап. Произойдет некоторое падение уровня жизни, но исчезнет наконец неопределенность, появится ясная перспектива... Реальные результаты получим уже к осени 1992 года...

Это неосторожное обещание президента потом долго ему будут припоминать. В действительности, как мы знаем, результатов пришлось ждать гораздо дольше, но тогда ориентир был «озвучен» такой – конец 1992-го. Более отдаленные сроки вряд ли могли бы кого-то вдохновить.

В своем обращении Ельцин излагал программу реформ, над которой все последние недели на одной из правительственных дач работала команда Гайдара. Об этой работе мало кто знал – она велась в обстановке секретности. Еще и отсюда, из этой секретности, проистекало общее недоумение по поводу затянувшейся паузы.

– Реформа пойдет по ряду направлений одновременно, комплексно и динамично, – продолжал Ельцин. – Первое направление – экономическая стабилизация. В ее основе – жесткая денежно-финансовая и кредитная политика, налоговая реформа, укрепление рубля. Но самая болезненная мера – разовое размораживание цен в текущем году. Без нее разговоры о реформах, о рынке – пустая болтовня... Второе – приватизация, создание здоровой смешанной экономики с мощным частным сектором. Особое значение для России имеет придание большей динамики земельной реформе, создание принципиально новой ситуации в аграрном секторе уже к весне 1992 года...

И снова Ельцин предупреждает – самым тяжелым испытанием станет либерализация цен:

– Хуже будет всем примерно полгода. Затем – снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами, а к осени 1992 года, как обещал перед выборами, стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей...

Размораживание цен, конечно, всех страшит. Президент успокаивает:

– Либерализация цен будет сопровождаться мерами по социальной защите населения... Будет создана адресная система социальной помощи наиболее уязвимым слоям населения и детям...

В действительности социальная защита оказалась, пожалуй, самым слабым местом российских экономических реформ. Реформаторы мало о ней думали. К тому же на пути соцзащиты встала самая подлая, самая непреодолимая в условиях России сила – тупорылая, вороватая отечественная бюрократия. Она-то всегда жила припеваючи. Вспомним, какие деликатесы жрали, а не дожрав, выбрасывали, Жданов и его окружение в том же умирающем от голода, доведенном до каннибализма блокадном Ленинграде.

Ставка реформаторов изначально делалась на самую энергичную, самую активную часть населения:

– Будут отменены все ограничения на рост индивидуальных заработков и возможности человека честно заработать... Наряду с мерами по макроэкономической стабилизации в ближайшее время начнется форсированное развитие мощного частного сектора в российской экономике.

Однако и здесь российское чиновничество, сохранившиеся в целостности и неприкосновенности гоголевские «кувшинные рыла», мигом понастроили кучу препон. Эти препоны, позволяющие им грести под себя, сытно кормиться, вольно брать взятки, – основа основ их всегдашнего чиновничьего благополучия. При этом, тормозя реформы, вставляя им палки в колеса, они на всех перекрестках – сами и через оплаченных борзописцев – станут трубить, что во всех бедах народных виноваты реформаторы, что они все делают не так, да и вообще либерализм – и экономический, и всякий иной – никогда не укоренится в России, нет, мол, здесь для него почвы.

Но все это – сопротивление, саботаж, прямые диверсии – было впереди. А тогда, в момент выступления президента, вновь вспыхнула надежда, что Россия сумеет-таки вырваться из традиционной кучи дерьма. Как сказал бывший первый премьер правительства независимой России Иван Силаев, мы снова увидели «нашего Ельцина».

Гармония и благолепие

Это был последний съезд, на котором между президентом и большинством депутатского корпуса царили относительная гармония и благолепие. Нет, борьба между Ельциным и реакционным большинством российских депутатов уже началась, но необходимость начать реформы, как-то сдвинуться с «мертвой точки» чувствовали все. Сдвинуться же можно было лишь при условии, что будет налажено хотя бы минимальное согласие, найден хотя бы минимальный компромисс. Ельцин:

– Настало время сказать четко и ясно – в России одна власть: российский Съезд и Верховный Совет, российское правительство, российский Президент! Идет динамичный процесс освобождения институтов власти из-под пяты КПСС... Ни одна партия впредь не будет самозваной хозяйкой в российском государстве.

Как видим, в перечислении органов единой российской власти Ельцин, лаская слух депутатов, еще ставит на первое место Съезд и Верховный Совет, себя же, президента, уступчиво задвигает на последнее. Пройдет совсем немного времени, и из-за этой очередности в перечислении между ним и депутатами развернется смертельный бой.

Кстати, в своем обращении Ельцин выдвинул ряд максим, которые по разному поводу и с разным чувством вспоминались в последующие годы. Вспоминаются и теперь. Так, правительство, которому президент предполагал поручить реформы, он поименовал «правительством народного доверия». Эту «торговую марку», забыв про Ельцина, в дальнейшем, как мы знаем, постоянно использовал Зюганов, подразумевая, естественно, свой, коммунистический совмин, который, если ему дадут, неминуемо приведет Россию в очередное светлое будущее.

Далее, Ельцин заверил, что для облегчения работы этого самого правительства, которое появится в ближайшие дни, будет исключено дублирование его функций в любых

органах, включая Администрацию президента. Как мы знаем, это обещание выполнялось лишь в течение небольшого срока, когда в Кремле вообще не понимали, что делать. В дальнейшем, как всегда, нашлось много жаждущих порулить. Президентская администрация во многом стала дублировать правительство уже при Ельцине, а еще больше – при его преемнике. И не только дублировать, но и брать на себя главную роль.

Наконец уже при Путине отступили и от приведенного выше ельцинского заклинания о том, что «ни одна партия впредь (то есть во веки веков. – **О.М.**) не будет самозваной хозяйкой в российском государстве». Тут более прозорливым пророком оказался Черномырдин с его афоризмом: «У нас какую партию ни создавай, – всегда получается КПСС». Получившаяся при Путине КПСС-2 – «Единая Россия» – вновь заявила свои претензии на роль самозваной единоличной всероссийской хозяйки. Впрочем, тоже, как и «КПСС-1», послушной единоличному лидеру.

Ответом на благожелательные речи президента было столь же благожелательное отношение к нему депутатов. Разумеется, вполне лояльно по отношению к президенту высказывался и Руслан Хасбулатов, который, как ожидалось, вот-вот должен был стать председателем российского ВС: лютая взаимная ненависть, драка не на жизнь, а на смерть между ним и Ельциным – все это было еще впереди. На первом этапе съезда, в июле, несколько туров голосования не дали результата: ни Хасбулатов, ни его соперник Сергей Бабурин не набрали проходных баллов. На спикерский пост Хасбулатова изберут лишь 29 октября.

Сейчас удивительно вспоминать, что на должность парламентского руководителя Хасбулатов был выдвинут «Демократической Россией» – как верный и преданный соратник Ельцина. Правда, часть демократов отказалась его поддерживать, ставя ему в вину «авторитарный стиль» управления парламентом и «проявление высокомерия» по отношению к депутатам. Однако Ельцин буквально за уши протаскивал своего первого зама на освободившийся высокий пост (как ранее, в июне 1990-го, тащил его в первые вице-спикеры). Так что в конце концов он на нем – с шестой попытки! – и оказался.

Конечно, кое-какие трения между президентом и депутатами, мы видели, возникали уже и тогда, но кто ж мог предвидеть, до каких масштабов они разрастутся в скором времени.

Съезд дает реформам зеленый свет

Через три дня после обращения российского президента Съезд принял постановление, исполненное все той же благожелательности к нему:

«Одобрить основные принципы экономической реформы, изложенные в обращении президента РСФСР».

Хочу особо обратить внимание читателя на это постановление и на это одобрение. Депутаты одобрили и экономическую стабилизацию, в основе которой жесткая денежно-финансовая и кредитная политика, и укрепление рубля, и приватизацию, и земельную реформу, и самую болезненную меру – разовое размораживание цен даже еще в «текущем», то есть 1991-м, году (на самом деле она стала осуществляться с отсрочкой, лишь в начале января 1992-го). В дальнейшем народные избранники примутся всячески открещиваться от реформ, изображая дело так, что это, мол, Ельцин с Гайдаром придумали невесть что, а они-то, депутаты, ни сном, ни духом не помышляли ни о чем подобном и всегда были против этих придумок, которые они именовали не иначе как «шоковой терапией» и «антинародным курсом». Но документ – вот он, перед вами. Все его могут прочесть и убедиться: **СЪЕЗД ПРИНЯЛ НА СЕБЯ ТАКУЮ ЖЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РЕФОРМЫ, КАКИЕ ПРЕЗИДЕНТ И ПРАВИТЕЛЬСТВО.**

Другим пунктом постановления Съезд обязывал Верховный Совет до 1 января 1992 года «принять необходимые для обеспечения экономической реформы законы по перечню,

согласованному с президентом РСФСР».

Ельцин запросил у депутатов дополнительных полномочий на время реформ, и такие полномочия опять-таки вполне охотно были ему предоставлены. Это звучало так:

«Президент РСФСР... до принятия Закона РСФСР «О Совете Министров РСФСР» самостоятельно решает вопросы реорганизации структуры высших органов исполнительной власти. До проведения выборов глав администраций краев, областей, автономной области и автономных округов, городов и районов главы администрации назначаются президентом РСФСР или по его поручению главой администрации вышестоящего уровня по согласованию с соответствующими Советами народных депутатов и с учетом мнения народных депутатов РСФСР от соответствующей территории».

Более того, президенту предоставлялось право самостоятельно решать судьбу глав республик. При необходимости он теперь мог также соответствующим образом реагировать на решения любых органов исполнительной власти:

«Президент РСФСР вправе приостанавливать действия главы исполнительной власти (президента) республики в составе РСФСР, а также решения других органов исполнительной власти на территории РСФСР, если они противоречат Конституции РСФСР и законам РСФСР».

В дальнейшем депутаты будут буквально из кожи лезть, чтобы лишить президента предоставленных ему дополнительных полномочий. И это станет одной из самых жарких точек ожесточенной борьбы между ними и Ельциным.

Как мы знаем, спустя годы аналогичные «дополнительные полномочия» – право по своему усмотрению назначать глав субъектов Федерации – Путин получил от раболепствующих депутатов без всякой оговорки об их временном характере. Настали совсем другие времена.

Наконец, заслуживает внимания и еще одно постановление Съезда:

«В целях правового обеспечения перехода к рыночной экономике Съезд народных депутатов РСФСР постановляет:

1. Установить до 1 декабря 1992 года следующий порядок правового регулирования проведения и обеспечения радикальной экономической реформы в РСФСР:

1. Законы РСФСР, Указы Президента РСФСР и иные акты, принятые в обеспечение экономической реформы в РСФСР, подлежат приоритетному исполнению...»

Одним словом, Съезд абсолютно четко обозначил свою позицию: **НЕТ НИЧЕГО ВАЖНЕЕ РАДИКАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ**, имеющей целью обеспечить переход страны к рыночной экономике; радикальная экономическая реформа – вот главный приоритет, рядом с которым другие приоритеты бледнеют и гаснут. Загадка из загадок: какие мутации должны были произойти в депутатских мозгах, чтобы этот главный приоритет вдруг сделался в их представлениях преступным антинародным курсом?

Впрочем, радикальные оппозиционеры (точнее было бы их назвать радикальными реакционерами, радикальными антиреформаторами) уже и на V съезде, и сразу после него не уставали твердить о гибельности предложенного Ельциным курса. Сергей Бабурин:

– Когда ситуация в республике станет окончательно ясной даже самым непосвященным (то есть, надо полагать, когда реформы потерпят крах. – **О.М.**), наши депутатские группы, прежде всего «Россия», должны быть готовыми предложить альтернативную программу сегодняшнему экономическому курсу, чтобы спасти Россию.

Беда заключалась в том, что никаких вразумительных альтернативных программ ни тогда, ни после оппозиционеры так и не сумели придумать. Придумали, было, академики для Примакова в 1998 году, но он по здравому размышлению – при всем политическом консерватизме хватило-таки у него простого ума, обычной трезвости, – быстренько от нее отказался.

Итак, V съезд народных депутатов дал реформам зеленый свет. Никаких серьезных препятствий для них впереди вроде бы не просматривалось. Зародилась надежда, что при общих дружных усилиях всех ветвей власти, поддержанных народом, эти реформы пойдут

так же или почти так же споро, как, допустим, в Польше или в Венгрии (хотя, конечно, совсем беспрепятственного скольжения по паркету при демонтаже «социализма» не было ни в одной стране).

Оставалось сколотить команду реформаторов.

Правительство реформ сформировано

Вскоре после съезда, 6 ноября, Ельцин подписал указ, в котором обязанности главы правительства РСФСР возложил на себя. Конституцией такого назначения не предусматривалось, но благожелательно настроенные депутаты согласились и с ним: какие разговоры, надо – значит, надо.

Другими указами Геннадий Бурбулис был назначен первым вице-премьером, вице-преьерами – Егор Гайдар (на него возлагались экономика и финансы) и Александр Шохин (соцпроблемы).

По словам Бурбулиса, главным основанием для выдвижения Гайдара на роль ведущего реформатора стали итоги работы его группы. Сам Ельцин вспоминает об этом несколько иначе. Да, на стол ему легли различные «концепции, программы», из которых надо было выбрать наиболее подходящую. Да, госсекретарь Геннадий Бурбулис советовал ему остановиться на программе Гайдара. Однако президенту, по его словам, «выбор главного «экономического рулевого» хотелось «совершить осмысленно, не торопясь, не оглядываясь на чужое мнение». Решающими для президента стали такие мотивы:

«Гайдар прежде всего поразил своей уверенностью. Причем это не была уверенность нахала или уверенность просто сильного, энергичного человека, каких много в моем окружении. Нет, это была совершенно другая уверенность. Сразу было видно, что Гайдар... очень независимый человек, с огромным внутренним, непоказным чувством собственного достоинства. То есть интеллигент, который, в отличие от административного дурака, не будет прятать своих сомнений, своих размышлений, своей слабости, но будет при этом идти до конца в отстаивании принципов, потому что... это его собственные принципы, его мысли, выношенные и выстраданные.

Было видно, что он не будет юлить. Это для меня было неоценимо...

Гайдар умел говорить просто. И это тоже сыграло огромную роль... Он не упрощал свою концепцию, а говорил просто о сложном. Все экономисты к этому стремятся, но у Гайдара получалось наиболее убедительно. Он умеет заразить своими мыслями, и собеседник ясно начинает видеть тот путь, который предстоит пройти».

Всякий, кто когда-либо сталкивался с Егором Тимуровичем, подтвердит, что это совершенно точная его характеристика.

«И, наконец, два последних решающих фактора, – продолжает Ельцин. – Научная концепция Гайдара совпадала с моей внутренней решимостью пройти болезненный участок пути быстро. Я не мог снова заставлять людей ждать. Оттягивать главные события, главные процессы на годы. Раз решились – надо идти...»

Вот все-таки и гайдаровской концепции Ельцин коснулся. Той, которая, среди прочих, была представлена на его суд. Вряд ли он ее как следует понимал или хотя бы более или менее подробно познакомился с ней. Но то, что он принял ее своим внутренним, интуитивным чутьем, – этому вполне веришь. Ельцин был человеком чуткой интуиции.

А вот быстро пройти «болезненный участок пути», к сожалению, не получилось. Тут сказалось и яростное сопротивление тех, кто ни под каким видом не желал принимать реформы, – а имя им было легион, – и частые колебания, нерешительность самого Ельцина.

«...Гайдар дал понять, – пишет далее Ельцин, – что за ним стоит целая команда очень молодых и очень разных специалистов. Не просто группа экспертов, а именно ряд личностей, самостоятельных, рвущихся в дело, без комплексов... И мне страшно захотелось с

ними попробовать, увидеть их в реальности.

Короче говоря, было очень заманчиво взять на этот пост человека «другой породы».

В самом конце Ельцин довольно бесхитростно упоминает еще об одной причине, почему он остановил свой выбор на Гайдаре: Егор Тимурович – внук знаменитого писателя, с именем которого «выросли целые поколения советских детей», в том числе и сам он, Ельцин, и его дочери. Так что он поверил «еще и в природный, наследственный талант Егора Тимуровича».

Вот такие мотивы двигали президентом Российской Федерации, когда на роль фактического главы правительства реформ он выбрал Егора Гайдара.

«Самое главное, – говорит в заключение Ельцин, – и теперь я в этом выборе не раскаиваюсь».

...Вскоре после указа, которым назначались руководители правительства, был сформирован и весь кабинет. Теперь – вперед!

Ельцин наносит удар по Центру ...

Так обстояло дело с провозглашенными Ельциным и принятыми Съездом реформами. Но в обращении российского президента от 28 октября 1991 года был и еще один момент – касающийся союзного Центра и других союзных (точнее сказать, уже бывших союзных) республик. Не очень приятный для тех, кого он касался.

Говоря о сложившемся «напряженном», почти катастрофическом положении в экономике («Трудно с продовольствием, товарами первой необходимости. На грани разрушения финансовая система. Инфляция достигла критической точки. 55 процентов семей живут ниже черты бедности. Обстановка не улучшается...») Ельцин прямо назвал причину этого – многолетнее владычество коммунистов. О «тяжелом наследстве» этого владычества, которое упомянул Ельцин, уже говорилось: «промотанный золотой запас, исчерпанные валютные резервы, долги...» Кризис достиг той фазы, когда только быстрые и решительные меры могут спасти ситуацию.

Но при этом в стране – «паралич власти», никаких быстрых и решительных мер что-то не видно. Ни на какие такие меры союзные власти не способны. «Консервативный Центр», «репрессивная система управления», «бюрократический пресс» – вот лишь некоторые характеристики, которые Ельцин им дал.

В соответствии с этим, и политика российских властей после путча меняется:

– Надо сказать откровенно – [до путча] мы исходили из того, что, пробивая реформы, предстоит длительное противостояние сильному Центру и на этом строили всю свою политику. Целый год каждый маленький шаг, даже попытку шага приходилось отвоевывать. После поражения путча такая линия изжила себя.

Из этого и следует исходить: Центр обессилел, теперь воевать с ним не требуется, ему можно диктовать свою волю.

Ельцин предупредил, что с 1 ноября, то есть через три дня, Россия прекращает финансировать союзные министерства и другие учреждения Центра, существование которых не оговорено Договором об Экономическом сообществе.

Это ли не «контрпереворот», которого так боялись Горбачев и его окружение?

Какие же органы и учреждения оговорены в упомянутом Договоре и какие Россия будет финансировать? Это Совет глав правительств – членов Экономического сообщества, Межгосударственный экономический комитет, Банковский союз, Арбитраж Экономического сообщества.

Прямо скажем – немного. Но и эти органы не имеют к Союзу никакого отношения.

При этом всем межгосударственным органам Ельцин отводил ЛИШЬ КОНСУЛЬТАТИВНО-КООРДИНИРУЮЩУЮ РОЛЬ.

...И кое-что неприятное говорит другим республикам

Бросил Ельцин камень и в огород союзных республик:

– Крайне непросто строятся новые отношения между суверенными республиками. Даже те вопросы, которые казались простыми, решаются медленно и болезненно. Резко возросшие центробежные тенденции обострили и без того сложное положение в народном хозяйстве, усилили спад производства.

Позиция, касающаяся Союза, места в нем России, была сформулирована в ельцинском обращении довольно четко:

– Россия не ставит перед собой цели возвыситься в ходе реформ над соседями, провести их за счет тех или иных республик. Мы готовы тесно сотрудничать в деле преобразований с дружественными суверенными государствами. Реформы в России – это путь к демократии, а не к империи. Россия не допустит возрождения и нового командного Центра, стоящего над ней и другими суверенными государствами. Она станет гарантом того, что диктата сверху уже не будет. Межреспубликанские органы призваны играть только консультативно-координирующую роль. Реальную власть теперь осуществляют республики. И поэтому Российская Федерация должна будет вести самостоятельную политику, действовать, исходя из национально-государственных интересов, а не по навязанному ей шаблону. В отношениях с бывшими членами Союза, которые станут проводить курс на искусственное обособление от экономического и политического сообщества, Россия будет исходить из норм международного права. Экономические связи с такими государствами будут базироваться на мировых ценах.

В общем, у России в отношении Союза позиция иная, чем у Украины, в принципе не приемлющей, как мы знаем, никакого варианта единого союзного государства. Правда, Ельцин верит, что Кравчук, лидеры других «не присоединившихся» республик подпишут Договор об Экономическом сообществе. Более того, он «не теряет надежды и на заключение политического договора».

Но – очень важный момент! – российский президент не исключает и возможности иного оборота:

– Если этот процесс по каким-либо причинам закончится неудачей, Россия сможет взять на себя ответственность правопреемницы СССР. Но сами этот процесс подталкивать не будем. Наша позиция в отношении Союза остается прежней.

(6 ноября Украина действительно подписала Договор об Экономическом сообществе, но ни о каком Союзном договоре по-прежнему не хотела слышать).

Правда, и с Договором об Экономическом сообществе тоже не все так просто. Ельцин в своем обращении пожаловался, что ряд «суверенных государств» бывшего Союза уже начали либерализацию цен, не дожидаясь России, так что российские фиксированные цены оказались для них «сверхпривлекательны». По словам Ельцина, в последнее время «идет буквально рублевая интервенция в Россию», покупают товары, а взамен оставляют «деревянные» рубли, тем самым увеличивая и без того огромный разрыв между денежной и товарной массой. Поэтому Россия вынуждена создать свою таможенную – на базе союзной.

Между тем, в Договоре об Экономическом сообществе никаких таможен на границах членов сообщества не предусматривалось. Так что, как видим, отступления от Договора начались довольно быстро.

В общем, в обращении Ельцина прозвучали два противоречащих друг другу мотива. Формально он – за сохранение Союза, хотя и не уверен, что его удастся сохранить, вместе с тем сама программа российских экономических реформ, которые предлагал Ельцин, была мощным ударом по Союзу, поскольку ее собирались проводить, не особенно оглядываясь ни на Центр, который уже был на последнем издыхании, ни на другие республики:

– Я обращаюсь к руководителям государств, формирующихся на базе бывшего Союза, – сказал Ельцин. – Россия решительно встала на путь радикальных реформ. Мы призываем республики идти по этому пути вместе. Скоординированные действия облегчат движение. **НО У НАС НЕТ ВОЗМОЖНОСТИ УВЯЗЫВАТЬ СРОКИ РЕФОРМ С ДОСТИЖЕНИЕМ ВСЕОБЪЕМЛЮЩИХ МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКИХ СОГЛАШЕНИЙ ПО ЭТИМ ВОПРОСАМ** (выделено мной. – **О.М.**) Россия признает право каждой республики определять свою собственную стратегию и тактику в экономической политике, **НО ПОДСТРАИВАТЬСЯ ПОД ДРУГИХ МЫ НЕ БУДЕМ** (выделено мной. – **О.М.**) Время топтания на месте для нас прошло.

И опять: всего лишь десять дней назад восемь республик, в том числе Россия, подписали этот самый Договор об Экономическом сообществе; главное в нем – как раз координация экономической политики, экономических реформ; но вот этого договора словно бы уже и нет...

Россия выбрала самостоятельный путь.

ГОРБАЧЕВ ЖАЛУЕТСЯ ИНОСТРАННЫМ ДРУЗЬЯМ НА ЕЛЬЦИНА

Выступление российского президента – главная тема бесед

Горбачева важнейшее, ключевое выступление Ельцина застало за рубежом. Сначала он приехал в Испанию на конференцию по Ближнему Востоку, а затем посетил во Франции ее президента Франсуа Миттерана. Так что свою первую реакцию на упомянутое выступление ему пришлось излагать в беседах с лидерами США, Испании, Франции.

По-видимому, Горбачев был шокирован ельцинской речью. И эта тема постоянно возникала во время его бесед, где бы они ни велись. Его собеседников, естественно, тоже волновала ситуация в Советском Союзе. Сохранится ли он? Как расценивать действия Украины? И вот это – как воспринимать последнюю речь Ельцина?

По поводу Союза Горбачев твердо повторял:

– Я буду добиваться полноценного Союза, от этого не отойду.

Что касается ельцинской речи, он делил ее на две части – экономическую и политическую. Первая не вызывает у него особого беспокойства. Беспокоит его вторая. Тут, по мнению Горбачева, Ельцин опять отступил от того, о чем они с ним договаривались и что зафиксировано в проекте Союзного договора:

– В речи (Ельцина. – **О.М.**) есть подтверждение необходимости Союза, говорится, что Россия не будет разваливать Союз, но есть вещи, которые уводят от договоренностей, зафиксированных в проекте Союзного договора, который мы с ним разослали в республики. И большинство республик поддержали эту концепцию, прислали свои соображения. Ельцин тоже прислал.

Эти недоумённые слова – «в согласованном с Ельциным проекте Союзного договора – одно, а в речи – другое» – Горбачев будет повторять на всех встречах с зарубежными коллегами.

Кстати, Горбачев сказал, что перед своим выступлением на Съезде народных депутатов России Ельцин звонил ему, советовался, что сказать по поводу Украины. Горбачев посоветовал сказать: «Мы продолжаем надеяться на то, что Украина будет с нами, в Союзе». Ельцин последовал этому совету.

Немаловажная деталь, свидетельствующая, что какой-то непреодолимой стены между Горбачевым и Ельциным и в тот момент не было, они общались, советовались друг с другом.

О том, что некоторые аспекты выступления Ельцина вызывают у него беспокойство, Горбачев говорил, в частности, в беседе с американским президентом Джорджем Бушем 29 октября. Его слова:

– Есть опрометчивые, хлесткие формулировки по вопросам государственности...

Он вновь посетовал, что Ельцин «подвергается давлению определенных людей», которые «навязывают» ему «иную» концепцию, нежели та, на которой они вроде бы остановились в личных разговорах – концепцию заключения Союзного договора:

– Они (то есть люди из окружения Ельцина. – **О.М.**) утверждают, что Россия должна сбросить с себя это бремя, уйти от других республик и идти вперед сама. Я разговаривал с Борисом Николаевичем, и он заверил меня, что понимает, к чему это привело бы. Это вызвало бы огромные трудности и у России, это значило бы несколько лет больших потрясений. А для других республик это было бы катастрофой... Ельцин понимает это, но, к сожалению, он подвержен влияниям определенного рода людей.

Что ж, «иная концепция», о которой говорил тогда Горбачев, в общем-то, действительно содержалась, как мы видели, в «Меморандуме Бурбулиса», подготовленном этими самыми нехорошими людьми, на которых жаловался Горбачев.

И «несколько лет больших потрясений» России действительно пришлось пережить. Но никто не доказал, что у нее был тогда другой путь.

Вместе с тем Горбачев сказал Бушу, что «в целом» ему сейчас нужно будет поддержать Ельцина: «Потому что если пойдут реформы в России, то они пойдут и в других республиках».

Пройдет какое-то время, и Горбачев, – правда, уже не будучи президентом СССР, – станет на чем свет поносить эти реформы.

Горбачев просит у Буша денег

Далее, как пишет в своих воспоминаниях помощник Горбачева Анатолий Черняев, Михаил Сергеевич в разговоре с президентом США «перешел на конкретику – попросил у Буша «решить вопрос о продовольственном кредите [Советскому Союзу] в три с половиной миллиарда долларов». Еще одна просьба – предоставить «срочную помощь» для расчетов по задолженностям в 350 миллионов долларов наличными, а также посодействовать, чтобы Саудовская Аравия и Южная Корея выделили для СССР финансовый кредит в миллиард долларов.

Вот у кого приходилось тогда деньги выпрашивать! Слава Богу, не успели там приступить к строительству социализма, не остались без штанов.

– Думаю, все мы понимаем, – нажимал Михаил Сергеевич, – что поставлено на карту. То, что произойдет с Союзом, будет иметь последствия для всего мирового процесса...

Тут, однако, выяснилось, что вчерашнее выступление Ельцина на Съезде российских нардепов сильно осложнило для Горбачева ситуацию с получением финансовой помощи. Запад был в растерянности. Одно дело, когда союзный Центр полностью владеет ситуацией внутри страны, может взять деньги, использовать их для реформ, вовремя возратить долги и совсем другое, – когда в стране «правит бал» уже не Центр, а республики, и прежде всего Россия. А именно это вроде бы и вытекало из обращения Ельцина.

Цитирую Анатолия Черняева:

« – Я буду предельно откровенен, – начал Буш. – Надеюсь, ты знаешь позицию нашего правительства: мы поддерживаем [союзный] Центр. Не отказываясь от контактов с республиками, мы выступаем в поддержку Центра и тебя лично. Мы поддерживали и поддерживаем контакты с Ельциным, с руководителями других республик, но делаем это не за твоей спиной. Я задал свой вопрос потому, что в конгрессе и в администрации многие удивлены его [вчерашней] речью, не могут понять, что она означает. С этим связан и вопрос о кредитоспособности Советского Союза. Согласно нашему законодательству я должен удостоверить конгресс в том, что наши заемщики кредитоспособны. Я не могу обойти требование нашего законодательства. Мы считаем, что можем сейчас пойти вам навстречу по кредитам, хотя и не в полной мере. Но нам необходимо иметь уверенность, что республики полностью понимают свою ответственность. Мы хотим вам помочь, но нам нужны определенные дополнительные гарантии, касающиеся позиции республик».

Проще говоря, Буш хочет гарантий, что в случае, если Союз развалится, кредиты, которые Запад ему предоставил, будут возвращены его преемниками – Россией и другими республиками.

Горбачев возмущен:

« – Давайте говорить откровенно... 10 – 15 миллиардов долларов (вот уже куда цифра подскочила! – **О.М.**) – это не такая уж огромная сумма, чтобы мы не смогли ее вернуть. Если сейчас мы с вами просчитаемся, то со временем придется заплатить гораздо более высокую цену, речь идет не о чем-то обычном, рутинном. Речь идет об огромной стране, которая переживает великие трансформации, и здесь рутинные подходы неприемлемы, и ссылки на конгресс и экспертов меня не убеждают. Необходимо политическое решение».

Но Буш непреклонен:

« – Я не могу спорить с той цифрой потребностей в продовольствии, которую ты назвал. Но мне приходится учитывать и общественное мнение у нас, в США. Мы не можем в полной мере удовлетворить эту просьбу. Сейчас мы можем принять решение лишь о

выделении сельскохозяйственного кредита в размере полтора миллиарда долларов, причем часть его предоставляется сейчас же, а часть – после первого января. Мы надеемся, что это поможет вам пройти период, в ходе которого окончательно определятся отношения между Центром и республиками...»

«После первого января» Советского Союза уже не будет. Как и самого Горбачева в кресле президента. Однако отказ Буша пойти навстречу «другу Михаилу» тут не при чем. Даже если бы 29 октября 1991 года он и дал бы Горбачеву те деньги, о которых тот просил, это уже не спасло бы ни СССР, ни его президента.

Как подумаешь, какие цифры кредитов тогда назывались... Горбачев слезно просит дать три миллиарда, Буш обещает дать лишь полтора, да и то по частям... Сейчас, летом 2012 года, когда пишутся эти строки, Евросоюз «отваливает» своим терпящим бедствие членам сотни миллиардов долларов, мелькают и триллионные цифры... Да и Россия, купающаяся в дорогой нефти, не очень скупится на траты и на займы друзьям...

После Буша в разговор вступил госсекретарь Джеймс Бейкер. Тот уже совершенно определенно заявил:

« – Мы считаем сейчас необходимым иметь подписи республик под кредитными документами, это даст президенту юридическое основание ставить вопрос перед конгрессом».

Кто же предоставил бы в тот момент эти подписи Бушу и Бейкеру? Какие союзные республики? Ни один из республиканских лидеров не знал, что произойдет завтра, где будет Страна Советов и куда улетучатся деньги, взятые ею в долг.

Вообще-то в ту пору Горбачев мечтал получить от Запада сто миллиардов долларов. Именно такая сумма, как он был уверен, спасет Советский Союз. Его «убойным» аргументом, который он не раз повторял, был такой: вы потратили сто миллиардов на «войну в заливе» (то есть на войну с Саддамом Хусейном, вызванную его нападением на Кувейт), – неужели помощь Советскому Союзу, который переживает тяжелые времена, дело менее важное?

Но, как видим, он уже не в состоянии «выцарапать» у Запада даже несопоставимо меньшие деньги. О ста миллиардах он в данном случае даже не заикается.

Да и не спасли бы Советский Союз никакие сто миллиардов. Быстро бы все проели и разворовали. Не было у Союза ни экономической, ни политической системы, при которых он мог бы с пользой «оприходовать» эти деньги и которые могли бы его спасти. Думаю, и потенциальные зарубежные кредиторы прекрасно это понимали: не в коня корм.

«Его, честно говоря, на сутки нельзя отпустить»

В следующей беседе, вечером того же дня, 29 октября 1991 года, во время ужина у короля Испании Хуана Карлоса, в которой, кроме короля, участвовали тот же президент США Буш и испанский премьер Фелипе Гонсалес (все эти беседы я цитирую по книге «Союз можно было сохранить»), опять зашел разговор о ельцинском выступлении (не было темы более актуальной), и Горбачев повторил ту же двойственную его оценку:

– В речи есть подтверждение необходимости Союза, говорится, что Россия не будет разваливать Союз, но есть вещи, которые уводят от договоренностей, зафиксированных в проекте Союзного договора, который мы с ним разослали в республики.

И вновь – жалобы на то, что Ельцин слишком подвержен влиянию своего нехорошего окружения...

Собеседники охотно подхватывали тему «странностей» в выступлении Ельцина. Испанский король Хуан Карлос, например, с недоумением откликнулся на ельцинский призыв сократить союзный МИД на девяносто процентов.

– Надо же все-таки думать, как воспринимаются подобные вещи за рубежом!

Джордж Буш сказал, что Ельцин звонил и ему, вкратце познакомил с содержанием своего предстоящего выступления, заверил, что оно будет посвящено экономике, «говорил всё хорошие вещи». А о другой части своей речи, политической, ничего не сказал.

– Как же так? Я этого не понимаю! – вслед за испанским королем недоумевал и американский президент.

Хуан Карлос:

– Господин президент, может быть, это звучит жестоко, но наши отношения позволяют задать вам этот вопрос: не подрезает ли он вам крылья?

Однако Горбачев не хочет, чтобы у западных лидеров сложилось впечатление, будто между ним и Ельциным идет беспощадная война, война не на живот, а на смерть, что назад пути уже нет.

– Я бы сказал, что вопрос не в этом, – мягко возражает Горбачев. – Дело в другом. Я думаю, в душе он действительно за Союз, понимает, что одной республике, даже России, без этого не обойтись. И это находит выражение в том, что он работает в контакте со мной, в последнее время мы взаимодействуем довольно тесно, очень интенсивно работали над Союзным договором. Но он, – хотя и производит впечатление человека сильного, уверенного, – в действительности очень легко поддается влияниям, в частности влиянию определенных сил, людей, которые говорят: России надо сбросить это бремя, республики только мешают, союз с ними невыгоден, и надо идти вперед самостоятельно... И эта идея, хотя и в завуалированной виде, вроде бы в форме отрицания, появилась в речи.

Так что сам-то Ельцин, видим, – за Союз, но вот опять его окружение...

Надо полагать, окружение же, подсказывает ему, как надо уходить от ответственности за развал Союза. Горбачев:

– ...Один из сопровождающих меня здесь людей, Егор Яковлев, сказал: прочитав эту речь, можно сказать, что Ельцин будет разрушать Союз, но так, чтобы свалить вину на другие республики. Но этот путь – опасный, гибельный. И для России это была бы беда.

– Я думаю, он захочет свалить и на другие республики, и на Центр, – охотно подхватывает участвующий в беседе испанский премьер Фелипе Гонсалес.

Разговор о личных качествах Ельцина, о его ненадежности, подверженности влияниям продолжается:

Горбачев:

– Политик не всегда может дать слово, но, дав, должен держать его. Ельцин – такова реальность, с которой приходится считаться, – человек, который не всегда надежен.

Гонсалес:

– Вот именно. Я помню, как беседовал с ним во время своего визита в Советский Союз. Он начал с того, что Центр нам мешает, Центр не нужен и т.д. Я убеждал его, что России нужен Союз, а в Союзе нельзя без Центра, и он в конце концов согласился. После этой беседы я поехал в Кремль на переговоры с президентом Горбачевым. И, приехав, узнаю, что тем временем Ельцин разговаривал с прессой и сказал все наоборот, все исказил.

Горбачев:

– Да, вот с таким человеком мы имеем дело. Такова реальность. Его, честно говоря, на сутки нельзя отпустить. Работаешь с ним, договариваешься, а потом оказывается, что надо начинать сначала.

И вновь, дав волю эмоциям, высказав все, что он думает о Ельцине, Горбачев спохватывается, дает задний ход: политически он не может себе позволить сейчас вступить «в клинч» с Ельциным, у него, у Горбачева, уже нет для этого сил.

– Но я не хочу, чтобы было полное разочарование в нем (в Ельцине. – **О.М.**), – говорит Горбачев. – Я буду с ним работать. Все-таки, если оценивать его вчерашнюю речь в целом, позитив перевешивает. Это, прежде всего, готовность пойти на решительные шаги в экономике, подтверждение единой денежной системы и т.д. Это важно, он впервые говорит о том, что надо делать. Сейчас было бы большой ошибкой идти на столкновение, на конфронтацию с Ельциным. И я буду работать с ним и с другими руководителями республик.

Эту двойственность в отношении Горбачева к Ельцину очень точно подметил в своих мемуарах (в соавторстве с Скоукрофтом) Джордж Буш, вспоминая о том ужине у короля Хуана-Карлоса:

«Что же касается Ельцина, то он (Горбачев. – **О.М.**) сказал мне, что собирается работать с ним и дальше, однако у меня было такое чувство, что он его просто не выносит...»

И еще – об иссякающих политических силах Горбачева:

«...Я писал в своем дневнике: «Перед ним (Горбачевым. – **О.М.**) стоят огромные проблемы, и я думаю, сбудутся ли предсказания некоторых о том, что это, мол, «будет последняя встреча президента Буша и президента Горбачева». Время идет слишком быстро для Горбачева, и он уже не является той силой, которой был когда-то. По сути, он сейчас только зритель». Если Горбачев и осознавал, что его позиции весьма шатки, то, надо сказать, не подавал виду. Открыто признавая, что проблемы очень велики, он не выказывал волнения и не производил впечатления отработанного материала».

Другие собеседники Горбачева, хоть и сочувствовали по привычке Горбачеву, но также, по-видимому, догадывались, что ситуация развивается не в его пользу, и вряд ли этот процесс можно остановить.

Как бы то ни было, то, что они «возмущались речью Ельцина на съезде в Кремле и давали понять, что без Горбачева им трудно представить себе то, что раньше называлось Советским Союзом» (цитата из Анатолия Черняева), служило для Горбачева бальзамом на раны.

Вот если бы вдобавок к сочувствию и «возмущению речью Ельцина» дали бы еще и денег...

Миттеран не желает распада СССР

Из Испании 30 октября 1991 года Горбачев отправился во Францию, на виллу президента Франсуа Миттерана в Пиренеях. Точнее, не на виллу, а на «президентский хуторок». Вот как описывает его Анатолий Черняев:

«С аэродрома ехали по красивейшим местам предгорьев... Машины свернули с шоссе в лес. Пошла узенькая дорога, сначала асфальтированная, потом (так показалось) просто грунтовая – для деревенских телег. Ветки кустов хлестали по стеклам машины. Минут через 10-15 выехали на полянку. Огородная ограда из слег, какая бывает в наших небогатых деревеньках вокруг изб. Три хатки – иначе их назвать не могу: под соломой, приземистые, с маленькими окошечками. Сыро вокруг, сумеречно, зелено, прохладно, ходят козы и куры. Возле «хат» развесистые деревья...

Миттеран вышел навстречу. Поводил по своим «владениям», с явным удовольствием рассказывая, откуда у него такой семейный хутор, основанный аж в 1793 году и купленный им у крестьянина 28 лет назад...

Миттеран... предупредил, что утром Горбачева с Раисой разбудят петухи. (Я потом заходил в комнатку, которую им отвели на ночлег, – очень напоминало мне закуток в деревенских избах, где в детстве «на даче» проводил я свои летние каникулы)».

(Не могу себе представить, чтобы наши сегодняшние правители согласились бы ночевать в таком закутке. Как! Такое унижение для вождей великой державы! Хотя и державы-то никакой уже давно нет. Ни великой, ни какой. При Горбачеве-то, считай, держава еще была, хотя и доживала последние дни, а вот, вишь, не стал он гонор проявлять, полез с женой в предоставленный ему французским президентом закуток, не погнушался. – **О.М.**)

Вот такая вот президентская «резиденция». Забавно сравнить ее с бесчисленными загородными королевскими дворцами, в которых сегодня проживают наши начальники, даже

и не самого высокого ранга.

Во время беседы Миттеран попросил Горбачева рассказать, что происходит у него «дома». Среди прочего, Горбачев опять, в который уже раз, стал жаловаться на Ельцина и на его «команду»:

« – У него очень сложное окружение. Ему подкидывают (любимый глагол Горбачева. – О.М.) и то, и другое, затрудняют выбор. Преобладают те возле него, кто считает, что Россия должна сбросить с себя бремя бывших союзных республик... Да, Ельцин выступает за решительность в проведении реформ, и в основном это идет в русле того, что я предлагаю. Но нельзя действовать, невзирая на другие республики: это не политика. Нельзя провоцировать отторжение. 75 миллионов живут у нас за пределами своих республик. Разделение труда такое, что все зависят друг от друга».

Горбачев прямо спросил Миттерана:

« – Заинтересован ли Запад, окружающий мир в том, чтобы Союз остался? Реформированный, демократический, динамичный, экономически здоровый, то есть совсем новый, но – Союз».

Интересны аргументы Миттерана в пользу того, чтобы Союз сохранился:

«– Я рассуждаю совершенно холодно: в интересах Франции, чтобы на востоке Европы существовала целостная сила. Если будет распад, если вернемся к тому, что было у вас до Петра Великого, – это историческая катастрофа и это противоречит интересам Франции. Вековая история учит нас тому, что для Франции необходим союзник, чтобы можно было обеспечивать европейский баланс. Любой распад целостности на Востоке несет нестабильность. Вот почему мы не хотим и не будем поощрять сепаратистские амбиции».

« – И еще, – продолжал Миттеран. – Мы большие друзья сегодняшних немцев, но очень опасно, если на севере от Германии и на востоке от Германии было бы мягкое подбрюшье. Потому что всегда у немцев будет соблазн проникнуть на этих направлениях.

– И не потребуется применения военной силы. Это будет экономическая империя со всеми вытекающими последствиями, – добавил М. С.

– Что мы можем получить?.. Вокруг Германии ряд небольших государств, а дальше – вакуум. Это опасно. Я из тех, кто желает иметь в вашем лице сильного партнера – новый Союз. Если дело пойдет так, то мои отдаленные преемники должны будут установить прочные отношения с Россией, ибо это – самое мощное, что останется от старого Союза. Но до этого мы все можем оказаться в стадии анархии. Я за то, чтобы за два-три года ваша страна восстановилась на федеративно-демократической основе. Это наилучший выход для всей остальной Европы... Я в данном случае исхожу из констатации исторической логики в развитии нашего континента».

Рассуждения Миттерана, конечно, интересны, но абсолютно ясно: их излагает человек, совершенно не представлявший, какова реальная ситуация в Советском Союзе. Какие там два – три года для восстановления «вашей» страны «на федеративно-демократической основе»! У Горбачева не оставалось и двух месяцев.

ЧТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ БУДЕТ?

Еще раз о «зловредном окружении» Ельцина

Итак, «зловредное» окружение Ельцина мало-помалу настраивало его на то, что предстоящие тяжелые экономические реформы окажутся для России несколько легче, если она будет проводить их самостоятельно, не оглядываясь на другие республики (эта мысль, как мы видели, прозвучала и в обращении российского президента).

Вот что, однако, любопытно: первоначально все-таки работа над программой реформ велась, когда вопрос о разделении Союза на части еще не стоял в практической плоскости, и это была совершенно иная ситуация, нежели когда почти все республики разбежались в разные стороны; когда же эксперты переключились с программы, условно говоря, «российские реформы в составе Союза» на программу «российские реформы вне Союза»?

Беседу об этом с главным российским реформатором Егором Гайдаром (разговор – в апреле 2009 года).

– Тема распада Советского Союза, возможности такого распада, стала подниматься в наших внутренних дискуссиях (в дискуссиях молодых экономистов из круга Гайдара. – **О.М.**) где-то с 1988 года, – говорит Егор Тимурович. – Но я тогда еще считал, что Советский Союз в каком-то трансформированном виде будет сохранен. То, что его сохранить, по всей видимости, не удастся, для меня стало абсолютно ясно по состоянию на 22 августа 1991 года. Но в значительной степени это стало казаться невероятным еще раньше – после того, как Михаил Сергеевич Горбачев отказался от союза с Борисом Николаевичем Ельциным в реализации программы «500 дней».

Как видим, Егор Тимурович довольно благожелательно оценивает программу «500 дней», одним из главных разработчиков которой был Явлинский. Явлинский же и его соратники вот уже более двадцати лет, не уставая, оплёвывают реформы Гайдара. Это стало для них одним из главных «пунктиков».

Вернемся, однако, к нашей беседе с Егором Тимуровичем. Он говорит о «внутренних дискуссиях» в его кругу, о том, как менялись его личные представления. А как с практической работой над планом реформ? Свои экономические реформы Гайдар и его группа готовили, исходя из предположения, что Советский Союз сохранится, или уже предполагая, что распад неминуем?

– До августа 1991 года, до путча, – скорее исходя из того, что страна сохранится в целостности, – отвечает Гайдар. – После 22 августа – исходя из того, что крах Советского Союза уже произошел.

– Но ведь он тогда еще не совсем произошел...

– Как он не совсем произошел, если на следующий день Кравчук вызвал к себе командующих тремя расположенными на Украине округами и сказал им, что теперь они подчиняются ему? А после этого подчинил себе пограничную службу и таможеню, через которую проходила основная часть товарного потока. Если то же самое сделали прибалтийские страны.

[Если быть точным, Кравчук объявил себя Верховным главнокомандующим украинских Вооруженных Сил, подчинив себе три военных округа, расквартированных на Украине, и Черноморский флот, лишь после Беловежья (канцелярия Горбачева получила сообщение об этом 13 декабря). Но в общем-то такие порывы у него действительно были и раньше...]

– Ну, Прибалтика была уже отрезанным ломтем...

– Ну, а что у нас таможня на границе с Балтикой была, что ли, оборудована? Не было таможни. Далее, центральные банки союзных республик перестали оглядываться на Госбанк и начали сами печатать деньги. У Союза в тот момент уже не было никаких налоговых поступлений... Это что – существующая страна? В общем, де-факто Союз уже не существовал – в силу того, что не было ни границ, ни таможни, ни единой денежной системы, ни налоговых поступлений...

Многие считают: можно было бы попытаться всем вместе выйти из этого положения. Как уже говорилось, помощники Горбачева выпустили даже книгу под названием «Союз можно было сохранить» (первое издание вышло в 1995-м, второе – в 2007 году) У Гайдара

другое мнение:

– Когда в стране, в ядерной державе, – острейший экономический кризис, быстро падает добыча нефти, практически исчерпан золотовалютный резерв, старая экономическая система не работает, новой еще нет, – нужны решения немедленные, которые не терпят длинной-длинной процедуры согласований между государствами, объявившими о своей независимости. Реально такие согласования могли растягиваться на месяцы, из-за чего в стране мог возникнуть голод и гражданская война. В этой ситуации и я, и другие – мои единомышленники – пришли к выводу, что НАМ НУЖНА РЕАЛЬНАЯ РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ (выделено мной. – **О.М.**) Как ее оформлять, – это отдельная история. Но если у нас не будет механизмов контроля над собственной территорией, собственными границами, собственными деньгами, собственными налоговыми поступлениями и т.д., – мы ситуацию не удержим. Такова была моя позиция. Но в принципе со мной был согласен и Борис Николаевич.

– Вы ему эту позицию изложили?

– Да, я ему изложил ее. Да, собственно, не один я – я и группа моих коллег. Он был с ней знаком.

Тут, без сомнения, опять-таки имелся в виду тот самый документ – «Стратегия России в переходный период», переданный Ельцину Бурбулисом в Сочи и получивший неофициальное название «Меморандум Бурбулиса».

В этом месте, может быть, еще стоит добавить оценку экономической ситуации, сложившейся в стране осенью 1991 года, которую Гайдар дал в своей книге «Гибель империи»:

«К тому времени, когда V съезд, дав президенту дополнительные полномочия, открыл дорогу к углублению экономических реформ, шесть лет колебаний, нерешительности, компромиссов уже породили настоящий социально-экономический хаос... Все прекрасно понимали, что пришло время расплаты за годы финансовой безответственности, за неплатежеспособность Внешэкономбанка, за разворованные природные ресурсы страны, за разваленные финансы, за неработающий рубль, за пустоту прилавков, за все те социальные демагогические обещания, которые раздавались вволю на протяжении последних лет... Осень 1991 года – это уже крутое падение общественного производства, это быстро останавливающаяся черная металлургия, за чем явно вставала угроза остановки всего машиностроения и строительства. Осень 1991 года – это время глубокого уныния и пессимизма, ожидания голода и холода. Все, кто в этой сложной ситуации решил бы и дальше тратить время на бесконечные и бесплодные дискуссии о безболезненных путях перехода к рынку, стабилизации экономики, ждать создания конкурентно-рыночной среды и формирования эффективной частной собственности, дождался бы паралича производства, гибели российской демократии и самой государственности».

Горбачев и Ельцин разговаривают друг с другом «по-мужски»

Вернувшись из зарубежной поездки в Москву, Горбачев, естественно, встретился с Ельциным, чтобы высказать непосредственно ему, что он думает о его выступлении на российском съезде. Их встреча состоялась 2 ноября. Сам он так рассказывал своим помощникам об этой беседе (в записи Шахназарова). (Ельцин, наверное, рассказал бы о том же самом несколько иначе):

«Я, говорит, сказал ему: давай по-мужски. Ты меняешь политику, уходишь от всего, о чем мы условились. А раз так – теряет смысл и Госсовет, и Экономическое сообщество. Я

подаю в отставку. Бери вожжи в руки, раз тебе этого хочется, правь в одиночку. Я в этой кутерьме участвовать не буду. Скажу всем так: вот, друзья, лидеры пятнадцати республик, я вас подвел к независимости, теперь, похоже, вам Союз больше не нужен. Что ж, живите дальше как заблагорассудится, а меня увольте.

Ельцин стал горячо доказывать, что политику менять не собирается, верен обязательствам, слово у него твердое. Тогда я его спросил: значит ли это, что он согласует свои реформы с республиками? Обязательно, отвечал он, я их только решил прижать: дескать, не будете следовать за Россией в реформах, – нам придется делать все без вас, и уж тогда не сетуйте, будем блюсти прежде всего свой интерес. Так что в ближайшие дни все согласуем, им деваться некуда.

Ладно, пошли дальше. Ты понимаешь, говорю я ему, что значит, когда Козырев говорит, что обойдется без союзного МИДа? Кто будет участвовать в Хельсинском процессе, представлять в ООН, вести разоруженческие дела? Ведь это все требует и опыта, и знания кадров, а главное – право выступать от всех республик.

Ельцин согласился, сказал, что насчет сокращения на девяносто процентов мидовского персонала – это был образ, примерная цифра. Можно и не на девяносто, а, скажем, на семьдесят. «Ой, Борис, – возразил я ему, – кто-то тебя все время подначивает, толкает на крайние заявления, а потом тебе же приходится отступать. Зачем это? Будь аккуратнее в словесных заявлениях. МИД – это ведь русские люди, мощное, можно сказать, столетиями формировавшееся учреждение. Так зачем же его разорять? Уж лучше возьми целиком в Россию. Придет момент, так и будет. Но сейчас-то надо сохранить». Ельцин и с этим согласился. Так он по всем пунктам ретировался, обещал действовать согласованно.

...Между тем я слушал и думал, что Ельцин лукавит, завтра опять что-нибудь эдакое вытворит. Да что завтра! Он божился, что будет вести дело разумно, а в папке бумаг к заседанию Госсовета 4 ноября лежит его обращение к президенту СССР с требованием передать России все торгпредства. Без каких-либо обещаний компенсировать другим республикам их долю; даже не потрудились его молодая ватага напрячь мозги и выдать два-три приличных довода. Просто так: мы забираем, и все! Вообще все сильнее ощущается невысокий класс этих «ребятишек», как обозвал их Хасбулатов. Однако сам из вполне того же разлива. Честное слово, и наша команда небезгреховна, но та такое натворит, что страна еще содрогнется и вздыбится».

Эту запись Шахназаров завершает собственным заключением:

«Не стал я в этот раз расстраивать Горбачева... Я ушел с чувством, что все это прелюдия краха. Ельцин и особенно его команда – молодые волки, вроде Бурбулиса, Полторанина, Н.Федорова, не успокоятся, пока нас не добьют».

«Очередная академическая утопия»

Для российской публики Горбачев изложил свою реакцию на выступление Ельцина в беседе с главным редактором «Московских новостей» Леном Карпинским (оно было опубликовано 3 ноября 1991 года). Здесь опять было то же – про зловерное окружение Ельцина, которое сбивает его с панталыка.

– В определенных группах политиков, – говорил Горбачев, – в том числе в окружении Бориса Николаевича Ельцина, есть такие, которые думают: России надо отделиться, «как всем». Стряхнуть с себя эти «прелести», эти тяготы «особой ответственности» за других и, опираясь на свои природные ресурсы, свой экономический и интеллектуальный потенциал, начать жить самостоятельно. Это очередная академическая утопия – опаснейшая... Я говорю открыто: Россия не сможет сама себя вытащить, потому что она также зависит от других республик. Опасность этого «самостийного плана» обусловлена именно сегодняшним положением. Может быть, через несколько лет Россия и смогла бы справиться со своими

проблемами в одиночку. Но это через несколько лет. Для других республик, в том числе и для Украины, изоляционизм – катастрофа...

Непонятно, почему утопия «академическая». Видимо, Горбачев намекал, что авторы этой утопии – Бурбулис, Гайдар и другие люди, вышедшие из научной среды и не знающие «настоящей жизни».

Все же это были не академики, которые составляли как раз окружение Горбачева. Вот к их «утопиям» более правомерно было прилагать эпитет «академические».

Интервьюер «подбрасывает» Горбачеву идею: а почему бы России не взять на себя роль Центра, став «правопреемницей» СССР? Михаил Сергеевич категорически против этого:

– Как только Россия напрямую попыталась, скажем так, дать указания республикам (Когда? Где? – **О.М.**), сразу все суверенные республики всполошились. Это что – возрождение империи?.. Народы в большинстве своем готовы признать лидерство России, но только в форме нового Союза и через новые союзные институты... Такие союзные институты необходимы прежде всего самой России. С тем чтобы ее образ и ее роль воспринимались естественно, в виде равноправного партнерства.

Тут опять какая-то путаница. То ли Горбачев отводит все-таки России роль лидера (но, естественно, в рамках «нового Союза»), то ли считает, что у нее должно быть «равноправное партнерство» с другими республиками. В общем, как говорится, – все равны, но некоторые «равнее».

Тут у Горбачева переплетаются, видимо, несколько желаний: подтвердить свою позицию, что Союз должен быть сохранен, хотя и в какой-то новой форме, не обидеть республики, возвысив над ними Россию, и не обидеть Ельцина, совсем уж лишив его лидерства. Желания несовместимые...

Кстати, характерно, что в этом месте Горбачев считает нужным отметить: они с Борисом Николаевичем обсуждали этот вопрос, и он, Горбачев, не увидел тут «принципиальных расхождений» с Ельциным.

Республиканские лидеры реагируют на обращение Ельцина по-разному

Как мы видели, в своем обращении на V съезде народных депутатов РСФСР Ельцин прямо заявил:

– Я обращаюсь к руководителям государств, формирующихся на базе бывшего Союза. Россия решительно встала на путь радикальных реформ. Мы призываем республики идти по этому пути вместе. Скоординированные действия облегчат движение. **НО У НАС НЕТ ВОЗМОЖНОСТИ УВЯЗЫВАТЬ СРОКИ РЕФОРМ С ДОСТИЖЕНИЕМ ВСЕОБЪЕМЛЮЩИХ МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКИХ СОГЛАШЕНИЙ ПО ЭТИМ ВОПРОСАМ** (выделено мной. – **О.М.**) Россия признает право каждой республики определять свою собственную стратегию и тактику в экономической политике, **НО ПОДСТРАИВАТЬСЯ ПОД ДРУГИХ МЫ НЕ БУДЕМ** (выделено мной. – **О.М.**) Время топтания на месте для нас прошло.

Теперь настало время для лидеров других республик как-то ответить на слова Ельцина. Для многих из них такая резкая постановка вопроса – о «сепаратном» начале российских реформ, о либерализации цен, о переходе на мировые цены – оказалась неожиданной. Она застала их врасплох.

«Известия» за 30 октября 1991 года на первой полосе публикуют мнения некоторых республиканских лидеров.

Хитрый Кравчук уходит от прямого ответа, – что он думает о выступлении Ельцина:

– Политический союз с Россией у нас заключен и ратифицирован. Теперь работаем над экономическим соглашением. Этот вопрос мы будем держать под особым контролем.

В дальнейшем Кравчук будет несколько лет «валандаться» с экономическими реформами – ни туда, ни сюда. Если Ельцин даст «зеленый свет» таким реформаторам, как Гайдар, Чубайс, то их украинским «аналогам» – Владимиру Лановому, Виктору Пинзенику, – тоже порывавшимся начать энергичные реформы, Кравчук полностью перекроет кислород, задвинет обоих на второстепенные посты. Так и будет Украина беспомощно топтаться перед порогом реформ, пока медлить с ними станет уже совсем невозможно...

Белорус Шушкевич также не говорит ничего определенного:

– Считаю, что никаких перемен в позиции Президента России не произошло. Цель остается прежней – рынок. Просто он заявил, что к рынку он будет продвигаться более решительным шагом... Ничего пугающего в этом заявлении не нахожу. Однако полагаю, что у нас с Россией неординарные условия, поэтому мы при переходе к рынку проявляем сдержанность.

Допроявлялись до того, что к власти в Белоруссии пришел диктатор. Что произошло потом в этой республике, мы все прекрасно знаем. Лукашенко, став там президентом, законсервировал советскую экономику и советский тоталитарный режим. Сделать ему это удалось, разумеется, исключительно за счет России – за счет ее нефти и газа, за счет всевозможных преференций в российско-белорусской торговле. Если бы не это, он давно бы «вылетел в трубу». Но вот ведь – живет и здравствует. Хотя в последнее время здравствовать ему становится все тяжелее.

Не скрывает своего раздражения по поводу выступления Ельцина узбекский президент Ислам Каримов:

– Мы – республика завозящая (примерно 60 процентов товаров Узбекистан получает извне), многое поступает из России. Поэтому либерализация цен в РСФСР скажется на Узбекистане, и мы вынуждены будем принять свои защитные меры.

Испуган и таджикский вице-премьер Самадов:

– Разом разморозить цены в одной отдельно взятой республике, даже такой большой, как РСФСР, невозможно. Это повлечет за собой совершенно однозначные последствия для всех республик в силу интегрированности нашей экономики. И прежде чем Россия сделает такой шаг, мы должны договориться, каким образом это произойдет... Скажем, для Таджикистана с существующей сырьевой ориентацией его экономики, трудоизбыточностью, большим удельным весом неработающих женщин и детей, новое разовое и, по сути, беспредельное повышение цен, грозит непредсказуемыми социальными последствиями...

Исполняющий обязанности председателя Верховного Совета Казахстана Абильдин также недоволен Ельциным:

– Подобные вопросы могут решаться не руководителем какой-то одной республики, а сообща, за столом переговоров, на законной основе... Слов нет, мы все заинтересованы, чтобы рубль был весомым, конвертируемым, общим для всех. Но в состоянии ли одна республика за всех решить эту проблему только потому, что именно она обладает печатным станком? Нет, конечно. Ни к чему, кроме как к новой конфронтации, такая попытка не приведет. Тут нужен не диктат, не ультиматумы, а взаимные договоренности и, если хотите, компромиссы. Только таким путем можно вывести страну из кризиса.

Вполне спокойно отнеслись к заявлению Ельцина о размораживании цен «прибалты», которые сами уже вовсю разгоняли паровоз экономических реформ. Коммерческий директор Литовской биржи Купляускас:

– Переход к свободной экономике придаст устойчивость России, а стало быть, и ее двусторонним экономическим связям с Литвой. Особенно важно, что процесс либерализации цен будет проходить в [наших] двух республиках почти параллельно... Раньше была великая путаница: одни товары покупали и продавали по государственным ценам, другие – по рыночным. С введением свободных цен это противоречие устраняется.

Аналогичную оценку дал выступлению Ельцина и эстонский министр финансов Миллер. Того, правда, несколько «смутили» слова российского президента о том, что с бывшими республиками СССР, не подписавшими Договор об Экономическом сообществе (а

балтийские республики его не подписали) Россия намерена вести торговлю по мировым ценам в валюте. Раньше она заявляла, что в 1992 году общей валютой будет рубль.

Ну вот, то изо всех сил старались вырваться из Союза, а теперь затосковали по рублю...

С великим одобрением и похвалой отозвался о выступлении Ельцина представитель Молдавии вице-председатель ее парламента Пушкаш:

– Позиция Ельцина – пример всем другим нашим государственным деятелям. Так и должен вести себя сегодня сильный политик: не юля, не боясь потерять кресло, принимать ответственные, пусть и рискованные для себя решения.

Кресло Ельцин, конечно, не потерял, но экономические реформы, за которые он взял на себя полную ответственность, в конечном итоге сильно подорвали его рейтинг. Как и рейтинги самих реформаторов.

Но все они знали, на что идут. Они с самого начала называли себя «правительством самоубийц».

По поводу либерализации цен начались тяжелые переговоры с республиками – те самые «согласования», об отказе от которых решительно заявил Ельцин. По просьбам бывших советских «братьев» она несколько раз откладывалась. Собирались провести ее в декабре, но реально начали осуществлять лишь 2 января 1992 года.

Ельцин вновь демонстрирует пренебрежение...

4 ноября состоялось заседание союзного Госсовета (излагаю его по книге «Союз можно было сохранить»). Центральный вопрос – программа Ельцина по экономике. При этом Ельцина на заседании снова нет.

Горбачев высказывает надежду, что Госсовет поддержит упомянутую программу. Сам он, по его словам, уже высказался в поддержку «общей направленности» этих мер и вновь это подтверждает. Однако его серьезно беспокоит, что у Ельцина нет ясности, как он собирается совместить свою программу с Экономическим соглашением и как собирается сотрудничать с Экономическим сообществом, будучи членом этого сообщества. Если такого сотрудничества не будет, ни Россия в одиночестве не сможет справиться с тяжелой ситуацией, ни тем более другие республики не смогут избежать катастрофы.

– У меня с Борисом Николаевичем был откровенный разговор, – сообщает Горбачев. – Он заявил, что Россия будет действовать в рамках Экономического соглашения... Раз так и если другие это подтверждают, значит, можно уже завтра начать подготовку документов, и россияне могут стать базой согласованной работы. Мы не можем... поддаваться панике. Не должны позволить распадаться союзному рынку..., чтобы вводились несогласованные цены и т.д. Окукливание никого не спасет! Мы должны сформулировать общую позицию и определить конкретные шаги совместной работы по ускорению реформы.

Вместе с тем, говорит Горбачев, в результате объявленного Ельциным пакета мер уже возник беспрецедентный ажиотаж на потребительском рынке. По его словам, допущен очередной просчет, повторяются ошибки весны и конца 1990-го года – начала 1991-го.

В этот момент в зал входит Ельцин, «своим опозданием демонстрируя пренебрежение к «этому собранию» (так говорится в записи, которую ведет один из помощников Горбачева; прессы на этом заседании нет).

– Помните, – продолжает Горбачев, – как Рыжков... объявил об изменении цен, а потом два месяца ничего не делали. Сейчас люди услышали из высказываний Бориса Николаевича одно: начинается высвобождение цен. А мы же не сможем отпустить цены, не решив вопроса о монополистах, не сократив расходную часть бюджета, не простимулировав предпринимателей, не сказав обществу, что не отказываемся от регулирования цен на некоторые продукты...

Да и положение в экономике, по мнению Горбачева, не такое уж плохое. Запасы пшеницы достаточны, чтобы на ближайшие месяцы обеспечить страну зерном и хлебом. Да, с фуражом – «напряженка», но иностранцы готовы поддержать. Потребность в валюте на продовольственные нужды – 14,7 миллиарда долларов. Он, Горбачев, надеется получить извне два миллиарда... Правда, есть сомнения, получим ли. Кредитов нужно почти десять миллиардов долларов. Президент рассчитывает получить пять-шесть миллиардов...

Всем ясно, что экономический анализ Горбачева – неадекватен. Денег взять неоткуда. А тех, что могут – теоретически – дать зарубежные друзья Горбачева, все равно не хватит. Не говоря уже о том, что и не дадут. Так что – чего толочь воду в ступе!

Как всегда, Горбачев старается все свести к Союзному договору, к необходимости его скорейшего заключения. Заискивающе – о позиции Ельцина:

– Борис Николаевич и многие члены Госсовета тоже за быстрое продвижение к Союзному договору, за то, чтобы 11 ноября собрать Госсовет и идти постатейно. Мы должны осознать – как после путча, – что у нас очень небольшой лимит времени. Вопрос о государственности первостепенный. От него зависит и экономика. Экономическое соглашение не заработает без Союзного договора...

Ельцин бросает недовольную реплику:

– По повестке дня надо идти!

Горбачев в растерянности:

– Я же поставил вопросы... По важным моментам, о которых я говорил, надо же обменяться мнениями...

Ельцин стоит на своём:

– Повторяю: давайте идти по первому пункту повестки дня.

Горбачев:

– Но у нас же в первом пункте «О текущем моменте, обмен мнениями...» (Раздраженно) Кто хочет слова?

«Пауза, атмосфера неловкости» (так в записи).

Назарбаев начал было что-то говорить... Горбачев его прерывает:

– Если все ясно, тогда есть ли необходимость обсуждать?

Назарбаев, как бы присоединяясь к Ельцину:

– Мы уже выражали свою принципиальную поддержку (ельцинским реформам. – **О.М.**) И надо теперь обсуждать конкретно. Надо двигаться быстрее... Надо вместе двигаться к рынку. Если мы работаем в рамках Экономического соглашения, у меня вопросов нет. Если нет – тогда другой разговор.

«Опять молчание. Горбачев призывает высказываться. Никто не реагирует...» (это тоже стенограмма заседания).

Трудно представить, чтобы кто-то в прежние времена позволял себе в таком тоне разговаривать с генсеком, с президентом. Ельцин сбивает Горбачева с толку: то – один на один – разговаривает с ним, с Горбачевым, вполне дружелюбно, почти со всем соглашается, то, на людях, вот так – заносчиво и небрежно, как бы забывая обо всем, о чем недавно договорились.

Если же по сути, Ельцин явно не желает обсуждать, как он собирается согласовывать с республиками реформы, которые начинаются в России, – на этом настаивает Горбачев. Никакого такого плана у него нет. Да и желания составлять такой план – тоже. Начнешь его составлять, – и вновь увязнешь в обсуждениях и согласованиях. А время не ждет, на дворе экономическая катастрофа, странно, что Горбачев этого как будто не замечает. Если республики желают, пусть присоединяются к тому, что начинает делать Россия. Его абсолютно не смущает, что он выходит за рамки Договора об Экономическом сообществе. Наступает время решительных действий. Тут – пан или пропал. Какие тут могут быть оглядки на прежние договоры и соглашения! Если есть совпадение с договором, – хорошо, если нет, – как-нибудь переживем.

Договор об Экономическом сообществе буксует

В общем-то, не только Ельцин скептически смотрел на перспективы Договора об Экономическом сообществе. Другие его «подписанты» тоже особенно не рвались его выполнять. Анализируя итоги Госсовета, «Известия» писали по этому поводу (сам Госсовет проходил в «строго конфиденциальной» обстановке, но кое-что, естественно, достигло ушей журналистов):

«Все ждут просвета в беспросветной мгле, которой окутан бывший СССР. Пока нет ощутимого движения реформ даже в рамках «восьмерки», подписавшей Договор об экономическом сообществе, нет согласованных, синхронизированных действий между ними, а явные и неявные политические игры продолжаются».

По словам автора, заседание Госсовета показало: от принимаемых решений до их реализации, увы, огромная дистанция, «некоторые суверенные государства доказывают свою независимость несколько странным образом – «политикой проволочек»: сначала все договариваются друг с другом о чем-то «в принципе», а потом «дело топится, заматывается в частностях». Со времени подписания Договора прошло почти полмесяца, а пакет сопутствующих ему соглашений до сих пор не принят.

«Не может долго продолжаться ситуация, – пишет журналист, – когда на словах говорят «да», но за этим не следуют дела. Тактика выжидания никому не принесет лавров. Безнравственно играть в политику, когда нищают миллионы...Мы уже знаем, что случается, когда устают караул, но ведаем ли мы, что будет, когда устанет народ?»

Кстати, «Известия» вовсе не считают, что в проволочках с экономическими реформами, в саботировании экономического договора виноват Ельцин. Напротив, как полагает автор, как раз его выступление на съезде с «радикальной программой ускорения реформ» и было реакцией на медлительность и неповоротливость других республик.

ПРОВАЛ ССГ

Горбачев в очередной раз угрожает отставкой

12 ноября Горбачев в очередной раз заявил, что уйдет в отставку, если республики не подпишут новый договор о политическом союзе до конца декабря. Это заявление он сделал на встрече с комиссией Верховного Совета СССР по расследованию роли КГБ в августовских событиях.

«Независимая газета» напоминает, что Горбачев уже несколько раз заявлял о возможности своей отставки. В частности, 30 сентября он заявил, что покинет свой пост в случае развала Союза.

Впрочем, в пресс-службе Горбачева заявили, что это давно известная позиция президента и что свою возможную отставку он не связывает с каким-то конкретным сроком.

Ну да, угроза отставки – это один из немногих рычагов, который к тому времени еще остался у Горбачева в его неустанных попытках спасти Союз. Впрочем, использование его приносило все меньший эффект: всем и так было ясно, что в случае развала Союза отставка его президента будет делом неизбежным и само собой разумеющимся.

Договорились о «конфедеративном государстве»

14 ноября, как раз в тот день, когда в газетах появилось сообщение о возможной отставке Горбачева, в Ново-Огареве на Госсовете начался решающий раунд обсуждения Союзного договора, нового его варианта. Участвовали семь республик – Россия, Белоруссия, Казахстан, Азербайджан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения...

Позже приехал узбекский президент Ислам Каримов. Не было Армении, Грузии, Молдавии. И, естественно, – балтийских республик. Однако самым чувствительным было отсутствие Украины. Кравчук заранее предупредил Горбачева, что не станет участвовать в «ново-огаревском» процессе, поскольку республика готовится к «более важному событию» – референдуму.

Председательствовал, как всегда, Горбачев.

Вот как описывает это заседание присутствовавший на нем сотрудник аппарата Горбачева Юрий Батурин:

- «В этот день заседание Госсовета началось позже, чем обычно, в 12 часов дня. Расселись, поприветствовали друг друга, перебросились короткими репликами. На обсуждение порядка работы ушло минимум времени. Было решено идти прямо по тексту. Первый вопрос, давным-давно пройденный, но снова оказавшийся в центре внимания, – о названии будущего Союза. Может быть, Союз Суверенных Республик?
- Скажут, по пути потеряли одно «С», – под общий смех пошутил Ельцин.
 - ССГос нельзя? – спросил Назарбаев. – Чтобы одинокого «Г» не было.
 - ССГ так ССГ, – для Горбачева название – дело вторичное; речь о государственности.
 - Надо решить главный вопрос: будем создавать государство союзное или нет?
 - У меня складывается впечатление, что люди все равно без нас придут к этому. – Назарбаев формулировал и ставил вопросы кратко и точно. – А у нас есть такая воля?
 - Союз создать есть воля, – твердо сказал Ельцин.
 - Тогда второй вопрос: какой союз? – подошел к самой сути Назарбаев.
 - А твоя точка зрения? – быстро спросил Горбачев...
 - О федерации теперь говорить, думаю, очень сложно, – Назарбаев произнес это явно с

сожалением. – Может быть, конфедерация? Если пойдём на конфедерацию, успокоимся... Я за конфедерацию.

- Я категорически настаиваю, – высказывает свою позицию Горбачев. – Если мы не создадим Союзное государство, я вам прогнозирую беду...
- Союз государств! – даёт принципиально иной ответ Ельцин».

Это ключевой момент. «Союз государств» для Горбачева неприемлем. Предложение Ельцина вызывает у союзного президента бурную реакцию.

Батурин:

- «– Если нет государства, я в этом процессе не участвую. Я могу прямо сейчас вас покинуть. А вы тут работайте, – Горбачев встает и начинает собирать бумаги.
- Это называется эмоции, – Ельцин вспомнил и почти повторил сказанную когда-то про него фразу Горбачева.
- Нет, нет и нет! – Горбачев не играл. Он действительно был на грани срыва. – Я уже заявил, если не будет государства, я считаю свою миссию исчерпанной.
- Михаил Сергеевич, вы всегда были сторонником решения вопросов не в ультимативной форме, – попытался смягчить ситуацию Шушкевич.
- Безусловно, – механически произнес Горбачев.
- Мне кажется, вы должны продолжать... – но договорить свою мысль Шушкевич не успел, его перебил Горбачев.
- Ну что вы, ей-Богу! Я не могу взять ответственность за богадельню, которая не сможет управлять ситуацией, – Михаил Сергеевич вложил бумаги в папку, вжикнул молнией и объявил перерыв.

Полтора часа Ельцин, Назарбаев и еще несколько членов Госсовета совещались в небольшой комнате на первом этаже, время от времени посылая Горбачеву через его помощников формулировки, представляющиеся им более-менее приемлемыми.

Горбачев удалился в другую комнату и, казалось, отдыхал. На самом деле он напряженно думал, думал о цене компромисса. Как же быстро несется время в такие минуты. Необходимо принять решение, которое сильно отразится на судьбе страны.

Горбачев определил для себя предел уступки: от федеративного государства – к конфедерации. Перерыв закончился.

- Ну вот, нашли компромисс, – Горбачев продолжил заседание. – Этой формулой вы учитываете настырность президента СССР, а президент СССР учитывает вашу настырность...
- Конфедеративное демократическое государство, осуществляющее власть... – по бумажке начал зачитывать Ельцин согласованную в комнате формулу.
- Согласен, – вздохнул Горбачев и замолчал. Да и что тут было говорить».

Улизнуть от журналистов...

В общем, хотя к какому-то согласию вроде бы и пришли, дело обстояло не так уж хорошо. Даже говорить на камеру, что договор будет парафирован, «засвечиваться», на весь мир декларировать свою позицию никому, кроме Горбачева, видимо, не хотелось. Помощник Горбачева Анатолий Черняев так вспоминает об этой ситуации:

«Никто не захотел участвовать в пресс-конференции – вы, мол, Михаил Сергеевич, и скажите все, о чем договорились. Нет уж, возражал Горбачев, давайте вместе, если действительно договорились... Пошли все к выходу, но – никакой уверенности, что они завернут к толпе журналистов. Однако Андрей (Андрей Грачев, пресс-секретарь Горбачева. – О.М.) выстроил журналистскую бригаду так, что увильнуть было некуда. Удалось «раствориться» только одному – Муталибову».

Остальным пришлось-таки отвечать на вопросы.

Естественно, журналистов прежде всего интересовало главное: сохранится ли Союз, сколько республик в нем останется, какова позиция того деятеля, к которому обращены вопросы? Ответы (они публикуются на первой полосе «Известий» за 15 ноября 1991 года) были разные, но в общем-то – внушающие некоторый оптимизм.

Борис Ельцин:

– Трудно сказать, какое число государств войдет в Союз, но у меня твердое убеждение, что Союз будет.

После, когда Союза не получится, Борису Николаевичу действительно придется «держат ответ» за эти его процеженные сквозь зубы слова, прежде всего – перед Горбачевым.

Нурсултан Назарбаев:

– Республика всегда стояла за сохранение Союза. Безусловно, не того, который был, а за Союз, который реально сегодня существует. Это Союз суверенных государств, самостоятельных и равноправных... Каким будет этот Союз в конечном счете – конфедеративным или каким-то другим, – покажет будущее.

Ну вот, обсуждали-обсуждали несколько часов, договорились, что Союз будет конфедеративным, но уверенности, каким он все-таки будет, по-прежнему нет...

Станислав Шушкевич:

– По-моему убеждению, вероятность образования нового Союза существенна.

Чувствуется речь научного работника, ученого. «Вероятность существенна...» Это как? Отлична от нуля?

Аскар Акаев:

– Присоединяюсь к коллегам. Я полон уверенности – Союз будет.

Так и видишь улыбчивое, оптимистичное лицо киргизского президента, академика «большой», союзной Академии. Впрочем, его улыбка еще ни о чем не говорит. Может, он действительно «полон уверенности», а может, и не полон. Восточный человек.

Сахат Мурадов, председатель Верховного Совета Туркмении просто ссылается на единодушное, а может, и единогласное, мнение своих коллег – республиканских депутатов:

– На состоявшемся на днях заседании Верховного Совета [республики] все депутаты высказались за то, чтобы наша республика была в составе Союза Суверенных Государств.

Ни в Туркмении, ни в большинстве других «суверенных» республик депутаты ничего не решают. Все решает один человек – руководитель, лидер, вождь. Можно даже сказать – фюрер. В большинстве случаев – бывший первый секретарь республиканской компартии. Как он скажет, так и будет.

Вице-спикер таджикского парламента Акбаршо Искандаров (потом он станет и полным спикером) также уверяет:

– Наша республика с самого начала была за Союз. После сегодняшнего заседания появилась уверенность, что он будет.

Среднеазиатские республики менее всего склонны разбегаться врассыпную. Нет, местные «элиты», конечно, желают обрести полную власть над своей территорией, послать Москву к чертовой бабушке, но в то же время и побаиваются пускаться в самостоятельное плавание. У каждой из республик экономика – дохлая, однобокая. Каждую республику волнует вопрос: выживем ли?

То, что мало кто из этих республик действительно по-настоящему «выжил», мы видим до сих пор. Нет, «элиты» повсюду процветают, но рядовые граждане, чтобы выжить, вынуждены становиться рабами-гастарбайтерами в России и других более благополучных республиках.

Когда все-таки будет подписан новый Союзный договор (если будет)? Никто этого не знает.

– У нас у всех желание двигать этот процесс, насколько возможно быстрее, – говорит Горбачев. – И вместе с тем нельзя торопиться...

«Нельзя торопиться» – это, конечно, оговорка на случай, если республики, как не раз уже бывало, будут тянуть волюнку с подписанием договора. Особо торопиться с ним, в общем-то, никто и не собирается. Просто – никто толком не знает, что делать в сложившейся ситуации.

Тех, кто знает – балтийских стран, Грузии, Украины – в этой компании уже нет.

В прессе заседание Госсовета было оценено как вполне успешное, слова о хороших перспективах договора в основном были приняты на веру. Так, «Известия» констатировали с удовлетворением:

«В последнее время мало кто верил в возобновление работы над Союзным договором – по крайней мере, в ближайшем будущем. И все же сама жизнь расставляет все по местам. Многие республики пришли к выводу, что без политического союза продвигаться дальше невозможно».

Даже и спустя несколько дней «информированные источники» утверждали, что договор вот-вот будет парафирован. Называлась даже дата – 25 ноября.

Как уже говорилось, Кравчука на том заседании не было. Но он смотрел отчет о нем по телевизору. Свои впечатления он приводит в книге «Последние дни империи...»:

«Там, ясное дело, была настоящая борьба нервов... К тому времени Ельцин уже начал просто выводить из равновесия Михаила Сергеевича – сегодня Ельцин говорит одно, завтра начинает склоняться на другую сторону; сегодня Борис Николаевич как будто бы дает согласие, а завтра, смотришь, будто бы ничего и не случилось, подбрасывает новую тему для дискуссии. Но вот решающая встреча... До сих пор помню те кадры: руководители республик выходят из зала заседаний, и Михаил Сергеевич каждого подводит к телекамере и каждому предоставляет слово: Ельцину, Назарбаеву, Шушкевичу, Акаеву... И все они, в том числе и Борис Николаевич, говорят всему народу, что решили подписать Союзный договор».

Кравчук тут умалчивает, что главной причиной непостоянства, колебаний Ельцина была как раз неопределенность позиции Украины, его, Кравчука, позиции. Он неоднократно заявлял, что не будет подписывать Союзный договор, однако все же теплилась какая-то надежда, что в последний момент передумает, подпишет.

Горбачев об отношениях с Ельциным

16 ноября Горбачев дал обширное интервью немецкому журналу «Штерн». Среди прочего, ему был задан вопрос о его отношениях с Ельциным: как развивались эти отношения после несостоявшегося путча?

– Отношения с Борисом Николаевичем, – сказал Горбачев, – стали переходить в позитивную фазу уже давно – после того, как он стал президентом. Есть реальности, а я как политик – тоже политик реальности. Но, должен сказать, в конце прошлого и начале нынешнего года между нами возникло опасное противостояние. Именно оно помешало и нам самим, и согласию в обществе, продвижению по пути реформ. Мы оказались в болоте политической борьбы, повязли, потеряли времени много. Политика может позитивно влиять на ход событий... и наоборот. Именно из этой ситуации появился ново-огаревский процесс. И потом отношения прогрессировали в позитивном направлении. А после августа необходимость в сотрудничестве осознана и мной, и всеми демократическими силами. Они должны сотрудничать, а не упираться в нюансы.

Только вот перед вашим приходом я разговаривал с Борисом Николаевичем. И позавчера беседовали (смеется). Нормальное общение. Как и должно быть.

Однако немецкие журналисты не уверены, что отношения между двумя лидерами такие уж безоблачные. По словам одного из них, только что, перед визитом к Горбачеву, он читал интервью Ельцина гамбургской газете «Ди Цайт» – там Ельцин «представляет себя решительным таким политиком и говорит примерно такую фразу:

я почти все проблемы могу решить без Горбачева...»

В самом деле, в отличие от Горбачева, Ельцин не очень осторожничает, когда речь

заходит об их отношениях с теряющим силу главой Советского Союза. Однако Горбачев не хочет отступать от идиллического изображения их отношений, и, как всегда в таких случаях, говорит, что он-де не читал упомянутого интервью Ельцина, надо прежде почитать, чтобы комментировать; возможно, эта ельцинская фраза вырвана из контекста.

– Я уверен, дело не в Горбачеве. Я уверен: президент России занял позицию, чтобы реформы осуществлялись в сотрудничестве со всеми республиками, и он занимает позицию в пользу создания нового Союза – Союза Суверенных Государств. Это значит, что президенту России, как всем, придется сотрудничать с союзной властью. Кто бы там ни был – Горбачев, Сидоров, Петров, Данилов. Такова логика. Поступки в противоположном направлении алогичны и опасны.

Отказались от «конфедеративного государства»

17 ноября Горбачев провел что-то вроде совещания с советниками и помощниками.

Давал установки, что предстоит сделать в ближайшее время. Наметил план: парафирование Союзного договора – 25 ноября, в 12-00 (отсюда, видимо, и пошла «утечка» в прессу), до 10 декабря – одобрение договора Верховным Советом СССР, после 10-го – подписание.

Однако в действительности дело обернулось по-другому.

Итак, 25 ноября 1991 года... На третьей полосе «Известий» напечатан проект этого самого Договора о Союзе Суверенных Государств. Как всегда в таких документах, начало величественно-торжественное:

«Государства, подписавшие настоящий Договор, исходя из провозглашенных ими деклараций о суверенитете и признавая право наций на самоопределение; учитывая близость исторических судеб своих народов и выражая их волю жить в дружбе и согласии, развивая равноправное взаимовыгодное сотрудничество; заботясь об их материальном благосостоянии и духовном развитии, взаимообогащении национальных культур, обеспечении общей безопасности;

желая создать надежные гарантии прав и свобод граждан; решили НА НОВЫХ НАЧАЛАХ (выделено мной. – О.М.) создать Союз Суверенных Государств и договорились о нижеследующем...»

Далее следует центральный момент договора – что, собственно говоря, будет представлять собой «Союз нерушимый республик свободных», который «сплотила навеки великая Русь»:

«...Каждая республика – участник Договора является суверенным государством. Союз Суверенных Государств (ССГ) – КОНФЕДЕРАТИВНОЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО (выделено мной. – О.М.), осуществляющее власть в пределах полномочий, которыми его добровольно наделяют участники Договора».

Вот оно. СССР теперь – не федеративное, а конфедеративное государство. Но все же – ГОСУДАРСТВО! За это как за последнюю пядь обороняемой им земли и держится Горбачев.

Но это пока ПРОЕКТ Договора. Чтобы парафировать его, в это же утро, 25 ноября 1991 года, в Ново-Огарево на очередное, возможно последнее, заседание съезжаются члены Госсовета – лидеры республик. Все вроде бы согласовано на предыдущем заседании, 14-го. Остается лишь поставить на каждой странице текста свои инициалы.

Между тем, ЗА ЧАС ДО НАЧАЛА ЗАСЕДАНИЯ Ельцин дает интервью «Известиям», в котором четко заявляет:

– На сегодняшнем Госсовете я буду вынужден сказать: пока Украина не подпишет политический договор, свою подпись не поставит и Россия. Мы расценим это (позицию

Украины. – О.М.) как желание выйти из состава Союза.

Но всем уже хорошо известно: Кравчука в Ново-Огареве не будет. Стало быть... Стало быть, и Ельцин не станет парафировать договор. Вот с таким настроением он и отправляется на Госсовет.

Газета с ельцинским интервью выйдет лишь 29 ноября. Так что об этой твердой позиции российского президента пока что знают лишь его ближайшие помощники (те, с кем он советовался, прежде чем принять окончательное решение) и журналистка, которая беседовала с Ельциным перед заседанием Госсовета. Горбачев уж точно не знает.

Битва титанов. Поражение Горбачева

Итак, заседание в Ново-Огареве 25 ноября 1991 года. Ельцин, как и обещал в беседе с «Известиями», отказывается от формулы, согласованной 14-го числа, – «конфедеративное демократическое государство» – и требует перейти к уже выдвигавшейся им ранее концепции КОНФЕДЕРАЦИИ ГОСУДАРСТВ. Горбачев, естественно, снова категорически возражает: конфедерация государств – это уже НЕ ЕДИНОЕ государство, это РАСПАД союзного государства, с которым он не может согласиться.

В ответ Ельцин прямо заявляет, что не будет парафировать договор. В поддержку российского коллеги выступают туркменский лидер Ниязов (будущий Туркменбаши) и узбекский – Каримов.

После долгой дискуссии, видя, что его уговоры не достигают цели, что парафировать договор участники заседания не желают, Горбачев предлагает принять компромиссное решение.

Вот как описывает дальнейший ход заседания помощник Горбачева все тот же Юрий Батурин:

« – Не будем парафировать, – говорит Горбачев, – примем решение Госсовета внести этот проект на обсуждение Верховных Советов. Но это означает, что у нас есть согласованная единая позиция. А Верховные Советы рассмотрят и решат вопрос – одобрять или не одобрять, или одобрять с какими-то пожеланиями, тогда, наверное, утвердят полномочные делегации и поручат им окончательное согласование. Борис Николаевич, если мы не парафируем, а принимаем решение Госсовета, то лишь снимается элемент визирования каждой страницы инициалами.

– Ладно, давайте примем такое решение Госсовета: проект Союзного договора представить Верховным Советам, – Ельцин не упустил момент, подловил Горбачева и поспешил зафиксировать отказ от парафирования Союзного договора.

– Давайте решением Госсовета считать текст согласованным. И направить его на рассмотрение Верховных Советов, – Горбачев очень упорно отстаивает свою позицию.

– Думаю, можно еще короче: направить данный вариант проекта на рассмотрение Верховных Советов, – подтверждая бесплодность дальнейших разговоров, отреагировал Ельцин.

– А какая разница? – Горбачев еще не верил в поражение.

– М-мм...

– Какая разница? – торопил его Горбачев.

– Разница в «согласованным», – наконец лаконично сформулировал Ельцин.

– Я не вижу смысла возобновлять дебаты, – пытался преодолеть возникшую преграду Горбачев. – Мы все это уже прошли, Борис Николаевич, как же так? Это же несолидно для такой фирмы, как наша, – Государственный Совет. Оповестили народ, оповестили мир, а что теперь? – Горбачев заговорил эмоционально, отбросив попытки

рациональной аргументации. – Нет, Борис Николаевич, давайте определимся. Если такова ваша точка зрения, и вы все отменяете... Это ваше, президентов, общее дело, а я свою точку зрения высказал. Проводите сами беседы, я не буду вмешиваться. Именно вы создаете Союз!

– У нас нет категоричных замечаний. Нам нужно максимум десять дней, – донесся с другого конца длинного стола чей-то голос, кажется, Шушкевича. Горбачев смотрел в глаза Ельцину и не уловил, кто это сказал, но суть схватил моментально.
– Вот самое категоричное замечание – вы не принимаете того, о чем уже договорились. Это самое категоричное! – спор переходил на повышенные тона. – Разрушается вообще основа всего этого документа. Тогда речь пойдет совсем о другом проекте. В конце концов, мы – Государственный совет, или все время будем делать параллельные ходы?
– рассердился Горбачев.

Но и рассерженный Горбачев уже не пугал членов Госсовета. Парафирования договора так и не произошло. Участники заседания разъехались...»

«Можно еще короче», без слова «согласованным», – это, конечно, весьма остроумная реплика Ельцина, обнажившая пропасть между его теперешней позицией и позицией Горбачева.

Вспоминая об этом заседании, Ельцин пишет, что в какой-то момент, когда разногласия достигли высшей точки, Горбачев даже вскочил из-за стола и выбежал из зала заседаний, так что ему, Ельцину, и Шушкевичу пришлось идти за ним и возвращать в этот зал.

Главную роль в том, что договор на этом заседании не был парафирован, сыграл, конечно, именно Ельцин, хотя и при поддержке других республиканских лидеров.

Горбачев – в одиночестве

В этот день вечером к журналистам Горбачев вышел уже один. Выступил, однако, бодро. Представил дело так, что все прошло нормально. В обычном для него многословии был искусно упрятан самый главный, отрицательный, результат заседания: договор не парафирован.

– Первую часть повестки дня... мы завершили. Возник вопрос о том, что мы раньше договаривались парафировать каждый лист. Договорились пойти по линии выражения коллективного мнения, коллективного парафирования решением Госсовета. Поэтому в результате довольно длительной работы, проработки всего комплекса вопросов, которые возникли уже в ходе работы над последним вариантом и за которые высказались руководители суверенных государств, пришли к тому, что приняли вот такое постановление: направить Верховным Советам Суверенных Государств и Верховному Совету СССР разработанный проект Договора о Союзе Суверенных Государств. Просить Верховные Советы рассмотреть данный проект, имея в виду подготовить его для подписания в текущем году...

Попробуйте-ка из этого текста выудить то самое реальное содержание: ДОГОВОР НЕ ПАРАФИРОВАН. Горбачев и дальше уверял журналистов: дескать, к договоренностям, достигнутым на прошлом Госсовете 14 ноября, «существенных изменений, изменений коренного порядка не внесено, они носили больше редакционный характер». А в какой-то момент вообще стал говорить: «по каким-то вопросам, даже принципиальным, пришлось вернуться назад (по сравнению с 14 ноября. – О.М.), но в принципе мы вышли на согласование». Хотя, мы видели, против слова «согласовано» как раз и были возражения, прежде всего у Ельцина.

В дальнейшем Горбачев словно бы все больше уверял сам себя, что заседание Госсовета прошло успешно. Так, в интервью, опубликованном 28 ноября в белорусской «Народной газете», есть такие его слова:

«...Под решением Госсовета (от 25 ноября. – О.М.) все расписались, и я лично. Так что парафирование уже как бы произошло через общее решение».

Все дело вот в этом «как бы». На самом деле никакого парафирования, как мы видели, не было.

Кстати, на той, 25 ноября, пресс-конференции, отвечая на один из вопросов, Горбачев сказал и об Украине:

– Украина будет участвовать (в Союзном договоре. – **О.М.**) Я не мыслю себе Союзного договора без Украины, убежден в этом – Я ЗНАЮ НАСТРОЕНИЕ НАРОДА УКРАИНЫ (выделено мной. – **О.М.**).

Позже за эту фразу, – что он знает настроение народа Украины, – Горбачев получит хороший «отлуп» от Кравчука: дескать, никто не давал ему, Горбачеву, права говорить от имени украинского народа.

В заключение Горбачев выразил надежду, что Союзный договор будет подписан до 20 декабря. Мало кто уже разделял эту надежду президента. То, что пилюлю подсластили, – направили текст в республиканские парламенты, ничего здесь, конечно, не меняло: как уже говорилось, все понимали, что решают не парламенты, а политические лидеры. Лидеры же не пришли к согласию.

Об этом роковом, последнем заседании, завершившем ново-огаревский процесс, Горбачев так рассказывал своим советникам и помощникам (в записи Анатолия Черняева):

«Казах, который там был (вице-президент Казахстана Ерик Асанбаев, самого Назарбаева на заседании не было. – **О.М.**), назвал то, что Ельцин предложил взамен СССР, «облаком в штанах»... Пир во время чумы, я вам скажу... Ельцин выступил с замечаниями по всему тексту (*Союзного договора*): одна у него группа предлагает одно, другая – другое. Как же ему действовать? Какие же мозги у людей, которые ему советуют! Паранойя какая-то! Прогнозировал им – придавят вас ваши «советники». По внешней политике – полная чушь в головах!..

На закрытом заседании я (то есть Горбачев. – **О.М.**) спросил у Ельцина: как будет он разворачивать экономическую программу? Цены взлетят. Откуда он возьмет средства, чтобы в два-три раза поднять зарплату учителям, врачам, в армии особенно?

Явлинский сказал, что к февралю все развалится, так как инерционный процесс к этому времени истлеет. И главный вопрос, который он задал руководителям республик на Госсовете: люди выйдут на улицу, что будете делать?..»

Что и говорить, России тяжело дались реформы. Но страна выдержала, народ выдержал. Апокалиптические предсказания не сбылись.

«Российская газета» назвала итог закончившейся встречи «Ново-огаревским Ватерлоо Горбачева».

«Судя по всему, – писала она, – в понедельник вечером на экранах своих телевизоров мы наблюдали один из последних актов драмы лично Горбачева и олицетворяемых им центральных структур власти. В общем-то, этого ждали. Но энергия, напор, уверенность, демонстрируемые Горбачевым на протяжении последних лет, были столь впечатляющими, а ореол личности этого выдающегося политического деятеля столь магнетичен, что в ожидаемое все же всерьез не верилось».

Однако общая инерция разбегания республик в разные стороны к этому моменту сделалась столь велика, что ни один государственный лидер, за исключением Горбачева, уже не мог позволить себе не посчитаться с этим процессом, выступить против него.

Важную, а может быть, и решающую роль в отказе республик, особенно России, от Союзного договора, сыграла та самая решительная, непреклонная позиция Украины. Как уже говорилось, всем было ясно: ну, какой же Союз без нее?

...Итак – Ватерлоо. После него, как известно, Наполеон уже не оправился. А Горбачев? Анатолий Черняев так оценивал ситуацию, в которой оказался его шеф:

«Горбачев перед выбором: осуществлять угрозу («уйду!») или еще тянуть (на посмешище всем). Это не просто поражение, – хуже: это очередное унижение по самому главному вопросу, на котором еще остается знак его власти, – о государственности».

Однако Горбачев не торопился покинуть поле боя.

Горбачев продолжает сохранять оптимизм

Вернемся, однако, еще раз к его уже упомянутому интервью, опубликованному 28 ноября в белорусской «Народной газете». Корреспондент сразу же спросил его, на чем основан его все еще сохраняющийся оптимизм и спокойствие «посреди, казалось бы, всеобщего упадка и развала Союза»:

–...Неудача с парафированием политического договора в Ново-Огареве (договора о ССГ. – **О.М.**) сделала перспективу Союза, как нам кажется, может, еще более призрачной. Что придает вам силы и веру в то, что Союз Суверенных Государств все-таки состоится наперекор всему?

Горбачев ответил: напрасно, дескать, «в прессе, нашей и западной, раздули кампанию о провале ново-огаревского процесса». В очередной – который уже по счету! – раз он разворачивает шеренгу «убойных» аргументов в пользу сохранения Союза:

– Я убежденный сторонник перемен, но, уходя от одной крайности – унитарности, – мы не должны прийти к хаосу или распаду Союза. Для нас это обернется непоправимой бедой... Он нужен не только нам, он нужен Европе и всему миру. Это – одна из важнейших опор сегодняшнего миропорядка. Разрушение Союза вызывает за рубежом крайнюю тревогу. Там понимают, что это может привести к очень тяжелым последствиям не только для самого Союза, будут губительные последствия для Европы и для всего мира. Югославия у всех перед глазами. Тем более – зачем рушить Союз, который разворачивается к цивилизации? Зачем отказываться от демократического Союза, нацеленного в рамках нового мышления на сотрудничество со всеми? Надо быть совершенно безответственным человеком, чтобы желать распада такого Союза. Даже те, кого мы считали потенциальными противниками, и они сегодня понимают, что мировое сообщество должно сделать все во имя сохранения Союза. Удивительные вещи происходят: в Мадриде король Хуан Карлос устроил прием, на котором встретились я, Буш и Гонсалес (напомню, премьер-министр Испании. – **О.М.**) Состоялся четырехчасовой откровенный разговор. И, что поразительно, все они в один голос убеждали меня в том, что Союз нужен. Меня убеждали! На другой день я нанес визит Миттерану по его просьбе. Он – то же самое. В Риме встретились главы государств – членов НАТО, в итоговых документах сделали даже специальную запись.

[Кстати, те, кто до сих пор отстаивают дурацкий тезис о том, что распад Союза – дело рук Запада, его политиков и спецслужб, не понимают простых вещей: перспектива, что на месте одной ядерной державы – СССР, – возникнет четыре, что советское ядерное оружие вообще окажется неконтролируемым (а оно уже оказалось таковым в момент путча), что в процессе распада Союза на его территории, как в Югославии, вспыхнет гражданская война, да еще с применением опять-таки ядерного оружия, – эта перспектива приводила ведущих политиков Запада в ужас].

Белорусский журналист жалуется на действия Ельцина, на то, что некоторые из них наносят ущерб другим республикам, в том числе и Белоруссии:

–...Последние указы президента России ставят Беларусь и другие республики на колени, а вы все пытаетесь убедить нас в реальности равноправного Союза... Поэтому хотелось бы, Михаил Сергеевич, спросить, чем объяснить отсутствие реакции непосредственно со стороны Президента СССР на решения российского руководства? На те указы, которые сделаны в нарушение существующего порядка, союзнических обязательств, наконец?

Интервьюер поясняет, какие указы Ельцина он имеет в виду: о национализации Гохрана, Гознака, имущества ликвидируемого Министерства юстиции СССР, о «российской монополии на внешнеэкономическую деятельность».

Однако Горбачев не желает в очередной раз вступать в конфронтацию с российским президентом, поэтому отвечает уклончиво:

– Моя реакция была. Я сказал: приветствую общую направленность мер и основные составные этой программы (российской программы экономических реформ. – **ОМ.**)... И самое главное. У меня была беседа с Борисом Николаевичем, и я попросил прояснить: либерализация цен будет проводиться вместе с республиками или силами одной России? Он ответил: «Вместе». Это важно... Так что мимо моего внимания этот вопрос не прошел. Я думаю, что перепалку по каждому указу начинать не следует... Я думаю, что это отражает еще и другое: не все во власти Ельцина. И он испытывает огромное давление со стороны разных сил.

И снова – вопрос об Украине. Горбачев упорно не желает признавать, что в случае, если на предстоящем вот-вот, 1 декабря, референдуме жители этой республики проголосуют за независимость, она выйдет из Союза, выйдет **СОВЕРШЕННО РЕАЛЬНО**, а не как-то «понарошку».

– [Украина –] прекрасная республика... – сказал Горбачев. – Но, посмотрите, как там эксплуатируют идею самостийности... И, посмотрите, во что это выливается. Ведь хорошо известно, как Харьков оказался в составе Украины: большевики присоединили его, чтобы завоевать большинство в Раде... Вспомним Крым – это ведь тоже русская история. И если собираются отлучать Украину от Союза, то что делать проживающим там 12 – 15 миллионами русских людей, и вообще кому это нужно? Я – за самоопределение без разрушения Союза. Все это возможно, причем настолько возможно, что уже начинаем соображать: мы где-то забежали далеко вперед...

Украина не послушалась Горбачева.

«Они собираются всё пустить под откос»

26 ноября, на следующий день после Ново-Огарева, у Горбачева состоялось совещание – как реагировать на экономическую программу Ельцина. Горбачев выслушивал своих советников. Критики было достаточно (цитирую по книге «Союз можно было сохранить»):

«Яременко . В программе Ельцина просматривается модель Бурбулиса – пустить все под откос, а потом России двигаться самостоятельно.

АбалкинПакет предложений фактически разорван... Все это результат лоббизма теневиков...

Рыбаков . Неизвестно чего хотят авторы предложений. Нет системы. Неясны стимулы для производителей. Впечатление, как от чего-то разорванного, лоскутного...

Дубинин . В выдвинутых предложениях Гайдар видит единственный шанс выхода из кризиса. Какая-либо подготовительная работа не нужна...»

Тем не менее, как сказал Абалкин, открыто выступать не следует, – «на это обязательно получим обвинения в консерватизме, и будут сваливать вину на нас».

Несмотря на этот призыв, и открытых выступлений против реформ, и скрытого саботажа было более чем достаточно. А «свалили» всё в конечном итоге, разумеется, не на саботажников, а на самих реформаторов.

27 ноября был опубликован пятый и последний вариант проекта Союзного договора. В нем приводилась формула Союза, на которой настаивал Горбачев и которую 25 ноября отказались парафировать члены Госсовета: «Союз Суверенных Государств (ССГ) – конфедеративное демократическое государство».

Спустя несколько дней после заседания в Ново-Огареве, 28 ноября, Ельцин подписал Указ «О реорганизации центральных органов государственного управления РСФСР». Этим указом более семидесяти союзных министерств и ведомств были переведены под

российскую юрисдикцию.

Можно ли сказать, что это был пик противостояния России и Центра, Ельцина и Горбачева? Да нет, пожалуй. Скорее, это уже были последние конвульсии обреченной, практически разрушенной системы.

УКРАИНА УХОДИТ ОКОНЧАТЕЛЬНО

Аргументы Кравчука

Итак, 25 ноября в Ново-Огареве сработал «принцип домино»: Союзный договор отказалась подписывать Украина – из-за этого то же самое отказалась сделать и Россия – за Россией последовали и другие республики...

Какие аргументы все же были у Кравчука, демонстративно не явившегося на заключительное заседание в Ново-Огарево? 26 ноября «Известия» опубликовали интервью с председателем украинской Верховной Рады. Сама беседа происходила, естественно не 26-го. И даже, наверное, не 25-го, а раньше. То есть, разговаривая с корреспондентом, Кравчук еще не знает, что будет происходить на союзном Госсовете, какова будет позиция Горбачева, Ельцина...

Впрочем, позиция Горбачева ясна – до конца стоять за то, чтобы на территории бывшего Союза сохранялось единое государство. Но почему, спрашивает журналист, на подписание договора пошел Ельцин, – «его ведь не упрекнешь в особых симпатиях к Центру»? Имеется в виду: Ельцин пошел на подписание договора на предыдущем, предпоследнем заседании Госсовета, 14 ноября; собеседники опять-таки не знают, что 25-го Ельцин отказался подписывать договор. Кравчук:

– Ельцина понять можно. Он в какой-то мере отождествляет Россию с Союзом... Я

думаю, Ельцин предполагает, что Россия и впредь должна оставаться центром, вокруг которого, как вокруг Солнца, будут вращаться остальные планеты, называемые государствами.

Как видим, здесь в чистом виде проявляется подозрение, что Ельцин стремится ликвидировать союзный Центр, чтобы на его месте в качестве Центра утвердить Россию. Такое подозрение в ту пору испытывала не только Украина, но и другие республики.

Впрочем, Кравчук оговаривается, что это всего лишь его личные предположения и что, возможно, он ошибается. После встреч с Борисом Николаевичем и «предельно откровенных» бесед с ним он, Кравчук, по его словам, убедился, что президент России очень доброжелательно относится к народу Украины, доброжелательно и искренне.

Чем все же объяснить, что Украина столь упорно стремится к независимости, к настоящей независимости. Ответ Кравчука:

– Стремление быть хозяином на своей земле неистребимо. Везде! Оно по природе своей неистребимо, ибо заложено в генах человека. А у нас на все прочее накладывается еще и страшная практика тоталитарного режима, приведшего страну к катастрофе... [Люди] говорят: если бы у нас было свое государство, разве оно построило бы Чернобыльскую АЭС рядом с Киевом? Никогда! Оно, может, совершило бы другие ошибки, но не эту, непоправимую. И никогда бы не создало этого чудовищного монстра – моноструктуры промышленности, которую невозможно сдвинуть с мертвой точки. Выбрали до дна уголь... Фонды металлургической промышленности доведены до изнеможения... Почему так поступало государство? Потому что махнуло рукой на Донбасс, как в свое время на неперспективные деревни, и начало вкладывать средства на новые стройки, в данном случае на Череповец. А сейчас у нас кое-кто кричит – смотрите, как с нами Россия обошлась! Но дело ведь не в России, а в той чудовищной логике, которой руководствуется тоталитарный режим, это всепожирающее чудовище, не знающее ни роду, ни племени, а потому не надо ни удивляться, ни ужасаться, когда народ той или иной республики говорит: все, хватит, мы будем строить свое государство. Это его выбор, его законное право. И политик, если он хочет отражать интересы народа, должен этому выбору подчиниться.

«Это станет для нее катастрофой»

Попытки как-то все же уломать Украину продолжались. По воспоминаниям Кравчука, Горбачев периодически звонил ему и «упрямо убеждал»: Украина без Союза неминуемо погибнет, ей не под силу построить собственную экономику, а при развале Союза экономические связи неминуемо будут разорваны. Еще одна линия аргументации: «Что вы будете делать с ядерным оружием? Кнопка-то все равно в Москве!» Горбачев убеждал Кравчука и в том, что украинский референдум неминуемо провалится: ведь в марте более семидесяти процентов населения Украины проголосовало за Союз.

(Не знаю, действительно ли Горбачев верил, что украинский референдум повторит те же результаты, какие были на Всесоюзном референдуме в марте. Если верил, это была довольно наивная вера).

Такого рода убеждения делались не только приватно, телефонно, но и публично. Горбачев заявил, что если Украина полностью выйдет из Союза, – это, конечно, создаст для Союза большие проблемы, но для самой Украины это станет настоящей катастрофой. При этом Михаил Сергеевич не уставал придумывать какие-то сложные логические формулировки, призванные доказать, что настоящая независимость – это вовсе не то, что многие, – может быть, большинство, – понимают под независимостью, а нечто совсем другое. В интервью американскому журналу «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» он сказал, что, по его мнению, право на самоопределение должно осуществляться не через сепаратизм и отделение, а через «глубокое перераспределение власти, глубокую реформу Союза, переход

от унитарного государства к действительному Союзу Суверенных Государств».

Со своей стороны, Ельцин, как сообщал тот же журнал, в частном порядке обратился к американскому президенту Джорджу Бушу с просьбой «сделать все возможное, чтобы предотвратить отделение Украины от Союза». Однако помощники Буша будто бы советовали своему шефу, напротив, помочь Украине в ее стремлении выйти из Союза, а желание Ельцина сохранить его объясняли тем, что он-де хочет, чтобы в конечном итоге в нем стали доминировать русские. Близкие сотрудники Буша обращали его внимание также на концентрацию советских воинских подразделений в ключевых районах Украины, в том числе и в Киеве, и выражали опасение, что Москва может применить силу для удержания Украины в своей орбите.

Думаю, вряд ли эти опасения имели какие-то основания. После только что случившегося путча применять силу для таких целей было бы безумием. Хотя... Кто его знает... Может, у кого-то и вертелась в голове такая затея.

Так или иначе, Буш решил не вмешиваться в эту ситуацию, занять позицию стороннего наблюдателя.

Американский президент вспоминает, что за день до референдума на Украине он сделал два звонка – Горбачеву и Ельцину. Горбачев предупредил, что как демократическая страна Соединенные Штаты должны будут поддержать решение украинского народа, независимо от исхода референдума.

«Михаила явно не порадовала новость о том, что мы серьезно обсуждаем возможность признания Украины... – пишет Буш. – Он заявил, что, хотя большинство республик и провозгласило независимость, это не помешало им участвовать в создании Союза... Очевидно, Горбачев все еще верил, что республики по своей воле останутся в составе Союза. Он призвал меня не предпринимать никаких шагов, которые могли бы подтолкнуть события в «неверном» направлении...»

Ельцин, по словам Буша, видел ситуацию иначе. Он обратил внимание своего собеседника на то, что до сих пор за Союз высказались только семь республик – пять мусульманских и лишь две славянские... «Это беспокоило его, так как означало, что два самых больших (и русских) государства останутся в меньшинстве». Ельцин полагал, что если Украина проголосует за независимость, то она не будет подписывать новый договор. Если украинцы выберут независимость, России придется признать независимую Украину. «Прямо сразу?» – спросил Буш. «Да, нам надо будет сделать это немедленно, – твердо сказал он. – ...Горбачев об этом еще не знает. Он все еще думает, что Украина подпишет договор». «Мы не можем рисковать разрывом связей между Россией и Украиной, – приводит Буш слова Ельцина. – Сейчас я с узким кругом советников напряженно размышляю о том, как сохранить Союз... Отношения с Украиной для нас важнее, чем со среднеазиатскими республиками, которые мы только и делаем, что кормим».

Последняя попытка уговорить украинцев

Накануне украинского референдума, в отчаянной попытке повлиять на его результат, Горбачев дал большое интервью украинскому телевидению. Среди прочего, он говорил о своем русско-украинском происхождении, предках-украинцах – дескать, вот до какой степени мы с вами родные люди, как же можно разрывать наши братские, родственные связи!

Президент даже как бы пригрозил: он, мол, примет все меры, чтобы Украина осталась в Союзе.

Фрагменты этого интервью передали и по Центральному телевидению.

Продолжая давить на Украину, ЦТ показало также фрагмент со словами Ельцина, то ли сказанными им на Госсовете 25 ноября, то ли в тот же день, 25-го, в интервью «Известиям» (опубликовано оно было, напомним, в газете 29 ноября):

– Пока Украина не подпишет политический договор, свою подпись не поставит и Россия. Мы расценим это как желание выйти из состава Союза. В этом случае она будет свободна делать все, что захочет. Вводить свою валюту, иметь армию... Ситуация для России тоже резко поменяется. То есть нам в качестве ответной МЕРЫ (прошу обратить внимание на это слово. – **О.М.**) тоже придется вводить валюту, как-то быть с армией... При этом я постоянно повторяю – надеюсь, что Украина подпишет договор, очень надеюсь. В целом же у нас неплохие отношения: подписан двусторонний договор, соглашение на 1992 год, предусматривающее взаимные расчеты, причем в мировых ценах. Но ее выход из состава Союза может стать серьезным ударом и для Союза, и для России.

В общем-то, эту свою позицию Ельцин излагал не раз, но вставленная в определенное время в определенный контекст (разумеется, без ведома автора) она прозвучала угрожающе. Получалось, что Ельцин дует в одну дуду с Горбачевым, уговаривает украинцев, в последний раз предупреждает о каких-то возможных санкциях, о каких-то ответных мерах...

Украина проголосовала за независимость

1 декабря Украина, как и ожидалось, дружно проголосовала за независимость – за нее отдали голоса более девяноста процентов участвовавших в голосовании. Не помешало то, что, менее девяти месяцев назад, 17 марта того же года, более семидесяти упоминавшихся Горбачевым процентов жителей Украины на Всесоюзном референдуме проголосовали за сохранение Союза.

Президентом, это тоже ожидалось, стал Леонид Кравчук, – как мы видели, ярый поборник украинской независимости (его результат – более 61 процента голосов).

Что любопытно, за независимость Украины, проголосовали и в Крыму (более 54 процентов участвовавших в голосовании), в том числе – в Севастополе (более 57 процентов). Донбасс (в значительной степени «русский») идею украинской независимости также одобрил без особых колебаний – свыше 80 процентов голосов.

Выступая на избирательном участке, Кравчук вновь «дал отпор» Горбачеву – в связи с его словами, что он как президент СССР «сделает все возможное» и даже примет какие-то меры, чтобы Украина осталась в Союзе.

– Какие меры можно сегодня применить ко всему народу? – сказал Кравчук. – Мне лично сказать трудно. Такие слова однажды уже были сказаны относительно прибалтийских республик, и, как вы знаете, все это ничем не увенчалось. Если бы это были убеждения или поступок одного человека, или какой-то группы людей (имеется в виду стремление Украины к независимости. – **О.М.**), я мог бы поверить в то, что говорит Михаил Сергеевич, но когда это движение миллионов, – это абсурд. И с выходом из империи для Украины никакой катастрофы не будет, потому что она потенциально богатое государство – на первых порах трудностей не избежать, но трагических последствий не предвидится.

Кравчук вновь, – в который уже раз, – подтвердил, что Украина не подпишет Союзный договор. «У нас есть межгосударственные договоры, например, с Россией и Грузией, их мы и будем придерживаться». – «А президентом чего тогда будет Горбачев?» – поинтересовались журналисты. «Не знаю!» – сказал Кравчук, как отрезал.

Вновь избранный президент Украины прокомментировал также слова Бориса Ельцина, переданные по Центральному телевидению за день до украинского референдума. По-видимому, сам он их не слышал, но кто-то из приближенных услужливо передал ему их в своем изложении, причем в изложении, рассчитанном на определенную реакцию шефа.

– Я хорошо знаю Ельцина, мы давно вместе работаем, и мне, как человеку, после его заявления стало обидно. Его встречали в Киеве как истинного демократа. Его приветствовали тысячи людей, а теперь его слова относительно Украины совсем не демократические. Мне

кажется, ему не нужно было повторять слова Горбачева, что он БУДЕТ ПРИМЕНЯТЬ МЕРЫ (выделено мной. – **О.М.**) относительно Украины.

Вот так ельцинское «нам в качестве ответной меры тоже придется вводить валюту» и т.д. превратилось в «он будет применять меры относительно Украины»...

На вопрос о том, будет ли Горбачев тормозить международное признание Украины, Кравчук ответил:

– Он может это сделать, но после признания Украины рядом ведущих стран мира возможность этого торможения будет сведена к нулю. Пока он будет тормозить через Ельцина (вот опять искаженные слова Ельцина аукнулись. – **О.М.**) Но я уверен, что события будут развиваться следующим образом: демократы России и Борис Николаевич вместе с ними в ближайшее время признают Украину как независимое государство.

С недоразумением покончено

Так оно и случилось, – как предсказывал Кравчук. Уже 4 декабря в газетах было опубликовано заявление Ельцина о признании российским руководством независимости Украины «в соответствии с демократическим волеизъявлением ее народа». Тут Борис Николаевич опередил всех других руководителей бывших союзных республик.

В заявлении выражалась готовность приступить к работе над «проектом полномасштабного межгосударственного двустороннего договора, который отвечал бы всем требованиям нового этапа взаимоотношений между Россией и Украиной».

«Взаимовыгодное и сбалансированное сотрудничество между Россией и Украиной, – говорилось в заявлении, – может и должно стать примером двусторонних отношений между республиками старого Союза».

И, если поднимать планку еще выше, –

«Новое партнерство между Россией и Украиной – двумя суверенными государствами Европы – станет весомым вкладом в безопасность и стабильность на континенте в соответствии с принципами Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, в позитивные процессы в мире».

Ельцин выражал также надежду на скорейшее установление дипломатических отношений между Россией и Украиной.

В общем, недоразумение рассеялось. Переиначенные ельцинские слова о том, будто бы Россия примет какие-то меры против соседнего государства в случае его ухода из состава Союза, были забыты.

Горбачев все еще надеется...

Горбачеву Кравчук позвонил сам – сообщил о феноменальных результатах референдума. Как раз незадолго перед ним они с Горбачевым спорили, какими будут результаты голосования. Кравчук рассчитывал, что за независимость проголосуют не менее восьмидесяти процентов. Горбачев называл его мечтателем. На деле вышло – более девяносто. Реакция Горбачева на звонок Кравчука была сдержанно-уклончивой: он лишь поздравил украинского коллегу с победой на президентских выборах...

Поражаешься стойкости Михаила Сергеевича, который даже после того как Украина ушла (было вполне очевидно, что она ушла), все еще надеялся, что она... не уйдет. Именно так изложил точку зрения союзного президента его пресс-секретарь Андрей Грачев на брифинге 3 декабря: дескать, по мнению Горбачева, итоги референдума на Украине не являются препятствием для продвижения к новому Союзному договору, «напротив, именно

полный суверенитет позволяет принять взвешенное решение по этому поводу».

– Мы не рассматриваем это голосование как решение о разрыве отношений с Союзом, – сказал Грачев. – Если бы вопрос формулировался так: «Вы за разрыв или за сохранение отношений с Союзом?», – результаты могли бы быть другими.

Такое ощущение, что Горбачев и его пресс-секретарь не слышали и не читали выступлений Кравчука, украинского премьера Фокина, других украинских политиков, где многократно и совершенно четко заявлялось: ни в СССР, ни в ССГ, ни в каком другом **СОЮЗНОМ ГОСУДАРСТВЕ** Украина состоять не будет (и эта их позиция была дружно поддержана украинскими избирателями). Ну что еще? Как еще могла бы эта республика продемонстрировать свое полное, свое абсолютное неприятие идеи вхождения в какое бы то ни было «эсэсэсэроподобное» государственное объединение? Как еще она могла бы всем показать, что ей нужна именно **ПОДЛИННАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ**, без всяких там оговорок и экивоков, без хитроумной словесной эквилибристики на тему, что такое настоящий суверенитет, а что такое не настоящий суверенитет, что такое настоящая независимость, а что такое не настоящая независимость.

Короче говоря, всем, кроме, наверное, Горбачева и, возможно, некоторых близких его сотрудников, к этому моменту было ясно: все, Украины в Союзе нет, а без Украины вероятность сохранения самого Союза – в форме государства, – очень, очень мала. В сущности, равна нулю.

Тем не менее, на том же брифинге Грачев сообщил, что команда президента Союза продолжает рассчитывать, что, несмотря ни на что, текст Союзного договора будет окончательно готов к подписанию до конца декабря.

Впрочем, из воспоминаний и дневников помощников Горбачева, близких ему людей хорошо видно, что к тому моменту почти никто из них уже не надеялся, что с Союзным договором что-то может еще получиться, что союзное государство еще можно сохранить. Какую-то надежду на это еще питал, пожалуй, один Горбачев. Впрочем, не исключено, что он тут, как говорится, «работал» на историю, на потомков – чтобы потомки имели право сказать: вот, мол, Михаил Сергеевич до самого конца, до последней возможности сражался за спасение союзного государства и, как капитан, последним покинул тонущий корабль.

Пока такое время вроде бы еще не наступило, хотя в связи с событиями на Украине по Москве уже поползли слухи о возможной отставке Горбачева. Комментируя их, Андрей Грачев 4 декабря несколько витиевато заявил корреспондентам «Интерфакса», что «прямых признаков такого решения нет и не было» (какие признаки следует считать прямыми, а какие косвенными?) По словам Грачева, наоборот «крепнет решимость президента бороться за новый политический договор даже в сегодняшней осложнившейся ситуации, словно в трудной теннисной партии, – до последнего мяча».

Во всем виноват... Ельцин

В окружении Горбачева, как и у него самого, было убеждение, что к независимости Украину подталкивает Ельцин. По крайней мере, он очень хочет, чтобы она вышла из Союза. В таком случае в развале страны будут обвинять не его, а украинских руководителей. Из дневника Вадима Медведева (2 декабря):

«Шок от итогов референдума и выборов на Украине. Даже Крым, не говоря уже о Юге и Востоке и тем более Западе проголосовал за независимость республики... Теперь весь вопрос, как поведет себя Кравчук, а это во многом зависит от Ельцина (! – **О.М.**) Ведь и другие республики объявили о независимости, но не хотят выходить из Союза. Как будет с Украиной? Ельцин сразу же признал независимость Украины и выступил за установление дипотношений с ней».

«Объявили о независимости, но не хотят выходить из Союза...» Хотят-то они хотят, но

боятся, – справятся ли с экономическими проблемами. Готовы, однако, выйти из СССР по первому свистку. Такой свисток должен последовать от наиболее крупных республик – России, Украины, Казахстана. Украина проблем не боится, и потому всем ясно: для нее независимость – это независимость в полном смысле слова. Что ж тут кивать на другие республики!

Кстати, 3 декабря Кравчук разговаривал по телефону с Бушем и, среди прочего, сообщил ему, что в ближайшую субботу, 8 декабря, он, Ельцин и глава парламента Белоруссии Шушкевич встретятся в Минске, чтобы обсудить внутренние и внешние вопросы политики возглавляемых ими государств. Это сообщение появилось в киевской «Рабочей газете» 4 декабря. То есть о встрече этой троицы на Украине стало известно уже 4-го. А в США, может быть, – и 3-го. В российской же печати в эти дни сообщалось лишь, что в Минске встретятся Ельцин и Шушкевич – будут обсуждать экономические отношения между двумя республиками.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СОЮЗА

Поиск вариантов продолжается

Поиск вариантов – как обустроить Союз, – все продолжался и продолжался. Анатолий Черняев приводит, со слов Горбачева, телефонный разговор между двумя президентами, – союзным и российским, – состоявшийся вечером 2 декабря:

«Вчера вечером М.С. говорил по телефону с Ельциным. Тот куда-то ехал в машине. Был уже пьян (любимая тема Горбачева и его окружения. – **О.М.**) М. С. уговаривал его встретиться вдвоем, втроем (+ Кравчук), вчетвером (+ Назарбаев). Тот не соглашался:

– Все равно ничего не выйдет. Украина – независимая.

– А ты, Россия?! – возражал М. С.

– Ничего не выйдет с Союзом... Вот если вернуться к идее четверного Союза: Россия + Украина + Белоруссия + Казахстан?

– А мне где там место? Если так, я уйду. Не буду болтаться, как говно в проруби. Я – не за себя. Но пойми: без Союза все провалится и погубите все реформы. Ты определись. ОТ НАС ДВОИХ ЗАВИСИТ ВСЕ В РЕШАЮЩЕЙ СТЕПЕНИ (выделено мной. – **О.М.**)...

Мы с Яковлевым переглянулись: сколько терпения у М. С.! Но и явная готовность уйти... Без сожаления... Без драмы... Спокойно!»

Да, действительно, нельзя сказать, чтобы в этой ситуации Горбачев, среди прочего, не думал и о себе. Все люди, все человеки... Но эти мысли, видимо, не были у него главными.

3 декабря союзный президент выступил с весьма эмоциональным обращением к членам Верховного Совета СССР, работа которого началась в Москве. Горбачев призвал парламентариев со всей ответственностью отнестись к обсуждению Договора о Союзе Суверенных Государств, предостерег от разрушения государственности.

В этот же день, 3 декабря, Горбачев направил обращение к парламентариям республик. Призыв тот же – как можно скорее рассмотреть и одобрить представленный им проект Союзного договора – тот самый, который не стали парафировать главы республик, собравшиеся 25 ноября в Ново-Огареве.

– Ваше решение, – сказал Горбачев, – либо приблизит общество к новым формам жизни, либо наши народы будут обречены надолго и, пожалуй, безнадежно выпутываться поодиночке... Последствия будут тяжелыми.

Горбачев напомнил о своей собственной позиции:

– Моя позиция однозначна. Я – за новый Союз, Союз Суверенных Государств – конфедеративное демократическое государство. Хочу, чтобы в преддверии вашего решения эта моя позиция была всем хорошо известна. Медлить далее нельзя. Время может быть катастрофически потеряно...

Это обращение было опубликовано 3 декабря в «Известиях». Горбачев также выступил с ним по Центральному телевидению.

Что касается союзных парламентариев, они пошли навстречу Горбачеву. 4 декабря состоялось вроде бы важное историческое событие: хоть и с трудом, но все же собравшийся ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР ОДОБРИЛ ДОГОВОР О ССГ. Однако никакого реального значения это уже не имело – только символическое. Даже формально, в соответствии с последним решением Госсовета, одобрить Договор должны были Верховные Советы республик, а не ВС СССР. А вот одобрения республиканских парламентов проект так и не получил.

Тем не менее, может быть, стоит запомнить эту дату – 4 декабря, когда закончилось хождение Союзного договора по мукам.

Ельцин допытывается у Горбачева, что делать с Украиной

Горбачев вспоминает, что в эти дни Ельцин постоянно его «спрашивал, что делать с Украиной», как он, Горбачев, может «обеспечить участие» этой ключевой республики в Союзном договоре.

Не совсем понятно, в качестве кого Ельцин «постоянно спрашивал» Горбачева. В качестве человека, который сам не знает ответа на этот вопрос и просит о помощи «старшего товарища»? Думаю, все же Ельцин просто хотел раскрыть Горбачеву глаза, убедить его, что ответа на этот вопрос – не существует.

В самом деле, что тут можно сделать, если Украина, как говорится, «сделала Союзу ручкой»?

План Горбачева заключался в том, чтобы вернуть Украину в союзное государство с помощью различных договоров: она уже подписала Договор об Экономическом сообществе, потом войдет в оборонительный союз, в соглашение о стратегических вооружениях, о научно-техническом сотрудничестве и т.д. На первых порах вполне можно было бы себе представить вот такие дифференцированные связи между Украиной и Союзом. Но если другие республики сейчас, в декабре, подпишут Союзный договор, Украине тоже некуда будет деваться, – в конце концов и она его подпишет.

Да, Украина, полагал Горбачев, оказалась в тупике, но вопрос заключается в том, пойдут ли все остальные за ней в этот тупик или будут вместе вытаскивать ее из него. Это вопрос времени и терпения.

7 декабря Ельцин собирался отбыть в Минск на «давно запланированную», как сообщалось, российско-белорусскую встречу, а 5-го посетил Горбачева – «посоветоваться, как убедить Украину присоединиться к Союзу» (цитирую Андрея Грачева), поскольку-де Кравчук тоже обещал приехать в белорусскую столицу и рассказать об украинском референдуме.

Союзный и российский президенты достаточно быстро договорились о том, как «надавить на украинцев». Оба заявили, что не мыслят себе Союза без Украины.

«Только потом, – пишет Андрей Грачев, – выяснилось, что в эту формулу каждый вкладывал свое содержание. Мало кто обратил тогда внимание на мимоходом

брошенную журналистам ельцинскую фразу: «Если не получится, придется подумать о других вариантах».

Тем не менее, российский президент сказал, что надеется найти взаимопонимание на встрече с руководством Украины в Минске, куда он в субботу, 7 декабря, вылетает, по его словам, **ДЛЯ ПОДПИСАНИЯ ДВУСТОРОННЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОГЛАШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И БЕЛОРУССИЕЙ.**

Обратите внимание, как обозначалась цель визита.

Горбачев снова заявил о неизменности своей позиции по Союзному договору, о том, что он будет «использовать все возможности», чтобы договор был подписан.

И снова прибег к своей хитроумной эквилибристике, оценивая украинский референдум:

– На Украине голосовали за подтверждение Акта о независимости. Это понятно, это укрепляет суверенитет, делает их полноправным партнером со всеми государствами в будущем Союзе. Теперь-то перед ними и стоит принятие самых важных решений. И я уверен, что сегодня на Украине думают о Союзе так же, как и в других уголках нашей большой страны.

Горбачев никак не хотел согласиться, что «самое важное решение» Украина уже приняла. И о том, что она думает о Союзе, высказала вполне четко и ясно, единодушно проголосовав за независимость.

***Знал ли все-таки Горбачев, зачем Ельцин едет в Белоруссию?
Позже на эту тему будет не мало разговоров. Вот
свидетельство самого Горбачева («Декабрь-91. Моя позиция
»):***

«Я уже понимал, что президент России хитрит, тянет время (в беседах с ним, Горбачевым. – **О.М.**): значит, у него есть другой план. Поэтому я перед самой встречей в Минске прямо спросил его: с чем он едет? Мой подход: есть проект Договора (имеется в виду Союзный договор. – **О.М.**), Украина может присоединиться ко всем его статьям или к части из них. Ельцин, аргументируя задержку с рассмотрением Договора (в Верховном Совете России. – **О.М.**), сказал, что **МОЖЕТ ВСТАТЬ ВОПРОС О СОЮЗЕ СЛАВЯНСКИХ РЕСПУБЛИК** (выделено мной. – **О.М.**) Я заявил, что, на мой взгляд, это неприемлемо. И разговор мы должны продолжить в Москве на встрече президентов с участием руководителей Украины».

Одним словом, Ельцин хоть и не вполне определенно, но достаточно прозрачно проинформировал Горбачева об истинной цели своей поездки в Белоруссию.

Правда, тут еще надо поставить вопрос: действительно ли в тот момент истинной целью Ельцина был союз «СЛАВЯНСКИХ» республик или такой союз рассматривался как первый шаг к более широкому союзу (каким он и стал в действительности)? Может быть, российский президент просто хотел несколько успокоить союзного президента: если даже объединятся и попытаются отойти в сторону три «славянские» республики, на них можно будет как-то надавить, заставить вернуться с помощью республик «неславянских»? Думаю, скорее всего, Борис Николаевич тогда еще и сам не знал, во что выльются его переговоры с Кравчуком и Шушкевичем.

Кстати, идею о том, что три «славянские» республики могли бы начать строительство чего-то нового на костях почившего Союза, еще раньше высказал Кравчук – высказал публично, в интервью газете «Труд» (оно было опубликовано 19 ноября):

– Я думаю, что было бы неплохо именно сейчас, когда накопилась масса трудноразрешимых проблем, когда миллионы людей продолжают находиться в неопределенности, нескольким республикам, – скажем, Украине, Белоруссии и России, – выступить инициаторами создания такого сообщества, в котором все входящие в него государства были бы равноправными и использовали возможности для решения вопросов, в которых мы все вместе заинтересованы. И решать их сообща, дружно, оставаясь

государствами БЕЗ КАКОГО-ЛИБО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА (выделено мной. – **О.М.**)

Ну чем не программа для будущей встречи трех лидеров в Белоруссии? Но это интервью, эти слова остались как-то незамеченными.

Официальное сообщение ТАСС о встрече Горбачева и Ельцина 5 декабря звучало довольно странно:

«Без Украины Союзный договор не мыслится, но вместе с тем он должен быть подписан, так как иной альтернативы нет. Такой вывод был сделан вчера (то есть 5 декабря. – **О.М.**) на встрече в Кремле Михаила Горбачева и Бориса Ельцина».

Зачем же подписывать договор, который без Украины «не мыслится» (а Украина, это уже хорошо известно, не будет ставить под ним свою подпись)? Какая-то странная логика.

«Ельцин – это лучший вариант для России»

Хотя ситуация с Союзом все еще оставалась не вполне определенной, всем, в том числе и на Западе, становилось ясно, что ведущую роль в разрешении этой ситуации будет играть Ельцин. Соответственно возрастал интерес к его фигуре. Один из ведущих исследовательских центров США «Херитидж Фаундейшн» опубликовал доклад «Первые сто дней Бориса Ельцина» – о нем подробно рассказала «Российская газета» в номере от 6 декабря.

Автор доклада – известный американский советолог Леон Арон. Отсчет первых ста дней ельцинского президентства он ведет не с момента избрания Ельцина на президентский пост 12 июня 1991 года (тогда, мол, властные полномочия главы РСФСР были еще довольно ограниченными, большинство вопросов решала союзная коммунистическая бюрократия, возглавляемая Горбачевым), а с момента победы над августовскими путчистами.

«После августовского переворота, – пишет Леон Арон, – Б.Ельцин принял ряд крупных политических решений. Он дал старт радикальной экономической программе перехода к свободному рынку. Нейтрализовал три главных института советского тоталитарного государства: КПСС, КГБ и Вооруженные Силы, он укрепил демократию. Он начал менять советский внешнеполитический курс...»

Вообще, как полагает автор, Ельцин – исключительная фигура в российской истории:

«Ельцин оказался первым за тысячелетнюю историю руководителем России, избранным демократическим путем. Благодаря личной смелости и оппозиции Горбачеву он получил в свое распоряжение политический рычаг, при отсутствии которого любые экономические и политические реформы окажутся обреченными. Речь идет о народном доверии. Невзирая на совершенные ошибки, Б. Ельцин, скорее всего, останется лучшим для России и всего мира вариантом мирного перехода к стабильной рыночной демократии».

Что касается ошибок Ельцина:

«Президент РСФСР и его окружение сделали ряд неосторожных заявлений, которые вызвали тревогу в получивших независимость республиках, возродив в сознании их лидеров образ старой имперской России».

Куда, в какую сторону пойдет Россия, еще не вполне ясно:

«Сегодня Россия стоит не только перед ключевым экономическим выбором между движением к свободному рынку и системой командного управления, но и перед важнейшим политическим выбором между демократией и откатом к прежнему авторитарному порядку... Если ему (Ельцину. – **О.М.**) будет сопутствовать успех, то в результате, вероятно, возникнет демократичная и экономически устойчивая Россия, не представляющая угрозы для соседних стран и американских интересов. В то же время его поражение обернется ужасающей бедностью для большинства русских людей и, весьма возможно, приходом к власти авторитарного националистического режима, который вновь превратит страну в источник колоссальной угрозы для соседей, США и всеобщего мира».

Отсюда Леон Арон делает вывод, что США должны помочь Ельцину оставаться приверженным провозглашенному им курсу на демократию и экономические реформы.

* * *

Помощь действительно нужна, и Ельцину, и Горбачеву, и разваливающемуся Союзу, и нарождающейся новой России. О том, на каком фоне происходят важнейшие события на территории бывшей коммунистической империи, лучше всего, пожалуй, говорит «тассовка», опубликованная на первой полосе «Известий» 7 ноября:

«Президент СССР М.С. Горбачев направил телеграммы Президенту Украины Л.Кравчуку, Председателю Верховного Совета Республики Беларусь С.Шушкевичу, Президенту Казахстана Н.Назарбаеву, Президенту Республики М. Снегуру. В телеграммах подчеркивается..., что в Москве запасов мяса, масла животного и растительного, сахара осталось на несколько дней... Президент СССР просит сделать все возможное по обеспечению немедленной отгрузки в столицу продуктов питания в счет продовольственных соглашений на 1991 – 1992 годы».

Вот так. 1992 год еще когда начнется, а есть уже нечего, всего на несколько дней осталось.

КОНЕЦ СССР

Украина выходит из Союзного договора 1922 года

5 декабря Верховный Совет Украины принял «Послание к парламентам и народам всех стран», в котором говорилось, что «договор от 1922 года о создании Союза ССР и все последующие конституционные акты Союза ССР Украина считает относительно себя недействительными и не действующими».

То есть, с этого числа, с 5 декабря 1991 года, по воле Украины Советский Союз прекращал свое существование. Почти прекращал: в 1922-м СССР образовала не одна Украина, не только ее подпись стояла под Союзным договором 1922 года...

Всех тогда интересовало, не пойдут ли, если что, в бывшем Союзе события по югославскому варианту. Не вцепятся ли бывшие «братья» друг другу в глотку. Вот уходит Украина. Кто-то из соседей может потребовать пересмотра границ, когда-то произвольно нарисованных большевиками. Та же Россия. Ельцин несколько раз менял тут свою позицию: то заявлял о нерушимости границ, то намекал, что их пересмотр возможен, то возвращался на прежнюю «миролюбивую» позицию и говорил, что территориальные претензии возможны только к тем республикам, которые решат выйти из Союза... Ну так вот – Украина выходит... Ельцин больше не говорит о том, что Украина должна что-то вернуть России, но об этом говорят некоторые депутаты, политики. В частности, темы «спорных» территорий – Крыма и Донбасса – в своем интервью французской «Фигаро» коснулся Анатолий Собчак.

Кравчук убежден, что югославского варианта в бывшем Союзе не будет. По его словам, у него «в душе есть уверенность», что никто Украине «не отважится ставить территориальные претензии на серьезном государственном уровне, чтобы не влипнуть в историю».

Ельцин выступает в белорусском парламенте

7 декабря Ельцин выступил в Верховном Совете Белоруссии. Уже из этого выступления, из ответов на вопросы стало ясно, в чем состоит то главное, ради чего, собственно говоря, российский президент прибыл в Минск.

– Старого Союза уже нет, нового Союза тоже пока нет, – констатировал Ельцин. – Ушла в историю попытка воссоздания Союза СССР в ленинской интерпретации. Сегодня терпит неудачу идея полуфедерации, полуконфедерации (так Ельцин окрестил последний горбачевский вариант ССГ. – **О.М.**) Если останется хотя бы небольшой элемент унитаризма, есть риск возрождения той системы, которая уже завела нас в тупик. Всех пугает наличие Центра и его возможное возрождение в старых формах. Участников переговоров становится все меньше (имеются в виду переговоры в Ново-Огареве. – **О.М.**) Если так будет продолжаться, за стол переговоров некому вообще будет сесть. В резиденции «Вискули» руководители славянских республик будут обсуждать четыре-пять вариантов Союзного договора. Встреча трех руководителей государств, возможно, станет исторической. («Вискули» – правительственная резиденция в Беловежской пуще, где и предполагается провести переговоры делегаций трех республик 7 – 8 декабря. – **О.М.**)

Здесь мы видим еще одно подтверждение того, что Ельцин исполнен решимости окончательно поставить точку в истории существования Советского Союза и создать что-то взамен. Но что именно, он еще сам не знает, – он говорит о нескольких возможных вариантах решения.

Кстати, тут Ельцин, по-видимому, допустил некоторую неосторожность, сказав, что они

с Кравчуком и Шушкевичем собираются обсуждать варианты Союзного договора. Если бы его слова тогда услышал Кравчук, он бы, пожалуй, развернул самолет и полетел назад в Киев, как это сделал позднее, в 1999 году, Примаков, не долетев до США и вернувшись в Москву (поводом для такого авиационного маневра послужила полученное тогдашним российским премьером известие, что НАТО вот-вот начнет бомбить Югославию). Ни о каком Союзном договоре украинский президент вообще слышать не хотел.

Почему в Беловежской пуще?

В дальнейшем прозвучало немало догадок, домыслов насчет того, почему именно Вискули выбрали как место встречи. Так, бывший пресс-секретарь Горбачева Андрей Грачев пишет: мол, выбор этот был связан с тем, что рядом белорусско-польская граница – в случае чего сели в вертолет и перемахнули через нее. Однако бывший министр иностранных дел Кравченко, участвовавший в беловежских переговорах, приводит другую версию: Вискули были выбраны еще год назад, в декабре 1990-го, когда в Москву приезжала белорусская правительственная делегация для заключения договора с РСФСР. В делегацию входил ряд депутатов белорусского парламента, которые провели несколько неформальных встреч с людьми из окружения Ельцина. Среди прочего, говорили о необходимости создания нового постсоветского образования, причем по сценарию Ельцина, а не по плану Горбачева. Тогда-то один из белорусских депутатов и предложил для заключения нового договора собраться в Беловежской пуще. Находится она возле Бреста, а с этим городом связана одна из самых позорных страниц советской истории. Здесь в 1918 году был заключен Брестский мир, в соответствии с которым, как известно, вождь российских большевиков Ленин отдал немцам значительную часть Белоруссии и Украины. Так что, если исторический договор будет подписан здесь же, это как бы послужит символом восстановления справедливости. Это предложение было принято.

Как мы знаем, идея создания «союза четырех» как ядра будущего Союза позже звучала не раз, особенно в речах Ельцина. Правда, к Беловежью, к Вискулям она не привязывалась. Да это и не было принципиально – в конце концов, подписать соглашение можно было и в другом месте.

В атмосфере тревоги

В Вискули приехали около пяти вечера (напомню – 7 декабря). В каждой из трех делегаций было по пять-шесть «основных» членов. Белорусский премьер Кебич взял с собой «сверх штата» еще нескольких силовиков: председателя КГБ Эдуарда Ширковского, командующего Белорусским военным округом Анатолия Костенко и председателя таможенного комитета Геннадия Шкурдя. Зачем это было сделано? Как полагает Кравченко, Кебич, «хотел иметь силовиков под рукой – мало ли как прореагирует Москва и какие начнут оттуда поступать приказы».

Тревожился не один Кебич. «Тревога ощущалась в репликах буквально каждого участника встречи, – пишет Кравченко. – Все чувствовали себя неуютно. Время от времени звучал довольно мрачный юмор: – Ну что, собрались все вместе?! Вот тут можно сразу всех и накрыть одной ракетой.

Полушутя говорили о высадке десанта, о том, что Горбачев может пойти на применение силы».

Вместо СССР – СНГ

8 декабря Ельцин, Кравчук и Шушкевич подписали в Беловежской пуще, в правительственной резиденции «Вискули» историческое Соглашение, – документ, в котором говорилось, что Белоруссия, Российская Федерация и Украина как государства – учредители Союза ССР, подписавшие Союзный договор 1922 года, констатируют: Союз ССР «как субъект международного права и геополитическая реальность» прекращает свое существование. Одновременно три республики образуют Содружество Независимых Государств. С момента заключения соглашения на территориях Содружества «не допускается применение норм третьих стран, в том числе бывшего СССР», деятельность органов прежнего Союза прекращается. К сфере совместной деятельности стороны отнесли координацию внешней политики, формирование общего экономического пространства, европейского и евразийского рынков, таможенную и миграционную политику...

Всё, дело сделано. Советского Союза больше нет.

После подписания Ельцин позвонил министру обороны СССР маршалу Евгению Шапошникову. Российский президент сообщил ему о произошедшем в Вискулях и о том, что он, Шапошников, назначен главнокомандующим Объединенными стратегическими вооруженными силами Содружества. Маршал, в свою очередь, заверил Ельцина в своей полной лояльности. Это было очень важно на случай, если Горбачев все же захочет оказать сопротивление.

Дальше последовали звонки двум президентам – довольно странным образом сначала президенту Соединенных Штатов Америки и только потом президенту Советского Союза. Впрочем, звонить им вроде бы начали практически одновременно, но так получилось, что Ельцина с Бушем действительно соединили раньше.

Итак, первый звонок – звонок Ельцина Бушу. Петр Кравченко передает их разговор так (впрочем, предупреждая, что передает его по памяти):

« – Господин президент, Советского Союза больше нет. Но не беспокойтесь, мы берем на себя контроль над ядерным чемоданчиком, над ядерным оружием – оно не расплзется. И тут мир и Соединенные Штаты не должны волноваться. Сегодня в жизни нашей страны произошло очень важное событие, и я хочу рассказать о нем лично, прежде чем вы узнаете о нем из газет.

Существующая система и Союзный договор, который нас заставляют подписать, [нас] не устраивают. Новый договор состоит из шестнадцати статей и по сути создает содружество или группу независимых государств.

Дальше Борис Ельцин перешел к главному:

– Мы также гарантируем соблюдение всех международных обязательств, вытекающих из соглашений и договоров, подписанных бывшим Союзом, включая внешний долг...

Этот договор подписан тремя присутствующими руководителями республик».

Ельцин также сообщил Бушу, что «тройственным союзом» дело не ограничится:

« – Я только что закончил разговор с президентом Казахстана Назарбаевым (в действительности с казахским лидером разговор был позднее. – О.М.), который полностью поддерживает наши действия и намеревается сам подписать соглашение в ближайшее время.

Помолчав, Ельцин добавил:

– Дорогой Джордж, я закончил. Это исключительно, чрезвычайно важно. По сложившимся между нами традициям, я сразу позвонил тебе, не прошло и десяти минут».

Сделать самый сложный звонок – Горбачеву – выпало на долю Шушкевича. Так решили коллегиально, упирая на то, что Шушкевич – «хозяин» встречи. Однако президент СССР не стал с ним долго разговаривать – потребовал к телефону Ельцина.

Кравченко:

«Борис Николаевич стал пересказывать Горбачеву то, что ему уже пробовал сообщить

Шушкевич, только гораздо жестче и напористее. Я не слышал, что отвечал Горбачев, но, видимо, он пытался дискутировать, поскольку Ельцин еще более жестко отрезал:
– **Михаил Сергеевич! Вы должны понимать, что иного выхода у нас не было!»**

Горбачев потребовал, чтобы на завтра все трое явились пред его очи. Однако ему было сказано, что нанести ему визит от имени всех троих поручено Ельцину.

Так получилось. Техника виновата

Горбачев, конечно, был уязвлен, что о подписанном Соглашении «беловежцы» сначала сообщили не ему, президенту СССР, а президенту США.

– Посмотрите, как вел себя Ельцин, – говорил он 16 декабря в интервью журналу «Тайм»... – Он даже мне не позвонил. И в то же время он беседовал с Джорджем Бушем, хотя не было никакой необходимости вовлекать президента США в это. Это не только вопрос морали. Я не могу оправдать такой стиль поведения.

Действительно получилось не очень хорошо. Правда, как уже говорилось, вроде бы все так произошло по техническим причинам: просто с Бушем соединили быстрее, чем с Ельциным. В принципе, это похоже на правду: в России связь работает так (по крайней мере, работала в то время), что из Москвы легче бывает соединиться с Австралией, чем с каким-нибудь подмосковным поселком. Но в данном случае все же ссылка на технику не убедительна. По логике вещей, сначала надо было поговорить с Горбачевым и уж потом начинать звонить Бушу. Здесь, видимо, действовала другая логика: заручиться поддержкой министра обороны, президента США... Хотя Буш о своей поддержке заявить не спешил...

Тревога сохраняется

Как уже говорилось, атмосфера в Вискулях с самого начала была тревожной – все опасались, что Горбачев может предпринять какие-то силовые меры против «заговорщиков». Тот же Ширковский, председатель белорусского КГБ, по некоторым утверждениям, будто бы по спецсвязи регулярно информировал Горбачева о происходящем и предлагал ему арестовать участников переговоров. Как это вообще могло быть? Ведь все находившиеся там вроде бы были друг у друга на виду? Был там и небезызвестный Коржаков, от внимания которого, наверное, не ускользнули бы действия белорусского коллеги.

Гайдар (в разговоре со мной в апреле 2009 года):

– **Обстановка действительно была тревожная. Ясно было, что кто-то наверняка кого-то в Москве информирует о происходящем. Я не уверен, что председатель белорусского КГБ информировал непосредственно Горбачева – скорее, кого-то из своих начальников на Лубянке. Ну, а оттуда информация вполне могла передаваться самому Горбачеву. Как это делалось технически? Аппараты спецсвязи были не у всех, но были – все-таки это правительственная резиденция. Ну, а председатель КГБ располагал, безусловно, собственными каналами связи.**

– Если Горбачева действительно постоянно информировали о происходящем в Вискулях, чем объяснить такую бурную его реакцию, когда он обо всем узнал непосредственно, сначала от Шушкевича, а потом от Ельцина?

– **Ну, одно дело, когда все это идет в общем потоке информации – ведь президент**

получает ее в огромном количестве, а другое, – когда он все это слышит непосредственно от президента России.

Спрашиваю Гайдара, действительно ли в какой-то момент, когда все документы были подписаны, все первоочередные звонки сделаны, Ельцин поставил точку словами: «Нужно скорее разлетаться! Нас не должны накрыть здесь всех вместе».

– Ну, именно этих слов я не слышал, – отвечает мой собеседник, – но то, что все понимали исключительное значение происходящего и, соответственно, испытывали тревогу, – это, конечно, так.

Кстати, Андрей Грачев пишет в своих воспоминаниях, что утром 9 декабря во время телефонного разговора Горбачев спросил Ельцина, когда тот появится в Кремле, на что Ельцин, в свою очередь, ответил вопросом: «А меня там не арестуют?» «Михаил Сергеевич даже опешил: «Ты что, с ума сошел?!»

Не хочу ставить под сомнение этот рассказ Грачева, замечу только, что Ельцин мог сказать это в шутку. Помощники Горбачева достаточно неприязненно относились к Ельцину, так что этот нюанс Грачев вполне мог опустить.

К тому же в одном месте Грачев пишет, что этот разговор состоялся в его присутствии, в другом, – что ему рассказал о нем Горбачев.

Наконец, если такой разговор действительно был и велся со стороны Ельцина вполне серьезно, – что тут такого? Человек действительно вправе был подумать о своей безопасности. Всего лишь три с половиной месяца назад он чудом избежал ареста.

АГОНИЯ ГОРБАЧЕВА

Маята и метания

О том, как маялся и метался в те дни Горбачев, хорошие свидетельства оставили опять-таки его помощники. В частности, подробные записи тех дней находим в дневнике Анатолия Черняева.

«6 декабря

...После Обращения к парламентариям (Украины. – **О.М.**) он (Горбачев. – **О.М.**) заставил меня писать «Обращение к гражданам Украины». Целый вечер сидели у него + Яковлев и Ревенко, который... возражал против самого такого акта: «будет иметь обратное значение», «перебор», «вы уже не раз все сказали» и т.д. Его поддерживал Яковлев. Я отстаивал «желательность» и исходил не из возможного результата (он очевиден), а из потребностей Горбачева. Он сделал ставку... У него отняли все: «управлять экономикой», «руководить руководителями», влиять на прессу... Осталась идея Союзного единения. И он – ее символ и проповедник. Иначе ему просто нечего делать... И это видно по его распорядку дня. Он ищет всяких встреч – со своими и иностранцами. Чуть ли не

каждый день дает интервью, выходит к журналистам после заседаний и т.д. Часами просиживает с собеседниками, от которых можно что-то ждать: то с Егором Яковлевым, то с А. Н. Яковлевым, то с Грачевым и Черняевым, то с Шеварднадзе...

Сочинив «Обращение к гражданам Украины», превратившееся в заявление, от которого он наутро тоже отказался (и я, переменяв свою точку зрения, убедил его, что не надо), сели в том же составе готовиться к его встрече с Ельциным... (которая, видимо, ожидалась после возвращения Ельцина из Минска. – **О.М.**) Проигрывания вариантов не получилось... Он вяло слушал, а потом понуждал «прослушивать» его монологи. И ничего нового – аргументы, аргументы в пользу Союза. Их десятки, и все разумные и неопровержимые... Рефрен: если не пойдут на Союз, я уйду, мне места не остается. И рядом план: созвать Госсовет, Съезд народных депутатов + обратиться прямо «К народу» (через ТВ)... И потребовать плебисцита: вы за Союз или нет? Все это иллюзии. И Съезд не соберешь, и плебисцит не проведешь, если республики не захотят. Да и кто будет оплачивать? И кто будет реализовывать, если даже «да»? Ведь уже «реальность», что реальная власть в руках элит: кравчуков, ельциных, бурбулисов.

Я это ему все открыто говорил. Он не утихает. И в общем правильно делает, ибо это единственное его «видное» занятие, хотя газеты посмеиваются... Впрочем, особенно в связи с 50-летием битвы под Москвой, немножко кренилось в пользу единства.

7 декабря

Начал готовить тезисы, которые М. С. велел сделать для его встречи «1 + 4» в понедельник (с Ельциным, Кравчуком, Шушкевичем и Назарбаевым) (то есть уже для предполагаемой, как бы наметившейся встречи 9 декабря. – **О.М.**) ...

8 декабря

Отправил (Горбачеву. – **О.М.**) фельдом «сочинение» – почему по соображениям международным нужен новый Союз. Теперь такая моя работа – вхолостую, для него лично.

Нет еще сведений о Бресте: Ельцин, Кравчук, Шушкевич (перепились, наверное, в Беловежской пуще). Но по тому, что уже наговорил Ельцин вчера журналистам и в белорусском парламенте, ясно: на Союз они не пойдут. И места Горбачеву не оставят... Он, конечно, будет тянуть, «опираясь» на то, что у него пока армия...

М. С. все «сечет» и, кажется, ко всему готов... В понедельник на «1 + 4»... все прояснится, ибо союзный Съезд ему не дадут созывать, а плебисцит откажутся проводить и финансировать.

Вечер. Только что сообщили по радио: Ельцин, Кравчук, Шушкевич договорились о создании Содружества Независимых Государств... И завтра (+ Назарбаев) будут обсуждать это с Горбачевым. Соглашение открытое – могут присоединиться другие. Вот и все! Назарбаев, прилетев, в аэропорту сожалел о Союзе, взывал хоть бы оборонительный союз заключить, чтоб единое командование оставалось...

М. С. наконец должен решиться. По ТВ пропустили фрагмент из его интервью украинскому корреспонденту, которое он давал вчера. И там опять: «А кто, мол, знает, что я буду выставлять свою кандидатуру?» Опять неадекватен: куда выставлять? Кто собирается проводить какие-то выборы? О каком президентстве может идти речь? Для кого?.. Словом, я правильно говорил: Союза не будет. Не верил я в это и до путча.

Ездил на работу. «Доработал» международный аспект аргументов за Союз (для завтрашней встречи четырех, а может, для Госсовета). Кому это нужно?.. Ведь уже межгосударственный договор заключен... О каком Союзном договоре они захотят говорить? Смех!

Полночь. Только что радио принесло весть: Ельцин, Кравчук, Шушкевич объявили о прекращении существования Советского Союза как субъекта международного права, о недействительности всех законов, относящихся к нему как государству. Договорились, как совместно финансировать оборону... Об экономическом

механизме договорятся в течение декабря.

Перед тем я 1,5 часа слушал записанное вчера интервью М. С. (по украинскому ТВ), где он яростно и страстно доказывал, что «разойтись» невозможно и что отказ от Союза – гибель для всех. Интервьюеру-украинцу слова не давал вставить... Обещал через головы «этих новоявленных политиков, возникших за два года» обратиться к народу и будто у него есть еще «средства, о которых он сейчас говорить не будет».

Кравчук не желает представлять пред Горбачевым

На следующий день Горбачев попытался вызвать «заговорщиков» «на ковер», всех троих. Вспоминает Леонид Кравчук:

«Утром 9 декабря позвонил по телефону (уже в Киев. – О.М.) Михаил Горбачев: «Добрый день, Леонид Макарович!» И сразу: «Что вы там натворили в Беловежской пуще?» Я спокойно ответил: «Михаил Сергеевич, я считаю, что мы поступили правильно. Ситуация зашла в тупик, нужно было искать выход...» Собеседник был очень возбужден: «Мир же стоит дыбом, понимаете? Вы должны немедленно приехать в Москву». «Чего ради?» – спрашиваю. «Нужно поговорить... Ельцин и Шушкевич тоже будут». Я почувствовал: нас не выпустят оттуда, будут держать до тех пор, пока мы не откажемся от соглашения, подписанного в Беловежской пуще. Поэтому я решительно ответил Горбачеву: «Я в Москву не поеду». Михаил Сергеевич едва сдерживал гнев: «Почему?» – «Потому, что я президент независимого государства, – говорю. – У меня целая куча неотложных дел. А директивы мне не нужны».

Едва лишь положил трубку, как прозвучал еще один звонок. В этот раз звонил Григорий Ревенко, глава администрации Горбачева, бывший первый секретарь Киевского обкома Компартии Украины, с которым мы были в приятельских отношениях: «Леонид, зачем ты так оскорбил президента? Неужели так можно? Тебе нужно приехать – это очень важно». – «Не поеду я, – отвечаю, – и объяснять не буду почему. Мы поручили Ельцину, чтобы он проинформировал о нашей встрече и подписанных договоренностях. А Шушкевич, если хочет, пускай едет...» Положив трубку, звоню Шушкевичу: «Едете в Москву?» – спрашиваю. «Нет, – говорит он. – И не собираюсь».

По другим свидетельствам, Шушкевич, в отличие от Кравчука, не был так категоричен и готов был предстать пред очами Горбачева. Андрей Грачев:

«Крайне взволнованный Шушкевич, позвонивший утром 9 декабря руководителю президентской администрации Г.Ревенко, «почти всхлипывая», начал объяснять, что ему надо отоспаться и все осмыслить, поскольку все так неожиданно произошло. «Борис Николаевич все расскажет, но, если они с Михаилом Сергеевичем сочтут нужным, я готов немедленно прибыть в Москву».

Однако Горбачев не пожелал видеть Шушкевича в отсутствие Кравчука.

«Ему надо достойно уйти»

Снова дневник Анатолия Черняева:

«10 декабря

Как я провел вчерашний день, когда стал «ничем»?

Утром в кремлевском

коридоре встретил Виктора Кудрявцева, Вениамина Яковлева, Сергея Алексева, Юрия Калмыкова – главных правоведов. Шли от Горбачева. Кудрявцев задержался, говорит:

– Михаил Сергеевич бушует, заявляет, что он уйдет, пошлет их всех и т. д., «покажет им»... Мы его уговаривали не конфликтовать, наоборот, сказать: хорошо, ребята, вы прошли этап, теперь давайте обсудим, что делать дальше. В этом духе идем сейчас делать ему проект заявления, с которым он собирается выступить после предстоящей его встречи с Ельциным и др...

В 12-00 М. С. говорил с Ельциным. Кравчук и Шушкевич не приехали. До этого он разговаривал с Назарбаевым. Потом – они втроем. Что там было – мне неизвестно. Затем по очереди были у него Набиев (таджик), представитель Ниязова (туркмен). Президенты Акаев и Каримов тоже не приехали. Л.Тер-Петросян публично поддержал беловежскую тройку, приговорившую СССР к смерти.

Во второй половине дня он долго в Ореховой комнате совещался с усеченным Политическим консультативным советом: Яковлев, Шеварднадзе, Бакатин, Примаков, В. Яковлев, Шахназаров, Ревенко, кто-то еще. Родили заявление, которое и было оглашено диктором в 21-00 по ТВ. Хорошо хоть догадались не выпускать самого М. С. на экран – было бы еще одно нравоучение...

Объявил о созыве Съезда народных депутатов, о возможном референдуме. Ну, об этом я уже здесь писал. Даже если народные депутаты соберут 1/5 подписей – все равно ничего не выйдет. Николай II имел мужество отречься от престола после 300 лет правления династии. М. С. никак не поймет, что его дело сделано, давно следовало бы уходить, надо беречь достоинство и уважение к сделанному им в истории.

Травкин от ДПР проводит сегодня на Манежной массовый митинг за Союз... Может, кончится речами... Но если пойдут на Белый дом и вступит в дело ельцинская полиция, тогда другое дело...

11 декабря

Нудный день. Узнаю, что М. С. встречается с Ельциным. До того он дал полтора часовое интервью В. Третьякову («НГ»). Содержание беседы с Ельциным никто не знает. А вечером Грачев сказал: «Все то же»...

Говорили с Грачевым: надо Горбачеву сосредоточиться на том, чтобы достойно уйти. Все у Ельцина теперь (плюс Кравчук и Шушкевич) направлено на то, чтобы его скинуть. И фактически Ельцин уже сделал это, лишив М. С. всех средств сопротивления. Вчера он взял под свой контроль всю правительственную связь, то есть может просто отключить у М. С. телефоны, не пустить работников аппарата в Кремль или запереть на замок двери кабинетов.

Каждый день «цепляния» за Кремль, – а теперь это так именно и выглядит, – отдаляет тот момент, когда история поставит Горбачева на его место, – великого человека XX столетия.

И не надо ему искать «работу» – он должен просто удалиться... И продолжить «традицию» всех великих и не очень – де Голля, Черчилля, Тэтчер...

Правда, мы не Франция, не Англия, но пора создавать «эту модель» ухода. Не мельтешить, не противоречить всему тому, что он сам считал обязательным для порядочных и мужественных людей».

Так пишет о Горбачеве тех дней в своем дневнике его помощник Анатолий Черняев. Призвав на помощь воображение, в этой агонии Горбачева-президента нельзя не увидеть символическую агонию приговоренного к смерти Союза.

Назарбаев – прагматик, он «будет отталкиваться от событий»

9 декабря в середине дня состоялась встреча Ельцина со «смертельно обиженным»

Горбачевым и с «обиженным, хотя и не смертельно» Назарбаевым – та самая, о которой упоминает в своем дневнике Черняев (запись от 10 декабря).

Кстати, то, что во встрече принял участие Назарбаев, оказалось неожиданностью для Ельцина: они с Горбачевым договаривались встретиться один на один. Неожиданность была не очень приятной. Не из-за личности самого Назарбаева – у них с Ельциным были хорошие отношения, – а, по-видимому, из-за того очевидного факта, что Горбачев стремится перетянуть казахского президента – очень важную фигуру в тогдашнем «раскладе» – на свою сторону и, возможно, в какой-то степени преуспел в этом.

Встреча длилась почти полтора часа. Ельцин как бы держал ответ перед своими собеседниками, что они там «натворили» с Кравчуком и Шушкевичем в Беловежье.

На пресс-конференции, состоявшейся потом в постпредстве Казахстана, Назарбаев рассказал, что он думает о событиях последних дней. Знал ли он о том, что затевается в Вискулях? Назарбаев ответил, что перед поездкой в Минск Ельцин разговаривал с ним, но речь шла лишь о том, что Россия, Украина и Белоруссия проведут там консультации по поводу совместного перехода к рынку. Что касается Соглашения об СНГ, ни он, ни Горбачев не знали, что готовится такое подписание.

– Но ничего сверхъестественного я в нем не увидел, – сказал Назарбаев, добавив, что он прагматик и «будет отталкиваться от событий».

В те дни в прессе возник разговор о том, что новый союз – «славянский» и что теперь вполне может возникнуть противостояние «славянских» и азиатских республик. Назарбаев посоветовал журналистам не раздувать эту тему. Сам он, по его словам, категорически против того, чтобы союзы заключались по национальному, этническому принципу – это будет возвратом к средневековью; и в действиях трех «славянских» республик он не усматривает никаких антиказахских намерений.

Сам Ельцин так прокомментировал свою встречу с Горбачевым:

– Я бы не сказал, что Горбачев поддерживает Содружество. Но сопротивление исключено, тем более вооруженное. Я отрицаю возможность югославского варианта в России или гражданскую войну.

Заявление Горбачева

9-го же декабря вечером по телевидению было зачитано заявление Горбачева по поводу Беловежского соглашения, о котором пишет в своем дневнике Черняев. Зачитал диктор. Самому Горбачеву, видимо, действительно отсоветовали это делать, – пока, мол, еще рано, не все еще утряслось и «устаканилось», а слишком часто мелькать на экране по одному и тому же поводу, даже и столь важному, – несолидно. Тут Черняев совершенно прав.

По словам Бурбулиса, заявление «во многом базировалось» на итогах встречи Горбачева с Ельциным и Назарбаевым, которая произошла ранее в этот же день. В нем действительно чувствовалось некоторое желание прийти к компромиссу, или, по крайней мере, не обострять отношения.

Начиналось заявление довольно мягко – говорилось, что Беловежское соглашение «имеет позитивные моменты». В их числе – то, что участие в нем приняло украинское руководство, которое в последнее время «не проявляло активности в договорном процессе». Другой «позитивный момент» – в Соглашении говорится, что необходимо создать единое экономическое пространство с единой валютой и финансово-банковской системой, выражается готовность к сотрудничеству в области науки, образования, культуры и других сферах, предлагается «определенная формула взаимодействия в военно-стратегической области».

Однако, что для Горбачева неприемлемо, – «Соглашение прямо объявляет о прекращении существования Союза ССР». Но судьба многонационального государства не

может быть определена волей руководителей трех республик. Вопрос этот должен решаться только конституционным путем – с участием всех суверенных государств и учетом воли их народов.

«Вызывает недоумение скоропалительность появления документа, – говорилось в заявлении. – Он не был обсужден ни населением, ни Верховными Советами республик, от имени которых подписан. Тем более это произошло в тот момент, когда в парламентах республик обсуждается проект Договора о Союзе Суверенных Государств, разработанный Государственным советом СССР».

Требование Горбачева – необходимо, чтобы все Верховные Советы республик и Верховный Совет СССР обсудили как проект Договора о Союзе Суверенных Государств, так и соглашение, заключенное в Беловежской пуще; необходимо созвать Съезд народных депутатов СССР, чтобы он решил, какая «форма государственности» более приемлема. Кроме того, он, Горбачев, «не исключил бы» и проведения всенародного референдума (плебисцита) по этому вопросу.

Дезавуировать Беловежское соглашение он все же не решился

Текст горбачевского заявления подготовил помощник президента Георгий Шахназаров. По его словам, «одновременно» он написал для Горбачева и проект другого заявления, – «дезавуирующего минские документы». Подпиши его Горбачев, это означало бы, что он вступает в прямую конфронтацию с «беловежцами»: вы денонсировали Союзный договор 1922 года, а я дезавуирую вашу денонсацию, вот так – что вы теперь будете делать?

Однако Горбачев не подписал это второе заявление, хотя предварительно – опять-таки по словам Шахназарова, – «согласился» с ним. Не решился? Не посчитал нужным?..

ПОЧЕМУ ГОРБАЧЕВ НЕ ПРИБЕГНУЛ К СИЛЕ

Армия больше не хочет лезть в политику

Существуют рассказы, будто 8 декабря, когда Горбачев получил известие из Вискулей, он попытался заручиться поддержкой армии, чтобы остановить катастрофическое, как он считал, развитие событий. Так, Сергей Шахрай в интервью «Новым известиям» сообщил:

« – Сразу после разговора с Шушкевичем (с Шушкевичем и Ельциным. – О.М.) Горбачев позвонил маршалу Шапошникову, министру обороны СССР. Хотел поднять армию, чтобы отменить соглашения. Но Шапошников, мягко говоря, отказался, хотя Горбачев еще формально был главнокомандующим (точнее, верховным главнокомандующим. – О.М.). Тогда Горбачев стал обзванивать командующих округами, просил поддержки. Но военные не откликнулись. Армия не собиралась второй раз за год лезть в политику. В августе они уже взяли под козырек, вывели танки на улицы, а потом все закончилось сами знаете, как...» Тут только можно выразить некоторое недоумение, откуда Шахраю известно, когда и о чем Горбачев разговаривал с Шапошниковым и с командующими округами. Сам Шапошников в «Записках главнокомандующего» пишет о телефонном разговоре, точнее разговорах с Горбачевым совсем по-другому:

«8 декабря 1991 года мне несколько раз звонил Горбачев. Разговор касался различных вопросов, главным образом связанных с положением дел в «горячих точках». Но всякий раз Михаил Сергеевич заканчивал одним и тем же вопросом:

– Что слышно из Минска?»

Как видим, в этот день Горбачев сильно нервничал, «сидел, как на иголках». И догадывался, что Шапошникову из Вискулей обо всем сообщат раньше, чем ему самому.

«Около десяти часов вечера, – продолжает Шапошников, – мне домой позвонил Ельцин:

– Сегодня мы в Белоруссии подписали Договор о тройственном союзе – России, Украины и Белоруссии. Каково ваше мнение по этому поводу?

– А другие республики могут присоединиться к нему?

– Да.

– И еще один вопрос, Борис Николаевич. О Вооруженных Силах в договоре идет речь?

– Конечно, идет.

– Тогда у меня просьба к вам: зачитайте, пожалуйста, все, что касается в договоре Вооруженных Сил.

Ельцин зачитал пункт по Стратегическим силам. Там однозначно говорилось, что Стратегические силы будут находиться под единым командованием.

– А как отнесется к этому договору Назарбаев? – спросил я. – Его авторитет и влияние в обществе не учитывать нельзя, тем более что часть Стратегических сил размещена на территории Казахстана.

– Нурсултан Абишевич отнесся к договору положительно, – ответил Ельцин. – Предварительный разговор с ним был.

– В документе что-нибудь сказано относительно обычных Вооруженных Сил?

– Здесь сложнее. Ввиду различия мнений этот вопрос не нашел отражения в документе. Но сам я, – подчеркнул Ельцин, – стою на позиции сохранения единых Вооруженных Сил. Видимо, в дальнейшем по этому вопросу необходимо будет разрабатывать и подписывать отдельные соглашения».

Разговор с Ельциным, по словам Шапошникова, продолжался минут двадцать. К концу разговора у него сложилась определенная, положительная, оценка, происходящего.

Равно как и представление, какую позицию тут должна занять армия:

«Рано или поздно это должно было свершиться. Ведь фактически реально действующих союзных структур к этому времени уже не осталось, кроме, может быть, президента

СССР и нескольких министров, в том числе и меня... В состоянии аморфности и неопределенности общество долго находиться не может. Дальнейший развал приведет к потрясениям и социальным взрывам. В этом случае вряд ли обойдется без попыток использовать Вооруженные Силы в угоду каким-то политическим силам. Но это уже было в августе. И если даже маршал Язов, воспитанный во вполне определенном духе, не пошел в те трагические дни на применение Вооруженных Сил, ТО Я ТЕМ БОЛЕЕ НИКОГДА НЕ ПОЙДУ (выделено мной. – О.М.) А играть и запугивать кого-то Вооруженными Силами мне было не нужно. Они и так задержаны».

Возможно, у Горбачева где-то в глубине души все же таилось желание обратиться к Шапошникову с призывом (приказывать он уже не решался) – с помощью армии подавить этот неслыханный, этот немыслимый бунт. Но он догадывался, каков будет ответ. Поэтому следующий его звонок маршалу был нервным и довольно бессмысленным:

«Только я положил трубку (после разговора с Ельциным. – О.М.), как позвонил Горбачев:

– Ну, что нового? Ты ведь только сейчас разговаривал с Ельциным. Что там в Белоруссии? (Вот ведь как оперативно сообщали Горбачеву обо всех телефонных разговорах! – О.М.)

После некоторых колебаний я коротко изложил то, о чем узнал, а заодно и свою позицию. Горбачев вспылил:

– Не вмешивайся не в свое дело, предупреждаю! – и бросил трубку».

Президент не мог не понимать, что этими «не вмешивайся» и «предупреждаю» он окончательно сжег мосты между собой и министром обороны, так что рассчитывать на его поддержку более вообще не может.

Горбачев и Ельцин встречаются с военными

Впрочем, непосредственно в ту пору, когда происходили события, появились публикации противоположного свойства – о том, что не Горбачев обращался к военным за помощью, а, напротив, военные предлагали ему ее. Так, 11 декабря 1991 года в «Российской газете» появилось сообщение, что, «по неофициальным данным», Горбачев встречался с группой командующих округами и некоторыми другими военными ПО ИХ ИНИЦИАТИВЕ. Военные предложили сохранить Союз с помощью силы. Однако Горбачев отклонил эту идею. Может быть, говорилось в сообщении, это всего лишь слухи, но тот факт, что сегодня группу командующих округами намерен принять Борис Ельцин, свидетельствует о том, что встреча с президентом Горбачевым действительно могла состояться.

Днем позже появилась уже более определенная информация – в «Независимой газете». 10 декабря Шапошников по просьбе Горбачева созвал расширенное совещание командующих разных уровней. Официально – для «подведения итогов и постановки задач на будущее». Однако главным, естественно, было другое. На совещании выступил Горбачев. В газете говорилось, что он призвал спасти страну от развала, сказал, что здесь его интересы и интересы военных совпадают: единая армия не может существовать без «более или менее» единого Союза.

Но, как писала «Независимая газета», «страстный призыв президента СССР не произвел большого впечатления на собравшихся». Все говорило о том, что армия за Горбачевым не пойдет.

Не думаю, что Горбачев обращался к военным с каким-то «страстным призывом»: у него ведь уже были разговоры с главнокомандующим, позиция Шапошникова для него была совершенно ясна, как и то, что прыгать через голову главнокомандующего было совершенно бессмысленно. Как пишет сам Шапошников, на совещании Горбачев «не сказал ничего существенного, а в конце, как бы раскаиваясь, произнес слова сожаления о том, что мало уделял внимания Вооруженным Силам».

По признанию самого Горбачева, на совещании с военными он «был встречен враждебно».

В этот же день Горбачев получил распоряжение Ельцина о переходе Федерального агентства правительственной связи и информации (ФАПСИ) под юрисдикцию России. То есть Горбачев лишился главного инструмента для организации каких-то силовых действий (возникни у него желание их предпринять), – правительственной связи. Как и в пору большевистского переворота 1917 года связь была главным орудием захвата и удержания власти. Тогда – почта, телефон, телеграф, теперь – тоже телефон, только в тысячу раз более совершенный.

На следующий день, 11 декабря, с руководством Вооруженных Сил, командующими военных округов, командующими армий, многими командирами дивизий встретился Ельцин. Встреча прошла – как говорилось в одном из отчетов – «в теплой, коллегиальной и очень конструктивной обстановке». В отличие от Горбачева, Ельцин не просил поддержки, даже не намекал, что она ему нужна, – напротив, сам обещал сделать для армии все, в чем она нуждается. Наверное, это была более верная тактика, чем общие горбачевские рассуждения и покаяния.

Ельцин, – это опять-таки взято из отчета – «ответил практически на все вопросы, которые волнуют армию», в том числе и по военному бюджету, по финансированию оборонных программ...

Главное же – заверил военных и всю страну, и весь мир (который очень беспокоился о судьбе советского ядерного оружия), что «ни о каком разделе Вооруженных Сил речи быть не может. Международная общественность может не беспокоиться».

На самом деле до раздела советских Вооруженных Сил оставались считанные дни.

«Он не хотел крови»

Любопытное объяснение «миролюбия», проявленного в той ситуации Горбачевым, дает в своих воспоминаниях уже не раз упоминавшийся бывший пресс-секретарь президента СССР Андрей Грачев:

«В ту... памятную ночь (с 7-го на 8 декабря. – **О.М.**) «пущисты» изрядно нервничали – само место встречи выбирали с учетом близости польской границы... Но сотрапезники напрасно тревожились за свою безопасность. Даже если бы маршал Шапошников не изменил своему президенту и Конституции, Горбачев все равно не прибег бы к услугам армии или спецназа, чтобы арестовать заговорщиков. Хотя именно за то, что он не сделал этого, «не выполнив тем самым своего конституционного долга по защите союзного государства», его впоследствии яростно критиковали многие, в том числе и другие, августовские, путчисты – В.Крючков и Д.Язов, сами по необъяснимой причине решившиеся арестовать Ельцина, когда интернированный в Форосе Горбачев не мог этому помешать.

На решительные же меры не пошел он вовсе не потому, что не располагал информацией или не имел достаточных сил и средств, – их требовалось не так уж много. А. Лукьянов, сам, правда, находившийся в это время в Лефортово, утверждал: «Белорусские чекисты» своевременно проинформировали президента СССР и готовы были «накрыть всю эту компанию». Г. Шахназаров уверен: если и не в ту ночь, то в последующие дни Горбачев еще мог бы восстановить в армии единоначалие, несмотря на то, что маршал Шапошников переметнулся на сторону заговорщиков. Дочь Горбачева Ирина тоже считает, «если бы отец захотел, он мог бы заварить большую кашу». Но именно «кровавой каши», остро политического конфликта или, не дай Бог, гражданской войны он и боялся больше всего и хотел избежать, начиная свои реформы. И уж, во всяком случае, не пошел бы на такой огромный риск ради сохранения власти...»

Не хотел и не мог

Думаю, однако, дело не только в исключительном благородстве натуры Горбачева и в его нежелании проливать кровь. Он ведь не раз, еще на дальних подступах к Беловежью, пытался прибегать к силе, чтобы остановить давно уже намечавшееся движение к развалу Союза. Вспомнить события в Тбилиси... В Баку... В Вильнюсе... При этом, правда, действовал не очень решительно и – всегда оставаясь за кулисами, тщательно скрывая свою причастность к тем событиям, хотя всем было ясно, что без его команды «добро» или, по крайней мере, без его молчаливого согласия ничего бы там не произошло. Таков был его стиль. Гайдар, с которым мы говорим на эту тему, соглашается со мной.

– А потом, – добавляет он, – ведь только что случился путч – 19-21 августа его осуществило ближайшее окружение Горбачева. И надеяться на то, что кто-то выполнит его приказ и применит насилие против только что избранного президента России и, без всякого сомнения, самого популярного политика России, было просто несерьезно. В сущности, у Горбачева, чтобы прибегнуть к силе, не было ни одного боеспособного полка. Ни один танк не сдвинулся бы с места...

Я ссылаюсь на ближайших помощников Горбачева – Андрея Грачева, Анатолия Черняева, – уверяющих, что президент СССР не пошел на силовой вариант исключительно из-за нежелания проливать кровь.

– Им, конечно, виднее, они с ним работали больше, чем я, – говорит Гайдар, – они все это видели изнутри, но, опираясь на то, что я знаю, я бы сказал так: вполне возможно, что Горбачев не хотел крови, но то, что при этом у него не было и никаких ресурсов применить насилие в отношении Ельцина и Кравчука, – это не подлежит сомнению. Здесь одно совпадает с другим: вполне возможно, что он не хотел прибегать к силе, но уж совершенно точно, что он и не мог к ней прибегнуть – сил у него не было.

Кстати, и в окружении Горбачева не все разделяли точку зрения, что фактически оставшийся не удел президент СССР, если бы он захотел, мог бы прибегнуть к силе и, кто знает, может быть, добился успеха. 10 декабря на совещании у Горбачева, как раз после того как он вернулся со встречи в Министерстве обороны, Евгений Примаков, человек в ту пору близкий к Горбачеву, прямо сказал:

– У нас никаких силовых возможностей нет. На армию не опереться.

(Реплику привожу по книге «В Политбюро ЦК КПСС...»)

Думаю, это было вполне ясно и самому Горбачеву.

Возможен ли все-таки военный переворот?

11 декабря Горбачев дал пространное интервью редактору «Независимой газеты» Виталию Третьякову (о нем упоминает Анатолий Черняев). В сокращенном виде оно появилось в газете 12-го числа, в полном – 14-го.

Здесь Горбачев вновь утверждал, что «нам нужно союзное государство, «мягкий союз», хотя в реальности никакого союза – ни мягкого, ни твердого, – уже не существовало. Под «мягким» союзом Горбачев подразумевал такой порядок, когда «суверенные государства сами договариваются и сами формируют Центр, который им нужен». При этом как бы забывалось: как только Центр сформирован, он и начинает действовать как Центр, все возвращается на круги своя, никуда от этого не уйдешь, особенно при российско-советской традиции. Недаром Кравчук, как черт от ладана, шараялся от этого слова – «Центр». Лидеры других республик тоже шараялись, но Кравчук особенно. Горбачев не хотел этого

замечать.

Тем не менее, признавая, что «реальность» складывается совсем по-другому, Горбачев настаивал, чтобы все осуществлялось «в конституционных рамках» – чтобы люди сами сделали свой выбор. Если люди – на референдуме – выскажутся за СНГ, он с уважением отнесется к этому выбору, хотя и останется при своем убеждении, что этот путь ошибочный. Если же все будет «базироваться на незаконных приемах», он будет выступать против.

А как против? Журналист спросил, готов ли президент использовать свою роль главнокомандующего в борьбе за собственное понимание, в каком направлении должна двигаться страна. Горбачев категорически заявил, что не собирается использовать эту роль для достижения своих политических целей. По его словам, политик, который встанет на этот путь, «должен быть отвергнут и проклят», та политика, «которая рассчитывает пустить в ход танки» для решения своих задач, не достигнет успеха; «никто не имеет права разыгрывать армейскую карту».

Вопрос на близкую тему: может ли в стране в ближайшее время случиться военный переворот? К этому времени по Москве уже поползли слухи: что-то готовится, что-то будет; в Кремле – группа «Альфа», грузовики с бетонными плитами... То ли демократы что-то замышляют, то ли противники демократии... Горбачев заверил, что все это выдумки. Демократы, – а он включает и себя в их число, – не заинтересованы в перевороте. Как говорится, по определению не заинтересованы: «это же демократы». Что касается «реакционных сил», тут дело тоже достаточно очевидно – по словам Горбачева, эти силы не смогут «собраться после путча, мобилизоваться», им не удастся еще раз использовать армию.

Шаг «принципиальной важности»

Соглашение о создании СНГ было вынесено на рассмотрение российского парламента 12 декабря. Естественно, представил его Ельцин.

Он объяснил депутатам, всем российским гражданам, чем был вызван этот шаг «принципиальной важности» – заключение Соглашения.

– В течение нескольких лет, – сказал Ельцин, – страна переживает глубокий кризис государственности. Разложение мощных органов Центра вело к утрате управляемости, усиливало экономический кризис, падение жизненного уровня населения, увеличивало социальную нестабильность. Еще два года назад стало ясно, что союзные структуры неспособны к коренному обновлению. Наоборот, свои последние жизненные силы командная система бросила на сохранение своего всевластия. Стала главным препятствием реформ. Декларации о суверенитете 1990 года коренным образом изменили ситуацию. Был поставлен крест на унитарной модели Союза. Но понять это не смогли или не захотели. Наоборот, начался многомесячный период (почти год) подготовки Союзного договора...

Ельцин коротко изложил историю того, как вынашивалось это любимое горбачевское детище – Союзный договор. Один за другим появлялись все новые и новые варианты этого документа. В них по сути дела протаскивалась все та же модель Союза с сильным Центром. Суверенитет республик признавался лишь в качестве декоративного украшения, а на деле безжалостно растаптывался. Только в апреле в Ново-Огареве был сделан, наконец, шаг навстречу реальности. Но это произошло слишком поздно: за все время переговоров восемь республик из пятнадцати уже отвернулись от Союза. Тем не менее, у Центра остался соблазн сохранить власть хотя бы над оставшимися республиками. Несмотря на это, республики были готовы пойти на компромисс – подписать Союзный договор, рассчитывая, что в нем будут закреплены четкие правила взаимоотношений республик и Центра. Однако эти надежды были уничтожены в дни августовского путча, который зрел и готовился в недрах союзного руководства. Стало ясно, что не будет прочного Союза, если не устранить главного – самовоспроизводства командных структур Центра... После августа распад СССР

вступил в последнюю стадию, началась его агония. Большинство государств провозгласили свою независимость...

СССР стал банкротом

В числе главных причин, подтолкнувших к отказу от Союза и созданию СНГ, Ельцин назвал уход Украины:

– 1 декабря народ Украины высказался на референдуме за независимость. Украина отказалась подписывать Союзный договор, а последствия этого очевидны: серьезные нарушения геополитического равновесия в мире, эскалация конфликтов внутри бывшего СССР. Это государственные границы, национальная валюта, собственная армия и др. А еще – Украина с ядерным оружием. Заключать договор о Союзе из семи республик, без Украины, оставаться спокойным, ждать очередных согласований, ничего не предпринимать в этих условиях было бы преступно.

Ельцин назвал еще две причины, почему невозможно было дальше медлить с радикальным решением «союзной» проблемы. Первая – опасность нового путча: «Снова все более явно стал обозначаться силовой сценарий развития событий. Призывы восстановить контроль над всей территорией бывшего Союза любыми средствами стали звучать все более громко». Вторая причина – экономическая: «Мировое сообщество стало считать Союз банкротом. Центральный банк заявляет, что ему нечем платить».

По словам Ельцина, была найдена единственно возможная формула совместной жизни в новых условиях – Содружество Независимых Государств, а не государство, где никто не имеет независимости.

– В нынешних условиях, – сказал Ельцин, – только Содружество Независимых Государств способно обеспечить сохранение складывающегося веками, но почти утраченного сейчас политического, правового и экономического пространства. Только Содружество способно упрочить его на новой – добровольной и демократической – основе. Соглашение является базой для динамичного развития нового вида связей между суверенными государствами. Положен конец самому главному препятствию к этому – союзному Центру, который оказался неспособен освободиться от традиций прежней системы, главная из которых – присвоенное право командовать народами, сковывать самостоятельность республик.

Ельцин сказал также, что Соглашение не было каким-то уж очень новым, неожиданным шагом. Главные принципы, положенные в его основу, были согласованы еще год назад, когда четыре республики – Белоруссия, Казахстан, Россия и Украина – собирались заключить четырехстороннее соглашение. Оно тогда, правда, не было заключено, но его основные моменты не устарели.

Империя разорилась

Как мы видели, одной из главных причин, почему советская империя фактически развалилась – еще до всяких беловежских событий, – Ельцин назвал фактическое банкротство государства («Мировое сообщество стало считать Союз банкротом. Центральный банк заявляет, что ему нечем платить»).

Движение советской империи к банкротству началось давно, – с самого того момента, когда, ликвидировав НЭП, «великий вождь всех народов» товарищ Сталин на рубеже 1920-х – 1930-х годов навязал стране негибкую, неспособную адаптироваться к малейшим переменам командную структуру экономики. Разорение крестьянства и – развал сельского

хозяйства, скоропалительное создание «социалистической индустрии», неспособной выпускать конкурентную продукцию (главное – план!), безумное увлечение производством оружия (как же, надо расширять социалистический лагерь, готовить мировую революцию!) – все это вело к тому, что экономика, а вместе с ней и страна, погружались в непролазную трясику.

Единственным спасением до поры, до времени были добыча и экспорт нефти, газа, других земных богатств, коими Господь Бог страну не обделил. Правда, был еще один источник денег – внешние займы. Но вот в середине 1980-х цены на нефть обрушились. Попытки компенсировать это падение за счет «ускорения и перестройки», без серьезных экономических реформ, результата не принесли. За рубежом займы уже не давали. Приближалась катастрофа...

На пороге коллапса

Как-то в разговоре со мной Гайдар признался, что самое тягостное его ощущение от конца 1991 года – пустые магазинные прилавки, нескончаемые мрачные очереди буквально за всем и – общее ожидание неминуемой катастрофы.

То же самое, почти слово в слово он напишет в своей книге «Дни поражений и побед» (впрочем, он это повторит не раз):

«Декабрьская Москва 1991 года – одно из самых тяжелых моих воспоминаний. Мрачные, даже без привычных склок и скандалов, очереди. Девственно пустые магазины. Женщины, мечущиеся в поисках хоть каких-нибудь продуктов... Всеобщее ожидание катастрофы».

Такие тягостные впечатления в ту пору были у большинства людей, заходивших в советские магазины. Но вот уже не впечатление, а бесстрастное, объективное свидетельство – выдержки из справки, полученной правительством, о положении в стране и отдельных регионах на середину ноября 1991 года:

«Продажа мясопродуктов, масла животного, масла растительного, крупы, макаронных изделий, сахара, соли, спичек, табачных изделий, алкогольных напитков, мыла хозяйственного, туалетного и других и других производится, в основном, по талонам...

Отпуск хлеба и хлебобулочных изделий ограничен, реализация молокопродуктов – по мере их поступления – при наличии больших очередей и ограниченного времени торговли.

Архангельская область. Мясопродукты... реализуются из расчета 0,5 кг на человека в месяц... Молоко имеется в продаже не более часа. Масло животное продается по талонам из расчета 200 г на человека в месяц. Талоны не обеспечены ресурсами... Мукой в рознице не торгуют, она поступает только для хлебопечения. До конца года недостаток фондов на муку 5 тыс. тонн. Хлебом торгуют с перебоями. Сахар отпускают по 1 кг в месяц на человека, талоны на него из-за недогруза заводов Украины с июня не отовариваются.

Нижегородская область. Мясопродуктами торгуют по талонам, на декабрь не хватает ресурсов. Молоком торгуют в течение часа. Масло животное реализуется по талонам – 200 г на человека в месяц. Не хватает ресурсов. Растительное масло в продаже отсутствует... С перебоями торгуют хлебом, не хватает зерна на хлебопечение...

Пермская область. На декабрь выдано талонов на масло животное по 200 г на человека, но ресурсов под них нет... Растительного масла в продаже нет... Сахар отсутствует в продаже... Хлебом торгуют с перебоями, при наличии больших очередей. Не хватает муки на хлебопечение».

И так везде. Пустые прилавки. Бесконечные очереди. За всем... Талоны, на которые в действительности ничего купить нельзя.

До беспрецедентно низкой отметки – 289, 6 тонн – сократился золотой запас (для сравнения: трижды проклятое царское правительство в тяжелой ситуации войны

оставило своему преемнику – Временному правительству – 1300 тонн золота). Этих крох уже не хватало на покрытие самых неотложных потребностей страны.

Столь же катастрофичным было положение с валютными резервами. Из справки, предоставленной правительству Внешэкономбанком:

«В связи с крайним обострением платежной ситуации страна в течение года неоднократно оказывалась на грани неплатежеспособности ввиду недостатка ликвидных ресурсов в свободно конвертируемой валюте, о чем неоднократно докладывалось руководству страны.

В конце октября 1991 года ликвидные ресурсы были полностью исчерпаны, в связи с чем Внешэкономбанк СССР был вынужден приостановить все платежи за границу, за исключением платежей по обслуживанию внешнего долга...

...К концу второй декады ноября ликвидных валютных ресурсов ожидается недостаточно даже для выполнения безусловных обязательств государства, и страна может быть объявлена неплатежеспособной».

В справке также говорилось, что в связи с недостатком валюты банк, среди прочих источников, использовал находившиеся на его счетах «средства валютных фондов предприятий, организаций, республик и местных органов власти». Почему-то умалчивалось, что использовались еще и деньги простых граждан.

Егор Гайдар:

«Итак, последний год своего правления коммунисты закончили тем самым, с чего начали 74 года назад, – реквизицией валютных счетов предприятий, организаций и граждан, хранившихся во Внешэкономбанке.

В общем, нет ни хлеба, ни золота. И нет возможности платить по кредитам. А новых ждать неоткуда. Потрясающим сюрпризом для меня это не явилось, и все же до прихода в правительство оставались какие-то иллюзии, надежды, что, может, дела чуть лучше, чем кажется, что есть тайные, подкожные резервы. Но нет, ничего нет!»

Странно, что всего этого Горбачев как бы не видел. Он словно бы парил над землей, возлагая все надежды на спасительный новый Союзный договор, а в международной сфере – на выдуманную им идеалистическо-риторическую фигуру «нового мышления».

Российский парламент ратифицировал Беловежское соглашение

В целом депутаты российского парламента отнеслись к Соглашению благожелательно. Высказывались лишь мелкие замечания, причем их авторы, несмотря на свою сдержанную критику, как правило, призывали ратифицировать обсуждаемый документ. В поддержку Соглашения выступили восемнадцать парламентских фракций.

Против него высказался только Сергей Бабурин (депутатская группа «Россия»), заявивший, что «Соглашение превращает Россию в экономическую кормушку для других республик». При этом он выразил сочувствие августовским путчистам: они, мол, «шли на Голгофу ради спасения Союза».

Ну, прямо не путчисты, а святые апостолы.

В результате поименного голосования постановление о ратификации было принято подавляющим большинством голосов. Против проголосовали шестеро: тот же Бабурин, Исаков, Константинов, Полозков, Лысов, Павлов. Полозков и Лысов вскоре исчезнут с политической сцены, остальные же четверо войдут в состав наиболее оголтелой антиельцинской оппозиции, которая в конце концов приведет страну к кровавому октябрю 1993 года.

12 декабря в Ашхабаде собрались лидеры среднеазиатских республик и Казахстана. Целью встречи было – определить отношение к Беловежскому соглашению. На следующий день ее участники приняли итоговое заявление. В нем говорилось, что в целом они «с пониманием» воспринимают стремление Белоруссии, России и Украины (по алфавиту) «создать на месте ранее бесправных республик объединенные в содружество независимые правовые государства», хотя само Беловежское соглашение явилось для них неожиданностью. Авторы заявления соглашались с тем, что новое Содружество действительно стало необходимостью, но, подчеркивалось, оно возможно только при равноправном участии всех независимых государств – членов бывшего Союза. При этом все государства должны быть соучредителями Содружества, а в документах о его образовании следует учесть «исторические и социально-экономические реалии республик Средней Азии и Казахстана», чего в Беловежье сделано не было. Как бы реагируя на разговоры о «славянском» характере «беловежского» союза, авторы заявления обращали внимание на то, что Содружество не может быть образовано по этническим, конфессиональным или любым другим признакам, нарушающим права человека и народов. Еще один важный момент заявления: Содружество должно признать территориальную целостность и неприкосновенность существующих ныне границ (тут, в этом пункте, прежде всего, отразилось желание Казахстана оградить свои северные земли от посягательств России). Говорилось также о том, что целесообразно обеспечить единый контроль над ядерным оружием и сохранить объединенное командование войсками стратегического сдерживания и военно-морскими силами.

Только при таких условиях участники ашхабадской встречи готовы были стать равноправными соучредителями Содружества независимых государств (Узбекистан здесь откладывал свое решение до президентских выборов – до 29 декабря).

«Горбачеву пора перестать кликушествовать»

На пресс-конференции после встречи (она состоялась там же в Ашхабаде) Назарбаев, возвращаясь к событиям недавних дней, подтвердил, что его приглашали присоединиться к Беловежскому соглашению еще в момент его подписания в Вискулях, но он не стал этого делать без консультаций с соседними братскими республиками, без того, чтобы договориться с ними о единой позиции.

– Я рад, что президент России Борис Ельцин отмежевался от идеи о славянском союзе, – сказал Назарбаев. – Настало время перестать шантажировать друг друга, а президенту Горбачеву пришла пора перестать кликушествовать, что будет война и кровь, перестать внушать народу их неизбежность. Если не будет провокации, то не будет и оснований для беспокойства по этому поводу.

Такими вот словами казахский президент подвел черту под «сепаратными» переговорами, которые вел с ним Горбачев, пытавшийся склонить Назарбаева, а вслед за ним и других азиатских лидеров, на свою сторону (по поводу этих переговоров так тревожился Ельцин). Не удалось склонить. Под «провокацией» же Назарбаев, – это было достаточно ясно, – подразумевал возможную попытку президента СССР прибегнуть к силе, чтобы остановить окончательное разрушение Союза. Назарбаев во всеуслышание предостерегал Горбачева от такой попытки.

Кстати, что Назарбаев имел в виду под шантажом? Не разговоры ли о «тюркском» союзе?

В свою очередь, киргизский президент Аскар Акаев, выступая на той же пресс-конференции, главной ошибкой Горбачева назвал его нежелание принять почти единодушное

предложение республик формировать не союзное государство, а союз независимых государств.

Окончательно решить судьбу «полновесного» СНГ наметили 21 декабря в Алма-Ате, куда пригласили уже все двенадцать бывших союзных республик.

После Ашхабада разговоры о создании «азиатского» пакта в противовес «славянскому», естественно, заглохли.

ВРЕМЯ ДАНО ИМ – ДО НОВОГО ГОДА

Последний слет союзных депутатов

Одновременно с ашхабадской встречей в Москве собралась сессия Верховного Совета СССР. Горбачев, правда, требовал, чтобы собрался Съезд, но мы ведь видели: Съезд еще в сентябре самораспустился. Странники сохранения Союза видели в сессии ВС последнюю спасительную соломинку, за которую еще могла бы уцепиться тонущая держава. «Российская газета»:

«Вечернего заседания (13 декабря. – **О.М.**) иные союзные парламентарии ждали с тайной надеждой на то, что, дескать, Верховный Совет СССР соберется и разложит нынешнюю ситуацию по полочкам. Однако заседание вылилось в шумный неорганизованный митинг людей, во что бы то ни стало стремящихся сохранить свое политическое реноме».

Председатель Совета Республик казахский писатель Ануар Алимжанов пытался направить собрание в какое-то разумное русло – сообщил депутатам об итогах ашхабадской встречи, о том, что там было высказано немало замечаний по Соглашению об СНГ, а потому окончательного решения азиатские лидеры не приняли – пригласили на встречу в Алма-Ату Ельцина, Кравчука и Шушкевича, чтобы из первых уст услышать ответы на все вопросы. По этой причине и нам, увещевал депутатов Алимжанов, было бы целесообразно, все

документы, касающиеся Соглашения, обсудить уже после встречи в Алма-Ате (она намечалась на 21 декабря).

Однако ясно было, что никакого обсуждения уже не получится – ни в этот день, ни позже. Достаточно сказать, что из более чем 370 членов ВС в зале присутствовало лишь 230. К тому же парламенты России, Украины и Белоруссии решили придать «своим» депутатам в союзном Верховном Совете статус наблюдателей, то есть лишить их права решающего голоса.

Вадим Медведев, близкий к Горбачеву человек, печально писал по этому поводу: в связи с тем, что ряд республик отозвал своих депутатов, законного статуса он, Верховный Совет, уже не имеет, это «просто собрание группы депутатов».

В общем, спасения для Союза из союзного парламента не пришло.

...Несколько дней спустя, 17 декабря, российские власти «взяли под контроль» здание союзного Верховного Совета.

Бейкер нарушает протокол

Прибывший в Москву американский госсекретарь Джеймс Бейкер ПЕРВЫМ ДЕЛОМ встретился 15 декабря со своим российским коллегой – министром иностранных дел РСФСР Козыревым. И лишь вечером у него состоялась встреча с его «старым другом» министром внешних сношений СССР Эдуардом Шеварднадзе. Этим как бы подчеркивалось: США меняют свои приоритеты. Впрочем, США и не скрывали, что такая смена действительно произошла. Еще за несколько дней перед этим тот же Бейкер заявил, что Советского Союза больше не существует и основными партнерами Вашингтона становятся республиканские лидеры. Соответственно, в этот раз Бейкер после Москвы предполагал посетить Бишкек, Алма-Ату, Минск, Киев.

Аналогичными были действия Бейкера и на следующий день, 16 декабря. Утром он посетил Ельцина и лишь во вторую очередь, в середине дня, – Горбачева. Обе встречи произошли в Екатерининском зале Кремля. Такое «равенство» в пределах кремлевской территории еще как бы говорило о равенстве двух лидеров, выступавших там в роли «хозяев».

Однако это было иллюзорное равенство. «Известия»:

«Ельцин устроил перед американцами «демонстрацию силы». Он принял госсекретаря в Екатерининском зале Кремля. До вчерашнего дня только высшие руководители Союза встречали в этом зале иностранных гостей. Российского лидера сопровождали главы двух ключевых СОЮЗНЫХ (выделено мной. – **О.М.**) министерств – министр обороны Евгений Шапошников и министр внутренних дел Виктор Баранников».

Вообще-то, это было, конечно, отступление от протокола: российского президента сопровождают союзные министры, но, как уже сказано, то была демонстрация, «демонстрация силы».

На совместной с Бейкером пресс-конференции после встречи Ельцин опроверг появившиеся в прессе сообщения, что 14 декабря он будто бы обсуждал с Шапошниковым кандидатуру Горбачева на пост верховного главнокомандующего Объединенными вооруженными силами СНГ: дескать, упомянутая кандидатура «в этой связи не рассматривалась». Ельцин ушел и от ответа на вопрос, каким ему видится дальнейшая судьба Горбачева, сказав лишь: «Он сам должен определиться».

Смена американских приоритетов, разумеется, доставляла Горбачеву мало радости. Как писали «Известия», Горбачев болезненно воспринял уже слова Бейкера о том, что Советский Союз прекратил свое существование: в интервью журналу «Тайм» президент СССР посетовал, что американский госсекретарь «слишком опережает события». Визит же Бейкера в Москву, по мнению «Известий», еще больше усилит обиду Горбачева: гость отдает явный

приоритет России и ее руководству – дипломатический протокол бесстрастно отразил изменение американского подхода.

Что ж тут, однако, было обижаться? События определенным образом двигались в одном, известном направлении.

Впрочем, в смене приоритетов американцы в тот момент еще не были готовы пойти до конца. Отвечая Козыреву, который «поставил вопрос» об официальном признании американцами независимости России, Бейкер лишь пообещал этот вопрос «внимательно изучить». По его словам, американцы не хотят вмешиваться во внутренние дела СССР, пусть даже бывшего.

Столь же уклончиво о том же самом сказал и президент Буш в разговоре с журналистами в тот же день.

Официальное признание Соединенных Штатов Россия и другие бывшие советские республики получат лишь 25 декабря, после отставки Горбачева.

Горбачев все еще надеется на «возвратный» процесс

В уже упомянутом интервью журналу «Тайм» Горбачеву был задан вопрос, как он оценивает свои личные перспективы:

– Наш журнал выходит в понедельник. Останетесь ли вы к тому времени президентом Советского Союза?

«В понедельник» – это 26 декабря. А разговор происходит за неделю до этого, тоже в понедельник, 16-го. Горбачев отвечает довольно бодро:

– В понедельник? Я уверен, что останусь. Сейчас идет процесс, который возвращает нас на путь создания нового Союза. Мы двигались по этому пути до тех пор, пока референдум на Украине не создал новую ситуацию.

О каком таком «возвратном» процессе он говорит? Ну да, на референдуме Украина проголосовала за независимость, ушла из Союза... Ну так и что? Никаких признаков того, что можно вернуться на путь «создания нового Союза» по-прежнему нет. Да и до украинского референдума другие республики, которые еще вроде бы двигались «по этому пути» (двигались ни шатко, ни валко), сошли с него. Сошли 25 ноября в Ново-Огареве.

Вопрос журнала «Тайм»: каковы «в действительности его, Горбачева, отношения с Ельциным? Ответ Горбачева:

– Мы расходимся по основным концепциям. Я – за сохранение Союза как государства. Я против того, что называю – разрезать пирог и съесть его с чаем (Горбачев рисует на листке бумаги: появляется изображение пирога, перечеркнутого крест-накрест)...

– В таком случае, – следует вопрос, – что вы можете положить в основу вашего партнерства с Ельциным?

– Есть более высокие интересы, – отвечает Горбачев, – которые должны нас объединять. Горбачеву и Ельцину просто никуда от этого не уйти.

– Согласен ли с вами Ельцин в отношении этих более высоких интересов?

– Безусловно, – уверен Горбачев. – На человеческом уровне нет никаких препятствий для того, чтобы вести с ним диалог. Мы разошлись в этой концептуальной проблеме содружества. Кто знает, может быть, я ошибаюсь. Но я твердо уверен в своей правоте. Однако что касается меня, то это не должно мешать нашему сотрудничеству. Я надеюсь, что он чувствует то же самое.

Срок Союзу отпущен – до конца года

17 декабря Горбачев и Ельцин встретились в очередной раз. По сообщениям, Горбачев вынужден был согласиться, что «переход союзных структур в новое качество должен завершиться к концу этого года». Что подразумевалось под таким переходом? Перестанут действовать все союзные структуры. Часть из них переходит под юрисдикцию России, остальные просто ликвидируются. Прекращается деятельность союзного КГБ, Госбанка, Министерства внешних сношений. Упраздняется Межреспубликанский экономический комитет. В Госбанке закрывается президентский счет.

Правда, в некоторых сообщениях в качестве крайнего срока ликвидации союзных структур называлась середина января. Но, в общем, ориентироваться предлагалось на конец года.

Это могло бы случиться еще год назад

В этот же день, накануне предполагаемого визита Ельцина в Италию, в итальянской газете «Република» было опубликовано интервью Ельцина, в котором он сделал ряд любопытных заявлений. В частности, он сказал, что, если бы не было подписано Соглашение об СНГ, обсуждение нового Союзного договора могло бы продолжаться и в следующем году, но по-прежнему безуспешно, поскольку «в республиках очень силен страх перед Центром».

– Самой грубой ошибкой Горбачева, – сказал Ельцин, – было стремление к созданию обширного и могущественного центрального правительства. Если бы была принята идея о конфедерации, а может быть, даже и о федерации (по-видимому, имелось в виду – без сильного Центра. – **О.М.**), то не исключено, что Союзный договор был бы уже давно подписан. Вместо этого мы потеряли массу полезного времени.

На вопрос о том, как и когда возникла идея Содружества, Ельцин вновь, как и при выступлении в российском парламенте, сослался на события годовой давности:

– Впервые об этой идее заговорили в декабре прошлого года, когда советское правительство тормозило реформы. Тогда Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан направили своих представителей в Минск, чтобы изучить вопрос о создании Содружества. Горбачев воспрепятствовал этому плану, однако документы остались, и мы вновь рассмотрели их в Минске 8 декабря. Поэтому, чтобы заключить договор, нам потребовалось всего лишь полтора дня.

В общем-то, непонятно, какие документы годичной давности Ельцин имеет в виду. Была лишь общая идея Содружества. Оставалось «немного» – наполнить ее конкретикой. Единственным «письменным» исходным документом, как мне говорил Гайдар, был черновик соглашения, подготовленный Шахраем, с которым, однако, заранее никто не был ознакомлен.

Следующий вопрос – останется ли армия в прежнем, едином, виде или будет разделена на части? Уже в этот момент становилось ясно, что сохранить единые Вооруженные Силы с единым командованием не получается: Украина создает собственную армию. А Россия? Ельцин ответил, что все типы ядерного оружия, стратегические и тактические ракеты, авиация, военно-морской флот, службы разведки останутся под объединенным командованием. Что касается сухопутных сил, то каждая республика может самостоятельно решать этот вопрос. Россия не хочет создавать собственную армию, и все войска, дислоцированные на российской территории, останутся под объединенным командованием. По словам Ельцина, так считают и другие республики. Правда, Украина желает создать собственную армию, но в этом, как полагает Ельцин, нет никакой опасности, поскольку ядерные и стратегические силы останутся под объединенным командованием.

Было ясно, что уже началось и набирает обороты расчленение армии, возможность которого еще несколько дней назад Ельцин отрицал. В интервью итальянской газете он лишь зафиксировал, каково было положение дел на тот момент, на момент интервью.

Корреспондент полюбопытствовал, у кого будет находиться «ядерный чемоданчик». «Не у Горбачева», – ответил Ельцин. «Может быть, у вас?» – «Перейдем к следующему вопросу», – несколько раздраженно сказал российский президент.

В самом деле, вопрос о том, как будет осуществляться управление ядерным оружием, в тот момент был по-прежнему не решен.

Ельцин о Горбачеве

Довольно подробным был разговор о Горбачеве. Журналист поинтересовался, будет ли он играть какую-нибудь роль в Содружестве.

– Нет, – решительно ответил Ельцин. – Мы будем обращаться с ним достойно и с уважением, которого он заслуживает, однако, поскольку мы решили к концу декабря завершить переходную фазу в стране, то он тоже должен принять свое решение за этот срок.

Был также вопрос, как вообще Ельцин оценивает работу, проделанную Горбачевым, в чем он ошибался. Ельцин сказал, что очень высоко оценивает первую фазу его деятельности, в 1985 – 1986 годах, в начале перестройки. По словам Ельцина, Горбачев «очень много сделал для демократии как во внутреннем, так и во внешнеполитическом плане». Может быть, если бы не было Горбачева, это сделал бы кто-нибудь другой. И, тем не менее, важность его роли и работы очевидна. Однако, начиная с 1987 года, он совершил массу ошибок. Потерял время, не начал экономическую реформу, действовал полумерами

– Но я не хочу плохо говорить о Горбачеве, – продолжал Ельцин. – Повторяю: я уважаю и ценю все то, что он сделал. Если он решит уйти в отставку, Россия возьмет на себя всю ответственность, гарантируя ему приличную пенсию и подобающее отношение.

Вопрос, который тогда интересовал всех, причем не только в нашем отечестве, но, как видно и из этого интервью, также за рубежом:

– Складывается впечатление, что, несмотря на хорошие «рабочие отношения», вы всегда недолюбливали друг друга в личном плане...

– В последние месяцы наши отношения были достаточно хорошими, – сказал Ельцин. – Конечно, нас никогда не связывала дружба. Не могу сказать, что со мной всегда хорошо обращались с человеческой точки зрения, особенно в 1987 году (когда Ельцина, мы помним, «растоптали» на октябрьском пленуме ЦК КПСС, а затем освободили от должности первого секретаря Московского горкома. – **О.М.**) Однако после путча, когда Горбачев понял, что коммунизм и рыночная экономика не могут сосуществовать, наши отношения улучшились, стали более тесными. Если бы так было с самого начала, все было бы гораздо проще.

Накануне своего визита в Италию Ельцин дал также интервью первому каналу итальянского телевидения. Там также был вопрос о Горбачеве – где он допустил наибольшие ошибки?

– Я бы не стал говорить о его ошибках, – сказал Ельцин, – с точки зрения этики это было бы некрасиво. Мы, как и весь мир, уважаем его за то, что он сделал, особенно в первые годы перестройки, начиная с 1985 – 1986 годов, даже если в 1987 году он и начал совершать ошибки, которые привели страну к нынешнему негативному периоду. Он думал соединить невозможное: коммунизм с рынком, собственность народа с частной собственностью, многопартийность с КПСС. Это – невозможные союзы. Он же хотел добиться их, и в этом-то и заключалась его основная стратегическая ошибка. Еще раз повторяю: я не хотел бы говорить о них. Мы должны уважать Горбачева как Президента Союза, который сделал многое для своей страны.

Как видим, бывший партработник, бывший кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Ельцин теперь довольно резко отзывался о коммунистических идеях...

Кстати, среди прочего, корреспондент «Республики» поинтересовался, какой,

собственно говоря, «политической идеологии» придерживается сейчас Ельцин, ведь в прошлом он входил в коммунистическую партийную номенклатуру.

– С коммунизмом покончено, – решительно ответил Ельцин. – Это был трагический эксперимент, в который, к сожалению, была втянута не маленькая страна с тремя миллионами жителей, а огромное государство. Сейчас мне близка социал-демократическая идея.

К «социал-демократической идее», как мы знаем, в итоге пришел и Горбачев.

Разговаривая с Гайдаром в апреле 2009 года, я поинтересовался его мнением – в какой мере разрушительную роль для Союза сыграло противостояние Ельцина и Горбачева, желание Ельцина отрешить Горбачева от власти.

– Да, у них были тяжелые личные отношения, – сказал Гайдар, – но я не думаю, что это было существенным фактором.

– Есть же такая версия, что Ельцину хотелось во что бы то ни стало отстранить от власти Горбачева и для этого он, дескать, развалил Советский Союз.

– Советский Союз он не развалил – он оформил его развал (имеется в виду – оформил вместе с другими республиканскими лидерами. – **О.М.**)

– Но все-таки в какой-то мере, как вы полагаете, вражда с Горбачевым подталкивала его в его действиях в эту сторону?

– Это, в общем-то, был достаточно объективный процесс. А Борис Николаевич был человеком с вполне государственным мышлением, и для него было гораздо важнее как-то решить вопрос с Советским Союзом, чем бороться с Горбачевым. Другое дело, что в общественном сознании все представало так, что за все происходившее в это время отвечают Горбачев и Ельцин.

Пусть меня простит Егор Тимурович, но я не думаю, что общественное сознание, общественное мнение тут сильно ошибалось. Ключевую роль в том, что тогда происходило, действительно играли два человека – Горбачев и Ельцин. От этого никуда не денешься. Такое нередко бывает в истории. А уж в истории России подавно.

В Беловежье был совершен государственный переворот?

18 декабря Горбачев дал интервью журналистам «Комсомолки». Как вспоминал потом сам бывший президент СССР, «разговор был, что называется, с размахом» (здесь, конечно, я изложу его коротко). Журналисты спросили его, не считает ли он, что в Беловежье был совершен государственный переворот. Горбачев:

– Я не скажу, что это государственный переворот... Союз трансформировался в Содружество... Тут ничего неестественного, сверхъестественного нет. Раз на смену одной системе приходит другая, то она имеет свои особенности, свои законы развития и существования. Тут все объяснимо. Но вот как переходить к этому? Откровенно скажу, я все время осаживаю моих коллег, чтобы они не выпрыгивали за пределы Конституции, за пределы правового подхода. Это очень важно. Ибо у людей появилось даже ощущение, что произошел своеобразный переворот, только без танков. И я Борису Николаевичу (17 декабря) порекомендовал: если вы настоящие демократы, если вы за реформы, если вы идете к правовому государству, то вы должны все делать, исходя из демократических ценностей и на основе демократических правил...

За пределы какой Конституции Горбачев призывает «не выпрыгивать» своих коллег – республиканских руководителей? За пределы Конституции СССР? Но такого государства уже нет...

По наблюдениям собеседников Горбачева, его позиция по отношению к тому, что произошло в Беловежье, в последние дни «стала лояльнее, мягче...»

Нет, это не совсем точно, возразил Горбачев. Просто всякий политик должен

считаться с реальностью, поэтому он, Горбачев, будучи политиком должен УВАЖАТЬ «этот процесс»; но его позиция не изменилась: он по-прежнему – за конфедеративное государство; при этом он будет всеми силами помогать, чтобы в результате беловежского процесса «что-то родилось живое, а не выкидыш какой-то очередной».

Ощущает ли он себя в сложившейся обстановке оппозиционным политиком?

– Нет, – решительно сказал Горбачев. – Хотя в концепцию Содружества не верю. Но, раз на это пошли республики, я не могу, не считаю возможным в нынешней сложнейшей ситуации противостоять до такой степени, чтобы расколоть общество... Есть интересы, которым я подчиняюсь и как политик, и как человек. Если создание Содружества поможет согласию людей, надо смирить свою гордыню.

Последний вопрос «Комсомолки»: Горбачев уже говорил со многими политиками мира – как он их ориентировал? Ответ Горбачева:

– Однозначно: надо помочь реформам. Через Содружество, – так через Содружество. Лишь бы содействовать демократии и реформам...

Последнее обращение Горбачева к «разрушителям» СССР

В последний раз к «разрушителям» СССР Горбачев обратился 18 декабря, за несколько дней до их, «разрушителей», решающей встречи в Алма-Ате. Он уже не протестовал, не доказывал гибельность того пути, на который они встали, не призывал их одуматься, повернуть назад, прекрасно понимая, что назад пути уже нет. Горбачев смирился. Он лишь желал напомнить то, что, по его словам, было «для всех очевидно» (на самом деле – не для всех), – что переход к Содружеству Независимых Государств «будет происходить в обстановке глубочайшего экономического, политического и межнационального кризиса, значительного снижения жизненного уровня». Его целью было «очертить минимум положений, без которых Содружество в современных условиях... не сможет стать жизнеспособным».

Вот некоторые из этих положений.

По словам Горбачева, должно быть четко зафиксировано, что Содружество – это МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ образование, в котором абсолютно равны не только входящие в него государства, но и все национальности, все религии, обычаи и традиции.

Чтобы подчеркнуть это равенство, Горбачев предлагал назвать Содружество не СНГ, а СЕАГ – Содружество Европейских и Азиатских государств.

Очень важный вопрос – гражданство. Когда на практике начнется процесс размежевания, это окажется болезненным для очень многих, – для тех, кого судьба занесла «не в ту» республику, где он должен бы жить по рождению, взрослению, кто живет в смешанном браке и т.д. Поэтому следующее предложение Горбачева – наряду с гражданством соответствующего государства ввести норму «гражданин Содружества».

Далее, что, по мнению Горбачева, обязательно необходимо сделать, – на основе Договора об Экономическом сообществе создать общий «евразийский рынок».

И, конечно, коллективным должен быть контроль за состоянием и содержанием вооруженных сил, за проведением военной политики. «Малейшие попытки дезинтегрировать эту систему, – пишет Горбачев, – чреватые бедой международного масштаба».

Еще одно предложение Горбачева – Содружество должно быть субъектом международного права, иметь какую-то единую структуру по делам внешних сношений. При этом единая внешняя политика СНГ, как полагает Горбачев, должна опираться на выдвинутые им принципы «нового мышления»:

«Так же, как все члены Содружества, очевидно, подтвердят свою приверженность принципам современной демократии (свободные выборы, разделение властей, политический, идейный, религиозный плюрализм, правовое государство, гражданское общество, права

человека), они должны воспринять и внешнеполитический курс, построенный на новом мышлении. Он получил признание во всем цивилизованном мире».

По словам Горбачева, необходимо также координировать государственную политику в области науки и культуры. Иначе будет нанесен непоправимый урон духовному развитию всех народов, входящих в СНГ.

Наконец, Горбачев предлагал провести заключительное заседание Верховного Совета СССР, который принял бы постановление о том, что Советский Союз прекращает свое существование и все его законные права и обязанности передаются Содружеству Европейских и Азиатских Государств. Это необходимо для того, чтобы в новую историческую эпоху мы вошли «с достоинством, с соблюдением норм легитимности».

«Таковы мои самые общие соображения, – писал в заключение Горбачев. – Они продиктованы ответственностью за конечный успех ВЕЛИКОГО ДЕЛА, НАЧАТОГО В 1985 ГОДУ (выделено мной. – **О.М.**)»

В 1985 году, на апрельском пленуме, Горбачев действительно начал великое дело, однако вряд ли кто-либо из собравшихся в Алма-Ате вспоминал и думал об этом. Мысли этих людей были поглощены совсем другим. Не знаю, читал ли кто-либо из них это обращение Горбачева, но ни одно из его предложений – ни о названии СЕАГ, ни о гражданстве Содружества, ни о единой структуре СНГ (или СЕАГ) по делам внешних сношений, ни о заключительной сессии Верховного Совета СССР, которая поставила бы точку в существовании советской державы, – не было принято.

(Правда, непосредственно перед встречей в Алма-Ате у Назарбаева также была идея несколько подправить название СНГ, примерно в том же духе, как это предлагал Горбачев, – назвать новую структуру Евразийским Содружеством Независимых Государств, ЕАСНГ, но она также не была реализована).

В этот же день, 18 декабря, лишь одна из палат союзного Верховного Совета – Совет Республик – приняла заявление, в котором «выразила понимание» Беловежского соглашения «как реальной гарантии выхода из острейшего политического и экономического кризиса».

Пресс-служба Горбачева опровергает...

18 декабря в некоторых газетах и на лентах информагентств появилось сообщение о том, что Горбачев уже подписал указ о своей отставке «с открытой датой». «Это не соответствует действительности», – сказал агентству Рейтер один из сотрудников аппарата Горбачева. По его словам, никакого такого документа не проходило «через их руки».

В общем-то, все понимали, что дело идет к отставке Горбачева, а подготовлен ли уже соответствующий документ или еще нет, – это уже не так важно, это детали.

Народ не поддерживает Горбачева

Как уже говорилось, получив известие о заключении Беловежского соглашения, Горбачев призвал к созыву чрезвычайного Съезда народных депутатов СССР и даже пригрозил напрямую обратиться к народу за поддержкой. Со Съездом ничего не получилось, но и народ вряд ли поддержал бы президента. По опросу, который в ту пору, с 16 по 23 декабря, «Российская газета» провела вместе с Центром сравнительных социальных исследований, подавляющее большинство российского населения (68,3 процента) не усматривали необходимости в созыве Съезда. Если же Горбачев обратился бы к народу за поддержкой, около 70 процентов отказали бы ему в ней. Наконец, более 62 процентов высказались за то, что он должен уйти в отставку.

ТОЧКА ПОСТАВЛЕНА В АЛМА-АТЕ

В СНГ – уже одиннадцать членов

Основным документом, который подписали одиннадцать республик 21 декабря в Алма-Ате, был Протокол к Соглашению, подписанному тремя «славянскими» республиками 8 декабря в Беловежье. В нем говорилось, что уже не три, а эти самые одиннадцать стран – Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан и Украина, – «на равноправных началах и как высокие договаривающиеся стороны» образуют Содружество Независимых Государств. Протокол стал «составной частью» Беловежского соглашения.

В Декларации, которая также была принята в Алма-Ате, еще раз подтверждалось, что Советский Союз прекращает свое существование, что на его месте образуется Содружество Независимых Государств, в которое теперь входят одиннадцать бывших союзных республик, что СНГ не является ни государством, ни надгосударственным образованием, что все его участники признают и уважают территориальную целостность друг друга и нерушимость существующих границ. Вновь подтверждалось, что будет сохранено объединенное командование военно-стратегическими силами и единый контроль над ядерным оружием, хотя всем было понятно, что такое командование и такой контроль – всего лишь успокоительная (для Запада) и реально неосуществимая декларация.

Впрочем, по ядерному оружию в Алма-Ате было подписано отдельное, более конкретное Соглашение.

Горбачева решено проводить с почетом

Среди прочих вопросов, которые решались в Алма-Ате, был вопрос о Горбачеве. Его обсуждали при плотно закрытых дверях – даже ближайших помощников удалили. Действительно вопрос деликатный. Из того, что стало известно в дальнейшем, следовало: в общем-то, все пришли к согласию, что к обреченному на скорый уход президенту СССР надо отнестись с надлежащим почтением. В частности, Назарбаев, как бы чувствуя свою вину перед Горбачевым, который после беловежских событий именно его долго увещевал сохранить верность Союзу, заявил: лично он, дескать, сделает все от него зависящее, чтобы проводить союзного президента с максимальным почетом и никоим образом не ущемить его самолюбие.

Впрочем, согласие насчет проводов и «пенсионного обеспечения» Горбачева было, по-

видимому, достигнуто не сразу. Первоначально, еще до алма-атинской встречи, уходящий союзный президент представил собственные пожелания непосредственно российскому президенту. В своих мемуарах Ельцин так об этом пишет:

«Список претензий Горбачева – его «отступная», – изложенных на нескольких страницах, был огромен. И практически весь состоял из материальных требований... Психологически его расчет был очень прост: раз вы так хотите от меня избавиться, тогда извольте раскошелиться. Но я старался вести себя твердо и сказал, что вынесу этот вопрос на Совет Глав государств.

А на Совете многие выступили за то, чтобы вообще лишить экс-президента всего, оставить сумму, которую имеет у нас обычный пенсионер. Я же предложил создать прецедент достойного ухода главы государства в отставку, без атмосферы скандала. Почти все, что просил Горбачев, за исключением чего-то уж очень непомерного, ему дали».

О том, что конкретно наметили предложить Горбачеву для его пенсионной жизни, Ельцин в общих чертах рассказал на встрече с редакторами российских газет 24 декабря: уходящему президенту СССР будет назначена пенсия в размере зарплаты, которую он получал на президентском посту, с последующей индексацией, предоставлены госдача (правда, не та, которую он до сих пор занимал), две автомашины и охрана в количестве двадцати человек (включая водителей и обслугу).

Все же, забегая вперед, скажу, что на самом деле особо почетными проводы Горбачева не были, а уж о бережном отношении к его самолюбию и говорить не приходится. Хотя некоторые из постигших его «обид» были преувеличены прессой.

ГОРБАЧЕВ УХОДИТ

Он призывает поддержать Россию

Осознав, что назад пути нет, что Союз распался и вместо него образовалось СНГ, в центре которого, как ни крути, стоит Россия, Горбачев не уставал заверять о поддержке и Содружества, и России, просил своих недавних зарубежных коллег оказывать России всяческую помощь. 23 декабря, когда ему в шесть вечера позвонил английский премьер Джон Мейджор (в этот момент Горбачев беседовал с Ельциным) Михаил Сергеевич обратился к нему с призывом оказывать всяческую поддержку СНГ и России:

– У меня просьба: будьте очень внимательны к тому, что у нас происходит. И надо помочь Содружеству, прежде всего – России. Это сейчас – главное. Отбросить все рутинные подходы, поддержать усилия, направленные на реформы. Сейчас самое главное – поддержать Россию. Именно здесь сейчас самое большое социальное напряжение, самая острая ситуация – в Москве, в Питере, на Урале. Давайте окажем поддержку – мы здесь, а вы там – Ельцину, чтобы он смог добиться успеха, ибо это касается всех нас. Сейчас нам необходимо, во-первых, продовольствие, во-вторых, лекарства, в-третьих, корма – зерно, соевый шрот, протеины... Нужна также финансовая помощь, чтобы рубль стал крепким и стабильным. Джон, нельзя жалеть на это 5 – 10 – 15 миллиардов. В противном случае, если процесс преобразований, над которыми мы работали вместе, будет сорван, придется всем заплатить цену в десять, в сто раз большую.

Наверное, в значительной мере этот призыв Горбачева к Мейджору был адресован ушам Ельцина, присутствовавшего при разговоре, однако он действительно отражал

изменившуюся позицию Горбачева: все, противостояние кончилось, он проиграл – ничего не поделаешь, – но теперь надо думать о будущем, спасти то, что осталось на руинах распавшегося Союза, прежде всего – Россию.

О самой этой встрече Андрей Грачев вспоминает так:

«Сразу же по возвращении Ельцина (из Алма-Аты. – **О.М.**) они договорились о встрече для обсуждения условий «сдачи» Кремля. Она состоялась 23 декабря в Ореховой гостиной и продолжалась почти десять часов. За это время... президенты, к которым в роли своеобразного секунданта присоединился А.Яковлев, в неспешном мужском разговоре получили, казалось, возможность не только обсудить технические процедуры перехода государственной власти от Союза к России – передачу архивов Политбюро и личного, так называемого сталинского архива Президента, а также ядерных кодов, – но и окончательно выяснить отношения. Договорились об условиях отставки Горбачева: президентская пенсия, дача, автотранспорт, охрана, помещение для «Горбачев-Фонда» в бывшей «Ленинской школе» для активистов из братских компартий. [Ельцин с подозрением отнесся к этой непонятной для него структуре (то есть к «Горбачев-Фонду» - **О.М.**), считая, что она может стать «гнездом оппозиции». Горбачев заверил его в том, что у него нет таких намерений]. Обсудили планы российского президента по реформированию экономики – в первые же недели 1992 года скомпонованная Бурбулисом команда Гайдара предполагала «перейти Рубикон» и отпустить на свободу почти все цены.

Ельцин, рассчитывавший на основании их заверений, что к осени экономика придет в себя после первого шока «рыночной терапии», попросил «хотя бы первые полгода его не критиковать». Михаил Сергеевич пообещал, что будет поддерживать его, «пока тот будет двигать вперед демократические реформы».

Условились, что 25-го, сразу после выступления по телевидению с заявлением об отставке Борис Николаевич придет к нему в кабинет для передачи ядерных шифров. Горбачев на следующий день, дозвонившись до Буша и распрощавшись с ним, сказал: «Можете спокойно отмечать с Барбарой Рождество. Завтра я ухожу в отставку. С «кнопкой» все будет в порядке». Он пообещал до Нового года освободить свой кремлевский кабинет для нового хозяина. Ельцин не возражал, тем более что ждать оставалось недолго.

После того как все переговорили и делить вроде было больше нечего, кроме разве что будущего места в истории, около десяти часов вечера президенты распрощались».

На пресс-конференции, состоявшейся в этот же день, госсекретарь РСФСР Геннадий Бурбулис заявил, что «персональные судьбы тех политических деятелей, которые непосредственно и лично участвовали в демонтаже тоталитарного режима, ни в коем случае не будут ущемлены». По словам Бурбулиса, Михаил Горбачев «не будет безработным», но направление его деятельности, в которой он будет готов и пожелает себя проявить, будет зависеть от него.

Не знаю, предлагалась ли Горбачеву какая-либо работа после того, как он уйдет в отставку, выражал ли он сам желание получить какой-либо государственный пост, но никакого поста, никакой должности ни в СНГ, ни в Российской Федерации, ни где-либо еще он так и занял. Хотя, наверное, мог бы занять.

«Я сделал все, что мог»

Незадолго перед отставкой у Горбачева в Кремле состоялась встреча с большой группой редакторов и тележурналистов. Снова зашел разговор о том, почему он не прибегает к помощи армии. Горбачев (в изложении Андрея Грачева):

– Считаю, что политик, использующий вооруженные силы для достижения своих политических целей, не только не заслуживает поддержки, но должен быть проклят. Армию надо использовать по ее прямому назначению. Политика, рассчитывающая пустить в ход танки, не достигает цели. Это тупик...

Дальше Грачев вспоминает:

«Об отставке (Горбачев. – **О.М.**) сказал, как о деле решенном и обдуманном:

– Я сделал все, что мог. Придут другие, может быть, лучше сделают. Изменение условий жизни меня не пугает. Наша семья не избалована. И вообще, может быть, этот перелом в жизни мне даже необходим, – закончил он неожиданно бравурно, чтобы избежать новых сочувственных расспросов.

Настырные журналисты из американской Си-Би-Эс, не удовлетворившись такой бравадой, поставили вопрос в лоб: «Вы не считаете, что Ельцин и другие лидеры республик вас унижают?» В ответ – демонстративная отрешенность, явно используемая для защиты раненого самолюбия:

– Я оставляю это на совести этих людей. Мне приходится быть выше эмоций!

Горбачев как будто предчувствовал, что в жизни, которая ждала его после отставки, еще не раз придется вставать «над эмоциями». Он, правда, не предполагал, что потребность в этом может возникнуть совсем скоро...»

Прощальное выступление Горбачева

Горбачев собирался выступить с прощальной речью 24 декабря, чтобы «не тянуть». Однако Грачев посоветовал ему отложить выступление на один день, «чтобы не портить рождественский вечер» для миллионов его почитателей на Западе. Так что выступление состоялось 25-го.

Дорогие соотечественники! Сограждане! сказал президент. В силу сложившейся ситуации с образованием Содружества Независимых Государств я прекращаю свою деятельность на посту президента СССР.

По словам Горбачева, он принимает это решение по принципиальным соображениям:

Я твердо выступал за самостоятельность, независимость народов, за суверенитет республик. Но одновременно и за сохранение союзного государства, целостности страны. События пошли по другому пути. Возобладала линия на расчленение страны и разъединение государства, с чем я не могу согласиться.

Как убежден Горбачев, решения подобного масштаба должны приниматься на основе народного волеизъявления. Тем не менее, он не будет препятствовать реализации принятых соглашений, напротив, будет делать все, что в его силах, чтобы они привели к подлинному согласию в обществе, облегчили бы выход из кризиса и способствовали бы продвижению реформ.

Выступая в качестве президента в последний раз, Горбачев бросил взгляд на тот путь, который был пройден, начиная с 1985 года:

Судьба так распорядилась, что, когда я оказался во главе государства, уже было ясно, что со страной неладно. Всего много: земли, нефти и газа, других природных богатств, да и умом, и талантами Бог не обидел, а живем куда хуже, чем в развитых странах, все больше отстаем от них. Причина была уже видна – общество задыхалось в тисках командно-бюрократической системы. Обреченное обслуживать идеологию и нести страшное бремя гонки вооружений, оно на пределе возможного. Все попытки частичных реформ, а их было немало, терпели неудачу одна за другой. Страна теряла перспективу. Так дальше жить было нельзя. Надо было кардинально все менять.

По признанию Горбачева, процесс обновления страны и коренных перемен оказался куда более сложным, чем можно было предположить. Однако в результате и это самое

главное общество получило свободу, раскрепостилось политически и духовно. Была ликвидирована тоталитарная система, совершен демократический прорыв реальными стали свободные выборы, свобода печати, многопартийность. Права человека признаны высшей ценностью. Началось движение к многоукладной экономике, к равноправию всех форм собственности... Если говорить о делах международных, мы живем в новом мире: покончено с «холодной войной», остановлена гонка вооружений и безумная милитаризация страны, изуродовавшая нашу экономику, общественное сознание и мораль. Снята угроза мировой войны.

Далее следовала самая больная для Горбачева тема, то, на чем он споткнулся, что стало для него трагедией:

Поиски демократического реформирования многонационального государства вывели нас к порогу заключения нового Союзного договора...

Но из-за «нарастающего сопротивления сил старого, отжившего, реакционного», низкого уровня политической культуры, боязни перемен было потеряно много времени...

...Старая система рухнула до того, как успела заработать новая. И кризис общества еще больше обострился... Августовский путч довел общий кризис до предельной черты. Самое губительное в этом кризисе – распад государственности. И сегодня меня тревожит потеря нашими людьми гражданства великой страны – последствия могут оказаться очень тяжелыми для всех.

Однако последнее, главное, пожелание уходящего президента все же связано не с надеждой на какое-то восстановление в том или ином виде прежнего государства и государственности «жизненно важным» ему представляется сохранить демократические завоевания последних лет. По словам Горбачева, «они выстраданы всей нашей историей, нашим трагическим опытом, от них нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах и ни под каким предлогом».

Я покидаю свой пост с тревогой. Но и с надеждой, с верой в вас, в вашу мудрость и силу духа, сказал в заключение Горбачев. Мы наследники великой цивилизации, и сейчас от всех и каждого зависит, чтобы она возродилась к новой современной и достойной жизни.

«Проводы» Горбачева

Ельцину это выступление почему-то очень не понравилось. И его недовольство наложило отпечаток на всю конечную фазу его отношений с Горбачевым, в частности, как уверен Вадим Медведев, на процедуру передачи «ядерной кнопки» и на процесс «вытеснения» Горбачева из Кремля.

25 декабря, сразу же после прощального обращения Горбачева, его заявления об отставке и краткой пресс-конференции состоялась церемония передачи «ядерной кнопки». Ельцин на эту церемонию не явился.

«Мне передали, – пишет Горбачев в своей книге «Декабрь-91. Моя позиция», – что президент России недоволен моим выступлением, возмущен и отказывается прибыть, как мы условились, в назначенное время. Предлагает встретиться «в нейтральном месте» (?)»

«Кнопку» приняли министр обороны маршал Шапошников и офицеры, которые ее технически обслуживают.

Что могло не понравиться Ельцину в «отставном» выступлении Горбачева? Может быть, то, что Горбачев вновь, на всю страну заявил, что решения о «расчленении страны», «разъединении государства» должны приниматься «на основе народного волеизъявления», а не так, как это было сделано в реальности? Или, может быть, Ельцин посчитал, что Горбачев приписал себе чересчур много заслуг (тут и предоставление гражданам свободы,

раскрепощение их, ликвидация тоталитарной системы, свободные выборы, свобода печати, многопартийность, признание прав человека высшей ценностью...)? Уж он-то, Ельцин, хорошо знал, что многое из этого было достигнуто не благодаря Горбачеву, а в борьбе с ним. Или наконец, воспринимая выступление Горбачева на слух, Ельцин решил, что уходящий президент СССР отнес и его, Ельцина, к «силам старого, отжившего, реакционного», к людям с «низким уровнем политической культуры», которые торпедировали подписание Союзного договора? В конце концов, именно он, Ельцин – учитывая, правда, позицию Кравчука, – нанес последний удар по Союзному договору на заседании Госсовета 25 ноября минувшего года.

Еще одна версия, касающаяся причины ельцинского раздражения, принадлежит Грачеву. Он предполагает, что гнев Ельцина вызвало достоинство, с которым Горбачев произнес свою прощальную речь: «видимо, именно это достоинство человека, который, даже уступая свое место другим, вынуждал их его догонять».

Ну, это вряд ли. Ельцин и сам умел держаться с достоинством в тяжелых для него ситуациях. «Догонять» в этом отношении Горбачева у него не было причины.

Так или иначе, но раздражение у Ельцина горбачевское выступление действительно вызвало немалое.

«Проводы» президента СССР также были довольно пренебрежительными, унижительными. Горбачев:

«Никаких других процедур проводов президента СССР (если не считать упомянутой процедуры передачи «ядерной кнопки». – **О.М.**), как это принято в цивилизованных государствах, не было. Ни один из президентов суверенных государств – бывших республик СССР, хотя с большинством из них меня связывали многолетние близкие, товарищеские отношения, не считал возможным не только приехать в эти дни в Москву, но и не позвонил мне. Б.Н. Ельцин же очень торопился... Некорректно, неточно по фактической стороне и в довольно грубой форме информировал журналистов о нашей с ним встрече 23 декабря. Затем последовали и другие шаги, оставившие не только у меня, но и у общественности неприятное ощущение».

Не все, правда, шаги были общественности известны. Так, по свидетельству Грачева, Ельцин потребовал изъять и опечатать архив Ставропольского крайкома партии, относящийся к периоду горбачевского правления. Как замечает Грачев, этот архив, похоже, интересовал его больше, чем «сталинский».

* * *

Вечером 25 декабря над Кремлем был спущен красный флаг. Его место занял российский триколор.

Прощание с журналистами

Пренебрежительное отношение к уходящему Горбачеву со стороны российских и «эсэнгэвских» функционеров в какой-то степени компенсировали сотрудники и друзья Горбачева, журналисты, наши и иностранные, которые «дежурили» в Кремле чуть ли не круглые сутки, движимые не только профессиональным интересом, но и «искренними чувствами» к Горбачеву.

На следующий день после своего прощального выступления, 26 декабря, Горбачев устроил прощальный прием для журналистов в гостинице «Октябрьская». Здесь, в своем выступлении, он вновь повторил, что самое главное теперь – отбросить все разногласия и

«помочь стране двинуть реформы».

– Если руководство России, ее президент потерпят неудачу на этом этапе реформ, – сказал Горбачев, – то мы все потерпим неудачу. Это должно быть абсолютно ясно.

Горбачев сослался на разговоры, которые ведутся в последние дни: не возглавит ли он теперь оппозицию? Кто-то даже считал, что только в этом случае Горбачев сможет реализовать, себя.

– А я задаю вопрос: против кого? – обратился к журналистам Горбачев. – Против какого курса, какой политической линии?.. Отвечая на соответствующий вопрос президента Ельцина, я сказал, что до тех пор, пока руководство России будет придерживаться курса на демократические преобразования и реформы, оно может рассчитывать не только на [мою] поддержку, но и на защиту. Все, чем располагаю я и те, кто останется со мной сотрудничать, будет использовано именно для этого. Ну а если дело пойдет иначе и возникнет другая ситуация, тогда будут оценка, анализ и, естественно, реакция. Но я надеюсь на продолжение реформ. И значит, никакими оппозиционными делами я не мыслю заниматься... По большому счету у меня расхождений с направленностью реформ и демократических преобразований в России нет.

В дальнейшем Горбачев, в общем-то, не принял реформы Ельцина – Гайдара, оценивал их резко отрицательно. Впрочем, и активным оппозиционером не стал. Вряд ли по своему характеру, по своей природе он был на это способен. Да и возраст уже не располагал к активной оппозиционной деятельности.

Дань уважения великому человеку

В отличие от бывших советских соратников Горбачева, мировые лидеры откликнулись на его отставку подобающим образом.

Вечером 25 декабря Джордж Буш прервал свой отдых в загородной резиденции Кэмп-Дэвид и возвратился в Вашингтон, чтобы обратиться к стране по случаю отставки советского президента (весьма необычный жест).

«Я бы хотел выразить публично и от имени американского народа, – сказал Буш, – свою благодарность ему за годы неизменной приверженности миру во всем мире и свое личное уважение к его интеллекту, дальновидности и мужеству. Благодаря президенту Горбачеву произошло одно из самых важных событий этого столетия – революционная трансформация тоталитарной диктатуры и вызволение его народа из ее удушающих объятий».

На этот раз президент США объявил об официальном признании России и других бывших советских республик.

Столь же высоко оценили сделанное Горбачевым и его личность другие ведущие западные политики.

Премьер Великобритании Джон Мейджор:

«Очень немногим людям дано изменить ход истории. Но именно это сделал Горбачев».

Президент Франции Франсуа Миттеран:

«Я приветствую его как самого выдающегося человека в истории нынешнего столетия, добившегося появления демократии в своей стране, завершения «холодной войны» и разоружения».

Канцлер Германии Гельмут Коль:

«В течение почти семи лет, что он стоял во главе государства, Горбачев осуществил революционные перемены у себя дома и реформировал внешнюю политику СССР... Михаил Горбачев вывел свою страну из семидесяти лет паралича и угнетения... Решающий вклад Михаила Горбачева в объединение Германии и начало новых взаимоотношений между нашими народами никогда не будет забыт».

Премьер-министр Канады Брайан Малруни:
«Горбачев, безусловно, является одним из ведущих государственных деятелей XX века, и он будет признан как один из величайших реформаторов современной истории».

Президент Австрии Курт Вальдхайм:
«Горбачев открыл путь для свободы и демократии в Восточной Европе... Именно потому, что он не поддавался искушению власти и был зачинателем глубоких реформ, сегодня Михаил Горбачев превратился в личность, принадлежащую истории».

Бывший премьер Великобритании Маргарет Тэтчер:
«Это великий человек... Он вернул свободу странам Восточной Европы... Он впервые подарил ее народам Советского Союза. Настоящую личную и политическую свободу. Это огромное свершение...»

Бывший президент США Рональд Рейган:
«Михаил Горбачев останется навсегда в истории... Люди Советского Союза и люди всего мира, любящие свободу, должны высказать много слов благодарности Михаилу Горбачеву».

Горбачева выселяют из Кремля

Недовольство Ельцина прощальным выступлением Горбачева, видимо, сказалось и на том, как Горбачева выселяли из Кремля. По рассказам, происходило это не очень пристойно. Медведев:

«Во второй половине дня 26 декабря, зайдя к Горбачеву, я нашел его во взвинченном состоянии. Через охрану ему было дано понять, что Ельцин собирается уже наутро занять этот кабинет вопреки ясной договоренности о том, что до конца недели будет продолжаться работа Президента и его аппарата. При мне Михаил Сергеевич переговорил с товарищами из окружения Ельцина, дал поручение Ревенко связаться по этому вопросу с Петровым (руководитель Администрации Ельцина. – О.М.) Вроде бы все было урегулировано».

**Однако, как оказалось, урегулировано далеко не все. «Известия»:
«Президент России Борис Ельцин утром 27 декабря уже занял кремлевский кабинет бывшего президента СССР Михаила Горбачева.
По мнению ближайших сотрудников М. Горбачева, это случилось быстро. Слишком. Предполагалось, что в эти несколько дней Михаил Сергеевич в спокойной обстановке доделает свои дела, связанные с отставкой. Когда сегодня, 27 декабря, М. Горбачев появился по своим... делам в Кремле, в его кабинете уже сидел Б.Ельцин. Бывшему президенту ничего не оставалось, как спуститься этажом ниже к бывшему руководителю своего аппарата Григорию Ревенко (он вместе с руководителем аппарата президента Ельцина возглавляет сейчас ликвидационную комиссию), чтобы в его кабинете довершить оставшиеся дела».**

**По словам автора заметки, этот «несколько щекотливый» эпизод не очень смутил Горбачева. Как говорят, Михаил Сергеевич держится бодро, не унывает.
А вот как об этом, несколько иначе, вспоминает Вадим Медведев:**

« 27 декабря, в полдень, я позвонил в приемную (Горбачева. – О.М.), чтобы, как обычно, перед тем, как поднять трубку прямой связи с Президентом, узнать у ребят в приемной, на месте ли он и кто у него. Ответил незнакомый голос: «Его в кабинете нет и не будет». Я был немало удивлен. И лишь после этого узнал о том, что в тот день произошло.

Ранним утром в аппарат Горбачева сообщили, что Ельцин в 8-30 начнет свою работу в этом кабинете. У Горбачева на утро была намечена беседа с японскими журналистами, предусматривались и другие встречи, да и кабинет не был еще полностью освобожден. Пришлось ему встречаться с иностранцами в другом месте, а оставшиеся в

кабинете вещи перебазировать в комнату охраны.

Рассказывают, что новый хозяин кабинета прибыл туда в девятом часу, встретился в течение короткого времени с несколькими людьми, поднял тост со своими ближайшими сподвижниками и уехал в другое место. Спрашивается, для чего нужна была вся эта унижительная концовка?»

Сам Ельцин излагает дело опять-таки несколько по-другому. Упрекает прессу в поднятой шумихе и даже, вскользь, выдвигает встречные обвинения в адрес покидавших Кремль горбачевских сотрудников:
«За неделю до переезда Горбачёв и его аппарат были предупреждены нами. Срок вполне достаточный, чтобы собрать бумажки. Однако, как всегда бывает, трения между клерками в таких случаях неизбежны. Я изначально относился к ним спокойно. Ни «выкидывать» Горбачёва с его командой (с её остатками, вернее) из Кремля, ни позволять ему собираться лишний месяц я не хотел. Долгие проводы – лишние слезы. Дело-то житейское.

Житейское – но не до такой же степени. И потому мне не понравились ни поднятые прессой слухи о том, что мы буквально выкидывали вещи бывшего генсека из Кремля, ни некоторые мелкие детали, не очень достойные нашей исторической миссии – ручек из дверей «выезжающие», конечно, не выкручивали, но мебель выносили, и даже державные золотые перья из чернильниц-непроливашек – тоже...

Ну – это как у нас водится...»

Все же на самом деле сроки для «выселения» Горбачева и его сотрудников из Кремля были несколько другие, более отдаленные, чем это следует из слов Бориса Николаевича. 23 декабря, после встречи Горбачева и Ельцина, вышло их совместное распоряжение, согласно которому деятельность аппарата президента СССР прекращается 2 января. Впрочем, сотрудникам Горбачева было рекомендовано покинуть занимаемые им помещения 29 декабря: 30-го туда уже должны въехать российские чиновники. Создана была уже упомянутая специальная ликвидационная комиссия во главе с главой администрации Ельцина Юрием Петровым и руководителем администрации Горбачева Евгением Ревенко. В ее задачу, среди прочего, входило передать в целости и сохранности «горбачевское» имущество представителям ельцинской администрации.

Так что Ельцин все же вселился в кабинет Горбачева как минимум на три дня раньше, чем договаривались. И выносить «горбачевскую» мебель из кабинетов, наверное, вряд ли кому бы то ни было удалось бы без позволения упомянутой «двусторонней» комиссии.

Ельцин не хочет въезжать в квартиру Горбачева...

В те дни, естественно, многих интересовало, что же будет дальше с Горбачевым, какая его ожидает политическая, да и просто житейская судьба. «Аргументы и факты» сообщали:

«Он съезжает со своей квартиры на улице Косыгина (не по своей, конечно, воле, а по решению глав 11 государств). Ее не будет занимать Б.Ельцин, и не только потому, что не хочет жить по соседству с Язовым».

После отставки Горбачёва Ельцин действительно побывал в его служебной квартире на Косыгина. Не понравилось: «музей, а не квартира, все какое-то казённое». Въезжать туда он, по его словам, отказался.

Что касается горбачевской дачи в Барвихе-4, она не вызвала такого отторжения.

Отставленного Горбачева переселили в другую, а эту занял Ельцин. «Аргументы и факты»:

«А вот подмосковную дачу «особого назначения» Горбачева Президент России скорее всего займет в самое ближайшее время, поскольку она оснащена средствами связи, управления, военными и прочими делами. Семья же Горбачевых получит меньшую, но тоже неплохую дачу.

Кроме того, в распоряжении Горбачева будут две «Волги» (или «ЗиЛ» + «Волга»), ему оставлена также его нынешняя зарплата в виде пенсии, медицинское обслуживание и 20 человек челяди. По этой цифре возникли разногласия. М.Горбачев запросил вначале 200 человек на охрану и обслугу.

И еще по одному, исключительно принципиальному вопросу М.Горбачеву было отказано – в предоставлении неприкосновенности. «Если вы за что-то беспокоитесь, покайтесь сейчас, пока Вы Президент», – сказал Б.Ельцин во время девятичасового разговора (23 декабря. – О.М.)»

С этими съездами и переездами Горбачева получились скандалы. Черняев:

«... Мы сидели с Андреем у М. С. Он «наносил» последние штрихи на свое прощальное выступление. Вдруг позвонила Р.М. (Раиса Максимовна, жена. – О.М.) в панике: явились люди и потребовали, чтоб она со всеми пожитками за два часа убралась из квартиры (на улице Косыгина). М. С. рассвирепел, весь пошел пятнами, позвонил одному, другому – крыл матом. Вроде остановил разбой. Но вчера, 26-го, их все-таки выставили. Причем долго отказывались подать грузовик, чтоб вещи отвезти!

Вчера утром (забегаю вперед) охране едва удалось добиться того, чтоб выслали на дачу «ЗиЛ» за М. С., который ему «снисходительно» оставил Ельцин...»

Еще одно свидетельство. Андрей Грачев пишет:

«Хозяйственники новой кремлевской администрации отвели ему три дня, чтобы освободить служебную дачу. И хотя одних книг в доме набралось на несколько машин, Горбачеву было сказано, чтобы на служебный транспорт не рассчитывал.

Приехав на следующий день в Кремль, чтобы наконец-то основательно заняться разборкой бумаг и дать несколько обещанных интервью, Михаил Сергеевич выглядел мрачным: «С дачи гонят, машины не дают», – сказал он, когда я осведомился о самочувствии. Ирина рассказывала: когда комендант дачи сообщил ему о сроке, отведенном на эвакуацию, отец рассвирепел и начал шуметь: «Это позор». Грозился звонить Ельцину: «Ведь с ним по-человечески обо всем договорились!» А мама сказала: «Никому ни звонить, ни просить ни о чем не надо. Мы лучше умрем с Ириной, но упакуемся и переедем. Люди нам помогут».

Переезжать на их старую дачу, выделенную для ушедшего в отставку президента, помогали ребята из охраны, те самые, которые остались с ними до конца в Форосе. Управляющий делами «Горбачев-Фонда» на своей машине объезжал пустые госдачи, набирая где кровать, где стол или шкаф, чтобы хоть как-то меблировать новое-старое жильё Горбачевых».

В окружении Горбачева все это, конечно, списывалось на «хамство» Ельцина. В действительности вряд ли он опускался до таких мелочей, не царское это дело. Скорее всего, пакостил Горбачеву начальник ельцинской охраны Коржаков. Уловил вновь обострившуюся враждебность шефа по отношению к Горбачеву (слуги хорошо улавливают настроения хозяев), почувствовал, что на этом можно поиграть, и с большим удовольствием играл. Такого же мнения придерживается и Татьяна Юмашева:

– Я не знаю всех этих деталей. Почему Горбачева раньше времени «выселили» и так

ли это было на самом деле... Но, безусловно, Коржаков играл свою особую роль, подстрекая папу, подогревая папино негативное отношение к Горбачеву. Например, пока Коржаков не ушел со своего поста, Горбачева никогда не приглашали на государственные приемы в Кремль. Анатолий Чубайс, возглавив Администрацию президента, а потом сменивший его Валентин Юмашев предложили папе устранить эту явную несправедливость по отношению к бывшему президенту СССР. Горбачеву стали приходить официальные приглашения, но он так ни разу и не пришел ни на один прием, пока папа был в Кремле.

Тут Горбачева можно понять: долго не приглашали, а потом оказали милость...

Вернемся, однако, в декабрь 1991-го. Черняев продолжает:

«Утром 25-го М. С. еще не знал (мы с Грачевым ему рассказали), что во многих газетах напечатано: Ельцин на Старой площади рассказал редакторам газет об «итогах» 8-часовой его встречи накануне с Горбачевым и Яковлевым: я, мол, ему в 10 раз урезал охрану (вранье: Горбачев не просил 200 человек), дачу дал «поменьше», чем сейчас, минус – городская квартира... О неприкосновенности не может быть и речи: если есть вина, пусть признается сейчас, пока он еще президент, положил ему 4000 рублей пенсии. И еще что-то в таком же гнусном стиле...»

Не знаю, сколько человек обслуги в действительности просил Горбачев, но сам он, как пишет Андрей Грачев, после встречи 23 декабря, сказал:

– Он срезал мне пенсию и охрану, но это, в конце концов, неважно.

Что касается неприкосновенности, в которой было отказано Горбачеву, – напрасно, конечно, Ельцин пошел на этот шаг: все же в большинстве цивилизованных стран неприкосновенность бывшему главе государства, добровольно покинувшему свой пост, предоставляется. Я имею в виду – что его не могут привлечь к судебной ответственности за его деятельность НА ЭТОМ ПОСТУ.

Впрочем, Горбачеву неприкосновенность так и не понадобилась. Никто и ни за что его не собирался привлекать к ответственности. По крайней мере, в период президентства Ельцина. Может быть, Путин надумает предъявить ему какие-то обвинения, тем паче что Горбачев в последнее время нередко его критикует (раньше расхваливал на все лады)...

Все же Горбачева проводили не очень хорошо. Вопреки договоренности с Ельциным не дали ему спокойно собраться, вывезти все из кабинета, потребовали быстро освободить квартиру, дачу... Чем это объяснить? Вроде бы противник уже повержен... Валентин Юмашев:

– Я думаю, там было несколько причин. Безусловно, у Бориса Николаевича сохранялись яркие воспоминания, как его самого отовсюду «вытурали» в 1987 году. Это первое. Второе – на него влияло окружение, в частности Коржаков (вот опять о нем.

– О.М.), который такие вещи с большим удовольствием провоцировал, проворачивал. И подливал масла в огонь: «Горбачев то-то сделал... То-то заявил... То-то сказал...» Клад шефу разные бумажки на стол. Думаю, у Бурбулиса скорее всего, была более мягкая позиция: надо все сделать аккуратно... Если же посмотреть на дело объективно, – и это не только моя оценка, – Горбачеву был предоставлен «сверххороший» «пакет»: Борис Николаевич оставил ему охрану, дачу... Прекрасную дачу, одну из самых лучших. Он ему передал в аренду огромное здание под «Фонд Горбачева». Потом, правда, какую-то площадь отрезал по вине самого Горбачева: тот сдавал помещения в аренду. Но в первоначальный момент это была огромная площадь... Между прочим, когда сам Борис Николаевич ушел в отставку, ему даже некуда было поехать на работу... Это сейчас мы создаем в Екатеринбурге Президентский центр Ельцина. Он должен открыться в 1914 году. Посчитаем, какие сроки будут в момент его открытия (если оно случится в намечаемое время): Борис Николаевич ушел в отставку четырнадцать лет назад, умер семь лет назад... И вот Центр только появляется. А Горбачеву Ельцин передал огромное здание СРАЗУ ЖЕ после его отставки.

Ельцин упрекает горбачевцев, те обижаются

29 декабря 1991 года по телевидению было передано выступление Ельцина. Не новогоднее – предновогоднее. Ситуация в стране была настолько тяжелая, что президент, видимо, посчитал неуместным выступать «в легком жанре» – с праздничным новогодним тостом. Новогоднее напутствие он соединил со своеобразным «отчетом о проделанной работе».

Говоря о тяжелейшем положении, в котором к тому моменту оказалась страна, президент Ельцин сказал, что это «заслуга» коммунистов, правивших в ней 74 года:

– Наследство, которое мы получили, просто удручает. Ощущение такое, что на нашей земле хозяйничал враг. Россия получила от Союза огромный внешний долг, почти 70 миллиардов долларов. Самое печальное, что эти колоссальные средства на протяжении многих лет уходили в песок. Была создана античеловеческая экономика... Мы получили от Союза в конце запущенное сельское хозяйство. Миллионы гектаров земли отравлены. Уже не один десяток лет Россия вынуждена ввозить огромное количество зерна. Мы получили в наследство крайне запущенную техническую базу и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и на транспорте, и в энергетике, и в сфере услуг.

Не пощадил Ельцин и последние годы коммунистического правления – годы перестройки, горбачевские годы. По его словам, в последние годы ситуация даже усугубилась.

В окружении Горбачева, эти его слова восприняли, конечно, весьма болезненно. Анатолий Черняев:

«Вчера Ельцин произнес новогоднюю речь. Можно бы и согласиться, если бы «сообщил», кому он обязан тем, что может именно так выступать. Но – ни слова. Напротив, оставили, мол, мне Россию, будто в ней 70 лет хозяйничал враг».

Что ж здесь обижаться? Ельцин не раз говорил о заслугах Горбачева. Но в данном случае речь ведь не о Горбачеве, о другом – по милости прежних властителей новая власть оказалась «у разбитого корыта».

Впрочем, и по милости Горбачева тоже.

Нищая страна, перебивавшаяся, как говорится, «с хлеба на квас», как-то еще умудрялась субсидировать своих «социалистических» друзей и, буквально до последнего времени, зарубежные компартии. Отныне этому будет положен конец. Ельцин:

– В 1992 году впервые снимаем такую гигантскую статью расходов, как дотации КПСС. КПСС часто и глубоко залезала в государственный карман, перечисляла деньги на содержание других компартий во многих странах.

Снова и снова Ельцин пытается успокоить сограждан – трудности, связанные с вынужденными реформами (а как иначе вытащить страну из глубокой ямы, куда она провалилась?) будут недолгими:

– Говорил не раз, я хочу повторить: нам будет трудно, но этот период не будет длинным. Речь идет о 6 – 8 месяцах. В это время нужна выдержка. Ни в коем случае нельзя допустить срыва, паники, и тогда наши сложнейшие реформы удастся провести.

В действительности, как мы знаем, эти трудные месяцы растянулись на годы. Что было, то было...

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Горбачев критикует Ельцина, Ельцин «гнобит» Горбачева

После заявления Горбачева об отставке их противостояние с Ельциным продолжалось. Выполняя вроде бы данное российскому президенту обещание не критиковать его хотя бы полгода, Горбачев в первое время и не критиковал Ельцина. Однако, не дотянув все же до обещанного полугодия, в своих интервью стал выступать с критикой ельцинской политики, начатых в России реформ. В его позиции произошел резкий поворот: как мы помним, в конце своего президентства, он поддерживал реформы и призывал западных лидеров поддерживать их, и вот – стал их энергичным противником.

Одновременно у Горбачева появляется мысль, что он сам может вернуться в большую политику и снова сыграть какую-то важную роль в российской истории. Уже в середине марта в интервью газете «Берлинер цайтунг» он сказал:

– Страна нуждается во мне. Я это чувствую. Многие, в том числе и среди интеллигенции, меняют сейчас мнение обо мне. Сейчас они понимают меня лучше.

В апреле в одном из своих выступлений он сослался на политическую судьбу генерала де Голля: после короткой отставки тот, мол, вновь вернулся на пост президента. Ссылка на выдающегося французского политика и государственного деятеля была вполне прозрачна: почему бы и ему, Горбачеву, не повторить этот путь?

Возможно, эти настроения у экс-президента СССР подогрело вроде бы усилившееся у многих людей сожаление о прошлых советских временах, – как его назвала одна из газет, «социалистическая ностальгия у населения, оглушенного диким капитализмом российского рынка».

То там, то здесь к власти возвращались бывшие коммунистические лидеры: в Грузии – Шеварднадзе, в Азербайджане (пока что в Нахичевани) – Алиев. В Литве близок к такому возвращению Бразаускас. Почему бы и ему, Горбачеву, не продолжить этот перечень?

В конце мая, вернувшись из поездки в Америку, в интервью «Комсомольской правде» Горбачев в весьма резкой форме, – кажется, впервые в столь резкой, – заявил, что не согласен с политикой российского правительства. По его мнению, «народ на грани срыва».

Андрей Грачев:

«Уже к маю 1992 года, оценив социальные и политические последствия избранной модели реформы и убедившись, что его опасения, связанные с развалом Союза, оправдываются, Михаил Сергеевич прервал молчание, авторитетно заявив, что новая российская команда двинулась «не туда».

Как уже говорилось, прервал молчание он уже несколько раньше.

Что касается авторитета... У Горбачева, конечно, сохранялся авторитет как у «отца» великих демократических реформ, во многом преобразовавших Советский Союз. Да и весь мир. Однако в том, что касается экономических рыночных реформ, – тут никакого авторитета у него не было. По-настоящему он так их и не начал, в результате чего страна оказалась на пороге катастрофы. Да и не только на пороге – за порогом: страна фактически обанкротилась.

Поэтому можно понять обостренную реакцию Ельцина на горбачевскую критику. В те дни на него, на Гайдара насакивали все, кому не лень. Нервы были напряжены до предела. А тут еще Горбачев... На пресс-конференции в Ташкенте Ельцин сказал журналистам, что Горбачев дал ему слово «больше никогда не заниматься политикой». Видимо, имелось в виду – во время того самого «марафонского», восьми- или даже девятичасового разговора 23 декабря (его продолжительность называли по-разному – восемь, девять, десять часов).

Резко отреагировал на слова Ельцина и Горбачев:

– Борис Ельцин не тот человек, которому я должен давать обещание.

По мнению Горбачева, Ельцин извратил суть их договоренности:

– Речь шла о том, что я не собираюсь создавать оппозиционную партию на базе фонда Горбачева.

Тут вспоминаются слова Горбачева, когда он в начале 1988-го «передвигал» Ельцина с партийной работы на хозяйственную: «До политики я тебя больше не допущу». Так они поочередно «отлучали» друг друга от политики.

Костиков «уполномочен заявить»

Уже 2 июня в качестве ответа на интервью Горбачева в прессе появилось грозное заявление-предупреждение ельцинского пресс-секретаря Вячеслава Костикова (он незадолго перед тем, в середине мая, заступил на этот пост, сменив Павла Воцанова):

«В последнее время со стороны бывшего президента СССР М.С. Горбачева участились заявления, которые он делает за границей и в России и которые касаются внутреннего положения страны, хода экономических реформ, проблем государственного строительства... Ряд последних высказываний М.С. Горбачева нельзя расценить иначе, как попытку нагнетания политического напряжения, в сущности, как дестабилизацию социально-политической обстановки в стране... Президент Ельцин вынужден будет принять необходимые и законные шаги для того, чтобы курсу реформ не был нанесен ущерб».

Угроза, конечно, странная. Я тогда напечатал в «Литературной газете», где я тогда работал, довольно злую заметку под названием «Горбачеву велено «заткнуться»:

«Что-то с памятью моей стало... Никак не запомню год, в котором живу. То ли 1992-й, то ли 1982-й... А может, 1972-й...»

Нет, в самом деле, просыпаешься однажды утром и читаешь в газетах некое произведение канцелярско-публицистического искусства: «...В последнее время... заявления и прогнозы стали выходить за рамки компетенции...», «Высказывания... принимают все более поучительный тон...», «...Ряд последних высказываний... нельзя расценить иначе, как попытку нагнетания политического напряжения... как дестабилизацию социально-политической обстановки в стране...», «В целях сохранения в стране стабильности и того политического курса, который избрал народ... вынужден будет принять необходимые и законные шаги...»

Ага, думаешь, очередное «Заявление ТАСС». Какому-то очередному диссиденту шьют дело, прежде чем выслать его в край непуганых почтовых ящиков или куда-нибудь подальше. Кому, интересно? Сахарову? Григоренко? Буковскому?.. Что? Горбачеву? Да нет, вы смеетесь. Вы разыгрываете меня. Никогда не поверю.

Но приходится верить. Да, это год 1992-й. Июнь. Заявление пресс-секретаря

российского президента по поводу каких-то ну немыслимо нагнетающих, немыслимо дестабилизирующих – одним словом, самых что ни на есть диссидентских высказываний бывшего генсека КПСС и президента СССР.

Ну, разумеется, высказывания Горбачева – это нынче главная опасность для курса реформ. Не оголтелое сопротивление Съезда, на дух не переносящего само слово «реформа», не саботаж парламента, один за другим заваливающего реформистские законопроекты, не повсеместный саботаж чиновников на среднем и нижнем уровне, не вялые, непоследовательные, вечно запаздывающие действия правительства да и самого президента, а именно упомянутые выше высказывания. Так что самое время «принять шаги», отказать «отцу гласности» в праве пользоваться этой самой гласностью.

...Комментируя это заявление перед телевизионной камерой, Горбачев, как мне показалось, выглядел несколько растерянным и обескураженным. Но, в общем-то, я думаю, у него нет причин огорчаться. Если такие окрики будут повторяться достаточно часто, он, без сомнения, в скором времени обретет такую же всенародную любовь и поддержку, какие были когда-то у самого Ельцина – в ту пору, когда подобные окрики летели в его сторону».

В эти дни редакцию «Литгазеты» посетил бывший президент США Ричард Никсон, находившийся в России с визитом. Состоялась беседа с сотрудниками газеты. Я спросил Никсона:

– Господин президент (в США к бывшим президентам принято обращаться так же, как и к действующему. – **О.М.**), вы совершаете зарубежную поездку, выступаете с заявлениями, интервью...Представьте себе такую ситуацию: президенту Бушу не понравилось какое-то ваше заявление, и он со своей стороны обнародовал ответное, в котором есть такие слова: «экс-президент превышает свою компетенцию, способствует дестабилизации обстановки в США, мешает проведению наших реформ». И что, если так будет продолжаться, он, президент Буш, оставляет за собой право принять некоторые предусмотренные законом меры. Какова была бы ваша реакция на такое заявление?

Никсон, разумеется, сразу понял, в чем дело, какова подоплека моего вопроса. Повидимому, обдумывая ответ, он испытывал некоторое затруднение, неловкость: в конфликте между Горбачевым и Ельциным ему не хотелось становиться на какую-то одну сторону. Ответил он, на мой взгляд, вполне разумно и адекватно:

– Насколько я понимаю, президент Горбачев и президент Ельцин – не самые близкие друг другу люди. Именно Горбачев сделал возможным появление Ельцина. Но сейчас место Горбачева в истории находится в руках Ельцина. Если провалится Ельцин, вместе с ним еще раз провалится и Горбачев. Сейчас вы строите свободную рыночную экономику. Возможно, это не та цель, которую первоначально ставил перед собой Горбачев. Кажется, его целью было не столько сбросить коммунизм, сколько позволить ему выжить. Его целью был не развал империи, а ее сохранение. Но в результате начатых им действий рухнул коммунизм, рухнула империя. И, как ни странно, больше всего аплодисментов он получает за достижение той цели, которую и не ставил.

Обратите внимание на слова известного политика: советская империя рухнула именно в результате действий, начатых Горбачевым. Сам Горбачев неумоимо это отрицает.

Далее Никсон уже прямо перешел к тому, возможен ли подобный конфликт между ним, «бывшим», и Бушем, действующим. По словам Никсона, когда он выступил с призывом помочь России и другим бывшим советским республикам, некоторые отнеслись к этому призыву как к атаке на президента Буша. Но Буш расценил его тоже вполне адекватно:

– ...Президент Буш вовсе не велел мне после моих призывов «заткнуться». Он бы этого никогда не сделал по одной простой причине: сказать мне «заткнись» ему не на пользу... Президент Буш поддерживает мою позицию столь же последовательно, как он поддерживает движение за свободу. И Клинтон тоже поддерживает. И миллионер Рос Перро поддерживает (Клинтон и Перро в тот момент были кандидатами в президенты США, как и Джордж Буш. – **О.М.**)

Глагол «заткнуться», который использовал Никсон в своем ответе, вполне можно

рассматривать как его оценку того, что предпринимает Ельцин по отношению к Горбачеву: требует, чтобы он «заткнулся». В то же время дальше Никсон как бы предостерег и Горбачева, чтобы, критикуя Ельцина, он остерегался «партийно-пристрастных» оценок. Именно так поступает он, высказываясь о ситуации в США, когда совершает зарубежные поездки.

А еще его лишили садовника

Возвращаясь к реакции Ельцина на интервью Горбачева «Комсомольской правде»... Помимо слов, экс-президенту СССР был дан и «материальный» отпор – опять-таки какой-то мелочный, как и в последние дни 1991-го, когда Горбачева выселяли из Кремля, из квартиры, с дачи. Андрей Грачев:

«Первая ельцинская реакция на «заговорившего» оппонента была классически обкомовской: вопреки зафиксированным в документах условиям материально-бытового обеспечения ушедшего в отставку президента, у него по распоряжению «сверху» отобрали закрепленный за ним «ЗиЛ», срезали охрану (опять срезали. – **О.М.**), убрали с дачи садовника».

Вроде бы ясно, на чьей стороне полная правота, кто несправедно обижен. Однако в 1997 году вышла книга Костикова «Роман с президентом», в которой автор довольно подробно описывает, как в ельцинском окружении воспринималась деятельность Горбачева в первые месяцы 1992 года и что, собственно, послужило толчком для того самого антигорбачевского заявления.

«В процессе подготовки к поездке [Ельцина] в США, – пишет Костиков, – произошел один эпизод, который внешнему наблюдателю мог показаться случайным, но на самом деле он имел достаточно глубокие политические истоки. Речь идет о резком обострении отношений между Ельциным и Горбачевым буквально накануне поездки Бориса Николаевича в США. Никто не говорил об этом вслух, но одной из негласных и отчасти даже несформулированных целей поездки Б.Н.Ельцина в США было «вытеснить Горбачева из сердца Америки».

Репутация бывшего президента СССР за рубежом продолжала оставаться высокой. «Горбимания», особенно сильная в Германии, Италии и США, продолжалась. Это вызывало раздражение, тем более что в России все больше осознавали, что экзальтированная любовь Западной Европы к Горбачеву была связана не столько с выдающимися свойствами его личности, сколько с тем, что он «сдал» политические и военные интересы России фактически по бросовой цене (разумеется, не все так считали. – **О.М.**) Налицо был огромный разрыв между тем, как относились к Горбачеву в России и за границей. Резкая критика Горбачевым политики Ельцина, особенно в его зарубежных поездках, наносила стране ущерб, подрывала доверие к российским реформам.

Раздражение Ельцина усиливалось и тем, что Горбачев фактически нарушил существовавшее между ними джентльменское соглашение: основное внимание экс-президент будет уделять политическим исследованиям в рамках Фонда Горбачева, которому с согласия Ельцина были даны щедрые дотации, помещения, налоговые льготы. Но на фоне обострения отношений Верховного Совета и Ельцина Горбачев, видимо, решил, что поспешил отойти в тень, что у него есть шансы вернуться в большую политику. И начал он с настоящей антиправительственной и антипрезидентской кампании в прессе. Опубликованные им в это время статьи пестрели такими оценками, как: «народ на грани срыва», «Содружество трещит по швам», «народ не верит в реформу». Он обвинял президента (Ельцина. – **О.М.**) в сектантстве, в разрушении того, что он, президент (Горбачев. – **О.М.**), построил. По его оценкам, «режим» доживал последние дни. Он точно накликал (с ударением на третьем слоге. – **О.М.**) беду.

Особенно откровенно, а часто и зло выступал он по зарубежному радио. Ко мне на стол, естественно, попадали все его выступления. Иногда мне было даже неловко их читать. Ну, достойно ли было экс-президента, человека, требовавшего к себе особого уважения, называть действующего президента Бориской: «Вот, получили Бориску».

Это текст Вячеслава Костикова. Откровенно говоря, я что-то не слышал про этого «Бориску». Если бы этот «Бориска» действительно где-то проскочил, в нашей прессе наверняка поднялся бы невообразимый шум. Но, может, я что пропустил...

« Стучат » даже те, кому вы доверяете

«К чести Ельцина и нашей пресс-службы, – продолжает Костиков, – должен сказать, что несмотря на то, что такого рода высказывания, конечно же, вызвали раздражение, из Кремля не поступало требований ограничить доступ М.С.Горбачева к средствам массовой информации. Журналисты буквально паслись в Фонде Горбачева. Он давал огромное число интервью. Журналисты рассказывали мне и о закулисных разговорах, которые экс-президент вел с наиболее доверенными журналистами. Вспоминаю одну характерную фразу Горбачева, сказанную «off records» (не для записи): «Когда эта власть рухнет, главная моя забота будет – как ее законно захватить».

Вот ведь, оказывается, как «доверенные» журналисты «стучали» на Горбачева, а Горбачев-то им доверял!

В возможность подхватить якобы падающую власть в то время верил не только сам Горбачев, но и многие деятели «Гражданского союза», парламентской фракции «Промышленный союз». Они координировали свои действия и, используя лексику журналистов, «постоянно бегали к Горбачеву». Журналисты, работавшие с «Гражданским союзом» и «Промышленным союзом», прямо говорили мне, что это «крылья партии Горбачева».

Особенно резко критика в адрес Б. Ельцина прозвучала в огромном интервью Горбачева, опубликованном в «Комсомольской правде». Журналист, бравший интервью и относившийся с явной симпатией к экс-президенту, не удержался и воскликнул: «Да, не любите вы нынешнюю власть!»

Отдельные пассажи этого интервью давали основание сделать вывод, что Горбачев по-своему готовил визит Б.Н.Ельцина в США и стремился представить его в неприглядном виде, обвиняя, в частности, в неосталинистских методах проведения реформ. Откровенно поддерживая вице-президента Александра Руцкого, он (Горбачев. – **О.М.**) вносил диссонанс и в президентскую команду».

Ну, «диссонанс» в отношениях между Ельциным и Руцким к тому времени и без Горбачева достиг больших масштабов. Горбачев тут ничего уже не мог добавить.

Даже в том, что Горбачев поехал в США непосредственно перед поездкой туда Ельцина, Костиков видит злой умысел:

«Выбирая маршруты своих зарубежных поездок, Горбачев перед самым визитом Ельцина устроил себе визит и в США, чем поставил в неловкое положение президента Дж.Буша. Через своего посла в Москве Р.Страусса американский президент вынужден был фактически извиниться за бестактность Горбачева. Ельцин оценил этот жест».

Раздражение Ельцина в конце концов и вылилось в заявление его пресс-секретаря:

«В самом начале июня мне позвонил Борис Николаевич и мрачно спросил, в курсе ли я последних выступлений Горбачева.

– Нужно, чтобы вы сделали заявление по поводу его высказываний. Сколько можно терпеть?! Сделайте резкое заявление...

У меня имелись все материалы. В том числе и полученные через Федеральное агентство правительственной связи и информации (ФАПСИ) (то есть, в том числе,

полученные не совсем легальным способом. – О.М.) Это давало полное представление о масштабе пропаганды, которую вел Горбачев против Ельцина за границей. Основания для «резкого» заявления действительно были».

Здесь Костиков, несколько противореча самому себе, как бы утверждает, что основанием для его заявления послужили зарубежные горбачевские выступления. На самом деле непосредственным поводом для него стало, конечно, интервью экс-президента СССР «Комсомольской правде».

Костиков выражает некоторое сожаление в связи с излишней резкостью своего заявления, относя его на счет того, что он лишь недавно приступил к работе пресс-секретаря:

«Сегодня, с учетом приобретенного опыта, я написал бы это заявление сдержаннее, без элементов публицистического «барокко». Но в то время острота и жесткость были продиктованы реальной остротой политического противостояния в стране».

Наверное, Костиков в какой-то мере сгущает в своей книге краски, расписывая «подрывную деятельность» Горбачева. Цель ясна – опять-таки оправдать резкость своего антигорбачевского заявления. Но, в общем-то, разные критические словеса, направленные против Ельцина, конечно, долетали до ельцинского окружения и до самого президента не только со страниц газет, из телерадиоэфира, но и непосредственно из помещений Горбачев-Фонда. Долетали и настораживали. И раздражали.

В целом же, прочитав написанное Костиковым, не знаешь, что и думать. Уже не хочется столь резко осуждать Ельцина. Понимаешь, что у каждого из двоих великих российских реформаторов были какие-то свои мотивы для тех или иных заявлений, действий и соответствующие оправдания для них. На язык просится древнее, рассудительное: «Ты прав. И ты тоже прав».

Правда, лишать Горбачева автомобиля и садовника, наверное, все же не стоило. Мелко все это.

«Невыездной» Горбачев

В сентябре 1992-го Горбачев отказался явиться в Конституционный суд в качестве свидетеля на проходившем в ту пору процессе «по делу КПСС» (рассматривался вопрос о конституционности указов Ельцина, которыми приостанавливалась деятельность КПСС на территории России и Компартии РСФСР). Свое нежелание участвовать в процессе он объяснил тем, что этот процесс – политический, и он, Горбачев, не желает, чтобы его в нем «использовали». Кстати, об этом своем нежелании он заявил заранее, еще до начала процесса.

Но это не уберегло его от санкций. В качестве ответной «штрафной» меры было принято решение временно запретить Горбачеву выезжать за рубеж. Он не мог присутствовать даже на похоронах бывшего германского канцлера Вилли Брандта, с которым был дружен. Кто именно распорядился наказать таким образом Горбачева, было не вполне ясно. «Московские новости» попытались это выяснить, но не сильно преуспели. В сообщении ИТАР – ТАСС, объявившем о наказании, говорилось, что «соответствующие меры по невыезду» Горбачева приняли МИД, МВД и МГБ – в связи с просьбой Конституционного суда обеспечить явку свидетеля в суд. Однако в МИДе откликнулись от этого. МВД и МГБ вроде бы тоже не имели права прибегать к таким мерам. В самом Конституционном суде заявили, что «никаких других конкретных мер воздействия, кроме штрафа», он к не явившемуся свидетелю не принимал (вот, оказывается, штраф Горбачеву все же выписали, но этим дело не ограничилось). В общем, как выяснилось, никакого письменного распоряжения, запрещающего экс-президенту СССР выезжать из страны, не существует. Есть только то самое сообщение ИТАР – ТАСС. Автор «Московских новостей» пришел к заключению, что исходным «документом» для него было устное распоряжение

Ельцина.

«В одном из своих последних интервью, – писал журналист, – Горбачев сказал, что «Президент России не справляется со своими обязанностями». Теперь он как бы имеет возможность убедиться в обратном. Что свободой передвижения Горбачева распоряжается именно президент России, причем в лучших традициях телефонного права, стало очевидно, когда умер Вилли Брандт. На похороны даже из тюрьмы отпускают. Председатель Конституционного суда, напомним, объяснил: «Мне позвонил президент...» Но если это так, то, пожалуйста, никакими конституционными нормами такое вторжение президента в частную жизнь граждан – Горбачев ли это или кто другой – не предусмотрено. С точки зрения прав человека оно вообще беспардонно... И тут уже не об обычном телефонном праве приходится вспоминать. Есть термины более точные. Например, режим абсолютной личной власти».

Слова возмущения этим не ограничивались. В тех же «Московских новостях» появилась телеграмма известного поэта Евгения Евтушенко:

«Отнятие права свободного выезда у человека, который вернул это право всем остальным согражданам, – это неблагодарность, и слова точнее не найти... Горбачев принадлежит не только России, но всему человечеству, и запирает его в темный чулан, как провинившегося ребенка, провинциально, некультурно. Неужели после варварской диктатуры и демократия у нас будет варварская?»

Налет на Фонд Горбачева

Примерно в это же время на Горбачева «наехали» с другой стороны. 7 октября появился Указ Ельцина о передаче комплекса зданий Горбачев-Фонда в пользование вновь образованной Финансовой академии. В прессе сообщалось о разнообразных нарушениях, выявленных будто бы при проверке финансовой и хозяйственной деятельности Фонда.

Грачев:

«Операция была осуществлена с помощью внушительной группы вооруженных милиционеров и омоновцев, блокировавших на рассвете 13 октября центральный вход в здание, и прибывшими почти одновременно с ними пикетчиками РКРП, анпиловской «Трудовой России». Приехавшего на работу Горбачева пикетчики встретили криками «предатель», милиция не пропускала его в «реквизированное» здание, а собравшаяся перед подъездом российская и мировая пресса с наслаждением интервьюировала бывшего президента, обращавшегося к ней с крыльца и вполне естественно вошедшего в роль политического диссидента и правозащитника. На вопрос журналиста, как он оценивает отношение к нему главы российского государства, Михаил Сергеевич ответил без обычной дипломатии: «как дерьмовое».

Тут забавно, что против Горбачева ополчились и неистовые большевики-анпиловцы. Обычно главной целью их нападков был как раз Ельцин и «дерьмократы».

О том, что на его Фонд совершен налет, Горбачев узнал окольным путем – из Франции от писателя Владимира Максимова. По словам Горбачева, Максимов позвонил ему 14 октября вечером и сообщил, что французское телевидение передало информацию о выселении Горбачев-фонда по указу Ельцина. (Как видим, тут некоторое различие в упоминаемых датах: Грачев называет 13 октября, сам Горбачев все переносит на два дня позже; но это, я думаю, несущественно). Горбачев (в «Московских новостях»):

«Утром приехал к зданию Фонда и увидел, что оно оцеплено милицией, как какое-то шпионское гнездо. Тут же подъехал Аркадий Мурашов (начальник ГУВД Москвы. – **О.М.**) Знаете, мне показалось, что ему стыдно участвовать в этой акции, он просил меня не переживать и не делать далеко идущих выводов.

Первая реакция, конечно, эмоциональная: неужели это «бесовство» происходит по воле властей? Но хотя я человек эмоциональный, я всегда владею своими чувствами.

Поддаваться в такой ситуации панике, растерянности недопустимо. Так вот, когда я увидел милицию, возбужденных сотрудников и толпу журналистов, первое, что я сказал: «давайте успокоимся». Давайте успокоимся и попытаемся понять, что же на самом деле случилось, потому что меньше всего я хотел бы расширения этого конфликта».

Сам Горбачев главным поводом для налета посчитал все тот же свой отказ являться на заседания Конституционного суда. В «Московских новостях» он пишет, что об этом отказе он заявил заранее, предупредил о нем председателя КС Зорькина. Так почему же именно сейчас началось такое давление на него? Горбачев опять-таки связывает это с неудачным, по его мнению, ходом реформ:

«Не кажется ли, что, чем очевиднее неуспех реформы, тем больше обвинений обрушивается на Горбачева? Тем более, после того, как я начал открыто критиковать политику российских властей».

«Я всегда считал его разрушителем, а не созидателем»

И далее Горбачев уже прямо обрушивается на своего вечного оппонента, дает ему самую нелестную характеристику:

«Да, наши отношения с Президентом России достаточно сложны. Я всегда считал его больше разрушителем, чем созидателем, идеальным оппозиционером. Мне кажется, мои опасения оправдываются. Но, тем не менее, я открыто и искренне говорю, что желаю ему успеха в реформах.

Мало ли кто как к кому относится? Разве сейчас время выяснять отношения? Хотя, конечно, в такой сложной ситуации, как мы оказались, очень заманчиво найти врага и заставить его отвечать за все ошибки. Я очень боюсь, чтобы мы не потеряли голову окончательно, не поддались этому желанию схватить друг друга за горло... Это было бы сумасшествием. Сегодня надо бы все распри оставить позади и, как во все тяжелые для России времена, объединиться».

Как видим, отношение к радикальным экономическим реформам, начатым в России, у Горбачева в этот момент все-таки еще как бы двойственное: с одной стороны, он считает их неудачными, уверен, что, начав их, пошли «не туда», с другой – желает Ельцину успехов в их осуществлении. Впрочем, такое пожелание – скорее, фигура вежливости, дипломатии, нежели истинная оценка самих реформ. Оценка у Горбачева, повторяю, – отрицательная. В дальнейшем никакой двойственности оценок и вовсе не будет, только уничтожающая, беспредельная критика.

В опубликованной заметке Горбачев вновь отрицает, что собирается создавать какую-то свою партию и начинать борьбу за власть, что вокруг него «концентрируются какие-то силы, которые стремятся противопоставить себя властям». Он занимается своим Фондом и увлечен этой работой. Естественно, он следит за политической жизнью и его симпатии – на стороне партий, входящих в «Гражданский союз», хотя сам он, разумеется, не принадлежит ни к одной из трех составляющих его партий.

«Гражданский союз» возник в июне того года и представлял собой коалицию партий и фракций «центристской» ориентации – пытавшейся нащупать «середину» между правительством Ельцина – Гайдара и их противниками. Эта-то «срединность», видимо, и привлекала Горбачева: быть жестким противником Ельцина в той ситуации он все же не хотел.

Собирается ли он в дальнейшем активно участвовать в политике? Такой вопрос, по словам, Горбачева, ему часто задают. Его ответ на этот вопрос – уклончивый: он, «конечно, размышляет об этом»...

Завершается публикация в «Московских новостях» довольно неопределенной рекомендацией, как спасти Россию. Впрочем, есть там и обида, что его к спасению не

привлекают, а вот, напротив, подвергают гонениям:

«Мне вообще кажется: для того, чтобы спасти Россию, вывести ее из кризиса, надо использовать весь потенциал общества, все силы, в том числе тех людей, кто начинал перестройку. Надо подумать о формуле, как привлечь всех, и мы готовы такую формулу предложить. Пусть новые власти позовут всех к сотрудничеству. Но... не зовут, им и так все ясно. Наивно думать, что эпоха задуманных тогда (в 1985-м. – **О.М.**) реформ кончилась. Она только начинается. И кому выгодна междоусобица, все эти скандалы вокруг Горбачева, когда надо спасать Россию?..»

В конце концов, конфликт вокруг Фонда Горбачева удалось урегулировать. Совсем уж на улицу его не выкинули, позволили арендовать часть «отобранных» помещений. Позже на деньги, заработанные рекламой, лекциями, книгами, теми, что предоставили спонсоры, Горбачев построил и купил для Фонда новые здания.

Давление на Горбачева вызвало широкий резонанс не только в России, но и за рубежом.

Гельмут Коль обратился к Ельцину с просьбой разрешить Горбачеву выехать в Германию на похороны Вилли Брандта. Посол Франции в России посетил Горбачев-Фонд и передал бывшему президенту дружеское послание от Франсуа Миттерана. В поддержку Горбачева высказался генсек ООН Бутрос Гали...

Эту поддержку нельзя было не учитывать...

Губернаторы игнорируют Горбачева

Для постороннего глаза эти достаточно примитивные, в советском духе, «наезды» на Горбачева были как бы беспричинными, а потому склоняли многих на сторону экс-президента СССР, заставляли сочувствовать ему. Однако, как уже говорилось, окружение Ельцина, да и он сам, видимо, располагали информацией о настроениях, побуждениях, планах Горбачева, которые были неведомы широкому кругу граждан. В обстановке тяжелой, можно сказать, смертельной борьбы с противниками реформ эта информация не могла не тревожить Ельцина. Горбачев все более проявлял себя как противник проходивших в России экономических преобразований. Если бы он открыто вступил в ряды тех, кто сражался против президента и правительства, это, без сомнения, значительно усилило бы наступающую антиельцинскую армаду. Так что меры давления на Горбачева, сами по себе довольно неловкие, можно рассматривать как предупредительные сигналы, которые Ельцин посылал Горбачеву: остерегитесь примыкать к моим противникам, не торопитесь, подумайте!

Горбачев и дальше не стеснялся в оценках ельцинского курса. Правда, как и обещал Ельцину, так и не превратил Фонд в «гнездо оппозиции», но в течение нескольких лет держал российского президента в неослабевающем напряжении.

Стоит отметить, что в октябре 1993-го он резко осудил предпринятый правительственными войсками штурм Белого дома, как многие, не обратив внимание на то, что ему предшествовало, – избиение солдат и милиционеров боевиками, развернувшееся на московских улицах 2 – 3 октября, захват мятежниками здания мэрии и гостиницы «Мир», попытку Макашова захватить телецентр «Останкино»...

В общем, с сожалением можно констатировать: Горбачев не понял ни смысла радикальных экономических реформ, проводившихся правительством Ельцина – Гайдара, ни того, какова была суть событий осени 1993-го.

Все это, повторяю, не могло не держать Ельцина в напряжении. Надо полагать, окончательно успокоил его лишь унижительно низкий результат Горбачева на президентских выборах 1996 года – меньше одного процента. Стало ясно, что шансов на возвращение в большую политику у Горбачева практически нет и как соперник он более не опасен. Однако

до выборов и непосредственно накануне их российские власти всех уровней, по велению самого Ельцина или без такового, относилась к нему как к не то что бы очень серьезному потенциальному противнику действующего президента, но все-таки как к противнику. Из воспоминаний руководителя самарской телекомпании «РИО» **Виталия Добрусина** о событиях конца мая 1996 года:

«...В 96-м Михаил Сергеевич приехал в Самару уже не всемогущим генсеком, а всего лишь кандидатом в президенты России. Кандидатов было одиннадцать, но реальных претендентов двое – Ельцин и Зюганов. Шансы на победу бывшего президента СССР Горбачева всерьез не рассматривались. И встречали его в Самаре соответственно. Губернатор Константин Титов проигнорировал приезд Михаила Сергеевича. Зная, что Горбачев приедет, Титов рано утром улетел из Самары... Вполне возможно, что свою невстречу Титов благоразумно согласовал с кремлевской администрацией. Вице-губернатор Владимир Мокрый, оставшийся за Титова, отказался встречаться с Горбачевым. Первое, что я услышал от Горбачева, когда он приехал ко мне на передачу, – это что его во всем блокируют, что семья постоянно находится «под колпаком» у ФСБ, что телефоны прослушивают. А еще Горбачев постоянно переспрашивал: «Виталий, а вы уверены, что передача выйдет в прямой эфир? Уверены, что ее не заглушат?»...

Но эфир все же состоялся. Это было 23 мая. Горбачев опять жаловался на притеснения, на то, что представители власти не только в Самаре, но и повсюду демонстративно игнорируют его:

«Михаил Горбачев: Я уже месяц в разъездах, и такая практика повторяется из региона в регион. За редким исключением, где руководители администраций обладают самостоятельностью и ценят себя. Сегодня власти равнодушны к Горбачеву, ведь его рейтинг, как пишут, один процент. <...> **Виталий Добрусин: Вот уже четыре года вас не видно и не слышно. Почему информацию о вас замалчивают?** Михаил

Горбачев: Это сознательная блокада. Даже написанные книги мне не удается издавать в Москве. Одну книжку я подпольно напечатал в Рязани. Представляете? Горбачев – отец советской демократии и гласности – тайно (!) издает книжку 10-тысячным тиражом! Прямо Солженицын!.. Горбачев много и многих знает. Знает, чего они стоят и что делали. Поэтому и надо изолировать Горбачева и повесить на него всех собак. И это отрабатывается идеально». В общем, выступление Горбачева по самарскому ТВ никто тогда не «заглушил».

Однако «притеснения» «отца перестройки», по его словам, продолжались. Сам он так о них вспоминает...

В Интервью газете «Газета», 1 марта 2005 года:

– ...Столько было маленьких форогов, попыток унижить. Ельцин, казалось, этим просто болен. Такая мстительность! То, что мы испытывали почти десять лет под его, так сказать, крылом, я Борису простить не могу. Все, как под током, дергалось. То с помещениями, то с машинами, то с командой...

Ну уж про Форос-то, кажется, можно было бы и не вспоминать в таком контексте. Кто же из Фороса-то, Михаил Сергеевич, вас живым вытащил? Не Ельцин разве?

Еще цитата – из интервью «Независимой газете», 15 августа 2006 года:

– Наблюдая, все то, что происходило в 90-е годы, хотелось вмешаться. Но я был изолирован от прессы, от телевидения. Все мои разговоры прослушивались. А ведь я не занимался и не занимаюсь государственными переворотами и заговорами, наоборот, рассуждаю открыто и свободно. Сайт gazetachel.ru (Челябинск), 10 апреля 2008 года:

– Михаил Сергеевич... почему вас так редко можно увидеть в СМИ? Так «само собой» получилось или вы преднамеренно почти не общались с журналистами?

– Если говорить о прошлых годах правления Ельцина, там был наложен запрет

на общение с Горбачевым. А на ТВ вообще не пускали, и некоторые [руководители?] СМИ даже пострадали – их просто убрали. Что касается времени Путина, то ситуация изменилась, но уже я не успеваю...

Обратите внимание: вопрос-то задается в 2008 году, Ельцин уже восемь лет как в отставке, и собеседник явно спрашивает Горбачева не о «делах давно минувших дней», но все равно главный виновник горбачевского «молчания» – Ельцин.

«При Ельцине, что хотели, то и печатали»

Если же вернуться к ельцинским девяностым годам, не думаю, что Ельцин специально отдавал какие-то распоряжения не печатать Горбачева, не показывать его по телевизору (если не считать тот случай с костиковским окриком в июне 1992 года). В России ведь как все устроено: чиновникам достаточно один раз скомандовать «Фас!», и они будут следовать этой команде долгие годы. Начальник не любит такого-то – значит, надо его давить. Никаких дополнительных приказов не требуется.

Я уж не говорю о том, что Горбачев говорил все, что хотел, выезжая за границу, в том числе и то, что он думает о Ельцине. А выезжал он довольно часто. И никаких окриков, наподобие опять-таки того приснопамятного, что раздался из уст Вячеслава Костикова в июне 1992-го, более не слышал.

Собственно говоря, и сам Горбачев прекрасно понимает, что какие-то преграды и препоны не обязательно «спускаются» к нему с самого верха, нередко они исходят от нижестоящих чиновников. Снова интервью Горбачева на сайте gazetachel.ru (Челябинск), апрель 2008 года:

«И при Ельцине, да и сейчас **ОКОЛОВЛАСТНЫЕ СТРУКТУРЫ** (выделено мной. – **О.М.**) пытаются забыть перестройку, переписать историю. Оказывается, и до сих пор для многих перестройка, как кость в горле.

Фонд Горбачева не получает государственной поддержки. На первых порах нашей работы проявлялось желание наших бизнесменов сотрудничать с Фондом и оказывать ему помощь. Но Борис Ельцин пресекал все подобные попытки. Но все же есть люди, как говорится, смелые. А остальные смотрят: что же скажет начальство. А начальство, собственно, часто этим не занимается, а клерки вокруг начальства, чтобы их не обвинили в любви к Горбачеву, ведут себя вот так: вставляют палки в колеса».

Как видим, палки в колеса, по словам Горбачева, вставлялись ему и при Ельцине, и при Путине, но Ельцин, по его мнению, лично пресекал все попытки оказать ему, Горбачеву, какую-то помощь, а вот про Путина у него язык не поворачивается такое сказать, хотя он прекрасно осознает, что психология чиновников, алгоритм их действий и там, и здесь одинаковы: «клерки вокруг начальства, чтобы их не обвинили в любви к Горбачеву, ведут себя вот так: вставляют палки в колеса».

Тем не менее, Горбачев продолжает и продолжает обвинять самого Ельцина, что тот все девяностые зажимал ему рот. Вот уж совсем близкое к сегодняшнему время – сайт самарского журналиста Алексея Семенова, 22 февраля 2011 года:

«Во времена его (Ельцина. – О.М.) правления я был закрыт и для прессы, и для многих политиков. Эта была вынужденная опала. Смешно сказать, но многие действовавшие тогда руководители опасались контактировать со мной».

Валентин Юмашев (в нашей беседе в ноябре 2012 года):

– Все это полная ерунда. Никаких таких указаний и – как-то ограничивать Горбачева в контактах со СМИ – не давал ни сам Ельцин, ни кто-либо из его администрации.

Вообще, при Ельцине такие указания были немые с лими. Такое можно было представить разве что теоретически – кто-то в Кремле мог использовать какие-то личные контакты, позвонить кому-то в газету или на телевидение: «Ребята, все-таки

мы делаем одно общее дело... Давайте Горбачева поменьше показывать и печатать». Но поскольку «проблемы Горбачева» не было, то никто об этом никого не просил – ни Вошанов, ни Костиков, ни Ястржембский, ни другие ельцинские пресс-секретари ... Никого он уже не интересовал в то время. На какое-то мгновение интерес к нему возник перед выборами 1996 года: он стал одним из кандидатов в президенты. Все тогда удивились: чего это он вдруг?.. И тогда разве что самый ленивый не напечатал интервью с ним. Я был в ту пору главой администрации, эти вопросы были «моими».

Мне и в голову не приходило как-то воспрепятствовать этим публикациям. Да печатайте его хоть каждый день! А потом интерес к нему опять угас. Он был интересен лишь как «фигура селебрити», – такое сейчас новое слово появилось, тогда его не было, – как известный человек, оказавшийся на пенсии. Только с этой точки зрения. А Горбачева это совершенно не устраивало, он хотел по-прежнему представлять перед читателями и телезрителями как политик. Но на политической сцене появились уже совсем другие люди... Так что при Ельцине, повторяю, что хотели, то и печатали. С амого Бориса Николаевича пинали как кому заблагорассудится, показывали в «Куклах»... Никаких запретительных указаний не было. Хотя Горбачеву, конечно, приятно было бы сознавать: про него действительно не пишут или пишут мало потому, что был о распоряжение Ельцина. С этим представлением как-то легче жить. Лучше бы он не говорил ни слова о Ельцине ...

Думаю, противостояние Горбачева и Ельцина продолжалось бы до сих пор, слишком уж велика оказалась инерция той четырехлетней – с 1987-го по 1991 год – политической борьбы. Но судьба распорядилась так, что Борис Николаевич ушел из жизни раньше Михаила Сергеевича, тем самым предоставив своему сопернику неоспоримое преимущество в их как бы продолжавшемся противоборстве, которым экс-президент СССР и воспользовался «на полную катушку».

Впрочем, это преимущество Горбачев получил уже после ухода Ельцина в отставку. С этого момента Борис Николаевич почти не выступал в прессе. А уж персоны Горбачева касался вообще считанные разы. Что касается Михаила Сергеевича, тот продолжал без устали публично «полоскать» Ельцина, ельцинские девяностые годы, ельцинско-гайдаровские реформы. Продолжает до сих пор. И это, как ни жаль говорить, самая постыдная часть общественной деятельности Горбачева – скажу прямо, недостойная его великого имени.

При этом он – не буду гадать, осознанно или неосознанно, – как бы старался подольститься к новому президенту, Путину: вот, мол, Ельцин оставил своему преемнику хаос, бардак, развал страны, и теперь новому правителю приходится расхлебывать все это. На самом деле, никакого хаоса и бардака, как мы знаем, не было, финансы были стабилизированы, рыночная экономика набирала обороты, возобновился рост производства... Путин, собственно говоря, пришел на все готовенькое. Все, что требовалось от него, – продолжить демократический, рыночный курс Ельцина. Увы, он его быстро свернул. По крайней мере, демократический курс. Что касается курса на построение и укрепление рынка, тут дело оказалось не столь однозначным...

Странно, что Горбачев никак не может понять: с каждым новым ругательством в адрес Ельцина он наносил и по-прежнему наносит все больший урон своей репутации. Лучше бы он ни слова не говорил о нем. Для него же, для Горбачева, лучше.

Как сам Горбачев попал в Москву из Ставрополя?

Есть несколько «сюжетов», «обличающих» Ельцина, которые Горбачев из интервью в интервью повторяет, как заигранная пластинка. Один из них – как он ошибся, пригласив Ельцина из Свердловска в Москву. Ведь предупреждал же его Рыжков, знавший Ельцина по Уралу: «Вы с ним наплачетесь!»! Но генсек доверился другому своему партай-геноссе – Лигачеву, аттестовавшему первого секретаря Свердловского обкома иначе: «Стопроцентно наш человек».

Ну вот все было в его, Горбачева, руках: мог бы взять Ельцина в Москву, а мог бы и не взять. Взял. И вот вместо того, чтобы до конца дней своих быть благодарным Горбачеву, неблагодарный Ельцин начал куралесить... Такой вот «сюжет», бесконечно повторяемый в бесконечных антиельцинских интервью бывшего президента СССР.

Ощущение такое, что сам Горбачев попал в Москву из Ставрополя как-то по-другому, не как обычно попадали в столицу члены провинциальной партийной номенклатуры – по чьей-то протекции, чьей-то рекомендации, – а, допустим, за какие-то великие, всеми признанные заслуги. Но никаких особых, выдающихся заслуг у Горбачева на его ставропольском крайкомовском посту не было... Тогда, может, он попал туда не по чьей-то обычной человеческой воле, а – по велению Господа Бога? Вообще-то, вполне возможно, что и Горбачев, и Ельцин оказались на вершине власти именно по замыслу Провидения, решившего избавить наконец Россию от многодесятилетнего властвования коммунистической «Золотой орды», но это другой разговор... Если оставить Провидение в покое, и сам Горбачев, как и Ельцин, как и большинство партийных чиновников высокого уровня, оказался в столице вполне тривиальным образом – благодаря одному из более высоких чиновников, в данном случае благодаря Андропову, которого он, принимая в Ставрополе, возил на природу и возле костерка за шашлычком сумел ему понравиться. Возможно, если бы Андропов воскрес и увидел, какую кашу Горбачев заварил в стране, он бы тоже, как и сам Горбачев в случае Ельцина, стал бы рвать на себе волосы: ах, как я в Горбачеве ошибся! В короткую бытность свою генсеком Андропов, конечно, думал о том, чтобы устроить кое-какие реформы, кое-какие перемены в стране, но уж точно не такие, которые привели бы к крушению социализма, крушению всей коммунистической системы, причем не только в СССР, но и в его окрестностях.

Тем не менее, Горбачев вновь и вновь продолжает бравировать тем, что именно благодаря ему «Ельцин стал Ельциным»:

– Где бы был Ельцин, если бы не Горбачев? Он продолжал бы руководить Свердловским обкомом и строить развитой социализм! (Интервью газете «ФельдПочта», 19 ноября 2004 года).

Ну так и что? То же самое можно сказать и о самом Горбачеве: «Где бы был Горбачев, если бы не Андропов? Он продолжал бы руководить Ставропольским крайкомом и строить развитой социализм!» Кроме того, стоит добавить, что Горбачев, в отличие от Ельцина, продолжал строить развитой социализм еще и в Москве, на более высоком посту.

Во время онлайн-конференции в «Аргументах и фактах» 26 декабря 2005 года одним из вопросов, заданных Горбачеву, был такой:

«Михаил Сергеевич, Вы как человек непьющий, как могли привлечь в Москву Ельцина из Свердловска, зная, что он алкоголик? Ведь есть поговорка у разведчиков, что алкоголикам и прост***ам нельзя доверять...»**

Вместо того, чтобы урезонить хама и редакцию, этот хамский вопрос опубликовавшую, Горбачев в тысячный, наверное, раз начинает нудно излагать все тот же рассказ, как Рыжков не советовал брать Ельцина – «наберетесь с ним горя», – но все решила позиция Лигачева: «Это наш человек, это то, что нам надо».

« Надо было послать его куда-нибудь в Африку или Латинскую Америку! »

Другой «сюжет» бесчисленных горбачевских интервью – о другой его роковой ошибке. В 1987-м, после октябрьского пленума, надо было не переводить Ельцина на министерскую должность, не оставлять в ЦК, а отослать куда-нибудь послом, в какую-нибудь дальнюю «банановую республику», чтобы он сидел там в тишине да покое и курил кальян.

В общем, по словам Горбачева, надо было «кончить» с Ельциным уже после октября 1987 года. «Интерфакс», 27 июля 2007 года:

«Ельцина надо было отправить после октябрьских его выходов» (выступление на пленуме ЦК КПСС в октябре 1987 г. – Прим. Ред.) на дипломатическую работу и на этом кончить с ним. Это ошибка моя» , – заявил М. Горбачев».

Кстати, про «кончить» с Ельциным Горбачев говорит уже после кончины Бориса Николаевича. Не царапает ли это его слух и слух его собеседников?

Так что, главная ошибка Горбачева, как он считает, – что он не отослал тогда Ельцина куда-нибудь подальше, в Африку или Латинскую Америку. Тогда бы все в стране пошло по-другому. Вопрос только: а поехал ли бы туда покорно Ельцин? Или предпочел бы оставить государственную, партийную службу и опять-таки посвятить себя оппозиционной общественной деятельности? Времена-то уже изменились – изменились благодаря самому Горбачеву, так что высокопоставленный чиновник не обязательно должен был выполнять команды начальства: «Смирно! Кругом, шагом – арш!»

Это подтверждает в разговоре со мной и Валентин Юмашев:

– Никуда послом Борис Николаевич не поехал бы. Самый дальний пункт, куда он мог бы поехать, – Свердловск. Но потом, на мой взгляд, он точно так же политически возродился бы, с той лишь разницей, что – из Свердловска.

Конечно, может быть, не обладая официальным статусом – министра, члена ЦК, – Борису Николаевичу труднее было бы стать депутатом, после председателем Верховного Совета, но, с другой стороны, образ человека, гонимого властью, напротив, как всегда, прибавил бы ему очков. Да и вообще не надо забывать, какой вулканической энергией обладал в ту пору Ельцин. Так что здесь «бабушка надвое сказала», сумел бы Горбачев тогда «покончить» с Ельциным или эти его усилия оказались тщетными...

«В развале Союза виноват Ельцин»

Третий бесконечно повторяемый Горбачевым «сюжет» – это, конечно, Беловежье:

– Ельцин воспользовался результатами путча, чтобы расколоть СССР, а затем и ликвидировать его... («Новая газета», 19 августа 2004 года).

Ну зачем выворачивать все наизнанку? Мы ведь видели: СССР, при полном согласии Горбачева, был расколот еще 23 апреля 1991 года, когда от него осталось лишь девять республик (Заявление «9+1»). Но и при таком, усеченном, составе в него не собиралась вступать Украина, что вполне ясно, еще до путча, означало: Союза уже не будет. Путч, конечно, ускорил распад, но и без него все достаточно быстро пришло бы к тому же самому концу. Так что о каких там интригах коварного Ельцина можно толковать?

Нет – Ельцин, в изображении Горбачева, такой-сякой, оказался предателем. Ведь договорились с ним обо всем: подписываем Союзный договор, – а он, на тебе, вместо договора устроил подписание совсем другого документа – Беловежского соглашения.

– 25 ноября Ельцин визирует проект нового Союзного договора, а через неделю тайно, подписывает Беловежские соглашения о развале союзного государства, – рассказывал Горбачев в интервью «Российской газете» 14 августа 2001 года. Тут уж прямая ложь. Ранее в этой книге описано, как в действительности было дело. 25 ноября 1991 года Ельцин и руководители других республик отказались парафировать договор о ССГ и отправили его на рассмотрение в парламенты республик, то есть фактически выкинули в мусорную корзину.

Тем не менее, Ельцин до последнего момента, до того самого 8 декабря 1991 года, пытался сохранить Союз в каком-то виде – в виде ССГ или еще каком, – но... все уперлось в Украину. Перепрыгнуть через Кравчука он не мог... В общем-то, Горбачеву прекрасно это известно, но он делает вид, что не знает этого, неустанно всех убеждает, что это Ельцин все так хитро подстроил – перевел стрелки на Украину, а сам приладил ей «в кильватер».

Горбачев уже подзабыл, какая ситуация была в стране в момент подписания Беловежского соглашения и ставит себе в заслугу, что он тогда не прибег к силе: – Силовой вариант существовал. Я его рассматривал. Одержки верх это решение, – Ельцина ждала бы другая судьба. Отправили бы его подальше от русской земли, пусть бы грелся и пил экваториальные напитки. Ну вот – опять про «экваториальные напитки» где-нибудь в теплых краях. Как бы он отправил Ельцина куда-нибудь «подальше от русской земли», на этот раз – если бы решил прибегнуть к силе, чтобы подавить «беловежский мятеж». Это он рассказывает газете «Газета» 1 марта 2005 года... Все уже выветрилось из памяти экс-президента СССР: никакой силы, чтобы прибегнуть к силе, в декабре 1991 года у Горбачева уже не было.

Он не помнит, в каком состоянии он оставил страну

Следующий «сюжет» – ельцинско-гайдаровские реформы, будто бы развалившие страну, ввергшие ее в разорение и хаос. Горбачев словно бы не помнит, в какой катастрофической ситуации он сам оставил страну, уйдя в отставку в декабре 1991-го. Магазины пусты, продовольствия осталось на считанные дни, закупку и доставку его из-за границы нечем оплачивать... Он не в состоянии сравнить ту ситуацию с другой, – которая, благодаря реформам, возникла уже через короткое время – ломящиеся от продуктов прилавки, заработавший «деревянный» рубль, начавший функционировать рынок...

Горбачев уверяет, что в СССР все проблемы у его соотечественников начались лишь после путча:

«Путч, конечно, ослабил мои позиции, а потом пошли социальные проблемы. Страна оказалась в очередях» («Коммерсант»-online, 2 марта 2010 года).

Такое ощущение, что Михаил Сергеевич в советское время ни разу не заходил в магазин, не любовался на пустые прилавки, заметил их пустоту (да и то, наверное, по рассказам помощников, – в частности, того же Анатолия Черняева) лишь в конце 1991-го.

К тому же эти проблемы, по мнению Горбачева, можно было бы без особого труда решить. В одном из изданий он сообщает читателям поистине сенсационную новость: оказывается, в конце 1991-го и продукты, и деньги были, так что не о чем было беспокоиться (интервью журналу «Мир перемен», №1, 2011 год):

– С осени 90-го года у нас резко обострился дефицит, начались очереди и борьба в

очередях за сыр и ботинки... 150 поездов вокруг Москвы стояли загруженные. Больше того, я же на 11 миллиардов долларов договорился на кредит для покупки и продовольствия, и всего, и товар пошел потом. А до сих пор врут: ввели рыночные цены – спасли народ от голода. Что же на самом деле? И продукты были, а народ дурной оказался – вроде поверили Ельцину.

Вот, оказывается, как было дело! 150 поездов с продовольствием прорывались в Москву. Вот только двадцать лет мы об этих поездах и об этих миллиардах долларов кредита, о которых будто бы договорился Горбачев, почему-то ничего не знали. Лишь спустя два десятилетия Михаил Сергеевич нам о них поведал. Между тем, Гайдар сетовал, что если бы Запад предоставил в ту пору России хотя бы миллиард долларов, реформы в России могли бы пойти совсем по-другому. Но Запад оказался недалёковидным скрягой.

Еще о ситуации декабря 1991 года (интервью Горбачева в газете «Гардиан», перепечатка в «Новой газете», 19 августа 2011 года):

– Один важный практический и тактический момент, который мы упустили, – нужно было улучшить ситуацию на потребительском рынке (что верно, то верно, важней задачи не было. – **О.М.**). Нужно было действовать, когда в магазинах опустели полки. Около 105 миллиардов рублей по-прежнему расходовалось на вооружение. Если бы мы взяли из бюджета 10-15 миллиардов, чтобы наполнить потребительский рынок товарами, это обеспечило бы нам поддержку. Старая номенклатура, а также Ельцин и его люди придерживали запасы продовольствия вместо того, чтобы пустить их в магазины. Тем не менее, мы понемногу выпутывались и из этого.

Какое там выпутывались... Совсем зарпортовался бывший президент СССР. Страна стала банкротом. И опять Ельцин виноват – чего-то там «придерживал».

Что касается запоздалого совета сократить расходы на вооружение, – это уже ненавистный Горбачеву Гайдар сразу сократил раздутый в коммунистические времена оборонный госзаказ аж на семьдесят с лишним процентов, за что его до сих пор проклинаят. Горбачеву это не известно?

Поразительно: в своих рассуждениях о России, «погубленной» будто бы ельцинско-гайдаровскими реформами, он опускается до уровня какого-то провинциального обывателя или, того хуже, штатного путинского пропагандиста, причем не самой высокой пробы, в чьи служебные обязанности входит всячески поносить Ельцина, Гайдара, «лихие 90-е».

Горбачев не устает противопоставлять радикальным реформам девяностых годов свои планы «постепенного» реформирования, которые у него тогда, мол, были (поверим на слово, что были):

«У нас, у перестроечников, была четкая стратегия – постепенное реформирование Союза, децентрализация Союза, сохранение его. И одновременно постепенное наращивание, создание инфраструктуры демократии, основ рыночной экономики, формирование законодательной базы, банковской системы, кооперативного движения. Плюрализм собственности... Мы предполагали двигаться в этом направлении 25 – 30 лет, без резких движений и социальных потрясений».

Нельзя читать эти слова без усмешки. Михаил Сергеевич, да кто ж вам дал бы эти 25 – 30 лет? А кушать-то людям что было бы в эти годы? И где, в какой стране, вырывающейся из объятий социализма, вы видели рыночные реформы, растянутые на 25 – 30 лет? Хоть одну назовите.

« Ельцин – плохой, Путин – хороший»

Кстати, не оставляет ощущение, что неумеренные похвалы, которые Горбачев до последнего времени расточал в адрес Путина, в значительной степени объяснялись как раз тем, что при этом ему было очень сподручно «по контрасту» оплевывать Ельцина, топтать его, смешивать с грязью: Ельцин и такой, и сякой, и «алкоголик», и «авантюрист», и «человек без морали», и «предатель», и, помягче, «ненадежный человек, подверженный шараханиям, настроению, страху, влияниям», и, похлеще, «волюнтарист по натуре», «взломщик», человек, одержимый, «безумной жадой никому не подконтрольной власти». Наконец, совсем уж убойное – «мародер» («После путча Борис уже выступил в качестве мародера...»).

А Путин, в противовес этому монстру, – ну прямо «ангел небесный»!

Уж как он нахваливал Путина в первые годы его правления! Дескать, Ельцин оставил своему преемнику страну в хаосе, в разрухе, а тот делает ну прямо героические усилия, чтобы вытащить ее из этого хаоса, улучшить жизнь людей.

Использует Горбачев и опостылевшее, лживое утверждение, будто благодаря Путину Россия начала «подниматься с колен». На коленях-то она стояла, когда осталась нищей в конце коммунистического, в том числе и горбачевского, правления. Да даже не на коленях стояла, а, скажем прямо, – в лежку лежала.

Горбачев вроде бы понимает, что некоторое улучшение жизни при Путине, после переходных, революционных девяностых годов, произошло, в первую очередь, благодаря рванувшимся вверх ценам на нефть. Понимает, но все равно – Путин хороший, гораздо лучше Ельцина. Из интервью The Financial Times, 12 февраля 2004 года:

– При Путине улучшилась жизнь тех двух третей населения, которые пострадали от реформ 1990-х годов, хотя, разумеется, этому способствовали высокие цены на нефть.

Но именно поэтому люди доверяют Путину...

Почему же «именно поэтому»? Потому что при Ельцине, в тяжелейшей ситуации ломки всего и вся, прорыва от социализма к капитализму, цена на нефть не поднималась выше десяти – двенадцати долларов за баррель, а при Путине, в успокоившейся уже обстановке, – сиганула за сто долларов и выше? Отменная логика!

Даже за трагические события в Беслане Горбачев обвиняет Ельцина (интервью «Российской газете», 8 сентября 2004 года):

«Бессмысленная война, начатая в 1994 году Борисом Ельциным и его советниками, обернулась трагическими последствиями не только для чеченцев, Кавказского региона, но и для всей России. Нынешняя российская власть заявила о своей решимости добиться нормализации обстановки, решения проблемы... Но сделанного в этом направлении оказалось недостаточно для реального политического процесса».

Горбачеву словно бы неведомо, что войну, начатую в 1994 году, Ельцин и закончил в 1996-м Хасавюртовскими соглашениями, а потом, в мае 1997-го, Московским договором. Новую же, вторую, чеченскую войну развязал именно Путин, а не Ельцин. Это как бы прошло мимо сознания Горбачева. Где он был, интересно? На Луне? Я уж не говорю, что Путин несет прямую ответственность за гибель детей в том же Беслане. Нет, Горбачев никак не может отцепиться от Ельцина: он, он во всем виноват!

Это как в одном из фильмов Гайдая при упоминании развалин старой крепости герой фильма Шурик, пришедший в себя после выпитого накануне, с ужасом спрашивает: «А крепость тоже я развалил?» Горбачев, похоже, и тут, не моргнув глазом, мог бы обвинить Ельцина: ну да, и крепость тоже он развалил.

Противопоставление «хорошего» Путина «плохому» Ельцину поистине утомительно (для тех, разумеется, кто читал эти горбачевские разглагольствования):

«Спустя полтора года после своего избрания на пост Президента Владимир Путин решительно пошел на преодоление инерции ельцинских лет, ориентируясь при этом на национальные интересы, интересы большинства граждан, а не на узкоэгоистические интересы кланов, групп и окружения семьи бывшего Президента» («Известия», 11 декабря 2001 года).

Учитывая, что мы теперь знаем о Путине и кооперативе «Озеро», о друзьях ельцинского преемника, о питерских и не питерских чекистах, получивших зеленый свет к повышению своего благосостояния, особенно комично утверждение, произносимое «на голубом глазу», что «Путин решительно пошел на преодоление инерции ельцинских лет, ориентируясь при этом на национальные интересы, интересы большинства граждан, а не на узкоэгоистические интересы кланов, групп и окружения семьи бывшего Президента».

Чудовищная слепота великого человека (а Горбачев, будем справедливы, великий человек, если судить по его делам; как и Ельцин)! Президент СССР словно бы не видел то, что было очевидно для всякого мало-мальски зрячего человека: Путин разрушает ельцинскую демократическую Россию и строит на ее развалинах примитивный авторитарный режим. Правда, в последние годы из уст Горбачева все чаще стала слышаться и критика в адрес путинского правления. Хотя на первых порах в этой критике он старался не трогать самого российского президента-премьера, в основном обходился эвфемизмами – «власть», «Кремль», «Единая Россия»... Однако мало-помалу начал цеплять и «нацлидера», после чего в один прекрасный день «получил по зубам» – ему посоветовали «прикусить язык». В общем, сошло на нет горбачевское заигрывание с «ангелом небесным»! Однако ругань, посылаемая Ельцину, осталась в целостности и сохранности, уже сама по себе, без контрастной привязки к «замечательной» деятельности «замечательного» ельцинского преемника.

Ругательства, приуроченные к годовщинам и юбилеям

Особенно много интервью Горбачев дает к двум годовщинам – августа и декабря 1991-го. Ладно декабрь, уж там ничего, кроме ругательств в адрес «главного разрушителя СССР» Ельцина от Горбачева не стоит и ожидать, но и, вспоминая об августе, он тоже теперь старается принизить роль Ельцина и, напротив, выпятит, свою собственную: дескать, он первым, еще 18 августа, принял на себя удар гэкачепистов. М-да... Что было бы тогда с Горбачевым, если бы не Ельцин... Он позабыл, как утром 19-го в разговоре с Анатолием Черняевым у него – может быть, и независимо от его воли – вырвалось, что единственная его надежда – Ельцин: «Ты знаешь, в данном случае я верю Ельцину. Он им не дастся, не уступит...» Но вот прошли годы, и о той единственной, еще теплившейся у него тогда, в критический момент, надежде можно больше не вспоминать.

Ельцин, в общем-то, никак не реагировал на этот бурный поток горбачевских ругательств. По свидетельству Татьяны Юмашевой, вообще не читал и не слушал выступлений Горбачева. Очень возмущалась и переживала лишь Наина Иосифовна. На ней все и замыкалось.

Кажется, только однажды Борис Николаевич сделал ответный выпад. Незадолго перед своим семидесятипятилетним юбилеем в интервью Николаю Сванидзе сказал, что вообще-то с форосским заточением президента СССР в августе 1991-го дело обстояло не совсем так, как принято считать...

Это высказывание Ельцина, естественно, попросили прокомментировать Горбачева. Горбачев прокомментировал весьма резко. Из его интервью «Собеседнику» (номер от 1

– 7 марта 2006 года), вопрос:

– Недавно Борис Ельцин в фильме Сванидзе поведал, что Горбачев-де в августе 1991-го не был затворником Фороса, есть документы, подтверждающие, что он все знал про заговор ГКЧП, просто затаился в Крыму, выжидая, кто победит. Получается, вы сорвали подписание Союзного договора, привели к крушению СССР, а не те, кто четыре месяца спустя оформил его кончину в Беловежской Пуще? Ответ Горбачева:

– Комментировать это нет смысла. Все это вранье. Подтверждение тому – амнистия, объявленная при Ельцине участникам антигосударственного путча...

Вот так – по принципу «Сам дурак!». Раз амнистия объявлена «при Ельцине» – значит, Ельцин ее и объявил. На самом деле гэкачепистов амнистировала Госдума, где большинство составляли народные избранники, близкие путчистам по духу, или же их прямые единомышленники.

Фильм Сванидзе я не смотрел, но, судя по пересказу, утверждение Ельцина не так уж далеко от истины. «Знал про заговор ГКЧП...» Может, точно и не знал, но уж наверняка догадывался. Горбачев сам в этом не раз признавался. Смысл его признаний: догадывался, но не хотел обострять обстановку перед подписанием Союзного договора. Вот только непонятно, как он мог ее обострить больше, чем путч 19 августа, который поставил всю страну «на уши» и просто сорвал подписание договора?

Почти одновременно о том же самом ельцинском высказывании по поводу ГКЧП с Горбачевым завели разговор в «Комсомольской правде» (2 – 9 марта 2006 года):

– Месяц назад точно такой же юбилей – 75-летие – отмечал Борис Ельцин. И он обвинил вас в том, что вы знали о подготовке ГКЧП, якобы у него даже есть подтверждающие документы. – Враль. Так и напиши. Враль. – А свою вину вы в этой истории не чувствуете? – Я с себя вины не снимаю. И несу ответственность за все, что происходило в стране, когда я был во главе государства. – А могли бы вы, как Ельцин, уходя, сказать людям: «Простите»? – Я не Ельцин. И каяться мне не в чем.

Вот так, безгрешный у нас Михаил Сергеевич. Редкий случай для политика, государственного деятеля.

Действительно ли Ельцин считал, что Горбачев знал ...?

Все же, действительно ли Ельцин считал, что Горбачев знал о готовящемся путче, или в разговоре со Сванидзе просто, после долгого молчания, дал волю эмоциям, вновь, в очередной раз скопившейся неприязни к своему вечному оппоненту? Спрашиваю об этом Валентина Юмашева (наш разговор – в ноябре 2012-го). Юмашев:

– Мне кажется, что осенью 1991 года, – и об этом можно говорить со стопроцентной уверенностью – Борис Николаевич считал что Горбачев действительно ничего не знал.

А потом, когда он уже был на пенсии, когда появились какие-то воспоминания, – Болдина, например, – у него возникли сомнения на этот счет. Мы с ним это обсуждали.

Болдин, в частности, как уже говорилось, пишет, что в конце их, делегации ГКЧП, разговора с Горбачевым в Форосе, тот бросил такую фразу: «Черт с вами, действуйте»

(я уже упоминал об этом. – О.М.) Перед их приездом Горбачев, по-видимому, действительно ничего не знал о том, что они замышляют, он был поставлен перед фактом. Но в принципе его любой вариант устроил бы: если они выигрывают, он возвращается уже, так сказать, «на новую поляну», но в том же качестве – президента; если они проигрывают, он тоже не несет никакой ответственности: «Я был арестован». И тоже «на коне» в Москву въезжает. Поскольку он мужик умный, он все это просчитал, понял, что оба варианта его устраивают, при любом варианте без президента Советского Союза им никуда не деться. Так что, прочитав воспоминания Болдина, Борис Николаевич пришел к почти полной уверенности: Горбачев знал о подготовке заговора, он практически полный его участник.

– Все же, – говорю, – воспоминания – это не документы. А Ельцин ссылается на какие-то документы...

– Конечно, это не документы, – соглашается со мной Валентин Борисович. – Никаких документов на этот счет, безусловно, не существует. Единственное, что существует, – это рассказы участников той встречи. Всё! Но я на сто процентов, – ну, не на сто, на девяносто девять, – уверен, что Горбачев дал им именно такое напутствие: «Черт с вами, действуйте».

Кстати, мы помним, эту свою фразу в своих воспоминаниях приводит и сам Горбачев, хотя – совершенно в другом контексте:

– И вы, и те, кто вас послал – авантюристы. Вы погубите себя – ну, это ваше дело, черт с вами. Но вы погубите страну...

В общем, все крутится вокруг этого «черт с вами» – вокруг того, как его понимать. Еще несколько слов про «знал – не знал»... Очень важное признание Горбачев сделал 17 августа 2011 года, в очередную годовщину путча (вот опять – годовщина):

«17 августа на пресс-конференции в агентстве «Интерфакс», посвященной 20-летию событий августа 1991 года, экс-президент СССР Михаил Горбачев ЗАЯВИЛ, ЧТО ЗНАЛ О ГОТОВЯЩЕМСЯ ПЕРЕВОРОТЕ (выделено мной. – О.М.), но считал, что важнее предотвратить кровопролитие и, тем более, гражданскую войну».

Ну, и кто же «враль», Михаил Сергеевич? Вот вы и сами наконец признались, что знали о готовящемся перевороте.

Впрочем, это интерпретация горбачевских слов, сделанная агентством. А вот сами эти слова, сказанные на пресс-конференции и цитируемые «Интерфаксом»:

«Говорят, Горбачев знал, а как ему было не знать... Откуда только не звонили мне, не предупреждали: путч, путч, путч... Мое окружение... Самое главное было не довести до крови большой... И мы избежали. Гражданская война могла бы быть», – сказал Горбачев журналистам».

В общем, как видим, опять признание довольно туманное, расплывчатое: то ли знал, то ли не знал... Звонили, предупреждали... Но – очень похоже на то, что действительно знал. Почти знал, однако считал, что самое главное – не довести до «большой крови», до гражданской войны. И снова – как это? Как это «не довести до большой крови»?

Закрывать глаза на готовящийся переворот? Переворот – это меньшее зло, чем его недопущение, – так, что ли? Ничего себе меньшее зло! Еще чуть-чуть – и была бы эта самая полномасштабная гражданская война, которой опасался Горбачев. Впрочем, скорее, – возврат к полновесной коммунистической диктатуре, поскольку, если не считать Москву, Ленинград, у ГКЧП все же была более полновесная поддержка, чем у его противников.

Правда, диктатура эта продержалась бы недолго: не сумел бы ГКЧП накормить страну, предотвратить голод. Но это другой вопрос...

Еще одна горбачевская антиельцинская придумка, которую он из раза в раз повторяет: дескать, Ельцин, чтобы уйти от расследования «расстрела парламента» осенью 1993 года, пошел на амнистию гэкачепистов, закрыл их дела. Заключил такой вот бартер. И ведь не стыдно Михаилу Сергеевичу публично нести такую ахинею.

В общем, ничего хорошего для России Ельцин так и не сделал ?

Как-то так получается, что интервьюеры в основном поддакивают Горбачеву: да-да, очень плохой человек Ельцин... Редко увидишь вопрос: но ведь что-то хорошее он, наверное, все-таки сделал? По-моему, единственный раз об этом Горбачева спросил Познер (в передаче имени самого себя, 27 февраля 2011 года):

– Хорошо. Михаил Сергеевич, то, что вы вряд ли любите Бориса Николаевича, это очевидная вещь... Но если б вас спросить, он что-нибудь, с вашей точки зрения, позитивное сделал для России?

И получил потрясающий ответ:

– Да. Я думаю, что то, что касается обстановки. Обстановки в городе и в стране. Но он

больше по городу, через город уже. И его запомнили многие в Москве.

– В смысле свобод, например, каких-нибудь?

– Именно. Именно так.

Вы можете что-нибудь уразуметь из этой невнятицы?

Я понимаю, Горбачев не может выговорить, что Ельцин подхватил дело реформирования России, когда сам Горбачев уже выдохся, что он довел реформы до какого-то логического, пусть и не окончательного, промежуточного, завершения. Но сказать хотя бы: одно из главных ельцинских дел – то, что он встал на пути ГКЧП, одержал победу над ним. Да, в конце концов, спас самого Горбачева, его семью... Нет, и этого Горбачев не в силах вымолвить. Ну вот не поворачивается у него язык. Хотя тогда, в начале путча, напому еще раз, с надеждой и трепетом вспоминал он имя Ельцина как человека, с которым связан единственный его шанс на спасение.

Прямое противоборство с еще живым Ельциным, распад Союза – все это осталось далеко позади, однако его бывший президент не устает обличать Ельцина во всех грехах, никак не может смириться с тем, что их имена то и дело повторяются разными людьми рядом, одно за другим, через запятую, даже когда их обоих ругают:

– Что меня всегда удивляет, так это то, что через запятую склоняют Горбачева и Ельцина, обещают рядом повесить. Да не хочу я с ним рядом висеть! Хоть бы на разных столбах, что ли... (Интервью газете «Газета», 1 марта 2005 года).

То же самое, но уже без столбов-виселиц – из выступления Горбачева 7 апреля 2005 года на конференции в Российской академии наук:

– Хочу сказать, в том числе и сидящим в зале: я читаю ваши выступления и часто вижу: Горбачев, Ельцин идут через запятую. Ничего подобного! Потому и пошел сценарий катастрофический, что команда Ельцина отвергла путь перестройки.

Горбачев так и не понял, что они с Ельциным уже остались в истории по соседству, именно «через запятую». Несмотря на свою вражду, они вдвоем стали лидерами Великой либерально-демократической (по-другому – антикоммунистической) революции, случившейся в стране на исходе восьмидесятых – в начале девяностых годов, революции, преобразившей страну. Кто жил в Советском Союзе и продолжал жить в новой, послегорбачевской, послеельцинской России, не может отрицать, что это в значительной мере две разные страны.

Более того, возможно, личная неприязнь Горбачева и Ельцина, постоянные противоречия, постоянные конфликты высекали искру, которая, как в автомобильном двигателе, давала энергию для движения вперед. Известно ведь: без конкуренции, соперничества не продвигается вперед ни одно важное дело.

Сентябрь 2010-го – февраль 2013 года

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ. РОССИИ НЕ ХВАТИЛО ТРЕТЬЕГО ...

Книга Олега Мороза «Ельцин против Горбачева. Горбачев против Ельцина» – очередная и, по словам автора, последняя в его летописном «пятикнижии», посвященном главным политическим событиям великой, революционной эпохи Горбачева – Ельцина (другие четыре книги – «Так кто же развалил Союз?», «Так кто же расстрелял парламент?», «Красные больше не вернуться», «Почему он выбрал Путина?») Эти книги – а, по существу, они составляют единое произведение – помогают нам лучше понять суть тех событий, необычайно важных для истории России, сохранить для будущ его ключевые факты политического развития в данн ый ист орическ ий период .

В центре этой книги, как и следует из ее названия, – два великих российских государственных деятеля – Михаил Сергеевич Горбачев и Борис Николаевич Ельцин, их реформаторская деятельность, борьба с косными, антиреформаторскими силами. И – борьба друг с другом, обусловленная, прежде всего, тем, что они по-разному видели пути преобразования СССР и России.

Кто такой Горбачев? Он показал себя демократом, человеком, готовым осуществлять демократически е перемен ы в стране, откликающимся на соответствующие призывы и советы, прежде всего советы близких ему людей, таких, как Александр Николаевич Яковлев. В годы начатой им перестройки Горбачев сыграл колоссальную роль в преобразовании страны. Преобразовании политическом, но не экономическом. Что касается экономики, тут почти никаких реальных изменений в «горбачевский» период, к сожалению, не произошло.

Дело в том, что в мировоззрении Горбачева доминировала зашкленная коммунистическая и социалистическая идеология. По-моему, он и сейчас ее придерживается. Все эти его разговоры о построении «социализма с человеческим лицом» – это все были лишь мечтания, свидетельствовавшие о том, что у Горбачева не было реального представления о действительности.

Я уж не говорю о его декларациях про какое-то «новое мышление». Опять-таки он до сих пор о нем говорит: дескать, можно было сделать так, чтобы «новое мышление» утвердилось и сыграло свою роль. Это совершенно идеалистический подход.

Вместе с тем, осуществленные в ходе перестройки демократические преобразования – утверждение гласности, свободы слова, права ездить за рубеж, подъем настроения масс, – подготовили будущие перемены, будущие экономические реформы, которые произошли уже без Горбачева. Но в том, что была осуществлена такая подготовка, его великая заслуга.

В результате правления Горбачева у нас не появилось демократии как таковой, но произошла существенная демократизация. Я называю установившийся тогда режим «протодемократией». Мы приблизились к формированию устойчивых, работоспособных демократических институтов, но не смогли их сформировать. Это было предвестие демократи и и одновременно, повторяю – создание условий, которые позволили в дальнейшем проводить экономические реформы.

Это исключительно важно. Поэтому зря Горбачева упрекают, что вот, мол, у него ничего не получилось. Я полагаю так: если бы у нас к моменту его прихода к власти уже были бы какие-то достаточно прочные ростки демократии, – грубо говоря, если бы в

свое время удалась реформа Столыпина и не было бы десятилетий коммунистического правления, – тогда мы могли бы рассчитывать, чтобы за какой-то относительно небольшой период времени у нас появились бы действующие демократические институты. И тогда сегодня мы могли бы говорить: да, у нас была демократия, но мы не смогли ее удержать. Но у нас ничего такого не было. У нас было в основном только желание. Был некий верхний слой людей, действительно стремившихся к демократии, но большинство лишь думало, что они уже демократы. Е сли вы возьмете многих даже в правящей элите, тех, кто пришел к власти, – ну какие же это были демократы? И при Горбачеве, да потом и при Ельцине. Просто вошло в моду изъясняться какими-то демократическими формулами. Но этого еще было недостаточно.

Что касается Ельцина, при нем в 1991 – 1992 годы действительно произошел крутой поворот.

Настоящий его характер проявился, когда в разгар путча он поднялся на танк возле Белого дома. Вот тогда стало ясно, кто такой Ельцин. Вот тогда он проявил себя как национальный лидер. У него хватило смелости открыто выступить против путчистов. Люди же понимали, что вокруг танки, вокруг снайперы и что на самом деле уничтожить его ничего не стоит. Вот это было его первый подвиг, это был его звездный час.

А второй подвиг он совершил, когда познакомился с Гайдаром и сказал ему: «Давайте действуйте!» Он ведь не был экономистом и в своих решениях, касающихся экономики, опирался в основном на интуицию. Она у него была очень развита.

Ситуация ведь была аховая. Представьте, страна завозит ежегодно сорок миллионов тонн зерна. Импортируется практически все продовольственное зерно. Подходит момент, когда суда, загруженные зерном, стоят на рейде и не разгружаются, потому что нечем платить. Кредиты уже получены и израсходованы. Приближается экономический крах. Что делать?

Ясно, что страна должна принести какие-то жертвы. Просто так, на дурачка из сложившейся ситуации выскочить невозможно. Большинство людей этого не понимает. А ведь в магазинах почти уже нет ни товаров, ни продуктов, очереди – немыслимые. Продажа – только по талонам, но и талоны «не отовариваются». Все мечутся в поисках хлеба насущного. Происходят «табачные» и прочие бунты.

И вот в этот момент Ельцин совершил тот самый второй свой подвиг – благословил Гайдара на реформы. Тут ведь как было дело. Помощник госсекретаря Бурбулис Алексей Головков, который хорошо знал Гайдара, познакомил Егора Тимуровича со своим шефом, заверив его, что это как раз тот человек, который требуется в данной ситуации. А уж Бурбулис устроил встречу Гайдара с Ельциным. Головков еще мог представить себе масштаб личности Гайдара, Бурбулис – уже не мог, Ельцин тоже вряд ли мог. Но у него, повторяю, была интуиция. Он смотрел человеку в глаза и, видимо, как-то ощущал, что это за человек. И, как я себе представляю, вот он так смотрел на Гайдара и через какое-то время, после разговора с ним, мог сказать: готов заложить свою душу, – этот человек не подведет.

Сегодня можно слышать разные мнения, были ли реформы Гайдара удачными или нет. Могу со всей ответственностью заявить: та задача, которую решал Гайдар, – построение рыночной экономики в России, – решена и приносит результаты. Рыночная экономика работает. Она не дает здесь таких высоких результатов, как, допустим, в Китае или где-то там еще, но все дело в том, что так называемая деловая активность у нас задавлена, примерно наполовину. Так что дело не в самой рыночной экономике, а в существующей политической ситуации.

Продолжая разговор о Ельцине... Хотя он и взял на себя ответственность за рыночные реформы, у меня было такое ощущение, что в нем постоянно жили два человека – реформатор и секретарь обкома. Он не мог от этого избавиться. Он, конечно, чувствовал, что как лидер он во многом состоялся благодаря тем людям, демократам, с которыми вступил в союз в конце восьмидесятых, которые в решающую минуту поддержали его, –

благодаря Межрегиональной депутатской группе, Сахарову, движению «Демократическая Россия». Это его ко многому обязывало. Но этим людям – в частности, лидерам «Демократической России», – он как-то не мог найти прочное место в своем окружении (исключение составила, пожалуй, лишь Галина Васильевна Старовойтова, которая более год а была советником президента). В то же время при нем то и дело возникали фигуры ин ой, «номенклатурной» закваски. Что нередко ставило его в трудное положение.

В общем, скажу еще раз, и Горбачев, и Ельцин – это, конечно, два великих человека, два великих государственных деятеля. Великий человек, когда надо принимать какие-то принципиальные решения, не считается с собственными интересами, а ориентируется на интересы страны. Именно это, прежде всего, говорит о масштабе личности. В конце 1991-го Ельцин, я уже упоминал об этом, решил взять на себя ответственность за намечавшиеся реформы, при том, что он, по-видимому, уже понял (или был близок к такому пониманию), что просто так, задешево в начинаемых реформах мы не отделаемся, что на него пойдут «накаты» со всех сторон, он услышит проклятия, народная любовь быстро куда-то денется, исчезнет. Тем не менее, он пошел на это. Точно так же и Горбачев. В какой-то момент он должен был решить: следует ли ему вступить с Ельциным в войну на уничтожение, устранить его, убрать со своего пути, или же не делать этого. И решил не затевать такой войны, не уничтожать своего противника, дать ему шанс, хотя в начальной фазе, как только тот появился на политической сцене и стал «проявлять характер», бунтовать, протестовать, – наверное, вполне мог бы это сделать, все было в его руках. И в том, и в другом случае, и в случае Ельцина, и в случае Горбачева, это было принципиальное решение людей, которые чувствуют ответственность за страну.

А вот третий как бы игрок, принявший эстафету от Горбачева и Ельцина, он таких качеств не проявил...

Оглядываясь назад, на ситуацию 1985-го – 1986 года, можно сказать: стране тогда предстояло перейти из одного состояния совсем в другое. Совершить такой переход в один шаг, в один прыжок было невозможно. Нужны были, по крайней мере, два – три шага. Первый шаг сделал Горбачев. Он как бы спустился на дно ущелья. Ельцин прошел по дну ущелья и подошел к тому месту, где надо было подниматься вверх. Это должен был сделать кто-то третий. Но третьего, равновеликого Горбачеву и Ельцину, не нашлось... Путин, конечно, не стал этим третьим.

Да в принципе такого третьего – из числа «проходных» кандидатов в президенты, – к концу 90-х, по-видимому, и вообще в России не было. Как говорится, «скамейка запасных» была пуста. Я полагаю, Ельцин предложил Путина от безысходности.

Кто, кроме Путина, мог бы тогда быть выдвинут на президентский пост (правда, опять-таки без особой надежды, что он окажется на одном уровне с Горбачевым и Ельциным)? Аксененко? Степашин? При всех моих теплых чувствах к ним, это были, конечно, не те фигуры. Наилучшим вариантом был бы, наверное, Черномырдин. Но его не пропустила Дума, а Борис Николаевич не проявил достаточной настойчивости в его продвижении. Было еще два «проходных» кандидата – Примаков и Лужков. Для Ельцина оба они были неприемлемы. Я же считаю, что Примаков был вполне приемлемым кандидатом...

Теперь остается надеяться, что подходящие деятели появятся позднее. Потому что до бесконечности нынешняя ситуация продолжаться не может. И не нужно так уж задираТЬ требования к будущему лидеру. Возьмем пример Польши. В своих реформах Россия в 80-е – 90-е годы в значительной мере, с некоторым отставанием, прошла по тому же пути, что и Польша. Так вот, в Польше после выдающихся реформаторов – Валенсы, Мазовецкого, Бальцеровича – к власти пришли люди гораздо меньшего масштаба. И что? Страна продолжает, в общем-то, успешно двигаться по тому пути, который проложили выдающиеся реформаторы.

Мне возражат: Россия – не Польша. Так что же, Россия всегда обречена жить в каком-то провале? Я так не считаю.

Страна должна быть рыночной демократией. Причем оба слова здесь важны – и «рыночная», и «демократия». Нет возможности оставить лишь одно или второе. Рынок у нас появился. Демократия? Демократии, к сожалению, нет.

Правда, если вести отсчет от 1985 – 1986 года, когда страна начала двигаться в демократическом направлении, и времени прошло не так уж много. Каждая из ведущих стран Запада потратила на построение демократии, как считается, около ста лет. Я думаю, нам для этого потребуется все же меньше времени: его течение всё убыстряется, все сроки сокращаются. После думских выборов 4 декабря 2011 года и бурной протестной реакции на них со стороны общественности страна стала другой. И она уже не вернется к той ситуации, какая была до того памятного декабря. Несмотря на все чинимые преграды и временные отступления она будет двигаться только вперед.

Евгений Ясин,
профессор, научный руководитель
Высшей школы экономики

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ПРОВИНЦИИ – В СТОЛИЦУ	
ЕЛЬЦИН – ГЛАВА МОСКВЫ.	
БУНТ «НА ВЕРХНЕЙ ПАЛУБЕ».	
...	
XIX ПАРТКОНФЕРЕНЦИЯ. «БОРИС, ТЫ НЕПРАВ!»	
.....	

ЕЛЬЦИН ПОДНИМАЕТСЯ ВВЕРХ НА ВОЕННО-ТРАНСПОРТНОМ САМОЛЕТЕ

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД. ПРИОТКРЫТЫЕ ВОРОТА В ДЕМОКРАТИЮ	
ЕСЛИ НЕ УТОПИТЬ, ТО ХОТЯ БЫ СКОМПРОМЕТИРОВАТЬ.....	
ЕЛЬЦИН ПОДДЕРЖИВАЕТ ПРИБАЛТИКУ.	
ПРЕЗИДЕНТОМ СОЮЗА СТАНОВИТСЯ «ТВЕРДЫЙ КОММУНИСТ»	
ГОРБАЧЕВ	
ЕЛЬЦИН – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА ..	
ЕЛЬЦИН ВЫХОДИТ ИЗ КПСС.	
«БЕРИТЕ СУВЕРЕНИТЕТА СТОЛЬКО, СКОЛЬКО СМОЖЕТЕ ПРОГЛОТИТЬ» ..	
«ЭКОНОМИЧЕСКОЕ» ПЕРЕМИРИЕ, ПРЕРВАННОЕ ДЕСАНТНИКАМИ.	
ОТ ПЕРЕМИРИЯ – СНОВА К ВОЙНЕ	
ОЧЕРЕДНАЯ ПОПЫТКА ДОБИТЬСЯ ПРИМИРЕНИЯ.	
ГОРБАЧЕВ – ЗА «МИРОВУЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ПЕРЕСТРОЙКУ».	
ПРОГРАММА ЕЛЬЦИНА – СОЮЗ С РЕСПУБЛИКАМИ В ОБХОД ЦЕНТРА.	
ТРЕБУЮТ «ТВЕРДОЙ ВЛАСТИ»	
ГРОЗА НАД БАЛТИКОЙ	
ЕЛЬЦИН И БАЛТИЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ.	

ГОРБАЧЕВ И БАЛТИЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ
ПРОТИВОСТОЯНИЕ ДОСТИГАЕТ СВОЕГО ПИКА
РЕФЕРЕНДУМ – НИ О ЧЕМ
БИТВЫ НА УЛИЦЕ И НА СЪЕЗДЕ.
ФОРМУЛА НОВОГО СОЮЗА: «9 + 1».
АВТОНОМИИ БУНТУЮТ. В ЧЬЮ ПОЛЬЗУ?
НЕ ПУСТИТЬ ЕЛЬЦИНА В ПРЕЗИДЕНТЫ!.
СПОРИТЬ С ГОРБАЧЕВЫМ ПОРУЧАЮТ ЕЛЬЦИНУ.
ТРЕВОЖНЫЕ ПОДЗЕМНЫЕ ТОЛЧКИ.
СОЮЗНЫЙ ДОГОВОР ПОЧТИ ПОДПИСАН.
РАССТРЕЛ В МЯДИНИНКАЕ.
ДО ПУТЧА – СЧИТАННЫЕ ДНИ.
ПУТЧ. ГОРБАЧЕВ И ЕЛЬЦИН – ВМЕСТЕ.
ПОСЛЕ ПУТЧА.
ЕЛЬЦИН ВЫБИРАЕТ НАПРАВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ.
РОССИЯ, ВПЕРЕД!
ГОРБАЧЕВ ЖАЛУЕТСЯ ИНОСТРАННЫМ ДРУЗЬЯМ НА ЕЛЬЦИНА.
ЧТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ БУДЕТ?
ПРОВАЛ ССГ
УКРАИНА УХОДИТ ОКОНЧАТЕЛЬНО.
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СОЮЗА.
КОНЕЦ СССР
АГОНИЯ ГОРБАЧЕВА
ПОЧЕМУ ГОРБАЧЕВ НЕ ПРИБЕГНУЛ К СИЛЕ.
ВРЕМЯ ДАНО ИМ — ДО НОВОГО ГОДА.
ТОЧКА ПОСТАВЛЕНА В АЛМА-АТЕ

ГОРБАЧЕВ УХОДИТ.
ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ. РОССИИ НЕ ХВАТИЛО ТРЕТЬЕГО...